ПЕТР МАСЛОВ

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1926 — ЛЕНИНГРАД

Отпечатано
в Главной типографии
Кубанского Окружного Объединения
полиграфич. промышл. „Кубполиграф"
Краснодар, Красноарм. № 39.
в августе мес. 1926 г.
Гиз. № 15186.

Кубокрлит № 899. Заказ № 33 бр. Тираж 4.000 экз.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Автор печатаемой новым изданием работы хорошо известен широким кругам наших читателей.

По сравнению с прежними изданиями «Аграрный вопрос» выходит с исправлениями, касающимися теоретических и программных вопросов. Так, в области теории автором исключена глава, в которой он полемизирует с Марксом об абсолютной ренте, в области программной — устранены страницы, посвященные спорам об аграрной программе социал-демократии (спор о муниципализации).

Кроме того, добавлена глава XIX «Аграрный вопрос в СССР».

Исключив графу о ренте и вопрос о муниципализации, автор поступил вполне правильно, так как историческая проверка показала, что наша сельскохозяйственная экономика развивалась в другом направлении, чем представлял себе автор.

К сожалению, другие взгляды автора, как напр.: признание «закона падающей производительности затрат в сельском хозяйстве», его трактовка законов роста народонаселения и влияние плотности населения на эволюцию сельского хозяйства остались у него без изменения.

Подробно останавливаться на этих неправильностях здесь не приходится, так как разбор их дан в превосходной критике Ленина, посвященной работе Маслова [1]).

Для изучения с.-х. экономии необходимо, однако, знать как правильные, так и ошибочные теории.

---

[1]) Н. Ленин. Аграрный вопрос 1899—1913 г.г. Собрание сочинений, т. IX.

В своей исследовательской части работа Маслова является интересной и глубоко продуманной. Это настолько крупная работа, что мимо нее не может пройти ни один работающий по истории аграрного вопроса в России и по экономике сельского хозяйства.

Критическое изучение положений автора «в натуре» значительно полезнее, чем знакомство с ними лишь по изложению одних критиков.

Все вышеуказанные обстоятельства побудили Государственное Издательство выпустить работу П. Маслова.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ШЕСТОМУ ИЗДАНИЮ.

Аграрный вопрос в русской литературе за истекшие тридцать лет выдвигался, вследствие требований жизни, в трех постановках. В конце 90 годов и в начале текущего столетия, до начала первой русской революции, он ставился как теоретический вопрос о судьбах русского капитализма, о тенденциях развития сельского хозяйства при капитализме, об условиях борьбы крупного и мелкого хозяйства, о преимуществах того и другого и т. д.

Все эти вопросы разделили русских экономистов на два главнейших лагеря: на экономистов, видевших в мелком хозяйстве такие преимущества перед крупным, что экономическая борьба между крупными и мелкими, по их мнению, не могла привести к разрушению мелкого хозяйства и замене его крупным. Борьба капиталистического и мелкого трудового хозяйства не ведет к пролетаризации мелкого собственника, а напротив, мелкое хозяйство, благодаря особенностям сельскохозяйственного производства, вытесняет более крупное—капиталистическое.

Экономисты другого, марксистского, лагеря доказывали, что развитие капитализма ведет к пролетаризации части крестьянства и расслоению его на группы богатеющих и беднеющих, из которых первая выделяется в группу мелкой буржуазии, а вторая в группу пролетариата.

Революция 1905 года и революция 1917 года поставили аграрный вопрос в плоскость практического решения проблемы о землевладении и землепользовании. Вопрос встал об отобрании земли от помещиков и передаче ее крестьянам. Вместо теоретических споров о тенденциях развития сельского хозяйства стала обсуждаться аграрная программа.

Революция 1917 года разрешила вопрос о землевладении и землепользовании. Все земли, в том числе помещичьи, монастырские и частновладельческие, были национализированы и в большей своей части перешли к крестьянам.

В настоящее время аграрный вопрос стоит совершенно в иной плоскости: так как вопрос замлевладения и землепользования разрешен в интересах трудового крестьянства, то проблема заключается в определении условий максимального развития производительных сил в сельском хозяйстве и в переходе его к социалистическому строю.

При разрешении этого вопроса мы снова возвращаемся к старому вопросу о том, имеет ли какое-нибудь преимущество крупное хозяйство перед мелким, останется ли мелкое сельское хозяйство на бесконечное количество времени мелким частнохозяйственным предприятием или, при развитии производительных сил, должно развиваться крупное хозяйство, но уже не в капиталистических, а в других каких-либо формах.

Если в прежних спорах были правы народники, то всякие шаги к обобществлению, т.-е. к укрупнению мелкого хозяйства, являются безнадежными и вредными. Если, напротив, крупное хозяйство имеет значительные преимущества перед мелким, то кооперирование, создание более крупных хозяйственных единиц, явится шагом вперед в развитии сельского хозяйства.

Распыление крупных частновладельческих имений между мелкими крестьянскими во время революции может показаться доказательством преимуществ мелкого хозяйства. Но не нужно забывать, что революционный процесс «земельного передела» являлся лишь процессом освобождения крестьян от эксплоатации землевладельцев, процесс же хозяйственного развития еще впереди, и важно выяснить, в каком направлении хозяйство будет развиваться при новых условиях.

Выпуская новое издание «Аграрного вопроса» при пореволюционных условиях, автор имел в виду, что вопрос о борьбе крупного и мелкого хозяйства, о преимуществах того и другого теперь приобретает вновь большое значение, но не столько как вопрос борьбы крупного и мелкого капиталистического хозяйства, а как вопрос о новых формах развития при новых социально-экономических условиях. Поэтому пришлось написать главы об условиях развития сельского хозяйства в Советской России, хотя бы бегло наметить новую обстановку и новую постановку аграрного вопроса, и выбросить главы, вызвавшие между марксистами споры: главу об абсолютной ренте и главы, посвященные программным вопросам.

Автор.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Глава I.

Введение.

1. Значение аграрного вопроса.— Постановка его экономистами различных направлений.— 2. Значение капитализма для развития производительных сил.— Оценка этого значения экономистами и публицистами. — 3. Развитие производительных сил, как основной фактор хозяйственной эволюции.— 4. Значение других вопросов хозяйственного развития.— 5. Методы исследования аграрного вопроса (Герца, Каутского).— 6. Определения технического прогресса производительности труда и производительных сил населения.

1.

Аграрный вопрос в России является не только наиболее важным вопросом вследствие преобладания в ней земледельческого населения, но и наиболее жгучим, настоятельным вопросом. Голодовки, принявшие характер хронических бедствий, настоятельно ставят вопрос о причинах бедственного положения земледельческого населения и о выходе из современного тяжелого положения. Но как это ни странно, несмотря на такое огромное значение аграрного вопроса, экономическая теория чрезвычайно мало уделяла внимания аграрным отношениям. Кроме теории ренты, еще и до настоящего времени недостаточно разработанной, не существует почти никаких теоретических построений, более или менее удовлетворительно освещающих огромную массу цифровых материалов и фактов по аграрному вопросу. В воззрениях на этот вопрос у многих представителей различных течений русской общественной мысли нет даже цельного представления о значении хозяйственной эволюции России за последние десятилетия; следовательно, нет и надлежащей оценки не только явлений экономической действительности, но и того, что желательно. Разумеется, каждый экономист скажет, что малоземелье вредно, что переселения полезны и пр., и пр. Но все эти пожелания не связаны общей руководящей мыслью, представлением о связи аграрного вопроса с общей эволюцией национального хозяйства.

Хотя теперь трудно найти экономиста, который прямо отрицал бы значение железных дорог, значение развития промышленности, но

так как это развитие совершается в виде развития капитализма, то оно и не получало надлежащей оценки в той форме, в какой это развитие совершается. Есть, конечно, много экономистов, которые как бы специализировались на том, чтобы приходить в восторг от «успехов» промышленности, но не о такого рода оценке идет речь. Такое отношение к вопросу приводило многих к отрицанию самого факта экономического переворота, совершающегося в России. Поэтому главное внимание и огромная масса сил были затрачены на решение самого вопроса, совершается ли экономический переворот или это плод воображения людей, начитавшихся немецких книжек. О значении же для населения России совершающейся хозяйственной эволюции во всем ее объеме писалось очень мало; приводились еще ее отрицательные стороны, но это не указывает дороги, куда пойдет и может пойти хозяйственное развитие страны, как население может использовать совершающийся процесс с наименьшими жертвами.

Вопросы об общине, о дифференциации крестьянства, о том, развивается ли капитализм в земледелии,— не связывались с общим процессом хозяйственной эволюции страны, а рассматривались совершенно независимо от него.

Одни видят в отсутствии дифференциации среди крестьянства благоприятный факт, независимо от того, является ли она результатом развития или падения производительных сил населения, не будет ли сопровождаться нивеллировка крестьянских хозяйств вымиранием крестьян; другие исследователи рассматривают процесс дифференциации крестьянства, как процесс, совершенно независимый от основного процесса хозяйственного развития,— развития производительных сил (Герц, С. Булгаков и др.). Те экономисты, которые боятся капитализма, как разрушителя старых устоев народной жизни, рассматривают его лишь постольку, поскольку он создает формы распределения производимых продуктов, неблагоприятного для массы населения. Связь его с развитием производительных сил страны в индустрии и земледелии кажется случайной или, во всяком случае, легко устранимой. Поэтому само собой, незаметно для исследователей, их внимание привлекалось отрицательными сторонами капиталистических отношений, и вопрос о развитии производительных сил оставался в стороне: вопрос о распределении ставился и ставится независимо от вопроса о развитии производительных сил; медвежья шкура делится, пока еще медведь не убит; тесная связь формы хозяйства с состоянием производительных сил страны не замечается или, по крайней мере, игнорируется.

Например, кустарное производство, отличающееся малой производительностью труда, противопоставляется и предпочитается крупному капиталистическому производству потому, что предполагается более равномерное распределение продукта, производимого кустарями. При этом упускается из виду, что главной причиной большей «равномерности» распределения является чрезвычайно малая производительность труда кустарей, что будущее принадлежит наиболее производительному труду.

С другой стороны, экономисты, видевшие неизбежность развития капитализма в России, часто рассматривали процессы капитализации, экономической дифференциации и проч., как самодовлеющие процессы, неизбежность которых не вытекает из развития производительных сил. Последнее рассматривалось, пожалуй, как следствие, а не как основная пружина, толкающая человечество все вперед и вперед. Между тем дифференциация хозяйств, капитализация, разделение труда и проч.—лишь вторичные процессы, играющие временную, преходящую роль при постоянно действующем основном факторе. Правда, эти процессы и рассматривались, как временные, но их второстепенное значение забывалось: задача исследователей экономической действительности сводилась к констатированию наличности или отсутствия дифференциации, капитализации и проч.

Естественно, что полемика между представителями приведенных противоположных воззрений на экономическую действительность России сводилась к спору не столько о значении того или иного процесса хозяйственной жизни, как проявления развития или падения производительных сил, сколько к спору о том, существует ли этот процесс или нет? разлагается ли община? происходит ли дифференциация среди крестьянства или нет? и т. д.

Только анализируя состояние производительных сил населения и их развитие, можно в связи с ним наблюдать значение различных сторон хозяйственной жизни, в которых проявляется экономический прогресс, значение общины, развитие денежного хозяйства и проч. Допустим, что дифференциации среди крестьянского населения не происходит, но на-ряду с этим не замечается и развития производительных сил. Очевидно, что при росте населения ему будет предстоять голодовка при полном экономическом равенстве; очевидно, что выход из этого положения будет найден, но не в нивеллировке земледельческих хозяйств, а в развитии производительных сил, хотя бы это повело к передвижению населения из земледелия в обрабатывающую промышленность.

Если каждый экономист и считается с производительностью труда, с техническим прогрессом и даже с развитием производительных сил страны, то это в большинстве случаев носит более декоративный характер. Насколько мало в действительности придается значения этим факторам, видно из того, что часто смешивается производительность труда в земледелии с производительностью (урожайностью) земли; часто игнорируется вопрос о развитии производительных сил при решении экономических и социальных проблем, как будто этого вопроса не существует и т. д., и т. д. Между тем вопрос о развитии производительных сил, пожалуй, многим покажется банальным, избитым вопросом. Кажется, что всякий знает о значении этого фактора, что постоянное напоминание о нем, как о наиболее важном факторе, излишне. Но это только кажется. Мысль не только простого обывателя, останавливающегося на обыденных, мелочных, житейских вопросах, непривыкшего связывать эти мелкие вопросы с более общими, но и мысль ученого часто не связывает частных вопросов с общими именно потому, что эти вопросы кажутся слишком элементарными.

В дальнейшем нам не раз придется устанавливать такую связь, и едва ли кто-либо решится утверждать, что эта связь общепризнана. Например, всякий знает, что Франция и Германия защищаются таможенными пошлинами на сельскохозяйственные продукты от стран с экстенсивным хозяйством потому, что и во Франции и в Германии интенсивное хозяйство и продукты земледелия продаются дороже [1]); всякому покажется дикой мысль защищаться таможенными пошлинами на сельскохозяйственные продукты странам с экстенсивным хозяйством, напр., Аргентине, против стран с интенсивным хозяйством, против Англии. Это всякий знает, но общая формулировка такого рода частных явлений, формулировка в виде констатирования факта падения производительности затрат капитала и труда на ту же землю, часто оспаривается и вовсе не является общепризнанной. Точно также признание развития производительных сил, как основного и необходимого фактора хозяйственной эволюции, многим покажется общим местом. Но многие ли задавались задачей связать и всегда ли связывали отдельные экономические явления с этим фактором? Как, напр., влияет развитие производительных сил в земледелии на аренду, на форму хозяйства, на культуру хозяйства? и т. д., и т. д. Мы думаем, что очень немногие ответят на этот вопрос, хотя многие интересуются и арендой, и формами хозяйства, и земледельческой культурой.

2.

Связь формы производства, размеров предприятия с техническим прогрессом более или менее общепризнана, по крайней мере, в индустрии. Каждый экономист признает, что крупное предприятие в индустрии делает труд более производительным, чем мелкое предприятие. Но связь крупного капиталистического производства, со всем строем современных хозяйственных отношений многим кажется случайной, не вытекающей из существования мелкого товарного производства. Яркой иллюстрацией такого рода воззрений может служить художественная характеристика капитализма, сделанная г. Влад. Кор. [2]): «Капитализм — не то некоторый загадочный международный джентльмен, не то Тит Титыч, значительно изменивший свою физиономию и внешность. Во всяком случае, это — господин не первой уже молодости, давно переживший период своей непосредственности и своих юных увлечений, в изрядно поношенном костюме и с плутовато бегающими глазами». «В багаже сомнительного господина находилось сокровище, без которого человеку обойтись трудно: секрет развития промышленного гения... Теперь этот сомнительный господин не только успел разложить свой багаж, но собственные Киты Китычи запаслись, кроме «орудий промышленного прогресса», еще отмычками самого новейшего фасона». «Особенно важно, — замечает

[1]) Правильнее сказать, что продукты продаются дороже, и потому там интенсивное хозяйство. Из той и из другой формулировки ясно, что дороговизна продуктов связана с интенсификацией хозяйства, т.-е. что новые затраты на ту же площадь земли менее производительны и удорожают производство.

[2]) «О сложности жизни». «Рус. Бог.» № 11, 1899 г.

далее г. Вл. Кор.,— никогда не упускать из виду, что сущность «промышленного гения» — одно, а условия (исторического) прогресса — другое». «Капитализм сам по себе (?) есть лишь временное условие, внешняя оболочка, исторический костюм и при том такой, в котором европейская идеология давно уже вскрыла неудобства и прорехи, теперь видные и невооруженному глазу. Развитие же промышленного гения — процесс, в общем, глубоко-человеческий». В этой яркой, пожалуй, художественной характеристике капитализма бросается в глаза, прежде всего, наивный фетишизм, характерный вообще для представителей того направления, к которому принадлежит автор. Капитализм, представляющий собою известные общественные отношения, проникающие во все стороны хозяйственной жизни страны, отождествляется с пенкоснимателями этих общественных отношений. С первого взгляда может показаться, что тут речь идет только о словах, что нет особенной важности в замене слова «капитализм» словом «капиталист». Между тем такая замена одного понятия другим не только мешает определить отношение к этому явлению, но и взвесить его значение. Если бы капитализм был чем-то вроде татарского нашествия, стоящим вне общества, а промышленный гений только случайно попавшим к сомнительному джентльмену, то и капитализм не был бы таким универсальным, захватывающим все стороны экономических отношений. В действительности никакой «сущности» «самого в себе» промышленного гения не существует, а существуют последовательно сменяющиеся в историческом процессе формы общественных отношений. Рост «промышленного гения» есть в то же время и изменение общественных отношений. При известных общественно-экономических условиях промышленный гений создает капиталиста. Из характеристики капитализма, данной г. Кор., получается довольно распространенное представление, в котором теряется всякая связь между развитием общественных производительных сил и тем историческим костюмом, в который облекаются общественные отношения. Г-ну Кор. страна, в которую явился «сомнительный джентльмен» — капитализм, представляется пустой храминой, в которой были одни только зрители и больше никого. В этой-то пустой храмине и расположился г. Капитал и стал орудовать, а зрители размышлять о том, какие меры принять по отношению к подозрительному незнакомцу. Разумеется, в действительности дело было не так. До появления сомнительного джентльмена хргамина не была пустой: она была битком набита пошехонцами, среди которых орудовали все персонажи пошехонской старины... Между этими персонажами и новым пришельцем можно найти не одно только духовное родство. Мы остановились на характеристике капитализма и «промышленного гения», данной г. Вл. Кор., потому, что она просто и выпукло рисует довольно распространенное представление о характере связи капитализма с развитием производительных сил. С этим представлением приходится считаться уже потому, что неправильное представление о сомнительном джентльмене ему очень выгодно.

При современных условиях, как мы увидим, некапиталистическому «продовольственному» хозяйству в некоторых районах удается

вытеснить «сомнительного джентльмена» из сельского хозяйства, но вместе с ним выгоняется и «промышленный гений», и это, как увидим, вовсе не случайность. При неорганизованном производстве для неопределенного рынка развитие производительных сил возможно в огромном большинстве случаев только в крупных предприятиях. Это, с точки зрения защитников мелкого производства, может быть грустно, но это так. Оставаясь на почве действительности, приходится изучать грустную действительность и в ней искать вместе с желательным возможного...

3.

Изложенная точка зрения г. Вл. Кор. на капитализм дает благодарную почву для прожектерства, но не дает никакого представления о том, в каком направлении будет в действительности развиваться народное хозяйство. Слишком соблазнительно простое решение вопроса, — посоветовать правящим классам общества выгнать сомнительного господина вон и поддержать народное производство. При этом вопрос о развитии производительных сил уже не кажется таким важным, ибо многие экономисты уверяют, что мелкое земледельческое продовольственное хозяйство не менее производительно, чем крупное. Пренебрежение, с которым многие относились и относятся к вопросу о развитии производительных сил, объясняется отчасти и тем, что защитники интересов крупных промышленников ставят поддержание и развитие крупного производства в основу своей программы, отождествляя интересы предпринимателей с процессом развития всего хозяйственного строя страны, с развитием ее производительных сил, и совершенно игнорируя вопрос о распределении продуктов. Не говоря уже о том, что поддержание крупных предпринимателей вовсе не ведет к развитию крупного производства в стране и тем менее к развитию производительных сил, а, напротив, часто задерживает это развитие, — поставленный нами в основание исследования вопрос о необходимости развития производительных сил, так же как и вопрос о росте народонаселения, вовсе не программный вопрос. Прогрессивная программа, разумеется, должна ставить в свою основу необходимость развития производительных сил и размножение населения, как факты неизбежные и необходимые. Но представители различных групп, принимающих участие в производстве, ставят на этой основе совершенно различные задачи [1]). Если развитие производительных сил и рост населения необходимы и неизбежны, то и тенденции хозяйственного развития будут определяться ими. Поэтому всякая программа, не считающаяся с этим фактом, будет или утопичной или реакционной.

Развитие производительных сил страны вовсе не предполагает, например, сокращения доли продуктов, получаемых непосредственными производителями; напротив, оно (развитие) происходит быстрее при увеличении абсолютной суммы получаемых ими продуктов как

[1]) Например, буржуазия в западной Европе боролась с феодализмом, разрушая стеснительные условия для развития производительных сил, но преследовала в этой борьбе свои собственные интересы.

в мелких, так и в крупных предприятиях. Между тем всегда, особенно у нас, развитие производительных сил экономистами отождествляется с интересами предпринимателей, развитие индустрии с интересами фабрикантов и т. д. Такое смешение не только не правильно, но и крайне вредно и в значительной степени внушено предпринимателями, которые развитие производительных сил отождествляют с увеличением своих барышей и с увеличением производства в своих предприятиях. Эта точка зрения чрезвычайно выгодна небольшой группе крупных предпринимателей, которые могут отождествлять «интересы промышленности» со своими личными интересами; благодаря этому, из вопроса о развитии производительных сил как будто создается программный вопрос, от которого дурно пахнет[1])...

По нашему мнению, есть тесная психологическая связь такого отношения к вопросу о развитии производительных сил с отношением, которое когда-то проявляли английские рабочие к введению машин. Машины вводились фабрикантами и, увеличивая их прибыль, выбрасывали рабочих на мостовую. Непосредственное, ближайшее действие машин на положение рабочих было так гибельно, что близко заинтересованные страдающие люди не могли встать на более широкую точку зрения, взглянуть на последствия развития производительных сил: машина заменяет рабочих, делает многих из них в данный момент лишними, следовательно, она вредна, следовательно, нужно ее уничтожить. Развитие производительных сил в данный момент связано с развитием капитализма и ведет к тем же последствиям, к каким приводит одно из его проявлений — выбрасывание машиной рабочего,— следовательно, нужно остановить его развитие. «Сама по себе» машина полезна, «само по себе» развитие производительных сил благодетельно, но и то и другое в конкретном своем проявлении вредно. Английские рабочие в конце концов поняли, что уничтожение машин не улучшит их положения, что без машин им будет нисколько не лучше. У нас в России многие экономисты еще не дошли до такого широкого понимания значения развития производительных сил; только этим можно объяснить боязнь перед отделением обрабатывающей промышленности от земледелия, в настоящее время связанным с развитием производительности труда. Машины вводятся предпринимателями; производительные силы населения развиваются в беспорядочной экономической борьбе; и то и другое не составляет программу каких бы то ни было экономических групп, но должно составлять их исходную точку при оценке

---

[1]) Под влиянием смешения интересов предпринимателей с интересами промышленности установился почти непобедимый в настоящее время предрассудок, разделяемый чуть ли не всеми патентованными и непатентованными экономистами,— что высокие таможенные пошлины и непомерно высокая прибыль содействуют развитию обрабатывающей промышленности в земледельческих странах. Нам кажется, этот предрассудок в значительной степени обязан своим распространением «внушению», постоянным воплям отдельных групп предпринимателей, что их предприятия погибнут от конкуренции. Так как отдельные отрасли промышленности, искусственно развитые, действительно могут погибнуть, то создалось ложное представление о том, что развитие производительных сил в индустрии тесно связано с интересами предпринимателей.

и анализе действительности. Пренебрежение к вопросу о развитии производительных сил вызвано отчасти и противопоставлением вопросов производства вопросам распределения. Такое противопоставление в большинстве случаев неосновательно. Поскольку вопросы о распределении являются программными вопросами,—они тесно связаны с условиями производства. Например, улучшение положения мелкого собственника или рабочего ведет к развитию производительных сил, и, обратно, с развитием производительных сил возможно улучшение положения работающего населения. Решение частных вопросов об общине, о дифференциации крестьянства и т. д. не решает аграрного вопроса. Сохранится ли община или нет, происходит ли дифференциация крестьянства или нет, денежное ли теперь крестьянское хозяйство или оно в значительной степени натуральное—это не изменяет существа вопроса: крестьянское хозяйство находится в плохом положении и должно найти выход. В чем же оно при совершающейся хозяйственной эволюции найдет выход?

Чтобы искать ответа на этот вопрос, нужно принять во внимание прежде всего условия, при которых общество неизбежно толкается к дальнейшему хозяйственному развитию, которые если и не определяют самого хода экономического развития, то делают его необходимым.

Одним из таких условий является рост населения. Население размножается, и, чтобы определить направление развития хозяйства, нужно принять во внимание этот факт, определить его значение и считаться с ним. Растущее население ищет выхода из таких хозяйственных условий, которые не дают ему размножаться. Этот выход в конце концов оно находит в развитии производительных сил [1]), которое не только увеличивает количество производимых продуктов, но и реорганизует хозяйственный строй, изменяет хозяйственные отношения. Поэтому развитие производительных сил, необходимое для роста населения и развития его потребностей, является не только условием хозяйственного развития, но и фактором, определяющим экономическую структуру общества. Если, напр., мелкое натуральное хозяйство не допускает дальнейшего развития производительных сил, но является в данный момент господствующим, то с размножением населения организация хозяйства должна измениться: остановка в развитии производительных сил является остановкой хозяйственной эволюции общества, и растущее население будет расшатывать натуральное хозяйство до тех пор, пока развитие производительных сил не реорганизует его в другой тип хозяйства. При развитии потребностей, так же как и при своем росте, население пользуется развитием производительных сил, как орудием, которое создает определенный хозяйственный тип, определенную хозяйственную структуру общества и дает возможность существовать растущему населению. Найти связь между состоянием производительных сил и типом хозяйства, создаваемым ими, является первой задачей для решения аграрного вопроса. Развитие производительных

[1]) Об этом см. ниже, гл. о значении роста народонаселения.

сил является той основной нитью, которая тянет общество по пути хозяйственного развития, с которой всегда приходится считаться и за которую люди сознательно или бессознательно цепляются. Хотя в некоторые моменты экономического развития целые группы хозяйствующих субъектов действуют вопреки общему стремлению к развитию производительных сил, тем не менее, в конечном счете, увеличение производительности труда [1]), точно так же как и рост населения, невозможный без первого, побеждает, и общество продолжает развиваться или ему предстоит вымирание. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производительными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения делаются их оковами. Тогда наступает эпоха кризисов» [2]). В приведенных словах К. Маркс формулировал взаимоотношение развития производительных сил и тех юридических форм (надстроек), в которые укладываются экономические отношения. Мы же в данном случае указываем на другую, не менее важную, связь состояния производительных сил с формой и с типами хозяйства. Последние также «из форм развития производительных сил делаются их оковами», и тогда наступает смена другими типами и формами хозяйств. На поставленный выше вопрос о кризисе мелкого хозяйства из приведенных соображений вытекает следующий ответ: рост населения и хозяйственная эволюция общества приводят его к единственному выходу — к развитию производительных сил, на почве которого уже может развиваться товарное хозяйство вместо натурального, индивидуализм вместо общины, более крупное хозяйство вместо мелкого, или обратно. Какой тип хозяйства может при этом развиться — это определяется той связью, которая существует между состоянием производительных сил и типом хозяйства,—связью, найти которую составляет первую задачу в аграрном вопросе. Аграрный вопрос в России обыкновенно рассматривается, как вопрос об общине, о дифференциации, капитализме и проч. Из вышеизложенного ясно, что это вопросы второстепенные.

4.

Когда сумма средств, получаемых земледельческим населением, недостаточна для его существования при настоящих социальных условиях даже при полном экономическом равенстве крестьян; когда самое правильное распределение находящейся в пользовании крестьян земли не обеспечивает им более или менее сносного существования; когда натуральное хозяйство служит гарантией низкого культурного уровня и отсутствия технического прогресса, — тогда эти вопросы отодвигаются на второй план перед более существенным вопросом,— вопросом об увеличении суммы средств, которые остаются у крестьян,

[1]) Ниже мы часто употребляем выражение: «развитие производительности труда» вместо «развитие производительных сил», потому что в таких случаях развитие производительных сил является результатом увеличения производительности труда.

[2]) К. Маркс. «Критика некот. полож. полит. эконом.». Предисловие.

и перед вопросом о развитии производительных сил. Этот вопрос выдвигается во всем своем огромном значении тогда, когда выдвигается вопрос о малоземельи, о недостаточности не только остающихся, но и получаемых в крестьянском хозяйстве продуктов земледелия при существующей системе хозяйства и при существующем потреблении чистого национального дохода. Только увеличение производительных сил, возможное при более производительном потреблении национального дохода, дает выход из бедственного положения мелкого хозяйства. Рассуждения о роли общины в отдаленном будущем, о вредном влиянии дифференциации крестьянства и т. п. без рассмотрения вопроса о значении развития производительных сил в земледелии, о факторах, ему содействующих и мешающих, доказывают лишь, что защитниками общины, натурального хозяйства и проч. совершенно не выяснено значение развития производительных сил, значение недостатка средств существования при настоящем положении вещей. Ведь «не велика честь» быть общинником, «когда нечего есть». Если даже самое справедливое распределение крестьянской надельной земли тормозит развитие производительных сил, если противодействие развитию индустрии деревенским укладом жизни ведет к остановке развития производительности труда,—то и этот уклад жизни и это противодействие имеют лишь отрицательное значение и будут сметены историей. Едва ли нужно доказывать, что без развития производительных сил население будет вымирать. Дальнейшее экономическое развитие на почве развития производительных сил неизбежно и необходимо; те или иные общественные отношения лишь постольку могут измениться и осуществиться, поскольку они не противоречат этому развитию. Правда, и при техническом прогрессе и при развитии производительных сил огромная часть населения *этим* прогрессом еще не улучшает своего положения, но она может его улучшить *только* при нем. Из предыдущего естественно вытекает вопрос: в каком направлении может развиваться производительность сельского хозяйства при существующем соотношении общественных сил? Является ли неизбежным и необходимым развитие капиталистической индустрии для развития сельского хозяйства, и если да, то какое значение имеют *при этом условии* натуральное хозяйство, община, дифференциация крестьянства и проч.? Очевидно, что при такой постановке вопроса, не выяснивши условий развития производительных сил, нельзя категорически решать, что община во что бы то ни стало должна быть сохранена или разрушена, дифференциация крестьянства, денежное и даже капиталистическое хозяйство не должно развиваться. Ведь община—не выход, потому что она существует. Экономическое развитие крестьян, если оно есть,—не выход, точно также продовольственное хозяйство, если оно преобладает, не обеспечивает от голодовок. Допустим, что в самом деле община развивается, дифференциации крестьян не совершается, процветает натуральное хозяйство. Может быть, община развивается, дифференциации не совершается и т. д. именно потому, что не все обстоит благополучно? Может быть, эти явления находятся в связи с остановкой развития производительных сил? На эти вопросы прежде всего

и нужно ответить. Если хозяйственное развитие общества «фатально» ведет к развитию производительных сил, если это последнее необходимо и неизбежно потому, что с ним связана возможность существования и размножения людей, то нужно признать, что также необходимы и неизбежны те последствия, которые связаны с развитием производительных сил. Бесконечные споры в русской литературе о неизбежности развития капитализма в настоящее время, об экономической дифференциации населения и его классовом разделении обнаружили в большинстве случаев полное отсутствие понимания связи вопросов о капитализме и о дифференциации с вопросом о развитии производительных сил. Сплошь и рядом можно найти полемику против «ортодоксов», основанную на том, что в каком-нибудь районе, в какой-нибудь отрасли промышленности, особенно в земледелии, не присходит дифференциации населения и организации крупного производства. При этом ни слова не упоминается о том, происходит ли развитие производительных сил или замечается хозяйственный регресс [1]). Если бы развитие капитализма происходило без развития производительных сил, а, напротив, вело бы к их падению, то, как тормоз хозяйственного развития, капитализм не мог бы и развиваться, и не развивается там, где он не может воспользоваться ими, как орудием. Отсюда вполне естественный вывод, что отождествлять развитие капитализма с развитием производительных сил так же неправильно, как и противопоставлять их. При известных общественных отношениях капитализм может быть неизбежен при развитии производительных сил, но он вовсе не желателен, и необходимо выяснить, при каких условиях возможно развитие производительных сил не во имя развития капитализма и тем менее во имя интересов предпринимателей, а для улучшения положения массы населения.

Следовательно, если бы мы и пришли к убеждению, что развитие индустрии и даже земледелия приводит неизбежно к организации крупного производства, то это еще ничуть не может повести к защите капитализма и тем менее к защите капиталиста. Правда, при существующих общественных отношениях крупное производство организуется в виде крупных капиталистических предприятий, но сами предприниматели ничуть не интересуются развитием производительных сил, а интересуются только прибылью. Поэтому интересы предпринимателей вовсе не тождественны с экономическим прогрессом, а часто ему противоречат, противоречат гораздо больше, чем обыкновенно думают.

---

[1]) Сколько безнадежно-бесполезного труда потрачено на доказательство того, что в Западной Европе и у нас в России среди мелких земледельческих хозяйств и среди некоторых кустарей не происходит никакой дифференциации и концентрации хозяйств. Все это для того, чтобы доказать их устойчивость! В наивном неведении значения этих процессов некоторые экономисты и статистики даже констатируют всеобщее обеднение, а следовательно и хозяйственный регресс среди сохраняющих экономическое равенство крестьян и кустарей, не замечая, как этим побивают самих себя. См. ниже о книге А. Вихляева «Очерки из русской сельскохоз. действительности».

5.

Если бы рассматривать историю воззрений на аграрный вопрос в России, то в прошлом, в 70-х и 80-х годах, мы нашли бы бóльшую цельность воззрений на этот вопрос, чем в последующую эпоху, но эта цельность воззрений была обязана значительной доле утопизма. Тогда, как и теперь, видели одну из главных причин тяжелого положения населения в малоземельи. Единственный выход при этом видели в крестьянском многоземельи. Выход, казалось, был, и на него указывали, пока не убедились в утопичности надежд на возможность в настоящее время этого выхода[1]). Остались от этой цельности 70-х годов лишь обломки, которые в 90-х годах совсем растерялись и обратились в пыль, не связанную цементом — воззрением на значение совершающейся хозяйственной эволюции. Отчасти прожектерство (советы поддерживать «народное» производство), отчасти прямое отрицание капиталистических отношений в земледелии привели к тому, что положение париев земледельческих классов,— сельскохозяйственных рабочих,— не связывалось с состоянием хозяйства в данный момент и с тенденциями его развития и не привлекало особенного внимания. Если капиталистических отношений в земледелии нет, то какой же там может быть «класс» сельскохозяйственных рабочих? Есть только крестьяне-земледельцы да помещики-землевладельцы, а если еще капитализм не поддерживать таможенным покровительством, то и совсем не будет пролетариата; кстати, сельская община спасет от этой язвы, разъедающей Запад. Такими рассуждениями только можно объяснить тот факт, что в различных проектах улучшения положения крестьян, которые чрезвычайно легко предложить, но гораздо труднее осуществить,—обыкновенно, не упоминается о миллионах сельскохозяйственных рабочих, нанимаемых крестьянами и землевладельцами. Развитие производительных сил населения — необходимое условие общественного развития. Но даже при развитии производительных сил в земледелии огромная часть населения еще не улучшает своего положения. Технический прогресс и вообще развитие производительных сил может быть доступно только таким хозяйствам, которые обладают достаточными силами и средствами для улучшения своего хозяйства. Та часть населения, для которой огромное значение в хозяйственном бюджете имеет продажа своей рабочей силы, а собственное земледельческое хозяйство лишь пополняет этот бюджет,— не может поднять своего хозяйства до надлежащей высоты уже потому, что есть известный minimum размеров хозяйства, ниже которого оно не может быть рационально поставлено. Правда, и эта часть земледельческого населения может улучшать свое положение т о л ь к о при условии развития производительных сил в земледелии, но не непосредственно улучшением своего хозяйства,

---

[1]) С 80-х годов крестьянские хозяйства находят такой выход в крестьянском банке, который коммерческим путем расширяет крестьянское землевладение. Гора (задача расширения крестьянского землевладения) родила мышь в виде группы более зажиточных хозяйств с купчей землей, а вопрос остался вопросом!..

а улучшением своего положения, как наемного рабочего. Таким образом, на-ряду с вопросом о развитии производительных сил в земледелии, имеющим значение для жизнеспособных крестьянских хозяйств, еще большее значение имеет вопрос об улучшении условий для той части крестьянства, которая принуждена отчуждать свой труд. Для этой части населения имеет огромное непосредственное значение не столько развитие индустрии, как фактора, увеличивающего производительность труда в земледелии и оттягивающего избыточное население из деревни, сколько улучшение условий труда и повышение заработной платы. Впрочем, все упомянутые стороны находятся в такой тесной связи и зависимости, что выделить рабочий вопрос в сельском хозяйстве от аграрного вопроса почти невозможно, и во всяком случае такое выделение было бы огромной методологической ошибкой. Не меньшей ошибкой было бы смешение интересов трудящегося населения, как такового, с интересами мелкого земледельческого хозяйства. Поскольку для последнего непосредственно важно развитие его производительных сил, так как только через него положение крестьянского хозяйства может улучшиться, постольку для трудящегося населения (наемных рабочих, мелких арендаторов и беднейших крестьян) важно непосредственное улучшение их положения, как рабочих. Близость интересов в некоторых отношениях этих двух групп земледельческого населения еще не говорит за тождественность их интересов, и чрезвычайно важно то точное разделение различных групп крестьянства, которое внесли в литературу об этом вопросе новейшие экономисты. Если земледельческое хозяйство выйдет из того критического положения, в котором оно находится, если крестьянское хозяйство не будет хозяйством полуголодных пауперов,— вопрос о сельскохозяйственных рабочих останется. Поэтому на-ряду с определением тенденций развития сельского хозяйства необходимо поставить вопрос о влиянии этих тенденций на положение сельскохозяйственных рабочих и выяснить положение их в связи с условиями сельского хозяйства в различных районах и при различных условиях.

6.

При определении тенденций развития сельского хозяйства прежде всего необходимо выяснить, как влияет на сельское хозяйство общий процесс экономического развития страны и особенно развитие индустрии. Общественные отношения развиваются вместе с хозяйственным развитием страны. Развитие каждой отрасли промышленности так тесно связано со всей совокупностью общественных отношений, что каждый шаг развития этой отрасли ведет за собой соответственное изменение всех общественных отношений. Одна отрасль промышленности в силу различных социальных и технических условий может отставать, другая очень быстро развиваться, а общественные отношения будут представлять лишь результат, равнодействующую общего развития производительных сил. Промышленные классы общества ставят свои задачи, преследуют свои интересы, не дожидаясь, пока земледельцы или землевладельцы проникнутся такими же интересами,

пока земледелие сделает такие же успехи в своем развитии, как и индустрия. Поэтому является вопрос, имеющий не только теоретический, но, на известной стадии развития общественных отношений, и непосредственно практический, злободневный интерес: идет ли развитие различных отраслей промышленности в одном направлении,— в настоящее время по пути развития капитализма,— или различные отрасли промышленности могут развиваться в различных и даже противоположных направлениях? Иными словами—настолько ли условия современных хозяйственных отношений и хозяйственного развития универсальны, чтобы целиком охватывать всю хозяйственную жизнь и толкать ее в одном определенном направлении, при чем различные отрасли национального хозяйства отличаются лишь темпом своего развития и теми своими сторонами, которые, будучи различными у каждой отрасли промышленности, тем не менее не отрывают ее от общего процесса хозяйственного развития? Или хозяйственная жизнь общества представляет собой ряд процессов экономического развития в различных направлениях, независимых один от другого и связываемых некоторыми писателями лишь вследствие их излишней склонности к обобщениям?

В зависимости от того или иного решения этого вопроса определяется не только метод исследования аграрного вопроса, но и выводы, к которым приходит исследователь. Если сравнить, например, книгу Каутского «Аграрный вопрос» и книгу Герца «Аграрные вопросы», то легко заметить, что различие приемов исследования в значительной степени зависит от различия исходных точек зрения.

Каутский исходит из общего анализа капиталистических отношений и потом уже рассматривает аграрные, поскольку они отличаются от хозяйственных отношений в других отраслях народного хозяйства[1]), ничуть не смешивая различных стадий хозяйственного развития. Правда, во многих отношениях анализ, сделанный Каутским, является местами неудовлетворительным и тенденциозным, но его метод изучения вопроса, заключающийся в том, что рассматривается влияние всего хозяйственного строя на аграрные отношения, вполне правилен и научен. Каутский подошел к вопросу, исходя из анализа капиталистических отношений, сделанного Марксом, так как они охватывают и сельское хозяйство, так или иначе на него воздействуя; между тем Герц рассматривает аграрный вопрос (даже не «вопрос», а «вопросы») совершенно независимо от других сторон хозяйственной жизни страны. Для него все разнообразие аграрных отношений представляется вне взаимной связи и зависимости, целым рядом ничем не связанных вопросов, при чем игнорируется даже историческая преемственность хозяйственных отношений и форм.

---

[1]) Признание факта общей зависимости аграрных отношений и отношений в индустрии от общих условий капиталистического строя ничуть не ведет к признанию тождественности условий развития. С другой стороны, различие условий не ведет к развитию аграрных отношений в противоположном направлении развитию индустрии. Каутский совершенно прав, признавая общность условий капиталистического развития для индустрии и земледелия и в то же время признавая различие специфических условий, свойственных земледелию и индустрии.

Разумеется, экономическая действительность не представляет единообразных явлений; экономические отношения различны не только в разных странах и областях, но даже в различных хозяйствах; тем не менее из этого ничуть не следует, что при всем разнообразии хозяйственных отношений, в них нет того общего, что дает тон всему хозяйственному строю общества и направляет его по одному руслу, в одну сторону.

В индустрии можно найти не меньшее разнообразие хозяйственных отношений, чем в земледелии, однако, это не помешало Марксу и его предшественникам найти общие законы, в которые укладываются эти отношения. Хороша была бы политическая экономия, если бы для каждой отрасли промышленности, вследствие разнообразия условий, в которых находится каждое хозяйство, было «открыто» соответственное количество законов ее развития! При таком методе, вместо научного исследования, отыскивающего общие черты развития отдельных хозяйств и хозяйственных отношений, получится, быть может, очень интересное описание различных хозяйств и различных отраслей промышленности. Делать из такого описания какие-нибудь общие выводы о судьбах земледелия, крестьянства и т. п., как делает это Герц, крайне смело и рискованно. Считаться с общими условиями товарного производства необходимо, если идет речь об экономических отношениях, хотя бы и имелось в виду исследовать судьбы мелкого хозяйства. Тем более это необходимо при определении тенденции хозяйственного развития «типов капиталистического развития». Собственно, будучи последовательными, такие исследователи, как Герц, не должны бы делать никаких общих выводов, так как они исключаются самым методом исследования.

Ведь несомненно, что не только земледельческие, но и промышленные хозяйства, и не только разных стран, но и разных областей, находятся в неодинаковом положении, на различных ступенях развития. Хозяйственные отношения в разных странах, но в одной и той же отрасли промышленности, часто имеют гораздо больше сходства, чем хозяйственные отношения в различных отраслях промышленности одной и той же страны или в разных ее областях. Поэтому в хозяйствах различных стран нужно найти общие черты и законы развития, чтобы составить правильное представление об условиях развития хозяйства. Этого многие исследователи не делают. Между тем жизнь требует обобщений, так как нельзя создавать программы для каждой области, для каждой отрасли промышленности отдельно, и исследователь попадает в трагическое положение: не отыскавши общих тенденций развития сельского хозяйства или индустрии, он принужден найти общую программу, которая бы не противоречила их развитию. Остается одно — забыть обо всем исследовании, когда приходится делать обобщения.

Если крупное хозяйство не имеет никаких преимуществ перед мелким, как стараются показать Герц и др., то к чему рекомендовать крестьянам кооперативы? Ведь не будут же крестьяне организовываться в товарищества только потому, что это очень нравится Герцу. Для того, чтобы признать, например, кооперативы средством, которое

может помочь мелкому хозяйству выйти из его современного кризиса, нужно определить тенденции развития[1]) не одного только сельского хозяйства, а всех общественно-экономических отношений и влияние этих отношений на сельское хозяйство. Только при таких условиях решение аграрного вопроса не будет односторонним, а более или менее правильным. Маркс, анализируя развитие общественных отношений в капиталистических странах, рассматривает эти отношения в связи с развитием производительных сил, так как несомненно между тем и другим существует постоянная связь. Маркс установил эту связь в анализе развития индустрии, но не оставил нам такого же анализа исторического развития экономических отношений в земледелии, и существенную ошибку делают те экономисты, которые не определяют, в каком направлении идет развитие производительных сил в земледелии, какое значение имеет для развития земледелия рост населения и т. д.

Теоретически второстепенный вопрос о преобладании крупного или мелкого хозяйства в настоящее время совершенно захватил исследователей; они часто даже не определяют, увеличивается ли производительность земледельческого труда в тех странах, о которых приводятся статистические данные. Часто игнорируется не только вопрос о развитии производительных сил, но и влияние других условий экономической жизни: статистический подсчет величины различных хозяйств, их задолженности и т. д. вполне заменяет анализ развития земледелия и оказывается достаточным для того, чтобы определить пути развития аграрных отношений в различных странах и решить «аграрный вопрос».

При изучении законов развития сельского хозяйства и при изучении его положения в различных странах необходимо выделить общие условия и законы развития сельского хозяйства, присущие всякому земледельческому хозяйству во всякой стране, от второстепенных условий, характерных для одного какого-нибудь района одной страны. Эти основные условия развития необходимо выделять, чтобы не запутаться во всей сложности хозяйственных условий и не принять второстепенные факторы, влияющие на развитие хозяйства, за первостепенные, чтобы не впасть в ошибку и из-за деревьев не просмотреть леса.

Так как условия развития аграрных отношений чрезвычайно мало выяснены, так же как мало выяснена и их взаимная связь, то, прежде чем останавливаться на конкретных условиях сельского хозяйства одной страны, в данном случае России, приходится уделить очень много внимания общим законам развития сельского хозяйства и лишь от них переходить к условиям, свойственным той или другой стране. Игнорирование этих общих законов, которое особенно часто встречается, как раз у исследователей положения и развития сельского хозяйства, приводит или к перетряхиванию фактического материала, или к тенденциозному нагромождению его.

[1]) Когда говорится, что отсталые страны идут тем же путем капиталистического развития, как и передовые капиталистические страны, то такое утверждение имеет в виду общность тенденций развития, а не тождественность общественных отношений.

Правильная постановка вопроса затрудняется всего более тем, что в вопросах о развитии сельского хозяйства почти нет бесспорных положений, из которых можно было бы исходить, которые не требовали бы хотя кратких доказательств. Мы уже указали на то, что размножение населения является фактом, с которым приходится прежде всего считаться при изучении развития сельского хозяйства и при определении тенденций его развития. Размножение населения и развитие его потребностей, в свою очередь, возможно только при развитии производительных сил. Эти два фактора оказывают свое влияние на развитие сельского хозяйства при всяких условиях, во всякой стране.

7.

Полагая в основу экономического развития развитие производительных сил, мы прежде всего должны выяснить, что́ понимаем под этим термином. Обыкновенно развитие производительных сил смешивается с развитием производительности труда рабочих и даже с техническим прогрессом. Так как в области хозяйственных отношений имеют свое значение и технический прогресс и производительность труда, то мы должны точнее определить и эти понятия.

Под техническим прогрессом разумеется увеличение производительности труда рабочего под влиянием улучшения орудий и средств производства. Например, улучшенная машина, улучшение обрабатываемого сырья ведут к увеличению и производительности труда. Таким образом, развитие производительности труда — понятие более широкое, чем понятие технического прогресса.

Развитие производительности труда может происходить не только от технического прогресса, но и от других причин. Например, от лучшего питания рабочего, от его культурности, здоровья, от его сознательности в деле, даже от его настроения — производительность труда может увеличиться, хотя это не будет техническим прогрессом. Следовательно, под увеличением производительности труда разумеется увеличение производства продуктов отдельным работником в единицу времени благодаря различным техническим, социальным и индивидуальным условиям.

Развитие производительных сил населения какой-либо области или страны обусловливается, конечно, развитием производительности труда рабочих, но последнее понятие не охватывает первого. Развитие производительных сил населения возможно и при статическом состоянии производительности труда, и, обратно, даже при увеличении производительности труда рабочих возможна остановка в развитии производительных сил населения какой-либо области или страны.

Например, при сильном развитии милитаризма, когда огромная часть населения отвлекается от производства, когда большая часть производимых продуктов потребляется в виде «непроизводительного» потребления на военные потребности,—производительные силы населения могут падать, хотя производительность труда (самостоятельных и несамостоятельных) рабочих, занятых в производстве, может увеличиваться.

При увеличении числа «непроизводительных» рабочих, прислуги и т. п. производительные силы населения сокращаются. Напротив, при увеличении количества рабочих, занятых производительным трудом, производительные силы населения увеличиваются даже при неизменной производительности труда. Следовательно, понятие развития производительных сил применимо не к отдельному рабочему и даже не к отдельному предприятию, а к процессу изменения в хозяйственном положении целой области или страны. Технический прогресс и даже увеличение производительности труда, являясь факторами, содействующими развитию производительных сил населения, не покрывают целиком этого понятия. Такими же факторами являются некоторые социальные факторы, содействующие или мешающие развитию производительных сил.

При анализе экономических явлений и, в частности, при анализе явлений в области сельского хозяйства приходится считаться в различных случаях со значением и технического прогресса, и развития производительности труда, и развития производительных сил населения.

Из данного нами определения различных факторов экономического развития общества выясняется и относительное их значение. Наибольшее значение для экономического развития имеет, несомненно, развитие производительных сил, увеличивающее общую сумму производимых страною продуктов.

Рассматривая с этой точки зрения экономическое развитие различных стран, мы можем убедиться, что, например, успехи техники в какой-нибудь отрасли промышленности, созданной благодаря таможенному покровительству, могут сопровождаться задержкой общего развития производительных сил страны и повести в конце концов к остановке развития и покровительствуемой отрасли промышленности. Таким образом, обычное смешение таких явлений, как технический прогресс и развитие производительных сил, может повести к неправильному представлению о их значении и о значении целого ряда других явлений в экономической жизни страны.

Тем не менее, и технический прогресс, и развитие производительных сил, и увеличение производительности труда находятся в тесной связи и, обыкновенно, в тесной зависимости друг от друга: технический прогресс ведет к увеличению производительности труда, а развитие производительных сил населения страны вызывается в большинстве случаев увеличением производительности труда.

Развитие производительных сил населения может происходить *при увеличении суммы производимых продуктов* по отношению *к тому же количеству населения*. Например, при том же количестве общего населения страны меньшая часть земледельческого населения производит такое же количество продуктов земледелия, как и раньше; при этом увеличившееся на счет земледельческого промышленное население увеличило производство продуктов обрабатывающей промышленности. В приведенном случае по отношению к тому же количеству общего населения страны продуктов производится больше и произошло относительное развитие производительных сил.

Развитие производительных сил населения может происходить при увеличении суммы продуктов, производимых возрастающим народонаселением, при чем предполагается не только увеличение количества продуктов, производимых каждым производителем, но и увеличение количества производителей. Например, если производство продуктов в земледелии увеличилось по отношению к возрастающему земледельческому населению, а в индустрии — по отношению к промышленному населению, то произошло развитие производительных сил населения и в земледелии и в индустрии.

Естественно, что падение производительных сил может быть при обратных условиях. Падение производительных сил предполагает уменьшение общей суммы производимых продуктов данным количеством населения. Например, благодаря каким-нибудь неблагоприятным условиям в земледелии, страна будет получать меньшее количество продуктов при том же количестве населения. Точно также падение производительных сил возможно при увеличении общей суммы производимых продуктов, но при уменьшении их по отношению к возрастающему населению. Например, в земледелии сумма получаемого хлеба может увеличиться, но по отношению к еще более увеличившемуся земледельческому населению она упадет. Само собою разумеется, что увеличение урожайности земли может иногда сопровождаться падением производительных сил, если большее количество населения прилагает труд на ту же поверхность земли и не получает соответственно большего количества продукта. Увеличение урожайности земли может сопровождаться развитием производительных сил, если то же или меньшее количество земледельческого населения производит больше продуктов с той же площади земли. Это возможно при техническом прогрессе в земледелии.

Состояние производительных сил данного населения определяется суммой продуктов, производимых в стране для дальнейшего производства, т.-е. для производительного потребления. Развитие производительных сил выразится в увеличении количества этих продуктов.

Рост населения и развитие производительных сил должны быть поставлены в основание изучения хозяйственных отношений страны и их развития. На этом основном фоне уже можно рисовать различные узоры не только в виде констатирования различных социальных явлений, но и в виде тех или иных пожеланий. Утопичность или возможность осуществления этих пожеланий, их реакционное или прогрессивное значение прежде всего определяется тем, поскольку они не противоречат указанному нами основному фону хозяйственного развития страны, поскольку их осуществление допускается размножением населения и развитием производительных сил.

Говоря о возможности или невозможности осуществления тех или иных пожеланий в области экономических отношений, мы подходим к вопросу о значении экономических законов, о возможности или

невозможности изменить ход экономического развития в том или ином направлении.

Во взглядах на этот вопрос существует в достаточной мере путаница не только среди «большой публики», но и среди социологов, намечающих пути развития общества. Поэтому необходимо сказать несколько слов о значении основного экономического явления,— развития производительных сил,— как явления неизбежного и необходимого.

Глава II.

Развитие производительных сил, как фактор хозяйственной эволюции.

1. Направление хозяйственной деятельности людей в сторону наименьшей затраты.— Соотношение свободной воли и хозяйственной необходимости.— Развитие производительных сил, как результат экономической необходимости.— 2. Распределение производительных сил общества под влиянием развития его производительных сил.— Соотношение условий производства и потребления.— 3. Влияние условий потребления продуктов на развитие производительных сил.— Различные схемы условий развития производительных сил под влиянием условий потребления.

1.

Наиболее распространенное, вульгарное представление об экономической теории, «о законах» экономической науки заключается в том, что законы политической экономии якобы противопоставляются воле людей, что они, помимо воли людей, ведут к результатам, определенным этими законами, что борьба против этих законов есть борьба с ветряными мельницами, что, одним словом, история фатально ведет человечество по определенному пути, начертанному внешними законами, желают ли или не желают люди шествовать по этому пути. Распространению этого вульгарного представления о законах политической экономии в значительной степени содействовали сами экономисты тем, что не указывали (а многие, может быть, и не замечали) связи между психикой хозяйствующего субъекта и теми объективными процессами, которые являются результатом его хозяйственной деятельности. Что люди сами делают историю — это как бы разумелось само собой. Между тем важно выяснить связь между объективными процессами хозяйственной жизни общества, выливающимися в форму «имманентных законов», с волевой деятельностью человека, с его желаниями, с его «свободой». Только при этом условии основные факторы хозяйственного развития не покажутся пустыми формулами, а получат реальное жизненное содержание, потому что хозяйствуют «субъекты», живые люди со своими желаниями, потребностями и страстями.

Попытаемся наметить эту связь между волей хозяйствующих субъектов и объективными хозяйственными процессами, поскольку это необходимо для выяснения основного принципа хозяйственной эволюции. Еще Адам Смит при анализе хозяйственной жизни общества принял посылкой для этого анализа положение, что хозяйствующий субъект руководствуется в своей хозяйственной деятельности эгоизмом. Эта посылка не столько неправильна, сколько неточна и неопределенна. Нужно предположить, что в современной хозяйственной жизни каждый хозяйствующий субъект действует потому, что он «хочет» заниматься хозяйственной деятельностью для каких бы то ни было целей. Но его деятельность определяется и внешними условиями: если человек стремится удовлетворить свои потребности добытыми так или иначе продуктами, то добывание этих продуктов и определяется этими условиями. Куда же, в каком направлении действуют его воля и желание затрачивать свои силы при добывании продуктов? Несомненно, в направлении наименьшей затраты своей энергии при наибольших результатах от этой затраты. Этим стремлением к экономии своей энергии при удовлетворении потребностей руководствуются не только люди, но и животные. Человек, как и животное, стремится по возможности меньше затратить энергии для получения наибольшего для себя результата. У каждого хозяйствующего субъекта свободная воля направляется по линии наименьшего сопротивления в таком направлении, чтобы получить с наименьшими затратами наибольшее количество необходимых для него продуктов. Хозяйственная деятельность каждого человека проявляется в определенной внешней среде, при определенных внешних условиях; они определяют его деятельность, потому что наименьшую затрату с наибольшими результатами он может получить только в зависимости от этих условий. Например, богатый человек может и не быть капиталистом. Но, как *хозяйствующий* субъект, он получит наибольший хозяйственный результат только при том условии, если пустит в оборот свой капитал, сделается капиталистом. Рабочий может продавать только свой труд потому, что окружающие его социальные условия (отсутствие средств производства) не дают возможности затрачивать свой труд с наибольшими результатами в другом направлении. Так как экономический строй общества основан на взаимоотношении людей, то хозяйственная деятельность не может быть вне социальной среды. Если одно и то же психологическое стремление получить наибольший результат с наименьшими затратами существует у людей различной социальной среды, то и направление этого стремления будет различно. Между тем, как для землевладельца, например, наибольший хозяйственный результат получается при повышенной ренте, для арендатора, напротив, такой результат получается при пониженной ренте. Эти внешние условия дают одинаковому субъективному стремлению различные направления (классовые стремления и задачи) и оно выразится различно, так же как и результаты этих стремлений должны получиться различные. Тем не менее, одинаковый психологический мотив, определяющий хозяйственную деятельность всех людей,— стремление получить наибольший результат с наименьшими затратами,— создает один общий

результат, дающий определенное направление развитию всего хозяйственного строя — развитие производительных сил.

Каждый хозяйствующий субъект, стремясь получить наибольший результат с наименьшей затратой, может достигнуть этого тогда, когда наибольшие результаты хозяйственной деятельности он может получить при наименьшей затрате труда. Этот общий результат, как мы заметили, получается, несмотря на то, что стремления различных групп людей, занятых хозяйственной деятельностью, направлены в различные стороны. Капиталист, например, вовсе не стремится к развитию производительных сил. Ему важно получить больше прибыли при возможно меньших издержках. Но этот результат получается тогда, когда рабочие, занятые в его предприятии, получая такую же плату, производят больше продуктов, когда производительность их труда увеличивается. Мелкий предприниматель, работающий сам в своем предприятии, прямо стремится к экономии своих сил при наибольших хозяйственных результатах, к увеличению производительности своего труда. Наемный рабочий стремится не столько к увеличению суммы производимых продуктов, сколько к экономии своих сил. Таким образом, стремления отдельных личностей, различных экономических групп, будучи часто противоположны друг другу, сходятся в одном — в стремлении к развитию своих производительных сил, и этим создают определенное направление развитию всего хозяйственного строя; результатом субъективного эгоистического стремления в хозяйственной деятельности является объективный процесс — развитие производительных сил населения страны. «Свободная воля» отдельных хозяйствующих субъектов создает объективно необходимый процесс хозяйственного развития, определяющий в свою очередь не только результаты хозяйственной деятельности, но и ее направление. Для «свободной», повидимому, воли создается ею же объективная необходимость, определяющая направление, в котором эта воля должна быть направлена, потому что стремление к самосохранению и к экономии своих ограниченных сил является самым первоначальным, самым необходимым условием для проявления воли: ведь только при этих стремлениях возможно существование человека, а следовательно, и его воли. То-есть свободная воля человека находится в границах, определяемых стремлением его к самосохранению, так как только при условии существования «хотящего» человека она и может проявиться; этим стремлением прежде всего создается хозяйственная деятельность. А стремление к самосохранению побуждает его затрачивать свои силы в направлении наименьшей затраты с наибольшими результатами. В свою очередь это направление хозяйственной деятельности человека определяется объективными условиями, в которые втиснут каждый хозяйствующий субъект. Если внешняя социальная среда не может быть изменена одной личностью, т.-е. если хозяйствующий субъект не может направить весь экономический строй в желательном ему направлении, потому что, как хозяйствующий субъект, он стремится к определенным выше хозяйственным результатам, то и направление его хозяйственной деятельности определяется за его спиной, помимо его

воли. Только в рамках существующей социальной среды он может проявлять свою хозяйственную деятельность и свое «свободное» стремление получить наибольший результат с наименьшими затратами. В современном обществе с капиталистическим производством, при анархии этого производства, это стремление приводит к конкуренции отдельных хозяйств, различных форм хозяйства и различных общественных классов и является в то же время орудием борьбы. Увеличение производительности труда является одним из наиболее могучих орудий в борьбе различных хозяйств друг с другом. Если можно сказать, что человек сам создает свое хозяйство, то только в том смысле, что он создает и ярмо необходимости, из которого он до сих пор не мог выскочить, так как связан теми внешними условиями, которые направляют его хозяйственную деятельность. Таким образом, законосообразность экономических явлений вытекает и обусловливается целесообразностью экономической деятельности: они находятся в тесной зависимости и связи. Поэтому вера в экономический прогресс имеет объективное основание в самой законосообразности экономических явлений: развитие производительных сил, являясь результатом субъективных стремлений, в то же время является объективно необходимым фактором хозяйственного развития. Этим фактором будет определяться система, организация и форма хозяйства, поскольку они зависят от развития производительных сил. Экономический и социальный прогноз, основанный на изучении влияния этого фактора на народное хозяйство будет иметь и научные основания, а не только субъективную веру в то, что желательно.

2.

В современном общественном хозяйстве на-ряду с капиталистическими хозяйствами, организованными с целью производства прибавочной ценности и получения прибыли, существуют мелкие хозяйства, организованные для добывания средств существования самого производителя. Таких хозяйств особенно много в земледелии, при чем производимые в хозяйствах продукты в значительной своей части потребляются непосредственно в самом хозяйстве. Несомненно, между этими двумя типами хозяйств — между капиталистическим крупным и некапиталистическим мелким — существует коренное различие по экономической и социальной организации и по целям, которые преследует то и другое хозяйство. Тем не менее, при анализе хозяйственного развития общества, мы должны принять в основание своего анализа основной фактор, который определяет хозяйственную деятельность человека при всяких условиях. Таким фактором в производстве является, как мы указали, стремление к развитию производительных сил. Развитие производительных сил является одним из частных проявлений стремления человека к экономии своей энергии. Это стремление присуще всем стадиям хозяйственного развития общества. Дикарь-охотник, так же как и современный рабочий, стремится насколько может меньше затрачивать своей энергии на добывание

средств существования, но проявляется это стремление не одинаково. В капиталистическом производстве, где организатором предприятия является предприниматель-капиталист, ставятся задачи не непосредственного сохранения рабочих сил, даже не увеличения производительности труда, а сокращения издержек производства. Увеличение производительности труда является лишь средством для сокращения издержек производства. В мелком хозяйстве эта связь теснее и производитель прямо организует производство, стремясь меньше затратить труда, чтобы получить наибольшие результаты, чтобы в то же время лучше удовлетворить свои потребности.

При удовлетворении потребностей, при потреблении продуктов, хозяйствующие субъекты руководствуются тем же принципом: лучше, полнее удовлетворить свои потребности с наименьшей затратой. Это стремление также присуще и потреблению при капиталистических отношениях и в некапиталистическом хозяйстве, но проявляется различно. В хозяйстве, организованном самим производителем, главная часть производительных сил этого хозяйства направляется на удовлетворение наиболее настоятельных потребностей членов хозяйства. Цели хозяйствующего субъекта в мелком хозяйстве совпадают с характером потребностей, присущих человеку. Производитель стремится получить прежде всего хлеб, чтобы обеспечить свое существование, стремится удовлетворить более настоятельные потребности.

Организация капиталистического производства ставит целью вовсе не удовлетворение потребностей производителей, а получение прибыли при производстве для рынка; только через посредство рынка условия потребления влияют на производство тех или других продуктов. Предприниматели не ставят своей задачей удовлетворять более настоятельные потребности людей и лишь через посредство рынка потребители побуждают предпринимателей ту или иную часть производительных сил страны направлять на производство предметов, удовлетворяющих наиболее настоятельным потребностям.

Так как удовлетворением в пище и отчасти в одежде и жилище обусловливается самое существование человека, то затрата производительных сил населения на производство необходимых для существования человека продуктов является в известных пределах необходимой. Правда, даже потребность в пище может расширяться и сокращаться в значительных пределах, но существует определенный minimum удовлетворения потребностей для каждого человека, так как ниже этого minimum'а начинается вымирание, смерть. Поэтому для лиц, принимающих участие в производстве, этот minimum средств существования должен производиться, так как им обусловливается их существование, а следовательно — и участие в производстве.

При малой производительности труда в земледелии бо̀льшая часть производительных сил страны и при натуральном и при капиталистическом хозяйстве должна затрачиваться в земледелие; наоборот, с увеличением производительности труда бо̀льшая часть производительных сил населения затрачивается на производство продуктов,

удовлетворяющих менее настоятельным потребностям, или на орудия и средства производства. Таким образом, при различной производительности труда происходит различное распределение производительных сил населения между различными отраслями производства. Чем меньше производительных сил затрачивается на удовлетворение наиболее настоятельных потребностей, главным образом потребности в пище, тем больше затрачивается на производство других продуктов.

Для капиталистического хозяйства перераспределение производительных сил выражается в относительном и абсолютном росте постоянного капитала (орудий и средств производства) при относительном сокращении переменного (заработной платы). При развитии производительных сил неизбежность роста постоянного капитала очевидна.

Гораздо менее очевидно то, что развитие производительных сил страны происходит быстрее, если постоянный капитал растет не на счет переменного, а на счет непроизводительного потребления. На значении производительного потребления мы остановимся далее, теперь же укажем лишь, что повышение переменного капитала вовсе не ведет к сокращению капитала постоянного, а, напротив, ведет и к повышению постоянного капитала на счет непроизводительного потребления.

Большая выгодность введения улучшенных орудий при высокой заработной плате побуждает в капиталистических предприятиях увеличивать постоянный капитал. Во всяком случае, в капиталистических предприятиях увеличение производительности труда ведет к увеличению орудий и средств производства, следовательно, к относительному сокращению личного потребления продуктов земледелия, т.-е. к перераспределению производительных сил. Этот вывод относится не только к капиталистическим, но и к некапиталистическим хозяйствам. Из бюджетных данных о крестьянских хозяйствах и из общих статистических данных видно, что чем лучше поставлено хозяйство, тем большее место в крестьянском бюджете занимают «хозяйственные» потребности. Несомненно, что развитие производительных сил и в мелком хозяйстве возможно при улучшении орудий производства, т.-е. при большем потреблении продуктов обрабатывающей промышленности (капиталистической или некапиталистической). Всегда ли возможно и, вообще, возможно ли в мелком хозяйстве применение улучшенных орудий, увеличивающих производительность труда, и не ведет ли развитие производительных сил в мелком хозяйстве к превращению в крупное — вопрос другой, и на нем мы не останавливаемся. Несомненно только, что увеличение производительности труда и в некапиталистических хозяйствах требует увеличения ценности неземледельческих продуктов и, главным образом, мертвого инвентаря. Но перераспределение производительных сил между земледелием и индустрией происходит не только вследствие изменения относительной доли постоянного и переменного капиталов при развитии производительности труда в капиталистических предприятиях и не только вследствие увеличения «хозяйственных» потребностей в мелких

хозяйствах [1]). Перераспределение производительных сил при их развитии сопровождается изменением и личного потребления. Если, при развитии производительных сил, в стране абсолютно увеличивается личное потребление каким-либо классом общества, то это происходит в большей степени в виде увеличения потребления продуктов обрабатывающей промышленности. Увеличение личного потребления продуктов при развитии производительных сил неизбежно вытекает из того, что без такого увеличения невозможно их развитие, ибо возрастающее количество продуктов не может потребляться только в виде возрастающего постоянного капитала, только в виде орудий и средств производства. При увеличении же личного потребления, в большей степени возрастает потребление продуктов обрабатывающей промышленности, чем предметов питания. Этот вывод одинаково распространяется как на условия личного потребления населения промышленных стран (американских, бельгийских рабочих), так и земледельческого населения в России. Сравнение бюджетов семей с различным размером личного потребления показывает, что как у крестьян, так и у рабочих и буржуазии увеличение потребления происходит при относительном увеличении расходов на продукты обрабатывающей промышленности и при относительном сокращении расходов на пищу. Следовательно, и развитие личных потребностей, возможное лишь при развитии производительных сил, происходит в виде увеличения потребления продуктов обрабатывающей промышленности, а также ведет к перемещению производительных сил из земледелия в индустрию. Мы не будем рассматривать, какой класс может увеличить личное потребление при развитии производительных сил, каким образом в капиталистических и некапиталистических предприятиях происходит увеличение хозяйственных потребностей: вывод о неизбежности перераспределения производительных сил при их развитии относится одинаково и к тому и к другому типу хозяйств, если производительные силы в этих хозяйствах развиваются. Распределение производительных сил страны

[1]) Г. Щербина в своей книге «Крестьянские бюджеты» делает попытку сравнительного анализа бюджетов хозяйств различного хозяйственного строя, совершенно не считаясь с приведенными выше соображениями, и приходит, разумеется, к чрезвычайно курьезным выводам. Сравнивая крестьянские предпринимательские бюджеты (ведь крестьянин имеет свою землю, свой инвентарь) с бюджетами американских рабочих, он делает следующее заключение: «Потребности промышленного (?) типа характеризуются слабою наличностью имущественных признаков, соответственным понижением и даже атрофировкою хозяйственных потребностей, с одной стороны, и наиболее полным и разносторонним объемом потребностей личных — с другой». Если бы г. Щербина сравнил бюджеты крестьянина с бюджетами «промышленников», имеющих свои средства производства, например, свою фабрику, свою железную дорогу, то едва ли бы он пришел к заключению, что в промышленности хозяйственные потребности «атрофируются», что «тип промысловых потребностей представляет... собою наиболее развитые потребности личные в ущерб (!) потребностям хозяйственным».

Личные потребности, разумеется, сравнимы и у пролетария, и у крестьянина, и у капиталиста, но что общего между хозяйственными потребностями рабочего и его хозяина, и можно ли говорить об «атрофировке» хозяйственных потребностей в промышленности, когда сравнивается, с одной стороны, бюджет

создается под влиянием «производительного» потребления в капиталистических и некапиталистических хозяйствах, т.-е. потребления, определяемого, в свою очередь, условиями производства. В капиталистическом хозяйстве распределение производительных сил выражается в относительной доле постоянного и переменного капиталов, а в мелком хозяйстве — в относительной величине личных и хозяйственных потребностей.

Если бы каждое государство было изолированным, то при товарном хозяйстве условия потребления продуктов повели бы к распределению производительных сил между производством средств производства и средств существования пропорционально спросу на них. Но возможно, что в стране, благодаря каким-нибудь условиям, выгоднее в данный момент производить исключительно продукты земледелия. В этом случае, с развитием производительных сил большая доля продуктов земледелия будет производиться в обмен на ввозимые продукты обрабатывающей промышленности, так как потребность в них увеличивается. Следовательно, в земледельческой стране, с развитием производительных сил, или все большая и большая часть их будет перемещаться в индустрию или все большая и большая часть продуктов земледелия должна отчуждаться в обмен на продукты обрабатывающей промышленности. Хотя целью хозяйственной деятельности людей является потребление производимых продуктов, тем не менее экономическая наука в гораздо большей степени занималась и занимается вопросом о производстве, о законах, управляющих производительною деятельностью людей, чем вопросом о потреблении.

До настоящего времени установлены только очень немногие эмпирические законы потребления, основанные, главным образом, на некоторых физиологических и психологических законах и на данных о бюджетах.

Статистики, обыкновенно, дают сырой материал, сведенный в таблицы, из которого можно только увидеть, что хозяйства с теми или иными признаками потребляют в определенном количестве те или иные продукты. Эти данные не ставятся ни в какую связь с организацией народного хозяйства, хотя эта связь несомненно существует.

хозяйства более или менее состоятельного крестьянина, имеющего свое хозяйство, а с другой стороны — бюджет пролетария. Если бы г. Щербина сравнил бюджеты бесхозяйных батраков в земледелии, с одной стороны, и фабрикантов—с другой, то он пришел бы к противоположному выводу, а именно, что «при земледельческом типе потребностей личные потребности развиваются в ущерб хозяйственным».

Пытаясь сделать поправку к установленному Энгелем эмпирическому выводу, что расходы на пищу относительно падают с увеличением дохода, г. Щербина обнаружил чрезвычайную путаницу в своих представлениях о значении хозяйственных и личных потребностей разделением на «земледельческий» и «промышленный» типы потребностей. Хозяйственные потребности предприятия земледельческого и промышленного одинаково определяются его размерами и ролью постоянного и переменного капиталов в капиталистических предприятиях, ролью средств производства и живого труда в предприятиях некапиталистических. Между тем, как градация личных потребностей семьи определяется размерами чистого дохода и ее культурным уровнем.

Например, г. Щербина сравнивает бюджет киргизов, крестьян и рабочих, упуская из виду различие хозяйственного строя, не принимая во внимание того, что «хозяйственное потребление» перешло от рабочего к капиталисту. Ближайшая задача экономической науки, по нашему мнению, и заключается в том, чтобы дать надлежащее место вопросу о потреблении, чтобы установить связь законов производства с законами потребления, чтобы охватить целиком обе стороны народного хозяйства.

Многим, вероятно, такое требование к экономической науке покажется и лишним и неисполнимым, а между тем, по некоторым признакам, эта задача уже назрела.

Теория потребления может объяснить те явления, которые даются статистикой о бюджетах: она объясняет тот механизм, посредством которого реализуется покупательная сила отдельных потребителей и всего общества при денежном хозяйстве и направление производительной силы людей на производство тех, а не других продуктов в натуральном хозяйстве. Теория может объяснить, почему киргиз при одинаковом *личном* бюджете с крестьянином потребляет больше мяса и меньше хлеба, т.-е. объяснить сходство и различие в удовлетворении личных потребностей людей, живущих при совершенно различных хозяйственных условиях.

В приведенной ниже таблице видна законосообразность цифр, указывающая, что условиям производства, положению хозяйства, как производительной хозяйственной единицы, соответствует определенное потребление продуктов, при чем характер потребления находится в прямой связи с хозяйственным положением потребителя. Повидимому, полная случайность, которая руководит на рынке спросом на продукты, находится в зависимости от хозяйственных, а в конечном счете, от производственных условий.

В крестьянских хозяйствах безлошадных (а), однолошадных (б), двухлошадных (в), трехлошадных (г), четырехлошадных (д), пяти и более лошадных (е) потребляется в процентах следующее количество продуктов (заимствуем эту таблицу из книги Вл. Ильина «Развитие капитализма в России»):

	а	б	в	г	д	е
На пищу	55,89	46,47	47,77	44,86	39,88	28,10
На остальное личное потребление	16,05	9,87	11,77	12,14	15,77	5,19
На хозяйство	13,87	33,46	32,02	35,17	35,12	61,29
На подати	14,19	10,20	8,44	7,83	7,23	5,42

Личные потребности различных лиц совершенно несоизмеримы с хозяйственными.

Личные потребности определяются количеством чистого дохода и культурным уровнем населения, при чем они возрастают от увеличения дохода и дифференцируются от высоты культурного уровня. Из приведенной таблицы видно, что рост личных потребностей вовсе не связан с ростом хозяйственных потребностей крестьян, потому что в крестьянском хозяйстве хозяйственные потребности растут

в зависимости от размеров предприятия, между тем как личные потребности определяются чистым доходом хозяйства. Поэтому, чем больший доход получается от сторонних заработков, тем меньше должно быть «хозяйственное».потребление продуктов.

В национальном производстве хозяйственные потребности возрастают по мере развития производительных сил, потому что развитие производительных сил находится в связи с увеличением ценности основного капитала.

В частном хозяйстве хозяйственные потребности определяются размерами предприятия, потому что, чем больше предприятие, тем меньшая часть валового дохода может потребляться лично самим предпринимателем. Это положение одинаково применимо и к капиталистическому и к некапиталистическому предприятию. Капиталистическое производство отличается тем, что развитие личных потребностей в частном хозяйстве совершенно отделяется от развития хозяйственных потребностей: на-ряду с ростом личных потребностей, когда средства производства в капиталистическом хозяйстве сосредоточиваются в руках группы предпринимателей, хозяйственные потребности у пролетаризированных семей, т.-е. у значительной части населения, могут совершенно исчезнуть и сосредоточиться тоже у предпринимателей. Американский рабочий, имея в несколько раз больший доход, чем русский крестьянин, имея значительно более развитые личные потребности, ничего не тратит на хозяйственные потребности, потому что не имеет своего предприятия, своих средств производства, между тем как крестьянин, имея собственное производительное хозяйство, должен значительную часть своего бюджета затрачивать на чисто-хозяйственные потребности.

Очевидно, что при анализе бюджетов различных лиц нужно всегда отделять хозяйственные потребности от личных.

Рассматривая процесс накопления при капиталистическом производстве и развитии производительных сил, как процесс хозяйственного потребления продуктов, мы найдем, что он связан с относительным сокращением личного потребления класса предпринимателей в их хозяйственном бюджете и с относительным увеличением личного потребления пролетаризирующейся массы мелких предпринимателей, т.-е. реорганизация производства получает совершенно своеобразное выражение в процессе потребления продуктов, хотя потребности людей, повидимому, не находятся ни в какой связи с формой производства.

При капиталистическом хозяйстве анализ бюджетов хозяев и рабочих может дать картину только развития личных потребностей, потому что при различном органическом строении предпринимательского капитала, при дифференциации общества по размерам капитала, учет хозяйственного потребления производимых продуктов возможен только посредством учета размеров национального производства каждого продукта во всем народном хозяйстве.

Задача общей теории политической экономии—точнее определить соотношение условий производства с условиями потребления. Здесь мы намечаем это соотношение лишь постольку, поскольку это необходимо для выяснения тенденций хозяйственного развития: нам

важно лишь констатировать, что при малой производительности труда в земледелии большая часть производительных сил должна затрачиваться на добывание продуктов питания не только самими земледельцами, но и теми, кто производит другие продукты в обмен на продукты земледелия.

Наоборот, чем больше потребляется продуктов производства в виде орудий и средств производства, тем труд производительнее. Следовательно, развитие производительных сил должно создавать и, в свою очередь, создаваться перераспределением производительных сил населения между различными отраслями производства в сторону расширения производства орудий и средств производства.

Мы рассмотрели влияние развития производительных сил на их распределение для производства продуктов, потребляемых «производительно», т.-е. в виде постоянного и переменного капиталов в капиталистическом производстве и в виде хозяйственных и личных потребностей в некапиталистическом мелком производстве. В развивающемся капиталистическом производстве это перераспределение производительных сил выражается в росте производства продуктов обрабатывающей промышленности вообще, и в производстве продуктов, составляющих постоянный капитал,— в частности. В некапиталистическом хозяйстве перераспределение производительных сил выразится в относительно большем росте «хозяйственных» потребностей против роста личных потребностей. При падении производительных сил перераспределение их происходит в обратную сторону. Из дальнейшего мы увидим, что относительный рост «хозяйственных» потребностей в некапиталистическом хозяйстве превращает его в конце концов в капиталистическое, теперь же мы можем лишь констатировать, что развитие производительных сил и в некапиталистическом хозяйстве должно вести к развитию «хозяйственных» потребностей в виде средств производства, к перераспределению производительных сил из земледелия в другие отрасли промышленности и главным образом к производству орудий и средств производства.

3.

Из изложенных соображений следует, что развитие народного хозяйства находится в тесной связи с условиями производства, распределения и потребления производимых продуктов. Эти условия в свою очередь находятся в тесной зависимости одно от другого.

Между тем в вопросе о развитии народного хозяйства обыкновенно принято считаться только с условиями производства, совершенно игнорируя процессы распределения и потребления продуктов, потому что предполагается зависимость этих процессов от условий производства. Такая точка зрения, тем не менее, ничуть еще не выясняет взаимоотношения условий производства, распределения и потребления, влияющего на развитие различных сторон народного хозяйства. Без рассмотрения этого взаимоотношения не может быть выяснено, почему та или иная отрасль промышленности не развивается

или развивается за счет других, почему развитие производительных сил при одних условиях потребления задерживается, при других идет быстрым темпом, почему при развитии производительных сил увеличивается потребление в производстве продуктов машиностроения и т. д., и т. д.

Оставивши в стороне анализ исторических условий, создавших тот или другой характер распределения и потребления продуктов национального производства, представим себе следующие схемы потребления.

Допустим, что в одном случае (а) при основном капитале в 10 тыс. миллионов рублей в стране производится в год земледельческих продуктов на 2 тыс. милл. рублей и в индустрии также на 2 тыс. милл. рублей. Допустим, далее, что из этой суммы в 4 тыс. милл. рублей производимых продуктов потребляется[1]) населением производительно 2 тыс. милл. руб. и непроизводительно (в Европе наибольшая сумма непроизводительного потреблении — на войско) также 2 тыс. милл. руб.[2]). Последняя сумма получается частью от земледельческого населения — 1.200 милл. рублей, частью из индустрии — 800 милл. рублей.

	Основной капитал	Цена продукта	Производительное потребление оборотного капитала	Непроизводительное потребление	Остаток
а) Земледелие . . .	5.000 м.	2.000	1.000	1.200	—200
Индустрия	5.000 м.	2.000	1.000	800	+200

В следующем году, вследствие того, что в земледелии потребление происходило за счет основного капитала, этот капитал сократится на 200 милл. рублей, производительность труда упадет, и для производства того же количества хлеба потребуется больше рабочих сил в земледелии. Например, если количество жнеек, молотилок и других улучшенных орудий сократится, то для обработки той же площади земли или уборки хлеба потребуется больше рабочих рук как в капиталистических, так и в некапиталистических хозяйствах.

---

[1]) В производстве и для производства или для увеличения иным каким-либо путем производительности труда.

[2]) По исчислениям, весьма, впрочем, неточным, весь хозяйственный оборот России и в добывающей и в обрабатывающей промышленности достигает 6 — 7 миллиардов рублей в год.

Из этого общего оборота страны около двух миллиардов извлекается в виде прямых и косвенных налогов и тратится уже в виде государственных расходов. Часть этих расходов идет и на потребности населения. По данным, произведенным А. Поленовым («Исследование экономического положения центр. черноз. губ.») за 1897 год, кроме губерний Московской и Петербургской, расходов, имеющих большее или меньшее значение для развития производительных сил (меры хозяйственные, учебная часть, пути сообщения и медицина), было затрачено на душу населения в районах:

Центральн. черноз.	18	коп.	Юго-зап.	42,8	коп.
Восточн.	22,7	„	Северн. Кавк. . .	32	„
Промышл.	23	„	Прибалт.	84,4	„
Малорос.	31,5	„	Северн.	57	„
Северо-зап. . . .	38,2	„	Южный	47	„
Закавказ.	71	„	Польский	67	„

Земледельческое население увеличится за счет естественного его прироста, но производительность его труда упадет.

В индустрии остаток в 200 милл. руб. распределится между основным и оборотным капиталом, производительность труда увеличится и отчасти увеличится промышленное население, поскольку из оборотного капитала часть перейдет в переменный капитал.

Следовательно, при таком соотношении производства и потребления продуктов среди земледельческого населения будет расти пауперизм и уменьшение производительности труда на-ряду с абсолютным увеличением земледельческого населения.

Нечего и доказывать, что вывод не изменяется от существования в стране мелких некапиталистических хозяйств.

Как ни странным может показаться такой вывод, но он подтверждается и всеми далее приводимыми фактами: емкость территории для земледельческого населения может увеличиваться при падении производительности труда в современном земледельческом хозяйстве. Это увеличение территории происходит при обнищании земледельческого населения.

Связь между развитием производительных сил и емкостью территории для земледельческого населения выяснится из анализа тенденций развития сельского хозяйства.

Теперь допустим, что непроизводительное потребление относительно сокращается и распределяется поровну между индустрией и земледелием. Тогда:

	Основной капитал	Цены продуктов	Производительное потребление	Непроизводительное потребление	Остаток
b) Земледелие . . .	5.000 м.	2.000	1.000	600	400
Индустрия	5.000 м.	2.000	1.000	600	400

На следующий год при современной организации производства могут произойти следующие изменения. В капиталистических предприятиях при предположении, что «непроизводительно» потребляется не весь продукт, остаток будет реализоваться в виде орудий и средств производства. Но и в некапиталистических хозяйствах остаток реализуется, как это видно из бюджетов крестьянских хозяйств, в виде роста хозяйственных потребностей, т.-е. в виде орудий и средств производства.

В странах, в которых быстро развиваются производительные силы, мы можем наблюдать два вида распределения растущих производительных сил: в колониях и в С.-А. Соединенных Штатах, при относительно редком населении и возможности быстрого расширения запашки, накопленный в земледелии капитал идет на расширение запашки и на увеличение производительности труда в земледелии. Количество скота, размеры запашки и применение сельскохозяйственных орудий там быстро увеличиваются. В индустрии, при расширении производства, значительную долю составляет производство орудий производства для земледелия, т.-е. происходит быстрое расширение

внутреннего рынка для расширения производства и в земледелии и в индустрии.

В Западной Европе, например, в Англии, мы наблюдаем другое распределение растущих производительных сил. При невозможности расширения запашки и значительного увеличения производства сельскохозяйственных продуктов, часть накопляемого капитала из земледелия идет на развитие производительных сил в индустрии. При статическом состоянии или медленном развитии земледелия индустрия быстро развивается.

Во всех трех случаях распределение населения будет так же различно, как и развитие производства[1]): в первом случае (а), при росте земледельческого населения и пауперизме[2]), будет более медленное увеличение промышленного населения. Во втором случае (Соединенные Штаты) растущее население поглощается и земледелием и индустрией. В последнем случае значительная часть избыточного земледельческого населения поглощается развивающейся индустрией и городом,— что, конечно, не мешает образованию пауперизма и в городе.

Было бы крайне ошибочно рассматривать потребление независимо от условий производства, от развития производительных сил. Размеры непроизводительного потребления имеют неодинаковое значение при неодинаковых общих размерах производства, при различной производительности труда. Например, если бы в первом случае (а) производительность труда была значительно выше, то относительная доля непроизводительного потребления сократилось бы и не повела к падению производительных сил. Тем не менее, поставивши в основу хозяйственного развития развитие производительных сил, нужно учесть и влияние потребления продуктов на экономическое развитие.

В рассмотренных нами случаях не принималось во внимание распределение производимых продуктов между различными классами. Между тем характер потребления производимых продуктов влияет и на распределение. В первом случае (а), когда средства производства сокращаются вследствие непроизводительного потребления продуктов, будет происходить обнищание населения. Процесс накопления замедлится, потому что только ничтожная (абсолютно) доля продукта может капитализироваться в земледелии. При жестоких формах эксплоатации процесс накопления будет задерживаться и может даже совсем остановиться, так как весь продукт, который мог бы реализоваться, как средства производства, по нашему предположению, потребляется непроизводительно. Среди потребительных хозяйств вместо дифференциации должна происходить нивеллировка их в сторону обнищания. Пока доля «непроизводительного» потребления не

---

[1]) При анализе условий развития производительных сил мы принимаем во внимание экономические условия не только потому, что они поддаются более точному учету, но и потому, что задачи политической экономии ограничиваются анализом экономических отношений.

[2]) В России вторичные земские переписи констатировали увеличение земледельческих хозяйств и числа дворов; на-ряду с этим констатируется и обеднение населения.

сократится, положение земледельческого населения почти безнадежно, так как та часть продукта, на счет которой его доля могла бы увеличиться, исчезает из земледелия почти бесследно; земледельческое производство не расширяется, избыточное население увеличивается, а индустрия развивается медленно. В свою очередь, распределение между промышленными классами сложится неблагоприятно для производителей, потому что избыточное земледельческое население понижает заработную плату и в индустрии. Изменение распределения между классами, занятыми в индустрии и в земледелии, значительно легче во втором (b) и в третьем случае, когда быстро развивается земледелие и индустрия и когда при остановке развития земледелия быстро развивается индустрия. И в том и в другом случае происходит увеличение производимых продуктов (расширенное воспроизводство), и заработная плата может повыситься за счет возрастающего прибавочного продукта. Расширение производства увеличивает спрос на рабочие руки и создает более благоприятные условия для улучшения положения массы населения.

Значение приведенных общих соображений выяснится из всего дальнейшего анализа эволюции народного хозяйства. Мы изложили лишь в общих чертах[1]) значение потребления продуктов, производимых и в капиталистических и в некапиталистических хозяйствах страны, чтобы указать на влияние потребления на общую эволюцию национального хозяйства и на развитие его производительных сил. Эти общие указания могут показаться трюизмами, но, как уже не раз нами замечено, задача исследования и состоит в том, чтобы связать частные явления хозяйственной жизни с общепризнанными положениями...

Наиболее благоприятные условия потребления производимых продуктов сложились в новых странах — в Соединенных Штатах, Австралии и др., и в странах, уже обладающих наиболее производительным трудом, например, в Англии. Впрочем, в Англии в последние десятилетия отлив капиталов в другие страны, сделавший эту страну «банкиром» других стран, задерживал развитие производительных сил, и Англия все более и более уступает место новым конкурентам.

В России потребление производимых продуктов приближается к первому типу (а). При этом в некоторых районах сокращается не только сумма средств, необходимых в земледелии для дальнейшего производства, но и средств, необходимых для удовлетворения наиболее настоятельных потребностей населения. Увеличение вывоза хлеба происходит за счет сокращения потребления, что уже ведет к вымиранию...

---

[1]) Более подробный анализ законов потребления см. П. Маслов «Наука о народном хозяйстве», изд. 2-е 1924 г.

Глава III.

Условия развития производительных сил.

1. Отделение индустрии от земледелия, как условие развития производительных сил в индустрии.— 2. Значение машин для развития производительных сил в земледелии.— 3. Развитие техники в сельском хозяйстве.

1.

Развитие производительных сил является необходимым условием развития народного хозяйства не только потому, что последнее предполагает увеличение господства человека над природой, но и потому, что этого требует рост населения и увеличение его потребностей. Поэтому при определении тенденции развития какой бы то ни было отрасли промышленности нужно предполагать, что ее развитие, в общем, должно итти в направлении наибольшего развития производительных сил, хотя в силу тех или иных социальных условий это развитие в различные исторические моменты может задерживаться и даже приостанавливаться. Будущее, во всяком случае, принадлежит такой форме хозяйства, которая наиболее развивает производительные силы общества.

Эту элементарную посылку не мешает повторять, потому что значительная часть споров о судьбах сельского хозяйства теряет свое значение без ее признания. Например, вся статистическая аргументация в пользу того, что мелкое хозяйство имеет преимущество перед крупным, теряет значительную долю своей убедительности, если в мелких хозяйствах не происходит развития производительных сил, как в крупном капиталистическом. Мы будем иметь случай коснуться причин жизненности мелкого хозяйства и теперь только заметим, что, например, в Тироле, где «рабочие нужны для того, чтобы пасти скот и обрабатывать земли, а эти работы нужны для содержания работников», и где, тем не менее, «раздается много жалоб на нищету батраков, и справедливых жалоб» [1]), где, следовательно, можно

---

[1]) Hertz. «Die Agr. Fragen». S. 19.

видеть полное отсутствие развития производительных сил,— сохранение мелкого хозяйства служит лишь признаком застоя.

Если по каким-либо причинам в земледелии не происходит развития производительности труда или оно происходит медленно, то из этого еще ничуть не следует, что сельское хозяйство развивается по особым законам, что оно находится вне влияния капиталистических отношений и законов капиталистического развития, что его развитие должно итти в противоположном направлении, что тенденция развития общественных производительных сил не распространяется на сельское хозяйство. В данный исторический момент экономическое развитие общества может выражаться не в развитии производительных сил земледельческих хозяйств, а, например, в процессе выделения из земледелия различных отраслей промышленности, в промышленной дифференциации и увеличении производительности труда в отделяющихся от земледелия отраслях промышленности.

В действительности хозяйственное развитие капиталистического общества до настоящего времени совершалось, именно, таким образом: как только в какой-либо отрасли земледельческого хозяйства производительность труда в значительной степени увеличивалась, так эта отрасль хозяйства отделялась от земледелия и становилась самостоятельной отраслью промышленности. Оказывалось, что сельское хозяйство как будто не эволюционирует: хотя производительность труда в национальном хозяйстве увеличивается, но увеличивается уже в отраслях промышленности, отпадающих от земледелия[1]).

История развития народного хозяйства в эпоху наиболее интенсивного роста производительных сил общества является историей разложения сельского хозяйства и отделения от него различных отраслей промышленности, до производства для него сельско-хозяйственных орудий включительно. Еще очень недалеко то время, когда железных дорог не было и когда не только доставка продуктов сельского хозяйства на рынок, но и продажа хлеба были необходимой функцией сельского хозяйства; мельницы-раструски еще и теперь существуют в громадном количестве и т. д., и т. д.

Разумеется, такое отделение различных отраслей промышленности не было причиной развития общественных производительных сил, а лишь, при современных экономических отношениях, необходимым условием этого развития.

---

[1]) Э. Вандервельде совершенно справедливо говорит: «Те, кто утверждают более или менее категорически, что капитализм не проникает в сферу сельского хозяйства, просто не желают отдать себе отчета в том, что различные отрасли промышленности, некогда неразрывно связанные с земледелием, теперь все больше и больше отделяются от него, уходят из деревни и принимают постепенно капиталистическую форму». «Несколько лет тому назад большинство наших фермеров занималось домашним пивоварением; в настоящее время пивоваренные заводы монополизировали обработку хмеля. Единственный след, оставшийся от этой отрасли домашней промышленности,— это несколько кустов дикого хмеля на загородках больших плантаций хмеля». (Вандервельде. «Притягательная сила городов». Русск. перев., стр. 12). Можно бы привести такие же примеры о множестве других отраслей промышленности.

Проф. А. Скворцов называет натуральное хозяйство *нерациональным*, потому что оно «никогда не выполняло» (не могло выполнять. П. М.) правила рационального земледелия, которое гласит: производи только те растения, которые соответствуют местным почвенным и климатическим условиям[1]). Это можно сказать не только о культуре растений, но и о производстве натуральным хозяйством всяких продуктов. В этом смысле развитие менового хозяйства и общественное разделение труда являлись необходимым условием развития общественных производительных сил[2]). Но распадение сельского хозяйства на различные отрасли промышленности идет дальше, чем это необходимо для рационального хозяйства. Если мукомольное производство выделилось в особую отрасль промышленности, то такое выделение не вызывалось рационализацией хозяйства. Для того, чтобы хозяйство было рациональным, наиболее производительным, вовсе не нужно, чтобы *собственниками* мельниц были другие лица, а не сельские хозяева.

Для развития производительных сил необходимой делается концентрация производства. Паровая мельница вместо мельницы-раструски, паровой транспорт вместо гужевого, машинное производство вместо домашнего кустарного — являются производством в крупных размерах и требуют отделения этих отраслей промышленности от земледелия не по техническим условиям, а по условиям социальным, вследствие недостаточной концентрации капитала.

Пока какая-либо отрасль промышленности является одной из функций сельского хозяйства, технический прогресс в этой отрасли не может быть сколько-нибудь значительным, так как он требует не только большого капитала, но и соответственной организации производительных сил. Поэтому при современных капиталистических отношениях технический прогресс замечается в тех хозяйствах, которые до известной степени специализировались или располагают огромным капиталом, т.-е. предполагает в известной степени *дифференциацию хозяйств по величине капитала*, которая усиливается уже благодаря дальнейшему техническому прогрессу. Организация труда и концентрация капитала имеют такое огромное значение для техники производства, что отрасль промышленности, не отделившаяся от земледелия, но достигшая значительного технического совершенства, приобретает обыкновенно доминирующее значение в земледельческом хозяйстве и приспособляет его. Сахарные, крахмальные, винокуренные и др. заводы требуют так много сырого

---

[1]) А. Скворцов. «Экономические этюды». 1894 г., стр. 39.

[2]) Поставивши в основу экономического развития общества развитие производительных сил, мы, тем самым, *мерилом* развития производительных сил ставим труд, количество его затраты Труд является *общественным* объективным мерилом ценности, и, сколько бы не указывалось на несовпадение цены товара с его ценностью, значение трудовой ценности этим не может быть подорвано: ведь человек, как бы его ни убеждали, ценит только свой труд, свою затрачиваемую энергию. Спорить можно лишь о том, в каких пропорциях происходит обмен продуктов, какое влияние имеет на меновые производительные отношения капитал, потребность в продукте, монополия и другие социальные и технические факторы, труд же остается общим объективным мерилом.

продукта для обработки, что приспособляют к себе целый ряд земледельческих хозяйств, охватывающих иногда довольно обширный район. Следовательно, развитие производительных сил сопровождается или предполагает обыкновенно концентрацию производства и организацию крупных предприятий. Организуются ли эти крупные предприятия в виде кооперативов или капиталистических предприятий — одинаково в основу их полагается развитие производительности труда, более доступное при организации в крупных размерах.

Таким образом, до настоящего времени процесс развития производительных сил капиталистического общества проявлялся в виде ряда изменений общественной организации производства,— целого ряда процессов, тесно связанных друг с другом (насколько обязательна и необходима их связь, мы рассмотрим далее):

1) процесс промышленной дифференциации, общественного разделения труда[1]),

2) процесс экономической дифференциации хозяйств, обогащение одних и обеднение других,

3) процесс концентрации капиталов и

4) концентрации производства.

Определить — в какой взаимной связи и зависимости находятся эти процессы изменения хозяйственных отношений в каждой отрасли промышленности — является необходимой задачей исследования о судьбах хозяйственного развития общества, и было бы крайне ошибочно исследовать одну какую-нибудь сторону хозяйственного развития вне зависимости от других его сторон. Разумеется, если экономист не задается широкой целью определить судьбы народного хозяйства, чтобы обосновать на таком исследовании целую программу того или иного воздействия на экономическую жизнь, то он может анализировать одну какую-нибудь сторону хозяйственного развития общества. Но, когда речь идет вообще о хозяйственной эволюции общества, такой метод исследования является, несомненно, совершенно неправильным. К таким приемам в последнее время как-раз прибегали критики Каутского; они совершенно игнорируют влияние других сторон капиталистической эволюции, рассматривая лишь статистические данные о концентрации производства. А между тем взаимная связь различных сторон хозяйственной эволюции общества настолько тесна, что трудно себе представить,— да его никогда и не существовало,— развитие производительных сил общества без более или менее значительного шага вперед в общественном разделении труда, концентрации капитала и производства.

Выделение различных отраслей промышленности из земледелия, как мы заметили выше, являлось условием развития производительных сил и вело к концентрации производства и капитала. Герц, желая доказать обратное примером тирольского крестьянского хозяйства,

---

[1]) Техническое разделение труда имеет не меньшее значение, чем общественное разделение труда, и существовало во все времена, существует даже у животных (на охоте, при самозащите и т. п.); но значение его развития выясняется при анализе процесса концентрации производства, потому мы и не выделяем его как особый процесс.

лишь подтверждает нашу мысль. По его словам, в Тироле не происходит процесса концентрации производства, но там как-раз нет и развития производительности труда, нет общественного разделения труда, и хозяйство в значительной степени еще сохранило все черты натурального хозяйства. А натуральное хозяйство и характеризуется тем, что в нем от земледелия не успели отделиться отрасли промышленности, в которых наиболее доступно быстрое развитие производительных сил.

Следовательно, прежде чем рассматривать вопрос о судьбах земледелия, о тенденциях его развития, нужно выяснить, проявляется ли в нем развитие производительных сил, т.-е. существует ли самый процесс развития и в каких формах он проявляется и может проявиться.

Этим вопросом обыкновенно не задаются. Например, в своем двухтомном сочинении г. Булгаков не составил себе, повидимому, даже правильного представления о разнице между производительностью земледельческого труда и «производительностью» земли, так как постоянно их смешивает. «Когда говорят о росте производительности земледельческого труда или земледелия,— заявляет г. Булгаков,— то, несмотря на неточность обычного словоупотребления, всегда разумеют именно рост производительности земли, потому что, как мы объяснили, о росте производительности человеческого труда не может быть и речи» [1]).

Заявление очень решительное, но ничем не доказанное.

2.

Увеличение производительности труда требует соответственной организации производительных сил. Обыкновенно увеличение производительности труда достигается увеличением постоянного капитала в предприятии и относительным сокращением прилагаемого в нем живого труда. Поэтому развитие производительных сил является главным орудием в победе крупного производства над мелким.

В индустрии борьба крупного и мелкого производства тогда обостряется, и победа крупного производства является тогда несомненной, так как орудия производства, увеличивая в значительной степени производительность труда, требуют организации значительного количества рабочих. Пока орудия производства, машины, не требуют организации значительного количества рабочих или пока они настолько незначительно увеличивают производительность труда, что ручной труд может с большим или меньшим успехом конкурировать, до тех пор мелкое производство сохраняется и даже поддерживается крупным.

Технический прогресс и развитие производительных сил во всех отраслях промышленности, в том числе и земледелии, обыкновенно является результатом увеличения ценности орудий и средств производства, когда непосредственно прилагаемый живой труд употребляется все в меньшем и в меньшем количестве, чем количество труда, прилагаемого к производству орудий производства.

---

[1]) «Капитализм и земледелие», т. I, стр. 67.

Но в земледелии, как увидим далее, вместе с увеличением производительности труда, благодаря техническому прогрессу, может быть уменьшение производительности труда, вследствие уменьшения производительности почвы. Поэтому требуется выяснить значение не только технического прогресса, но и значение специфических условий земледельческого труда и, главным образом, производительности почвы, разницу между производительностью труда и производительностью почвы, между развитием производительных сил и увеличением урожайности земли. Такое смешение прозводительности труда и доходности земельного участка или капитала обнаруживается в особенности у противников трудовой теории ценности, так как существует безусловная связь представления о капитале, как о производительной силе, создающей ценность, с представлением о нем, как об источнике, создающем доход, а не как об орудии отчуждения дохода, производимого трудом. С точки зрения частнохозяйственной, предпринимательской, такое представление о ценности и доходе кажется безусловно правильным, потому что для предпринимателя совершенно все равно, создается ли получаемый им доход, благодаря усиленной эксплоатации труда или благодаря увеличению его производительности, введению машин. Между тем, с точки зрения народнохозяйственной не безразлично, увеличилось ли производство продукта, благодаря увеличению производительности труда или благодаря большей его затрате, потому что с этой точки зрения подлежат учету не доходы, получаемые тем или иным предпринимателем, а расход национальных производительных сил, затрата общественного труда на производство тех или иных продуктов. Правильность этой точки зрения наглядна при обсуждении вопроса о протекционизме. Доходное для предпринимателя предприятие может быть малопроизводительным и обратно.

Напротив, с точки зрения предпринимателя, например, при понижении рабочей платы труд без машин более производителен, чем труд с машиной, дорого оплачиваемый. Хозяйство с ручным трудом будет более выгодно, чем с машинным производством, так как издержки производства и цена продукта могут быть ниже, чем при машинном производстве и высокой заработной плате. Следовательно, при низкой заработной плате, когда введение машины невыгодно, труд производительнее, чем труд при посредстве машины, потому что он дает больше «прибавочного продукта»! Кроме того, при низкой заработной плате, когда введение машины невыгодно, с точки зрения вульгарной экономии, она не создает ценности, потому что, если бы она таковую создавала, то и вводилась бы. Когда же заработная плата повышается, тогда машина начинает творить, создавать ценности, потому что введение машины тогда становится выгодным. Оригинальное свойство «производящей ценности» машины, обнаруживающееся в зависимости от высоты рабочей платы!

С точки зрения народнохозяйственной производительность труда определяется количеством, общественно необходимым для его затраты, чтобы получить необходимое для общества количество продуктов. Чем меньше затрачивается труда для производства данного количества продуктов, тем труд производительнее и обратно.

Поэтому урожайность некоторых участков земли может быть чрезвычайно высока, благодаря большой затрате на них труда, но этот труд может быть малопроизводителен, потому что при меньшей затрате труда, но на большей площади, возможно получить такое же количество продуктов. Точно также при введении машины труд будет производительнее, хотя бы цена продукта повысилась вследствие повышения издержек производства, повышения заработной платы за труд при новых условиях. Благодаря интенсивности обработки, данный участок земли даст большой урожай, но производительность прилагаемого труда может быть незначительной и с увеличением урожайности земли может уменьшаться. Очевидно, в сельском хозяйстве могут существовать факторы, действующие в противоположном направлении на производительность труда.

Что машина увеличивает производительность труда, — в этом едва ли кто-нибудь сомневается, кроме слишком тенденциозных авторов. Г. Булгаков даже приводит из книжки Samuelson'а сравнение количества рабочей силы, требующейся в нескольких хозяйствах Англии при ручном и машинном производстве, при чем оказывается, что на косьбу травы с машиной требуется два человека, без машины — 9 человек, на жатву с машиной — 3 человека, без машины — 12, на вязку — $2^1/_2$ и 12 и т. д. Тем не менее, приведя такую иллюстрацию, автор заявляет, что «относительно большинства производительных операций технически безразлично, будут ли они выполнены рабочей силой, скотом или машиной: иногда машинная работа даже хуже ручной. Машина вводится тогда по экономическим соображениям, потому что машинная работа представляется в данном случае дешевле. Задачей, которая сознательно преследуется в таком случае при введении машины, является заменить рабочих, имеющихся уже в наличности или только потенциально»[1]), как будто в других отраслях промышленности, например, на ткацких фабриках, машины вводятся не «по экономическим соображениям», не потому, что машинная работа «дешевле», а из гуманных соображений и для пользы общества! Как будто там машина «потенциально» не заменяет рабочих.

Как и в других отраслях промышленности, так и в земледелии, машины всегда вводятся потому, что, увеличивая производительность труда, они сокращают издержки производства; но часто, в особенности в земледелии, машины, увеличивая производительность труда, не сокращают издержек производства и не вводятся. Например, при низкой заработной плате введение машины не всегда выгодно.

Причин, препятствующих введению машин в сельском хозяйстве, его техническому прогрессу, мы коснемся дальше; во всяком случае, машина имеет значение постольку, поскольку она увеличивает производительность труда. Итак, г. Булгаков находит, что в земледелии (в отличие от индустрии!) машины вводятся «не по техническим, а по экономическим соображениям, не потому, чтобы они производили

[1]) «Капитализм и земледелие», стр. 51.

лучше или, по крайней мере, чтобы так же, как они, не могла работать человеческая или животная сила, но потому, что их работа дешевле» [1]).

Между тем, в большинстве отраслей промышленности ручной труд лучше, но мало производителен. Машина вводится предпринимателями именно там, где ее работа дешевле, где машинный труд производителен.

Другие соображения приводимые г. Булгаковым в пользу того, что в сельском хозяйстве машинный труд не имеет преимуществ перед ручным, еще менее убедительны. Указывая на то, что в земледелии машина не может захватить многих процессов сельскохозяйственного производства, г. Булгаков лишь констатирует факт, но совершенно не объясняет его. При том, при всякой фабрике, при всяком заводе есть формы труда, которые в настоящее время не заменяются машинным трудом. В чугунно-плавильном производстве добыча руды, угля, дров в настоящее время требует ручного труда; многие фабрики создают рядом целые отрасли ручного труда, организованного или непосредственно фабрикой или находящегося от нее в зависимости, и это не мешает употреблению машин.

Смешивая развитие производительности труда, благодаря техническому прогрессу, с урожайностью, с производительностью участков земли, г. Булгаков отрицает самый факт развития производительных сил в земледелии. «Увлекшись своей конструкцией вытеснения постоянной частью капитала (орудия и материалы производства) переменной (рабочая сила), которая в общем правильно выражает развитие промышленности, но совершенно не приложима к земледелию, Маркс распространял эту конструкцию и на земледелие: он считал возможным даже абсолютное сокращение числа сельскохозяйственных рабочих. Мнение это, имевшее некоторое влияние благодаря авторитету автора... совершенно не может быть поддерживаемо в настоящее время» [2]). Что число сельскохозяйственных рабочих сокращается, несмотря на расширение сельскохозяйственного производства, едва ли составляет тайну и для г. Булгакова: что сельскохозяйственные машины абсолютно *сокращают* число рабочих—это все знают, и мы могли бы привести сотни свидетельств тех, кто писал о сельском хозяйстве. Автор и в этом случае смешивает технический прогресс с урожайностью, которая достигается в большинстве случаев новой затратой живого труда на ту же площадь земли.

Маркс совершенно прав, утверждая, что технический прогресс в земледелии ведет к абсолютному сокращению рабочих сил, и это, как увидим, является главнейшим препятствием к развитию в земледелии производительных сил и техническому погрессу. На юге России, напр., введение жатвенных машин сократило потребность в рабочих на сотни тысяч, а в центральной России *сельскохозяйственные рабочие борются с введением машин* чрезвычайным понижением заработной платы и достигают того, что молотьба

---

[1]) «Капитализм и земледелие», стр. 48.
[2]) Ibid., стр. 30.

цепами обходится так же дешево, как и машиной. Но разве это доказывает, что машина не увеличивает производительности труда, что она не сокращает числа сельскохозяйственных рабочих?!

Г. Булгаков так тенденциозен,—другие защитники мелкого хозяйства не уступят ему в этом,—что даже совершенно отрицает выгоды кооперации в земледелии: «Не трудно видеть, что земледелие не получает от кооперации выгод, свойственных последней. Нечего говорить, что процесс (или процессы) земледельческого производства в его целом, с перерывами и неравномерным распределением труда, не может быть предметом планомерной кооперации,—речь может итти только об отдельных его моментах. Очевидно, что в этих моментах нет таких, которые выполнимы были бы только кооперирующими работниками и не поддавались бы индивидуальному выполнению. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что большинство отраслей сельского хозяйства доступно как мелкому единоличному производству, так и крупному...». «Очевидно, разделение труда имеет смысл только в том случае, если рабочая сила утилизируется, по крайней мере, не меньше, чем до разделения»[1]).

Всякое крупное производство, развившееся благодаря техническому прогрессу из мелкого, «поддается индивидуальному выполнению». Например, ткачество доступно кустарю-ткачу, и тем не менее кооперация в виде фабрики дает огромное преимущество крупному производству, увеличивая в несколько раз производительность труда. То же самое и в земледелии: пока машина не введена, возможно единоличное производство, по введении же машины требуется кооперативный труд, более или менее сложная организация труда. Конная и паровая молотилка требует, например, не менее 15—40 рабочих единовременно, жатвенная машина, не сноповязалка—не менее 10 человек и т. д. Действие этих машин невозможно (точно так же, как и действие любой машины в индустрии) без кооперации рабочих сил: увеличение производительности труда возможно только при кооперации.

В земледелии, точно так же, как и в индустрии, только при техническом прогрессе возможно развитие производительных сил, а технический прогресс возможен при кооперации и при техническом разделении труда, при организации крупного производства.

Правда, благодаря быстрому развитию производительных сил в индустрии, последняя внесла значительный прогресс в земледелие, давши улучшенные орудия и лучшие способы обработки земли, доступные и мелкому хозяйству.

Тем не менее, техника земледельческого производства в мелком хозяйстве, даже в настоящее время, в некоторых местах едва ли существенно отличается от техники за целые тысячелетия до нашего времени. По крайней мере, еще в древнем Египте сельскохозяйственная техника была едва ли ниже, чем, например, у наших крестьян. На египетских гробницах[2]) изображения посева и уборки хлеба очень

---

[1]) «Капитализм и земледелие», стр. 26--27.
[2]) Н. Клинген. «Среди патриархов земледелия», ч. I, стр. 319.

напоминают картины современного крестьянского хозяйства: сжатая пшеница связывается в снопы; двое рабочих делают из них тюк и вьючат на ослов... На таблице, изображающей молотьбу скотом, мы читаем надпись: «Молотите, бычки, для себя молотите и для хозяина, и да успокоится сердце ваше». «Бычки» и лошади и теперь часто молотят хлеб. По описанию Венига, молотилка, употреблявшаяся в древнем Египте, едва ли хуже цепа, и в настоящее время в мелких крестьянских хозяйствах более распространенного, чем молотилки.

Разумеется, отсутствие машин в сельском хозяйстве обусловливается не невозможностью их применения, не потому, что технический прогресс в сельском хозяйстве недоступен, а, главным образом, потому, что он требует накопления, новой организации производительных сил, технического разделения труда и ведет к сокращению рабочих рук. И то, и другое, и третье, как увидим, не везде и не всегда достижимо.

Если бы гг. Булгаков, Герц, Давид не увлекались целью доказать преимущества мелкого земледельческого хозяйства и рассматривали технический прогресс, как необходимое условие хозяйственного развития общества, то, вероятно, от них не укрылось бы его значение, как организующего труд начала. В пылу полемики, Герц, например, совершенно неосновательно разражается такой тирадой: «Все выводы Каутского можно резюмировать в следующих словах: во многих мелких домашних хозяйствах некоторые работы по домашнему и полевому хозяйству (топка, стряпня и т. д.) приходится исполнять чаще, чем в хозяйстве крупном, которое производит их в бо̀льших размерах зараз и потому дешевле... Может быть,— иронизирует Герц,— по введении в крестьянскую среду общего домоводства какая-нибудь «крестьянская башка» закапризничает и захочет есть клецки, когда остальные предпочтут кашу: тогда исчезнет выгода массового приготовления клецок».

Аргумент необычайно старый, употреблявшийся реакционерами якобы в защиту индивидуализма и давно опровергнутый городской жизнью. Если Герц заменил рабочего крестьянином, то от этого его аргумент не стал убедительнее и возражать на него не стоит. Далее,— возражает Герц,— по мнению Каутского, применение машин мелким хозяйством отчасти (подчеркнуто нами) недоступно. На небольших участках нельзя также производить мелиораций, орошения и т. п. Возражение это,— замечает Герц,— имело бы важное значение, не будь оно только неверным. С тем и другим недостатком,— поскольку, в силу условий данной местности, они действительно являются неудобствами,— мелкому хозяйству легко бороться путем ассоциации. Герц, очевидно, находит, что мелкому хозяйству не «отчасти», а безусловно доступны паровые молотилки, паровые плуги, жнейки, сноповязалки и даже, может быть, подъездные дорожные пути, что мелиорации в данном районе также дружно могут быть предприняты, как будто бы весь этот район принадлежал одному лицу. Мы воспользуемся аргументом самого Герца,— аргументом, совершенно неуместным там, где его приводит автор, и вполне уместным здесь: а если какая-нибудь «крестьянская башка» закапризничает и не «захочет» мелиорации,

то ведь мелиорация не может быть выполнена. Желание «крестьянской башки» отдельно печь хлеб не помешает другим печь его в одном месте, а вот нежелание подвергнуть свой участок мелиорации, или улучшенной культуре, или обработке машиной, лишает возможности и других это сделать.

Курьезна, вообще, у защитников мелкого хозяйства склонность отрицать за крупным хозяйством его технические преимущества перед мелким хозяйством, которые они же признают за кооперацией. Если машина не дает никаких технических преимуществ крупному хозяйству, то она не дает их и кооперативу; следовательно, не зачем его рекомендовать.

Далее мы увидим, какие преимущества имеет мелкое хозяйство; но в вопросе о техническом прогрессе, о развитии производительных сил является неоспоримым тот факт, что только крупное производство с машинами, кооперативное или капиталистическое, может развивать производительные силы общества как в земледелии, так и в индустрии.

Впрочем, сами защитники мелкого хозяйства приводят доказательства громадного значения машин для технического прогресса в земледелии, но не понимают всего их значения. «И из Германии сообщается,— говорит Герц, — что приобретаемые товариществами паровые молотилки скоро выходили из употребления, так как не на что было обратить сбереженного времени» [1]. Следовательно, сельскохозяйственные машины могут быть при настоящих условиях производства непригодны потому, что они сберегают лишь время, увеличивают производительность труда настолько, что у мелких хозяев остается избыток времени, который нельзя употребить на земледелие; следовательно, машины оказываются ненужными потому, что они увеличивают производительность труда настолько, что создается «лишнее время»!

Если бы обработка сельскохозяйственных продуктов была возможна в сельских же хозяйствах, тогда экономия в рабочем времени была бы чрезвычайно выгодной, потому что «лишнее» время употреблялось бы на обработку продуктов; так было в натуральном хозяйстве, так бывает в хозяйствах, соединяющих добывание продукта с его обработкой. Но такое соединение, как мы уже указывали, требует сосредоточения громадного капитала, потому что в обработке продуктов технический прогресс требует организации производительных сил в крупные, оборудованные машинами предприятия.

Недостаточная концентрация капитала (в виде ли единоличного предприятия, акционерного общества или кооперации) делает невозможным, кроме исключительных случаев, такое соединение добывания и обработки продуктов. А эта невозможность препятствует, как доказывает свидетельство Герца, и техническому прогрессу, мешая полному использованию предприятием сберегаемых производительных сил. Поэтому часто на небольшом участке мелкий предприниматель

---

[1]) Hertz. «Die Agr. Fragen». S 157.

обработку заступом земли, требующей глубокой вспашки, предпочтет паровому плугу, почвоуглубителю, не потому, что паровой плуг хуже ручной работы, а потому, что небольшой участок не требует дополнительного, сбереженного машиной труда, хотя бы крестьянин и имел возможность приобрести паровой плуг.

Даже при современных технических условиях в земледелии возможно было бы громадное увеличение производительности труда, достигаемое там, где это выгодно сельским хозяевам. На-ряду с первобытной техникой уборки хлеба в центральных губерниях России, где у крестьян серп и цеп являются преобладающими орудиями, на окраинах России, напр., за Уралом, куда доставка орудий затруднительнее, об употреблении цепа забывают, а жнейка занимает господствующее положение.

Там, где не создалась капиталистическая перенаселенность, даже при полном отделении обработки продукта от его добывания, технический прогресс вполне возможен. Поэтому Северная Америка, в которой не создалось такого, как в Европе, капиталистического перенаселения, «обладает не только в индустрии, но и в земледелии прекрасными орудиями производства, которым она обязана своим необыкновенно быстрым хозяйственным развитием. Американские фермеры издавна обращали внимание на то, чтобы целесообразно производить орудия и изобретать полезные машины. Этим они обязаны не только своей в некоторой степени прирожденной бодрости духа и уму, но и необходимости, издавна усвоенному стремлению сберегать свои рабочие силы, благодаря,— в настоящее время, как и раньше,— сохранившемуся побуждению, с одной стороны, употреблять прилагаемый ими ручной труд наиболее производительно и, с другой стороны, сокращать его до наименьших размеров» [1]).

Объективные условия, которые в Соединенных Штатах побуждают сельских хозяев пользоваться техническим прогрессом, менее благоприятны в Европе, но это ничуть не указывает на невозможность технического прогресса, а лишь побуждает найти те факторы, которые задерживают в земледелии технический прогресс, которые действуют сильнее в Европе, чем в Америке, и выяснить, при каких условиях возможно быстрое развитие производительных сил.

Эта задача ставится все настойчивее ростом населения и его потребностей и, разумеется, будет решена, потому что человечество хочет жить.

3.

Сельскохозяйственная техника только недавно стала развиваться. Первая молотилка появилась в Германии только в 1851 году, а паровой плуг был сделан только в 1873 году. В Ольденбурге [2]) паровые молотилки появились в 1880 году, жнейки-сноповязалки — с 1891 года. Несмотря на недавнее появление сельскохозяйственных машин,

[1]) Fr. Getken. «Die Landwirtschaftliche Vereinigten Staaten von Nordamer». S. 465.

[2]) Otto Pringsheim. «Landwirtschaftliche Manufactur und electrische Landwirtschaft». Arch. f. soc. Gesetzg. und Stat, 1900 г.. B 15.

несмотря на то, что отсутствие интеллигентных рабочих[1]) чрезвычайно мешает распространению улучшенных орудий, они начинают быстро распространяться и вытеснять старые орудия. Прингсгейм сравнивает современное состояние крупного сельского хозяйства с мануфактурой в индустрии, как характеризует ее Маркс. Продукты обрабатывающей промышленности в настоящее время изготовляются для мирового рынка, между тем как в земледелии, за исключением зерновых продуктов, остальные продукты почти недоступны для мирового рынка. Лишь в самое последнее время другие продукты—молоко, мясо и т. д.— попадают на мировой рынок в виде консервов.

Несмотря на то, что обработка сельскохозяйственных продуктов для доставки на всемирный рынок только еще начинается, несмотря на то, что техника только еще начинает обращаться к сельскому хозяйству, в последнем уже в настоящее время начинают появляться признаки технического переворота, вызываемого стремлением к развитию производительных сил и вызывающего, в свою очередь, новую их организацию. Каутский видит в применении электричества к сельскому хозяйству один из факторов изменения техники сельского хозяйства. Уже в настоящее время в Германии во многих местах частью применяется, частью проектируется применение электричества.

Передача электрической энергии на расстояние дает возможность применять электричество, чтобы приводить в движение все сельскохозяйственные машины. Многие недостатки, благодаря которым локомобиль часто не может применяться в сельском хозяйстве, совершенно отсутствуют у электрического двигателя. Электрические машины для доения, молотилки, плуги, зернодробилки, соломорезки, ножницы для стрижки овец, помпы и другие сельскохозяйственные орудия уже в настоящее время употребляются и грозят вытеснить лошадь, которая была до настоящего времени лучшим двигателем в сельском хозяйстве[2]). Возможность переносить электрическую энергию с одного орудия на другое, возможность работать при посредстве ее в различных местах одновременно, возможность применять ее при дальнейшей обработке зимой получаемых сельскохозяйственных продуктов—создает последовательную смену сельскохозяйственных операций, производимых при посредстве одной силы, и делает сельское хозяйство весьма сходным с заводом или фабрикой, на которых, после ряда последовательных операций с материалом, получается готовый продукт.

Pringsheim справедливо говорит, что таким писателям, как Герц, который пишет по аграрному вопросу, игнорируя влияние электротехники, придется вновь начинать свое исследование.

---

[1]) Г. Булгаков утверждает, что сельское хозяйство не нуждается в более развитых рабочих. Что такое мнение совершенно неверно,— об этом едва ли можно спорить так как все сельские хозяева, имеющие машины, нуждаются в более интеллигентных рабочих.

[2]) Braun's Archiv, ibid., O. Pringsheim приводит мнение P. Mack-Althof Bagnit'a, который предполагает, что две трети рабочих животных упразднятся электромоторами. Это сокращение ведет не только к сокращению ручного труда в обработке земли, но и ухода за скотом.

Итак, развитие производительных сил является необходимым условием развития сельского хозяйства, вполне возможно и достигается техническим прогрессом. Если многие игнорировали этот вопрос и совершенно не определили, существует и возможен ли он, то это обстоятельство еще ничуть, разумеется, не говорит ни об отсутствии прогресса, ни о его возможности. А развитие производительных сил ведет и к реорганизации производства и к новой технической организации производительных сил.

Но на-ряду с факторами, побуждающими предпринимателей увеличивать производительность труда, развивать производительные силы общества, в настоящее время есть другие факторы, которые препятствуют этому развитию, задерживают его и даже, на время, толкают общество назад. Прежде чем перейти к рассмотрению этих факторов, мы должны указать на влияние технического прогресса на формы и системы производства и на формы и организацию хозяйства.

Несомненно, техника производства непосредственно влияет на форму производства. Мы уже указали, что, например, при введении молотильной машины требуется довольно много рабочих, между которыми должно быть разделение труда: требуется машинист и кочегар, подавальщики в машину, подавальщики снопов к машине, рабочие, убирающие солому, зерно, мякину и т. п. Введение одной какой-нибудь сельскохозяйственной машины требует новой организации производства только на очень непродолжительный период, так как другие сельскохозяйственные работы могут исполняться при старой организации труда. Когда же целый ряд сельских работ производится посредством машин, тогда изменяется и форма производства во всем сельском хозяйстве: требуется уже новая организация труда, хотя организация хозяйств может быть капиталистической, кооперативной и т. п.

Развитие производительных сил в земледелии, как и в индустрии, требует изменения организации труда и производства. При частной собственности на землю и орудия производства, замледельческие хозяйства остаются капиталистическими, но уже с новой организацией производства,

Бюхер[1]) в индустрии различает следующие организации производства: домашнее производство, работа по заказу, ремесло, производство на скупщика и фабрика. Ни одно из этих подразделений не подойдет к капиталистическому хозяйству, организованному на машинном труде.

Несомненно, введение машины в сельском хозяйстве вызывает довольно сложную организацию труда, требующую в некоторые рабочие периоды много рабочих рук, но в то же время сокращающую эти рабочие периоды. При полном отделении индустрии от сельского хозяйства краткость сельскохозяйственного рабочего периода чрезвычайно затрудняет для сельских рабочих возможность существовать наемным трудом. Ничтожный, но более постоянный заработок

---

[1]) Бюхер. «Историч. развитие и классификация форм промышл.». «История Труда», изд. Водовозовой.

в собственном хозяйстве или в индустрии гораздо выгоднее хотя бы высокого, но непродолжительного заработка в сельском хозяйстве. Поэтому введение машин только тогда создает прочную организацию наиболее производительного сельскохозяйственного труда, когда процессы производства будут связаны в ряд последовательных процессов, непрерывно вытекающих один из другого. Это достигается в настоящее время в тех сельскохозяйственных предприятиях, в которых добывание продукта связано с его обработкой: здесь мелкое хозяйство и не решается конкурировать.

«Общий принцип машины — замещение человеческого труда» (Зомбарт); это, так сказать, техническое условие ее введения. Но в то же время машина требует более или менее постоянной организации труда, которая достигается или постоянным процессом производства в хозяйствах с обработкой сырья, или будет возможна с эксплоатацией электромоторов, применимых ко всем машинам, при чем постоянно развиваемая двигательная сила может переноситься на различные орудия и дробиться.

Существующие в настоящее время крупные сельскохозяйственные предприятия с обработкой продуктов и возможные уже в настоящее время сельскохозяйственные предприятия с центральным двигателем весьма близки по организации труда с рудниками, в которых, на-ряду с центральными двигателями, обусловливающими самое добывание продукта (водокачки, рудоподъемные машины и т. п.), существует и ручной труд, которым добывается продукт. В сельском хозяйстве ручной труд, даже при настоящих технических условиях, имеет меньшее значение, чем в рудниках. Если крупный рудник можно назвать общественным производством с простой организацией труда, где почти все рабочие производят одинаковую работу простейшими орудиями, то земледельческое хозяйство, развивающее свои производительные силы, будет *общественным производством со сложной организацией труда*[1]).

Индивидуальное (семейное) производство посредством машин в сельском хозяйстве невозможно, потому что оно требует многих рабочих, а простая организация труда невозможна, потому что требуется ряд различных работ. Технический прогресс в земледелии требует сложной организации труда, но как раз земледелие представляет такую отрасль промышленности, в которой больше всего препятствий развитию производительных сил...

---

[1]) Сельскохозяйственные предприятия с обработкой продуктов обыкновенно называют «заводами» — сахарные, крахмальные, водочные, смолокуренные и и т. д., хотя трудно решить, что имеет первенствующее экономическое значение в предприятии — добывание ли продукта (свеклы, картофеля, корья и т. п.) или его обработка.

Глава IV.

Условия падения производительных сил в земледелии.

1. Падение производительности труда при последовательных его затратах на ту же землю, или невыгодность малоземелья.— 2. Влияние улучшенных орудий на производительность труда.—3. Опровержение господствующих воззрений на это явление.

1.

Главное отличие земледелия от индустрии заключается в том, что количество земледельческих продуктов определяется не только количеством труда и капитала, прилагаемых для производства продуктов, но и размерами площади обрабатываемой земли, совокупностью естественных условий: климата, почвы и проч. Между тем, как в индустрии увеличение количества производимых продуктов достигается увеличением капитала и труда, прилагаемых к производству, в земледелии оно достигается увеличением капитала, труда и площади обрабатываемой земли. Увеличение затраты капитала и труда без увеличения площади земли делает труд менее производительным. Это обусловливается особенностью земледелия, в развитии которого до настоящего времени мы можем констатировать факт падения производительности последовательных затрат капитала[1]) и труда. Чтобы получить вдвое большее количество продукта, можно или увеличить вдвое посев или затратить новое количество капитала и труда на ту же площадь земли. Но новое увеличение затрат на ту же площадь земли не сопровождается пропорциональным возрастанием суммы получаемого продукта.

Нужно заметить, что для получения различных сельскохозяйственных продуктов существует различный minimum наиболее производительной затраты труда и капитала на ту же площадь земли. Для получения корма для скота минимальная затрата труда и капитала на единицу среднего качества земли равняется нулю, так как

[1]) Хотя мы употребляем слово «капитал» и, следовательно, разумеем капиталистическое хозяйство, но факт падения производительности последовательных затрат на ту же землю имеет место при всех формах хозяйства.

трава произрастает без всяких затрат со стороны сельского хозяина Для получения большего количества травы с той же площади земли требуются уже значительные затраты на посев трав. Наиболее производительным скотоводческим хозяйством является поэтому кочевое хозяйство, в котором скот пасется на совершенно необработанных землях. Естественно, что при земельном просторе наиболее выгодным является скотоводческое хозяйство, и при переходе к обработке земли земельную ренту начинают давать прежде всего луга, когда требуется уже некоторая затрата труда и средств производства на заготовку сена. В Сибири, в некоторых областях, распашка земли еще не дает никакой ренты, кроме ренты с лугов (капиталистической ренты там еще не существует).

В лесном хозяйстве minimum труда затрачивается на производство при естественных лесонасаждениях, где взращивание леса не требует никакой затраты. В зерновом хозяйстве труд наиболее производителен при переложной системе полеводства и т. д. [1]).

Экономисты, отрицающие факт падения производительности последовательных затрат капитала на ту же площадь земли, обыкновенно приводят тот аргумент, что трудность добывания хлеба не увеличивается, а уменьшается, так как земледелием занимается относительно все меньшая и меньшая часть населения, что технический прогресс уничтожает факт падения производительности последовательных затрат капитала.

Это возражение основано на очевидном недоразумении. Ниже, возражая на теорию Мальтуса, мы также констатируем этот факт, *но он ничуть не нарушает факта падения производительности последовательных затрат капитала на ту же землю.* Это—*факт убыточности малоземелья.*

Рассмотрим—в чем заключается технический прогресс в земледелии.

2.

Конец XIX века характеризуется, между прочим, широким распространением сельскохозяйственных орудий. *Молотилка* уменьшает затрату труда на единицу площади земли и в экстенсивном и в интенсивном хозяйствах. Если она вдвое удешевляет производство хлеба, то удешевляет и в переложном хозяйстве и в хозяйстве, удобряющем землю, даже в первом хозяйстве в большей степени, так как в экстенсивном хозяйстве молотьба составляет бо̀льшую долю общих издержек производства [2]).

---

[1]) Все эти выводы основаны на фактах, на развитии мирового хозяйства. Чтобы доказать противное, нужно доказать, что интенсивное хозяйство велось при земельном просторе.

[2]) Это можно иллюстрировать следующим расчетом. Если при затрате 20 рублей на одну десятину в экстенсивном хозяйстве молотилка сокращает затрату на молотьбу до 5 рублей, вместо 10 рублей при ручной молотьбе, то сокращение издержек производства, благодаря увеличению производительности труда при молотьбе, произойдет на $^{50}/_{2}$=25%. При затрате 40 рублей на десятину в интенсивном хозяйстве молотьба составляет уже меньшую долю общих издержек производства. Если в первом случае (в экстенсивном хозяйстве) ручная молотьба составляла половину всех издержек (10:20), а машинная одну четверть (5:20), то в интенсивном хозяйстве и тот и другой способ молотьбы

Следовательно, молотилка увеличивает разницу в производительности последовательных затрат капитала на ту же площадь земли в пользу первых затрат. Жнейка имеет такое же значение, как и молотилка, и сокращает издержки производства при первых затратах (в экстенсивном хозяйстве) гораздо больше, чем при последующих (в интенсивном хозяйстве), по тем же причинам как и молотилка.

Плуги не только сокращают затраты капитала непосредственным увеличением производительности труда, но и увеличивают урожайность. Но и эти орудия влияют таким же образом, хотя не вносят большой разницы производительности последовательных затрат на ту же площадь земли и одинаково выгодны и в экстенсивном и в интенсивном хозяйствах.

Различные виды удобрения, являясь новыми затратами труда и капитала в хозяйстве, увеличивают урожайность земли, но уменьшают производительность труда сравнительно с экстенсивным хозяйством без удобрения. Общепризнанный факт — отсутствие удобрения в районах редко населенных обусловливается вовсе не невежеством населения (едва ли, напр., можно предполагать, что янки на дальнем западе Соед. Штатов не знают о значении удобрения), а меньшей выгодностью интенсивного хозяйства с удобрением земли. В экстенсивном переложном хозяйстве урожайность ниже, но производительность труда выше, чем в интенсивном при одинаковых в том и другом технических условиях как в культурной и богатой Америке, так и в малокультурной России. Правда, интенсивная эксплоатация земли в экстенсивном хозяйстве[1]) может привести к полному ее истощению и к неурожаям, при чем переход к более интенсивному хозяйству, в виде изменения системы полеводства, может увеличить производительность труда. Это явление, вероятно, многим кажется фактом, опровергающим выставленное нами положение. Но в данном случае упускается из виду основное условие, при котором можно делать какие бы то ни было выводы о сельском хозяйстве: предполагается рациональная затрата труда и капитала на производство. Если распахивать и засевать

составят уже меньшую долю общих издержек. Если в интенсивном хозяйстве затрачивается также 10 руб. на десятину при ручной молотьбе и 5 руб. при машинной, то сокращение издержек производства произойдет только на 12% (5:40). Поэтому технический прогресс в земледелии, удешевляя производство хлеба в районах экстенсивного хозяйства, сильнее всего бьет по карману землевладельцев в районах интенсивного хозяйства, побуждая их переходить от зернового хозяйства к производству тех продуктов, в добывании которых играет меньшую роль машинный труд.

Распространение сельскохозяйственных машин поэтому доступнее для экстенсивных районов, что, как увидим, и оправдывается в действительности.

Может возникнуть вопрос, почему же при падении производительности последовательных затрат труда ведется, тем не менее, в некоторых странах интенсивное хозяйство? Этот вопрос решается при рассмотрении условий образования земельной ренты.

[1]) Такого рода эксплоатация очень употребительна у нас на черноземных степных окраинах, при чем посевы из года в год на ту же землю страшно истощают и богатый чернозем.

землю без удобрения при наименьших затратах в течение нескольких лет, то в конце концов урожайность земли будет падать потому, что не дается возможности восстановления производительных сил земли путем естественных процессов; т.-е., если экстенсивное хозяйство не рационально поставлено, если при экстенсивном хозяйстве стремятся получить с данной поверхности земли больше продуктов, чем она может дать, и распахивают, напр., не $^1/_4$ часть земли, а больше, то при этом условии выгоднее удобрение. Этот факт лишь показывает, что для получения большого количества продукта (т.-е. большого урожая) нужно изменять культуру хозяйства и систему полеводства; но в рациональном экстенсивном хозяйстве труд будет производительнее, чем в интенсивном[1]). Разумеется, например, в Англии труд будет производительнее, чем в России, хотя там интенсивное хозяйство, и сравнение может быть только для находящихся в одной стране хозяйств при более или менее одинаковых технических и социальных условиях. Американское экстенсивное хозяйство можно сравнивать с американским интенсивным, русское — с русским.

Чтобы нагляднее представить относительную производительность последовательных затрат капитала на ту же площадь земли, допустим, что землевладелец затрачивает на своем участке 0 капитала на добывание травы для скота (она растет без всякого ухода) и засевает $^1/_5$ часть поверхности, ведя переложное хозяйство. Затраты будут ничтожны, так как содержание скота стоит дешево, как и обработка земли. Чем лучше техника, орудия производства, тем продукт обходится дешевле. Если землевладелец захочет получить со своего участка больше продукта, то он должен расширить и запашку на счет выгона. Но это поведет к падению урожайности, а следовательно — производительности труда. Он может удобрять землю, но, получивши больше продукта, он в большей степени увеличит затраты, так как, в противном случае, было бы выгодно удобрять землю и в экстенсивном хозяйстве, при распашке $^1/_5$, $^1/_6$ и т. д. площади земли. Под влиянием лишь уплотнения населения, относительного повышения цен на хлеб (или близости к рынку) или технического прогресса, землевладельцы переходят к более и более интенсивному хозяйству, к дальнейшим затратам труда и капитала на ту же площадь земли.

Если бы не было падения производительности последующих затрат, в редко населенных странах было бы интенсивное хозяйство и эксплоатируемая площадь земли сокращалась бы при увеличении интенсивности, т.-е. малоземелье было бы выгоднее.

Главные продукты земледелия — пища для людей и корм для скота. Мы знаем, что только более высокие цены на скот и на корм для скота побуждают сельских хозяев переходить к более интенсивному хозяйству, что, например, стойловое содержание скота обходится дороже, чем в диком скотоводческом хозяйстве. Почему в районах дикого скотоводства, например, в Аргентине, не содержат скота

[1]) При различном техническом уровне и при различной интенсивности хозяйства существуют и различные условия рационального ведения хозяйства.

в стойлах и не кормят посеянными травами, отрубями и жмыхами? Такой вопрос покажется просто диким, потому что в наиболее экстенсивном хозяйстве добывание корма для скота ничего не стоит — скот пасется на степях и весь труд по содержанию скота сводится к его пастьбе, т.-е. труд в экстенсивном хозяйстве наиболее производителен. Даже труд пастьбы сводится до minimum'а при ограждении огромных пространств, как это практикуется в южных степях Америки. Точно также северо-американцы не вследствие невежества ведут в западных штатах экстенсивное хозяйство, когда в восточных штатах есть хозяйство интенсивное, а потому что экстенсивное хозяйство, при более низких ценах на хлеб, выгоднее, потому что в экстенсивном хозяйстве труд производительнее. Последующие затраты капитала и труда на ту же площадь земли, интенсификация хозяйства (как увидим из теории ренты) выгоднее при более высоких ценах на продукты сельского хозяйства.

Агрономы, которые утверждают, что труд в более интенсивном хозяйстве производительнее, чем в экстенсивном, смешивают следующие три различные явления: доходность хозяйства, урожайность земли и производительность труда. *При наибольшей производительности труда в экстенсивном хозяйстве обыкновенно урожайность земли наименьшая; доходность единицы площади земли в виде земельной ренты также наименьшая.* Когда скот пасется на нетронутой плугом земле, то труд, затрачиваемый на получение корма для скота, равняется нулю. Сделать труд производительнее этого довольно трудно, но количество корма, получаемого таким путем с единицы площади земли, наименьшее; урожайность земли наименьшая. Экономисты, которые не признают факта падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли, должны найти затраты труда меньше нуля, т.-е. должны утверждать нелепость.

Для добывания хлеба также наиболее производителен труд в самых экстенсивных хозяйствах, где только вспахивают землю, засевают, пока она дает урожай, и потом бросают, распахивая другой участок. Как увидим далее, изменения в технике, технический прогресс при данной цене хлеба может повести к интенсификации земледелия так же, как и повышение цены хлеба, но общий факт падения при этом производительности труда остается неизменным. При техническом прогрессе общая (средняя) производительность труда может в несколько раз увеличиться, но труд в экстенсивном хозяйстве будет производительнее, чем в интенсивном хозяйстве.

Бо́льшая производительность труда в экстенсивном хозяйстве дает возможность продавать хлеб дешевле. Поэтому в Англии в начале XIX века, во Франции и Германии в настоящее время земледельцы защищаются таможенными пошлинами от конкуренции дешевого хлеба более экстенсивных хозяйств других стран. При этом технический прогресс, в виде жнеек, молотилок и т. п. улучшенных орудий, нисколько не облегчает конкуренцию для интенсивного хозяйства. Напротив, улучшенные орудия значительно более сокращают

издержки производства в экстенсивном хозяйстве, чем в интенсивном. Для получения большего количества продуктов с данной площади земли необходимо затрачивать на ту же площадь новое количество труда.

3.

Чем больше затрачивается труда и капитала на ту же площадь земли, тем больше она дает продукта, но в то же время каждая вновь прилагаемая единица труда и капитала — менее производительны. Часто тот minimum капитала, который необходим для наиболее производительной его затраты, бывает очень высок; тем не менее, дальнейшие затраты против этого minimum'а будут уже менее производительны. Напр., на болоте не произрастает ничего, для получения хлеба необходима тщательная обработка земли и т. д. Но дальнейшие затраты труда и капитала дадут все меньшее и меньшее количество продукта и, наконец, последние затраты могут совершенно не вести к увеличению количества продуктов с данной площади земли.

В настоящее время едва ли найдется хоть одна страна на земном шаре, в которой интенсивность обработки земли достигла последней возможной степени. Во всяком случае, во всех странах возможна свободная[1]) конкуренция в том смысле, что увеличением затрат труда и капитала на ту же площадь земли можно увеличить количество продукта. Если земледелие не производит постоянного избытка продуктов, так единственно потому, что повышение предложения хлеба понижает его цену, а добавочное количество производимого хлеба получается благодаря менее производительной затрате капитала.

Если бы последовательное приложение труда и капитала на одну и ту же площадь земли не сопровождалось в конце концов уменьшением производительности труда, то и земельной ренты не существовало бы: не имело бы смысла расширять запашку, если бы возможно было при новом приложении труда и капитала на ту же площадь земли получить не меньшее количество продуктов, чем при предыдущей затрате. Если сельский хозяин при затрате 100 руб. на десять

---

[1]) Г. Булгаков находит, что «разница в степени производительности различных случаев приложения земледельческого труда не создает ренты, а потому и объяснить ее не может. Особый способ установления цен на земледельческие продукты, существующий здесь благодаря отсутствию свободной конкуренции, делает как бы более производительными отдельные случаи приложения труда». Любопытно знать, откуда это «отсутствие свободной конкуренции», если даже арендатор-предприниматель может затрачивать сколько ему угодно капитала на ту же площадь земли, чтобы получить наибольшее количество продукта. Если из земли не получается всего, что она может дать, так вовсе не потому, что нет свободной конкуренции, а потому, что новые затраты капитала менее производительны, невыгодны для предпринимателя. Последний затрачиваемый в земледелии капитал (таким является капитал, употребленный на интенсификацию хозяйства) играет такую же роль, как и капитал в индустрии: если он не дает надлежащего уровня прибыли, то извлекается из предприятия. Уровень прибыли на капитал определяется всеми отраслями промышленности, в том числе и земледелием, и предприниматель рассчитывает, где капитал дает прибыль выше средней.

десятин получит пятьсот пудов хлеба и если при затрате новых ста рублей на ту же площадь земли он получит еще 500 пудов и т. д., то крупное хозяйство на большой площади земли не имеет смысла, так как не за чем распахивать большую площадь земли и платить ренту, когда возможно то же количество хлеба, с теми же издержками, получить на небольшой площади. Очевидно, новые затраты капитала на ту же площадь земли менее производительны, чем затрата его на новой поверхности земли. Поэтому земледельческое хозяйство и стремится к расширению запашки для получения большего количества продуктов. С другой стороны, расширение запашки менее производительно потому, что провоз громоздких продуктов земледельческого хозяйства с отдаленных участков земли обходится чрезвычайно дорого. Поэтому производство сельскохозяйственных продуктов на ближайших к рынку землях должно быть более выгодно.

Таким образом, в земледелии существуют две противоположных тенденции, определяющих его развитие и цены на продукты сельского хозяйства. 1) Уменьшение производительности труда при новых его затратах на ту же площадь земли, вызываемых ростом населения и увеличением спроса на хлеб. Увеличение населения и новых затрат труда в земледелии должно повышать цены на хлеб, потому что только при повышенной цене хлеба будут выгодны дополнительные затраты труда и капитала на добывание продукта с той же площади земли. 2) Увеличение производительности труда при техническом прогрессе должно понижать цены на хлеб, потому что, благодаря техническим усовершенствованиям, продукт добывается с меньшими издержками.

Развитие производительных сил почти одинаково доступно и в экстенсивном и в интенсивном земледельческом хозяйстве как в Аргентине, так и в Англии, потому что машина применима и там и здесь. Следовательно, все те преимущества, которыми обладает экстенсивное хозяйство,— большая производительность труда, благодаря естественным условиям,— сохраняются и при техническом прогрессе. Если до введения улучшенных орудий производство одного пуда хлеба стоило в Англии 1 рубль, а в Америке 50 коп. и если, благодаря развитию производительных сил, цена хлеба понизилась, то условия конкуренции от этого нисколько не улучшились для английских сельских хозяев.

В конце истекшего столетия развитие техники в гораздо большей степени проявилось в условиях транспорта продуктов, чем в производстве. Поэтому земледелие в густо населенных странах с интенсивным хозяйством потерпело полное поражение в конкуренции с экстенсивным хозяйством колоний: благодаря именно техническому прогрессу, цена хлеба понижалась в гораздо большей степени, чем рост производительности труда собственно в земледелии.

Во всяком случае, до настоящего времени увеличение производительности труда в земледелии, благодаря техническому прогрессу, было сильнее, чем уменьшение производительности труда, благодаря

менее производительным затратам нового капитала и труда на ту же площадь земли[1]).

Может быть, техническое развитие остановится, производительность земледельческого труда будет падать, и мальтузианцы будут когда-нибудь правы, но до сих пор развитие земледелия шло в направлении развития производительных сил быстрее, чем рост населения, потому что число земледельческого населения относительно сокращалось, а цена хлеба падала, т.-е. абсолютная емкость территории увеличивалась быстрее населения. Если бы имело место обратное явление, то цена хлеба повышалась бы, а земледельческое население быстро бы увеличивалось.

Практический смысл совершенно правильно до настоящего времени подсказывал человечеству, что вопрос о его существовании при данном развитии производительных сил решается приспособлением формы производства к народонаселению, а не народонаселения к форме производства; соответственно этому человечество и ставило свои задачи.

Возможно, что более или менее отдаленные потомки остановятся перед глухой стеной недостатка средств существования, благодаря естественным условиям; но... предоставим потомкам самим решать свои задачи: они с ними лучше справятся, чем г.г. Булгаков и Мальтус.

Впрочем, и в настоящее время мы имеем случаи решения вопроса о народонаселении, после того, как решены некоторые социальные вопросы, которые мучат старый мир. В статье «Новая Зеландия и ее рабочее законодательство» («Жизнь» I, 1901 г.) Сатурин приводит данные, что на-ряду с увеличением благосостояния населения и числа браков, рождаемость уменьшается. «В Новой Зеландии лишний ребенок является орудием обогащения, и потому экономические условия жизни должны были бы побуждать жителей к размножению и не могут объяснить понижения процента рождаемости». Новая Зеландия решила многие социальные задачи, которые континент еще только ставит, а вопрос об абсолютном перенаселении сам собою решился.

---

[1]) С. Булгаков в вопросе о народонаселении очень увлекается предсказаниями Мальтуса. Заслуги Мальтуса за постановку вопроса никто не отрицает, а решение его так же неверно, как и решение Булгакова. «До тех пор,— утверждает Булгаков,— пока человечество не овладеет стихийной силой размножения, бедность не может быть окончательно искоренена, опасность перенаселения будет всегда у дверей». Мы же утверждаем, что не «стихийной силой размножения» нужно овладеть, а «стихийной организацией производства» и т. д. С расширением пастбищного хозяйства в Англии население сразу оказалось излишним. Во время кризисов, падения кустарных промыслов массы рабочих оказываются лишними. Человечество должно «овладеть стихийной силой размножения» и вырезать появившийся избыток людей? Приспособление размножения к форме хозяйства во всяком случае гораздо «утопичнее», чем приспособление формы хозяйства к размножению населения.

Глава V.

Влияния роста народонаселения на развитие народного хозяйства.

1. Факт убывающего плодородия почвы связан с вопросом о народонаселении.— Воззрения Мальтуса и мальтузианцев на этот вопрос.— Значение технического прогресса, парализующего влияние факта убывающего плод орудия почвы.— 2. Влияние различных условий на емкость территории по отношению к населению.— Значение развития потребностей, экспроприации у населения земли.— Средства, к которым прибегает население для увеличения емкости территории.— Эпохи в развитии сельского хозяйства.—Теория М. М. Ковалевского о влиянии роста населения на хозяйственное развитие.— Развитие потребностей, как фактор хозяйственного развития.— 3. Влияние роста народонаселения на систему и культуру хозяйства. - Влияние организации и культуры хозяйства на емкость территории.— Значение перехода к меновому хозяйству.

1.

Факт падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли ставил перед экономистами важный вопрос: не ведет ли этот факт к тому, что возрастающему населению земного шара будет все труднее*) добывать средства для своего существования, что вместе с ростом населения будет падать и производительность его труда, что человечество принуждено или жить в нищете или остановить рост населения?

Падение производительности последующих затрат настолько очевидно, бóльшая производительность труда в экстенсивных хозяйствах редко населенных стран против производительности труда в интенсивных хозяйствах так сильно бьет по карману европейцев,**) что неудивительно, если среди экономистов, пожалуй, большинство смотрит крайне пессимистически на последствия размножения людей. Если современное европейское земледельческое хозяйство менее производительно, чем хозяйство экстенсивных районов, то что будет с дальнейшим увеличением населения?! ***)

Замечая падение последовательных затрат труда на ту же землю, обыкновенно упускают из виду, что действие этого явления парализуется развитием производительных сил, благодаря которому каждая

*) при неизменной технике?

**) аргумент к обывательскому сознанию, к представлению в

затрата труда делается более производительной. Если, напр., результаты каждой затраты труда, благодаря развитию производительных сил, увеличатся вдвое, то, при существовании падающего плодородия почвы, опасное для размножения населения действие этого факта совершенно парализуется увеличением производительности труда. Допустим, что соответственно росту народонаселения от 10 до 20, 30 и т. д. милл. душ затрачивается последовательно труда и средств производства 10, 20, 30 и т. д. милл. руб. на ту же площадь земли, при чем результаты этого выразятся при падающем плодородии почвы в количестве 10, 17, 22 и т. д. милл. единиц продукта. Если производительность труда удвоилась, то эти цифры превратятся в 20, 34, 44 и т. д. единиц, т.-е. при убывающем плодородии почвы производительность труда может увеличиваться и затрата труда на добывание единицы продукта не увеличиваться, а падать.

Поэтому, при росте населения без развития его производительных сил посредством увеличения производительности труда, населению действительно может грозить нищета, но производительные силы населения при благоприятных социальных условиях развиваются быстрее, чем растет население, и их развитию не видно пределов [1]).

Итак, признание факта падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли вовсе не связано неразрывно с пессимистическим мальтузианством. При исследовании влияния роста народонаселения на развитие хозяйства не нужно лишь упускать из виду, что, на-ряду с уменьшающимся плодородием почвы есть в о з м о ж н о с т ь развития производительных сил.

Разумеется, от возможности до осуществления часто бывает далеко. При возможности развития производительных сил, население может держаться старых способов производства; даже при развитии производительных сил часть населения может не находить средств для существования и образовать «избыточное население». Выяснение различных условий, при которых происходит образование избыточного населения, остановка в развитии производительных сил, выяснение значения роста народонаселения и должно составлять одну из главных задач при решении аграрного вопроса.

Хотя значение роста народонаселения и влияние его на общественные отношения или общественную структуру признается в большей

---

[1]) С. Булгаков («Капитализм и земледелие»), признавая факт (Булгаков называет его законом) падения производительности труда при последовательных его затратах на ту же землю, признает и увеличение производительности труда благодаря т е х н и ч е с к о м у п р о г р е с с у, но считает этот последний «временным». «Принимая этот закон, мы вовсе не утверждаем непрерывного увеличения трудности производства пищи или не отрицаем сельскохозяйственного прогресса: утверждать первое и отрицать второе — значило бы итти против очевидности. Несомненно, что трудность эта растет (?!) не непрерывно, развитие движется зигзагами. Агрономические открытия, технические усовершенствования превращают бесплодные земли в плодородные, временно (!) упраздняют (?) тенденцию, отмеченную в законе убывающего плодородия почвы» (стр. 16). Очевидно, С. Булгаков с о в е р ш е н н о н е п о н я л значения «закона». Этот закон н и ч е м н е у п р а з д н я е т с я, но, как мы указали в тексте, производительность каждой затраты труда может увеличиваться благодаря техническому прогрессу, агрономическим открытиям и т. п.

или меньшей мере всеми, тем не менее явления перенаселения, которые так или иначе связаны с абсолютным увеличением населения, объясняются различно и имеют с разных точек зрения неодинаковое значение.

В наиболее резкой форме влияние роста народонаселения на образование избыточного населения было указано Мальтусом, который выставил три тезиса:

1) «Народонаселение возрастает вместе со средствами существования, за исключением нескольких особенных препятствий, легко открываемых».

2) «Размножение населения неизбежно ограничивается средствами существования».

3) «Препятствия, удерживающие население ниже уровня средств существования, суть нравственное обуздание, порок и нищета».

Эти тезисы Мальтуса, в свою очередь, вытекают из выставленного им положения, что «если размножение населения не встречает никакого препятствия, то оно удваивается каждые двадцать пять лет и возрастает в геометрической прогрессии», между тем, как «средства существования, при самых благоприятных условиях для труда, ни в каком случае не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии».

Первое положение, если его понимать буквально, как и понимал Мальтус, выражает ту мысль, что народонаселение употребляет все усилия, какие оно может употреблять на добывание средств существования; что добыть этих средств больше, чем добывается, нельзя; что именно благодаря невозможности для данного населения добывать больше средств существования часть этого населения терпит нужду и вымирает.

Второе положение Мальтуса можно понимать только таким образом, что народонаселение увеличивается тогда, когда ему открывается объективная, независящая от него возможность добыть большее количество средств существования, напр., при расширении территории, после войны, голода, мора и т. п. Таким образом, Мальтус считал бедственное положение некоторых общественных классов результатом абсолютного перенаселения: им не было места на жизненном пиру, потому что не было средств для удовлетворения потребностей всего возраставшего населения, потому что оно размножалось быстрее, чем возрастали средства, необходимые для его существования. Сторонники теории Мальтуса в настоящее время не склонны принимать в такой категорической форме теорию Мальтуса и разделяют ее постольку, поскольку она основана на теории земельной ренты Рикардо, на теории уменьшающегося плодородия почвы, по мере увеличения затраты труда на ту же площадь земли. Основываясь на том, что, по мере своего увеличения, население переходит к обработке все худших и худших участков земли или вновь затрачивает труд на ту же землю менее производительно, мальтузианцы приходят к выводу, что новые руки не могут доставлять достаточно продуктов для новых ртов, что, таким образом, благодаря особенному свойству земледелия,

создается избыточное население. Часть населения оказывается излишней, потому что ей некуда приложить свой труд: он не вознаграждается соответственным увеличением добываемых продуктов; создается безработица и нужда, которыми задерживается размножение населения[1]). Основанные на таком почти бесспорном положении, как теория уменьшающегося плодородия почвы, и на бесспорном факте перехода населения к обработке худших земельных участков, приведенные выше выводы, тем не менее, совершенно не верны. Чтобы иметь хоть какой-нибудь вид убедительности, эти выводы должны быть основаны на доказательстве того положения, что количество труда, затрачиваемое на добывание единицы продукта сельского хозяйства, увеличилось за более или менее продолжительный период времени. Если в XVIII столетии на лучших участках земли пуд хлеба добывался посредством затраты одного рабочего дня и если в XIX веке на худших участках земли пуд хлеба добывается также благодаря затрате одного дня, то, хотя население и перешло к худшим участкам, или к более интенсивному хозяйству, но производительность труда в добывании хлеба не уменьшилась; теория ренты Рикардо может остаться в полной силе, так же, как и факт уменьшающегося плодородия при новых затратах на нее труда.

Конечно, трудно судить о том, что будет через 1 — 2 века, если население будет быстро размножаться, но в прошлом мы видим причиной образования перенаселения не абсолютный избыток населения, не избыток ртов против рабочих рук, а избыток рабочих рук. Эти излишние руки не могут добыть хлеба не потому, что они не могут его произвести достаточно для себя, а потому, что самое производство и добывание продукта при известных социальных условиях становится ненужным или потому, что значительную часть продуктов производитель должен отчуждать. Если бы недостаток продуктов, удовлетворяющих первым потребностям, происходил благодаря недостаточной производительности почвы, а не благодаря социальным условиям, то, по мере увеличения населения, все большая и большая часть этого населения должна была бы затрачивать свой труд на добывание хлеба и других продуктов питания и все меньшая и меньшая часть населения занималась бы производством других продуктов, не удовлетворяющих первым потребностям. В натуральном хозяйстве это выразилось бы непосредственно в большей затрате труда на добывание необходимых продуктов, а в товарном хозяйстве— в быстром повышении хлебных цен и в привлечении населения от обрабатывающей промышленности к земледелию. Между тем, не только этого нет, но, напротив, легко заметить обратное явление: увеличение населения сопровождается относительным сокращением земледельческого населения и увеличением производителей продуктов, не

---

[1]) Аргументом в пользу теории Мальтуса выставляется даже положение, что и богатые люди не женятся, чтобы не сокращать других своих потребностей. Разумеется, если принимать рост потребностей людей, как причину ограничения роста населения, то все противники теории Мальтуса согласятся с этим, так как потребности людей всегда шире, чем их удовлетворение.

удовлетворяющих первые, наиболее настоятельные потребности; цена хлеба не повышается, а падает: количество хлеба, производимого каждым работником, увеличивается [1]) и т. д.

Технический прогресс в земледелии уравновешивает действие уменьшающегося плодородия почвы при новых затратах на нее труда и капитала. До настоящего времени это действие не могло обнаружить своего влияния на рост населения, по крайней мере в эпоху земледельческого хозяйства; напротив, благодаря развитию производительных сил среди части населения могли развиваться потребности в других земледельческих продуктах. Если бы при росте населения трудность добывания хлеба увеличилась и, благодаря этому, все большая и большая часть населения была занята добыванием продуктов питания, то неизбежно бы наступил регресс в общественном развитии, потому что все меньшая и меньшая часть производительных сил могла бы заняться производством других продуктов, кроме продуктов питания.

До настоящего времени этого не было в земледельческом хозяйстве. Поэтому мы считаем совершенно недостаточными те оговорки в теории Мальтуса, которые делают даже такие умеренные сторонники его теории, как П. Струве (в «Критических заметках») и С. Булгаков («Капитализм и земледелие»). Оба автора, указывая на связь между хозяйственным строем данной территории и ее емкостью по отношению к населению, недостаточно оценивают влияние социальной организации на перенаселение [2]),—влияние, выясненное К. Марксом. Рост народонаселения часто служит лишь условием, притом не всегда необходимым, для развития перенаселения, вызванного теми или иными общественными отношениями.

Чисто социологическое объяснение законов народонаселения и условий перенаселения чрезвычайно трудно потому, что нужно объяснить все разнообразие явлений, связанных с размножением населения.

Если в центральном черноземном районе России чувствуется перенаселение, избыток рабочих рук, а на окраинах чувствуется недостаток рук, то такое явление еще не объясняется, например, только развитием капитализма, налогами и проч. Капитализм развивается и в центре и на окраинах, а условия существования там и здесь различны: в одном случае результатом современных хозяйственных отношений является перенаселение, в другом случае — «недонаселение».

---

[1]) Население Соединенных Штатов с 1860 г. по 1880 г. увеличилось на 58%
Производство всех хлебов увеличилось на 112%
„ пшеницы „ „ 154%
„ кукурузы „ „ 72%
На каждого взрослого рабочего в 1879 г. приходилось 42,9 чет.
На одного человека земледельческого населения (без семян) в 1888 — 1893 г. . . . . 140 пуд.

[2]) «Еще менее, чем Мальтус, правы те, которые отрицают самую возможность превышения населением средств существования, вместимости данной организации народного хозяйства, емкости территории относительно населения. Обычное возражение в таких случаях, именно. что каждый вновь появляющийся рот приносит с собой и рабочие руки, может быть устранено тем соображением,

Очевидно недостаточно только сослаться на существование капитализма, как на причину перенаселения, а нужно рассмотреть более детально условия, при которых проявляется действие тех или иных экономических отношений,— условия, изменяющиеся под влиянием размножения населения.

Недостаточность объяснений явлений перенаселения общими ссылками на экономические условия и дает основание некоторым экономистам все снова и снова возвращаться к неправильному решению Мальтуса и ограничиваться только некоторыми поправками к его теории.

Ввиду того, что вопрос о народонаселении чрезвычайно мало разработан, прежде чем рассматривать влияние роста народонаселения на положение его в какой-либо стране, нужно выяснить общие условия размножения населения и образования перенаселения.

2.

При данных технических условиях, при данном количестве продуктов, получаемых в хозяйствах, количество населения, которое могло бы прокормиться этими продуктами и существовать, может быть не одинаково и зависит от уровня потребностей. Количества продуктов, достаточного для удовлетворения несложных потребностей дикарей, совершенно недостаточно для более цивилизованных людей. Продуктов, необходимых для удовлетворения потребностей китайца, недостаточно для удовлетворения потребностей европейца и т. д. Следовательно, население может: 1) размножаться при понижении потребностей или при повышении количества получаемых продуктов, 2) численно не увеличиваться при увеличении количества добываемых продуктов и при повышении потребностей и т. д.

Рост потребностей в продуктах питания для населения имеет совершенно другое значение, чем в предметах, удовлетворяющих другим потребностям: в жилище, культурных потребностях и т. д. Несомненно, что при данных социальных и технических условиях рост потребностей в продуктах питания (допуская даже, что он возможен без изменения этих условий, чего не бывает) сокращает емкость территории, потому что на каждого человека требуется больше продуктов земледельческого производства. Напротив, увеличение потребности в продуктах обрабатывающей промышленности должно было

что эта ссылка совершенно не считается с общественным характером теперешнего хозяйства... Как только вся территория заселена, а хозяйство становится производством, а не оккупацией, то его ведет уже общественный человек, организующий производство с известной планомерностью. При этом является questio facti, способна ли данная организация вместить новое количество рук». («Капит. и зем.», т. II. стр. 219). При чем же тут «превышение населением средств существования», когда речь идет о «емкости» данной организации? Сам автор этим признал первенствующее значение емкости (социальной) организации для емкости территории, а между тем дальше упрекает Маркса в том, что для него теория народонаселения была социальной теорией. Данная организация может быть все более и более «неспособной вместить» даже прежнее количество рабочих рук. Разве это будет превышение населением средств существования?! Напомним, напр., о характере перенаселения в Ирландии в истекшем столетии или в России XVII ст., когда население разбежалось с насиженных мест.

бы увеличить емкость территории, потому что новые рабочие руки, при какой угодно технике производства, дают и новое количество продуктов обрабатывающей промышленности.

Итак, если бы рассматривать законы народонаселения независимо от социальных условий, условий производства и распределения продуктов, как рассматривает Мальтус, то и тогда рост народонаселения обусловливался бы характером потребностей населения, их изменением и развитием. В действительности, развитие потребностей связано с развитием экономических отношений, поэтому и последствия их изменения для условий жизни населения бывают часто обратны априорным соображениям. Например, товарно-капиталистическое производство дало очень сильный толчок развитию потребностей в продуктах индустрии: рост этих потребностей должен был бы соответственно увеличить и емкость территории страны с капиталистическим производством. Это, как известно, не помешало развитию избыточного населения...

Развитие человеческих потребностей всегда превышает их удовлетворение. Когда у человека удовлетворена какая-нибудь потребность, на место нее выдвигается другая, менее настоятельная, но также требующая удовлетворения. Чем лучше удовлетворяются потребности, тем больше является новых, менее настоятельных. Вытекающая из этого невозможность удовлетворить все потребности вовсе не обусловливается недостаточностью средств существования, и от этого население не вымирает. Тем не менее, развитие многих потребностей часто ведет к сокращению брачности, рождаемости, а следовательно и размножения.

Поздние браки той части населения, у которой очень развиты разнообразные потребности, и даже сокращение рождаемости у некоторых слоев буржуазного общества, обусловливаются вовсе не недостатком у них продуктов для питания, а чрезвычайно большим развитием материальных потребностей в других продуктах. У тех классов общества, у которых больше развились потребности в продуктах обрабатывающей промышленности, у классов общества, принадлежащих к городскому населению, сокращение браков и рождаемости скорее объясняется лучшим удовлетворением их первых потребностей и развитием, благодаря этому, других, а не недостатком продуктов питания. Этот факт показывает, что закон народонаселения в человеческом обществе, особенно, когда оно вступило на путь разделения труда, выражается совершенно своеобразно. Вследствие того, что развитие потребностей идет всегда впереди их удовлетворения, что при удовлетворении одной потребности вырастает другая, являются даже предупредительные меры к сокращению рождаемости у обеспеченного населения.

Развитие потребностей и их удовлетворение обусловливается экономической деятельностью, производством продуктов. Но экономическая деятельность происходит при различной социальной обстановке, при различных экономических отношениях, которые регулируют и самое производство и распределение продуктов, а следовательно и их потребление. Только условия удовлетворения потребностей Робинзонов

можно было бы рассматривать вне социальной обстановки, и то до тех пор, пока не явился у Робинзона Пятница. Поэтому вопрос об условиях размножения населения чрезвычайно осложняется: на-ряду с разнообразием социально-экономических условий, мы встречаем разнообразие в плотности населения, разнообразие потребностей населения, находящееся в зависимости от экономической деятельности и экономических отношений. Взаимное отношение всех этих условий и дает ряд комбинаций, при которых положение массы населения в различных местах и в различные моменты общественного развития резко различается.

3.

Со времени перехода к оседлой жизни до настоящего времени, во все эпохи человеческого развития перенаселение проявлялось лишь в земледельческом населении, которое то вымирало, то эмигрировало то переселялось в города и создавало там избыток рабочих рук и целые армии безработных. Даже в эпоху замены ручного труда машинным в индустрии, когда масса рабочих рук выбрасывалась на улицу, лишь на непродолжительный период сокращалось абсолютное число рабочих, занятых в индустрии. Развитие машинного производства снова втягивало рабочих, количество которых увеличивалось избыточным земледельческим населением до таких размеров, что создалась постоянная резервная армия незанятых рабочих. Поэтому, для выяснения условий образования избыточного населения даже в городах, нужно обратиться к условиям жизни земледельческого населения, которое пополняет население города и кадры рабочих в индустрии.

Для земледельческого населения при всякой организации хозяйства, при всяких хозяйственных условиях имеют значение площадь земли, которой располагает население, и количество продуктов, которое остается в хозяйстве из всей суммы в нем произведенных. Если площадь земли, которая находится у массы населения и на которой оно может вести свое хозяйство, сократится благодаря экспроприации, то при данных потребностях населения, при той же культуре хозяйства, на оставшейся у крестьян площади земли может прокормиться уже меньшее количество населения. Такое же значение имеет экспроприация у массы населения, в той или иной форме, продуктов земледельческого производства.

Тем не менее, экспроприация, сокращение площади земли у крестьян или части производимых ими продуктов, имеет при различных условиях и различные последствия: земледельческое население может продолжать при этом увеличиваться: 1) переходя к более интенсивному хозяйству; 2) сокращая кормовую площадь для скота; 3) понижая свои потребности до minimum'a, и 4) переходя к разделению труда, к меновому хозяйству и к обрабатывающей промышленности. Земледельческое население может уменьшаться посредством эмиграции и вымирания, не изменяя характера хозяйства, и, наконец, прибегать и к эмиграции, в то же время повышая свои потребности и увеличивая интенсивность хозяйства, и т. д. В каждом конкретном случае и нужно выяснить, почему при экспроприации земли, например, при отмене крепостного права и совершающейся в виде арендной

платы и налогов экспроприации части продуктов у земледельческого населения, в различных областях одной и той же страны условия жизни этого населения различны, почему оно прибегает к различным способам находить средства для своего существования и размножения.

Произошло ли сокращение площади земли, находящейся у земледельческого населения, принуждено ли оно платить высокие налоги — и в том, и в другом случае оно принуждено получать все большее и большее количество продуктов с данной площади земли. При этом должны происходить изменения хозяйства и потребностей населения, которые заключаются в следующем: 1) Переход к более интенсивному хозяйству заключается в том, что на той же площади земли население затрачивает больше труда, чтобы получить больше продуктов. Земледельческое хозяйство будет интенсивнее сководческого на необработанных землях и охотничьего. Трехпольное земледельческое хозяйство интенсивнее переложного и т. д.— 2) Когда население по каким-либо обстоятельствам не может увеличить интенсивность хозяйства таким образом, чтобы с той же площади земли получить больше продуктов (вследствие бедности и плохой техники, плохих семян, скота и других причин), оно стремится расширить площадь запашки на счет кормовой площади для скота, а это, в свою очередь, может вести к дальнейшему обеднению, к неурожаям и т. д. и, в конце концов, к понижению потребностей.— 3) Когда население не имеет возможности с занятой им площади получить больше продуктов, когда, кроме того, значительная часть получаемых им продуктов отчуждается в виде налогов, арендной платы и т. п., а население между тем размножается, то пассивному, некультурному населению остается один выход — понижение своих потребностей до minimum'а (замена белого хлеба черным, потом картофелем и различными суррогатами), за которым следует вымирание. К такому способу «расширения емкости территории» прибегает деревенское население Ирландии и обширных областей России. Необходимость прибегать к такому способу расширения емкости территории обусловливается не столько размножением населения,— последнее может даже уменьшаться, — сколько его нищетой, вызванной социальными условиями и мешающей прибегать к другим способам увеличить количество добываемых с данной площади земли продуктов. — 4) Наконец, переход к разделению труда и к меновому хозяйству, при котором значительная часть населения переходит к обрабатывающей промышленности, настолько увеличивает емкость территории, увеличивает потребности населения, что с широким развитием обмена создается совершенно новая эпоха хозяйственного развития общества. Поэтому в развитии сельского хозяйства, которое переживало и переживает человечество, можно указать две совершенно различные эпохи: а) первоначальную,—мы назовем ее эпохой натурального хозяйства[1]),

[1]) Такое деление, разумеется, условно, так как и в первую эпоху могут производиться продукты для обмена, и во вторую эпоху — продукты для потребления внутри данного земледельческого района. Граница между этими эпохами определяется тем значением, которое приобретает обмен для увеличения или уменьшения емкости территории.

при которой население различных районов довольствуется количеством земледельческих продуктов, добываемых внутри земледельческого хозяйства и земледельческого района, и б) эпоху менового хозяйства, при которой в одних областях население не может довольствоваться производимым в них количеством земледельческих продуктов, в других областях, напротив, получается избыток продуктов земледелия, которые и вывозятся в другие области, при чем производство для вывоза начинает регулировать все хозяйственные отношения. И в ту и в другую эпоху рост населения имеет огромное значение, хотя и не такое, какое ему приписывается М. М. Ковалевским.

Как известно, М. М. Ковалевский первоначальным и постоянным двигателем общественной эволюции считает чисто биологический фактор — увеличение населения. Между тем даже в органической жизни размножение не является универсальным фактором эволюции, а только одним из ее условий. Борьба за существование, как фактор эволюции, конечно, предполагает размножение животных, но тем не менее, именно поиски за пищей — та форма борьбы, к которой прибегает животное, обусловливает эволюцию вида, а не самый факт размножения. Рост населения служит толчком к поискам новой формы хозяйственных отношений, но самое увеличение населения возможно только тогда, когда это допускается существующим хозяйственным строем, существующими хозяйственными отношениями. Теория М. М. Ковалевского слишком упрощает вопрос об эволюции общества и, конечно, не в состоянии будет объяснить таких явлений, как остановка в развитии густо населенных стран южной Азии и прогресс сравнительно редко населенной когда-то Европы, потому что рост населения последней обусловливается уже хозяйственным прогрессом. Оглядываясь на историю народов, мы замечаем, что пока общество не изменит формы производства, до тех пор рост народонаселения вынуждает последнее к пассивному подчинению закону народонаселения при данной форме производства: большей частью население эмигрирует. Пока кочевой народ не перейдет к земледелию, он дальше определенной границы не размножается, а вымирает или эмигрирует. Пока капиталистические отношения в земледельческом хозяйстве не заменятся другими, население будет выбрасываться из земледелия, эмигрировать и вырождаться. Хотя и нельзя объяснить хозяйственной эволюции общества только ростом населения, тем не менее рост населения в некоторые моменты общественного развития играет большую роль: он побуждает искать новые способы производства новой организации хозяйства, чтобы удовлетворить растущую потребность населения в продуктах.

Такое же, а может быть и большее значение имеет на высших ступенях общественного развития психическое свойство человека, при удовлетворении одних, более настоятельных потребностей, чувствовать другие и стремиться их удовлетворить. Мы уже указывали на то, что это психическое свойство может даже задерживать рост населения. Значение этого свойства тем больше, чем более развиты материальные потребности.

Насколько сильным мотивом к хозяйственной деятельности служит у малокультурного или очень бедного населения стремление поддержать свое существование добыванием необходимого количества хлеба, настолько же сильным мотивом хозяйственной деятельности более культурного или более богатого населения является стремление лучше удовлетворить свои потребности и расширить их. Будучи обеспечено даже продуктами, необходимыми для существования, население будет стремиться улучшить свое положение, расширяя свои потребности и удовлетворяя их по возможности разнообразнее.

Развитие потребностей обусловливается их удовлетворением, а удовлетворение разнообразных потребностей становится возможным при развитии товарного обмена.

В эпоху натурального хозяйства рост населения имеет гораздо большее значение, чем впоследствии, побуждая искать новые системы хозяйства, увеличивать количество производимых продуктов. Если население находит такой выход, если оно изменяет постепенно организацию хозяйства, то емкость[1]) территории увеличивается, и население продолжает размножаться или потребности населения возрастают, или происходит и то и другое вместе. Если же по каким-либо условиям (неблагоприятные почвенные или технические условия) система хозяйства и полеводства не изменяется, и население не может прибегать к другим способам увеличить емкость территории, то и самый рост населения становится невозможным. В некоторых областях население не могло увеличиваться до тех пор, пока туда извне не проник обмен и новые экономические условия.

Независимо от того, что размножение населения так же, как и рост потребностей постоянно толкают его к изменению организации хозяйства, которая и изменяется по мере развития техники и производительных сил, густота населения имеет огромное влияние на культуру и систему полеводства и хозяйства, потому что отношением числа людей к площади территории при натуральном хозяйстве определяется и его система. Охотничье или пастушеское хозяйство с увеличением населения переходит в земледельческое хозяйство, изменяется переходом от пастбищного, при котором посевы играют ничтожную роль в хозяйстве, к переложной, трехпольной и т. п. системам. Лишь с развитием товарного хозяйства, когда емкость территории расширяется до чрезвычайно широких пределов, система земледельческого хозяйства и полеводства начинает определяться и другими условиями; но и в этот период густота населения продолжает играть некоторую роль в организации хозяйства через посредство чисто-социальных отношений — ренту, прибыль и т. п.

[1]) Под «емкостью территории» мы разумеем количество населения, которое может удовлетворить свои наиболее настоятельные потребности, живя на данной территории. Несомненно, в различные моменты хозяйственного развития общества емкость территории изменяется от различных условий и прежде всего от системы хозяйства; охотой проживет на данной территории меньшее количество населения, чем скотоводством; земледелием большее, чем скотоводством и т. д.

4.

Итак, рост населения в обе эпохи хозяйственного развития имеет различное значение. В эпоху натурального развития хозяйства система сельского хозяйства или, правильнее, способы добывания продуктов питания изменяются под влиянием роста населения, при чем размножение населения при данной технической организации хозяйства начинает создавать с известного момента перенаселение, ведущее или к перемене организации хозяйства или к эмиграции и к вымиранию. Если при этом еще происходит экспроприация у населения земли или продуктов, то последствия перенаселения, разумеется, ускоряются и обостряются. Но и без осложняющих неблагоприятных социальных условий, например, при охотничьем быте, если население превышает 1—2 человека на квад. милю, дальнейшее размножение людей поведет или к вымиранию, или к переходу к другим способам добывания пищи: к скотоводству или к земледелию.

Обыкновенно переход к другой системе хозяйства и полеводства в натуральном охотничьем и скотоводческом хозяйстве для некультурных народов очень затруднителен и такому переходу предшествует продолжительный период перенаселения и вымирания. При таких условиях некоторые выводы Мальтуса отчасти применимы, и мы можем найти здесь чисто-биологическую борьбу за существование между различными племенами.

При переходе охотничьих или скотоводческих племен к земледелию, границы для уплотнения населения далеко отодвигаются. Переход к все более и более интенсивному земледелию без значительного изменения техники дает возможность населению свободно размножаться до значительной плотности. Интенсификация хозяйства заключается лишь в том, что все большая и большая площадь земли идет под распашку.

Развитие обмена, ведущее к изменению соотношения между затратой труда в земледелии и других отраслях промышленности, снова увеличивает емкость территории до чрезвычайно широких границ. Это не мешает под влиянием социальных отношений образованию избыточного населения как в эпоху товарного производства, так и в предшествовавшие эпохи. В России в XVII, так же, как и в конце XIX века, население эмигрировало вовсе не от абсолютного недостатка хлеба[1].

Независимо от социальных условий у некультурных народностей переходу к более интенсивному земледельческому хозяйству обыкновенно предшествует перенаселение не только потому, что такой переход делается под давлением настоятельной необходимости, но и потому, что некультурное население лишь ощупью находит новую

[1]) «В 1633 году был сделан допрос в тотемских волостях, отчего крестьяне разбежались. Ответ был такой: разошлись крестьяне от многих податей и от всяких непомерных платежей, от солдатских кормов, от запасных денег, от ямских отпусков, от судовые непомерные кортомы, от тяжелого и сошного письма». (Соловьев. История России, т. IX, 428 стр.).

систему хозяйства, которая дала бы возможность жить на данной территории большему количеству населения, которая увеличила бы емкость территории. Охотничьи народы обыкновенно долгое время ведут охотничий быт, хотя используют всю территорию и сталкиваются друг с другом. Точно также пастушеские племена при увеличении населения, но при невозможности расширить свою территорию посредством переселений, чрезвычайно медленно и неохотно переходят к земледелию. Земледельческое натуральное хозяйство также расширяет запашку лишь при увеличении роста населения. Поэтому эпоха натурального хозяйства характеризуется тем, что количеству населения данного района соответствует система хозяйства и культура хозяйства, т.-е. количество продуктов, добываемых населением. На-ряду с районами, в которых при густом населении ведется очень интенсивное хозяйство, могут быть районы экстенсивного пастушеского или охотничьего хозяйства, в которых не добывается больше продуктов потому, что они не нужны населению.

Это соответствие количества добываемых продуктов при натуральном хозяйстве числу наличного населения каждого района и привело в заблуждение как мальтузианцев, так и М. М. Ковалевского. Нежелание и ненужность добывания продуктов в большем количестве, чем требуется для населения при натуральном хозяйстве, Мальтус объясняет невозможностью получить их; это соответствие количества продуктов количеству населения он объясняет тем, что излишнее население вымирает, а не тем, что излишнее количество продуктов не добывается. Между тем, еще не далеко то время, когда, напр., за Уральскими горами можно было натолкнуться на деревни, в которых хлеб гнил в кладях, потому что его некуда было сбывать: он был лишним при отсутствии обмена. Это не мешает, впрочем, при увеличении населения и при сохранении старой системы хозяйства, в конце концов, образованию избыточного населения, пока оно не перейдет к новой организации хозяйства.

Натуральное хозяйство могло бы существовать до тех пор, пока население густо населенных районов не использует всех производительных сил на добывание хлеба, пока не размножится до абсолютной границы, дальше которой не может возрастать благодаря ограниченности средств существования. Но мы не знаем ни одной страны, в которой население достигло бы этой границы[1]). Экспроприация части земли у населения или части добываемых им продуктов гораздо раньше создает относительное перенаселение, а экономическое развитие, развитие потребностей толкает население к товарному обмену, который увеличивает емкость территории до широких пределов. Меновое хозяйство вносит, таким образом, корректив в распределение

---

[1]) Довольно близко к этой абсолютной границе, повидимому, подходили некоторые провинции Китая, в которых при высокой, почти огородной культуре земли, население довольствовалось производимым внутри страны хлебом. Но и здесь социальные условия не допускали население подойти к абсолютному перенаселению, которое может явиться при полном использовании населением добываемых земледелием продуктов.

населения и в распределение производства продуктов в различных районах. Там, где население было редко, продуктов производится больше, чем требуется населением данного района, а в густо населенных районах часть населения переходит к обрабатывающей промышленности.

Переход к меновому, товарному хозяйству, увеличивающему емкость территории[1]), возможен при хороших путях сообщения, которые появляются с развитием капитализма. Только на побережьях моря, представляющего наиболее удобный путь сообщения, торговля хлебом в обширных размерах производилась и раньше, до капиталистической эпохи: в Греции, Риме, Карфагене и других приморских областях.

Переход к меновому хозяйству и разделению труда приобретает большое значение для увеличения емкости территории только тогда, когда жители густо населенных или малоплодородных областей находят более выгодным переходить к производству продуктов обрабатывающей промышленности для обмена на продукты земледелия.

Развивающееся на почве товарного обмена капиталистическое производство с характерными для этой формы производства отношениями труда и капитала, в свою очередь, создает относительное перенаселение, которое различно выражается в районах земледельческих и промышленных.

Влияние условий капиталистического производства на образование избыточного населения, помимо вышеуказанных общих условий, определяется из дальнейшего анализа условий, присущих капиталистическому строю, и в частности из соотношения индустрии и земледелия.

При анализе развития индустрии вопрос представляется гораздо проще, чем при анализе развития земледелия. В индустрии мы видим тесную связь технического прогресса с состоянием обрабатывающей промышленности и с формами промышленных предприятий. Технический прогресс исключительно определяет то и другое. В земледелии мы видим нечто иное. Технический прогресс, правда, имеет также решающее значение в организации типа хозяйства, но культура хозяйства определяется не только техникой, но и количеством населения на данной площади земли.

Мы находим при одинаковых технических условиях совершенно различную культуру земли в зависимости от роста населения. На далеких окраинах существует дикое скотоводческое хозяйство как у номадов, так и у цивилизованных наций, потому что там

---

[1]) На значение капитализма для увеличения емкости территории в русской литературе указывали П. Струве и С. Булгаков; но постановка вопроса обоими авторами так же абстрактна, как и теория Мальтуса. Капитализм, увеличивая емкость территории в областях и странах, в которых развивается индустрия,— при чем, это увеличение происходит благодаря товарному обмену,— сокращает емкость территории в чисто земледельческих районах и странах.

Булгаков называет предкапиталистическое перенаселение абсолютным, а капиталистическое относительным, совершенно упуская из виду, что и в том и в другом случае перенаселение может образоваться от нескольких причин, из которых одни могут действовать до развития капитализма, другие — при его развитии. Если эти причины устраняются с изменением хозяйственного строя, то странно говорить об абсолютном перенаселении.

наименьшая плотность населения. В более населенных районах мы видим экстенсивное хозяйство с различной техникой. Наконец, в наиболее плотно населенных районах мы видим интенсивное хозяйство как в странах с развитой техникой, напр., в Англии, так и в странах отсталых (Китай).

В настоящее время развитие капитализма, огромный технический прогресс и связанное с этим необычайное развитие путей сообщения ослабили еще влияние роста населения на культуру земли, так как хлеб может перевозиться на далекие расстояния из реже населенных районов в более населенные. Тем не менее и при таких условиях ясно видно влияние роста населения на культуру хозяйства.

Не задаваясь вопросом о том, который из двух факторов «важнее», мы во всяком случае можем констатировать влияние двух факторов на развитие земледельческого хозяйства, технического прогресса и роста народонаселения. Только принимая во внимание оба эти фактора, возможно выяснить условия развития сельского хозяйства. Правда, до сих пор экономистами не анализировались отдельно культура земли и техника земледелия, а следовательно и их значение, но из этого еще не следует, что этого не нужно было и делать. Если культура земли может быть различной при одинаковой технике и если возможна одинаковая культура земли — при различной технике, то необходимо анализировать условия развития культуры земли и технического прогресса. Оказывается, что при развитии земледелия на культуру земли имел огромное влияние рост населения. Этот факт нисколько не умаляет значения технического прогресса, так как без него рост населения возможен только до известных пределов. (Следовательно, рост населения — «второстепенный фактор», если говорить о их важности).

Глава VI.

Земельная рента.

1. Условия образования земельной ренты.— 2. Капиталистическая земельная рента. — 3. Влияние развития проиводительных сил на земельную ренту.— 4. Некапиталистическая рента [1]).

I. Условия образования капиталистической земельной ренты.

Цели и средства, которыми руководствуются хозяйствующие субъекты, одинаковы как в земледелии, так и в индустрии: целью является стремление получить в своем хозяйстве наибольшее количество продуктов с наименьшими затратами; средством является развитие производительных сил. Но в земледелии новые траты труда и капитала на ту же землю менее производительны и менее выгодны. Поэтому земледельческое хозяйство, по мере увеличения потребностей в хлебе, благодаря возрастанию населения, должно стремиться к расширению посевов на большую площадь земли. Но такому расширению мешает ограниченность территории в руках каждого отдельного хозяина. При современном меновом хозяйстве увеличение потребности в хлебе выразится в росте цен на хлеб, а это делает выгодными новые, хотя и менее производительные, затраты на ту же площадь земли или переход к худшим землям. В натуральном хозяйстве увеличение потребности в хлебе, благодаря росту населения, непосредственно побуждает увеличивать затрату труда, чтобы добыть,

---

[1]) Рента с крестьянских земель рядом с чисто-капиталистическим земледельческим производством определяется последним, потому что капиталистическое производство определяет тот minimum хлебных цен, по которым оно может производить, гонит их вверх и определяет minimum земельной ренты.

Мы считаем необходимым остановиться на теории земельной ренты не только потому, что вносим некоторые свои положения, но и потому, что в связи с этими положениями, как увидит читатель, возможно только выяснение вопросов, имеющих чрезвычайно важное значение. Кроме того, обыкновенно, теория земельной ренты рассматривается экономистами (не агрономами) без всякой связи с организацией и культурой хозяйства, хотя эту связь едва ли кто будет отрицать. Поэтому необходимо хотя бы наметить ее, чтобы выяснить значение социальных и технических факторов в развитии хозяйства.

хотя бы и с большим трудом, необходимое количество продукта. В капиталистическом хозяйстве последние затраты капитала на ту же землю или обработка худшей земли могут быть сделаны предпринимателем только тогда, когда они дают среднюю прибыль, поэтому первые, более производительные затраты должны давать некоторый излишек продуктов и прибыли.

Новые затраты капитала и труда могут быть употреблены и на обработку новой, менее производительной почвы или более отдаленного от рынка участка земли. И в том и в другом случае затраты труда и капитала будут менее производительны или вследствие меньшей производительности почвы, или вследствие необходимости затраты излишнего труда на доставку продукта на рынок. Следовательно, первые затраты капитала на ближайшем к рынку или на более плодородном участке будут давать излишки над нормальной прибылью.

Так как земля находится в частной собственности, то такое свойство земледельческой промышленности при капиталистическом производстве служит источником капиталистической земельной ренты. Земельная рента является доходом, получаемым землевладельцем за право пользования находящейся в его владении землею; этот доход получается благодаря различию производительности труда, прилагаемого в земледелии на различных участках или на одном и том же участке.

При производстве зерновых продуктов, при данных технических условиях, наиболее производительно труд прилагается в переложном хозяйстве; при скотоводстве — в кочевом хозяйстве и при лесоводстве — при пользовании естественными насаждениями. Очевидно, что с увеличением населения или просто с увеличением спроса на сельско-хозяйственные продукты количество их, получаемое экстенсивным хозяйством, становится недостаточным, цена повышается и сельские хозяева переходят к более интенсивной обработке земли, чтобы получить на той же площади земли большее количество хлеба. Следовательно, новые затраты капитала на ту же площадь земли дадут добавочное количество продукта в меньшем количестве, чем первые затраты, которые теперь, кроме прибыли, будут давать и ренту[1]).

---

[1]) С. Булгаков не видит различия производительности затрат первого и последнего капиталов, потому что анализирует не конкретные явления, а цифры: «Нетрудно видеть,— говорит он,— какой элемент произвола вносится этим понятием (последней наименее производительной затратой труда и капитала): пусть на землю затрачиваются 10 *a* капитала, при чем каждое последующее *a* отличается убывающею производительностью, общий продукт почвы будет А. Очевидно (!), средняя производительность каждого а будет равна $\frac{A}{10}$ и, если (?) весь капитал рассматривать, как одно целое, то (разумеется! П. М.) цена будет определяться этой средней производительностью». Конкретно существуют не 10 *a*, а хозяйства различной интенсивности. Первый капитал употребляется при наиболее экстенсивной культуре, последним капиталом является капитал, употребленный на интенсификацию хозяйства. Каждый хозяин прекрасно разберется в том,— чего никак не может уловить Булгаков,— насколько производителен последний капитал, потому что интенсивное и экстенсивное хозяйства имеют достаточно различий.

Если в экстенсивном хозяйстве[1]) при издержках производства (считая в том числе прибыль) — в 9 р. на десятину получается хлеба 30 пудов с десятины и если новая затрата в 9 руб. на десятину дает прибавочного продукта с этой десятины только 15 пудов хлеба, то затрата добавочного капитала в 9 руб. будет возможна и выгодна только тогда, когда цена хлеба повысится до 60 коп. за пуд. Этот расчет одинаково относится и к менее урожайным участкам земли, на которых затрата первого капитала дает только 15 пудов хлеба, и к отдельным участкам, которые дают 30 пуд., но провоз хлеба с которых обходится 9 рублей.

Обыкновенно экстенсивное хозяйство, пользующееся такими же техническими усовершенствованиями, как интенсивное, чрезвычайно производительно. «Недостаток (?) рабочих рук и дороговизна труда повышают производительность района, делая для крупных хозяев conditio sine qua non применение мертвых двигателей и машин. При крупности хозяйств, которая здесь представляет естественное следствие земельного простора, мертвые двигатели в сельском хозяйстве имеют то же значение, как и в обрабатывающей промышленности, т.-е. они не только заменяют недостающую рабочую силу, но и повышают производительность труда, следовательно, уменьшают стоимость единицы продукта, увеличивая, в то же время, интенсивность труда, что, как известно, ведет к повышению нормы прибавочной ценности, а в данном случае и ренты. При этом именно зерновое производство, в силу простоты приемов обработки и снятия урожаев, представляет вид культуры, особенно подходящей для применения машинного производства. Потому-то в районах этого типа приобретают чрезвычайно важное значение паровые молотилки, жнеи, сноповязалки и вообще машины, нередко специально изобретенные для удовлетворения нужды подобных областей»[2]).

В хозяйстве г. Ярошко (Таврической губ.) обычно нанимается в Каховке 30 человек на срок с 9 мая по 1 сентября: из них 6--8 человек взрослых, а остальные полурабочие, — дивчата и хлопчики. «С этим числом людей мы производили все летние экономические работы, за исключением только косьбы сена; а работы эти заключались в следующем: вспашка и вторичная перепашка черного пара под озимую пшеницу, десятин около 200, уборка в скирды сена с 300 десятин степного сенокоса (в хороший год около 20 тысяч пудов), уборка всего хлеба 500 десятин, молотьба его и производство части озимого посева, который обыкновенно успевали сделать к Покрову 1/2 или 3/4»[3]).

Техника производства в экстенсивном хозяйстве может быть такой же, как в интенсивном, а затраты труда на единицу продукта

---

[1]) Экстенсивное и интенсивное хозяйства различаются нами по количеству издержек производства на единицу площади земли — капитало-интенсивные, и трудо-интенсивные — отношением затраты живого труда к общим издержкам.

[2]) Скворцов. «Основы экономики земледелия страны», стр. 174.

[3]) Доклад г. Ярошко 7 января 1894 г. в моск. общ. с.-х. Цитировано из книги В. В. Хижникова: «Полож. рабочих в сел.-хоз. в санитарном отношении». 1899 г.

в первом бывают значительно ниже, чем в последнем. Интенсивное хозяйство, давая большое количество продуктов с данной площади земли, требует на их производство гораздо больше издержек[1]). Это развитие производительности труда экстенсивного и интенсивного хозяйств и служит источником земельной ренты.

Рикардо считал земельную ренту платой земельному собственнику за естественное плодородие земли, при чем высота земельной ренты определялась различием плодородия земельных участков[2]).

Так как по мере улучшения земледельческой культуры разница плодородия почвы на различных участках стала сглаживаться, а земельная рента тем не менее повышается, то образование земельной ренты стали объяснять не различием производительности труда при производстве одного и того же продукта в различных хозяйствах на различных участках земли, а чем-нибудь другим: различием строения земледельческого и промышленного капитала, якобы создающего в земледелии высокую норму прибыли против уровня прибыли в индустрии, в монопольном праве землевладельца на землю, хотя всякий предприниматель владеет на таком же праве своим капиталом и т. п.

Действительно, теория ренты Рикардо в том виде, как он ее излагал, совершенно несостоятельна. Различие в плодородии различных участков земли, хотя и бывает довольно значительно, но зависит в гораздо большей степени от интенсивности обработки, чем от почвенных условий. В России, например, высшие урожаи получаются в нечерноземных губерниях с более интенсивной обработкой земли. Почвенные и климатические условия главным образом влияют (при данных рыночных условиях) на выбор производства того или иного продукта: в одном месте выгоднее сеять одни злаки, в другом—другие; в одном месте выгоднее землю запустить под луг, под лес, в другом распахивать и т. д.

В гораздо большей степени на производительность труда влияют интенсивность обработки и отдаленность земли от рынка, потому

---

[1]) Обыкновенно экстенсивное хозяйство считают нерациональным потому, что оно якобы истощает землю, уменьшая естественное плодородие земли. При этом упускается из виду, что экстенсивное хозяйство в России, на дальнем западе Америки истощает землю интенсивной эксплоатацией земли при экстенсивной культуре хозяйства Сама по себе экстенсивная культура хозяйства вовсе не ведет к истощению земли при рациональной ее эксплоатации.

[2]) Рикардо видел в различии плодородия участков земли не различие производительности труда на них, а различие естественной производительности почвы. Можно смотреть на всякое производство с двух и даже с трех сторон: видеть в производстве продуктов производительную деятельность человека, при чем на удобной, плодородной земле труд будет производительнее, или производительную деятельность природы при чем на плодородной земле она будет производительнее, или—производительность орудий, которыми человек работает.

Рассматривая производство с точки зрения развития производительности труда человека, мы, разумеется, должны смотреть на естественное плодородие почвы лишь как на условие, при котором труд производительнее, точно так же, как он производительнее благодаря улучшенным орудиям производства. С этой точки зрения теряется различие между плодородной почвой благодаря естественным условиям и благодаря, например, тому, что несколько десятков лет тому назад она искусственно приведена в такое состояние, что сделалась плодородной.

что затраты на провоз продукта почти прямо пропорциональны расстоянию, а получение добавочного продукта с той же площади земли требует относительно менее производительных затрат, и новое количество издержек производства на ту же площадь земли дает все меньшее и меньшее количество продуктов. Очевидно, что для производства большего количества продуктов на той же площади земли или для того, чтобы продукты доставлялись с отдаленных земель, цена хлеба должна повыситься до такой нормы, при которой дополнительные затраты могут быть выгодны.

Такие условия земледелия ничуть не изменяются оттого, что технический прогресс увеличивает производительность земледельческого труда, потому что она одинаково увеличивается и в интенсивном, и в экстенсивном хозяйствах, даже в большей степени в последнем. Жатвенные машины, молотилки, плуги, рядовые сеялки и т. п., введенные вместо серпа и проч., одинаково производительны, как в интенсивном, так и в экстенсивном хозяйствах, между тем как новые затраты труда и капитала на ту же площадь земли в большинстве случаев являются менее производительными. Поэтому не только экстенсивное хозяйство Северо-Американских Соединенных Штатов с лучшими орудиями производства, но и русское хозяйство с плохими орудиями конкурируют с интенсивным хозяйством Англии, имеющим лучшие орудия производства: при меньшей затрате труда и капитала на единицу площади земли труд настолько производителен, что даже при улучшенных орудиях, увеличивающих производительность труда, новые затраты капитала на ту же площадь земли в интенсивном хозяйстве менее производительны, чем в экономически отсталой стране экстенсивного хозяйства. Хотя, в среднем, земледельческий труд в Англии более производителен, чем в России [1]), тем не менее, при последовательной затрате капитала для интенсификации хозяйства, последние затраты, которыми определяются издержки производства, хлеба и его цена, менее производительны, чем в России. Поэтому, хлеб из стран с экстенсивным хозяйством все более и более вытесняет на английском рынке английский хлеб.

Очевидно, что если даже в Англии и России плодородие земли одинаково, то английское сельское хозяйство будет интенсивнее русского, потому что при доставке русского хлеба на английский рынок цена хлеба в Англии должна быть выше, чем в России, а при более высокой цене хлеба становится выгодной дополнительная затрата капитала на интенсификацию хозяйства.

Следовательно, на-ряду с техническим прогрессом, увеличивающим производительность земледельческого труда и понижающим ценность земледельческих продуктов, увеличение интенсивности хозяйства, вызванное ростом населения и увеличением потребления, действует в обратном направлении. Улучшение и удешевление транспорта

[1]) Данные, приводимые некоторыми агрономами о том, что, в среднем, стоимость производства хлебов в интенсивных хозяйствах ниже, чем в экстенсивных, ничуть не опровергают положения о менее производительной затрате последнего капитала, потому что первоначальные затраты могут быть более производительны.

облегчило конкуренцию стран экстенсивного сельского хозяйства, более производительного, чем интенсивное хозяйство густо населенных промышленных стран. Это, разумеется, повело к падению хлебных цен. «Главная причина падения хлебных цен общеизвестна: она заключается в том, что к производству зерновых продуктов приступили новые страны. Уже политикоэкономы-классики считали это обстоятельство первой причиной падения земельной ренты [1]). Впрочем, очень многие, в том числе и цитируемый автор, объясняют совершенно ошибочно условия конкуренции экстенсивных и интенсивных стран высотой земельной ренты, а не обратно. Между тем, земельная рента даже в странах с интенсивным хозяйством в значительной степени определяется условиями производства и провоза хлеба из стран с экстенсивным хозяйством, потому что ими определяется цена хлеба.

Обычный прием исследований и трактатов о земельной ренте начинается с такого рода примера. «Возьмем два участка земли не одинакового плодородия, на которых ведется капиталистическое хозяйство» и т. д. При этом предполагается, что эти участки значительно отличаются по плодородию: поэтому совершенно справедливо и основательно доказывается, что эта разница в плодородии есть земельная рента. При таком приеме аргументации прежде всего должен бы явиться вопрос: зачем же землевладелец будет распахивать худшую землю, когда у него есть лучшая земля? Вместо того, чтобы делать затраты на обработку первой, лучше затратить этот капитал снова в лучшую землю. В самом деле, если на участке А при затрате 15 руб. получается 60 пуд. хлеба, а на участке В при той же затрате получается 30 пуд., то нет основания при каких бы то ни было условиях распахивать участок В, если новые затраты на участке А будут не менее производительны, чем первая затрата. Очевидно, начинать объяснение образования земельной ренты с констатирования различного плодородия почв нельзя. Нужно еще сделать предпосылку, что дальнейшие затраты капитала на тот же более плодородный участок земли А менее производительны, чем первые, и не более производительны, чем затраты первого капитала на худшей земле. Какой смысл обрабатывать худшую землю, когда на лучшую землю можно затратить новый капитал? Иными словами, перед исследованием законов ренты предполагается уже факт падения производительности труда в последовательных затратах капитала против первых затрат. Есть исследователи, которые начинают так, как мы выше указали, и отрицают в то же время факт падения производительности последующих затрат капитала. Обыкновенно думают, что падение производительности последующих затрат на ту же землю должно вести к общему падению производительности труда в земледелии. Между тем происходит общее развитие производительных сил земледелия, при котором производительность и первых и последующих затрат

[1]) Dr. Rudolph Meyer. „Das Sinken der Grundrente", 1894 г., стр. 95.

труда и капитала увеличивается. Производительность труда в земледелии в капиталистических странах увеличилась в несколько раз, но это ничуть не изменяет относительного падения производительности последовательных затрат на ту же площадь земли. Если первая затрата капитала давала 60 пуд., то при развитии производительных сил первая затрата может дать 120 пуд., а вторая 60 пуд., производительность труда удвоится, а падение производительности труда, при последовательных затратах капитала на ту же землю останется неизменным. Это выразится в том, что, при общем увеличении производительности труда в различных странах, цены на хлеб в странах с интенсивным хозяйством будут, тем не менее, выше, чем в стране экстенсивного хозяйства.

Представим себе, что, благодаря техническому прогрессу, улучшенным сельско-хозяйственным орудиям, новому способу обработки или удобрения, производительность труда в земледелии увеличилась вдвое. Допустим, что раньше при последовательной затрате капитала на ту же землю получилось продукта:

При затрате первого капитала (a) в среднем по 15 руб. на дес. (переложное хозяйство)	получалось хлеба 60 пуд.	90 п.	105 пуд.
При затрате второго капитала (b) в среднем по 15 руб. на дес. (трехпольное хозяйство без удобрения)	получалось хлеба + 30 пуд.		
При затрате третьяго капитала (c) по 15 руб. на дес. (хозяйство с удобрением — многопольное)	получалось хлеба + 15 пуд.		

Если норма прибыли равняется 7%, то многопольное хозяйство выгодно вести при цене хлеба 1 руб. 7 коп., чтобы на последний затраченный капитал получить прибыль 1 руб. Издержки производства определяются тогда для экстенсивного хозяйства в $^{16}/_{60} = 27$ коп. за пуд; для трехполья — в $^{32}/_{90} = 35$ коп. за пуд., и для хозяйства с удобрением — в $^{48}/_{105} = 46$ коп. за пуд. Так как цена хлеба 1 руб. 7 коп., то землевладелец получит ренту с первой и второй затраты капитала (48 р. + 16 р.), между тем, как последняя затрата не может дать ренты. При увеличении производительности труда вдвое хозяин получит:

При затрате первого капитала 7,5 руб. в среднем на дес. (перелож. хозяйства)	+ 60 пуд.	= 90 пуд.	= 105 пуд.
При затрате второго капитала 7,5 руб. в среднем на дес. (трехпольное хозяйство без удобрения)	+ 30 пуд.		
При затрате третьяго капитала 7,5 руб. (хозяйство с удобрением)	+ 15 пуд.		

При той же норме прибыли издержки производства во всех трех случаях упадут вдвое, до $13^1/_2$ коп. за пуд при первой затрате капитала, до $17^1/_2$ коп. при второй и до 23 коп. при третьей. Во всех случаях мы предполагали, что издержки производства сократятся в одинаковой степени, хотя это и не соответствует действительности. Всякое техническое улучшение в гораздо большей степени сокращает издержки

производства в экстенсивном, чем в интенсивном хозяйстве. Например, если жнитво и молотьба составляли по 5 руб., по 1/3 всех расходов обработки экстенсивного хозяйства (из 15 руб.), то в интенсивном хозяйстве они составили гораздо меньшую долю расходов, только по 1/9 (из 45 руб.). Следовательно, введение жнейки и молотилки, сокративши издержки на молотьбу и жнитво в 4 раза, сократят затраты в экстенсивном хозяйстве с 15 руб. до 7 руб. 50 коп., так как из всех издержек в 15 руб. на жнитво тратится вместо 5 руб. только 1 руб. 25 коп. и на молотьбу также вместо 5 р.—1 р. 25 к. В интенсивном хозяйстве общие издержки 45 руб. сократятся только на ту же сумму, на 7 руб. 50 коп., что составит уже не половину всех расходов, а только 1/6 часть. Другого рода улучшения могут и не увеличивать разницы производительности последовательных затрат капитала, но они не могут ее уничтожить.

Итак, необходимым условием для образования капиталистической земельной ренты является падение производительности последующих затрат на ту же площадь земли. При этом условии для увеличения производства хлеба необходим переход к другим, хотя бы и худшим участкам или к менее производительным затратам капитала. Различие производительности труда на различных по плодородию участках ведет к различной высоте ренты на неодинаковых по плодородию участках. Это условие для образования земельной ренты. Но при наличности этих условий капиталистической земельной ренты может и не быть. Чтобы возможно было сравнение производительности труда на различных участках и различных затрат на один и тот же участок, необходимо, чтобы продукты земледелия производились для рынка. Только на рынке одинаковые затраты труда в земледелии могут получить различную оценку вследствие различия производительности труда.

В русской литературе, если мы не ошибаемся, только один г. С. Булгаков указал на падение производительности труда при последовательных его затратах, как на «закон» хозяйственного развития, но совершенно не понял его значения. С. Булгаков, повидимому, представляет этот «закон» в виде постоянно увеличивающейся трудности добывания продуктов земледелия в процессе хозяйственного развития общества. Мы старались показать, что такое понимание факта падения производительности затрат совершенно не верно. Общая производительность труда в земледелии, благодаря техническому прогрессу, может увеличиваться и действительно увеличивается, но различие между первыми и последующими затратами труда на ту же площадь земли остается. Технический прогресс не может задерживать или уничтожить факта падения производительности последовательных затрат, как думает г. С. Булгаков, а, напротив, как доказывалось выше, увеличивает разницу производительности труда.

Разница производительности последовательных затрат служит причиной образования ренты. Но эти последовательные затраты не одинаковы. В анализе ренты мы принимаем их одинаковыми, хотя они могут быть то больше, то меньше друг друга. Так, например, первая затрата может быть 10 руб. на десятину и дать 40 пуд. хлеба.

6*

Вторая затрата 20 руб. (10 руб. + 10 руб.) и дать 50 пуд. хлеба; т.-е. если вторую затрату разделить на две, то они дадут одинаковое количество хлеба по 25 пуд. Третья затрата 15 р. (10 руб. + 5 р.) даст 30 пуд. хлеба и т. д.

Может быть даже такой случай: первая затрата для получения продукта должна быть очень большой. Например, на землях, требующих искусственного орошения, лишь дальнейшие затраты уже на орошаемой земле будут менее производительны. Вообще в отдельных конкретных случаях на различных землях бывает различная производительность различных последовательных затрат; неизменен лишь общий факт: все естественные силы земли не используются для урожая, вследствие падения производительности последующих затрат труда на ту же площадь земли. Падение производительности последовательных затрат труда и капитала на ту же землю, по мере увеличения потребности в продуктах земледелия, побуждает переходить или к менее производительным затратам на ту же площадь земли, или к обработке худших участков.

2. Капиталистическая земельная рента.

Рикардо считал земельную ренту платой земельному собственнику за естественное плодородие земли. Различие плодородия земли и служит, по его мнению, источником земельной ренты. Такое определение, наиболее общепринятое, совершенно неверно. При определении различия прибыли предпринимателей, имеющих различные машины, часто выражаются так: предприниматель А получил больше прибыли, чем предприниматель В, потому что производительность его машин выше, чем производительность машин предпринимателя В. Такое определение настолько же неправильно, как и приведенное определение ренты. В обоих случаях доход получается вследствие различия производительности труда на участках земли различного плодородия или при различных затратах капитала, при различных машинах. Различие производительности труда вследствие естественных условий или вследствие экономических условий ведет к различию издержек производства для получения одинакового количества продуктов. Земельная рента и является доходом земледельца, получаемым вследствие различия производительности труда (ведущего к различию издержек производства) или на различных участках земли, или при последовательных затратах капитала и труда на ту же площадь земли, или для доставки на рынок. При этом могут обрабатываться сначала худшие, менее плодородные земли, но требующие меньше затрат труда и издержек на обработку[1]).

---

[1]) При этом имеет значение стоимость провоза продуктов к месту потребления их. Возражение Родбертуса на теорию Рикардо, что население не всегда переходило к менее плодородным землям, совершенно справедливо, но попадает мимо цели. На более плодородной, но тяжелой земле, особенно при плохих орудиях, труд может быть менее производителен.

Земли, требующие орошения, расчистки, дренажа и т. п., могут быть более плодородны, чем земли, не требующие таких капитальных затрат, и, тем не менее, будут обрабатываться уже после менее плодородных земель, но требующих меньших затрат.

Если при одинаковой затрате труда и капитала на участки земли А, В, С, с первого участка получается продукта 100 пуд. хлеба, со второго — 125 пуд., с третьего — 150 пуд., то сверх обычной прибыли, получаемой предпринимателем с первого участка, с участка В получится добавочный доход 25 пуд. хлеба, а с участка С—50 пуд. Этот доход и будет земельной («дифференциальной», по терминологии Маркса) рентой.

Такое же значение имеет расположение земель, так как с более отдаленных от рынка участков земли требуется большая затрата труда, больше издержек на доставку продукта на рынок, чем с ближайших участков.

Если на один и тот же участок земли затрачивается последовательно несколько единиц труда и капитала и если результаты этих затрат выразятся в различном количестве получаемого продукта, т. е. если производительность труда и капитала при этих затратах неодинакова, то разница между количеством продукта, получаемого от различных затрат, и будет земельной рентой. Например, если при переложном хозяйстве затрачивается на десятину 15 руб. и получается продукта 60 руб., а в хозяйстве с удобрением земли навозом с той же земли получается, при затрате на десятину 30 р., 90 пуд., то разница в 30 пуд. при затрате первого и второго капиталов составит земельную ренту.

Все перечисленные виды ренты, в конце концов, сводятся к одному и являются следствием различной производительности труда и капитала, затрачиваемых в земледелии. Разница высоты ренты в различных районах, при одинаковом естественном плодородии почвы, определяется стоимостью провоза продуктов к рынку, определяющему их цены. Цены на хлеб должны иметь наибольшее влияние на высоту ренты, потому что при различных ценах на хлеб и рента выразится в различной денежной сумме при одинаковом количестве продуктов.

Доход в виде земельной ренты делается источником дохода для отдельных лиц при условии частной собственности на землю.

Право владения землею приобретает такое же значение, как и владение капиталом: капитал, как и земля, находится в монопольном владении. Каждая новая единица капитала и поверхности земли не только увеличивает производительность труда, но и является необходимым условием для его приложения.

Если рабочий пользуется вместо простейших орудий лучшими, то производительность его труда увеличивается. Точно также, если он не затрачивает излишнего труда на ту же площадь земли, чтобы получить некоторое количество добавочного продукта, а прилагает этот труд на новую площадь земли, то его труд тоже будет производительнее. Между тем как с развитием производительных сил, капитал, которым располагает общество, растет, поверхность удобной земли остается почти неизменной; поэтому или требуются новые,

менее производительные затраты для добывания сельско-хозяйственных продуктов, или распашки более отдаленных земель; рента начинает расти вместе с увеличением расстояния этих земель от рынка и падает вместе с удешевлением транспорта; условия транспорта сельскохозяйственных продуктов приобретают главное, почти решающее, значение в росте земельной ренты и даже в определении системы хозяйства в различных районах капиталистической страны [1]).

Представим себе, что, например, в России плодородие земли одинаково, и центральным рынком для хлеба и других сельско-хозяйственных продуктов является Москва. Различие в стоимости провоза продуктов из Московской, Саратовской и Оренбургской губерний создает и различную земельную ренту. Если цена хлеба в Московской губернии 60 коп., стоимость провоза из Саратовской губ. до Московской равна 13 коп., а из Оренбургской—30 коп. за пуд, то при одинаковой затрате капитала на десятину, по 16 руб., при норме прибыли $12^1/_2$% и урожае по 60 пуд. с десятины получится [2]):

	Цена 1 пуд. хлеба	Стоим. произв.	Урожай	Цена всего прод.	Прибыль	Рента
В Оренбургской губ. . .	30 коп.	16 руб.	60 пуд.	18 руб.	2 руб.	—
„ Саратовской „ . . .	45 „	16 „	60 „	27 „	2 „	9 руб.
„ Московской „ . . .	60 „	16 „	60 „	36 „	2 „	18 „

Если затрата 16 руб. на десятину является наименьшей затратой на единицу площади земли, и если под посевом находится только третья часть удобной земли, т.-е. существует экстенсивное хозяйство, то высокий доход с затрачиваемого капитала, получаемый в Московской и Саратовской губерниях, поведет к расширению запашки, так как каждая единица эксплоатируемой площади дает добавочный доход.

Если бы новая затрата капитала на ту же площадь земли давала такое же количество продукта, как первая затрата, то хлеб не мог бы доставляться на Московский рынок из Оренбургской и Саратовской губерний; да и в Московской губ. эксплоатировалась бы не вся площадь земли, так как не имеет смысла распахивать другую десятину земли, если такая же затрата на ту же площадь земли даст не меньшее количество продуктов. Если затрата 16 руб. на десятину дает 60 пуд. хлеба, на сумму 36 руб., при чем добавочный доход, кроме прибыли, получается в 18 руб., то затрата новых 16 руб. на десятину должна бы дать новых 18 руб. Разумеется, при таком условии нет смысла платить аренду и распахивать другую десятину, если при новой затрате капитала на тот же участок можно получить такое же количество продукта.

Если расширение запашки при этом условии было бы невыгодно арендатору, то оно настолько же невыгодно и землевладельцу, имеющему свою запашку, так как землю приходится покупать. В самом

---

[1]) Значение условий транспорта в определении высоты ренты и системы хозяйства выяснено Тюненом в его классической работе „Der isolirte Staat“, основные теоретические положения которой остаются, в общем, правильными и для настоящего времени.

[2]) Ср. главу о малоземелье, III, где указаны цены на хлеб за семилетие.

деле, допустим, что новая затрата капитала на ту же площадь земли дает такое же количество продукта. Если у землевладельца 100 десятин распаханной земли, на которые он затрачивает по 16 руб., и получает с десятины сверх 2 рублей прибыли по 18 рублей ренты, и если новая затрата по 16 руб. на ту же площадь земли даст такое же количество продукта, то он сократит запашку до 50 десятин, затратит на них по 32 руб. и получит столько же прибыли и ренты, сколько получал раньше со 100 десятин. Если дальнейшая затрата капитала даст снова такое же количество продукта, то, затративши на 25 дес. тот капитал, который в первом случаи затрачен на 100 дес., предприниматель получит ту же прибыль и ренту, и т. д. Очевидно, что, при условии неуменьшающейся производительности новых затрат труда на ту же площадь земли, не имело бы смысла стремление эксплоатировать наибольшую площадь земли, а, напротив, явилось бы стремление сократить, по возможности, площадь распашки, потому что такое сокращение лишь повысило бы добавочную прибыль. Очевидно, также, что в Оренбургской губ., где, по нашему предположению, нет земельной ренты, даже при той же производительности новая затрата капитала на ту же площадь земли не даст добавочной прибыли, потому что ее не дает и первая затрата.

Итак, рента может существовать только тогда, когда последние затраты капитала на ту же площадь земли дают меньшее количество продукта, чем предыдущие затраты. В Московской губ., по нашему предположению, цена хлеба настолько высока, что выгоден провоз хлеба из Оренбургской губ., и с земель, ближайших к рынку, получается очень высокая добавочная прибыль—18 руб. с десятины сверх обычной прибыли. Очевидно, что при такой цене хлеба в Московской губ. будет выгодной новая затрата капитала *b* на ту же площадь земли, на которую уже затрачен первый капитал 16 руб. (*a*), если даже новая затрата даст меньшее количество продукта. Допустим, что затрата 8 руб. (капитал *b*) даст уже не 30 пуд., а 20 пуд. с той же десятины. При цене хлеба в Оренбургской губ. 30 коп., затрата нового капитала на ту же площадь земли будет невыгодна, потому что, затративши 8 руб., предприниматель выручил бы за эти добавочные 20 пуд. только 6 руб.; производство оказалось бы убыточным. Следовательно, в Оренбургской губ. должно сохраниться самое экстенсивное хозяйство, требующее, по нашему предположению, 16 руб. на десятину, при чем могут быть совершенно нетронутые земли, потому что расширение запашки не дает добавочной прибыли: сохранится переложное хозяйство. В Саратовской губ. затрата нового капитала b на ту же площадь земли оказалась бы выгодной, так как, получивши 20 пуд. хлеба при затрате 8 руб., предприниматель выручит за них 9 руб.: предпринимательской прибыли он получит по обычной норме—1 руб., но добавочной прибыли не получит. Наконец, в Московской губ. получается добавочная прибыль со второго капитала b, кроме прибыли в 1 р., получится добавочная прибыль 3 руб., потому что, при цене хлеба 60 коп. за пуд, 20 пуд. стоят 12 руб. Если в Московской губ. получается добавочная прибыль со второго капитала b, то, разумеется, предприниматель будет затрачивать новый

капитал c на ту же землю, пока последний добавочный капитал не даст никакой добавочной прибыли, кроме средней предпринимательской. Какой смысл имело бы расширение запашки, дающее среднюю норму прибыли, если бы вновь затрачиваемый капитал давал еще добавочную прибыль?! Арендуя новый участок земли, предприниматель может оставить себе только обычную прибыль (на 8 р. —1 руб. прибыли), так как добавочную прибыль, ренту, он отдает землевладельцу. Затрачивая же новый капитал c на тот же участок, за который рента уже уплачена, он может еще получить добавочную прибыль сверх этой предпринимательской прибыли. Очевидно, капитал будет затрачиваться в землю до тех пор, пока последний капитал ничего не даст, кроме средней нормы прибыли. Точно так же должен рассуждать и землевладелец, имеющий собственную запашку. Следовательно, в Московской губ. должна быть еще затрата нового капитала c в 8 руб. на ту же площадь земли, если этот капитал дает только 15 пуд. хлеба, при цене 60 к. за пуд —1 р. прибыли.

Разумеется, при понижающейся производительности вновь прилагаемого капитала, землевладелец будет получать всю добавочную прибыль в виде ренты, так как дополнительные, менее производительные, затраты могут производиться только тогда, когда вся поверхность удобной земли так или иначе эксплоатируется. Это условие и создает монополию землевладения, возможность получать добавочную прибыль в виде ренты. Итак, первая таблица у нас превратится в следующую:

	Цена 1 п. хлеба	Стоим. произв.	Урожай	Цена прод. с десят	Прибыль	Рента
В Оренб. г. .	30 к.	16 р. (a)	60 п.	18 р.	2 р.	0
„ Сарат. г. .	45 к.	16 р. + 8 р. ($a + b$)	60 п. + 20 п.	36 р.	3 р.	8 р. (9 + 0)
„ Моск. г. .	60 к.	16 р. + 8 р. + 8 р. ($a + b + c$)	60 п. + 20 п. + 15 п.	57 р.	4 р.	21 р. (18 + 3 + 0)

Во всех трех районах последний затрачиваемый в производство капитал должен и может давать только нормальную прибыль. В зависимости от цен на хлеб будет находиться и та граница, за которой дальнейшее приложение капитала будет невыгодно. Так, в Оренбургской губ. возможно только наиболее экстенсивное переложное хозяйство, так как оно является наиболее производительным и требует наименьшей затраты капитала на единицу площади земли. В Саратовской губ. будет более интенсивное хозяйство, так как менее производительные затраты капитала дают нормальную прибыль, и, наконец, в Московской губ. будет наиболее интенсивное хозяйство [1]). Разумеется, при возможности вести интенсивное хозяйство является стремление использовать наибольшую поверхность земли и сократить выгон, пустыри и проч.

Допустим, что землевладельцы вздумали бы брать ренту сверх той добавочной прибыли, которая получается благодаря различию производительности затрат капитала, различию стоимости перевозки

---

[1]) Средний сбор ржи за 5-летие 1896—1900 г.г. был: в Ц. Польском—56,3, в 50 губ. Европ. России—46,7, в Сибири—42,7.

или урожайности. Если цена хлеба остается неизменной, то повышение ренты невозможно, потому что тогда исчезла бы предпринимательская прибыль[1]). Но повышение ренты возможно через повышение цены продукта. Допустим, что благодаря увеличению спроса на хлеб цена его поднялась в Московской губ. до 80 к. за пуд. Если раньше последний добавочный капитал давал только обычную прибыль, то теперь он даст добавочную прибыль, так как 15 пуд. будут стоить на рынке не 9 руб., а 12 руб. Очевидно, предпринимателю выгодно затратить на ту же землю еще добавочный капитал, хотя бы последний давал меньшее количество продукта: выгодно затратить еще капитал *d*, 8 руб., хотя бы от этого получилось продукта только 11½ пуд., потому что при цене хлеба в 80 коп. предприниматель получит прибыль на капитал даже несколько высшую, чем от предыдущих затрат.

Таким образом, как бы ни повышалась цена хлеба, как бы землевладельцы ни повышали земельную ренту, затрата последнего капитала не может давать добавочной прибыли, потому что ничто не может помешать затрате капитала на тот же участок земли, если эта затрата дает прибыль. Точно также не даст ренты худшая земля, дающая при затрате первого капитала *a* такое же количество продукта, какое дает на лучшей земле капитал *d*, потому что последний не дает ренты. Кто же будет платить ренту за худшую землю, если то же количество продуктов при той же затрате можно получить с добавочного капитала на лучшей земле без платежа ренты?

Из изложенной нами вкратце теории земельной ренты очевидно, что капиталистическое землевладельческое хозяйство не может дать землевладельцу ничего, кроме ренты, получающейся благодаря различию производительности затрат капитала. Между тем мелкая крестьянская аренда, являясь в большинстве случаев единственным средством существования для массы крестьянства, может дать землевладельцу больший доход: мелкий арендатор не может уж получить прибыль, а стремится найти только необходимые средства для существования и, чтобы приобрести их посредством аренды, отдает в арендной плате не только капиталистическую ренту, но и ту прибыль, которую получил бы арендатор-капиталист. В последнем приведенном нами примере цена хлеба в Московской губ. повышена до 80 коп. за пуд. При стоимости провоза из Оренбургской губ. 30 к., цена хлеба там повысится до 50 к., и становится выгодной затрата нового капитала *b*, если он дает только 20 пуд. и даже несколько меньше: земля будет давать ренту, равную разнице производительности труда при приложении первого и второго капиталов. Следовательно, если худшие земли дают ренту, то это обусловливается тем, что прилагаемый к ним капитал производительнее, чем последний капитал, затрачиваемый в земледелии на лучшей земле. Иными словами, худшие

---

[1]) Здесь у нас идет речь о чисто капиталистических отношениях. Поглощение прибыли рентой возможно в некоторых случаях, например, тогда, когда арендатор ведет некапиталистическое хозяйство и принужден выплачивать землевладельцу аренду, значительно выше ренты с земли; эти случаи, разумеется не опровергают общего закона земельной ренты.

земли не будут до тех пор обрабатываться, пока приложение последнего капитала, затрачиваемого на лучшей земле, не будет менее производительно, чем приложение первого капитала на худшей земле, т.-е. пока худшая земля не будет давать больший доход на первый капитал против дохода с последнего капитала на лучшей. Приложению нового капитала на ту же землю ничто не может помешать, если капитал дает обычную прибыль, одинаково, арендуется ли земля, или сельский хозяин сам является собственником земли.

Участки земли могут различаться не только по производительности затрат на перевозку продукта до рынка,— этот случай мы и рассматривали,— но и по производительности различных затрат на самое производство. Разумеется, будут ли излишние издержки употреблены на производство или на перевозку,— для землевладельца они одинаково отражаются на высоте денежной ренты с его земель.

Факт наименьшей производительности труда при последней затрате капитала на землю ведет к рассеянию земледелия. Поэтому, с улучшением путей сообщения экстенсивное земледельческое хозяйство редко населенных стран понижает цену продуктов земледелия, понижает ренту с интенсивно обрабатывавшихся участков земли и иногда заставляет запускать пашни под луга. Если бы последние затраты не были менее производительны, т.-е. если бы не было факта или «закона» уменьшающегося плодородия почвы, то не было бы стремления земледелия к рассеянию, не было бы конкуренции земель экстенсивного хозяйства, понижающей цену земледельческих продуктов.

Из всего вышеизложенного ясно, что: 1) если бы не было факта уменьшения производительности последних затрат капитала, не было бы и земельной ренты; 2) вследствие ограниченности земли и необходимости получить большее количество продуктов, благодаря росту населения, оно прибегает к интенсификации хозяйства, к менее производительным затратам труда и капитала на ту же площадь земли. Это ведет к повышению ренты. Расширение эксплоатируемой площади земли, чему содействует в особенности облегчение доставки из редко населенных земель, действует обратно. Поэтому, на образование ренты имеет решающее влияние стоимость провоза продуктов из районов экстенсивного земледелия[1]).

С другой стороны, технический прогресс, увеличивая производительность труда при всякой культуре хозяйства — и при экстенсивной, и при интенсивной, следовательно, при всякой затрате

[1]) В густо населенных странах цены на сельско-хозяйственные продукты повышаются против цен в районах экстенсивного земледелия лишь на стоимость провоза. А так как интенсификация земледелия (затраты новых капиталов и труда) определяются ценами на сельско-хозяйственные продукты, то производство экстенсивных стран начинает регулировать: и культуру хозяйства, и систему полеводства, и высоту ренты в странах, ввозящих хлеб, в странах с интенсивным хозяйством, мешает быстрому повышению земельной ренты и даже понижает ее по мере удешевления транзита. Это ведет к так называемому «кризису» сельского хозяйства.

капитала на ту же площадь земли,— задерживает повышение цен, которое могло происходить при увеличении населения, при интенсификации хозяйства.

3. Влияние развития производительных сил на земельную ренту.

Образование и возрастание ренты происходит лишь при условии падения производительности последовательных затрат труда и капитала на ту же площадь земли. Поэтому, важным условием возрастания капиталистической ренты является интенсификация хозяйства. Не менее важным условием (по социальным последствиям) для возрастания капиталистической ренты является увеличение производительности земледельческого труда. Факт увеличения производительности земледельческого труда ничуть не находится в противоречии с фактом падения производительности труда при увеличении затрат капитала на тот же участок земли. На высоту земельной капиталистической ренты они действуют в одном направлении, и в странах промышленных рента повышается вследствие взаимодействия обоих причин.

Одинаковое влияние на высоту капиталистической ренты двух противоположных факторов объясняется тем, что падение производительности последовательных затрат капитала на ту же землю создает различие между доходностью последовательно затрачиваемых капиталов, а увеличение производительности труда *увеличивает* это различие. Иллюстрируем это на старом примере. Цена хлеба в Европе регулируется производством его в странах экстенсивного земледелия, поэтому примем ее за величину постоянную. При увеличении производительности труда вдвое, получится следующая рента.

	Стоимость производства в рублях	Урожай в пудах	Цена продукта в рублях	Прибыль в рублях	Рента в рублях
Участок А будет иметь	15+15+15	60+30+15	64+32+16	1+1+1	48+16+0
Участок А будет иметь	15+15+15	120+60+15	128+64+32	1+1+1	112+48+16

При той же цене продукта, вследствие увеличения производительности труда, рента повысилась больше, чем повысилась производительность труда. Если цена хлеба понизится, то и рента, разумеется, упадет. Таким образом, *если вследствие роста народонаселения спрос на хлеб увеличится, но цена хлеба и при техническом прогрессе не повысится, а останется неизменной, то все-таки капиталистическая рента возрастет быстрее, чем увеличится производительность труда*[1]). Рента возрастает как в том случае, когда при тех же затратах увеличится количество продукта на том же участке,

---

[1]) В Германии арендная плата за гектар, принимая ее в 1849 г. за 100, повысилась в 1869 г. до 214,9, в 1879 г. до 256 и 1890—91 г. до 280,2; между тем как цены на рожь были: 100, 131, 128, 109, а рост населения—100, 115, 125, 140. При незначительном повышении, а в последние годы даже при понижении цен на хлеб, земельная рента возрастала быстрее роста населения в несколько раз.

так и в том случае, если при сокращении затрат количество продукта осталось неизменным.

Из приведенного примера видно также, что при увеличении производительности труда и при той же цене продукта должна повыситься интенсивность хозяйства, культура земли, и должны быть сделаны новые затраты на ту же площадь земли. Из последней схемы видно, что, при увеличении производительности труда, последний капитал, не дававший ренты, теперь дает некоторый остаток, ренту 16 руб. сверх прибыли. Следовательно, предпринимателю выгодно затратить на ту же землю новый капитал, который, будучи менее производительным, дает, тем не менее, обычную прибыль. Следовательно, при увеличении производительности труда повышается культура земли, ее урожайность. Разумеется, эти условия тогда возможны, если весь накопляющийся в земледелии капитал не отливает в индустрию или не уничтожается непроизводительно,— что исключает и рост производительности труда.

Эти выводы имеют огромное значение для объяснения многих явлений в борьбе капиталистического хозяйства с продовольственным хозяйством. Как увидим ниже, некапиталистическая рента (продовольственная аренда) повышается при противоположных условиях. Но условия повышения или понижения того или другого типа ренты определяют и преимущество того или другого типа хозяйств. Повышение капиталистической ренты против некапиталистической ведет к тому, что капиталистическое хозяйство,— арендаторское или не арендаторское — все равно,— выгоднее некапиталистического, продовольственного хозяйства, которое может и арендовать и сдавать в аренду свою землю. При обратных условиях, при повышении некапиталистической ренты и при понижении капиталистической, будет побеждать мелкое продовольственное хозяйство. Победа того и другого типа выразится в аренде, в покупке земли, в раздроблении участков или в их соединении и т. д.

Процесс интенсификации хозяйства под влиянием повышения производительности труда, без повышения цен на хлеб, происходит в некоторых странах Западной Европы, например, в Германии. Благодаря конкуренции экстенсивных стран, цена хлеба не повышается, а урожайность и рента растут. Такой же процесс происходит в Соединенных Штатах, где сбор пшеницы с десятины увеличился с 53,6 пуд. до 1890 г. до 60,8 пуд. в 1891—96 г.г., между тем как цена на сельско-хозяйственные продукты не только не повысилась, а даже понизилась. Таким образом, капиталистическая земельная рента *повышается*:

1) *При повышении хлебных цен. Это делает выгодными новые, относительно менее производительные затраты капитала на ту же площадь земли.* 2) *При увеличении производительности земледельческого труда, хотя бы хлебные цены не изменились. Этот случай также ведет к интенсификации хозяйства.* Капиталистическая рента *понижается* при падении производительности труда так же, как и при падении цен на хлеб.

4. Некапиталистическая рента [1]).

(Продовольственная аренда).

1. Условие образования некапиталистической ренты.— Факторы, влияющие на ее уровень.— 2. Влияние продовольственного хозяйства на обработку земли.— 3. Определение системы, организации, культуры и формы хозяйства.

1.

Тот вид дохода, который называется капиталистической рентой, вовсе не предполагает непременно арендных отношений между землевладельцем и арендатором. Землевладелец может вести собственное капиталистическое хозяйство, но земельную ренту он будет считать как необходимый доход сверх предпринимательской прибыли. Если сверх прибыли он не получит земельной ренты, то предпочтет сдать свою землю в аренду. Арендаторы земли при настоящих условиях ведут хозяйство или для получения прибыли из земледельческого хозяйства, или для того, чтобы иметь место для приложения своего труда и, по выплате арендной цены, получить с земли средства, необходимые для существования. Последняя форма некапиталистической аренды дает землевладельцу ренту не от предпринимателя-капиталиста, а от бедных крестьян, для которых остаток от выплаченной ими ренты служит средством для существования. Несомненно, вследствие различия типов хозяйства, и условия образования некапиталистической ренты резко отличаются от условий образования, повышения и понижения капиталистической земельной ренты. Для повышения капиталистической ренты главное значение имеет высокая цена хлеба и увеличение производительности земледельческого труда. И то и другое условие возможно при росте неземледельческого населения. Для развития и роста некапиталистической ренты главное значение имеют противоположные условия: 1) падение производительности земледельческого труда, происходящее при росте земледельческого населения и 2) низкие цены на хлеб. Падение некапиталистической ренты вызывается также противоположными условиями — повышением производительности труда. Эти, повидимому, совершенно нелепые «законы» образования некапиталистической ренты вытекают из следующего:

При развитии денежного хозяйства, крупные предприниматели-землевладельцы стремятся расширить свою запашку, чтобы получить больший доход со своей земли. С другой стороны, рост земледельческого населения побуждает последнее получать большее количество земледельческих продуктов для своего пропитания. Если это население имеет свои земли, то оно начинает прибегать к некапиталистической аренде тогда, когда продуктов, получаемых с собственных

[1]) Мы разумеем под некапиталистической рентой (продовольственной арендой) ренту при капиталистических отношениях, рядом с капиталистической рентой. Аренда существовала и в докапиталистическую эпоху, но ее высота определялась другими условиями.

участков земли, недостаточно для сносного существования. Чем большая часть земледельческого населения должна прокормиться на ограниченной территории, тем большая настоятельность в аренде земли. Но так как последовательные затраты труда на ту же площадь земли менее производительны, то при земледельческом перенаселении в мелком хозяйстве занято более рук, чем это необходимо. Иными словами, при избыточном земледельческом населении труд менее производителен, так как, во-первых, избыточный ручной труд применяется там, где он мог бы быть заменяем машиной, лучшим орудием; во-вторых, этот избыточный труд применяется и в том случае, если он дает ничтожное количество земледельческих продуктов. Малая производительность труда и его избыток побуждают арендовать землю, если даже от аренды получается ничтожный остаток продукта. Допустим, что 1.000 человек земледельцев имеют 1.000 дес. земли, с которых получают 100 тысяч пуд. хлеба и по 100 пуд. на одного рабочего. Допустим далее, что производительность труда не увеличилась, а, благодаря увеличению населения, уменьшилась, а урожай хлеба увеличился на 10 тысяч пудов. Тогда 2.000 человек с 1.000 дес. земли получат несколько больше хлеба — 110 тысяч пудов или только, по 60 пуд. на одного рабочего. Заработок на своей земле (или арендованной), несмотря на повышение урожайности, при этом условии сокращается почти вдвое. Это не только побуждает прибегать к расширению аренды, чтобы достать необходимое количество хлеба и конкуренцией повышать арендную плату, но и дешевле продавать свою рабочую силу под видом некапиталистической или «голодной» аренды. При падении производительности труда, вызванном увеличением земледельческого населения, в приведенном нами случае со своей земли 1 работник получит хлеба вместо 100 пудов только 60 пуд. при большей величине урожая. Если норма потребления на одного рабочего (вместе с семьей и скотом) 80 пуд., то для поддержания существования крестьянин должен арендовать землю во что бы то ни стало и дать большую арендную плату против капиталистической ренты, чтобы землевладелец предпочел сдать землю этому крестьянину, а не вести собственное хозяйство и не сдать в аренду предпринимателю-капиталисту. Условия роста некапиталистической ренты, так же, как и рост ренты капиталистической, можно точно учесть.

Устранивши все осложняющие условия, как это делали мы при анализе капиталистической ренты, допустим, что земледельческое (крестьянское) население по отношению к находящейся в его руках территории возрастает без изменения технических условий, и население принуждено прибегать к аренде земли. Допустим далее, что приложение труда 100 рабочих на своей земле дает 4.000 пуд. хлеба. Следовательно, каждый рабочий производит 40 пуд., которыми, более или менее сносно, удовлетворяются потребности этих рабочих с их семьями. Допустим, далее, что население на той же территории увеличилось до 200 рабочих, которые, прилагая свой труд на той же земле, получат ничтожное количество продукта сверх того, который получался раньше 100 рабочими. Но труд первого и второго работника в семье ничем не отличается один от другого. Поэтому, если раньше

100 работников производили 4.000 пуд. хлеба по 40 пуд. на каждого, то теперь на той же земле произведется 4.000 пуд. уже не ста работниками, а двумя стами; производительность их труда упадет вследствие малоземелья до 20 пуд. на рабочего. Если раньше каждый из 100 работников обрабатывал одну десятину, то теперь каждый из 200 работников обрабатывает $^1/_2$ десятины. Очевидно, что теперь, при образовании избыточного населения, каждый работник может арендовать участок земли в 1 десятину, отдавши в виде аренды 20 пуд. и получивши за свою работу 20 пуд., так как на своей земле он получит столько же. В данном случае половина урожая в виде арендной платы будет минимальной рентой на арендуемых землях при данной производительности труда. Эта рента будет минимальной потому, что при всяком повышении цен, при всяком техническом прогрессе капиталистическая рента будет вытеснять некапиталистическую и гнать последнюю вверх. Следовательно, некапиталистическая рента (ее minimum) определяется разницей между тем количеством продуктов, которое при данных технических и экономических условиях население может произвести на своей земле, и количеством продуктов, которое ему необходимо для существования. Очевидно, чем меньше земли, приходящейся на все наличное земледельческое население, тем выше некапиталистическая рента. Maximum ее определяется разницей между суммой необходимых для существования населения продуктов и суммой продуктов, которую производят арендаторы и на своей, и на арендованной земле. Подняться выше этого maximum'а рента не может, потому что население или будет вымирать, или уходить[1]). Очевидно, также, что наиболее благоприятными условиями для повышения некапиталистической ренты (продовольственной аренды) является избыточность земледельческого населения и малоземелье. Безземельные крестьяне будут стремиться уйти на промыслы или заняться ими на месте. У крестьян с большим наделом разница между тем количеством продукта, которое они производят на своей земле, и тем, которое могут произвести — незначительна, и капиталистическая рента в большинстве случаев ее превышает. У малоземельных же крестьян производительность на своей земле ничтожна, между тем, как количество рабочих рук огромно. Далее, при наблюдении различных районов России, мы увидим, что распределение капиталистической и некапиталистической аренды находится в тесной зависимости от указанных условий.

---

[1]) Можно представить себе такое положение населения, при котором minimum некапиталистической ренты приближается к maximum'у. При этих условиях рента и будет определяться maximumо'м — будет существовать «голодная рента». Наделение сельско-хозяйственных рабочих небольшими участками, на которых ведется «собственное хозяйство» для землевладельцев чрезвычайно выгодно как при найме рабочих, так и при сдаче земель в аренду за отработки, для издельного найма и проч. Тогда получается наибольший maximum; но, нужно заметить, что в определение этого maximum'а входит сумма производимых арендатором продуктов, а она тем меньше, чем ниже производительность труда; это ведет к сокращению разницы между existenz minimum'ом и суммой производимых арендаторами продуктов. Поэтому при разорении населения некапиталистическая рента может упасть, хотя она будет «голодной» рентой.

Капиталистическая рента возрастает при росте неземледельческого населения, когда расширяется местный рынок, и цена хлеба повышается. Этот вывод вытекает из приведенного выше анализа капиталистической ренты. Некапиталистическая рента повышается при противоположном условии.

Иллюстрируем на конкретном примере, каким образом растет некапиталистическая рента. Допустим, что в крестьянском хозяйстве, имеющем одного работника, например, в хозяйстве отделившегося от старой семьи сына имеется две десятины земли, с которых получается 60 пуд. хлеба. При данной культуре земли один работник обрабатывает эту землю и получает хлеба достаточно для удовлетворения потребностей своей семьи. Но вот подрастает в семье другой работник; семья в то же время растет, и хлеба, получаемого с двух десятин, становится недостаточно, да и производительные силы двух работников лишь в половину используются при обработке двух десятин[1]). Если теперь для продовольствия семьи требуется 80 пуд. хлеба, и если оба работника будут обрабатывать свои две десятины, с которых получается только 60 пуд., то производительность труда каждого работника упадет вдвое, так как раньше один работник производил столько же хлеба. Но теперь, получаемых с двух десятин 60 пуд. хлеба недостаточно для продовольствия семьи, и один работник должен затрачивать свои силы для добывания продукта сверх того, который получается со своей земли; этот лишний работник может или зарабатывать недостающее количество хлеба продажей своей рабочей силы, или хозяйство будет арендовать землю, чтобы использовать рабочую силу и получить с арендуемой земли то количество хлеба, которого недостает для продовольствия. Но для того, чтобы арендовать землю, нужно платить за нее арендную плату, которая определяется высотой ренты. Землевладелец не сдает своей земли в аренду даром, потому что, имея свою запашку или сдавая землю капиталисту-арендатору, он получит капиталистическую ренту, определяемую условиями капиталистического производства: высотой цен на хлеб, стоимостью провоза до рынка и т. д. Следовательно, при аренде земли крестьянин должен уплатить арендную плату большую, чем капиталистическая земельная рента, получаемая землевладельцем. Это объясняют тем, что крестьянину не нужно прибыли. Какое великодушие... теоретиков! Но и крестьянин может платить не больше известного maximum'а. Он может продавать свою рабочую силу в качестве сельско-хозяйственного рабочего, уйти в город или переселиться, если эти выходы будут давать ему значительно большую выгоду, чем аренда земли. Очевидно, чем выше заработная плата, чем легче передвижение населения, чем больше рабочих поглощает индустрия, тем maximum продовольственной ренты будет ниже, так как крестьянину легче представляются другие, кроме аренды, выходы из малоземелья. Этот вывод имеет огромное значение; дальше мы на нем остановимся. Теперь же вернемся к maximum'у продовольственной ренты.

---

[1]) Предполагается, что каждый работник может обработать 2 десятины; а с десятины получается 30 пуд. хлеба.

Наше продовольственное хозяйство, имея двух работников, может обработать две арендованных десятины, кроме своих двух десятин. Для существования ему необходимо 80 пуд., из которых 60 пуд. получается со своих двух десятин. Если с арендованных двух десятин получается также 60 пуд., то больше 40 пуд. продовольственное хозяйство не может платить арендной платы, так как ему останется 80 пуд. (20 п.— 60 п.) и со своей и с арендованной — количество, необходимое лишь для поддержания жизни. Больше платить ренты хозяйство не может, потому что при обычных, нормальных условиях все другие выходы (различные формы продажи своей рабочей силы) дают этот minimum. В противном случае начинается вымирание, как и было в голодные годы. Следовательно, maximum ренты определяется разницей между количеством продуктов, которое получается при использовании всех рабочих сил семьи и на своей и на арендованной земле, и количеством продуктов, необходимых для существования. Выше этого maximum'а продовольственная рента подняться не может даже при отсутствии заработков, так как дальнейшее более или менее постоянное превышение maximum'а повело бы к голодовке, к вымиранию или выселению.

Minimum продовольственной ренты должен был бы определиться собственно высотой капиталистической ренты, так как капиталист уплачивает ренту, как доход от земледелия, получаемый сверх обычной прибыли. Но конкуренция из-за аренды земли многочисленных продовольственных хозяйств существует не только и не столько с капиталистическим хозяйством, но и между продовольственными хозяйствами. В нашем примере в продовольственном хозяйстве каждый работник на своей земле производит 30 пуд., так как с двух десятин при двух работниках получается 60 пуд. Если представить себе целый ряд хозяйств с таким же количеством земли по отношению к числу работников, то, очевидно, каждое хозяйство будет стремиться арендовать землю, отдавая арендную плату в 30 пуд. с двух десятин и получая 30 пуд., т.-е. столько же, сколько получается на каждого работника на своей земле. Таким образом, наше продовольственное хозяйство, арендуя две десятины, отдает 30 пуд. с арендованной земли.

Каждое хозяйство будет стремиться арендовать за такую плату, потому что два работника, обрабатывая т о л ь к о свою землю, получат по 30 пуд. Правда, труд их может быть легче, так как они вдвоем обрабатывают две десятины, но хлеба, получаемого со своей земли недостаточно, и необходимо прибегать к сторонним заработкам. Уплачивая minimum продовольственной ренты, наше хозяйство получит всего хлеба 90 пуд. (60 пуд. со своей земли и 30 пуд. с арендованной), следовательно, на 10 пудов больше, чем необходимо для поддержания существования.

Допустим далее, что при сохранении той же площади и культуры земли население увеличилось, и наша типичная семья состоит из трех работников при двух десятинах, между тем как потребность в хлебе возросла до 100 пудов. Работая только на своей земле, каждый из работников получил бы хлеба $^{60}/_{3}$ — по 20 пудов. Вследствие необходимости арендовать землю, чтобы получить необходимое

для существования количество продукта, хозяйства будут прибегать к аренде земли; но теперь minimum продовольственной ренты совпадет с maximum'ом: население будет находиться на границе голодовки, так как, уплачивая по 20 пуд. с десятины и получая 40 пуд. с 4 десятин, которые могут арендоваться хозяйством с 3 работниками (каждый работник обрабатывает по 2 десятины), хозяйство только получит необходимое для поддержания своего существования количество продуктов. Оно получит 60 пуд. со своей земли и 40 пуд. с арендованной, т.-е. как раз сто пудов. В данном случае minimum ренты приблизился к maximum'у, и продовольственная рента не может уже повышаться. Население будет уходит на заработки, выселяться или, наконец, вымирать, если оно не найдет другого выхода, но повышать арендную плату оно уже не сможет. Следовательно, если капиталистическая рента будет превышать этот maximum продовольственной ренты, продовольственная аренда будет уступать место капиталистической аренде.

В вышеприведенном примере мы брали одно типичное продовольственное хозяйство с определенным количеством земли и числом работников, имеющее необходимые орудия производства. В действительности, разумеется, существует крайнее разнообразие хозяйств, по количеству собственной земли, по количеству работников и инвентаря. Хозяйства, не имеющие достаточно инвентаря для обработки арендуемой земли, во взаимной конкуренции мелких хозяйств должны прежде всего уступить и добывать недостающее количество хлеба какими-нибудь заработками. Из вышеизложенного ясно также, что наиболее упорно добиваться аренды будут хозяйства, имеющие больше работников в семье, так как на своей земле прилагаемый ими труд будет наименее производителен. Таким образом, при взаимной борьбе за аренду продовольственные хозяйства находятся в различном положении, и наибольшим успехом будут пользоваться хозяйства, имеющие необходимый инвентарь и больше работников.

2.

Мы брали наиболее благоприятные условия для роста продовольственной ренты, условия, при которых ее minimum приближался к maximum'у. Но часто случается, что: 1) продовольственному хозяйству очень немного недостает земли для использования всех рабочих сил семьи и следовательно, труд на своей земле более производителен, или 2) обратно, своей земли так мало, что производительность труда на своей земле ничтожна. Возьмем первый случай. Допустим, что семья с тремя работниками имеет не две десятины, а 4 десятины, с которых получается 120 пудов хлеба, между тем как для поддержания существования семьи мы предполагали необходимым 100 пудов. Каждый работник производит на своей земле по 40 пудов. Если хозяйство, имея это количество хлеба, арендует еще две десятины, чтобы использовать все рабочие силы, то такая аренда вызвана уже не недостатком в средствах существования, а стремлением к расширению хозяйства. Если бы не существовало капиталистического

хозяйства, если бы не существовало хозяйств, стремящихся к безграничному расширению, то арендная плата упала бы очень низко, так как на своей земле в хозяйстве производится достаточно хлеба. Но при современных условиях хозяйство может расширяться, используя рабочие силы не только семьи, но и наемных рабочих. Поэтому создается конкуренция хозяйств при аренде для получения прибыли, создается и капиталистическая рента, высота которой определяется особыми законами и которая не дает опускаться арендной плате ниже капиталистической ренты. Следовательно, при достаточном наделении землей будет существовать капиталистическая аренда, которая будет вытеснять продовольственную: арендовать будут хозяйства, стремящиеся к расширению производства и к получению прибыли[1]). Чем меньше избыточное земледельческое население, тем благоприятнее условия для капиталистической аренды, потому что тем ниже продовольственная рента. Рассмотрим второй случай. Допустим, что арендующее продовольственное хозяйство совсем не имеет своей земли или имеет ничтожный клочок. Не получая хлеба со своей земли или получая ничтожное его количество, продовольственное хозяйство может существовать, получая необходимые средства существования лишь с арендуемой земли или от продажи своей рабочей силы. Выше мы нашли maximum арендной платы равным разнице между количеством продукта, необходимым для существования, и количеством продуктов, которое хозяйство может произвести. Выше этой разности продовольственная рента не может подняться, потому что население будет уходить или вымирать. Ниже опуститься рента не может, потому что будет мешать этому не только капиталистическая рента, но и взаимная конкуренция продовольственных хозяйств, не имеющих собственной земли или имеющих ее недостаточно. Легко, однако, заметить, что при отсутствии собственной земли продовольственные хозяйства не могут платить такую высокую ренту, как хозяйства, имеющие небольшой клочок земли.

Удовлетворение minimum'а потребностей необходимо как в хозяйствах, имеющих землю, так и в хозяйствах, не имеющих своей земли. Получая со своей земли некоторую долю продуктов, необходимых для существования, хозяйства со своей землей могут удовлетворяться меньшей долей продуктов с арендуемой земли, чем хозяйства, совершенно не имеющие своей земли. Поэтому, при существовании рядом хозяйств со своими клочками земли и хозяйств совершенно безземельных, первые в конкуренции со вторыми будут иметь все шансы на успех. Точно также борьба капиталистического хозяйства с продовольственным скорее ведет к победе первого, тогда, когда последнее не имеет своей земли, так как продовольственная аренда не может подняться до такого уровня, как при мелком землевладении. Следовательно, капиталистическое хозяйство легче может победить или

[1]) В некоторых (северных) уездах Оренбургской губ. до проведения Сибирской железной дороги, вследствие обилия земли у казаков и крестьян, аренда десятины земли стоила 15—20 коп. С проведением железной дороги цены на хлеб поднялись, рента возросла, и крупные распашки расширились. Арендные цены выросли до 1 рубля за десятину, местами до 3 — 4 руб.

тогда, когда продовольственное хозяйство имеет много земли, или когда оно совсем ее не имеет. На многоземельных окраинах России, точно так же как и в Англии, при безземелыи фермеров, преобладает капиталистическое хозяйство, между тем как в центральной России ясно заметно преобладание продовольственной аренды.

Английское фермерское капиталистическое хозяйство заставляет тотчас же вспомнить об ирландском мелком хозяйстве, существующем также на арендуемой земле и вытеснившем капиталистическое крупное хозяйство. Очевидно, есть условия, которые и при отсутствии мелкого землевладения содействуют победе мелкого хозяйства. Об этих условиях мы уже упомянули: чем выше заработная плата, чем легче передвижение населения, чем больше рабочих поглощает индустрия, тем легче побеждает капиталистическое хозяйство; и обратно, чем хуже условия для ухода населения из земледелия, чем ниже minimum, необходимый для его существования, тем прочнее держится мелкое хозяйство. Чем хуже и безвыходнее положение населения, тем меньшую долю продукта, получаемого с арендуемой земли, может оно оставить себе. В приведенном выше примере, где minimum арендной платы приближается к maximum'у, аренда двух десятин, поглощающая силы третьего работника семьи, дает хозяйству только 20 пуд. хлеба. Очевидно, если на стороне продажей своей рабочей силы этот работник заработает не больше 20 пудов хлеба, то хозяйство предпочтет голодную аренду и не может повысить minimum'а своих потребностей. Это ведет к полуголодному существованию при кабальной аренде. Если в качестве индустриального и сельскохозяйственного рабочего, этот третий работник получит значительно больше, чем при аренде земли, то и продовольственная рента не повысится до такой нормы, при которой останется за работу только 20 пудов. Следовательно, наличность сторонних заработков, повышение заработной платы, развитие индустрии ведут к устранению кабальных форм аренды. Но при этих условиях повышается как раз капиталистическая рента.

Влияние minimum'а потребностей на распространение продовольственной аренды обусловливается тем, что продовольственная рента определяется степенью нужды населения в аренде, и чем ниже minimum, т.-е. чем больше нужды, тем выше может подняться продовольственная рента.

Повышение потребностей населения, легкость отыскания других заработков, кроме земледелия, понижая продовольственную ренту, облегчает для капиталистической аренды борьбу с продовольственной. Возможность отыскания других заработков, кроме земледельческих, связана с развитием производительных сил страны. Эти условия вместе с тем ведут к повышению капиталистической ренты, следовательно, еще более содействуют победе капиталистического хозяйства над продовольственным.

Капиталистическая рента растет: 1) При повышении хлебных цен, следовательно, при развитии индустрии, повышающем потребность в продуктах земледелия.

2) При увеличении производительности земледельческого труда, следовательно, при техническом прогрессе и введении всяких усовершенствований в земледелии.

Продовольственная рента повышается как раз при противоположных условиях. 1) Чем более падает производительность земледельческого труда, тем выше поднимается продовольственная рента, пока не дойдет до maximum'а, выше которого она может подняться лишь, приводя к полному разорению продовольственные хозяйства.

2) Чем меньше сторонних заработков, чем менее развита индустрия, следовательно, чем ниже цена хлеба, тем выше поднимается продовольственная рента (по отношению к продукту, остающемуся в пользу продовольственного хозяйства), потому что продовольственному хозяйству нет других выходов, кроме аренды земли.

Развитие сельского хозяйства ведет к развитию капиталистической аренды, и обратно: остановка сельско-хозяйственного развития, вследствие ли конкуренции стран с экстенсивным хозяйством и более производительным трудом, или вследствие каких-либо других условий, ведет к сохранению и даже развитию продовольственного хозяйства, продовольственной аренды.

3.

Какое же значение имеет падение и рост того или другого типа ренты для развития хозяйств того или иного типа?

Существование и возможность развития капиталистического хозяйства обусловливается общими социальными условиями страны. При крепостном праве не могло развиваться капиталистическое хозяйство, потому что общие социальные условия были неблагоприятны для существования хозяйства с наемным трудом. Теперь и продовольственное хозяйство, получая большее количество продуктов, чем необходимо для потребления членов хозяйства, может реализовать избыток продукта в деньгах и расширять производство. Поэтому, если продовольственные хозяйства имеют больше земли, чем это необходимо для продовольствия, они или арендуют, или сдают в аренду этот избыток. Но такого рода аренда будет уже капиталистической арендой. При таких условиях арендаторы-крестьяне, сосредоточивая в своих руках землю, могут получать прибыль и пользоваться наемным трудом.

Если крестьяне имеют меньше земли, чем необходимо для поддержания своего существования,— так бывает в большинстве случаев,— то условия существования такого хозяйства определены выше: при росте капиталистической ренты, при повышении заработков вне своего хозяйства и при невозможности арендовать для продовольствия, вследствие повышения капиталистической ренты, хозяйство падает; оно может лишь служить подспорьем при сезонных работах и ведет лишь к понижению заработной платы.

Таким образом, «законы» развития продовольственной и капиталистической ренты как раз противоположны: условия, благоприятные для укрепления продовольственного хозяйства, неблагоприятны для развития капиталистического, и обратно. Так как капиталистические

и-продовольственные хозяйства существуют в о д н о   в р е м я   в о д н о й   и   т о й   ж е   с т р а н е, то развитие или падение того или другого типа хозяйств и определяется условиями, более благоприятными для которого-либо из них.

Условия, определяющие падение и рост капиталистической и продовольственной ренты, влияют на хозяйства и не арендующие.

На это может быть такого рода возражение. За пользование своей земли продовольственное хозяйство не платит никакой ренты, следовательно, хозяйство, имеющее собственную землю, не вступает ни в какую конкуренцию с другими хозяйствами.

Это возражение было бы справедливо, если бы законы роста и падения продовольственной ренты (как и капиталистической) рассматривались независимо от производительности труда в хозяйстве на собственной земле. Между тем падение и рост продовольственной ренты находятся в тесной связи с производительностью труда на собственной земле. Чем ниже производительность труда б л а г о д а р я недостатку собственной земли, тем меньше остается хозяйству и от аренды, тем выше арендная плата. Разумеется, если труд на своей земле непроизводителен от недостатка средств производства, то и арендовать хозяйство не может: если нет средств обработать две десятины, то их недостаточно и для четырех десятин.

Таким образом, борьба между капиталистическим и продовольственным хозяйством существует во всех случаях, где продовольственное хозяйство имеет или больше, или меньше земли, чем это необходимо для его поддержания. А   т а к   к а к   з е м л я   н е   р а с т е т   в м е с т е   с   с е м ь е й   и   с   н а с е л е н и е м, то каждое хозяйство, в   т о т   и л и   и н о й   п е р и о д   р о с т а   с е м ь и,   в ы т а л к и в а е т с я   и з   у с т о й ч и в о г о   р а в н о в е с и я, или побеждая капиталистическое хозяйство мелкой арендой, или продавая свою рабочую силу этому хозяйству.

Теория капиталистической и продовольственной ренты имеет значение не только при существовании крупного и мелкого землевладения, а при в с е х   ф о р м а х землевладения, раз существуют капиталистические отношения. Допустим, например, что вся земля находится в общинном землевладении крестьян. Такие условия существуют во многих районах России: в некоторых уездах Оренбургской губ. в сибирских губерниях и т. д.

При больших наделах крестьян капиталистическая рента превышает продовольственную тем больше, чем выше техника производства и чем выше хлебные цены. Капиталистическое хозяйство с тем большим успехом расширяет свою запашку на счет продовольственного хозяйства, чем выше технический прогресс, чем больше разница производительности труда в продовольственном и капиталистическом хозяйстве. Продовольственное хозяйство   н е   м о ж е т   приобретать молотилки, жнейки, сеялки, потому что, во-первых, эти орудия могут быть использованы только в хозяйстве более крупном, во-вторых, потому, что мелкое хозяйство не настолько заинтересовано в экономии труда, чтобы делать затраты на приобретение этих орудий. Оно не столько заинтересовано потому, что затрата на приобретение

этих орудий имеет смысл тогда, когда сбереженное ими время будет затрачено на расширение хозяйства, т.-е. тогда, когда продовольственное хозяйство стремится превратиться в капиталистическое. Поэтому, при обилии у крестьян земли, находящейся в общинном землевладении, капиталистические крестьянские хозяйства быстро прогрессируют, и продовольственное хозяйство уступает место капиталистическому, как более производительному. Это выражается обыкновенно в сдаче в аренду целиком или частично земельных наделов[1]).

При недостатке земли для всех продовольственных хозяйств и при отсутствии крупного землевладения, условия для развития того или другого типа хозяйства не изменяются. Продовольственные хозяйства все не могут существовать, если все они не могут получить достаточно средств для существования от земли. Часть из них должна в той или иной форме передать землю или продовольственному, или капиталистическому хозяйству. Очевидно, условия, благоприятные для роста продовольственной или капиталистической ренты, и определят который из этих двух типов хозяйства удержит за собою землю, т.-е. при техническом прогрессе и при высоких ценах на хлеб победит капиталистическое хозяйство, при обратных условиях—продовольственное.

Такое же значение имеет рост капиталистической и продовольственной ренты тогда, когда не существует аренды, а земля находится в частной собственности мелких землевладельцев-крестьян. При таких условиях рост того или другого типа ренты выразится в ценах на землю, которые определяются капитализацией ренты. Если повышается капиталистическая рента, то капиталистическое хозяйство будет скупать земли по высшей цене, чем продовольственное хозяйство, и обратно: при повышении продовольственной ренты земля будет держаться в мелких продовольственных хозяйствах. Чем более развивается обмен и мобилизация земельной собственности, тем ярче выразится победа того или другого типа хозяйства, связанная с общими условиями, определяющими высоту земельной ренты.

4.

Разумеется, в изложенную нами выше схему роста капиталистической и некапиталистической ренты и их борьбы действительность не укладывается целиком. Жизнь гораздо сложнее, и, на-ряду с разнообразием типов хозяйств, существуют комбинации различных условий. Кроме разнообразия по количеству необходимого инвентаря и средств производства, продовольственные хозяйства различаются по количеству земли в каждом и по количеству работников. Но это различие еще укладывается в вышеприведенную схему роста продовольственной ренты, так как количество земли и работников в хозяйстве

---

[1]) Управление Оренб. каз. войска для устранения пролетаризации казачества и сосредоточения общинных земель в руках капиталистов-казаков, запретило долгосрочную аренду, назначило minimum арендной платы и приняло некоторые другие меры (нормальный надел у казаков 30—36 десятин). Разумеется, все эти меры ни к чему не приводят, так как всегда есть достаточно путей, чтобы обойти исполнение тех или иных предписаний.

учитывается в борьбе продовольственных хозяйств между собой и с капиталистическим хозяйством: увеличение количества работников в семье дает возможность повысить продовольственную ренту и побить конкурентов. Это на опыте знают и землевладельцы, оплакивающие распадение крестьянской семьи. Гораздо более осложняет борьбу хозяйств из-за аренды различие в средствах производства, так как под влиянием их может понижаться, временно, minimum необходимых для семьи средств существования. Это изменение можно наблюдать в центральном земледельческом районе, где постепенно «проедается» даже необходимый для земледелия инвентарь, и где, следовательно, рента уплачивается даже из той доли, которая составляет minimum, необходимый для существования. Налоги также влияют на продовольственное хозяйство, обостряя его борьбу за существование и побуждая его расширять запашку на арендуемой земле, повышать продовольственную аренду на счет необходимых средств для производства и понижать свои потребности.

Точно также капиталистические хозяйства не организованы по одному шаблону и представляют крайне разнообразные типы. Тем не менее, теория капиталистической и некапиталистической ренты дает ясное понимание условий борьбы и развития того или другого типа хозяйств. Индивидуальные хозяйства могут одни развиваться, другие падать; но при одних условиях будут развиваться хозяйства капиталистического типа, при других продовольственные.

Minimum и maximum продовольственной ренты ограничивается капиталистической рентой. Когда продовольственная рента опускается вследствие отсутствия настоятельной потребности хозяйств в аренде, капитал захватывает землю уплатой капиталистической ренты. Когда рента вследствие конкуренции капиталистических хозяйств, поднимается выше того maximum'а, который продовольственное хозяйство может платить, последнее само отступает перед капиталистическим хозяйством, так как для поддержания существования необходим некоторый minimum продуктов. Чем меньшими средствами обладает продовольственное хозяйство, тем раньше оно уступает, так как при ничтожной производительности труда ему остается слишком ничтожная доля. При этом имеют значение и другие, осложняющие условия: кредитоспособность, размер семьи и т. п.

Очевидно, что из продовольственных хозяйств, располагающих различными средствами производства, различным количеством работников и земли, будут прочнее те, которые, при перечисленных выше условиях, могут платить высшую продовольственную ренту, т.-е. хозяйства многосемейные, лошадные, т.-е. такие хозяйства, которые при понижении продовольственной ренты до капиталистической могут развиваться в капиталистические хозяйства с наемным трудом.

Социальные условия, благоприятные для развития производительных сил страны, для технического прогресса и для повышения потребностей населения, ведут к развитию капиталистического хозяйства. Это происходит путем повышения капиталистической ренты и понижения продовольственной, так как при таких условиях мелкое хозяйство не вынуждено «отказываться» не только от некоторых

настоятельных потребностей, но и от прибыли, от которой за него великодушно «отказываются» его защитники. Отказываться от каждого фунта хлеба, получаемого с арендуемой земли, заставляют крестьян не преимущества мелкого хозяйства, а его нужда и безвыходность положения. Отыскивание таких «преимуществ» — какое-то издевательство над положением мелкого хозяйства, а не защита его.

В настоящее время некоторые писатели хоронят марксизм, с его представлением о роли крупного хозяйства; но мы напрасно стали бы искать в экономической литературе другой аргументации, кроме ссылки на то, что в деревне Нееловке, Неурожайке и других мелкое хозяйство не только держится, но и арендует землю у крупных землевладельцев. Увы! Это Пиррова победа мелкого землевладения!

Выводы защитников мелкого хозяйства основаны на следующих силлогизмах: 1) хозяйства a, b, c, d и т. д. существуют, удовлетворяя потребности продуктами собственного производства, следовательно, все мелкие хозяйства устойчивы, 2) хозяйства a, b, c, d вытесняют крупное производство, следовательно, вообще мелкое хозяйство имеет преимущества перед крупным. Наш анализ исходит из условий общих всем мелким хозяйствам и всем крупным. Мелкие хозяева — крестьяне все имеют привычку питаться хлебом, от которой они никак не могут отвыкнуть, несмотря на постоянные попытки заменить его суррогатами. Вследствие этого мелкие хозяйства должны производить некоторый minimum продуктов. А так как площадь земли не растет вместе с ростом семьи, то из-за земли происходит конкуренция, которая дает победу тем, кто больше может уплатить. Капиталистические хозяйства все стремятся получить прибыль, следовательно, дают и капиталистическую ренту.

Первые два силлогизма построены неправильно, потому что: 1) существование нескольких хозяйств, которые довольствуются продуктами, полученными с собственной земли, ничуть не доказывает, что другие хозяйства могут довольствоваться ими, 2) вытеснение в некоторых случаях капиталистического хозяйства продовольственным также нельзя распространять на другие случаи борьбы крупного и мелкого хозяйств. Общий вывод возможен лишь из анализа условий, общих для всех хозяйств данного типа. Чтобы доказать неправильность нашего вывода, нужно доказать, что крестьянин может бросить «привычку» есть хлеб. Так как жить без пищи невозможно, то существование продовольственного хозяйства поставлено в рамки maximum'а продовольственной ренты, при которой может сохраниться продовольственное хозяйство. При повышении капиталистической ренты выше продовольственной мелкое хозяйство может существовать лишь как товаропроизводительное хозяйство (подгородные огородники, садоводы и т. п.); но здесь борьба с крупным хозяйством уже ведется не столько на почве ренты, сколько на почве техники, при чем побеждает то хозяйство, которое может пользоваться более производительным трудом, техническим прогрессом.

Чистый доход землевладельца, имеющего экономическую запашку, равняется разности между издержками производства и ценой продукта. Maximum продовольственной ренты равняется разности между

количеством производимых им продуктов и количеством средств, необходимых для существования.

Сравним эти два типа доходов. Если производительность труда в обоих случаях одинакова, то как в первом, так и во-втором случае издержки на орудия производства одинаковы, и в первом случае величина дохода определяется высотой заработной платы; исключая стоимость орудий производства, доход от экономической запашки есть разность между заработной платой и ценой продукта. Во-втором случае, при продовольственной аренде, разность между валовым доходом и средствами, необходимыми для существования, тем выше, чем ниже последняя сумма. Следовательно, при данной цене продукта и при одинаковой технике продовольственная рента выгоднее для земледельца, если продовольственное хозяйство довольствуется меньшей долей, чем батрак. Повышение производительности наемного труда благодаря техническому прогрессу, машинам делает, при прочих равных условиях, более выгодной экономическую запашку. Такое же значение, как технический прогресс, имеют цены на хлеб, потому что продовольственное хозяйство одинаково должно получить необходимый minimum продукта, каковы бы ни были его цены, между тем как капиталистическое хозяйство при повышении цены на хлеб и на наемный труд стремится сократить живой труд машиной. Поэтому, повышение капиталистической ренты, вызванное повышением цен на хлеб и стоимости наемного труда, сопровождается техническим прогрессом, применением жнеек, молотилок, сеялок и т. п.; поэтому на окраинах России применяются эти машины, между тем как в центре России применение их крайне ограничено.

Из вышеизложенного видно, какое значение имеют размеры землевладения мелких хозяйств и как они влияют на положение продовольственного хозяйства. Условия роста продовольственной ренты показывают, что чем выше такого рода рента, тем стеснительнее положение мелкого хозяйства. А продовольственная рента выше тогда, когда у крестьянина не слишком мало и не много земли. Наиболее благоприятны условия для развития из крестьянских хозяйств капиталистических при земельном просторе, когда хозяйство может расширить посевы. *При таких условиях, не затрачивая свой доход на уплату ренты, хозяйства могут быстро расширяться, увеличивать производительность труда улучшенными орудиями и превращаться в капиталистические хозяйства.* Правда, при таких условиях рост капиталистической ренты ведет к вытеснению более слабых хозяйств, которые или сдадут свои наделы в аренду, или продадут землю при праве на продажу ее; но продовольственная рента исчезает, следовательно, исчезают и кабальные формы сельскохозяйственных отношений. Чем реже *земледельческое* население, чем больше сторонних неземледельческих заработков, чем больше развиваются производительные силы населения, тем легче беднейшей части населения порвать с землей, и тем более благоприятны условия для роста капиталистической ренты, капиталистического хозяйства. Поэтому земельный простор не укрепляет крестьянское

продовольственное хозяйство, а разрушает его, содействуя развитию крестьянского капиталистического хозяйства с тем большим успехом, чем благоприятнее условия для роста капиталистической ренты,— условия, о которых мы выше говорили.

Резюмируем все сказанное.

1) Размеры и форма землевладения не изменяют законов роста капиталистической и продовольственной ренты.

2) Высота продовольственной или капиталистической ренты указывает на развитие того или другого типа хозяйства, следовательно, условия, благоприятные для роста продовольственной ренты, ведут к распространению продовольственного типа хозяйств, благоприятные условия для роста капиталистической ренты — к развитию капиталистического хозяйства.

3) Продовольственная рента растет: а) при падении производительности земледельческого труда, вызванном избытком земледельческого населения, следовательно, при недостатке собственной земли для удовлетворения всех потребностей хозяйства, и б) при медленном развитии индустрии, задерживающем отлив населения в обрабатывающую промышленность. Недостаточное развитие индустрии сопровождается низкими ценами на хлеб вследствие отсутствия вблизи рынка.

4) Капиталистическая рента растет: а) при техническом прогрессе в земледелии, увеличивающем производительность труда, б) при росте хлебных цен, связанном с развитием индустрии и близостью рынка. Развитие того или другого типа хозяйства определяется, следовательно, общими социально-экономическими условиями. Если нет надежды на хозяйственный прогресс страны, то продовольственному хозяйству мы можем предсказывать дальнейшее развитие на счет капиталистического, и обратно: благоприятные условия для развития производительных сил должны повести к противоположным результатам. Искать выхода для массы крестьянского населения нужно в общих социальных условиях страны: изменение их, благоприятное для развития производительных сил страны, дает, правда, толчок к развитию капитализма, но вместе с тем вытолкнет и из пассивного и безнадежного состояния голодающих собственников и арендаторов.

Чем больше недостаток в средствах существования арендатора, тем настоятельнее необходимость арендовать землю. Следовательно, чем теснее земледельческое население, чем более производительно затрачиваются избыточные рабочие силы в земледелие, тем выше арендная некапиталистическая рента, тем более она вытесняет капиталистическую ренту. При этом некапиталистическая рента может расти быстрее, чем падает производительность земледельческого труда[1]). Это обусловливается теми же причинами, благодаря которым цены на хлеб растут гораздо быстрее, чем недостаток в хлебе. Чем выше арендная плата, тем меньше

---

[1]) Не нужно смешивать падение производительности труда с урожайностью, которая может при этом повышаться.

остается арендатору от арендного посева для своего собственного потребления, тем большая у него настоятельность в аренде.

Крестьянин-арендатор в приведенном выше примере нуждается в хлебе для пропитания, а не для продажи и получения барышей. Ему гораздо важнее получить большую абсолютную сумму хлеба, а не разницу в стоимости его производства и рыночной цены. Поэтому при низкой цене хлеба, хотя бы оставшийся у него хлеб, по выплате ренты (денежной или натуральной), представлял ничтожную ценность, аренда выгоднее, чем при высокой цене хлеба, если в первом случае абсолютное количество хлеба, оставшееся от уплаты аренды, больше, чем во втором случае. Между тем, при низкой цене хлеба капиталистическая аренда может быть выгодной только в том случае, если арендная плата низка, и предпринимателю остается достаточное количество продукта, чтобы дать ему прибыль, и обратно: при высокой цене хлеба, уплачивая высокую аренду, предприниматель—капиталист найдет выгодной аренду, если небольшой остаток продукта представляет высокую ценность.

При существовании рядом капиталистической и некапиталистической аренды, происходит своего рода борьба между этими двумя формами хозяйства. Расширение той или другой формы аренды может происходить только на счет другого вида аренды или на счет крупного хозяйства самого землевладельца. Благодаря противоположности условий, при которых может развиваться тот или другой вид аренды, исход этой борьбы двух хозяйственных форм определяется изложенными законами возрастания капиталистической и некапиталистической ренты. При земледельческом перенаселении, когда избыточные рабочие руки ищут в земледелии приложения труда, хотя бы и при низкой его производительности, когда потребности понижаются до minimum'а, и население ищет куска хлеба, тогда должна преобладать натуральная аренда, которая и вытеснит аренду капиталистическую. Капиталистическая аренда определяет тот minimum ренты, ниже которого аренда не может спуститься, так как явится арендатор—капиталист. Мелкий арендатор должен поднять арендную плату выше, чтобы арендовать землю. Чем ниже цена хлеба, тем ниже тот maximum ренты, которую может платить капиталист, и обратно: чем выше цена хлеба, тем выше этот maximum, тем труднее конкурировать с капитализмом. Чем труднее найти не-земледельческие промыслы, чем, следовательно, больше конкуренция некапиталистических арендаторов и чем меньшим заработком они принуждены довольствоваться, тем меньше производительность их труда, и тем выше арендная плата, тем меньшим остатком от ренты довольствуются арендаторы. Низкая производительность труда в данном случае обусловливается, главным образом, избытком затрачиваемого живого труда для получения данного количества продукта.

«Аграрный кризис», выражающийся в падении цен благодаря конкуренции экстенсивных стран, должен быть более благоприятным распространению некапиталистической аренды, так как понижает капиталистическую ренту. С другой стороны, технический прогресс,

ведущий к увеличению производительности труда в земледелии, ведет к повышению капиталистической земельной ренты и благоприятствует капиталистическому хозяйству.

Противоположность условий возрастания и падения капиталистической и некапиталистической ренты отчасти отмечается, хотя весьма неопределенно, и агрономами. «Чтобы судить об арендах с точки зрения народно-хозяйственной,—говорит проф. А. Шишкин,—мы можем представить себе два случая: а) Никаких других аренд, кроме аренд трудовых, в стране не существует, и по недостатку сторонних заработков, под влиянием увеличивающейся густоты населения (нужно добавить — земледельческого, П. М.), арендные цены на них поднялись при свободной конкуренции до очень большой высоты. Результат будет следующий: хозяйство на арендуемой земле будет вестись крайне несовершенно, доход землевладельцев не будет достаточно высок и притом он будет основан на том, что съемщик работает на их земле чуть не даром (Ирландия); в такой стране и обрабатывающая промышленность в расчете на внутренний сбыт развиваться не может, ибо нищенствующее сельское население покупать фабрикатов ее не может. б) В стране никаких других аренд, кроме аренд коммерческих, не существует. Результат будет следующий: хозяйство на арендованных землях будет вестись с возможной энергией и осмотрительностью, крестьянин не будет работать на арендованной земле чуть не даром, а за свой труд будет получать приличное вознаграждение, доход землевладельцев вследствие более рационального ведения хозяйства и вследствие более аккуратных платежей будет отнюдь не ниже, а выше, чем в предыдущем случае. В такой стране обрабатывающая промышленность имеет все шансы для своего развития, ибо для нее открыт широкий сбыт внутри; страны (Соед. Штаты Сев. Америки)» [1]). В данном случае автор лишь описал капиталистическую и некапиталистическую аренду и ее последствие, но не объяснил, почему происходят такие последствия и почему преобладает та или иная форма аренды. Между тем из теории ренты вполне последовательно вытекает вывод, что самая форма аренды обусловливается теми причинами, которые проф. Шишкин принимает за последствия. При развитии производительных сил и должна преобладать капиталистическая рента, хотя и она, как увидим, в свою очередь, влияет на хозяйственное развитие страны.

Теория земельной ренты, и капиталистической и некапиталистической, имеет значение не только для арендного хозяйства, но и для хозяйства, которое ведется на собственной земле. Конечно, при этом не получается никакой арендной платы, а в некапиталистическом хозяйстве не получается и ренты, но выводы относительно доходности хозяйства имеют значение для развития того или иного типа хозяйства. Потребительное хозяйство не получает рентных доходов, но сумма валового дохода, по отношению к затрате труда, выражает его «доходность», как сумма издержек производства, по отношению

---

[1]) А. Шишкин. «Сельско-хозяйственная экономия», часть I, стр. 182—183 разрядка наша.

к денежному валовому доходу, выражает доходность капиталистического хозяйства.

При избыточном земледельческом населении, повышающем продовольственную аренду, и при существовании рядом капиталистического хозяйства, борьба между двумя типами аренды, капиталистической и некапиталистической, быстро гонит арендные цены вверх. Границы этого повышения определяются изложенными выше условиями.

5.

Согласно теории капиталистической ренты, в московском районе должно быть наиболее интенсивное хозяйство, в районе Саратовской губ.— более экстенсивное и, наконец, в Оренбургской губ.— самое экстенсивное, требующее наименьшей затраты труда и не дающее ренты.

В действительности мы видим, что развитие земледельческого хозяйства в различных районах России шло приблизительно таким путем. В восточных оренбургских, но, главным образом, в тургайских степях, получение корма для скота почти не требует никакого приложения труда. Скот и зимою пасется на «тебеновке»; хлеб добывается посредством распашки наиболее удобных земель, которые бросаются по мере их истощения. Очевидно, что *такое* хозяйство, особенно, при пользовании теми техническими усовершенствованиями, которыми пользуется крупное хозяйство, будет наиболее производительным.

Если приложение новых капиталов на ту же площадь земли может не сопровождаться пропорциональным увеличением добываемого продукта, то интенсификация хозяйства не всегда и выгодна. Это положение, всякому очевидное и известное, тем не менее постоянно забывается, когда идет речь о тех или иных явлениях в сельском хозяйстве. Например, существование относительно более интенсивных крестьянских хозяйств для защитников мелкого хозяйства служит доказательством устойчивости и преимуществ мелкого хозяйства, его рациональности. Между тем, без анализа причин, которыми вызвана большая или меньшая урожайность в мелких хозяйствах, вывод о их рациональности и преимуществах может быть совершенно неверным. Допустим, что крестьянин имеет под распашкой 2 десятины земли. При цене хлеба в 60 коп. за пуд в Московской губернии будут выгодны затраты средств производства по 32 руб. на десятину (капиталы a, b и c), так как затративши 16 р.+8 р.+8 р., крестьянин получит за хлеб 57 рублей с десятины. Для предпринимателя дальнейшие затраты капитала на ту же землю быдут невыгодны, нерациональны, если затрата нового капитала d 8 руб., даст только 11½ пудов хлеба на сумму 6 р. 90 к., т.-е. меньше, чем затрачено. Но крестьянин, у которого нет больше земли, а две десятины собственной земли не поглощают всей его рабочей силы, не имеет возможности обрабатывать большую поверхность земли и принужден затрачивать свой труд на тот же участок земли, хотя этот добавочный труд соответственно и вознаграждается. Крестьянин может необыкновенно тщательно обрабатывать свой клочок земли

«с достаточной тщательностью и приложением» (Герц) и затрачивать на его обработку в несколько раз больше труда, чем это допускается условиями рынка, и, тем не менее, его добавочный труд будет нерациональной затратой, потому что он не вознаграждается соответственным увеличением продукта. Последняя затрата средств производства (капитала *d*), сделанная мелким собственником в виде затраты собственного труда ценностью в 8 руб., даст продукта только на 7 руб. 20 коп. Тем не менее, он может еще затратить новое количество труда, ценностью в 8 руб. (капитал *е*), которое даст ему продукта еще 6 пудов; хозяйство будет крайне интенсивным, так как десятина земли будет давать на (12 п. + 6 п.) 18 пудов больший урожай, чем в капиталистическом хозяйстве, и, тем не менее, крестьянское хозяйство будет нерациональным, а труд чрезвычайно мало производительным. Такого типа мелкие парцеллярные хозяйства преобладают в Западной Европе, где часто растения, доступные полевой культуре, культивируются при чрезвычайно интенсивной огородной культуре, например, картофель и корнеплоды.

С другой стороны, меньшая урожайность в мелком хозяйстве сравнительно с капиталистическим может даже служить признаком нерациональности и падения мелкого хозяйства. Допустим, что крестьянин имеет 6 дес. земли. Положим, что средств производства он может затратить в сумме 96 рублей, т. е. или вести экстенсивное хозяйство, затрачивая на каждую десятину по 16 р. (капитал *a*), или обработать более интенсивно 4 десятины, затративши на каждую десятину по 24 руб. (капиталы *a* и *b*), или еще более интенсивно обрабатывать 3 десятины, затрачивая на десятину по 32 руб. (капиталы $a+b+c$). Во всех трех случаях затрата капитала будет одинакова, но количество продукта будет различное. В первом случае получится с 6 десятин по 60 пуд. — 360 пуд. хлеба; во втором случае с 4 дес. по 80 п. — 320 пуд. и в последнем случае по 95 пуд. с 3 дес. — 285 пуд.

Несомненно, крестьянину выгоднее вести экстенсивное хозяйство, так как при тех средствах, которыми располагает крестьянин, он может получить наибольшее количество продуктов, эксплоатируя наибольшую площадь земли.

Как бы цена хлеба ни повышалась, такое хозяйство, при недостатке средств производства, будет для крестьянина наиболее выгодным потому, что с 6 десятин получится больший урожай, чем с 3 десятин, при одинаковой затрате на обработку тех и других. Но мы видели, что при цене хлеба в 60 коп. рациональнее будет последовательная затрата на ту же землю трех капиталов *a*, *b* и *c*. Следовательно, при рациональном, наиболее выгодном при данных условиях хозяйстве, для обработки 6 дес. земли необходима затрата средств производства 192 руб., потому что только при такой затрате получится наибольшее количество хлеба при наибольшем доходе.

В странах с густым населением и с высокой земельной рентой крестьянин, имея небольшой участок земли, стремится, разумеется использовать его наиболее интенсивной, хотя бы и не рациональной

обработкой. Во время аграрного кризиса, при падении хлебных цен, когда рента на землю в крупных хозяйствах должна падать, когда дополнительные затраты капитала для крупного предпринимателя становятся невыгодны, тогда мелкое хозяйство начинает побивать крупное, потому что первое дополнительными затратами труда еще более повышает земельную ренту, арендную плату и цену на землю против капиталистической ренты, капиталистической цены на землю.

От кризиса меньше всего терпят те хозяева, которые меньше сбывают на рынок продуктов земледелия. Поэтому кризис должен повести к увеличению числа мелких или средних крестьянских хозяйств, производящих значительную часть продуктов для собственного потребления. Хотя развитие народного хозяйства в общем ведет к развитию обмена между хозяйствами, к их рационализации, тем не менее кризис, вызванный реорганизацией хозяйства, перераспределением земледельческого производства по районам, под влиянием улучшения транспорта, ведет к временной остановке развития.

Основываясь на явлениях, вызванных кризисом, многие экономисты поспешили обобщить их и пришли к заключению, что мелкое производство само по себе имеет преимущество перед крупным, и на этом основании делают соответствующие предсказания относительно будущего народного хозяйства.

Если бы развитие производительных сил не имело решающего значения в определении тенденции развития хозяйства, то, может быть, рассуждения о преимуществах мелких хозяйств и были убедительны: развитие мелкого хозяйства кажется наиболее прямым путем для улучшения положения массы земледельческого населения, потому что во многих странах замечается увеличение количества мелких хозяйств и потому, что при господстве капиталистического производства, мелкие хозяйства увеличивают количество занятых рук в земледелии, пока сельское хозяйство не переходит к обработке получаемого в нем сырья. Но нужно принять во внимание, что только крупному хозяйству вполне доступна технически-рациональная культура, что сложная организация труда, делающая его наиболее производительным, при машинном производстве доступна только в крупном капиталистическом или кооперативном земледельческом предприятии.

Экономически-рациональная культура также доступна только в крупном хозяйстве, располагающем достаточным количеством земли и капитала.

После сделанного краткого теоретического анализа земельной ренты в связи с системой хозяйства станет понятным утверждение, что интенсивное хозяйство парцеллярного землевладельца-крестьянина в Бельгии, получающего высокий урожай со своего участка, так же нерационально, как экстенсивное хозяйство русского крестьянина, получающего низший урожай против владельческого.

В первом случае дальнейшее приложение труда на тот же участок земли в 2 десятины настолько мало даст дохода, что крестьянину

выгоднее зарабатывать продажей своего труда недостающие ему средства для существования. Во втором случае недостатком средств производства обусловливается недостаток производимых продуктов, что и заставляет пополнять его продажей своей рабочей силы.

В странах редко населенных, например, в некоторых областях России, является преобладающим второй случай — плохая обработка мелких участков. Это объясняется не только тем, что здесь цены на хлеб ниже против цен в густо населенных западно-европейских странах, но и тем, что мелкие собственники в большинстве случаев не обладают достаточным количеством средств производства для тщательной обработки земли. Здесь урожайность крестьянских земель ниже, чем урожайность владельческих.

В Западной Европе в густо населенных областях часто встречается второй случай — наивысшая урожайность, достигаемая чисто огороднической культурой почвы. И в том и в другом случае мелкое хозяйство располагает чрезвычайно малопроизводительным трудом [1]) не только по указанным нами соображениям, но и потому, что располагает худшими орудиями производства.

6.

Определивши экономические условия, которые влияют на способ обработки земли и ведение хозяйства, мы должны определить различные типы хозяйств по экономическим и техническим признакам. К сожалению, агрономическая наука не дает точных определений различных типов хозяйства отдельно по экономическим и техническим признакам [2]). Поэтому, не считаясь с определениями агрономии, мы будем давать следующие определения для каждого типа хозяйства, поскольку они отличаются экономическими признаками.

Теория ренты прежде всего побуждает разделить хозяйства, по отношению их к рынку, на хозяйства, имеющие целью производства непосредственное потребление продуктов в хозяйстве и производящие на рынок. Тот и другой тип отличаются друг от друга экономической организацией хозяйства [3]).

---

[1]) Проф. Людоговский формулирует изложенные нами соображения следующим образом: 1) «Всякой комбинации цен: с одной стороны, земледельческих продуктов (валого дохода), а с другой — труда и капитала, соответствует только одна определенная, выгоднейшая высота урожая с данного пространства; 2) выгоднейшая высота урожая совпадает с такою затратою труда и капитала, при которой последне-прибавленные количества последних равняются по ценности с производимою ими прибавкою к урожаю; 3) достижение выгоднейшей высоты урожая в каждом частном случае представляет собою экономический предел интенсивности системы хозяйства, отыскание которого должно составлять главнейшую роль рационального сельского хозяина». «Основы сельско-хоз. экономии», стр. 82.

[2]) Агрономия считается, главным образом, с техническими признаками в своих определениях различных типов хозяйств, и это, разумеется недостаток, так как экономические признаки не менее важны и не совпадают с техническими.

[3]) Техническая организация хозяйства может быть различной при одинаковой экономической организации, так как касается распределения производительных сил и капитала в хозяйстве между различными хозяйственными функциями Впрочем, у агрономов встречается крайнее разнообразие определений. Определение, которое мы даем, как техническую организацию хозяйства, близко подходит к тому, что проф. А. Шишкин называет системой хозяйства.

Хозяйства могут различаться по характеру и качеству производимых продуктов, в одном случае производя главным образом продукты животноводства, в другом — зерновые продукты и т. д. Это различие обусловливается различием *системы хозяйства*.

Хозяйства могут различаться по количеству последовательных затрат капитала на ту же землю, следовательно, по урожайности земли, по высоте ее культуры. Такое различие обусловливается различием *культуры хозяйства* или земли или интенсивности и экстенсивности ее обработки.

Наконец, по размерам (*по форме*) крестьянские хозяйства разделяются на мелкие, в которых значительную долю хозяйственного дохода составляют какие-нибудь промыслы вне своего земледельческого хозяйства; средние, в которых потребности членов хозяйства удовлетворяются доходом, получаемым в земледельческом хозяйстве; крупные, в которых большая часть дохода получается от эксплоатации наемного труда. Разумеется, количество и ценность продуктов, продаваемых на рынке, возрастает при переходе к высшей категории хозяйств.

Из определения технического прогресса, которое мы дали в первой главе, естественно вытекает, что под техническим прогрессом в земледельческой промышленности нужно понимать такое изменение техники, при котором увеличивается *производительность* труда. Между тем, многие обыкновенно понимают под словами «технический прогресс» изменения в технике сельского хозяйства, увеличивающие производительность земли. Из вышеизложенного ясно видно, что увеличение производительности труда и производительности земли — явления вовсе не тождественные, а часто противоположные. То, что часто называют изменением техники хозяйства, ближе подходит под определение — «изменение культуры хозяйства».

Глава VII.

Тенденция земледелия к рассеянию.

1. Сокращение производства хлеба в промышленных странах и расширение его в редко населенных.— 2. Условия для расширения производства продуктов.— 3. Условия, при которых увеличивается урожайность.— 4. Передвижение населения, вызываемое рассеянием земледелия и другими условиями.

Под влиянием развития производительных сил страны, как мы указывали, должно происходить перераспределение производительных сил в сторону увеличения количества рабочих в индустрии и сокращения их в земледелии. Это перераспределение производительных сил выражается в росте постоянного капитала в капиталистических предприятиях и в относительном росте «хозяйственных» потребностей на счет личных в мелком некапиталистическом хозяйстве.

При наблюдении хозяйственного развития европейских стран, бросается в глаза, что с развитием товарного хозяйства, сокращается относительное, а иногда и абсолютное число лиц, занятых земледелием. Это явление обусловливается отчасти разделением труда, отделением обрабатывающей промышленности от земледелия, отчасти перераспределением производительных сил благодаря производительности труда. Однако, *сокращение земледельческого населения в наиболее развитых промышленных странах идет дальше, чем этого требовало бы разделение национального труда и перераспределение производительных сил под влиянием увеличения производительности труда в земледелии.*

Если бы условия развития сельского хозяйства были одинаковы с условиями обрабатывающей промышленности, то с развитием промышленности в стране не могло бы быть абсолютного сокращения производства продуктов земледелия. Излишнее отвлечение рабочих рук и капиталов от земледелия, повысило бы цены земледельческих продуктов и этим повышением цен вызвало бы обратный прилив к земледелию и рабочих рук и капиталов в таких размерах, чтобы производилось достаточное количество земледельческих продуктов для потребностей страны.

Такого равновесия развития индустрии и земледелия мы не находим в промышленных странах с густым населением. Мы видим, что чем дальше страна шагнула по пути промышленного развития, тем больше в ней сокращается земледелие по отношению к населению. В Англии уже давно замечается сокращение пашни и запущение ее под луга. Различными исследователями это явление объясняется различно.

Профессор Янсон в своей книге «Сравнительная статистика России и западно-европейских государств», указывая на рост площади пастбищ и лугов на счет сокращения посевов пшеницы, корнеплодов и сеяных трав, объясняет это явление стремлением крупного землевладения сократить расходы производства хлеба до наименьшей величины. К тому же объяснению прибегает и г. Каблуков в своей книге «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве».

Нечего и говорить, что объяснение сокращения запашки психологическими мотивами, которыми капиталисты-предприниматели всегда руководствовались и руководствуются, не может быть принято.

Во всяком случае, сокращение земледелия является характерным не для одной только Англии. Такая тенденция замечается и в других промышленных странах. По данным, приведенным Juraschek'ом в «Uebersichten der Weltwirtschaft» и Гулишамбаровым («Всемирная торговля»), производство зерновых хлебов было, принимая первоначальную цифру за 100:

В Великобритании и Ирландии: в 1852—59 г.г.=100; 1860—67 г.г.=93,1; 1869—75 г.г.=86,6; 1876—80 г.г.=69,4; в 1881—85 г.г.=70,2; 1886—90 г.г.=69,5.

Во Франции: 1861—70 г.г.=100; 1871—80 г.г.=100,1; 1881—90 г.г.==109,2; 1891—95 г.г.=105,1.

В Германии: 1880 г.=100; 1885 г.=111,1; 1890 г.=120,6; 1895 г.==119, 6.

В Бельгии: 1881—85 г.г.=100; 1886 г.=105,22; 1887 г.=103; 1888 г.=96,97.

Между тем в колониях и редко населенных странах производство хлебов, напротив, чрезвычайно быстро расширялось.

В Канаде: в 1871 г.=100; в 1881 г.=150,6.

В Австралии: в 1871 г.=100; в 1784 г.=248; в 1887 г.=261.

В Аргентине: 1886—87 г.г.=100; 1889—90 г.г.=293.

В России: в 1851—60 г.г.=100; 1874—84 г.г.=114,9; 1895 г.=162,4.

В Соединен. Штатах Сев. Америки за те же годы=100; 220,8; 338.44.

Мировое производство за те же годы=100; 142; 170,31.

Население России в 1858 г.=100; 97 г.=174.

Из приведенных цифр видно, что производство земледельческих продуктов увеличивается в странах редко населенных, располагающих новыми землями и ведущих более экстенсивное хозяйство, а в странах промышленных и густо населенных земледелие относительно сокращается. В некоторых из них земледелие сокращается не только относительно возрастающего населения, но и абсолютно[1]).

---

[1]) В Англии на счет зернового хозяйства развивается разведение лучших сортов скота.

Россия занимает как раз среднее место между странами, сокращающими производство хлеба, и странами увеличивающими запашки. Рост производства хлебов в ней совпадает с ростом ее населения и близко подходит к размерам возрастания мирового производства хлеба. Такое положение России среди других стран обусловливается тем, что, при своих громадных размерах, Россия включает в себе такие районы, которые представляют очень много сходства и по размерам и по распределению производительных сил с западно-европейскими странами, и такие районы, которые по своему характеру приближаются к тем странам, в которых, по приведенным данным, так быстро развивается земледелие. Если бы мы разделили Россию на такие районы, то оказалось бы, что на окраинах, с более редким населением и удобными пахотными землями, земледелие быстро развивается, а в густо населенных районах оно относительно сокращается. В период с начала 70-х годов (70—79) до конца 80-х (83—87) чистый сбор зерновых хлебов на одну душу населения в средних черноземных губерниях сократился с 3,88 до 3,28, между тем, как в нижневолжских и заволжских губерниях он увеличился с 2,96 до 3,35, а в южных степных губерниях — с 2,14 до 3,42. Если на минуту забыть, что между Англией и Австралией лежит океан, то, соединивши метрополию с колонией, мы увидели бы такое же развитие земледелия в Англии, как в России и Соединенных Штатах. Между штатами Сев. Америки и между губерниями России нет никакого океана, и потому мы видим такое различие развития земледелия.

По естественным и географическим условиям Россия очень близко подходит к Соед. Штатам Сев. Америки. Тем не менее развитие земледелия и индустрии в этих странах шло различным темпом: производство хлеба в Америке росло гораздо быстрее, чем в России; несмотря на иммиграцию населения, в Америке не было ничего подобного российским голодовкам 1881, 97 и 98 годов. Хотя вывоз хлеба из России возрастал очень быстро, но этот вывоз вызывался в значительной степени сокращением потребления хлеба внутри страны, а не избытком его, так как рост производства даже несколько отставал от роста населения. Увеличение вывоза еще не было результатом и признаком быстрого роста производства, а, напротив, оно было косвенной причиной замедления и промышленного, и сельскохозяйственного развития страны. Наш государственный бюджет, так сказать, антиципировал национальный доход, и поэтому, несмотря на увеличение вывоза, на рост денежного национального дохода, из него оставалось очень мало на производительное потребление, на рост и развитие индустрии и сельского хозяйства, между тем как в Америке весь результат вывоза хлеба обращался на дальнейшее производство. Но это историческое наследие,— более быстрое развитие государственных потребностей против промышленнного развития,— падало всей своей тяжестью на крестьянское хозяйство, которое несло на себе большую часть податного бремени.

Хотя развитие и помещичьего и более крупного крестьянского хозяйства в известной мере задерживалось сокращением национального

дохода, тем не менее крупное хозяйство в гораздо большей степени зависит и терпит от конъюнктур мирового рынка, чем от внутренних социальных условий, всю тяжесть которых во всех европейских странах оно взвалило на мелкое хозяйство[1]), как увидим дальше, воспользовавшись этими условиями к своей выгоде.

Несмотря на препятствия, мешавшие свободному развитию сельского хозяйства, мы видим, что в России, как и в других странах с экстенсивным земледелием, производство хлеба растет, между тем как в странах с интенсивным хозяйством оно по отношению к населению сокращается. То же можно сказать относительно центральных районов России, где производство хлеба относительно населения сокращается.

Из этих данных ясно видна тенденция современного хозяйства к рассеянию земледельческой промышленности, к экстенсификации земледелия, так как относительное сокращение производства зерновых продуктов обнаруживается и в центральной земледельческой России, и в Англии, и в континентальных промышленных странах. Такая тенденция объясняется, очевидно, некоторыми общими причинами, связанными с современным хозяйственным строем. Эти причины мы и постараемся выяснить.

2.

Отделение промышленности от земледелия является условием и в то же время следствием развития капиталистических отношений. Капитализм, создавая общественную организацию производства, разрушая старые способы производства, вырабатывает новые по типу, определяемому теми новыми факторами, которые он с собою несет. Взамен старых факторов, определявших систему хозяйства,— распределение производительных сил внутри хозяйства для удовлетворения наиболее настоятельных потребностей с наименьшей затратой труда,— выдвигаются новые факторы, которые и создают новые тенденции в образовании и организации новых хозяйственных типов. Основанное на товарном производстве, капиталистическое хозяйство ставит своей задачей не получение наибольшего количества продуктов, а получение наибольшей прибыли на затраченный капитал, хотя эта задача может быть исполнена при условии, что продукты, производимые хозяйством, будут удовлетворять какой-нибудь общественной потребности. Поэтому предприниматель часто находит более выгодным произвести меньше продуктов, если они могут быть проданы по дорогой цене, чем производить много продуктов при дешевой цене.

Чтобы получить прибыль, реализовав ее в деньгах продажей продукта, требуется:

I. Увеличивать производство продуктов постольку, поскольку это увеличивает прибыль, а в земледелии, как видно из теории ренты, увеличение производства продукта не всегда увеличивает прибыль.

---

[1]) См. примечание на стр. 107.

II. Сокращать не затрату труда на производство продукта, т.-е. сокращать не ценность продукта, а издержки производства, так как прибыль получается благодаря разнице между издержками и ценой продукта.

Хотя сокращение издержек производства ведет к экономии труда, к развитию производительных сил, тем не менее такая экономия труда не входит в задачу предпринимателя. Предприниматель может задерживать развитие производительных сил, не вводить машины, прибегать к отсталым способам производства, если это ему выгодно, если развитие производительных сил, сокращая затрату труда на производство продукта, не сокращает издержек. Следовательно, если в какой-либо отрасли промышленности экономия труда находится в противоречии с стремлениями предпринимателя сократить издержки производства, то и технического прогресса в этой отрасли не будет до тех пор, пока не создадутся условия, при которых развитие производительных сил поведет за собой сокращение издержек производства. В земледелии, благодаря избытку земледельческого населения, создаваемому рассеянием земледелия, возможно сокращение издержек производства посредством понижения заработной платы. Этим обусловливается техническая отсталость, поддерживаемая низкой заработной платой, потому что понижение заработной платы в отсталых типах хозяйств в бо́льшей степени сокращает издержки производства, чем улучшенная техника.

III. То же стремление получить наибольшую прибыль заставляет предпринимателя расширять производство, так как конкуренция заставляет сокращать издержки производства, а это возможно при расширенном производстве. Но если в какой-либо отрасли производства расширенное производство не сокращает издержек, если новые затраты капитала не дают такой же прибыли, то и расширенное производство, с точки зрения предпринимателя, теряет всякий смысл. Относительно земледелия вообще можно сказать, что расширенное производство на той же площади земли часто невыгодно, так как новые затраты капитала не дают пропорционального увеличения продукта. Между тем, революционная особенность капитализма наиболее ярко выражается в стремлении к расширенному производству, которое заставляет реорганизовывать предприятия, создавать их по новому типу, удовлетворяющему задаче производить наибольшее количество с наименьшими издержками производства. Невыгодность расширенного производства в земледелии заставляет предпринимателя в известный исторический момент доходы, получаемые от земледелия, затрачивать не в земледелие же, а в другие отрасли промышленности или непосредственно, или посредственно (мотовством, покупкой акций и т. п.). Предположение, что, например, наши землевладельцы промотали выкупные свидетельства и потому не затрачивали их в землю, неверно не потому, что они обладают добродетелями буржуазного воздержания, а потому, что, если бы затрата капитала на ту же площадь земли была выгодной, он затрачивался бы или непосредственно землевладельцем или капиталистом через землевладельца.

Развитие той или иной отрасли хозяйства не зависит от личных качеств предпринимателей, так как процесс хозяйственного развития делает надлежащий подбор их. Земля не только дает землевладельцу ренту, но и обычную прибыль, если он является в то же время предпринимателем. Увеличение этой прибыли посредством расширенного воспроизводства оказывается, в большинстве случаев, затруднительным, вследствие особенных технических и социальных условий, которые и составляют последнее и самое существенное отличие земледелия от других отраслей промышленности.

IV. В земледелии увеличение производительности труда и сокращение издержек производства обусловливается, главным образом, увеличением площади земли на единицу затраченного капитала или уменьшением капитала на единицу площади. Если, например, приходится меньше 5 жителей на квадратную версту, то затрата труда на содержание скота является ничтожной. На человека падает задача только оберегать скот и пользоваться продуктами скотоводства. Никому не придет в голову держать летом коров и лошадей в стойлах, заниматься травосеянием, например, в Акмолинской области или в Аргентине, потому что труд при более интенсивной культуре менее производителен. То же можно сказать о переложном хозяйстве сравнительно с плодопеременным. Если бы этого не было, то не могло бы существовать и переложного хозяйства, так как не зачем обрабатывать большую поверхность земли, если на той же поверхности, при тех же затратах, можно получать такое же количество продуктов.

Всякое техническое улучшение, уменьшая издержки производства, сохраняет вместе с тем это отношение интенсивных и экстенсивных культур.

Технический прогресс в земледелии, удешевляя производство хлеба, не изменяет различия между интенсивной и экстенсивной культурами хозяйства. Можно указать только на незначительные отрасли земледелия, где это различие не имеет значения; это обработка земли для растений, требующих специально интенсивной культуры. Поэтому технический прогресс удешевляет производство и на редко населенных окраинах и не дает никакого преимущества интенсивному хозяйству; а улучшение и удешевление транспорта облегчает конкурренцию производителей земледельческих продуктов: улучшение и удешевление транспорта должно вызывать рассеяние земледелия и обратно — рассеяние земледелия должно вызывать улучшение транспорта.

Пока распашка новых земель была невыгодной вследствие дороговизны транспорта, и пока вследствие этого не было конкуренции стран экстенсивной культуры, сельские хозяйства промышленных стран имели возможность посредством интенсификации хозяйства увеличивать производительность земли. Хотя это и вело к увеличению издержек производства, но повышение хлебных цен с избытком вознаграждало эти издержки не только в виде прибыли, но и в виде громадного подъема земельной ренты.

Удешевление транспорта и конкуренция экстенсивного хозяйства прежде всего должны были отразиться на наиболее интенсивной

культуре, и должно было пострадать земледелие таких стран, как Англия и Бельгия. Но и в менее промышленных странах, в Германии и в центральной России, восточных штатах Америки, такая тенденция к рассеянию земледелия должна была отразиться в виде относительного сокращения зернового хозяйства,— что возможно и при повышении ренты.

Редко населенные страны, помимо того преимущества, которое им дает более производительное экстенсивное хозяйство, обладают еще одним преимуществом, общим с обрабатывающей промышленностью: там возможно расширенное производство. Сокращение и расширение производства хлебов там может следовать за потребностями рынка, точно так же, как и в индустрии. Автор статьи «Земледелие и хлебная производительность Семипалатинской области» («Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г.») приводит очень характерные данные о расширении и сокращении посевов в связи с колебаниями рынка. «В 1892 году посев сразу и, притом, совершенно неожиданно достиг maximum'а за все время существования земледелия в области: было посеяно на 244,2% более, нежели в 1885 году, и на 245,3% более, нежели в 1889 году. В чем же кроется причина этого, на первый взгляд, странного явления? В 1891 году в Европейской России был неурожай, требование на пшеницу осенью, зимой и весной было чрезвычайно велико, и цены на нее доходили до 1 руб. за пуд и выше. Население, весьма выгодно сбывши запасы хлеба и надеясь на высокие цены в будущем, в 1892 году колоссально увеличило размеры посева». Автор упомянутой статьи подметил чрезвычайно характерную черту для экстенсивной культуры — способность (благодаря отсутствию земельной ренты) расширять и сокращать производство сообразно рыночным колебаниям.

Плохие условия транспорта затрудняют еще конкуренцию окраин, в которых возможно расширенное воспроизводство, тем не менее уже и в настоящее время рассеяние земледелия в России идет быстро. В приведенной нами статье констатируется, что в десятилетие с 1885 по 1895 год, при возрастании населения на 7,2%, размер посева в Семипалатинской области увеличился на 181,7%. Вывоз хлеба в Сибири достиг в первый год существования Зап.-Сиб. жел. дороги (1897 г.) более 25 миллионов пудов (25.721.800 пуд.), при чем более 94% пшеницы направились за-границу на мировой рынок, часть попала на рынки Польши, в Москву и подмосковные фабричные города. Неудивительно, что наши землевладельцы добивались повышения тарифа для хлебных грузов из Сибири.

3.

Этой тенденции к рассеянию земледелия мешает одно весьма важное обстоятельство, дающее возможность в районах, ближайших к рынкам, повышать не только земельную ренту, но и в известной степени увеличивать интенсивность хозяйства. Это — все большая и большая отдаленность тех земледельческих районов, которые располагают свободными землями. Землевладелец ближайших районов не

только берет всю разницу в стоимости провоза хлеба с близких и с наиболее отдаленных местностей себе в карман в виде земельной ренты, но и имеет возможность в известной степени увеличить интенсивность хозяйства, благодаря более высокой цене хлеба в ближайших к рынку районах. Поэтому, чем больше страна ввозит хлеба, чем больше, относительно, сокращается в ней земледелие, тем выше урожайность, тем интенсивнее хозяйство. Средний урожай пшеницы достигает

В Великобритании	26,9
„ Германии	17,0
„ Франции	14,9
„ Соед.-Штатах	10,7
„ России	6,7

гектолитров с гектара. Т.-е., чем больше в страну ввозится хлеба, чем большая часть населения выброшена из земледелия, тем интенсивнее хозяйство, тем выше земельная рента. Чем интенсивнее хозяйство, чем более, благодаря этому, производительна земля, тем менее производителен труд, тем выше издержки производства хлеба.

Рост населения, вызывая рост потребности в хлебе, ведет к тому, что хлеб доставляется все с более и более отдаленных районов. А это должно увеличивать разницу в стоимости провоза хлеба с ближайших и более отдаленных рынков. В свою очередь, увеличение издержек производства на провоз земледельческих продуктов, с отдаленных рынков дает такое преимущество землям, ближайшим к рынку, что не только повышает земельную ренту на них, но и допускает некоторую интенсификацию земледелия. Даже при понижении цен на хлеб, благодаря увеличению производительности труда в земледелии, земельная рента, цены на землю и интенсивность хозяйства могут быть повышены, если население увеличивается и хлеб доставляется с отдаленных рынков. В Германии арендная плата за гектар, принимая ее в 1849 г. за 100, повысилась в 1866 до 224,3, в 1879 г. до 256 и в 1890—91 г.г. до 280,2; между тем, цены на рожь, в соответствующие годы были: 100, 131, 128, 109, а рост населения — 100, 115, 125, 140. При незначительном повышении, а в последние годы даже при понижении цен на хлеб, земельная рента возрастала в громадных размерах.

При увеличении производительности труда при земледелии, благодаря техническому прогрессу, хлебные цены падали на местах их производства; увеличение же спроса, благодаря росту населения, привлекало на рынок хлеб с более отдаленных земель, и землевладельцы могли повышать ренту, вследствие увеличения разницы в провозе продукта с близких и отдаленных земель. Если напр., до введения сельскохозяйственных машин стоимость производства хлеба при экстенсивном хозяйстве в Донской области была 40 к. за пуд, если на рынок, напр., в Москву, он мог оттуда доставляться за 50 к., то при увеличении потребления Москвою и, в то же время, при улучшении техники производства цена хлеба в Москве не изменится, а земельная рента возрастет. Хлеб, вследствие увеличения потребления, будет доставляться, напр. из Сибири, где цена производства и рыночная цена будет 30 коп.,

в Донской области хлеб будет давать ренту в 10 коп. за пуд, а в ближайших к рынку районах 20 коп. Такого рода повышение ренты при неизменяющейся цене хлеба и при экстенсификации культуры наблюдается во многих местах. Полному проявлению тенденции к рассеянию земледелия и к его экстенсивности мешает, следовательно, дороговизна провоза с отдаленных мест.

Тот факт, что и у нас в России интенсивность хозяйства возрастает в районах, ближайших к внутреннему (Москва) или внешнему рынку (Рига), ничуть не исключает общей тенденции к экстенсификации сельского хозяйства, а лишь является результатом указанных нами препятствий к дальнейшей экстенсификации земледелия. При увеличении населения, хотя часть земледельческого населения выбрасывается из земледелия и оказывается ненужной, тем не менее землевладелец, в качестве рантье, лишь выигрывает, потому что рассеяние земледелия сопровождается увеличением издержек производства на провоз к рынку земледельческих продуктов; это и дает возможность землевладельцу повысить земельную ренту, а в некоторых случаях и земледельческую культуру.

Обыкновенно для этого необходим переход к таким культурам, которые недоступны окраинам или вследствие громоздкости продуктов и неудобства их провоза, или вследствие необходимости для них интенсивной обработки земли. Поэтому и падение цен, вследствие конкуренции экстенсивных хозяйств, должно отражаться сильнее на тех продуктах, которые более доступны экстенсивной обработке. Так как на новых землях более всего производителен посев пшеницы, то и падение хлебных цен должно было сильнее проявиться в ценах на пшеницу на мировом рынке: и, действительно, в Англии, Франции, Германии более всего в цене упала пшеница (Федоров, «Междунар. хлебн. торг.»). Мы выше показали, что и у нас в центральных районах наблюдается относительное сокращение производства хлебов, и в промышленных странах очень заметен переход к культурам таких продуктов, в производстве которых не могут конкурировать окраины.

Но наше крупное хозяйство в значительной степени пользуется еще крепостническими некультурными приемами ведения хозяйства; мелкое хозяйство представляет собою образец некультурности и нищеты, а рост нашего государственного бюджета показывает, насколько обострялся чисто экономический кризис непроизводительным потреблением национального дохода. Поэтому и приспособление к требованиям рынка должно было быть крайне затруднительным и крайне тяжело отражаться на земледельческом населении, на которое, как мы заметили, сваливаются и те недочеты, которые могло понести крупное хозяйство от неблагоприятных конъюнктур мирового рынка, и, особенно, от тенденции к рассеянию земледелия. Потому что — будет ли сокращение земледелия относительным или абсолютным — оно в первом случае должно повести к избытку земледельческого населения, благодаря его естественному приросту, а при абсолютном сокращении земледелия — к избытку населения, хотя бы оно и не размножалось.

4.

Тенденция сельскохозяйственного производства, выражающаяся в рассеянии земледелия, должна вызывать соответствующее передвижение населения, которое стремится приспособиться к потребностям производства, регулируемого, в свою очередь, требованиями рынка.

Передвижение населения, являясь стихийным процессом, зависящим от причин, стоящих вне воли человека, подобно всякому стихийному движению, направляется по линии наименьшего сопротивления, подчиняясь тем же требованиям рынка и, как всякое стихийное движение, ведет за собой массу жертв. В большинстве случаев только угроза голода заставляет сдвинуться уже по самому характеру своему неподвижное земледельческое население. Часть населения, как известно, идет в города и на фабрики, так как туда переносится центр тяжести промышленной жизни. Часть же населения, находящаяся дальше от промышленных центров, но также вынужденная перенести приложение своей рабочей силы из густо населенных земель на редко населенные, должна или уходить на земледельческие работы на окраины, или эмигрировать. Так как представленные выше цифры указывают, что центр тяжести земледелия переносится на редко населенные земли, то и передвижение земледельческого населения должно направляться туда же. Если район экстенсивного земледелия находится далеко, то обыкновенно передвижение населения происходит в виде эмиграции и переселения, если более или менее близко—то на отхожие земледельческие заработки. В западноевропейских странах передвижение населения происходило, главным образом, в виде эмиграции, так как вблизи не было редко населенных земель, куда население могло бы уходить в земледельческий отход.

Там резче выразилась и тенденция к сокращению производства хлебов, потому что избыточное земледельческое население или переселялось в города, или эмигрировало, т.-е. расширяло запашку вне пределов страны.

В России и Соединенных Штатах этот процесс передвижения происходил несколько иначе. Часть населения переселялась в города, часть эмигрировала на свободные земли окраин, а часть ограничивалась отходом в ближайшие менее населенные районы на летние земледельческие работы. Между тем, в Западной Европе движение на земледельческие отхожие промыслы существует в очень ограниченных размерах.

Во всяком случае, для всех стран, вовлеченных в процесс мирового товарного обмена, как для промышленной Англии, так и для крестьянской России, характерно одно общее явление — передвижение населения и производительных сил из густо населенных земледельческих районов в промышленные центры или в редко населенные колонии и окраины. Этот громадный мировой процесс создается перераспределением производительных сил во всех странах, вовлеченных в мировое товарное хозяйство, и вызван, с одной стороны, выделением индустрии, перенесением ее в город, с другой — уменьшением приложения количества труда и капитала на единицу площади

земли. Только громоздкость земледельческих продуктов, затрудняющая их провоз из окраин, дает значительные преимущества земледелию густо населенных районов и мешает дальнейшей экстенсификации земледелия.

На-ряду с относительным сокращением производства земледельческих продуктов сокращается и количество рабочих рук, занятых в земледелии.

В Германии с 1882 до 1895 г. население, живущее сельским хозяйством, уменьшилось с 19.225.445 душ до 18.501.307 душ, т.-е. не менее, чем на 724.148 душ. И это уменьшение касается одинаково как местностей с мелким, так и с крупным крестьянским хозяйством, с преобладанием латифундий; оно обнаруживается во всех провинциях Прусского королевства и во всех крупнейших союзных государствах, за исключением Брауншвейга, где замечается увеличение с 120.062 до 125.411 душ. Число наемных рабочих в Германии составляло [1]):

	1882 г.	1895 г.	— Уменьшение + Увеличение
В сельск. хоз. . .	5 881.819	5.619.794	— 262.025
» индустрии . .	5.069.243	5.955.613	+ 1.859.570
» торговле . . .	727.262	1.233.045	+ 505.783

То же самое явление обнаруживается во Франции. Там отношение сельскохозяйственного населения к несельскохозяйственному изменилось следующим образом:

Годы	Население сельскохозяйственное	Население несельскохозяйственное	0/0 сельско-хозяйственного населения ко всему населению
1876	18.968.605	17.937.183	51,4
1881	18 279.209	19.422.839	48,4
1886	17.698.432	20.520.471	46,6
1891	17.435.888	20.907.304	45,5

Здесь также перед нами абсолютное уменьшение сельского населения, и уменьшение это также обусловливается уменьшением числа рабочих.

Во французском сельском хозяйстве насчитывается занятых в нем и ведущих самостоятельное хозяйство:

	1882 г.	1892 г.	Прирост + Уменьшение —
Самостоятельных хозяев .	3.460 600	3.604.789	+ 144.189
Наемных рабочих	3.452 904	3 058.346	— 394.588

Уменьшение числа наемных рабочих было здесь еще больше, чем в Германии.

[1]) К. Каутский. «Аграрный вопрос», стр. 252 и следующие.

Наиболее сильно проявляется уменьшение сельскохозяйственных рабочих в Англии, стране развитого крупного сельского хозяйства и наибольших городов. Там наемных рабочих в сельском хозяйстве насчитывалось в 1861 г. — 1.163.227, а в 1871 г. — 996.642, в 1881 г.— 890.174, в 1891 г. — 798.912. Число их за 30 лет уменьшилось на 364.315, т. е. на 31,3%, *или почти на треть*.

Но в этих цифрах еще не вполне обнаруживается потеря, испытываемая сельским хозяйством. Особенно бегут наиболее молодые, самостоятельные люди; остаются дети и старики. Это имеет силу, как относительно периодического, так и относительно окончательного переселения, и означает только то, что, с уменьшением количества сельского населения, уменьшается одновременно и его работоспособность.

В Германской империи насчитывалось в 1895 г. 8.292.692 человека, занятых в сельском хозяйстве, и 8.281.220 в индустрии. Числа занятых в обоих отраслях почти равны между собой.

Как раз в самых работоспособных возрастных группах — от 14 до 40 лет — сельское хозяйство уступает индустрии на миллион слишком рабочих сил; в менее же пригодных для работы группах на долю сельского хозяйства приходится такое же превышение.

Еще более поразительные данные приводит таблица, заимствованная Каутским из соч. L.Ballode'a („Die Lebensfähigkeit der städtischen und ländlichen Bevolkerung", 66). В Пруссии на каждую тысячу душ 1 сентября 1890 г. приходилось:

	Сельские общины и округа с поместьями	Порода с населением более 20.000	На сельское население приходится + или —
от 10 до 15 лет . .	379	313	+66
» 15 » 20 » . .	94	100	— 6
» 20 » 30 » . .	143	210	—77
» 30 » 40 » . .	122	149	—27
» 40 » 50 » . .	100	105	5
» 50 » 60 » . .	79	66	+13
» 60 » 70 » . .	54	38	+16
» 70 » 100 » . .	29	19	+10
Всего .	1.000	1.000	—

Итак, рассеяние земледелия в густо населенных странах выражается в сокращении производства хлеба и в сокращении земледельческого населения. Производительные силы страны с интенсивным хозяйством перемещаются или в индустрию, или в страны экстенсивного земледелия.

Резюмируем сказанное о тенденциях земледелия к рассеянию. Из теории земельной ренты видно, что, пока площадь вновь распахиваемых земель будет обгонять рост народонаселения, земледельческое капиталистическое хозяйство будет иметь тенденцию к экстенсификации хозяйства, одним из главных препятствий которой служат

условия транзита. Большая производительность первых затрат капитала против последующих затрат удешевляет производство хлеба в районах экстенсивного земледелия, а облегчение транзита создает в густо населенных районах «земледельческий кризис», отражающийся на капиталистическом земледелии, потому что понижает цены на хлеб.

Это ведет к следующим последствиям:

К невыгодности затрат капитала в земледелии для увеличения количества продуктов, получаемых с данной площади земли, потому что последующие затраты менее производительны, а низкая цена хлеба делает их невыгодными. Интенсификация хозяйства может происходить лишь при повышении цен на хлеб и под влиянием технического прогресса, повышающего земельную ренту.

В свою очередь, относительное сокращение затрат капитала в капиталистическом земледелии ведет: 1) к сокращению в капиталистических земледельческих хозяйствах количества рабочих рук и отливу их от земледелия в другие отрасли промышленности и 2) к оттоливу капиталов, накопляющихся в земледелии, в индустрию.

Сокращение рабочих рук в капиталистическом земледелии должно, в свою очередь, создавать избыточное земледельческое население в деревне, которое должно искать каких-нибудь средств существования или в городе, или в деревне. При развитии индустрии значительная часть земледельческого населения уходит в город, и оно сокращается не только абсолютно, но и относительно. Чем меньше развивается индустрия, тем сильнее стремление земледельческого населения удержаться за землю и тем выше поднимается некапиталистическая рента, вытесняющая капиталистическую, благодаря аграрному кризису.

Глава VIII.

Влияние развития производительных сил на их перераспределение.

1. Перераспределение производительных сил населения в плотно и в редко населенных районах. — 2. Влияние развития приозводительных сил на формы хозяйства и на передвижение капиталов из земледелия в индустрию.— 3. Влияние на организацию, культуру и систему хозяйства и на систему полеводства.

1.

Тенденция к рассеянию земледелия ведет к рассеянию земледельческого населения. Но для этого населения не всегда возможно перемещение в индустрию, так как она, при неблагоприятных условиях, может развиваться слишком медленно, и не всегда возможно перемещение в редко населенные районы, потому что для этого нужны средства и свободные земли. Поэтому, благодаря тенденции к рассеянию земледелия, земледельческое производство может не расширяться, а земледельческое население будет возрастать, и производительность его труда падать. Не имея возможности прилагать труд более производительно, население будет держаться за земеделие, хотя оно будет давать все меньше и меньше продуктов на душу наличного земледельческого населения. Очевидно, при этом условии производительность земледельческого труда падает. Такое падение можно констатировать в центральной России.

Если земледельческое население абсолютно сокращается, переходя в индустрию, то при тех же размерах производства продуктов земледелия производительность труда земледельческого населения возрастает, так как меньшее количество населения производит такое же количество продуктов земледелия, а избыточное население, перейдя в индустрию, увеличивает производство продуктов обрабатывающей промышленности. Такого рода увеличение производительности труда можно констатировать в Германии и Англии. Очевидно, население может перемещаться из земледелия в индустрию не только под влиянием тенденции к рассеянию земледелия, но и под влиянием технического прогресса в земледелии: то же количество продуктов земледелия производится меньшим количеством рабочих рук.

Следовательно, перемещение населения из земледелия вызывается не только тенденцией к рассеянию земледелия (падением производительности последовательных затрат на ту же площадь земли), но и увеличением производительности труда в земледелии, развитием производительных сил населения.

Рассматривая влияние развития производительных сил страны на их перераспределение, мы нашли, что перемещение рабочих рук из земледелия в индустрию вызывается более быстрым ростом постоянного капитала против переменного в капиталистических предприятиях и более быстрым ростом «хозяйственных» потребностей против «личных»— в предприятиях некапиталистических. При таком изменении потребления продуктов производства возможно представить два случая распределения производительных сил страны между различными отраслями промышленности.

1) При развитии производительных сил в стране средства производства и рабочие руки из земледелия перемещаются в индустрию, в которой производится возрастающее количество продуктов для непосредственного потребления и в виде орудий и средств производства для капиталистических и некапиталистических предприятий. Так как предполагается развитие производительных сил, то должно быстро возрастать производство орудий производства для земледелия и для индустрии. Увеличение средств производства в индустрии и перемещение населения поведет к сокращению земледельческого населения. Меньшее количество земледельческих рабочих, благодаря техническому прогрессу, будет производить больше продуктов по отношению к земледельческому населению, хотя все большая и большая часть земледельческих продуктов будет ввозиться: рост земледельческого производства, вследствие конкуренции экстенсивных стран, будет оставать от роста промышленного населения. Такой случай представляют западно-европейские страны.

2) Вследствие развития производительных сил быстро возрастает производство продуктов земледелия, которые вывозятся из страны для обмена на продукты, производимые обрабатывающей промышленностью. При этом предположении население не отрывается от земледелия, но для развития производительных сил и для удовлетворения возрастающих потребностей, как личных, так и в орудиях производства, оно должно вывозить все большее и большее количество продуктов земледелия в обмен на продукты обрабатывающей промышленности.

Первый случай обыкновенно бывает в странах плотно населенных, где все большая и большая часть населения переходит в индустрию. Легко доказать, что второй случай — развитие производительных сил без развития индустрии в стране — возможен лишь при крайне редком населении, что в плотно населенных странах должен быть или первый случай — развитие индустрии, или полная остановка и даже падение производительных сил страны; что, по мере уплотнения населения при развитии производительных сил, вывоз необработанных продуктов земледелия из густо населенных районов должен сокращаться.

Это объясняется следующим: из теории земельной ренты мы знаем, что необработанные продукты земледелия, произведенные в экстенсивном хозяйстве, могут продаваться дешевле, чем те же продукты, произведенные в интенсивном хозяйстве. Поэтому вывоз продуктов земледелия бывает обыкновенно из стран или районов, реже населенных, с экстенсивным земледельческим хозяйством, в районы, плотнее населенные; интенсификация земледелия, увеличивая количество продуктов, получаемых с той же площади земли, удорожает производство хлеба [1]).

По мере уплотнения населения в стране, производство для вывоза продуктов земледелия становится все менее и менее выгодным, потому что интенсификация земледелия удорожает их. А в плотно населенной стране расширение запашек возможно в ограниченных пределах, и увеличение производства земледельческих продуктов возможно лишь интенсификацией земледелия. Между тем, чем плотнее население, тем большую долю производимых на месте продуктов оно потребляет и тем меньшую долю их может вывозить. Развитие же производительных сил без развития индустрии предполагает увеличивающийся вывоз продуктов земледелия в обмен на продукты обрабатывающей промышленности; это, по мере уплотнения населения, очевидно, становится все менее и менее возможным.

С другой стороны, развитие производительных сил в земледелии ведет к заменению живого труда, прилагаемого к земле, машинами, к сокращению его и к замене переменного капитала постоянным— в капиталистических предприятиях, а в некапиталистических — к увеличению «хозяйственных» потребностей на счет личных. Следовательно, развитие производительных сил в земледелии предполагает сокращение занятых земледелием рабочих. Это сокращение ведет к образованию избыточного земледельческого населения, к избытку рабочих рук. А так как предполагается, что земледельческое население не приходит в индустрию, то возможно лишь два выхода: или избыточные руки вытесняют применение машины, и прозводительность труда падает, или они остаются незанятыми, и развитие производительных сил приостанавливается. Если избыточные рабочие руки вытесняют применение машин, то вывоз хлеба в обмен на орудия производства сократится, и производительность труда падает, если же машины ввозятся в обмен на хлеб, то вывоз хлеба возможен лишь при голодании возрастающего избыточного населения. И в том, и в другом случае, будут падать производительные силы населения по мере его роста. Поэтому при развитии производительных сил в районах с плотным населением неизбежен переход все большей и большей части населения в индустрию.

---

[1]) Аграрии плотно населенных стран стремятся огородиться таможенными пошлинами от стран с экстенсивным хозяйством. Они прекрасно понимают значение факта падающей производительности последовательных затрат на ту же землю. В стране с экстенсивным земледелием никому не придет в голову охраняться пошлинами на хлеб от стран с интенсивным хозяйством. Только в стране с интенсивным хозяйством, сокративши ввоз хлеба, можно снимать пенки с повышенных таким образом цен на хлеб.

Чем плотнее *земледельческое* население, тем затруднительнее поглощение его земледелием (создается малоземелье), тем затруднительнее применение улучшенных орудий производства в земледелии.

Из приведенных соображений следует и другой вывод. Применение жнеек, молотилок и других улучшенных сельскохозяйственных орудий выбрасывает из земледелия массу рабочих рук, и количество земледельческих рабочих не сокращается *лишь* в районах с быстро растущей запашкой. Но развитие производительных сил страны возможно тогда, когда образуемое техническим прогрессом избыточное земледельческое население может перейти в индустрию, потому что только при этом условии излишние в земледелии рабочие руки могут производительно прилагать свой труд. Следовательно, перераспределение производительных сил страны между земледелием и индустрией является и следствием их развития и толчком к дальнейшему развитию.

Чем больше увеличивается производительность труда в земледелии, тем больше из него выбрасывается рабочих рук; в то же время для производства земледельческих орудий, машин и других средств производства поглощается больше рабочих рук в индустрии. Вместе с тем, в индустрии увеличивается потребление продуктов земледелия в виде сырого материала для обработки. Следовательно, увеличение в индустрии производства средств производства для земледелия ведет к увеличению потребления и земледельческих продуктов.

Таким образом, развитие производительных сил в плотно населенной земледельческой стране возможно при перемещении большей и большей части населения от земледелия к занятию обрабатывающей промышленностью. Если же земледелие соединяется с индустрией, то развитие производительных сил ведет к сокращению рабочих рук, занятых непосредственно в земледелии.

В стране с быстро развивающейся индустрией и с возрастающей производительностью труда земледельческое население перемещается в индустрию тем быстрее, чем значительнее развитие производительных сил. Остающиеся земледельческие хозяйства при этом смогут расширяться на счет перешедших в индустрию и улучшать технику на счет сокращения рабочих рук в земледелии.

Очевидно, при падении производительности земледельческого труда в плотно населенных районах должно происходить обратное,—именно увеличиваться земледельческое население, которое будет производить все меньше и меньше продуктов на душу земледельческого населения. Это поведет к соответствующим последствиям в индустрии. Вследствие падения производительности труда, благодаря избыточному земледельческому населению, технические улучшения будут не выгодны, и у населения не будет достаточно средств для их приобретения: это еще более будет задерживать технический прогресс и развитие индустрии. Медленное развитие индустрии поведет к дальнейшему увеличению земледельческого населения и т. д., и т. д.

В России «повторные исследования вскрыли перед нами крайне интересный и для многих совершенно неожиданный факт: почти во всех местностях, по которым получены соответствующие данные,

численность крестьянских хозяйств, занимающихся земледелием, а стало быть и населения, заинтересованного в земледельческом производстве, возростала быстрее, чем общая численность дворов и населения. Больше того, по некоторым местностям не только относительное, но и абсолютное число крестьянских дворов, не имеющих посева, в премежутке между переписями заметно уменьшилось. Крестьянство за это время не бежало, как принято было думать, от земли и собственного земледельческого хозяйства, а, напротив, возвращалось к ним. Стали сеять многие из тех, кто раньше не сеял»[1]).

На-ряду с увеличением земледельческого населения, производительность его труда падала, пожалуй, еще быстрее, и голодовки делались хроническим явлением среди населения, которое «возвращалось к собственным земледельческим хозяйствам».

Наконец, в редко населенных странах происходит, наряду с увеличением производительности труда, вызванное им расширение запашек. Возрастающее население при этих условиях может все поглощаться земледельческим производством, и огромное количество земледельческих продуктов может вывозиться в обмен на продукты обрабатывающей промышленности. Развитие производительных сил в земледелии без развития индустрии можно наблюдать в колониях, в западных штатах С. Америки, в южных губерниях Европейской России.

Развитие производительных сил в земледелии на-ряду с развитием индустрии наблюдается в западно-европейских странах — в Англии и в Германии, где меньшее количество земледельческого населения производит больше продуктов.

Наконец, район с плотным земледельческим населением без развития индустрии, следовательно, с падающей производительностью труда, мы находим в центральной черноземной России.

2.

Итак, основной фактор хозяйственного развития — развитие производительных сил — возможен при сокращении земледельческого населения в плотно населенных земледельческих районах *по отношению* к промышленному населению.

Другим фактором, влияющим на сокращение земледельческого населения, является факт падения производительности труда, затрачиваемого последовательно на ту же площадь земли.

В экстенсивных хозяйствах, при одинаковых орудиях производства, труд производительнее, и хлеб производится дешевле, чем в интенсивных хозяйствах. По мере удешевления стоимости провоза, конкуренция земледельческих районов с экстенсивным хозяйством все более и более угнетает земледельческое капиталистическое производство районов с интенсивным земледельческим хозяйством. Последнее, под давлением конкуренции экстенсивных хозяйств, не может

[1]) «Р. Б.», 10, 1902 г. А. Пешехонов. «Из теории и практики крестьянского хозяйства», стр. 79. К сожалению, г. Пешехонов не задается вопросом, вело ли это к развитию производительных сил или к их падению.

увеличивать производство продуктов земледелия пропорционально росту населения, и по отношению к последнему не только не увеличивает размеры производства, а даже сокращает. Происходит рассеяние земледелия, и поставщиками хлеба для стран с интенсивным хозяйством делаются районы или страны с интенсивным земледелием. Это рассеяние земледелия должно также создавать образование избыточного земледельческого населения, которое по мере своего роста не может поглощаться земледелием. Таким образом, образование избыточного земледельческого населения происходит от двух совершенно различных причин: 1) от увеличения производительности земледельческого труда, благодаря техническому прогрессу, и 2) от рассеяния земледелия на большую поверхность земли. Эти две причины, вызывая одинаковое влияние на поглощение земледельческим капиталистическим производством земледельческого населения, влияют неодинаково на организацию производства.

Из теории ренты мы видели, что увеличение производительности земледельческого труда ведет к повышению капиталистической земельной ренты, следовательно ведет к преобладанию капиталистического производства и к вытеснению потребительного земледельческого хозяйства. Применение сельскохозяйственных машин, удешевляя производство, играет в борьбе мелкого и крупного хозяйства такую же роль, как и в индустрии: земельная рента повышается арендаторами — капиталистами.

Рассеяние земледелия в районах интенсивного хозяйства действует в противоположном направлении на организацию хозяйства. Под влиянием конкуренции экстенсивных районов капиталистическое хозяйство не может делать дальнейшие затраты капитала на ту же землю и повышать земельную ренту; напротив, понижение хлебных цен должно вести к ее понижению. С другой стороны, выбрасывание рабочих рук из капиталистического земледелия ведет к обострению борьбы земледельческого населения за потребительное земледельческое хозяйство, при котором, при малой производительности труда, большее количество населения может прокормиться от земли. Правда, при этом, по мере роста населения, оно получает все меньше и меньше продуктов на каждого производителя хлеба, но некапиталистическая рента возрастает и вытесняет капиталистическое земледелие. Преобладание того или другого типа хозяйства, следовательно, обусловливается преобладанием того или другого фактора в развитии хозяйства. Увеличение производительности труда должно вести к образованию более крупных капиталистических хозяйств, а преобладание другого фактора — тенденции к рассеянию земледелия — обратно, к преобладанию продовольственного мелкого хозяйства.

В современном земледельческом хозяйстве трудно найти действие какой-нибудь одной из этих двух противоположных тенденций развития сельского хозяйства. Обыкновенно, на-ряду с увеличением производительности труда, благодаря техническому прогрессу, существует и тенденция к рассеянию земледелия. Тем не менее, в различных районах и в различных странах можно найти преобладание того или другого фактора и наблюдать его влияние на организацию

хозяйства. В районах экстенсивного хозяйства, где тенденция к рассеянию земледелия не действует и не оказывает заметного влияния, в наиболее чистом виде проявляется влияние развития производительных сил. В России, в южных и юго-восточных губерниях, на западе Северо-Американских Соединенных Штатов более рельефно проявляется влияние увеличения производительности труда; в Англии и в других промышленных странах Западной Европы проявляется действие обоих факторов развития земледелия. Наконец, в центральном черноземном и нечерноземном районе России и в Ирландии преобладает тенденция к рассеянию земледелия почти при полном отсутствии технического прогресса.

Формы земледельческих хозяйств в перечисленных районах вполне соответствуют приведенным теоретическим соображениям.

В тех штатах Северной Америки, на которые не оказывает угнетающего влияния дешевое экстенсивное хозяйство, и которые, напротив, сами действуют угнетающе на районы интенсивного хозяйства, где, следовательно, проявляется наиболее слабое влияние тенденции к рассеянию земледелия, размеры ферм были следующие:

Штаты	Средний размер ферм. 1880.	1890.	Земледельческая площадь. 1880.	1890.
			Акров	
Висконсин	114	115	15.353.118	16.787.988
Минесота	145	160	13.403.019	18.663.645
Айова	134	151	24.752.700	30.491.541
С.-Дакота	218	277	3.800.656	7.660.333
Небраска	157	190	9.944.826	21.593.444
Канзас	155	181	21.417.468	30.214.456
Техас	208	225	36.292.219	51.406.937

Размеры ферм увеличились. При этом, во всех перечисленных штатах число хозяйств, имеющих менее 50 акров, или сократилось или осталось без изменения. Увеличилось число хозяйств, имеющих от 100 до 1000 и более акров [1]).

Герц и Булгаков, констатируя увеличение размеров ферм, преобладание капиталистического земледелия в этих районах, указывают на то, что в них запашки расширяются и что, по мере увеличения населения, хозяйства будут приближаться к типу более мелких потребительных хозяйств. Но ведь и требуется объяснить, почему, при отсутствии угнетения со стороны более экстенсивных районов, преобладает капиталистическое земледелие, почему, с развитием производительности труда, размеры хозяйств увеличиваются. Если еще будет открыта масса земель, в которых будет более экстенсивное хозяйство, если запашки на новых землях будут угнетающе действовать на интенсивное капиталистическое хозяйство, то, разумеется, последнее будет уступать более мелкому потребительному.

---

[1]) Сравн. Каутский. «Аграрный вопрос». С. Булгаков, «Капитализм и земледелие», т. II, стр. 438. Герц, «Аграрные вопросы». Русск. изд., стр. 88.

В Новороссии также, при увеличении производительности труда и при экстенсивном хозяйстве, капиталистическое хозяйство является преобладающим, и капиталистическая аренда вытесняет потребительную [1]).

В западно-европейских капиталистических странах, на-ряду с развитием производительности труда в земледелии, интенсивное хозяйство терпит угнетение от конкуренции земледельческих стран с экстенсивным хозяйством.

Влияние технического прогресса, повышающего капиталистическую ренту, парализуется тенденцией к рассеянию земледелия. Поэтому там, при сокращении земледельческого населения, в форме и организации земледельческих хозяйств существенных изменений не может происходить. Преобладающий тип хозяйств будет среднее хозяйство там, где значительная часть населения поглощается индустрией, и парцеллярное — при медленном развитии индустрии.

В Германии с 1882 г. по 1895 г. произошло следующее изменение типов хозяйств [2]):

	Увеличение + или уменьшение —
Менее 2 гект	— 1.7494
2— 5	+ 95.781
5— 20	+ 563.477
20—100	+ 38.383
Свыше 1.000	+ 45.538

Во Франции за десятилетие с 1882 по 1892 г. произошло увеличение парцеллярных хозяйств менее гектара и крупных хозяйств более 40 гект. В Англии увеличилась площадь запашек в хозяйствах от 20 до 120 гектаров. Следовательно, в этих странах (Германии и Англии) капиталистическое хозяйство ведет борьбу с мелким с переменным успехом, в зависимости от преобладания того из факторов, который повышает капиталистическую или некапиталистическую ренту.

Наконец, в центральном районе России, где производительность труда падает благодаря увеличению земледельческого населения, а урожайность почти не возрастает, капиталистическое хозяйство уступает мелкому продовольственному хозяйству, которое повышением некапиталистической ренты вытесняет первое.

Повышение некапиталистической ренты в виде мелкой аренды и преобладание продовольственного хозяйства не исключают различных форм эксплоатации мелких хозяев земледельческих предприятий представителями других классов общества. Между тем, относительная и абсолютная сумма продуктов земледелия, остающаяся в хозяйствах для потребления, или сокращается, или не увеличивается. Земледельческое население, при первом неурожае или других неблагоприятных условиях, принуждено реализовать свои средства производства в предметах непосредственного потребления, т.-е. продавать скот

[1]) На вопросе о влиянии развития производительных сил на организацию хозяйства нам придется еще остановиться в следующих главах.

[2]) См. Каутский. «Аграрный вопрос», стр. 180.

и мертвый инвентарь и проедать их, хотя это и ведет к дальнейшему падению производительных сил.

С другой стороны, та часть продуктов земледелия, которая попадает к другим классам общества, например, арендная плата, также не реализуется в средства земледельческого производства. Повышение некапиталистической ренты и относительное падение ренты капиталистической делает невыгодной затрату капитала в земледелие, так как невыгодно капиталистическое хозяйство.

Землевладелец, получая ренту в виде арендной платы, затратит ее куда ему угодно, но только не в земледелие, так как подобная затрата дала бы меньший доход, чем продовольственная аренда. Землевладелец, затративши свой доход не в земледелие (он может, например, купить новый участок земли, чтобы получать аренду, может промотать, издержать на личные потребности весь доход и т. д.), уже этим фактом, сознательно или бессознательно, непосредственно или через других предпринимателей, перемещает свой доход из земледелия в индустрию. То же делают представители других классов общества, получающие часть дохода из мелких земледельческих хозяйств. Это перемещение капиталов из земледелия в индустрию обусловливается тем, что «продовольственная» аренда исключает выгодное их помещение в земледелие, и земля дает больший доход в виде некапиталистической ренты. Капиталистическое хозяйство ведется, лишь поскольку возможно ведение хозяйства на почве продовольственной нужды мелких хозяев без значительных затрат капитала, при самой низкой заработной плате сельскохозяйственных рабочих.

Следовательно, *падение производительных сил, благодаря земледельческому перенаселению, сопровождается сокращением средств производства в некапиталистическом хозяйстве и отливом капиталов из капиталистических земледельческих хозяйств в индустрию.*

Развитие производительных сил действует в противоположном направлении. Повышение капиталистической земельной ренты, под влиянием развития производительности земледельческого труда, делает выгодной интенсификацию хозяйства, дальнейшие затраты капитала и труда на ту же площадь земли (см. гл. о влиянии производительности труда на земельную ренту). Таким образом, организация хозяйства влияет на развитие производительных сил и, обратно, развитие производительных сил влияет на организацию хозяйства. Крупное капиталистическое хозяйство увеличивает производительность труда и ведет к развитию производительных сил. В свою очередь, развитие производительных сил ведет к повышению капиталистической земельной ренты против некапиталистической и привлекает капиталы к земледелию.

В России падение производительности земледельческого труда во всех районах, кроме окраин, ведет к тому, что отчуждаемый из земледелия продукт реализуется не в орудия и средства производства земледелия, а в средства производства обрабатывающей промышленности.

Хотя вывозятся за границу из России почти исключительно продукты земледелия, ввозятся в страну орудия для обрабатывающей промышленности. Из общей ценности ввозимых машин на 54,8 милл. рублей в 1897 г. сельскохозяйственных орудий ввезено на 4,6 милл. рублей. Но и эти орудия ввозятся или на южные окраины или в восточные губернии и Сибирь, т.-е. в районы, где происходит увеличение производительности земледельческого труда и образование капиталистического хозяйства.

3.

Существуют две противоположные тенденции сельско-хозяйственного развития: стремление к увеличению производительности труда посредством технического прогресса и, при неблагоприятных условиях экономического развития, стремление возрастающего населения держаться около земли и этим понижать производительность труда и развитие производительных сил. Соответственно этим тенденциям при образовании господствующего типа сельскохозяйственных предприятий проявляются также две противоположные тенденции, непосредственно связанные с указанными общими тенденциями хозяйственного развития. Для развития своих производительных сил *каждое хозяйство стремится* к расширению, к *организации более крупного предприятия*. Но эта основная тенденция встречает препятствие в необходимости возрастающего земледельческого населения держаться за землю во что бы то ни стало, если оно не может найти необходимые средства существования другим путем. Очевидно, что чем больше избыточное земледельческое население, тем больше препятствий для образования более крупных хозяйств с более производительным трудом, и, обратно, чем выше технический прогресс и чем меньше нужда населения, тем легче их образование. Указанные факторы влияют прежде всего на высоту капиталистической и некапиталистической ренты. Повышение капиталистической ренты против некапиталистической ведет к образованию хозяйств более крупных, с более производительным трудом, и производящих продукты, главным образом, для рынка, между тем, повышение некапиталистической ренты ведет, обратно, к распадению крупных хозяйств на мелкие арендные участки. В районах, где есть избыточное население, *откуда* выходят сельскохозяйственные и вообще отхожие рабочие, там должно быть и распыление земли в виде мелкой аренды, и, обратно, *куда* идут сельскохозяйственные рабочие, там должно быть более крупное хозяйство, более крупная аренда.

Сопоставление размеров хозяйств в различных странах соответствует вышеприведенным выводам. Сопоставление размеров аренды в различных районах России, как увидим, также дает полное соответствие с этими выводами.

Таким образом, развитие производительных сил населения, с одной стороны, и тенденция к рассеянию земледелия — с другой, влияют:

1) *На организацию* хозяйства, при чем развитие производительных сил населения и технический прогресс ведут к организации

капиталистических хозяйств, производящих для рынка, а рассеяние земледелия, при отсутствии технического прогресса, к организации продовольственных хозяйств.

2) На культуру хозяйства, так как увеличение производительности труда повышает капиталистическую земельную ренту и делает выгодными последующие затраты капитала на ту же площадь земли. Тенденция к рассеянию земледелия, напротив, мешает интенсификации хозяйства.

3) На систему хозяйства влияет характер его организации. Хозяйства, производящие для рынка, приспособляются к наиболее для них выгодным условиям рынка. Поэтому система хозяйства, производящего для рынка, находится в тесной связи с почвенными, климатическими и рыночными условиями и с условиями транспорта. Хозяйства продовольственного характера менее связаны с приведенными условиями и приспособляются, главным образом, к условиям потребления внутри хозяйств.

4) Система полеводства гораздо менее связана непосредственно с основными факторами развития сельского хозяйства. На систему полеводства влияют все вышеперечисленные условия строения сельского хозяйства: культура, система и организация хозяйства в связи с естественными условиями почвы.

Глава IX.

Борьба крупного и мелкого хозяйства.

1. Взгляд на этот вопрос Герца и Булгакова. — 2. Влияние количества земледельческого населения на борьбу мелкого и крупного хозяйства. — 3. Общие и технические условия, определяющие тип хозяйства.

1.

В вопросах, близко связанных с жизнью, обыкновенно обобщения и выводы, делаемые теоретиками, оказываются в хвосте жизни. То же проявилось и в теоретических руссуждениях об аграрном вопросе.

Увеличение количества мелких собственников в некоторых странах, медленное развитие крупного капиталистического земледельческого производства, отдача в мелкую аренду крупных имений и т. п.,— все эти явления обнаружились резче, благодаря аграрному кризису, и вызвали у теоретиков стремление обобщить эти факты, искать в мелком хозяйстве особенных преимуществ — и экономических, и технических — для объяснения прочности мелкого хозяйства.

Аграрный кризис, вызванный развитием производительности труда не столько в производстве, сколько в транспорте сельско-хозяйственных продуктов, начался прежде всего с крушения более крупных земледельческих предприятий, производящих продукты исключительно для рынка. Перераспределение различных отраслей сельского хозяйства по новым районам, не установившееся еще и в настоящее время и постоянно изменяющееся под влиянием дальнейшего удешевления транспорта, было чрезвычайно благоприятно для тех хозяйств, которые производили продукты не столько для рынка, сколько для собственного потребления.

Падение хлебных цен было убыточно для тех хозяйств, которые производили для рынка, и совершенно нечувствительно и даже выгодно для мелких сельских хозяев, которые не продавали или даже покупали недостающее им количество хлеба. Поэтому в такой густо населенной стране, как Бельгия, где резче должно было проявиться влияние падения хлебных цен, стало увеличиваться количество самых мелких участков, «грядок капусты», и землевладельцы стали

сдавать свою землю в аренду крестьянам. От кризиса должны были пострадать отчасти мелкие собственники, сбывающие часть продуктов на рынок, но, главным образом — крупные сельские хозяева.

Так как борьба крупного и мелкого производства шла за средства существования громадной массы крестьянства, то последнее, хотя и с большими жертвами, держалось и иногда побеждало в борьбе; этому помог в значительной степени аграрный кризис.

Естественно, что такое явление вызвало со стороны теоретиков стремление обобщить факт сохранения и даже увеличения мелких хозяйств, при чем обобщение делается не только для настоящего времени, но и для более или менее отдаленного будущего. Многие ухватились за этот факт и чрезвычайно усердно стали доказывать не только жизненность, но и преимущества мелкого хозяйства перед крупным, а тяжелое положение мелких собственников объяснять кризисом. «Очевидно,— утверждает г. Булгаков, что широкое развитие мелких крестьянских хозяйств в Англии мыслимо только с прекращением теперешнего аграрного кризиса или, по крайней мере, с началом этого прекращения».

По своеобразной логике автора, от падения хлебных цен больше страдает мелкое хозяйство, и повышение хлебных цен, с прекращением «кризиса», будет убыточно для капиталистического хозяйства.

«Мы видим,— говорит Герц,— что конечной целью капиталистического производства является не крупное хозяйство, а парцельная аренда».

«Статистика всех стран свидетельствует о том, что здесь переплетаются самые разнообразные течения, в общем же среднее и мелкое хозяйство значительно устойчивее крупного». Это автор доказывает и «теоретически». «Технические преимущества крупного производства, даже там, где они действительно существуют, далеко не так велики, как в промышленности... Экономические преимущества часто также на стороне мелкого хозяйства: оно не гонится за рентой и за процентом на капитал и, благодаря этому, производит дешевле, чем крупное, для которого такие условия невозможны; наконец, оно располагает более интенсивной рабочей силой». Забавная аргументация! Технические преимущества мелкого хозяйства заключаются в том, что преимущества крупного хозяйства не так велики! Экономические преимущества заключаются в том, что мелкий собственник не может получать прибыли на затраченный капитал (если бы мог, то, вероятно, не отказался бы) и в том, что он принужден интенсивно работать. К сожалению, Герц не приводит других «теоретических» доводов преимущества мелких хозяйств, кроме ссылки на «естественные преимущества», которые, действительно, одинаково могут быть и в мелком и в крупном хозяйствах.

Г. Булгаков совершенно справедливо указывает на то, что временное изменение хозяйственных условий ведет за собою появление новых теорий, которые стремятся обобщить это явление гораздо дальше, чем следует. Обыкновенно в таких случаях упускается из виду общая тенденция развития хозяйственного строя и принимаются

во внимание случайные явления, которые и обобщаются. Общественное хозяйство стремится к развитию производительных сил, хотя наряду с этим и существуют факторы, препятствующие этой тенденции. Если бы упомянутые нами авторы приняли во внимание общие тенденции развития хозяйства, то они не удовольствовались бы первыми попавшимися фактами для характеристики условий существования мелких хозяев, чтобы решать судьбы сельского хозяйства.

От Герца, мы, например, узнаем следующую характеристику крестьянского хозяйства. «Община Вильсбах: экономическое положение крестьянского населения в общем нельзя назвать ни слишком благоприятным, ни слишком неблагоприятным».

В общем — на Шипке все спокойно!

«Община Оберкальванген: положение сельского хозяйства следует в общем признать удовлетворительным».

«Община Ингеркинген: экономическое положение крестьянского населения в общем посредственное».

В общем в Германии живут не дурно и пьют пиво...

Впрочем, на следующей же странице автор заявляет, что общего суждения нельзя высказать даже для одного только округа, не говоря уже о целой стране [1]). И это аргументы «авторитетного» автора, на которого ссылаются другие!

Если крупное хозяйство более благоприятно для развития производительных сил, и если, тем не менее, мелкое хозяйство удерживается и в очень многих местах, особенно, во время аграрного кризиса, побивает крупное, то, очевидно, существуют в общественно-экономических условиях капиталистического строя причины, которые препятствуют развитию крупного хозяйства и развитию производительных сил.

Гг. Булгаков и Герц, вместо того, чтобы доискиваться этих причин, прибегают к более простому приему, — к доказательству, что мелкое хозяйство имеет «преимущества» перед крупным: «отказывается» от прибыли и ренты, находит не всегда выгодным применять машины и т. п.

Только благодаря отсутствию анализа условий развития производительных сил, г. Булгаков мог написать следующее курьезное утверждение, противоречащее фактам: «Определенные исторические

---

[1]) Вот еще образец «характеристики» положения крестьянского хозяйства княжества Гольберштадта, приводимый Герцем со слов секретаря сельскохозяйственного ферейна: «Более крупные (разрядка наша) хозяева из крестьян, поскольку речь идет о высших по культуре округах, в интенсивности своего сельского хозяйства не уступают крупным земледельцам. Средний и низший слой землевладельцев, а также парцельные собственники зачастую не могут, конечно, вкладывать в землю столь же крупный капитал, но нигде не замечается среди них недостатка в прилежании и тщательности».

Еще бы, «голод — не тетка» и делает настолько «прилежными», что и малолетних детей заставляет работать. И это аргумент в пользу мелкого хозяйства! О чем же спорит Герц с Каутским, если последний это «прилежание» называет усиленной работой, переутомлением и проч.? Дело, очевидно, во вкусах: Каутский работу малолетних детей в мелких хозяйствах называет эксплоатацией, а Герц находит это просто идиллией и сравнивает этих детей с Золушкой...

причины подкашивают мелкое хозяйство и поднимают крупное, и причины эти лежат в перенаселении, знаменующем собою известный момент в развитии всего народного хозяйства; но картина меняется с устранением этих причин в результате дальнейшего хозяйственного развития». Мы будем иметь случай показать, что, как раз обратно, где есть относительное перенаселение, там мелкое хозяйство начинает «побеждать» крупное, обыкновенно, мелкой арендой; что на окраинах и в колониях, где нет перенаселения, преобладает свободная организация более крупных хозяйств; что перенаселение создается организацией хозяйства и рассасывается при другой организации.

Несомненно, в борьбе крупного и мелкого хозяйства играет огромное значение образование избыточного населения, но значение — совершенно иное, чем думает цитированный нами автор.

Если бы избыточное безработное население образовалось благодаря недостатку средств существования, которые может дать территория, то достаточно было бы увеличения производительности труда у населения, чтобы перенаселение исчезло, потому что с увеличением производительности труда увеличивается и абсолютная сумма средств существования. Только при недостатке предметов потребления, которые может дать территория, может образоваться абсолютный избыток населения; когда же производительность труда увеличивается, тогда увеличивается и емкость территории и возможность для существования более плотного населения. Если тем не менее, несмотря на увеличение производительности труда, создается избыточное население, при увеличении абсолютной емкости территории, то образование избыточного населения вызывается уже социальной организацией производства, и в ней нужно искать причины образования перенаселения.

Современное хозяйство обязано развитием своих производительных сил капитализму, при котором каждый предприниматель, благодаря конкуренции, должен напрягать свои усилия к наибольшему увеличению производительности труда, так как в большинстве случаев такое напряжение ему выгодно. Тем не менее, капитализм, как определенный строй хозяйственных отношений, в котором даже руководящие интересы предпринимателей не вполне гармонируют между собой, постольку допускает увеличение емкости территории, поскольку увеличение населения не становится в противоречие с основой капиталистического строя — стремлением к наибольшему увеличению прибыли предпринимателя. Поэтому развитие производительных сил в земледелии, увеличивая возможность существования большему количеству населения, увеличивая емкость территории, должно вести с развитием капитализма к сокращению земледельческого населения. Почти во всех странах с более развитым капитализмом и с густым населением число лиц, живущих земледельческим промыслом, сокращается, несмотря на технический прогресс в земледелии; развитие производительных сил, увеличивая емкость территории, может сопровождаться образованием избыточного населения, благодаря организации производства, неблагоприятной для этого населения.

По причинам, которые мы рассматривали уже, развитие производительных сил ведет к уменьшению занятого в земледелии населения, к созданию **относительного** перенаселения, хотя само по себе развитие производительных сил допускает возможность существования большего населения, увеличения емкости территории.

С развитием капиталистического земледелия население, занятое земледельческим промыслом, сокращается благодаря тому, что современная капиталистическая форма земледельческого хозяйства имеет некоторые особенности, на которые мы указывали и которые ведут к образованию относительного перенаселения. Очевидно также, что земледельческое население должно постоянно напрягать свои усилия к тому, чтобы не оказаться лишним, найти способы и систему хозяйства, которые бы сократили избыточное население, хотя бы это вело к задержке развития производительных сил и, таким образом, в сущности сокращало емкость территории, вести хотя бы и безнадежную борьбу, пока не найдет других источников для существования, кроме земледелия.

2.

Каждая личность в своей хозяйственной деятельности руководится целью получить наибольшее количество продуктов и, прежде всего, необходимых средств существования по возможности с наименьшей затратой на это своей энергии и капитала. Этой целью руководится как рабочий, так и предприниматель, при чем первый результаты своей хозяйственной деятельности определяет по отношению к затрачиваемой им энергии, а последний — по отношению к затрачиваемому им капиталу. Этой же целью определяются приемы и способы производства продуктов и создается необходимость развития производительных сил, которое может дать возможность существовать возрастающему населению и удовлетворять все более и более растущим потребностям. Поэтому развитие производительных сил общества является при современном экономическом строе результатом стремления отдельных личностей улучшить свое положение, результатом борьбы отдельных хозяйств, связанных взаимным обменом продуктов и взаимной борьбой.

Конкуренция отдельных хозяйств между собой, давая преимущества наиболее сильным, приспособленным и лучше организованным хозяйствам, может уничтожить более слабые хозяйства в какой-нибудь отрасли промышленности, но, разумеется, не может уничтожить у их хозяев стремление бороться за свое существование и искать места для приложения своего труда, пока они существуют. Как бы ни ухудшалось положение какой-нибудь общественной группы, занятой в той или иной отрасли промышленности, она будет держаться за эту промышленность,— хотя бы это вело к постепенному вымиранию,— до тех пор, пока не явится возможность перейти к другим способам добывания средств существования. Недостаточно еще одних технических преимуществ, для какого-нибудь нового способа производства, чтобы уничтожить старый: исчезновение старого способа производства возможно или тогда, когда занятые ими рабочие будут заняты

тем же производством при новой его организации, или найдут другую работу, или вымрут, оставаясь на своих местах при старом способе производства. Когда старый способ производства, как многие кустарные промыслы, составляет лишь побочную отрасль хозяйства, например, в приведенном выше случае пивоварения у крестьян в Бельгии, тогда хозяйство быстро бросает эту отрасль промышленности; если же борьба между хозяйствами происходит на почве замены старого способа производства новым в главном промысле этих хозяйств, тогда и самая борьба делается обостреннее.

Чем более производитель связан с рынком, чем более его положение зависит от высоты рыночных цен, тем опаснее для него конкуренция капиталистических предприятий, имеющих возможность применять новые способы производства. Если при конкуренции крупных капиталистических предприятий мелкий предприниматель, связанный с рынком, не находит другой работы — он прямо вымирает. Так было с ткачами в Индии, почти так же было с ткачами в Англии, Силезии, Бельгии[1]). Чем менее производитель связан с рынком, тем легче ему бороться с крупным производством,— борьба делается менее ожесточенной, но зато более продолжительной, и поэтому, может быть, еще более тяжелой. Голодовки в экономически отсталых странах (например, в Ирландии, в России, в Индии), в которых труднее найти заработок в других отраслях промышленности, показывают, что и в земледелии эта борьба, обостренная еще налоговым бременем, ведет к вымиранию части земледельческого населения. Во всяком случае, возможность потреблять продукты собственного хозяйства в значительной степени облегчает борьбу мелкого земледельческого хозяйства с крупным капиталистическим, хотя бы последнее вело к развитию производительных сил, к развитию техники производства.

В индустрии развитие производительных сил в одной отрасли производства, сокращая необходимое количество рабочих, ведет к увеличению потребности в них в других отраслях, и общее количество рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, увеличивается. Кроме того, введение машинного производства продуктов в индустрию ведет к увеличению количества продуктов, производимых хозяйством. Безграничному расширению производства препятствует лишь ограниченность рынка и капитала, имеющегося у предпринимателя. Поэтому часто новые способы производства увеличивают количество занятых рабочих, и развитие индустрии ведет не только к увеличению числа занятых в предприятии, но и общего количества рабочих, которыми с избытком и снабжает ее земледельческое население.

Между тем, в земледелии с участка земли, при данной цене хлеба, можно получить лишь определенное количество продукта. Новое его увеличение с того же участка требует относительно больших издержек, следовательно невыгодно или выгодно лишь до определенной

---

[1]) Всем известны приведенные Марксом яркие примеры влияния на мелкое производство конкуренции фабричного производства. В Бельгии в течение нескольких лет 300.000 рабочих в буквальном смысле были выброшены на мостовую и заменены группой рабочих, занятых на фабриках... «от 300.000 рабочих зарегистрированных в 1843 году, в 1880 г. осталось всего только 35.000».

границы. Поэтому введение машины, развитие производительных сил, ведет к абсолютному сокращению количества рабочих, занятых в земледелии.

Допустим, что наибольшее количество рабочих сил, необходимых при ручном труде при данных условиях, равняется 4 полугодовым рабочим на десятину, дающую при этом условии 100 пудов хлеба. Если будет введена какая-нибудь сельско-хозяйственная машина, например, молотилка, то, разумеется, количество хлеба с десятины от этого не увеличивается. Десятина земли будет давать те же 100 пуд. хлеба, но теперь рабочих сил потребуется меньше, например, 3 вместо 4. Таким образом, на данной площади земли, по введении машины в сельском хозяйстве потребуется уже меньшее количество рабочих, так как их увеличение не может сопровождаться соответственным увеличением продукта[1]). Они становятся для предпринимателя безусловно лишними, хотя бы при данной цене продукта рынок был безграничен, и хотя бы предприниматель обладал необходимым для развития производства капиталом. Разумеется, он может расширить запашку, прикупить земли и т. п., но количество необходимых рабочих сил на д а н н о й территории от введения машины все-таки сокращается.

Поэтому в земледелии, при развитии производительных сил, при введении машин, потребность в рабочих увеличивается в редко населенных районах, где возможно р а с ш и р е н и е запашки, где быстро расширяется самая территория, подлежащая обработке; в тех же районах, где не происходит такого расширения, где территория насыщена населением, технический прогресс в земледелии быстро создает избыточное население, которое принуждено или отливать в обрабатывающую промышленность, или бороться с машинным производством пониженной заработной платой и мало производительным трудом в мелком хозяйстве, бесплодно затрачивая излишний труд. Передвижение населения из густо населенных земледельческих районов в города и редко населенные окраины и колонии, передвижение сельскохозяйственных рабочих, бедственное положение мелких хозяев в густо неселенных земледельческих районах и сокращение количества рабочих в тех редко населенных районах, где вводятся сельскохозяйственные машины, а расширение запашки прекращается,— все эти факты показывают, что развитие производительных сил в земледелии, технический прогресс, наталкивается на то же стремление населения обеспечить свое существование, которое должно бы его побуждать к техническому прогрессу.

Особое свойство земледелия, благодаря которому приложение нового количества труда на ту же площадь земли в большинстве случаев является менее доходным, приводит к тому, что капиталистическое земледелие, оторванное от обработки добываемых и сырых продуктов, не только не может поглощать прироста населения, но даже выталкивает, делает излишним то население, которое могло бы существовать

---

[1]) Предполагая интенсивность обработки земли в том и в другом случае одинаковой.

при мелком некапиталистическом хозяйстве. Крупное капиталистическое хозяйство может быть относительно чрезвычайно производительным, мелкое может быть крайне непроизводительным, вести к вырождению и к вымиранию и, тем не менее, быть настолько живучим, что будет вытеснять крупное хозяйство мелкой арендой и даже покупкой земли и, таким образом, задерживать развитие производительных сил. Поэтому выводы об относительной выгодности крупного и мелкого хозяйства, основанные на статистических данных об увеличении количества крупных или мелких предприятий, могут быть совершенно ложными без анализа общих социально-экономических условий.

Мелкое хозяйство, при таких условиях, как отсутствие сторонних заработков, кроме земледелия, при густом населении и низких ценах на хлеб, невыгодное технически, задерживая развитие производительных сил общества, его экономический и социальный прогресс, может, тем не менее, иметь преимущества потому, что дает возможность прокормиться на данной территории большему количеству хотя бы вымирающего населения; а возможность потреблять продукты собственного хозяйства в значительной степени облегчает борьбу мелкого земледельческого хозяйства с крупным капиталистическим, требующим меньшего числа рабочих рук.

Естественно, что в борьбе крупного и мелкого производства больше всего страдает мелкий собственник. Машинное производство в земледелии сокращает количество занятых в земледелии рук, и крестьянин устраняет машину пониженной заработной платой. Эта борьба, разумеется, задерживает технический прогресс, потому что введение машины при низкой заработной плате оказывается невыгодным. В центральных черноземных губерниях России у многих землевладельцев улучшенные сельскохозяйственные орудия (жнейки, сноповязалки) стоят без употребления, когда рабочие руки дешевы.

Выгодность употребления улучшенных орудий прямо пропорциональна высоте заработной платы. Например, при очень низкой заработной плате выгоднее ручная уборка хлеба; при средней — выгоднее употреблять простую жнейку; жнейка же сноповязалка выгодна только при более высокой заработной плате. При цене ниже 2 рублей за уборку урожая всякого рода жатвенные машины невыгодны [1]). Естественно, что при отсутствии других заработков население стремится понижением заработной платы бороться с введением машин. Когда же исчезают технические преимущества крупного хозяйства, мелкое может «с успехом» арендовать земли, выплачивая доход, получаемый крупным землевладельцем от пониженной заработной платы: мелкое хозяйство побеждает тем же путем, каким сельские рабочие «побеждают» машины; введение машин сокращается точно так же, как

---

[1]) «Описания частновладельческого хозяйства», вып. I, 1895 г. стр. 33 В Кубанской области, при средних ценах на рабочие руки уборка хлеба выгоднее простыми жатками, чем сноповязалками, а мотыжение кукурузы выгоднее посредством пропашки, чем ручной работой. Точно также ворошение сена конными граблями и посев разбросной сеялкой невыгодны только при наиболее низких ценах на рабочие руки.

повышенной арендой крестьяне сокращают крупные запашки; но от этого землевладельцы, разумеется, не терпят убытков.

Понижение заработной платы и повышение арендной платы вызываются безысходным положением земледельческого населения, которое при техническом прогрессе выбрасывается из капиталистического земледелия и оказывается излишним. Чем меньше развита индустрия и обработка продуктов сельского хозяйства, тем безысходнее положение крестьянского населения: единственный заработок может дать свое, хотя бы и малопроизводительное, хозяйство.

Земледелие может явиться, таким образом, единственным убежищем для «избыточного» населения[1]), которому предстоит дилемма: или вымирать за недостатком места в индустрии и капиталистическом земледелии, где оно влачит жалкое существование сельского рабочего, или довольствоваться «варварским» существованием мелкого земледельца. Быстрое развитие крупного хозяйства на счет мелкого и быстрое развитие производительных сил возможно, следовательно, тогда, когда оно не создает огромного относительного перенаселения, или когда в нем потребуется не меньшее количество рабочих рук на данную поверхность земли, чем в мелких хозяйствах[2]), или пока избыточное население не будет целиком поглощаться индустрией. Поэтому в редко населенных районах, вообще, гораздо легче происходит концентрация земледелия, развитие капиталистического земледельческого хозяйства, чем в густо населенных районах с мало развитой обрабатывающей промышленностью.

Крупное экстенсивное хозяйство имеет значительные преимущества перед мелким экстенсивным благодаря техническим условиям, так как, при невозможности приложить много непосредственного труда на обработку земли и на уборку хлеба, в крупном хозяйстве легко применима машина. Кроме того, в редко населенных местах крупное хозяйство может поглотить все рабочие силы ближайшего района, и поэтому мелкое хозяйство для массы населения не является единственным средством хотя бы и крайне тяжелого существования. Из сравнения различных областей России наблюдается, что чем гуще

---

[1]) Этим, по нашему мнению, объясняется та «любовь к земле» мелких собственников, на которую часто указывают все пишущие о «народе». На-ряду с любовью к земле, многими писателями констатируется тяготение молодого подрастающего деревенского поколения в город, где оно находит все-таки больше простора и просвета. Эти две, повидимому, исключающие друг друга, тенденции вполне понятны. В деревне земля является единственным средством для обеспечения, хотя бы чрезвычайно тяжелого, существования. Городская жизнь дает больше просвета, но мало обеспеченности для массы населения. «Пойдешь налево — коня потеряешь, пойдешь направо — будешь холоден-голоден». Молодое поколение, еще ищущее жизни, теряет коня и хозяйство и идет налево; старое идет направо, остается в деревне, где хотя и холодно и голодно, но где в то же время крестьянин, имея свой клочек земли, больше обеспечен от безработицы.

[2]) Т.-е. или тогда, когда возможно крайне экстенсивное земледельческое хозяйство, или крайне интенсивное, соединенное с обработкой добываемого сырья. Выяснение вопроса о борьбе крупного и мелкого хозяйства в России является предметом дальнейшего нашего изложения. Теперь мы коснулись этого вопроса лишь постольку, поскольку это необходимо для выяснения условий, препятствующих развитию производительных сил.

земледельческое население и чем меньше промышленное, тем более «побеждает» мелкое хозяйство, тем более преобладает между землевладельцами сдача земель в мелкую аренду. Среди самых мелких собственников в России дифференциация ярче выступает в реже населенных губерниях, между тем как в густо населенных земледельческих областях преобладает равенство бедности и нищеты. Из сводных данных, приводимых Влад. Ильиным[1]) по земско-статистическим материалам, получается следующая таблица:

В густо населенных уездах высшая, более зажиточная группа, состоящая из 20% всех крестьян-собственников, владеет следующим процентом земли и скота, находящихся в пользовании всех крестьян:

Уезды	Губернии	Земли в пользовании	Всего скота
Елецкий, Трубчинский	Орловской	34,6%	39,0%
Задонский, Землянский, Коротоякский, Нижнедевицкий	Воронежской	34,1%	37,2%
Княгининский, Васильевский и Макарьевск.	Нижегородской	36,5%	40,3%
Та же группа в реже населенных уездах имеет:			
Днепровский, Мелитопольский, Бердянский	Таврической	49%	44,6%
Новоузенский, Николаевский	Самарской	56%	52%
Камышинский	Саратовской	50,5%	53,2%
Красноуфимский, Екатеринбургский	Пермской	49,6%	41,5%

Из приведенных данных очевидно, что в густо населенных губерниях и уездах заметна лишь незначительная дифференциация крестьянства вследствие общей нищеты и тесноты, между тем как в редко населенных уездах дифференциация крестьянства резко выступает: 20% крестьян имеют больше половины всей земли и всего скота в своем пользовании. Прекрасно разработанные данные сообщает Э. Вандервельде относительно Бельгии[2]), где сдача земель в мелкую аренду возрастает пропорционально росту населения и цен на землю.

Провинции	Население на кв. килом.	Цена удоб. земли в франках	Процент крупных хозяйств, имеющ. свою запашку
Намур	95	1.972	58,6
Люксембург	49	1.074	84,5
Люттих	286	3.075	50,1
Лимбург	98	2.080	63,3
Антверпен	281	2.413	54,5
Брабант	378	3.431	35,5
Зап. Фландрия	245	3.447	17,2
Вост. Фландрия	338	3.839	27,5

Чем выше цены на землю, тем большая часть земель сдается в аренду, тем выше, разумеется, арендная плата. В провинциях восточной и западной Фландрии с 1834 — 1835 по 1898 — 99 гг. поверхность

[1]) «Развитие капитализма в России», стр. 82 — 83.
[2]) «Braun's Archiw», 1900 г., В. 15.

земли, принадлежащая крупным собственникам, даже увеличилась, между тем как процент хозяйств с собственной запашкой—в них наименьший.

Борьба крупного и мелкого производства и победа последнего особенно резко должны проявиться во время аграрного кризиса, когда падение хлебных цен делает невыгодным дальнейшую интенсификацию капиталистического хозяйства, когда, следовательно, землевладелец при ведении земледельческого хозяйства стремится даже сократить количество труда, прилагаемого на ту же площадь земли, чтобы экстенсификацией хозяйства удешевить производство. Понижение земельной капиталистической ренты во время кризиса делает выгодной сдачу земли в аренду мелкими участками крестьянам, которые иногда платят больше, чем получают от земли. Выгодной является и продажа участков земли крестьянам по повышенной плате. Появляются и распространяются средневековые формы эксплоатации — натуральные аренды и половничество — не только в России, но и в передовых европейских странах: во Франции и в Германии.

Разумеется, под влиянием кризиса и избытка земледельческого населения, распространение таких явлений, как мелкая аренда, задерживает развитие производительных сил и даже местами ведет к их падению. Многие экономисты склонны видеть в этом неизбежность победы мелкого производства, не считаясь с тем, что развитие производительных сил является необходимым условием развития хозяйства, и остановка этого развития не может обобщаться, как явление, всегда присущее сельскому хозяйству.

Падение хлебных цен прежде всего должно вызвать у крупных предпринимателей падение земельной ренты, стремление удешевить производство экстенсификацией хозяйства.

Если даже земельная рента растет, если земледельческий кризис нисколько не отразился на крупном хозяйстве, то и тогда землевладельцы при сдаче в аренду могут получать больший доход, чем при более производительном труде наемных рабочих в их собственном крупном хозяйстве, так как арендатор вынужден все большую и большую часть получаемого им продукта отдавать в виде арендной платы. Борьба крупного и мелкого хозяйства обостряется на почве отчуждения продуктов мелкого хозяйства: мелкое хозяйство побеждает, задерживая развитие производительных сил. В Бельгии общее число чисто-земледельческих хозяйств сократилось, но увеличилось число хозяйств, имеющих только огороды — небольшие участки, засаженные капустой, картофелем и т. п.

Ирландия — образцовая страна мелкой аренды — обязана развитием последней, главным образом, тем, что Англия не давала возможности развиться в ней обрабатывающей промышленности и толкала все население в земледелие, которое являлось единственным убежищем для полуголодного существования массы этого населения. Положение мелкого хозяйства при таких условиях крайне тяжелое.

Отдельные факты «сносного» и даже прекрасного положения мелких собственников, приводимые Герцем и многими народническими писателями, слишком противоречат общей картине положения мелких хозяйств, чтобы об этом стоило много распространяться. Если верить

Герцу, мелкое хозяйство так процветает, что приходится удивляться существованию очень распространенного мнения о крестьянской бедности: некоторые крестьяне употребляют д а ж е горчицу на несколько пфеннигов в год! [1]). Несомненно, «даже» употребление некоторыми хозяйствами горчицы ничуть не опровергает факта, что мелкое земледельческое хозяйство, при обострении борьбы с крупным, получает слишком незначительный доход и держится потому, что победа крупного хозяйства повела бы к разрежению населения.

Из приведенных иллюстраций очевидно, что общей тенденции развития производительных сил может препятствовать со стороны мелких хозяев невозможность при данных условиях найти другой заработок, кроме работы в своем мелком земледельческом хозяйстве, вынуждающая их довольствоваться наименее производительным трудом при отчуждении иногда большей части продукта в виде арендной платы. Со стороны крупных землевладельцев развитию производительности труда препятствует возможность увеличить свой доход без увеличения производительных сил и затраты капитала, лишь посредством повышения арендной платы и цен на землю.

Право собственности на землю может становиться, таким образом, в противоречие с развитием производительных сил. Как в индустрии рост постоянного капитала ведет к увеличению доли прибыли, отчисляемой на этот капитал, так в земледелии эта доля может расти в виде земельной ренты.

При каких условиях растет капиталистическая и некапиталистическая рента, нами уже выяснено.

3.

Мелкое хозяйство малопроизводительно не только потому, что не располагает достаточным количеством земли и по изложенным выше соображениям, но и потому, что мелкий собственник располагает худшими орудиями производства. На приобретение улучшенных орудий часто у мелкого собственника не хватает средств, часто он не может применить улучшенное орудие на небольшом участке земли; но всего чаще причиной технической отсталости мелких хозяйств служит низкая оценка ими своего собственного труда, освобождаемого машиной. При машинной работе на небольшом участке не может быть использовано все рабочее время, которым располагает мелкий собственник, потому что, по выражению Герца «не на что обратить сбереженного времени» [2]). В настоящее время, например,

[1]) «Даже» горчицу употребляют в хозяйстве, принадлежащем «к числу лучших», «пользующихся паровой машиной, катком, экстирпатором и др.». Герц, по поводу характеристики Каутским бедственного положения крестьян, разражается такой репликой: «Я отучил себя горячиться по поводу политико-экономических аргументаций; но такой «метод» превращает молоко моего мирного мышления в критическую чернильную желчь. Если Каутский не тенденциозен до последней степени, то я охотно согласен играть в чистилище роль его бедствующего крестьянина». Очевидно, Герц плохой католик и не боится чистилища...

[2]) Автору приходилось встречать у малоземельных помещичьих крестьян Пермской губ., в самом сердце железо-делательного производства «горбули»,— примитивное орудие, заменяющее косу. Чтобы скосить свои клочки земли, крестьяне довольствуются этим орудием, хотя и коса недорого стоит.

крестьяне везде имеют возможность обмолачивать хлеб на молотилках, если не на своих, то — уплачивая за молотьбу с пуда обмолоченного хлеба. Тем не менее, в большинстве случаев мелкие собственники обмолачивают хлеб цепами, так как при ручной, крайне непроизводительной молотьбе им остается все-таки та небольшая сумма денег, которую они должны были бы уплатить за молотьбу машиной. «Урожай пшеницы при рядовом (машинном) посеве обыкновенно выше урожая при разбросном на 20 — 30 пудов с хозяйственной десятины»[1]). Кроме того, сеялка значительно увеличивает производительность труда тем, что сокращает время, необходимое для посева каждой десятины. Тем не менее, мелкие хозяева почти не приобретают рядовых сеялок,— не только потому, что на это у них нет средств, но и потому, что на небольшом участке нечего делать с такой машиной, а чересполосица еще более мешает ее использованию. То же можно сказать о паровых плугах и т. п. орудиях. Но главное препятствие развитию производительных сил в земледелии, как мы заметили уже, заключается в том, что рабочее время, сберегаемое машиной, для крестьянина не имеет даже такой цены, как у пользующегося наемным трудом предпринимателя, хотя последний ценит рабочее время по рабочей плате.

По техническим и социальным условиям, мелкое земледельческое производство чрезвычайно близко подходит к условиям кустарного производства. И там и здесь технически отсталые способы производства являются результатом разрозненности, раздробленности производительных сил и средств производства. И там и здесь излишний малопроизводительный труд затрачивается как единственный исход в борьбе с крупным производством для поддержания своего чрезвычайно тяжелого существования.

Герц очень строг к Каутскому, который указывает на техническую отсталость и бедность мелких собственников. Можно было бы ожидать, что он даст исчерпывающий анализ отношений мелкого и крупного хозяйства, так как только о крестьянском мелком хозяйстве у него идет речь. Между тем, Герц ограничивается приведенными выше доводами о преимуществах мелкого хозяйства.

У нас в России много писалось и пишется о малоземельи крестьян и о выгодности мелкого хозяйства. Обыкновенно малоземельное хозяйство бывает мелким, а многоземельное — крупным. Если мелкое хозяйство выгоднее, то к чему и говорить о малоземельи, когда малоземельное хозяйство выгоднее, чем многоземельное! Если в руках одного собственника находится 5 десятин, его хозяйство будет мелким, если 50 десятин — средним, а 500 дес.— уже крупным. Объяснение нищеты крестьянства малоземельем уже говорит за то, что мелкое хозяйство невыгодно. Герц утверждает, что мелкое хозяйство во многих случаях выгоднее. Так зачем же крестьянам больший надел, когда мелкое хозяйство выгоднее?! Ведь хозяйство в 4,6 гектара выгоднее хозяйства в 26,5 гектаров![2]).

---

[1]) «Труды Имп. Моск. О. С. Х.». Описание частновладельческого хозяйства, вып. II, стр. 38.

[2]) См. Герц. «Аграрный вопрос»; русский пер., стр. 665—6 и след.

Герц рассуждает так: на затрачиваемые в мелком хозяйстве средства производства в сумме, положим, 100 руб. мелкий собственник получает 20%, а крупный собственник на свой капитал получает низший процент, следовательно, мелкое хозяйство выгоднее. Можно найти голодающих кустарей, которые получают на затрачиваемые ими ничтожные средства производства в десять раз больший доход, чем капиталист на затрачиваемый в крупном предприятии капитал; вот где наши критики найдут преимущества перед крупным производством.

Таким ярым защитником[1]) мелкого хозяйства остается только рекомендовать самим попробовать просуществовать с дохода на 4 гектара.

Приведенные общие теоретические выводы необходимо принять во внимание при анализе конкретных условий каждой страны. Выводы эти сводятся к следующему: в сельском хозяйстве намечаются две тенденции: 1) тенденция к развитию производительных сил посредством технического прогресса, при чем развитие производительных сил требует технически более целесообразной организации труда в отдельных хозяйствах, организации крупных предприятий; 2) тенденция к рассеянию земледелия.

Технический прогресс в капиталистическом хозяйстве создает относительное избыточное население. Крестьянское деревенское население принуждено, во что бы то ни стало, пониженной заработной платой или повышенной арендой бороться с капиталистическим хозяйством. Поэтому капиталистическое крупное хозяйство может решительно побеждать лишь там, где технические условия делают конкуренцию мелких земледельческих хозяйств мало успешной, следовательно: 1) при доступности быстрого технического прогресса, на-ряду с увеличением количества занятых рабочих рук, т.-е. в интенсивных хозяйствах с технической обработкой сырья; 2) при быстром развитии индустрии и, наконец, 3) при экстенсивном хозяйстве редко населенных районов.

Падение производительности труда ведет к противоположным последствиям: к повышению продовольственной ренты. При образовании избыточного населения, когда капиталистическое хозяйство находит более выгодной экстенсификацию земледелия, а мелкое хозяйство может увеличить число занятых рук в земледелии, начинает увеличиваться количество мелких хозяйств, в данный момент уменьшающих относительный избыток населения. Хотя увеличение мелких хозяйств в ущерб развитию производительных сил является временным, развитие производительных сил — необходимое условие существования народного хозяйства — тем не менее, придает совершенно другой характер развитию земледелия. Оно как бы отрывается от общего промышленного развития, пока на-ряду с добыванием

---

[1]) У нас принято отождествлять защиту формы хозяйства с защитой самих хозяев. Пора бы, кажется, понять, что можно защищать крестьянина и не защищать формы мелкого производства и — обратно: считать крупное производство наиболее прогрессивною формою и не быть защитником крупных собственников.

сырья в земледельческом хозяйстве не вводится дальнейшая обработка земледельческих продуктов, пока экономическое развитие не ведет к увеличению занятых в хозяйстве рабочих рук на единицу площади земли, или пока индустрия не оттянет избыточного населения. Поэтому на-ряду с организацией крупного производства в пивоварении, винокурении, крахмальных заводах и т. д., быстро уничтожившей мелкое производство, чисто-земледельческие крупные хозяйства терпят от земледельческого кризиса, от падения хлебных цен гораздо больше, чем мелкие. В чисто-земледельческих хозяйствах технический прогресс и цены на продукты земледелия главным образом и определяют успешность борьбы крупного и мелкого производства. Очевидно, что успешнее должны выдержать борьбу те хозяйства, которые при данных условиях могут легче воспользоваться развитием производительных сил и которые могут увеличивать количество занятых в земледелии рук.

Под влиянием этих условий и создается тип хозяйства, наиболее приспособленный к ним в данный момент. Каждый крестьянин стремится иметь свою землю, потому что она обеспечивает ему заработок. С другой стороы, мелкое хозяйство мало производительно, и сельский хозяин стремится увеличить площадь своего хозяйства. Поэтому в странах с мелким землевладением, несмотря на трудность концентрации мелких земельных участков, количество земледельческих хозяйств меньше числа земельных собственников.

В России в общине каждый крестьянин имеет право на земельный надел, но всем известно, что это право далеко не всегда реализуется в возможность иметь свое хозяйство. Во Франции, другой стране мелкого землевладения, размеры земледельческих хозяйств значительно превышают размеры земельных участков[1]).

С другой стороны, в странах крупного землевладения, например, в Англии, крупные имения распадаются на более мелкие хозяйства фермеров, хотя каждый земельный собственник имеет возможность вести собственное хозяйство или сдать в аренду одному фермеру всю площадь своей земли.

В землевладении больше всего остатков средневековых правовых и экономических отношений, и земельная собственность вообще труднее поддается мобилизации, чем все другие объекты собственности. Поэтому хозяйство, под давлением основных факторов, влияющих на его развитие, приспособляется уже к формам земельной

---

[1]) См. В. Ф. Левитский. «Сельско-хозяйственный кризис во Франции», стр. 36.

Размер	Имения % отношение к площади владения	Хозяйства % отношение ко всей площади культурных земель
От 10 акров до 1 гектара	4,97	2,2
„ 1 гектара до 10 гектаров . .	41,54	22,6
„ 10 гектаров до 40 гектаров .	15,95	29,9
„ 40 гектаров и выше	39,35	45

собственности: в одних случаях концентрирует ее в хозяйстве, в других — арендой разделяет между несколькими хозяйствами, оставляя право собственности одного лица.

Едва ли кто будет оспаривать положение, что тенденция развития хозяйства определяется в значительной степени развитием производительных сил. Этому развитию при современных хозяйственных отношениях препятствует стремление населения приложить наибольшее количество труда на данной площади земли. Социально-экономические условия страны определяют, который из указанных факторов оказывается в данный момент сильнее, но, во всяком случае, сознательное стремление решить аграрный вопрос должно руководствоваться двумя этими тенденциями развития сельского хозяйства, потому что в отдельности каждая из них при современных капиталистических отношениях несет бедствия для массы населения.

Точно также при анализе статистических данных, касающихся развития сельского хозяйства в различных странах, должны быть приняты во внимание общие условия развития земледелия, потому что они действуют постоянно на-ряду с влиянием местных условий, определяющих те или иные особенности хозяйственного развития каждой страны.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ХОЗЯЙСТВА И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОЧИЕ В РОССИИ.

Глава I.

Условия размножения населения в России.

1. Брачность, рождаемость и смертность в России и других странах — 2. Условия размножения населения в эпоху крепостного права.—3. Влияние крепостной реформы и различных условий на размножение населения.

1.

В различные моменты хозяйственного развития общества, часть населения не находит достаточно средств для поддержания своего существования, для удовлетворения своих наиболее настоятельных потребностей. Считать причиной этого явления только размножение населения нельзя потому, что в одну эпоху и при редком населении образуется избыточное население, развивается нищета и все бедствия, связанные с нею. В другую эпоху хозяйственного развития и при более густом населении нищета уменьшается, и оно имеет возможность удовлетворять и расширять свои потребности. При образовании избыточного населения, его размножение не всегда останавливается, не всегда избыточное население, так сказать, регулируется его размножением. Правда, бедное население дает больший процент смертности, чем более зажиточное, и бедность служит значительным тормозом для его размножения. Но в большинстве случаев, при увеличении смертности и при неблагоприятных условиях, население размножается, понижая на-ряду с этим физический и культурый уровень нарождающегося поколения.

Несмотря на неблагоприятные социальные условия, создающие в различные моменты истории избыточное население, последнее боролось с этими условиями часто пассивно, сокращая до minimum'а свои потребности, и продолжало размножаться. Есть основание думать, что более благоприятные социальные условия повели бы не столько к увеличению населения, которое и без того быстро размножалось, сколько к повышению уровня его потребностей, создали бы более развитую умственно и физически, более культурную народность; что лучшие социальные условия поведут не столько к увеличению населения, сколько к росту его благосостояния. Так, в тех странах,

в которых, повидимому, имеются налицо все благоприятные условия для роста населения, оно не всегда размножается быстрее, чем в странах с относительным избыточным населением. Например, в России, в районах с избыточным населением, процент брачности и рождаемости гораздо выше, чем в Западной Европе, и даже в тех областях России, где не так чувствуется перенаселение.

В европейских государствах, где потребности населения гораздо выше и нет ничего подобного российским голодовкам, брачность, рождаемость и смертность были

	1887—91 г. Брачность	Рождаемость	1884—93 г. Смертность
Франция	7,26	23	22,4
Англия и Уэльс	7,51	31,3	19,2
Шотландия	6,74	31,1	19,2
Италия	7,69	37,6	26,9
Германия	7,93	36,5	24,6
Австрия	7,74	38	28,8
Швеция	5,96	28,4	16,9
Норвегия	6,36	30,6	16,9
Европ. Россия (83—97 г)	8,6	47,7	34,7

В России высокий процент брачности и рождаемости сопровождается высоким процентом смертности детей, потому что рождаемость тесно связана со смертностью.

В центральном черноземном районе России, где как увидим, существует избыточное земледельческое население, рождаемость за десятилетие с 1887 по 1897 год выше не только рождаемости в Западной Европе, но и других райнов России. В центральном черноземном районе на 100 жителей приходится 5,2 рождений, между тем как средняя рождаемость по России 4,83, а в промышленном раойне только 4,78. К центральному чернозему по избыточности земледельческого населения примыкают губернии: Полтавская (рождаемость — 4,83), Пензенская (5,5) и Симбирская (5,08).

Точно также проценты брачности, влияющей на рождаемость, гораздо выше в районах с избыточным населением.

На 100 жителей браков приходится:

В центральном черноземном районе	0,93
„ Полтавской губ.	0,90
„ Пензенской „	0,98
По России	0,88
Промышленный район	0,82

Относительно низкий уровень брачности и рождаемости в других частях России, например в промышленном районе, вызывается, конечно, не «предусмотрительностью» населения, а внешними объективными условиями.

В. И. Покровский, одной из главных причин, влияющих на высоту коэффициентов движения народонаселения, считает производительность земледельческого труда. Из 25 губерний, производящих хлеба больше

чем потребляется на месте, брачность и рождаемость выше средней в 21 губернии.

Из 25 нечерноземных губерний, производящих хлеб в недостаточном количестве для своего потребления, брачность и рождаемость ниже всероссийской средней в 20 губерниях.

При такой формулировке можно подумать, что высший коэффициент брачности и рождаемости обусловливается большей обеспеченностью населения в хлебе или обеспеченностью землею.

Между тем, обеспеченность населения вовсе не распределяется соответственно тому, производится ли в том или другом районе достаточное количество хлеба, так так из одних районов хлеб продается, а в других покупается [1]). Правильнее было бы формулировать из приведенных данных следующий вывод: чем большая часть населения занята земледельческим трудом, тем выше коэффициент брачности и рождаемости, и, обратно, чем большая часть населения занята промыслами, тем этот коэффициент ниже.

Во всяком случае, несмотря на неблагоприятные условия для размножения, население, как будто вопреки им, энергично родит, плодится и продолжает размножаться, иногда понижая свои потребности до minimum'a.

Объяснить относительное перенаселение стремлением населения к размножению и размножением — значит ничего не объяснить. Уровень потребностей дикаря и богатого человека европейского общества настолько далеки друг от друга, что население сокращением или расширением своих потребностей до крайних пределов в ту или другую сторону может почти всегда дать место для нарождающегося поколения, даже не увеличивая значительно количества потребляемых им продуктов [2]).

Чтобы выяснить причины образования избыточного населения в каждом конкретном случае, нужно искать их не в размножении населения, а в социально-экономических условиях, которые могут создать перенаселение даже при уменьшающемся количестве жителей на данной территории. История хозяйственного развития общества и хозяйственных отношений является историей образования в различные эпохи избыточного населения.

В России, вследствие ее обширности, вследствие разнообразия условий, при которых приходится жить населению, образование избыточного населения неодинаково в различных районах и ведет к неодинаковым последствиям. Разумется, в различные моменты ее истории причины образования перенаселения были различны.

2.

До отмены крепостного права, при котором значительная часть земли, находившейся в пользовании крестьян, была отрезана, «перенаселение» хронически обнаруживалось не вследствие недостатка

---

[1]) В России промышленные районы, ввозящие хлеб, не подвергаются таким острым голодовкам, как земледельческие районы, вывозящие хлеб.

[2]) Поэтому размножение останавливается только в крайней, наиболее обездоленной группе населения, которая, вследствие неблагоприятных социальных условий, не может удовлетворить и minimum'a своих потребностей.

земли, находящейся в пользовании крестьян, а обыкновенно вследствие высокого обложения налогами и оброками. Уже в конце XVI столетия масса земель центрального района забрасывается крестьянами, и установившееся трехполье сменяется более экстенсивной системой. В XVII столетии констатируется опустошение деревень вследствие высоких, непосильных для населения налогов. В конце XVII и в начале XVIII столетия крестьяне бегут от чрезмерной эксплоатации дворян [1]).

В первой половине XIX столетия с развитием товарно-барщинного хозяйства, при котором производство хлеба на рынок в помещичьих хозяйствах начинает играть первенствующую роль, и оброки так же, как и налоги, в значительной части перешли к денежной форме, перенаселение проявляется различно и в неодинаковых размерах в черноземной и нечерноземной полосе России.

На лесистой малоплодородной земле нечерноземного района земледельческий труд был менее производителен; население, кроме земледелия, занималось и различными промыслами, развитию которых способствовало обилие леса. При расширении товарного обмена население еще легче могло переходить к обрабатывающей промышленности, к различным промыслам, потому что с развитием обмена расширялся и рынок для сбыта продуктов неземледельческих промыслов. Денежный оброк с помещичьих крестьян и налоги не могли создать перенаселения в такой форме, в какой оно создавалось в XVI и XVII веках, когда и оброк, и налоги вели к отчуждению земледельческих продуктов.

Переход к товарному обмену в нечерноземной России повел к увеличению емкости территории, потому что те причины (оброки и налоги), которые раньше создавали перенаселение, теперь, с развитием обмена, повели к отчуждению не столько продуктов земледелия, сколько продуктов обрабатывающей промышленности. Развитие промыслов повело за собою *сохранение* натурального *земледельческого* хозяйства, которое при уплате налогов и оброков продуктами неземледельческих промыслов могло удовлетворять уже потребности только членов крестьянской семьи. Экспроприация продуктов земледелия в нечерноземной полосе, при развитии товарного обмена, сменилась денежным оброком, который крестьяне стали зарабатывать различными промыслами. Таким образом, большая часть продуктов земледелия могла итти на непосредственное потребление населения.

С другой стороны, помещичье хозяйство к половине XIX столетия в нечерноземной полосе, с развитием обмена, должно было конкуррировать с хозяйством черноземной полосы и, разумеется, уступить ему. В то время, как на черноземе число дворовых людей, предназначавшихся отчасти для работ на барщинной запашке, увеличивалось, в нечерноземной полосе число дворовых людей сокращалось.

---

[1]) И многие дворяне говорят: «Крестьянину-де не давай обрасти, но стриги его, яко овцу догола, и, тако творя, царство пустошат, понеже так их обирают. что у иного и козы не оставляют. От таковыя нужды дома свои оставляют и бегут иные»... Посошков. Сочинения, т. I. «О скудости и богатстве». изд. 1842 г., стр. 183 О бегстве населения от развития поместной системы см. Рожкова «Сельское хоз. Московской Руси». О высоких налогах см. Соловьева «История России».

Общее число дворовых людей с 4,14% по 8-й ревизии, с 4,79% по 9-й ревизии увеличилось до 6,79% при сокращении их числа в нечерноземных губерниях[1]).

Помещику нечерноземной полосы не было расчета переводить крестьян в дворовые и расширять на счет их наделов барщинную запашку, потому что оброк, получаемый от крестьянских промыслов, давал больше, чем малоплодородная земля.

Следовательно, развитие товарного обмена и промыслов, возможность платить денежный оброк, повели к тому, что при тех же сословных отношениях емкость территории увеличилась; значительная часть производительных сил населения оттягивалась в промыслы, и это вносило некоторый корректив в те отношения, которые раньше опустошали нечерноземную полосу.

Совсем другое положение создается во время крепостного права на черноземных плодородных землях.

На данной территории, занятой крестьянами, в черноземной полосе, благодаря большому плодородию почвы, при одинаковой культуре хозяйства может прокормиться земледельческим трудом гораздо большее количество населения, чем в нечерноземной полосе. Но это преимущество, с развитием менового хозяйства, при крепостном праве делается, в конце концов, бедственным для крестьянского населения.

Плодородие земли делало выгодным в помещичьем хозяйстве производство хлеба для рынка, и расширение рынка привело к расширению помещичьей запашки, главным образом, в черноземной полосе России. Здесь помещику было выгоднее использовать рабочую силу крестьян на барщинной запашке, чем отпускать на оброк, потому что в земледелии на плодородной земле труд был производительнее. Расширение же барщинной запашки при относительно густом населении возможно было на счет крестьянской, и потому перевод некоторых крестьян в дворовые давал возможность и расширить запашку, и иметь готовые рабочие руки. Такого рода операция была выгоднее и потому, что производство хлеба для рынка повело к повышению цен на землю и к дешевизне крестьян, которые своим хозяйством занимали значительную площадь ценной земли. Постепенно земля,

---

[1]) Тройницкий. Крепостное население России по 10-й ревизии 1861 г., стр. 59—60. Число дворовых сократилось по 10-й ревизии против числа дворовых по 9-й ревизии в следующих губерниях:

Смоленской	4.161	Гродненской	1.549
Тверской	1.657	С.-Петербургской	1.950
Московской	662	Витебской	707
Ярославской	1.622	Оренбургской	906
Владимирской	212	Вологодской	1.086
Новгородской	1.449	Киевской	556
Псковской	2.981	Астраханской	141
Могилевской	660	Волынской	111

Перевод крестьян в дворовые отчасти обусловливается и стремлением увеличить барщинную запашку на счет крестьянской, что подтверждает лишь наши дальнейшие выводы.

занятая крестьянами, стала цениться выше, чем крестьянские «души», занимающие эту землю. Отсюда вполне естественно вытекает стремление помещиков сократить крестьянскую запашку и расширить свою [1]).

По материалам «Трудов редакционных комиссий», из которых сделаны погубернские итоги числа крестьян и дворовых и числа тягол оброчных, издельных и смешанных, оказывается, что в губерниях нечерноземной полосы было меньше дворовых и издельных крестьян и больше оброчных, а в черноземных губерниях больше дворовых и издельных [2]).

В Московской губернии с развитой промышленностью процент оброчных крестьян наибольший. По мере удаления от промышленного центра относительное число оброчных крестьян все более и более падает, и, обратно, увеличивается число дворовых людей и число издельных крестьян в промежутке между 9-й и 10-й ревизиями.

Следовательно, в то время, как в нечерноземной полосе переход к меновому хозяйству внес некоторый корректив, увеличивши емкость территории, на черноземе, наоборот, при занятии населения только земледелием, меновое помещичье хозяйство сократило емкость территории сокращением крестьянской запашки. При крепостном праве это выразилось лишь в относительной дешевизне крепостных крестьян и в расширении барщинной запашки.

Дальнейшее развитие товарного обмена после отмены крепостного права и развитие капитализма точно также различно отразились на населении земледельческого и промышленного районов.

---

[1]) У нас в руках нет материалов о размерах землепользования различных категорий крестьян в крепостную эпоху. Повидимому, у издельных крестьян наделы были меньше, чем у оброчных, так как барщинная запашка сокращала земельный фонд. По крайней мере, в Вольском уезде, Сарат. губ., у издельных крестьян на одну душу приходилось 4,34 дес., а у оброчных — 6,48 дес. У крестьян на смешанной повинности — 4,4 дес. (Н. Норбеков. «Из истории землевладения», «Сарат. Зем. Нед.», октябрь, 1902 г.).

[2]) Приводим по алфавиту шесть губерний, из которых три земледельческих черноземных губерний и три примыкают к промышленному району. По относительному числу тягол оброчных и издельных и тот и другой район резко различаются; число дворовых в земледельческих губерниях вдвое выше, чем в промышленных:

	Число душ креп. людей		Число тягол:		
	крестьян	дворовых	оброчных	издельных	смешанных
По Московской губ.	170.138	5.450	52.634	16.846	11.971
	97%	3%	64%	20%	16%
„ Нижегородской губ.	232.248	5.755	29.276	28.664	13 358
	98%	2%	41%	40%	19%
„ Новгородской губ.	93.777	4.280	11.903	13.753	15.436
	96%	4%	30%	34%	36%
„ Оренбургской губ.	42.524	2.295	1.458	16.352	156
	94%	6%	8%	91%	1%
„ Орловской губ.	212.711	17.971	8.965	54.127	10.615
	92%	8%	12%	73%	15%
„ Пензенской губ.	190.500	11.391	7.214	53.761	4.323
	95%	5%	11%	82%	7%

3.

Прежде всего реформой 61 года отношение площади помещичьих земель к крестьянским в некоторой степени фиксировалось, и далеко не в пользу крестьян: площадь земли, занятая крестьянами, сократилась, а, следовательно, сократилась и емкость территории при той культуре хозяйства, которая существовала в то время и существует теперь. Это один из наиболее важных факторов, создающих относительный избыток населения, сокративший, так сказать, кормовую площадь для населения[1]): оно принуждено было при своем росте кормиться с меньшей площади земли[2]). Влияние такого абсолютного сокращения площади крестьянской земли на образование перенаселения так очевидно, что мы не будем на нем останавливаться.

Другим фактором, сокращающим средства существования населения, являются налоги при непроизводительном, в хозяйственном смысле, их потреблении.

Некоторые экономисты, напр., В. В. и Николай—он, видали в постройке железных дорог один из видов непроизводительного потребления национального капитала и одну из причин бедственного положения крестьян. Между тем, постройка железных дорог и развитие промышленности увеличивает емкость территории, поскольку развитие промышленности вытекает из развития товарного обмена. Постройка железных дорог и развитие промышленности, создавая почву для существования неземледельческого населения и для технического прогресса в земледелии, рассасывает образовавшееся в земледелии избыточное население, если у землевладельческого населения остаются средства для развития техники в земледелии, а у промышленного

[1]) Здесь, как и ниже, идет речь о крестьянском некапиталистическом хозяйстве, в которое капитализм постепенно вносит новые элементы расслоения и дифференциации постольку, поскольку создаются благоприятные условия для капиталистического хозяйства.

[2]) Любопытна следующая таблица, характеризующая освобождение крестьян в различных по размерам имениях Вольского уезда («Сар. Зем. Нед.», № 11, ст. Норбекова).

Крестьяне каждой группы имений потеряли следующий % земли, бывшей в их пользовании во время крепостного права:

	После составл. уставн. грамоты	После прекращ. обяз. отнош.
Имения менее 100 дес.	0,0	8,2
От 100 — 500 „	24,8	28,8
„ 500 — 1.000 „	24,6	30,4
„ 1.000 — 5.000 „	27,4	43,4
„ 5.000 — 10.000 „	25,8	56,5
Более — 10.000 дес.	63,5	74,6

Т.-е. чем больше было имение, тем больше крестьяне потеряли земли, тем больше выиграл землевладелец. Анализ материальных оснований крепостной реформы дал бы, вероятно, богатые результаты для понимания этой эпохи. Если сопоставить эту таблицу с приведенной в конце книги таблицей о ценах на населенные и ненаселенные земли в крепостную эпоху, то окажется, что от реформы потеряли мелкопоместные дворяне и выиграли крупные землевладельцы.

населения для технического прогресса в индустрии. Но к абсолютному сокращению средств существования и средств производства во всей Европе вели, главным образом, затраты на вооружение, тяжесть которых была тем сильнее, чем беднее было население, чем меньшими средствами для производства оно располагало.

В России сокращение наделов после отмены крепостного права и тяжесть налогов создавали такое положение, что весь чистый доход от земледелия у крестьянина исчезает. Естественно, что при таких условиях образуется избыточное население...

Эти неблагоприятные условия являлись более или менее общими для всех районов России; рост населения должен был влиять на весь строй хозяйственных отношений и на организацию хозяйства также во всех земледельческих районах страны. Между тем, различие других условий, различие предшествующего экономического развития в различных районах страны повело и к различию положения населения, последствий его размножения и образования избыточного населения.

От крепостного права население черноземного района унаследовало, во-первых, почти полное отсутствие других промыслов, кроме земледелия, во-вторых, значительно урезанную площадь земли, находящейся в пользовании крестьян, и в-третьих, общинное землевладение. Как же отражаются эти условия на размножении населения?

Типичное земледельческое население черноземного района, особенно при общинном землевладении, находится под наименьшим влиянием народившейся сложной общественной среды. Члены общины, оставаясь на месте, производят хлеб, размножаются, создают новые хозяйства рядом со старыми, и община растет, как растет полипняк, поддерживающий на себе пышную растительность и блестящую жизнь, которая развивается на образованном полипами острове.

Так, наверху, движение и жизнь, а внизу с трудом можно проследить следы органической жизни и полное отсутствие представления о красоте солнца, о жизни на открытом воздухе. Процесс биологического существования и размножения у чисто-земледельческого населения при общинном быте гораздо труднее изменяется и осложняется, так как у него гораздо меньше почвы для проявления активности личности, даже в области своего земледельческого хозяйства. Каждая отдельная ячейка-семья размножается, растет и, наконец, делится, при чем новая ячейка-семья помещается тут же рядом, сокращая незаметно для матери-семьи поверхность необходимой для ее существования территории. Ведь каждая семья, увеличиваясь, благодаря разверсткам и переделам, увеличивает и площадь земли, находящуюся в ее пользовании, сокращая площадь, находящуюся в пользовании других [1].

---

[1]) В рассказе Вересаева «Лизар» старый крестьянин так относится к этому явлению: «Прежде... лучше было Жили смирно, бога помнили, господь-батюшка заботился о людях, назначал всему меру... Война объявится, а либо голод, и почистит народ, глядишь, другим жить свободнее стало: бабушки (местное название оспы) придут, что народу поклюют! Знай домовины готовь! Сокращал господь человека, жалел народ! А теперича нету этого. Ни войны не слыхать, везде тихо, фершелих наставили. Вот и тужит народ землею. По нашему делу... столько ребят не надобно... Говорится... дай, господь, скотинку с приплодцем, а деток с приморцем»...

Таким образом, общинный строй, при чисто-земледельческом хозяйстве, побуждает к ранним бракам[1]) и т. д. Как мы видели из процента брачности и рождаемости, общинники даже при земельной тесноте аккуратно исполняют заповедь: «плодитесь, размножайтесь, населяйте землю», и по части брачности и размножения превосходят всех европейцев, хотя, с другой стороны, превосходят и смертностью.

Размножение населения промышленных губерний значительно осложняется. Хотя земледельческая община и в промышленных губерниях предоставляет брачной паре и ее детям с известного возраста кусок малоплодородной земли, но это не побуждает к ранним бракам. Значительный процент молодежи отрывается от пуповины деревни и ищет заработка на стороне, не в земледелии, а это значительно осложняет крестьянскую жизнь; брак и рождаемость теряют значение, как средство увеличения семейного надела, потому что главным источником дохода является уже не земля, а промыслы. Крестьянин промышленных губерний не получает премии за рожденных детей; во всяком случае, премия, получаемая от общины, для него не соблазнительна. Между тем, в центральном черноземе, чем теснее земледельческое население, чем выше ценность земли, тем больше ценности имеет и право получить прибавку к семейному наделу. Судя по данным, приведенным Н. Черненковым о «молекулярном движении» внутри общины, семейное благосостояние находится часто в прямой связи с размерами семьи. Разумеется, если в лучшем положении находится большая семья, то в более худшем положении находятся малые семьи, потому что премия за рождаемость уплачивается из общего земельного фонда общинников. Многосемейные поднимаются экономически, сокращая земельный фонд малосемейных.

В промышленных губерниях ранний брак не имеет такого значения. Крестьянину-промышленнику не имеет смысла жениться слишком рано, чтобы иметь в зрелом возрасте надел и на детей; традиционный ранний брака начинает терять свою привлекательность с потерей тех привилегий, которые ему даются общинным укладом жизни.

Помимо этого, объективные условия усложненной жизни крестьянина промышленных губерний влияют на него таким образом, что брачность и рождаемость несколько уменьшаются.

Из других условий, влияющих на рождаемость и смертность населения, наиболее важное значение имеют отхожие промыслы и размеры той группы населения, которая не может удовлетворить minimum'а своих потребностей и благодаря этому вымирает.

Врач Т. Уваров в своем докладе «О влиянии отхожего промысла на санитарное положение России» указал на объективные условия, влияющие, на рождаемость детей у крестьян, занимающихся отхожими

[1]) Это вызывается своего рода предусмотрительностью. Ранняя женитьба не только прибавляет работника в семью, но и в более раннем возрасте отец гарантируется взрослыми работниками, пока еще «сам в силе». Кроме того, как увидим, при нищете населения благосостояние семьи тесно связано с количеством в ней работников.

промыслами[1]). Влияние отхожих промыслов в земледельческих и промышленных губерниях заключается в том, что зачатия, а следовательно, и роды приурочиваются к определенному времени года; первое — ко времени прихода отхожих рабочих в свою семью, а роды происходят через соответственный промежуток времени. Таким образом, неполная мобилизация населения, вызываемая отчасти теми сторонами деревенского уклада жизни, на которые мы уже указывали, отчасти медленным развитием промышленности ведет к своеобразному мальтузианству и к целому ряду неблагоприятных последствий для нарождающегося поколения.

---

[1]) Кроме работы Т Уварова, можно еще указать на работы Д. Жбанкова, касающиеся влияния отхожих промыслов на движение народонаселения отдельных районов России.

Глава II.

Малоземелье.

1. Количество земли, приходящейся на душу наличного и земледельческого населения в разных странах и районах России.—Распределение землевладения.—Условия, создающие малоземелье.—2 Данные „Материалов особого совещания“.—3. Влияние рынка на культуру хозяйства в различных районах. — Культура земледельческого хозяйства земледельческих и промышленных стран.

1.

Население центрального земледельческого района, размножаясь держалось за землю, чему благоприятствовало и общинное землевладение и отсутствие обрабатывающей промышленности. Отчасти урезка крестьянской земли при отмене крепостного права, отчасти рост населения создали относительный избыток земледельческого населения. Это явление называется, обыкновенно, малоземельем. Чтобы выяснить, что нужно разуметь под этим словом, рассмотрим размер землевладения в России сравнительно с другими странами и различие в условиях земледельческого производства.

Сопоставляя количество удобной земли (без леса) на одного человека всего населения в разных странах [1]) и количество ее, приходящееся на одного человека земледельческого населения, мы видим, что, занимая одно из первых мест по количеству земли в первом случае, Россия уступает многим странам, если принять в расчет только земледельческое население, а именно:

	Удобн. земли на 1 человека всего насел.	Удобн. земли на 1 человека землед. насел.		Удобн. земли на 1 человека всего насел.	Удобн. земли на 1 человека землед. насел
Канада	2,2	4,60	Франция	0,82	1,81
Соед.-Штаты	2,1	4,40	Венгрия	0,73	0,96
Болгария	2,05	2,82	Австрия	0,68	1,26
Россия	2,01	2,59	Германия	0,62	1,95
Испания	1,30	1,80	Италия	0,62	1,01
Дания	1,03	2,70	Соед. Королев.	0,48	2,82
Швеция	0,92	1,22	Бельгия	0,28	1,31

[1]) П. Лахтин. «Состояние сельского хозяйства в России», стр. 134, 137.

На душу земледельческого населения даже Соединенное Королевство и Дания имеют больше земли, чем Россия. При рассмотрении первого ряда цифр не может быть и речи о недостатке земли в России, потому что количество удобной земли, приходящейся на 1 душу населения, в ней почти одинаково с Канадой и Соединенными Штатами и превосходит все другие страны.

Второй ряд цифр показывает уже несколько иное положение. В Канаде и в Соединенных Штатах на одного человека земледельческого населения приходится почти вдвое больше земли. В Соединенном Королевстве и Дании, — государствах, ввозящих хлеб, — на одного человека земледельческого населения приходится больше земли, чем в России. Франция и Германия в этом отношении приближаются к России. Таким образом, по отношению к земледельческому населению в России земли не так много, как это кажется при расчете по отношению к наличному населению.

Уже из данных о площади земли, приходящейся на душу населения России, видно, что условия складываются неблагоприятно для земледельческого населения вследствие того, что оно составляет слишком высокий процент всего населения страны. Но эти общие данные еще нисколько не определяют размеров обеспеченности землей населения различных районов России. Если в западно-европейских странах такого рода общие цифры и дают некоторое представление об отношении площади земли к земледельческому населению, то в России, вследствие ее обширности, они очень мало дают. Если взять такого рода цифры порайонно, то окажется, что в Европейской России существуют огромные районы с совершенно различным отношением площади земли к земледельческому населению [1]).

РАЙОНЫ:	На 100 душ крестьянск. насел. приходится дес.		Из общей площ. земли приходится % владений		
	Крестьянских земель	Посевной площ.	Крестьянских	Частных	Казенных и Удельных
I. Южный	294,9	121,8	48,4	39,4	12,8
II. Юго-западный .	107,4 [2])	51,2	46,9	460	7,1
III. Средне-чернозем.	134,5 [2])	63,5	58,9	36,2 [2])	4,9
IV. Юго-восточный .	316,9	83,0	58,6	30,2 [2])	11,2
V. Западный . . .	165,6	62.4	44,7	46,8	8,9
VI. Промышл. черн. .	130,3 [2])	52,3	52,3	38,1	9,6
VII. Восточный . . .	206,3	83,1	31,6	19,9	48,5
VIII. Балтийский . .	176.5	42,0	43,4	46,8	9,8
IX. Промышл.	195,9	58,2	46,9	36,1	17,0
X. Столичн. губ. . .	161,8	40,3	44,9	42,8	12,3
XI. Северный . . .	267,9	44,7	7,8	4,9	87,3
По России . . .	196,0	69,6	36,9	26,8	36,3

---

[1]) «Влияние урожаев и хлебных цен». Ст. Ф. Щербина, т. II. Пользуясь этими и вышеприведенными данными о соотношении площади земель к населению, мы имеем в виду илюстрировать это соотношение в общих чертах, для общих выводов. Более точные и детальные данные необходимы в дальнейшем уже для более детальных выводов.

[2]) Напомним, что в Германии на 100 душ земледельческого населения приходится 175 д., во Франции 181 д., в Англии 282 дес., в Соед. Штатах 560 дес. Земля находится в Англии почти вся в руках крупных землевладельцев, в Пруссии 88% принадлежит среднему и крупному землевладению и т. д.

Из приведенной таблицы резко бросается в глаза следующее явление. В различных районах России количество земли по отношению к земледельческому населению крайне неравномерно. В юго-западном и центральном черноземном районах (II, III и VI) приходится земли на 100 душ земледельческого населения от 107,4 до 134,5 дес. при наивысшем проценте крестьянских земель из общей площади этих районов, при наиболее благоприятных условиях землевладения для мелких собственников.

Новейшие данные (1905 года) о землевладении подтверждают приведенную нами таблицу. Если разделить Европейскую Россию по районам, то размеры землевладения определятся следующей таблицей:

РАЙОНЫ.	Всех земель без леса	Надельных земель	Всех земель (исключ. лес) на душу всего насел.	Всех земель на душу муж. земледельч. населения	Надельн. земли на крест. двор
I. Центр.-землед.	24.626.912	16.294.440	1,91	4,92	8,6
II. Средне-Волжск.	16.559.579	11.996.835	1,79	4,57	8,1
III. Нижне-Волжск.	27.916.188	19.735.604	5,21	3,44	30,9
IV. Новоросс.	33.616.179	18.491.278	3,11	8,65	14,0
V. Юго-западн.	11.081 052	6.159.829	1,15	3,30	5,53
VI. Малоросс.	11.908.498	7.187.809	1,56	4,1	6,1
VII. Московск. пром.	14.326 816	11.337.302	1,56	5,8	8,3
VIII. Белорусский	15.169 052	7.094.598	2,21	4,34	9,25
IX. Приуральск.	21.253.646	22.307.281	2,59	6,68	16,83
X. Крайн.-Северн.	29.742.860	4.037.220	17.61	43,53	10,23
XI. Приозерный	13.690.166	9.238.357	2,96	10,0	17,14
XII Литовск.	7.682.312	4.406.220	1,62	4,69	11,48
XIII. Прибалт.	5.371.250	2.483.807	2,25	10,0	39,8

Из этой таблицы мы видим, что в некоторых районах всех земель, включая частновладельческие, казенные, удельные и других учреждений, приходится мало на мужскую душу земледельческого населения. Надельных же земель на крестьянский двор в юго-западном районе всего приходится 5,53 дес. Между тем, нужно принять во внимание, что есть во всех районах крестьянские хозяйства со значительными наделами.

В промышленном районе, хотя, в среднем, наделы также невелики, но там, как увидим, значительная часть населения занята промыслами, и малоземелье не имеет такого значения, как в черноземных районах. Итак, при более редком населении сравнительно с Западной Европой, по отношению к земледельческому населению, земли, особенно надельной, мало, и в некоторых районах очень остро чувствуется малоземелье.

Далее, в первой таблице бросается в глаза чрезвычайно низкий процент площади посева к общей площади земли, находящейся у крестьян. Если сопоставить отношение площади посева к общей площади земли в западно-европейских странах и в России, то разница будет очень резкой.

Например, сопоставление распределения земли по угодьям в России и в Германии дает следующие цифры:

	Европейская Россия	Германия
Пашня	26,2	48,8
Луга	15,9	11
Выгоны		5,3
Огороды		9,1
Лес	38,8	25
Неудобные земли	19,1	—

Распределение землевладения между различными общественными группами в России благоприятнее для земледельческого населения, чем в других странах. Хотя значительная часть земли была отрезана у крестьян в пользу помещиков при отмене крепостного права, тем не менее в руках крестьян находится гораздо большая часть земли, чем даже в классической стране мелкого землевладения— во Франции.

Во Франции площадь земли, принадлежащая крупным землевладельцам, занимает 45% удобной для земледелия площади земли. В Англии почти вся земля находится в руках крупных собственников. В Пруссии из всей земли, принадлежащей частным собственникам, 88% принадлежит среднему и крупному землевладению. В Соединенных Штатах Северной Америки большая часть земли принадлежит среднему землевладению, а мелкое землевладение занимает относительно небольшую площадь. Следовательно, земельная собственность в России распределена более благоприятно для земледельческого населения, чем в других странах. При преобладании мелкого землевладения, в России малоземельных хозяйств меньше, чем в других странах. И в этом отношении русское крестьянское хозяйство находится в более благоприятных условиях, чем мелкое хозяйство других стран. Между тем как в России хозяйства менее 5 десятин составляют 10,6% всех крестьянских хозяйств [1]).

		Дес.		%		
Во Франции	менее	4,55	имеют	71,4	всех	хозяйств
В Великобритании	»	7,4	»	55,3	»	»
» Ирландии	»	5,55	»	38,6	»	»
» Германии	»	4,55	»	76,5	»	»
» Бельгии	»	4,55	»	90,1	»	» и т. д. [2]).

Повидимому, в России оказываются наиболее благоприятные условия для земледельческого населения. Площадь удобной земли по отношению к наличному населению наибольшая во всем Старом Свете и немногим уступает площади земли в Соединенных Штатах; распределение земли — наиболее благоприятное для массы земледельческого населения. Очевидно, малоземелье и перенаселение нужно понимать в особенном смысле, не в смысле абсолютного избыточного

[1]) См. энцикл. словарь Брокгауза - Ефрона, сл. «Крестьяне»; по данным 1905 г. % хозяйств, имеющих меньше 5 дес., поднялся до 23,3.

[2]) П. Лахтин. «Сост. сел. хоз. в России», стр. 141.

населения на данной территории, а в смысле относительного перенаселения, благодаря каким-то неблагоприятным социальным условиям.

Выше мы указали на одну сторону распределения населения, резко отличающую Россию от других культурных стран: при изобилии земли по отношению к наличному населению в России не замечается такого изобилия по отношению к земледельческому населению. Таким образом, уже на размерах землепользования отражается распределение населения России между различными отраслями промышленности: преобладание земледельческого населения и незначительное количество населения, занятого обрабатывающей промышленностью, повело уже к сокращению площади земли на каждого человека, занятого в земледелии.

Благодаря этому в более плотно населенных земледельческих районах, если бы вся земля принадлежала крестьянам, то и тогда у земледельческого населения этих районов (центральный и юго-зап. черноз.) было бы меньше земли, чем во многих европейских странах.

Анализируя условия развития производительных сил в земледелии, мы пришли к заключению, что в плотно населенных районах все большая и большая часть населения должна переходить из земледелия в индустрию, что без развития индустрии должна произойти остановка в развитии и даже падение производительных сил. Симптомом такой остановки является «малоземелье», вызванное относительным избытком земледельческого населения.

Из приведенных цифр видно, что в среднем в России на душу наличного населения приходится довольно много земли, распределенной более благоприятно для крестьян, чем в других странах. Даже в центральном черноземном районе, наиболее страдающем от малоземелья, земли мало не по отношению к наличному населению, а по отношению к земледельческому населению. При существующих социально-экономических отношениях оно все не может кормиться от земли. Малоземелье создается не только распределением земли и продуктов, но и недостаточностью продуктов для всего земледельческого населения.

При очень большой площади земли по отношению к наличному населению, по размерам площади посева наличного земледельческого населения в некоторых районах оно находится в худшем положении, чем земледельческое население Западной Европы, хотя условия земледелия, повидимому, там менее благоприятны для населения.

Но площадь посевов еще не определяет количества получаемого населением хлеба с засеянных земель. Если сопоставить урожайность хлебов различных стран с урожайностью в России, то мы найдем, что урожайность земель в России наиболее низкая. Между тем как в Англии с одной десятины чистый остаток пшеницы [1]) получается

[1]) Сборы других хлебов в России приблизительно находятся в таком же отношении к урожаям в других странах, как и урожаи пшеницы. Напр., овса собиралось в 1895—99 гг. в Голландии с десятины 135 пуд., в Бельгии 128, в Англии 115, в Германии 105 и т. д.; в 50 губ. Европ. России — 44 пуд., в 10 польских — 47 пуд. См. П. Лахтин. «Сост. сел. хоз». Ан. Радциг. «Произв. и потребл. овса на всем свете».

124 пуда, во Франции 70,5 пуд., в Германии 77 пуд., в России в среднем 28,2 пуд. с десятины.

Итак, в России «малоземелье» совсем особого рода. При большем количестве удобных земель по отношению к наличному населению, чем во всех других европейских странах, при преобладании мелкой собственности, земледельческое население получает мало хлеба:

Во-1-х, от того, что, земледельческое население составляет слишком большую часть общего населения страны, следовательно от недостаточного развития обрабатывающей промышленности.

Во-2-х, от того, что, при неравномерном распределении населения по территории, в плотно населенных районах избыточное население не переходит в индустрию.

В-3-х, от того, что посевы составляют небольшую часть общей площади пахотной земли.

В-4-х, от низких урожаев с посевной площади.

Выше мы привели общие данные об образовании малоземелья. В материалах, поступивших в «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», есть довольно интересные данные о процессе изменения условий сельского хозяйства в России, который выражается в падении производительности сельско-хозяйственного труда.

2.

Среди материалов, посвященных анализу экономической действительности, по обилию цифровых данных первое место занимает «Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний», составленное А. Д. Поленовым. Картина состояния сельского и отчасти финансового хозяйства в России по этим данным получается довольно безотрадная.

Производительность земледельческого труда, по данным, приведенным А. Поленовым[1]), с 1861 по 1895 год последовательно падала. «В количестве высеваемых хлебов, сравнительно с ростом населения, произошла повсеместная убыль: в среднем по 50 губерниям Европейской России на каждого едока крестьянского населения высеяно в пятилетие 1891—96 годов лишь 65% того, что высевалось в 1861—65 г.г. Это явление объясняется приростом населения, а кроме того, как показывают цифры, значительным возрастанием посадок картофеля, т.-е. занятием под этот корнеплод все большей площади, прежде занятой хлебом». При этом нигде понижение посевов не достигло таких размеров, как по центрально-черноземной группе губерний: в общем по Европейской России они понизились на 36%, при чем по всем остальным группам, кроме промышленной, оно достигло этого размера, а по центрально-черноземной произошло понижение на 44%, т.-е. почти на половину. Значительное уменьшение посевов относительно населения произошло и по группе промышленных губерний, но тут это представляется вполне естественным, ввиду

---

[1]) А. Поленов. «Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний».

отлива населения от земли к фабрикам, и, очевидно, эти губернии не могут быть в этом отношении сравниваемы с так называемой «житницей России».

Но количество высеянных хлебов еще не указывает прямо на падение производительности труда земледельческого населения. Данные о сборе хлебов на душу наличного населения дают прямой ответ на вопрос о состоянии и развитии производительности труда. Эти данные также констатируют значительное падение производительности земледельческого труда. Общий сбор хлебов по отношению к населению в 50 губерниях Европейской России сократился на 12%. За исключением промышленного района, где значительная часть населения занята неземледельческими промыслами, и южных губерний, где сбор хлебов на душу наличного населения значительно увеличился, в остальных губерниях сбор хлебов колебался: в юго-западных, малороссийских и северо-западных несколько повысился; в восточных, прибалтийских и северных понизился на 2,8 и 11 процентов. Между тем, в центрально-черноземных губерниях сборы хлебов по отношению к наличному населению понизилось на 27%. Правда, отчасти на счет сокращения сбора хлебов произошло увеличение сбора картофеля, но это указывает лишь на ухудшение питания массы населения. Принимая в расчет и сбор картофеля, оказывается, что по губерниям промышленным и северным произошло незначительное и при том же не имеющее большого влияния на экономический строй их жизни понижение количества питательных продуктов, получаемых населением от земли; почти по всем остальным губерниям произошло увеличение, местами весьма значительное, и только по центрально-черноземной группе сокращение выразилось в 33%. Эта убыль в продуктах питания не пополнена избытком потребления мяса, овощей и т. п., а составляет действительную убыль, которая была разложена между населением, в виде сокращения питания, и между хозяйственным скотом, также или в виде ухудшения его корма, или просто повела к распродаже скота.

Количество надельной и вненадельной земли на душу населения сократилось почти во всех губерниях. Тем не менее, сокращение сбора хлебов распределилось далеко неравномерно и непропорционально сокращению посевов: в некоторых районах сборы хлебов даже увеличились. Очевидно, урожайность земли в центральном черноземном районе меньше повысилась, чем в других районах, и отставала от роста населения. Этот вывод подтверждается и данными о сборах хлебов с десятины земли, приведенными В. Покровским в книге «О влиянии урожаев и хлебных цен».

В зависимости от такого состояния земледелия, количество запасов хлеба в общественных магазинах на душу населения с 60-х годов постепенно падало.

Движение крестьянского коневодства по данным военно-конской переписи и по данным департамента окладных сборов, за период с 60-х годов до первой половины 90-х, показывает наибольшее сокращение конской силы в руках земледельческого населения центральной черноземной полосы.

Таким образом, производительные силы земледельческого населения, по данным, приводимым А. Поленовым, падают. Эта мрачная картина дополняется данными, приводимыми другими авторами «материалов», поступивших в особое совещание. Проф. Р. Э. Ленц прежде всего констатирует образование избыточного земледельческого населения, которое повело к констатированному выше сокращению наделов и падению производительности земледельческого труда. «При сопоставлении данных о внегородском населении выходит, что оно увеличилось в общем на 10,1%, в нечерноземной (полосе) на 19,5%, в черноземной—на 20,8%; переводя затем то количество десятин на 1000 душ, какое было в 1888 и 1889 годах, оказывается, что за этот период последовало весьма значительное понижение этого количества: в общем количество земли сократилось на 13,3%, в черноземной полосе—на 14,9%, в нечерноземной—на 9,7%. При дальнейших подсчетах автор приходит к заключению, что для той же работы на тысяче десятинах в 1899 году было лишних 176 человек против 1887 года». В общей сумме эти лишние люди, оказавшиеся на той же земле, во всех 60 губерниях составляли 12 миллионов человек.

Часть этого избыточного населения занята на фабриках, заводах и железных дорогах, часть в мелкой кустарной промышленности; но и крупная и мелкая промышленность развиты, главным образом, в нечерноземной полосе.

Сбор хлебов по отношению к внегородскому населению, по заключению г. Ленца, сократился в среднем по 2 пуда на душу, т.-е. на 6,1%, при чем уменьшение произошло, главным образом, в черноземной полосе, а именно по 4 пуда сбора на 1 душу.

Общий сбор хлебов высчитан г. Ленцем по размерам посева и количеству посевов на десятину. Но это еще не определяет урожайности. Ввиду этого г. Ленц исследовал и урожайность. Оказалось, что «для всей России средняя урожайность за 8 лет (1891—1899 г.г.) составляет 44,0 пуд., для первой половины этого периода—44,9 пуд., а для второй—43,1 пуд. В черноземной России за первую половину этого периода средняя урожайность была 44,5 пуд., за вторую—41,3. В нечерноземной России соответствующие цифры оказались—45,8 и 46,4 пуд. Из этих данных видно, что *средняя урожайность возрастает в нечерноземной полосе и падает в черноземной*.

Так как *размер посевов на десятину в черноземной полосе гораздо меньше*, чем в нечерноземной, и так как почва остается там без всякого удобрения, т.-е, ведется более экстенсивное хозяйство, то по мнению автора, об истощении чернозема не может быть и речи.

Из всех областей наибольшая урожайность встречается в прибалтийской. Это объясняется *исключително наилучшей постановкой сельского хозяйства*, так как «природа не одарила эту область ни особенно богатой почвой, ни благоприятными климатическими условиями». Второй по степени урожайности является привислинская область, и *по тем же причинам*. В черноземном районе наибольшая урожайность наблюдается в юго-западных

губерниях и наименьшая — в восточных. Таким образом, урожайность земли находится в прямой зависимости не столько от качества земли, сколько от тщательности, интенсивности ее обработки.

В связи с этим находится и распространение культуры хлебов. «Пшеница по урожайности в черноземной полосе стоит низко, в нечерноземной, наоборот, дает наибольшую урожайность, очевидно, потому, что возделывание ее требует тщательного ухода, который наблюдается именно в нечерноземной полосе». Как результат такого положения сельского хозяйства в России, г. Ленц констатирует, что втечение десяти лет не было ни одного года, в котором в какой-либо губернии не было бы большого недостатка в продовольствии. «Только 39 губерний ни разу не имели такого недочета, из остальных же губерний в 9 он был по одному разу, в 7 губерниях — по два раза, в 3 — три раза и в 2 — четыре раза». Вместе с тем и в черноземной, и в нечерноземной полосе существует огромный недостаток кормовых средств для необходимого количества скота. В нечерноземной полосе требуется увеличить получение сена лишь на 25%, между тем как в черноземной полосе требуется получать сена в три раза больше наличного количества для содержания недостающих 10 милл. рогатого скота и 8½ милл. лошадей.

Другой автор (А. Ф. Филатов) констатирует увеличение вывоза таких дешевых продуктов, как жмыхи и отруби, служащих кормом скоту, и сокращение вывоза другого продукта — сала. Так, за пятилетие 1888 — 1893 г.г. ежегодно вывозилось по 202 тыс. пудов сала, а с 1892 по 1899 г. вывоз сала упал до 100 тыс. пудов. В то же время ввоз сала увеличился в огромной пропорции. Это явление служит небольшой, но яркой иллюстрацией полного расстройства сельского хозяйства, так как в других земледельческих странах вывоз продуктов животноводства играет огромную роль.

На-ряду с упадком производительности сельскохозяйственного труда, улучшение техники влияющей на производительность и земли и труда, идет крайне медленно. Улучшенные сельскохозяйственные орудия производятся в ничтожном количестве, несмотря на запретительные таможенные пошлины, а ввоз сельскохозяйственных орудий хоть и возрастает, несмотря на пошлины, но это возрастание идет на счет сложных орудий, ввозимых из-за границы беспошлино и употребляемых только в крупных имениях. В. И. Покровский в записке, представленной особому совещанию, приводит следующие данные:

Годы	Ценность производства		Привоз		Ценность машин, поступивших на рынок	
	Всех машин	В том числе сельскохозяйствен.	Всех машин	В том числе сельскохозяйствен.	Всех машин	Сельскохозяйствен.
	В миллионах рублей					
1887	49,9	5,1	15,3	1,7	65,2	6,8
1893	66,0	8,1	28,8	3,6	94,8	11,7
1897	142,3	9,2	54,8	4,6	197,1	13,8

Из этих данных видно, что потребление не-сельскохозяйственных орудий и машин в России увеличивалось в гораздо большей степени, чем сельскохозяйственных орудий. При этом характерно то, что во-первых, Россия является, главным образом, страной земледельческой, а сельскохозяйственных орудий потребляется мало; во-вторых, главная масса сельскозяйственных орудий производится на юге и ввозится из за-границы в южные окраины. В центральном черноземном районе сельскохозяйственные орудия распространяются в ничтожных размерах. Станциями получения ввозимых из за-границы сельскохозяйственных орудий являются станции губерний Екатеринославской, Таврической, Херсонской, областей войска Донского и Кубанской.

Точно также производство сельскохозяйственных орудий сосредоточивается, главным образом, в первых трех из перечисленных губерний. Из общей суммы производства сельскохозяйственных орудий в России—9,5,6 милл. руб. в губерниях Екатеринославской, Таврической и Херсонской—в 1894 году было произведено на сумму:

В Екатеринославской губ.	2,69	милл. руб.
„ Таврической „	2,04	„ „
„ Херсонской „	1,22	„ „

т. е. на сумму около 6 милл. руб.—две трети, если присоединить сюда производство Харьковской губернии. Есть основание думать, что все данные относительно внутреннего производства ниже действительности; тем не менее, относительное значение приведенных цифр от этого не изменяется. Во всяком случае, можно констатировать факт, что из всей небольшой суммы употребляемых сельскохозяйственных орудий наиболее населенная центральная часть России пользуется наименьшей долей.

Сопоставляя в своей записке положение сельского хозяйства в России с положением его в других странах, М. Федоров находит, что Россия во всех отношениях далеко отстает от других культурных стран. «Серьезное повышение урожайности, особенно за последнее время,—явление общее почти всем странам, кроме России. В Германии, напр., средняя урожайность ржи в десятилетие 1887—1896 г.г. повышается против средней за предшествовавшее десятилетие на 10%, а в 1889 году даже на 52%. В Дании сбор хлебов с акра повысился в среднем за пятилетие 1894—1898 г.г. против пятилетия 1875—1879 г. для пшеницы на 25%, для ржи на 7%, для овса на 17%, для ячменя на 11%, а для трав, корнеплодов и картофеля на 18%, 14%, и 59%. Еще большее повышение урожайности произошло в Бельгии в 1895 г. против 1880. Наконец, в Северо-Американских Соединенных Штатах средний сбор с акра за десятилетие 1889—1898 г. против такового же за десятилетие 1880—1889 годы повысился: для пшеницы на 10%, для ржи на 14%, для ячменя на 2% и только для овса понизился на 2%, что объясняется неурожаем 1890 года; во второй же половине последнего десятилетия средний сбор овса с акра превысил среднюю урожайность этого хлеба за десятилетие 1880—1889 г.г. на 11%».

Между тем, в России урожайность в несколько раз ниже, чем в западно-европейских странах и незаметно ее повышения. При этом автор указывает, что Россия отстает и от требования рынка, «не умея или, по тем или другим причинам, не имея возможности отказаться от установившегося у нас издавна строя сельского хозяйства, несмотря на то, что он становится и экономически, и технически прямо невыгодным». Это доказывается огромными посевами ржи. На долю России приходится более половины всего мирового сбора ржи, а засевает она рожью слишком 65% общей площади, отводимой под рожь во всем мире.

На-ряду с преобладанием менее выгодных культур, распределение земли по угодьям в России наименее выгодное.

Общий вывод, вытекающий из изложенных фактов, вполне ясен: земледельческое хозяйство в России падает,[1]) и в настоящее время нет никаких признаков, которые указывали бы на то, что такое состояние хозяйства, при настоящих условиях, изменяется к лучшему. На всем обширном пространстве России есть лишь большие оазисы, где стечение благоприятных условий задерживает общий процесс экономического регресса.

Недостаток средств существования у массы земледельческого населения побуждает его искать заработков на стороне, и миллионы сельскохозяйственных рабочих блуждают из одного края обширной страны в другой, часто без всяких результатов. Г. Цабель[2]) в своей записке перечисляет все невзгоды сельскохозяйственных рабочих и все убытки, какие терпит от такого положения страна.

Таким образом, в большей или меньшей степени все авторы «материалов» сходятся в том, что положение сельского хозяйства критическое. Единственную прогрессивную сторону в сельском хозяйстве некоторые авторы видят в распространении травосеяния, но район его распространения незначительный; притом развитие травосеяния лишь задержало процесс разорения, в других местах выразившийся более резко. Травосеяние как раз распространяется в таких районах, где неземледельческие промыслы играют наибольшую роль.

При обрисованном таким образом положении сельского хозяйства, при падении производительных сил населения, при недостатке средств существования у значительной части этого населения,— государственный бюджет в России быстро расширяется.

По исчислениям, весьма, впрочем, неточным[3]), весь хозяйственный оборот страны и в добывающей и в обрабатывающей промышленности достигает 6—7 миллиардов рублей в год.

Из этого общего оборота страны около двух миллиардов извлекается в виде прямых и косвенных налогов и тратится уже в виде государственных расходов, но лишь ничтожная часть этих расходов

[1]) Данные относятся к концу XIX столетия.

[2]) «Содействие крестьянскому населению и отхожим рабочим» «Вестник Фин.», № 28. Приложение.

[3]) «Труды особого совещания». А. Д. Поленов, «Исследов. экон. положения центр.-черноз. губ.».

идет на потребности населения. По данным, приведенным А. Поленовым за 1897 год, кроме губерний Петербургской и Московской, расходов, имеющих большее или меньшее значение для развития производительных сил (меры хозяйственные, учебная часть, пути сообщения и медицина), было затрачено на душу населения в районах:

Центр. черноз.	18	коп.	Юго-зап.	42,8	коп.
Восточн.	22,7	„	Сев.-Кавказ.	32	„
Промышл.	23	„	Прибалт.	84,4	„
Малоросс.	31,5	„	Северн.	57	„
Северо-зап.	38,2	„	Южном	47	„
Закавказск.	11	„	Польском	65	„

Такую картину рисуют авторы материалов, представленных в особое совещание[1]). Из нее ясно видно падение производительных сил центрального земледельческого района.

3.

Увеличение емкости территории для земледельческого населения возможно при повышении производительности земли, ее урожайности. Из теории ренты наиболее важным выводом является положение, что близость рынка является одним из необходимых условий для повышения производительности земли. Но повышение производительности земли еще не ведет к повышению производительности труда. Для того, чтобы повышалась производительность труда, т.-е., чтобы на каждую душу земледельческого населения производилось больше хлеба, нужно, чтобы земледельческое население относительно сократилось, чтобы для обработки данной площади земли требовалось меньше рабочих рук. Для повышения же производительности з е м л и необходимо, чтобы были выгодны затраты капитала на ту же землю, необходимо образование ближайшего рынка для продуктов земледелия, образование многочисленного промышленного неселения. Точно также для повышения производительности земледельческого труда, которое возможно при сокращении рабочих рук, занятых в земледелии, необходимо развитие индустрии, потому что тогда по отношению к земледельческому населению площадь земли увеличится. Образование

[1]) Кстати об этих материалах. Обрисовавши таким образом положение сельского хозяйства в России, авторы представили и различные проекты для его подъема. В этих проектах по разному, но всегда чрезвычайно просто, решается вопрос; предлагается что-нибудь предписать, или упразднить, или водворить: упразднить общину, ввести травосеяние, уничтожить овраги и проч., и проч. Прочитавши нашу книгу, любители проектов упрощенного воздействия также могут создать проект: «предписать через волостные правления мужикам иметь в каждом дворе высшие производительные силы, над чем предоставить полицейским урядникам неослабное наблюдение, а падающую производительность труда признать вредной и упразднить». По крайней мере в таком роде проекты представлены в особое совещание некоторыми сведующими людьми.

Впрочем, даже искренние, повидимому, радетели о мужике часто толкуют о мирных «территориальных завоеваниях», требующих соответственных материальных средств. Газетные и журнальные иностранные обозреватели довольно часто выражают желание делать «мирные завоевания» за счет... других.

неземледельческого населения, отвлекая избыточные производительные силы из земледелия, создает вместе с тем и рынок для продуктов земледелия, В Соединенных Штатах Сев. Америки приходится почти вдвое больше земли на душу земледельческого населения именно потому, что значительная часть населения занята в обрабатывающей промышленности. В Англии больше земли на душу земледельческого населения, чем в России, и производительность земли в несколько раз выше, потому что большая часть населения занята в других отраслях промышленности, и, благодаря этому, создался огромный рынок для продуктов земледелия.

Наконец, в промышленном районе России, благодаря развитию индустрии, емкость территории почти удвоилась, урожайность земли, с одной стороны, и производительность труда в индустрии, с другой,— несколько повысились. Значительная часть населения перешла к обрабатывающей промышленности, хотя и держится еще за земледелие. При этом урожайность земли поднялась выше, чем в других частях России. Сопоставляя[1]) данные об урожайности за период с 1857 по 1893 год в черноземных и промышленных губерниях, получим следующее отношение их по урожайности. 7 губерний северного чернозема (Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская, Черниговская) и 7 промышленных губерний (Тверская, Московская, Смоленская, Калужская, Владимирская, Ярославская и Петербургская) давали в период с 1857 по 1883 г. следующие урожаи:

Урожай озимых хлебов за 10 лет 1857—66 г.г. сам-сколько.		Урожай ржи за 11 лет 1883—1893 г.г. в четвертях.	
Черноз. губ.	Промышл. губ.	Черноз. губ.	Промышл. губ.
3,6	3,3	4,9	5,3
3,4	3,0	5,2	4,8
3,9	2,8	4,7	5,5
3,5	2,7	4,9	4,9
3,9	2,9	5,5	4,4
4,1	3,1	4,8	4,5
3,4	3,5	3,8	6,2

Средняя арифметическая первого ряда цифр (3,7) (урожай в черноземных губ. в 1857—66 г.г.) выше второй (в промышленных губ. за те же годы) (3,0) на 0,7 или на 19%, между тем как средняя арифметическая третьего ряда (урожай в черноземных губ. 1883—1893 г.г.) (4,9) ниже средней арифметической четвертого ряда (в нечерноземных губ.) (5,1) на 0,2. Если мы не можем сравнить абсолютные цифры урожайности вследствие различия единицы меры (сам-сколько для 60-х годов и в четвертях для 80-х), то относительное изменение урожайности в различных районах поддается определению. В промышленных нечерноземных губ. урожайность значительно повысилась сравнительно с черноземным земледельческим районом.

---

[1]) Данные для сопоставления заимствованы из таблиц в книге «Влияние урожая и хлебных цен», т. II прилож. табл. I—XVI. В этом случае важна не столько точность абсолютных цифр, сколько относительная их величина.

Выше мы привели выводы проф. Ленца, подтверждающие факт относительного падения урожаев в центральном черноземе.

Близость к рынку, т.-е. к району, куда требуется **ввоз** хлеба, определяет цены на хлеб. Рассматривая распределение различных районов России по отношению к рынкам, мы находим два главных рынка: мировой рынок, к которому тяготеют расположенные около Черного и Балтийского морей земледельческие районы, вывозящие хлеб, и внутренний промышленный рынок, куда ввозится хлеб из соседних губерний. По отношению к первому благоприятнее всего расположены районы ближайших приморских губерний, так как водный путь самый дешевый, следовательно,— губернии прибалтийские. К внутреннему, промышленному району ближе расположены промышленные нечерноземные губернии: центром его является Москва.

Вследствие того, что на мировом рынке может конкурировать только дешевый хлеб экстенсивных хозяйств, местные цены на хлеб должны быть ниже в районах, производящих и на внешний, и на внутренний рынки, чем в ближайших районах к внутреннему рынку.

Поэтому в центральном черноземном районе и в восточных губерниях, производящих хлеб и на внешний, и на внутренний рынки, цены на хлеб должны быть ниже, чем в районах, ближайших к внешнему рынку (Прибалтийский край), и чем в районах, ближайших к внутреннему рынку (промышленные губернии). Цены на хлеб в этих районах были за семилетие (1890—1896 г.г.) следующие [1]:

Рожь

	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	Средняя за 7-летие.
Рига	74,4	190,0	109,1	82,2	60,5	57,2	55,8	78,2
Ростов н/Д.	57,0	91,8	84,6	59,5	42,4	44,3	45,4	60,7
Москва	76,2	118,6	123,1	84,3	63,7	42,9	40,5	78,4
Самара	55,4	101,4	91,3	55,7	35,8	30,5	27,7	56,9
Елец	53,3	99,7	100,9	65,3	43,5	38,8	37,4	62,7

Пшеница

	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	Средняя за 7-летие.
Рига [2])	94,5	118,0	118,9	96,0	71,8	74,0	82,0	93,6
Ростов н/Д. [2])	88,9	109,4	100,3	80,7	62,2	63,4	74,6	82,7
Москва	100,0	123,2	126,8	104,7	83,6	68,2	68,5	96,4
Самара	73,4	112,7	115,2	78,6	57,4	49,5	51,5	76,9
Елец	77,3	104,0	113,4	88,4	67,8	61,2	64,4	82,3

Из сопоставления цен на хлеб в различных районах России видно, что развитие внутреннего рынка ведет к повышению цен на хлеб.

---

[1]) «Свод товарных цен на главных рынках России». Изд. Министерства финансов 1897 г.

[2]) Стоимость фрахта и страхование до Лондона находится в таком отношении: в 1891 году от Либавы—4,94, от Ростова на Дону—12,55. А. Шишкин.- «Сельско-хоз. эконом», ч. I, стр. 349. Таким образом, на окраинах (в Риге, Ростове на Дону) разница в ценах на хлеб находится в зависимости лишь от стоимости провоза до рынка, а не от характера хозяйства.

В Москве цены на хлеб самые высокие, выше даже чем в Риге, ближайшем пункте к мировому рынку — Англии и Германии.

Так как культура земли определяется главным образом ценами на хлеб, то интенсивность хозяйства, а следовательно, и повышение урожайности земли, должна быть более в районах с высокими ценами на хлеб, в районах, ближайших к рынку, следовательно, в Польше с Прибалтийским краем и в промышленном районе. Это видно из приведенных выше данных об изменении урожайности земли с 1857 — 66 г.г. по 1883 — 93 г.г. В нечерноземных губерниях урожайность значительно более повысилась, чем в черноземных, т.-е. в ближайших [1]) к внутреннему рынку районах земледелие делается интенсивнее. Следовательно:

Во-первых, развитие внутреннего рынка, благодаря развитию промышленности, увеличивает емкость территории не только по отношению к промышленному, но и земледельческому населению, так как интенсивное хозяйство в земледелии требует больше рабочих рук, чем экстенсивное, и повышает урожай.

Во-вторых, при данном распределении земли и продукта, получаемого в том или другом районе, малоземелье должно чувствоваться острее при отсутствии обрабатывающей промышленности.

В-третьих, несмотря на недостаточность земли, при избыточном земледельческом населении, не только падает производительность труда, потому что все меньшая и меньшая площадь земли приходится на одного работника, но и потому, что урожайность земли не может повышаться или повышается в ограниченных пределах.

Из сравнения урожайности хлебов в различных странах видно, что та же самая картина, как в России по отношению к внутреннему и внешнему рынкам, получается по отношению к центральному мировому рынку. В тех странах, где больше развита промышленность, где цены на хлеб выше, урожайность хлебов также выше. Разумеется, это не случайность, и теория ренты вполне удовлетворительно объясняет такое явление.

Если даже урожайность земли в промышленном районе не повысилась, то и в таком случае, благодаря развитию индустрии, в промышленном районе произошло некоторое развитие производительных сил населения (в индустрии). Хотя по отношению к увеличившемуся населению продуктов земледелия производится меньше, но другая

---

[1]) По «Временнику центрального статистическ. комитета», изд. 1902 г., за пятилетие 1896—1900 г.г. средний сбор главных хлебов был:

	Рожь озим.	Пшеница яров.	Овес.
В 50 губ. Европ. России . .	46,7	37,4	44,4
„ Царстве Польском . . .	56,3	66,3	47,8
„ Сибири	42,7	49,0	54,0
„ Степных областях . . .	33,7	44,8	54,0

Так как урожайность хлебов в малокультурных хозяйствах в гораздо большей степени зависит от качества почвы и климатических условий, то влияние культуры земли выражается не в абсолютных цифрах, а в изменении урожайности.

часть населения производит больше продуктов обрабатывающей промышленности, развитие производительных сил в индустрии, во всяком случае, произошло при производстве того же количества продуктов земледелия.

Выше из сопоставления России с другими странами мы констатировали, что «малоземелье» получается:

1) от того, что земледельческое население составляет слишком большую часть общего населения страны, следовательно, от недостаточного развития обрабатывающей промышленности;

2) от того, что посевы составляют небольшую часть территории;

3) от низких урожаев с посевной площади.

Отношение площади посевов к общей площади земли в значительной степени обусловливается культурой хозяйства, точно так же, как и урожайность.

Расширение площади посевов может происходить: 1) благодаря переходу неудобных земель для хлебопашества в удобные земли и 2) благодаря сокращению площади выгона и главным образом — пара.

Сокращение площади неудобных земель и превращение их в удобные обыкновенно требует значительных затрат, выгодных только при достаточно высокой цене хлеба, окупающей сделанные затраты. А высокая цена хлеба, как видно уже из теории ренты, возможна при приближении рынка к району производства хлеба, т.-е. при развитии индустрии. Точно также лучшая культура земли, повышающая урожайность и сокращающая площадь пара, в значительной степени связана с новыми затратами, выгодными при более высоком minimum'е цен на хлеб. Т.-е. расширение площади посева так же, как и повышение урожая, одинаково связано с повышением цен на хлеб[1]), с ростом неземледельческого населения.

Из теоретического анализа условий развития земледелия было видно, что для увеличения затраты на ту же площадь земли, для

---

[1]) В записке «По поводу возможного подъема земельной производительности в России», представленной особому совещанию, инженер Мордухай-Болтовской указывает одно из чисто технических условий, при котором производительность земли может увеличиться, а именно — на значение искусственного орошения. «Наблюдения, произведенные в двух имениях Саратовской губернии (г. Бартенева и графини Шуваловой), показали, что пшеницы родилось на орошенных полях с десятины в 3,7 раза больше, чем на неорошенных, а ржи с орошенных полей собрано в 3,4—4 и 1,7 раза более, чем с полей без орошения.

Полагая, что орошение увеличивает урожайность пшеницы в среднем в три раза, общее производство ее для всей России при орошении составило бы вместо 601 милл. пуд.—$601 \times 3 = 1.803$ милл. пудов, а ржи при тех же условиях получилось бы вместо 999 милл. пуд.—$999 \times 3 = 2.997$ милл. пудов. Это, по ценам в 90 коп. для пшеницы и 70 коп. для ржи, составило бы возможный прирост народного богатства только от этих двух хлебов почти $2^{1}/_{2}$ миллиарда руб. Если бы цены упали даже на половину, то и тогда этот доход был бы слишком достаточным.

Орошение полей и лугов может быть выполнено задержкой стока весенних вод и использованием подземных вод.

Стоимость устройства для орошения полей обходится от 57 до 175 рублей с десятины. Если принять эту стоимость даже в 200 руб., то и тогда расход этот покрылся бы очень скоро. По вышеуказанному увеличению урожайности

повышения урожайности и для перехода к худшим землям требуется увеличение спроса на продукты земледелия.

Если сопоставить урожайность земель в странах, ввозящих хлеб, и в странах вывозящих, то мы увидим, что урожайность выше в странах, ввозящих хлеб, с промышленным населением и высокими ценами на хлеб:

СТРАНЫ ВЫВОЗЯЩИЕ	Чистый остаток с десятины пшеницы[1]) Пуды	СТРАНЫ ВВОЗЯЩИЕ	Чистый остаток с десятины пшеницы. Пуды.
Соединеннные Штаты	50,3	Соединен. Королевство	124,4
Россия (Новороссия)[2])	25,0	Дания	179,2
Канада (Онтарио)	62,3	Голландия	111,3
Австрия	40,2	Бельгия	111,3
Британ. Индия	40,0	Швеция	100,2
Алжир	43,9	Норвегия	99,3
Австралия	63,8	Германия	77,0
Румыния	61,1	Франция	70,5
Аргентина	79,0	Испания	74,8
Среднее	51,7 п.	Среднее	105,4 п.

Очевидно, не только в России, но и в других странах высота урожая находится в связи с условиями спроса на хлеб. В странах, в которых промышленное население относительно ничтожно, внутреннего рынка нет и хлеб вывозится, урожайность земли ниже, ведется экстенсивное хозяйство, и цены на хлеб также ниже. Напротив, в странах, ввозящих хлеб, урожайность земли выше, потому что промышленное население образует обширный внутренний рынок, потребляющий продукты земледелия не только непосредственно (хлеб, мясо и др.), но и в производстве (обработка дерева, волокнистых веществ, кож и т. п.). Следовательно, все перечисленные выше причины малоземелья сводятся к одной — к относительно высокому проценту земледельческого населения из всего наличного населения страны, ибо:

1) при переходе части населения в индустрию площадь земли по отношению к оставшемуся земледельческому населению увеличивается;

в три раза, общий доход с десятины увеличился бы, вследствие излишка собранных 82 пуд., на 73 руб. 80 коп. При таком избытке дохода, стоимость изысканий, эксплоатации орошения, расходов на его устройство, а равно и проценты на затраченный капитал во время работ и до погашения,— все это было бы покрыто полностью в течение 7—8 лет».

Далеко не все земли нуждаются в орошении. и урожайность при орошении далеко не всегда увеличивается в такой степени. Кроме того, стоимость орошения обширных полей, по справедливому замечанию В. И. Покровского, значительно выше, чем рассчитывает Мордухай-Болтовской. Тем не менее, приведенные им соображения указывают на то, что рационализация сельского хозяйства, в более ими менее отдаленном будущем, доступна не отдельным мелким хозяйствам, а или крупным землевладельцам, или при посредстве крупных общественных затрат, при известном minimum'е цен на хлеб и при достаточном развитии производительных сил.

[1]) Чистый остаток вычислен по «Временнику центр. статист. комитета», за пятилетие 1896 - 1900 г.г.

[2]) Цифры об урожаях (кроме России) взяты из книги Лахтина, «Состояние сельск. хоз.» и т. д.

2) от образования внутреннего рынка (обработка и потребление продуктов земледелия в индустрии) цены на продукты земледелия, относительно повышаются. Это ведет в свою очередь:

3) к расширению площади посева;

4) к повышению культуры хозяйства, к повышению урожайности.

Все эти последствия ведут к развитию производительных сил в земледелии.

Так как ничего подобного в России нет, то естественно является вопрос, почему не происходит быстрого развития индустрии, захватывающей большое количество населения, и возможно ли такое развитие.

В очерке условий развития производительных сил мы пришли к заключению, что непроизводительное потребление продуктов является одной из главных причин, задерживающих развитие производительных сил; такое же, а может быть и большее, значение имеет общий уровень культуры населения и общие социальные условия. Вопрос о *возможности* развития производительных сил, вопрос об устранении неблагоприятных социально-экономических условий — программный вопрос, и на нем мы останавливаться не будем...

Когда развивается обмен и население занимается различными отраслями производства, избыток рабочих рук в одной его отрасли создает и избыточное население. Такое положение создалось и в центральной черноземной России. По размерам земли, находящейся в пользовании крестьян, при существующем состоянии земледельческого хозяйства, требуется в этой отрасли национального хозяйства меньше рабочих рук, чем занято их в настоящее время. Избыточные рабочие руки не увеличивают суммы производимых продуктов, а эта сумма продуктов распределяется лишь между большим числом производителей. *Перераспределение производительных сил между производствами* повело бы к сокращению избыточного населения, которое при существующем распределении их оказывается излишним. Чем сильнее развит между отдельными хозяйствами обмен, чем более развито разделение труда и чем быстрее развитие технического прогресса, тем чаще становится необходимым перераспределение производительных сил между отдельными отраслями промышленности, тем более бедственные последствия ведет за собою всякое препятствие к передвижению населения не только с одного места страны на другое, но и из одной отрасли производства к другой. Всякое техническое изобретение может выбросить массу рабочих рук из одной отрасли производства, хотя общая сумма рабочих сил, потребных для всех отраслей промышленности, может и не сократиться; выброшенные из одной отрасли рабочие оказываются необходимыми в другой. Конкуренция в земледелии экстенсивных окраин ведет к тому, что в густо населенных земледельческих районах оказывается избыток земледельческого населения, которому необходим неземледельческий заработок.

Глава III.

Движение земельной собственности в Европейской России.

Развитие сельского хозяйства после реформы 1861 года должно было в пореформенную эпоху отразиться и на землевладении. Разрушение тесных рамок правовых и хозяйственных отношений крепостной эпохи должно было повести к движению поземельной собственности из рук менее способных к эксплоатации земельной собственности в руки более приспособленных к новым экономическим отношениям хозяев.

Правда, землевладение — одна из самых неподвижных форм собственности, на которой дольше всего сохраняются следы пережитой страной истории, и движение землевладения лишь слабо отражает на себе те тенденции хозяйственного развития, которые на других сторонах хозяйственных отношений отражаются сильнее и ярче. Тем не менее, и движение земельной собственности может дать ценные указания на хозяйственные процессы, совершающиеся в современном обществе. Исследования различных сторон хозяйственной жизни населения в значительной мере пополняются и данными о движении земельной собственности.

В хозяйственной жизни общества, основанной на частном землевладении, происходит своего рода отбор лиц из землевладельцев, извлекающих наибольшую для себя выгоду из земледелия. Этот отбор происходит тем интенсивнее, чем легче передвижение земельной собственности и чем интенсивнее конкуренция хозяйствующих субъектов.

В крепостную эпоху подобный отбор хозяев был чрезвычайно затруднен: крепкие рамки сословных отношений делали возможным подбор только внутри одного сословия — дворян, но и здесь даровой крепостной труд почти устранял необходимость приспособления к изменявшимся хозяйственным условиям и ослаблял соперничество предпринимателей.

Скопидомство, с одной стороны, и мотовство — с другой, были почти единственными условиями, определявшими направление передвижения земельной собственности [1]).

После отмены крепостного права для мобилизациии земли сразу открылся довольно широкий простор. В конкуренцию из-за земли вступили все сословия. Естественно, что прежде всего от дворянства, получившего огромную часть территории, земельная собственность должна была направиться в руки других сословий постольку, поскольку такое движение раньше задерживалось условиями крепостного строя.

Ценность земли с отменой крепостного права очень быстро повышалась, и движение земельной собственности должно было вызвать соответственное движение огромных сумм денежного капитала.

Переход значительной части проданной дворянами земли в руки других сословий повел к передвижению значительных денежных сумм из рук других сословий в руки продавцов — дворян.

За тридцатилетие, с 1863 по 1892 год, в 45 губерниях Европейской России было продано:

дворянами, чиновниками и офицерами	на	сумму	**1.459.064.506**	руб.
духовенством	»	»	6.901.461	»
почетными гражданами	»	»	20.075.373	»
лицами профессион. зв. без обозн. сосл.	»	»	20.075.373	»
купцами	»	»	135 312.954	»
мещанами	»	»	58.799.781	»
крестьянами лично	»	»	66.537.422	»
» товариществами . . .	»	»	16.506.251	»
» обществами	»	»	9.750.001	»
казаками	»	»	14.022.405	»
другими сельск. обыв. на особ. пол. .	»	»	30.176.614	»
иностран. под.	»	»	20.636.759	»
Всего вместе с лиц. других кат	на	сумму	2.027.308.856	руб.

Земля, проданная на сумму 2.027.308.856 руб. была куплена лицами различных сословий:

дворянами, чиновниками и офицерами	на	сумму	821.081.152	руб.
духовенством	»	»	12.141.420	»
почетными гражданами	»	»	90.367 834	»
лицами професс. званий	»	»	24.013.239	»
купцами	»	»	**318.239.282**	»
мещанами и ремеслен.	»	»	82.435.984	»
крестьянами лично	»	»	**158.415 267**	»
» товариществами . . .	»	»	**129 733.779**	»
» обществами	»	»	46.976.742	»
казаками	»	»	27.799.754	»
другими сельск. обыв. на особ. полож.	»	»	80.686.822	»
иностран. под.	»	»	24 701.439	»
Всего вместе с лиц. других кат.	на	сумму	2.027.308.856	руб.

[1]) Сущность хозяйственных отношений в крепостную эпоху с точностью научного исследования и мастерством первоклассного художника описана Щедриным в «Пошехонской старине». Мобилизация земельной собственности, описанная им, вполне укладывается в вышеприведенную формулу.

Таким образом, при продаже и покупке земли, оставшейся при отмене крепостного права, как наследие предыдущей эпохи, наибольшая сумма денег перешла в руки дворянства, которое значительно больше продавало, чем покупало.

За тридцатилетие, с 1863 по 1892 г., дворянство получило разницу при купле-продаже земли на сумму 638 миллионов рублей. В следующие годы суммы, получаемые дворянством от продажи земли, возрастали.

За десятилетие, с 1882 по 1892 год, продажа дворянами земли превышала покупку в среднем на 30 милл. руб. в год. В 1893—95 г.г. разница между суммой покупок и продаж достигала 31 — 41 милл. руб. в год. Эти огромные суммы переходили от лиц других сословий и, главным образом, от купцов и крестьян.

Приведенные выше данные по России за 30-летие показывают, что эти денежные суммы были уплачены, главным образом, купцами и крестьянами. Довольно крупными покупателями были, кроме того, отнесенные в рубрику «юридические лица, кроме поименованных», покупавшие земли огромными участками, и «разносословные союзы».

Характером покупок и сословием покупателей определяются отчасти и те цели, с которыми делается приобретение земли. Если, напр., купец покупает крупный участок, то из этого можно заключить, что купленная земля не будет обрабатываться им лично, что земля в данном случае будет служить для него или только источником рентного дохода, или для организации крупного хозяйства. Рассматривая с этой точки зрения покупку земли различными категориями лиц, мы находим, что при мобилизации земельной собственности главное значение имеет замена лиц-землевладельцев одних сословий лицами других сословий, а не изменение характера эксплоатации земли.

Из двух миллиардов рублей, затраченных на покупку земли лицами и группами различных сословий, товариществами и обществами крестьян, было затрачено только около 177 миллионов рублей на покупку земли и продано на сумму 26 мил. рублей. Если даже предположить, что все товарищества и общества состоят из лиц, обрабатывающих землю своим трудом, то в таком случае менее чем десятая часть покупаемой земли попадает в руки этой группы лиц. Во всяком случае, покупка земель товариществами и обществами повела к замене единоличных владельцев владением более мелких собственников. Это имеет большое социально-экономическое значение, так как повело к раздроблению рентного дохода с купленных обществами и товариществами земель между более многочисленной группой собственников.

Единоличные покупки земель, даже крестьянами, не могли иметь никакого значения, кроме замены лиц владельцев одного сословия лицами других сословий. О развитии крупного крестьянского землевладения по размерам отдельных участков свыше 25 дес. можно судить по следующим цифрам, относящимся к 1893 г.

Размер отдел. участков	Крестьянами куплено десят.	Единолично продано десят.
25 — 50 дес.	33.070	19.502
50 — 100 »	34.881	21.315
100 — 200 »	67.380	31.772
250 — 500 »	46,574	19.861
500 — 1.000 »	49.079	27.290
1.000 — 2.000 »	38.902	13.362
2.000 — 3.000 »	7.315	5.767
3.000 и более дес.	7.126	6.187
Итого .	284.347	145.056

Сравнительно с крупным крестьянским землевладением, расширение мелкого единоличного крестьянского землевладения крайне ничтожно. «Какую ничтожную роль вообще играет мелкое личное владение в деле расширения крестьянского землевладения, показывают следующие данные за тот же 1893 год» [1]):

Размер участков	Крестьянами продано десят.	Единолично куплено десят.
менее 1 десятины	594	348
1 — 3 »	2.931	3.522
3 — 5 »	4.708	6.018
5 — 10 »	14.003	14.606
10 — 15 »	8.627	12.402
15 — 20 »	6.186	9.061
20 — 25 »	6.716	10.980
Итого . .	40.765	56.397

В общем итоге превышение покупок над продажами составляет лишь 16.272 десятины. Между тем в 1893 году дворянами продано 2.091.412 десятин, а куплено 1.104.411 дес., следовательно, в руки других сословий перешло около 1 милл. дес. «Несколько более значительную, но все же в общем слабую, роль в изменении распределения землевладения играют сельские общества». За 1893 год крестьянскими обществами куплено 63,535 дес., а продано 23.126; следовательно, землевладение обществ увеличилось на 40.409 десятин, что составляет лишь около 4% земельного фонда, ушедшего от дворян.

Таким образом, ходячее мнение о переходе земли от дворянства в руки крестьян имеет не то значение, какое этому факту обыкновенно придается. Главная масса земель попадает к крестьянам, которые являются крупными землевладельцами.

На-ряду с крупным единоличным землевладением развиваются покупки земли товариществами крестьян, но размеры земельных участков, приходящихся на каждого участника покупки, к сожалению, по имеющимся данным учесть нельзя.

Хотя при единоличных покупках крестьянами земли не происходит, в общем, изменения размеров землевладения, тем не менее, это имеет огромное общественное значение: процессом мобилизации

[1]) А. Рейнбот. «Матер. по стат. движ. землевладения», вып. 1.

земельной собственности сословный характер землевладения постепенно стирается.

При покупке земли единолично крестьянами происходит образование новой категории крупных земельных собственников, юридически принадлежащих к лицам непривилегированных сословий, но по своему социально-экономическому положению замещающих дворянское сословие. Если принять во внимание, что огромное количество земель в нераздробленном виде переходит к лицам, принадлежащим к купечеству, мещанству и крестьянству, то будет вполне ясно значение мобилизации земельной собственности. Сословие дворянства и класс земельных собственников, составлявшие раньше одну тождественную группу, постепенно, вследствие мобилизации земельной собственности, расходятся. Класс земельных собственников заполняется лицами других сословий, которые частью вытесняют старых земельных собственников, уплачивая за землю огромные суммы денег[1].

Повидимому, переход земли из одних рук в другие и происходящий вследствие этого отбор более приспособленных хозяйственных субъектов должны бы содействовать развитию производительных сил в земледелии. Но, помимо общих хозяйственных условий, которые препятствуют организации более производительных земледельческих хозяйств, в самых условиях землевладения есть причины, задерживающие развитие производительных сил.

Огромная сумма в два миллиарда рублей, затраченная на покупку земли новыми владельцами, для земледельческого хозяйства является чистой потерей. Между тем как в индустрии затрата основного капитала ведет непосредственно к увеличению производительности труда, в земледелии капитал, затраченный на покупку земли, является мертвым капиталом: он лишь служит к перемещению земельной собственности из одних рук в другие, нисколько не влияя на развитие производительности труда. Это обстоятельство имеет значение не только при покупке земли мелкими собственниками — товариществами и обществами, которые часто затрачивают на покупку земли последние гроши и, благодаря этому, лишаются возможности эти гроши употреблять на улучшение хозяйств, но и для крупного покупателя — капиталиста.

Из двух миллиардов рублей, обращавшихся при купле-продаже земли до 1893 года, ни одного рубля не могло быть затрачено на производство хлеба на купленных землях.

Эта сторона мобилизации земельной собственности имела огромное значение, в особенности для хозяйства мелких покупателей земли — крестьян и других сельских обывателей, приобретавших земли товариществами.

---

[1]) Это имеет большое значение в вопросе «о регулировании сельскохозяйственного найма». Здесь очень резко проглядывают сословные отношения, поставленные в основу законодательства о сельскохозяйственных рабочих. Мобилизация земли, перетасовывая сословия, делает анахронизмом сословный принцип и ставит вместо различных сословий различные земледельческие классы; вместо сословия дворян-землевладельцев — класс крупных собственников, вместо сословия крестьян — класс мелких собственников и рабочих.

Являются ли те довольно значительные денежные средства, которые затрачиваются на покупку земли, плодом собственного земледельческого труда или мелкой эксплоатации других крестьян-земледельцев, во всяком случае, эти средства совершенно непроизводительно для хозяйства покупателей земли, уходят из их рук, и улучшение их земледельческого хозяйства возможно только при дальнейшем накоплении капитала в руках этих мелких земледельцев. Чем ниже уровень экономического благосостояния этой, обыкновенно, более зажиточной группы деревенского населения, тем большее значение имеет такой «дополнительный» отлив денежных средств из деревни, тем позднее проявятся результаты мобилизации земельной собственности на хозяйстве земледельческого населения. Употребляя свои средства на «собрание» в свои руки земли, более зажиточная группа крестьянства этим процессом временно удерживается в среде рядового крестьянства. Если есть какие-либо средства, на них не покупается лишняя лошадь, корова, плуг и т. п., а покупается одна — две десятины земли, так как приобретение десятины земли необходимо прежде, чем приобретение инвентаря. Приведенные соображения относятся и к крупным покупателям земли из крестьян, купцов и др. лиц.

Отлив денежных средств и капиталов из деревни от земледелия, происходящий вследствие сложившихся условий экономической и социальной жизни современной деревни, процессом мобилизации земельной собственности еще более усиливается.

Переходя к рассмотрению мобилизации земли по районам, мы найдем некоторое различие в движении земельной собственности различных районов.

В центральном черноземном районе, к которому принадлежит и Саратовская губерния, при купле-продаже за 30-летие земельная собственность распределялась следующим образом (губернии: Воронежская, Казанская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Самарская, Симбирская, Тамбовская и Тульская):

	Куплено:		Продано:	
	На сумму.	Десятин.	На сумму.	Десятин.
Дворяне, чин.	262.259.480	5.900 628,6	424.944.989	9.162.899
Почет. гражд.	29.681.892	621.332,9	17.661.521	351.621,1
Купцы	101.946.924	2.105.332,7	38.028.964	745.165,5
Мещане	20.175.485	381.526,1	15.595.599	274.702,5
Кр-яне лично	47.251.518	898.405,4	23.067.604	477.674,5
„ товар.	26.489.144	463.312,7	4.618.984	85.903,9
„ общ.	14.849.810	258 077,9	4.244.393	60.849,5
Всего вместе с другими группами	558.795.221	11.788.795,3	558.795.225	11.788.795,3

Таким образом, в центральном черноземе, наиболее перенаселенном, огромный процент проданных земель перешел в руки купцов, почетных граждан и крупных земледельцев-крестьян. Крестьянские общества за тридцатилетие увеличили размеры своего землевладения на 200 тыс. десятин.

В южных черноземных степных губерниях (Бессарабская, Донская обл., Екатериносл., Таврич. и Херсонская) появляется новая крупная

группа единоличных покупателей, значащихся под рубрикой—сельские обыватели, состоящие на особом положении, но не казаки.

Приблизительно из такого же количества купленной-проданной земли (11.913.680,7 дес.), как и в центральном черноземе, эта группа купила 1.872.945,5 дес. на сумму 69.770.766 руб., а продала 686.688 дес. на сумму 23.742.208 р. Остальные группы приобрели землю от дворян приблизительно в той же пропорции, как и в центральном черноземе.

В восточном черноземном районе (Оренбургская, Самарская и Уфимская гг.) при покупке земли еще меньшую роль играют общества, и больше всего приобретают купцы и крестьяне лично и товариществами.

Всего в черноземном районе из 40.455.692,5 дес. земли, проданной в течение тридцатилетия, было:

	Куплено.	Продано.
Дворянами, чиновн.	18.107 072,6	18.669.872,4
Почетн. гражд	1.635.696,6	997.229,5
Купцами	6.555.005,9	2.532.058,5
Мещанами и цехов.	1.475.688,5	920.328,5
Крестьянами лично	2.366.596,6	998.450,1
» товар.	1.952.571,6	271.138,6
» обществ. . .	665.706,7	155.083,5

В нечерноземных губерниях мелкая собственность сделала несколько большие приобретения и в лице товариществ, и в лице обществ. Из 40.271.099,5 дес. земли, бывшей в продаже, было:

	Куплено.	Продано.
Дворянами	15.195.187,5	28.669.872,4
Почетн. гражд, ...	2.318.557,9	997 229,5
Купцами	8.050.031,6	2.532.058,5
Мещанами	1.314.768,3	920.328,5
Крестьянами лично	3.423.266,1	998.450,1
» товар.	2.895.071,8	271.139,6
» обществ. . .	807.604,6	155.083,5

Наибольшие приобретения земли крестьянскими товариществами и обществами сделаны в нечерноземных промышленных губерниях, где товариществами куплено 127.143,4 дес., а продано 124.497,1, и обществами куплено 435.151 дес., а продано 19.282,6 дес.

Дальнейшая мобилизация земельной собственности в последние годы шла в том же направлении. При этом нужно заметить, что крестьянские покупки земли не определялись малоземельем крестьян. Напротив, более обеспеченные надельной землей крестьяне покупали и больше земли.

В. Голубев, сопоставляя по данным 1905 года («Материалы по стат. движения землевл.») количество надельной и купленной земли, приводит следующую таблицу. В губерниях, в которых крестьяне имеют наделы меньше 8 дес., на двор было:

Губернии	На один двор десятин надельной	приобретенной	Губернии.	На один двор десятин надельной	приобретенной
1. Подольская	3,8	0,5	10. Тамбовская	7,0	1,0
2. Полтавская	4,9	1,2	11. Орловская	7,0	1,3
3. Киевская	5,5	0,9	12. Ярославская	7,1	3,2
4. Архангельская	6,1	1,1	13. Курская	7,3	1,1
5. Черниговская	6,3	1,9	14. Харьковская	7,3	1,4
6. Тульская	6,3	1,2	15. Нижегородская	7,4	1,6
7. Бессарабская	6,5	1,1	16. Пензенская	7,5	1,1
8. Рязанская	6,6	1,4	17. Московская	7,5	1,0
9. Симбирская	6,8	1,1	18. Волынская	7,8	1,0

В этих 18 губерниях надел в среднем не достигает 8 десятин на 1 двор, а размеры приобретенной земли не достигают двух десятин на 1 двор.

Возьмем другие губернии с наделом свыше 8 дес. на 1 двор.

Губернии	На один двор десятин надельной	приобретенной	Губернии.	На один двор десятин надельной	приобретенной
1. Воронежская	9,6	1,0	12. Тверская	8,6	3,8
2. Екатеринославск.	9,3	3,9	13. Виленская	13,5	2,0
3. Казанская	8,6	0,4	14. Витебская	11,5	2,6
4. Калужская	8,1	1,9	15. Вологодская	15,5	3,1
5. Костромская	8,9	3,8	16. Гродненская	16,5	2,7
6. Минская	9,1	2,3	17. Ковенская	14,6	1,7
7. Могилевская	8,2	3,3	18. Новгородская	13,5	7,9
8. Псковская	9,2	4,7	19. Оренбургская	29,8	4,5
9. С.-Петербургская	9,7	3,1	20. Самарская	19,8	3,5
10. Саратовская	9,5	2,4	21. Таврическая	14,7	8,3
11. Смоленская	9,0	4,3	22. Уфимская	18,8	3,8

Далее, оказывается, что процент дворов, имеющих до 5 десятин на 1 двор, наибольший в губерниях с наименьшим средним размером приобретенной земли на 1 двор.

Единоличные покупки еще более доказывают, что покупка земли сосредоточивала зéмли в руках богатых крестьян. Так, из 100 дес. земли, купленной крестьянами единолично, куплено участками:

	Мелкими и средними	Крупными
в 1865 году	22	78
в 1875 »	16	84
в 1885 »	20	80
в 1895 »	16	84

«Таким образом,—говорится в XIV выпуске «Матер. по стат. движ. земл. в России»,—в единоличных покупках крестьян мы имеем рост землевладения не рядового, а зажиточного крестьянства».

Данные товарищеских и единоличных покупок, совершаемых через крестьянский банк, позволяют сделать вывод, что «чем богаче группа покупателей землею, тем больше земли она покупает».

Товарищества и отдельные домохозяева покупают больше земли на двор, чем общества. Так, в 1904 году было после покупки этого года на двор: у обществ — 6,5 дес.: товариществ — 13,9 дес.; единоличных покупателей — 26,5 дес; при этом, чем больше у крестьянина было земли, тем больше он покупал. Таким образом, новейшие данные подтверждают тот вывод, что происходит процесс дифференциации крестьян при посредстве покупки земли из рук помещиков в руки крестьянства, что чем больше переходит к крестьянам помещичьих земель, тем дальше идет и дифференциация крестьян.

Можно поэтому судить, насколько основательны возражения г. Огановского («Земельный переворот в России»), который из мобилизации земельной собственности делает вывод, что мобилизация земли означает не торжество капиталистических отношений над феодально-крепостным строем, а торжество т р у д о в о г о земледельческого элемента над нетрудовым землевладельческим. Хозяйственный мужичок, сравнительно с прожигающим жизнь дворянином-землевладельцем, разумеется, является трудовым элементом, но он является вместе с тем элементом, вносящим капиталистические отношения в деревню. Приведенные слова народника показывают, насколько правы марксисты, указывающие на буржуазный характер народнической идеологии...

Политика правительства, на которой мы подробно остановимся во втором томе, содействовала расширению среднего крестьянского землевладения, которое должно образовать класс средней крестьянской буржуазии. Такое направление мобилизации земли объясняется тем, что землю в состоянии покупать только более зажиточный класс крестьянства, у которого, несмотря на разорение широких слоев деревенского населения, остались еще кое-какие средства.

Приведенные нами данные вкратце исчерпывают лишь общие итоги мобилизации земельной собственности. Но и эти общие итоги дают довольно поучительную картину перераспределения различных общественных групп, при чем наиболее ярким фактом является общая, свойственная всем районам Европейской России, т е н д е н ц и я з а м е н ы к р у п н ы х с о б с т в е н н и к о в д в о р я н к р у п н ы м и и с р е д н и м и с о б с т в е н н и к а м и и з д р у г и х с о с л о в и й.

Выше было указано значение непроизводительного потребления значительной доли дохода, получаемого в производстве. Огромные затраты земледельческого населения на покупку земли играли такое же значение: они не могли быть употреблены на земледельческое производство. П о к а затраты шли не на развитие производительных сил, а на перемещение земли от получивших наследство баловней истории к другим сословиям; пока водворяется на купленной земле «чумазый» и товарищества накопивших кое-какие гроши крестьян,— затрачиваемые ими средства на покупку для развития производительных сил — прямой минус. Конечно, это есть в тоже время признак того, что в деревне происходит постепенный процесс накопления: землевладелец, хотя бы и мелкий, купивший землю, уже э т и м гарантировал себе известный дыход.

Глава IV.

Условия образования избыточного земледельческого населения.

На-ряду с ростом населения на данной территории должен изменяться и характер ведения земледельческого хозяйства. Обыкновенно при редком населении и при земельном просторе наиболее выгодно разведение скота, требующее при таких условиях сравнительно малой затраты труда. Сельское хозяйство,— будет ли оно натуральным или денежным — все равно, — при редком населении доставляет большую массу продуктов животноводства, а земельный простор дает возможность для ведения самого экстенсивного земледельческого хозяйства. Поэтому, при значительном развитии скотоводства в реже населенных районах, последнее служит одним из главных признаков экономического благосостояния земледельческого хозяйства.

С увеличением населения, с повышением цен на хлеб и на землю, при развитии производства хлеба для рынка увеличиваются запашки, и, вместе с тем, повышается емкость территории. Большие запашки под хлеб, производимый для рынка, требуют и большого количества рабочих рук, которых на месте становится недостаточно для уборки и для посева хлеба. При этих условиях быстро развивается или полукапиталистическое, или чисто-капиталистическое крестьянское хозяйство с огромным спросом на рабочие руки. При более плотном деревенском населении, когда значительная площадь земли идет под посев хлебов, начинает чувствоваться недостаток уже не в рабочих руках, а в земле. Чем большая площадь земли уходит под распашку, тем меньшее количество скота может содержаться на подножном корму. Следовательно, при увеличении населения и при стремлении его расширить запашку под зерновые хлеба для удовлетворения своих потребностей, все больше и больше сокращается кормовая площадь для скота, все дороже обходится его содержание. Продовольственный характер земледельческого хозяйства у значительной части крестьян ведет к сокращению продуктов животноводства. В густо населенных районах сокращается количество молодого нерабочего скота, что и доказывается военно-конскими переписями. Но в то же

время рабочий скот является необходимым для обработки земли, и там, где быстро расширяются запашки, должно бы увеличиваться количество рабочего скота. Эти две противоположные тенденции могут примириться только при переходе к новой более интенсивной культуре, при которой с той же площади земли получается больше и хлеба и корма для скота. Если же такого перехода не произошло, то стремление населения обеспечить себя хлебом становится все в большее и большее противоречие с необходимостью обеспечить себя рабочим скотом. Площадь крестьянского надела становится недостаточной для удовлетворения потребностей крестьянской семьи и для содержания рабочего скота. Каждому домохозяину нужна лошадь для обработки пашни. Между тем площадь посева не только недостаточна при существующей культуре хозяйства для прокормления рабочих лошадей, но и для удовлетворения потребностей крестьянина. Поэтому на-ряду с избытком земледельческого населения, является избыток лошадей на данной территории, — равенство в недоедании среди общинников распространяется и на крестьянский рабочий скот.

По 20 губерниям западной и центральной России общее количество крестьянских лошадей с 1888 г. по 1893 — 94 г. значительно сократилось. «За 3—5 лет, отделяющих обе переписи, наблюдается повышение % безлошадных и однолошадных хозяйств и понижение относительного значения многолошадных в общей сумме крестьянских дворов, при чем это понижение тем заметнее, чем большим числом лошадей обладала данная группа ранее. Все группы передвинулись в одном направлении — к полюсу безлошадности; но так как это передвижение было быстрее для многолошадных групп, чем для хозяйств однолошадных, то в последней группе произошло скопление хозяйств и относительное значение ее повысилось» [1]).

Этот процесс сокращения лошадей от южных окраин по направлению к центру России, уловленный П. Вихляевым, констатируется каждой конской переписью, так как он начался уже давно. Увеличение населения при неизменности культуры земли должно было повести к сокращению количества лошадей в центральном районе.

Сокращение площади крестьянской земли при отмене крепостного права, необходимость отчуждать значительную часть продуктов земледелия для уплаты налогов еще более должны были сократить средства для существования размножающегося населения. Падение благосостояния крестьян прежде всего и должно было выразиться в сокращении рабочего скота, а размножение населения могло происходить на счет сокращения потребностей [2]).

---

[1]) П. Вихляев. «Перераспределение землед. хоз. по рабочему скоту в России». «Нар. Хоз.», кн. VII, 1901 г.

[2]) Данные о бюджетах крестьянских хозяйств могли бы лучше всего осветить зависимость потребления от благосостояния хозяйства и влияние расширения и сокращения потребностей на емкость территории при данных хозяйственных отношениях. К сожалению, существующие работы о крестьянских бюджетах еще слишком проникнуты взглядом на крестьянскую массу, как на однородную среду, и легенда «о средних потребностях» крестьян еще мешает объективному и научному исследованию этого вопроса. Тем не менее, и неудовлетворительные в методологическом отношении работы Ф. Щербины

Падение благосостояния крестьянского хозяйства в земледельческом центре должно было отразиться и на организации крестьянского хозяйства. Уже априорно можно заключить, что, при общем понижении экономического уровня крестьянских хозяйств, немногие могут приобрести экономическую мощь и развивать производительные силы, что значительная часть продуктов земледелия должна попадать не в руки экономически сильных крестьян, а отчуждаться в виде налогов. Остатки же попадают в виде арендной платы в руки крупных землевладельцев. И, действительно, как увидим далее, в центральном черноземном районе арендные цены на землю сравнительно очень высоки. Следовательно, здесь в земледелии крестьянину труднее вести хозяйство с целью получить, кроме заработной платы, какую-нибудь прибыль: последняя целиком уходит в виде арендной платы.

Малоземелье, при сохранении старой культуры хозяйства, при трехпольи повело к абсолютному сокращению рабочего скота[1]). И лишь в тех небольших районах, где крестьяне перешли к более интенсивному хозяйству, к травосеянию, количество скота (рогатого) несколько увеличилось[2]). Но такое изменение культуры земли наблюдается лишь в двух — трех промышленных губерниях нечерноземной полосы.

Разумеется, чем хуже те общие условия, в которых находится мелкое землевладение, чем выше налоги, чем больше отрезано у крестьян земель, тем раньше наступает перенаселение, тем в более острых формах оно проявляется. Понижение потребностей малоземельных крестьян, при отсутствии промыслов, доходит, наконец, до крайнего minimum'а, за которым следует вырождение. Иллюстрацией резкого проявления последствий малоземелья для земледельческого населения может служить положение жителей села Ново-Животинского и деревни Моховатки, Воронежской губ., описанных земским врачом А. Ш. Шингаревым. Жители этих деревень, имея дарственный «нищенский» надел, получают такой незначительных доход, что с него

(«Крестьянские бюджеты») дают некоторое представление о том, как колеблется потребление, удовлетворение потребностей в зависимости от размеров надела. «Вот каким характером отличаются размеры потребностей (Ф. А. Щербина, «Крестьянские бюджеты». Изд. имп. В-Э. общ., 1900 г., стр. 152):

Расход на одну душу об. пола в рублях по группам хозяйств:

	Личных потребностей	Хозяйственных	Всего
У группы безземельной	33,78	20,01	53,79
До 5 дес. на двор	32,89	21,38	54,27
От 5 до 15 дес.	32,73	26,96	59,69
От 15 до 25 »	34,17	29,91	64,18
Свыше 25 »	40,42	35,95	76,37

Признак, взятый Щербиной, не характерен для различных типов хозяйств. Тем не менее, и при такой группировке видно, что за исключением группы безземельных, которые получают доходы от «промыслов», беднейшие группы крестьян сокращают свои личные потребности (в пище, жилище, одежде и пр.) для удовлетворения хозяйственных, для поддержания хозяйства, необходимого для существования. Только такой ценой и допускается рост семьи и ее возможный переход в высшую группу по размерам надела.

[1]) См. Вихляев. «Перераспределение земледельческих хозяйств по рабочему скоту в России». «Народное Хозяйство». 1901 г., кн. VII.

[2]) См П. Вихляев. «Очерк развития крестьянского травосеяния Тверской губ.».

не может удовлетворительно питаться не только население этих деревень, но даже клопы и тараканы. Нищета постоянно существует в такой острой форме, что присутствие в избе клопов и тараканов служит признаком относительной зажиточности. Это явление так рельефно оттеняет положение малоземельного населения, что мы приводим in extenso «статистику» клопов и тараканов. «Как это ни странно на первый взгляд, но присутствие тех или иных насекомых в избе является до известной степени показателем (хотя грубым, конечно) экономического благосостояния ее обывателей. Так, если взять те семьи, где есть клопы, то оказывается, что это большею частью зажиточные хозяева. Это курьезно, но это так, и факт находит свое объяснение.

Более удобным и наиболее устойчивым признаком экономического благосостояния может служить количество надельной земли. Так, наиболее бедные семьи это те, которые не имеют вовсе земли, несколько обеспеченнее — имеющие наделы на одну душу, более обеспеченые—имеющие на две души, и т. д. Если расположить по этому признаку домохозяев, в избах которых встречаются клопы, то окажется, что процент с клопами у домохозяев зажиточных, с трех-и четырехдушевыми наделами, больше в два и даже в три раза, чем у менее состоятельных, с наделом на одну и на две души, а в избах безнадельных крестьян клопов вовсе не встречается. Таким образом, клоп до известной степени — аристократ и требует для себя большего комфорта, чем это могут дать ему деревенские бедняки, а присутствие его указывает отчасти уже на некоторую зажиточность... Не менее любопытно и распределение тараканов. Они... встречаются в 90,1% всех изб и пользуются, таким образом, огромным распространением, требуя для себя, повидимому, значительно меньше удобств, чем клопы, и довольствуясь более скромными условиями, но в 9,3% всех помещений нет все-таки и тараканов. Процент изб без тараканов падает очень резко по мере увеличения экономической обеспеченности. Он максимальный в группе безнадельных, составляя $^1/_3$ из всех, затем втрое меньший у имеющих надел на 1 душу и в 12 раз меньший у имеющих на две души. Итак, таракан также не со всякими условиями может мириться и с трудом уживается с крайней бедностью. Любопытно, что местная народная наблюдательность отметила это явление: нередко можно услышать из уст крестьянина характеристику бедного житья семьи какого-либо из односельчан: «Уже такто бедно они живут, что и тараканов нет, кормить нечем». Возможно, что недостаток пищи и, главным образом, черного хлеба в этих семьях настолько велик, что отбросков почти не остается, а ими и питаются тараканы, очень лакомые до хлеба; быть может, и жилища бедняков наиболее холодные, а холод тараканы выносят очень плохо. Как бы то ни было, но отсутствие тараканов в крестьянской избе служит уже намеком на большую бедность хозяев»[1]).

[1]) А. Ш. Шингарев. «Село Ново-Животинское и деревня Моховатка в санитарном отношении. Опыт санитарно-экономического исследования вымирающей деревни». Приложение к № 38—41 «Саратовской Земской Недели» за 1901 г. стр. 29—30.

Здесь уже нет места для дифференциации крестьянства, потому что почти все крестьяне являются пауперами.

Село Ново-Животинское и деревня Моховатка представляют собою тип уже вырождающейся деревни. Общинный уклад жизни не спасает жителей этих деревень от вымирания, а, напротив, как увидим, задерживает разрежение населения посредством переселения. Так же не спаслись бы жители этих деревень и от разрушения общины.

В таком же положении в чисто-земледельческих губерниях ноходятся все малоземельные крестьяне, не имеющие достаточного дохода ни от земледелия, по недостаточности наделов, ни от промыслов, за отсутствием обрабатывающей промышленности. Так, в статье «Экономические причины смертности и вырождения крестьянского населения Воронежской губ.» [1]) В. Обухов приходит к выводам, что у мужчин, по мере увеличения надела, годовая смертность падает с 45,6 до 39,7, 32,7, 26,8 и 24,4 на 1.000 человек мужчин.

На-ряду с увеличением смертности, по мере уменьшения наделов, увеличиваются и признаки вырождения. Так, на 10.000 человек приходится калек:

В волостях с доходом	На налич. душу об. пола
до 10 руб.	643
от 10 — 15 р.	457
» 15 — 20 »	395
» 20 — 25 »	276
Свыше 25 »	371

Развитие промышленности обусловливается многими причинами, и, если она развивается в каком-либо районе, община не может остановить этого развития. Тем не менее, защитники общины совершенно правы, указывая на ее противодействие «разлагающему» влиянию капитализма на общинников [2]).

---

[1]) «Журнал российского общества охранения народного здравия». Средняя годовая смертность на 1.000 чел. была в уездах Коротоякском, Задонском и Нижнедевицком:

	У мужчин	У женщин	Всего
У безземельных . . .	4,56	14,4	25
До 5 дес.	39,7	27,9	33
От 5 — 15 дес. . .	32,7	27,5	29,8
» 15 — 25 » . . .	26,8	25,8	26,6
Свыше 25 » . . .	24,4	23,2	23,8
Среднее	30,6	26,5	28,6

Некоторое отклонение от правильности понижения смертности дают безземельные; это можно объяснить тем, что они больше занимаются промыслами вне своего хозяйства; а доход от промыслов понижает смертность. Денежный доход от промыслов в этой группе значительно выше дохода других групп, а именно: на душу денежного дохода от промыслов приходится у безземельных 18 р. 20 к., у имеющих земли до 5 дес.— 13 р 73 к., от 5 — 15 дес.— 10 р. 91 к., от 15 — 25 дес.— 8 р 68 к, выше 25 дес.— 10 р. 44 к. В сводном сборнике по Воронежской губ. указывается также связь между размерами надела и числом калек и больных.

[2]) Главным условием, задерживающим развитие индустрии, является, как указано уже, непроизводительное потребление «национального» дохода.

Это противодействие заключается в том, что образовавшееся, благодаря неблагоприятно сложившимся социально-экономическим условиям, избыточное земледельческое население удерживается в общине и ищет заработка в земледелии, хотя и не находит его в размере, необходимом для удовлетворения своих потребностей.

Поэтому и получается такое противоречие, что безземельные, у которых огромный процент семейств без работника, получают почти вдвое больший доход от промыслов, чем другие группы земледельческого населения. Там, где крестьянское земледельческое население находится вне влияния развивающейся рядом с земледелием индустрии, оно ведет посильную борьбу с неблагоприятными условиями; оно продолжает также энергично размножаться, часто давая место нарождающемуся поколению лишь понижением своих потребностей, сокращением домашнего скота и т. п. При таких условиях, чем хуже положение населения, тем меньше может в нем развиваться дифференциация по экономическому благосостоянию, по хозяйственным интересам. Как видно из земско-статистических данных и отчасти из военно-конских переписей [1]), общая бедность населения отчасти гарантирует его от дифференциации, так пугающей многих отечественных экономистов. Эта гарантия бедности поддерживается общиной в ее современном виде, создающей скрытое земледельческое перенаселение там, где нет разлагающего влияния индустриального капитализма. Развитие товарного обмена, ведущее к капитализму в индустрии, увеличивает емкость территории лишь в тех районах, из которых население оттягивается в обрабатывающую промышленность. Поэтому в чистоземледельческих районах отсутствие промышленного капитализма и дифференциации может почти всегда служить верным признаком земледельческого перенаселения.

Итак, благоприятные е с т е с т в е н н ы е условия для земледельческого хозяйства (плодородная земля) при неблагоприятных о б щ е с т в е н н ы х условиях не гарантируют население от тяжелого экономического положения. Отсутствие обрабатывающей промышленности в центральном черноземном районе открывает полную возможность для развития перенаселения в самой обостренной форме. Земледельческое население, не имея и не умея найти других заработков, кроме земледелия, или платит «голодную», повышенную аренду соседним землевладельцам и нанимается за чрезвычайно низкую плату на земледельческие работы на месте, или отправляется в поиски за земледельческой работой на окраины, или, наконец, переселяется, эмигрирует.

По высоте арендных цен на землю, по движению сельскохозяйственных рабочих и по движению переселенцев в Сибирь можно проследить очаги избыточного земледельческого населения, которое принуждено искать или лучших заработков, или лучших мест для поселения.

---

[1]) Из таблиц, приводимых Н. Н. Черненковым в выше упомянутой статье, видно, что в тех уездах, где меньше приходится лошадей на двор, меньше проявляется и дифференциация земледельческих хозяйств по количеству лошадей.

Глава V.

Последствия образования избыточного земледельческого населения.

1. Аренда земли.

Аренда частновладельческих, удельных и государственных земель имеет огромное значение для крестьянского хозяйства, как по размерам арендуемой земли, так и по количеству арендуемых дворов. Для состоятельных крестьян аренда земель имеет значение как средство увеличить денежный доход расширением своей запашки. Чем самостоятельнее арендатор, тем более предпринимательский характер имеет аренда, тем большее значение имеет денежный доход от нее. Для беднейших арендаторов аренда земли имеет совершенно другое значение: для них арендование небольших участков землевладельческой земли служит своеобразной формой продажи своего труда, при чем мелкий арендатор вместо заработной платы получает натурой часть продуктов с обрабатываемого им участка.

Из этого уже можно заключить, что в последнем случае арендные цены на землю должны быть выше, так как мелкий арендатор не в состоянии удержать за собой остаток от заработной платы и земельной ренты, составляющий для арендатора — предпринимателя прибыль. Эта прибыль при мелкой аренде остается землевладельцу в повышенной арендной плате.

Разница в характере аренды отражается на ее форме и, главным образом, на высоте арендной платы. Арендатору, имеющему в виду получить денежный доход и прибыль от аренды, нет расчета платить арендную цену настолько высокую, чтобы ею поглощалась не только прибыль, но и часть заработной платы. Лишь крайняя нужда заставляет бедняка-крестьянина арендовать землю на таких условиях, при которых предпринимательская прибыль получается землевладельцем в арендной плате, труд же арендатора оплачивается крайне низко. Разумеется, между этими крайними группами арендаторов существует многочисленная промежуточная группа, арендующая для повышения своего и денежного и натурального бюджета. Разница в состоятельности различных групп арендаторов ведет и к различию форм аренды.

Более состоятельные крестьяне арендуют на года за более низкую плату, а менее состоятельные арендуют погодно, уплачивая почти вдвое высшую арендную плату. «Развитие факторов производства (увеличение инвентаря и рабочих рук. *П. М.*) в крестьянском хозяйстве способствует и распространению аренд более долгосрочных, а сокращение первых ведет за собою усиление погодного найма земель»,— заключает проф. Карышев в своей книге о крестьянских вненадельных арендах[1]).

Несмотря на то, что беднейшее крестьянское население гонит арендные цены вверх и принуждено платить местами «голодную аренду», большая часть арендуемых земель попадает в руки более состоятельных хозяев. В конце концов, в районах скрытого земледельческого перенаселения взаимная конкуренция повышает арендые цены до такого уровня, что и для зажиточных крестьян аренда становится менее и менее выгодной. Происходит общее обеднение арендаторов.

«Всякого рода промыслы и заработки, служащие подспорьем в хозяйстве, отвлекают от найма чужих земель. Исключение представляет занятие торгово-промышленными промыслами», которое предполагает наличность свободных денег и дает возможность расширить пользование арендными участками, вероятно, при помощи рабочих («Итоги экономич. исслед. России», стр. 152). Следовательно, отсутствие разлагающего влияния промыслов увеличивает конкуренцию арендаторов и еще более ухудшает их положение.

Такое же значение имеет, повидимому, отсутствие дифференциации среди крестьян. «Уменьшение числа безлошадных, повидимому, увеличивает спрос на землю и поднимает арендную плату»[2]).

Этот факт, констатированный г. Карышевым, имеет огромное значение. Увеличение числа безлошадных должно было бы, повидимому, понижать заработную плату, потому что образуется большой процент «свободных» от средств производства рабочих. Между тем, мы видим как раз обратное: арендная плата, которая при густом населении является своеобразной формой найма, повышается при уменьшении числа безлошадных. Почему же это происходит? Потому, что увеличение числа безлошадных крестьян побуждает их искать заработков на стороне или в индустрии и, таким образом, уменьшает количество рабочих рук, занятых земледелием.

[1]) Николай Карышев. «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики», т. II, стр. 249. Чрезвычайно характерно неправильное освещение констатированного г. Карышевым факта. Из приведенного выше заключения автор делает вывод, что «более обеспеченное население легче решается заключать формальные сделки на года»; следовательно, менее обеспеченное население не решается арендовать «на года» по дешевой плате? Очень странное решение! Не правильнее ли объясняется это решением землевладельцев, которые сдают на года богатым потому, что последние могут даже вперед уплатить арендную плату за один—два года. «Многие землевладельцы уменьшают арендную цену одной десятины на 1—1½ руб. для тех, кто вносит вперед всю арендную плату». Стр. 239.

[2]) Ibid, стр. 281. Разрядка автора.

Откуда же берется то увеличение арендной платы, которое замечается в районах с меньшим числом безлошадных? Разумеется, оно может получиться только при понижении той доли, которую получает арендатор. Так как при высоких арендных ценах эта доля бывает даже ниже заработной платы, то значение этого факта становится очевидным: отсутствие дифференциации, экономическое равенство крестьян образуется благодаря тому, что прибавочный продукт сосредоточивается в руках крупного землевладельца; этот прибавочный продукт тем выше, чем ниже общий уровень экономического благосостояния крестьян и, в то же время, чем больше они связаны с земледелием, т.-е. при их низком, но более или менее одинаковом экономическом уровне. Повышение арендных цен должно выталкивать из земледелия ту группу крестьян, которая обладает достаточными средствами для ведения капиталистического или полу-капиталистического (накопляющего) хозяйства, потому что земледелие становится, с предпринимательской точки зрения, мало выгодным. Мелкие капиталы должны отливать от земледелия в промышленность или в торговлю, которые при этом условии более выгодны.

Таким образом, земледельческое перенаселение ведет к измельчанию аренды и к отливу деревенской буржуазии из земледелия в промышленность и торговлю, к отливу капитала из земледелия. В районах с земледельческим перенаселением техника земледелия ниже, чем в районах менее населенных. Можно было бы предполагать, что в районах, с высокими арендными ценами должна быть выше и техника производства. Между тем, благодаря указанным нами условиям, создается как раз обратное положение. Техника земледелия правильно падает по направлению к районам с высокими арендными ценами на землю с густым земледельческим населением.

Следовательно, те же экономические и социальные факторы, которые создают скрытое перенаселение и задерживают население около земли, повышают арендные цены[1]) и ставят в тяжелое положение даже сильные по рабочему скоту и по составу хозяйства. Выигрывают от этого, до известных пределов, лишь землевладельцы, сдающие свои земли в аренду. Беднейшие же крестьяне от аренды земли очень мало получают, потому что «чем больше в известной группе общин домохозяев, нуждающихся в найме земель, тем меньшая часть их является действительными съемщиками земли» и потому, что размеры аренды определяются состоятельностью хозяев-арендаторов[2]).

---

[1]) Н. Карышев признает, что вся «сумма причин, способствующих распространению аренд «на года» на счет погодного найма, тем самым влияет на удешевление аренд и притом не только пропорционально существующей разнице между стоимостью обоих видов съемки, но и прогрессивно в силу быстрейшего падения цен аренд этого рода». Легко понять, что усиление погодной раздачи земель на счет аренд «на года» имеет обратное значение.

[2]) Ibid., стр. 133 и 141. «Отсутствие лошади, как наиболее распространенного вида рабочего скота, влияет на уменьшение среднего количества арендуемых десятин, хотя того же нельзя сказать столь же определенно об уменьшении числа арендующих дворов». Стр. 148.

Высота арендных цен и размеров арендуемых участков, по изложенным соображениям, должны указывать на очаги скрытого перенаселения, в которых земледельцы держатся так крепко за землю, что платят повышенную аренду. Наивысшая арендная плата мелких участков оказывается в центральном земледельческом районе, а именно, в губерниях: Черниговской, Полтавской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, северной части Саратовской, Воронежской. Этот же район характеризуется низкой заработной платой сельскохозяйственных рабочих; этим районом поставляется наибольшая масса отхожих сельскохозяйственных рабочих, и отсюда же тянутся переселенцы в Сибирь.

Сельскохозяйственные рабочие тянутся из центрального черноземного района на окраины по радиусам. Из западных губерний центрального чернозема на юг, а из восточных губерний — на восток. Так, в Херсонскую губ. являются рабочие из соседних более северных губерний, в Самарскую губернию—из западных, ближайших губерний. Переселенцы в Сибирь также выходят из центральной черноземной полосы все в большем и большем количестве, несмотря на огромные препятствия этому движению.

Итак, в центральном черноземном районе, при сокращении после отмены крепостного права земельных наделов, при отсутствии в этом районе обрабатывающей промышленности, которая могла бы отвлечь из земледелия часть производительных сил, создается избыточное население, арендные цены на землю (продовольственная аренда) непомерно повышаются, население беднеет и не может, благодаря этому, увеличить производительность земледельческого хозяйства. В свою очередь, обеднение крестьянства должно повести его к экономическому равенству, потому что остающийся от земледелия прибавочный продукт, не потребляемый крестьянами, уходит от них или в виде арендной платы, или обязательных платежей. Чем меньше у сословия крестьян остается продуктов сверх того количества, которое необходимо для непосредственного потребления, тем меньше должна быть и дифференциация среди этого сословия. Прибавочный продукт переходит в другие руки из этой среды, из деревни. Напротив, чем лучше положение крестьянства, чем больше остается в деревне продуктов, не потребляемых непосредственно, тем больше данных для экономического развития крестьянского хозяйства. Ту роль, которую в последнем случае играют зажиточные крестьяне, в первом случае играют крупные землевладельцы, при чем прибавочный продукт реализуется или в виде высокой арендной платы, или остается от низкой платы земледельческого труда. Перенаселение, образовавшееся в скрытой форме, в форме экономического равенства полусамостоятельных хозяйств, поддерживает наименее рациональную организацию хозяйства в виде мелкой продовольственной аренды и мелких безлошадных и однолошадных хозяйств. Скрытая форма перенаселения поддерживается и деревенским укладом жизни, который задерживает мобилизацию населения, не увеличивая и не имея возможности увеличить общий земельный фонд. Все эти условия ведут к сокращению кормовой площади для скота и к падению урожайности земли, которая

констатируется почти всеми исследователями земледельческого центра. Уменьшение доходности хозяйства и относительно низкая плата труда ведут к тому, что беднейшая часть населения имеет возможность размножаться при понижении своих потребностей, а это ведет к усиленной смертности и к вырождению.

Глава VI.

Последствия образования избыточного населения.

2. Переселение крестьян в Сибирь.

I.

Переселения крестьян начинают иметь все большее и большее значение не только для переселяющихся, но и для всего народного хозяйства. Переселение, направлявшееся прежде, главным образом, на юг и восток Европейской России, теперь все в больших и больших размерах направляется за Урал, в Сибирь. «На основании всеподданнейших отчетов начальников сибирских губерний, а также и по имеющимся данным о причислении переселенцев на казенных землях Томской губернии и в Алтайском округе... можно заключить, что выселение выходцев из внутренних губерний за Урал безостановочно продолжалось после крестьянской реформы, при чем цифра переселяющихся в первые годы составляла в среднем около 2.000 душ в год. Заметное увеличение числа переселенцев начинается уже в 80-х годах, и в 1881—1882 г.г. число это, по расчету Гурвича, составило 74.000 душ. В 1885 г., когда началась регистрация переселенцев при их следовании через Тобольскую губернию, цифры переселения приобретают большую точность: достигая до 11.832 чел. в 1885 году, они возросли в 1890 г. до 47.378 человек»[1]).

В 1891 году число переселенцев почти удвоилось, достигнув 82.150 чел., а в следующие 4 года среднее количество переселенцев превышало 50.000 чел. и, наконец, в 1896 году достигало до небывалой цифры в 202.302 чел. Опустившись в следующем 1897 году до 86.575 чел., оно вновь увеличилось в 1898 году до 205.646 чел. и в 1899 году до 223.981 чел. обоего пола[2]); в 1900 году, по данным управл. Сиб. жел. дор., прошло до 230.000 человек.

---

[1]) «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом». Изд. канцелярии комитета министров, Спб. 1900 г., стр. 127—9.

[2]) Ibid.

«Несмотря на довольно сильные колебания из года в год, общие числа крестьян, выселяющихся в Сибирь, имели за последнее двадцатилетие несомненную склонность к повышению, в зависимости от постепенного уменьшения емкости территории по отношению к населению». Действие последнего фактора и выражается в развитии того «малоземелья», на которое исследователи сибирских переселений единогласно указывают, как на коренную причину последних; к такому же заключению приходили и представители тех правительственных органов, на которых была возложена выработка законоположений по переселенческому вопросу [1]).

Таким образом, исследователями переселений «единогласно» указывается на «малоземелье», как на причину переселения. Однако, если рассмотреть размеры переселений из различных районов России, то окажется, что крестьяне переселяются не из всех малоземельных местностей; что и при достаточном наделе, но при больших платежах, население не может прокормиться, и, напротив, при недостаточном наделе, но достаточных заработках, крестьяне не бегут в Сибирь.

Из нечерноземных губерний, где вследствие меньшего плодородия почвы должно бы сильнее сказываться малоземелье и избыточность населения, должно бы быть больше и переселенцев; переселяться должны были бы самые бедные крестьяне из живущих в Европейской России, если бы причины переселения сводились только к малоземелью. Между тем, «обращаясь... к губерниям черноземной полосы, следует упомянуть, что выходцы этих губерний преобладали уже среди сибирских переселенцев 50-х годов. Аналогичный вывод должен быть сделан и по отношению к переселенцам пореформенного периода; если регистрация последних представляется недостаточной вплоть до середины 80-х годов, то данные, полученные после 1877 года, с очевидностью указывают на преобладающее значение в переселенческом деле выходцев из губерний черноземной полосы». Очевидно, причины переселений не так просты и не сводятся только к малоземелью, как это предполагается исследователями переселений и в издании комитета Сибирской железной дороги. Впрочем, несколько дальше в книге, изданной комитетом министров, отчасти указываются и другие исторические условия, побуждающие население центральной черноземной полосы России доставлять главный контингент переселенцев. «Еще в дореформенную эпоху эти губернии (центрального чернозема. NB)

---

[1]) «Обратное движение переселенцев также с каждым годом увеличивается, а именно: в 1898 г. оно составляло 15.028 чел., в 1899 г.— 55.943 чел., в 1900 г.— 68.593 чел. Ближайшей причиной обратного движения переселенцев служит, главным образом, недостаток земли. Начиная с 1897 года, колонизационный центр тяжести переносится из земледельческо-культурной полосы Сибири в таежные пространства; за последующие же три года колонизация настолько ушла уже в глубь тайги, что дело образования переселенческих участков встречает на своем пути много трудностей, и ежегодно выделяемый для целей колонизации земельный фонд не в силах удовлетворить тому спросу на землю, какой предъявляется к нему со стороны переселенческих масс, да, наконец, и заселение отдаленных таежных участков и урманов становится затруднительным». «С.-Петерб. Ведом.» 1902 г.

отличались наибольшею плотностью населения, *сосредоточивая в себе при этом наибольшее число крепостных крестьян*, составлявших в них от 40% до 60% всего населения; занятия этих крестьян имели крайне *односторонний характер*, будучи направлены почти исключительно к земледельческому труду. При наделении крестьян землею, на основании положения 1861 года, для рассматриваемых здесь губерний были приняты несколько низшие нормы по сравнению с другими губерниями; в связи с этим обстоятельством стоит и сравнительно значительное число крестьян, получивших в этих губерниях даровые или «нищенские» наделы[1]). Если прибавить к сказанному высокую норму обязательных платежей помещичьих крестьян, их бедность, при которой невозможно рациональное хозяйство, то причина переселения, «малоземелье», разрастется в целый ряд причин социального и экономического неустройства огромной части крестьянских хозяйств.

Обращаясь к распределению переселенцев по местам их выхода, мы находим, что есть определенные районы, которые доставляют наибольший контингент переселенцев, районы, в которых причины, побуждающие к переселению, действуют более или менее постоянно. «По данным за семилетие 1887—1893 г.г. из общего числа 67.041 семей переселенцев, прошедших через сухопутную границу Сибири, 57.140, или более пяти шестых, были выходцы из 14 губерний, принадлежащих к районам: северно- и средне-черноземному, юго-восточному и северо-восточному заволжскому, а именно: из Курской—10.785 семей, Тамбовской — 6.796, Воронежской — 5.558, Вятской — 5.356, Самарской—5.072, Пермской—4.547, Полтавской—3.643, Рязанской—3.139, Саратовской—2.635 и еще из 4-х губерний (Казанской, Пензенской, Харьковской и Черниговской) из каждой более 2.000 семей»[2]).

Для того, чтобы выяснить условия, которые побуждают крестьян переселяться, нужно обратиться к точным цифровым данным о переселенцах, их хозяйственном положении, о их платежах и проч.

Наиболее подробные и точные данные о переселенцах находятся в статистических работах, изданных под руководством Д. А. Приймака, кстати сказать, до сих пор весьма мало использованных нашей общей экономической литературой.

II.

По данным Д. А. Приймака («Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, извлеченный из книги общей регистрации переселенцев, проходивших в Сибирь и возвращающихся из Сибири через Челябинск в 1895 году»), оказывается, что переселенческое движение исходило, главным образом, из центральной черноземной России. Из 13.706 семей с 85.933 душами обоего пола, зарегистрированных в 1895 году, подавляющее большинство составляют крестьяне, выселившиеся из черноземных губерний. Из нечерноземной полосы зарегистрировано только 250 семейств с 1.083 душами обоего пола.

[1]) Ibid., стр. 132 — 3.

[2]) А. Кауфман. «Сибирское переселение на исходе XIX века». «Русское Экономич. Обозр.», март 1901 г.

Таким образом, переселенческое движение указывает на черноземную полосу, как на очаг земледельческого перенаселения. Но и здесь по различным категориям крестьян и по различным губерниям переселенческое движение является далеко не одинаковым. Наибольший процент переселенцев составляют бывшие помещичьи крестьяне, которых зарегистрировано 8.045 семейств с 51.408 душами, за ними следуют бывшие государственные крестьяне—3.158 семейств и казаки—1.757 семейств [1]). Если принять во внимание, что количество бывших государственных крестьян Европейской России почти равно числу бывших помещичьих, то разница в проценте эмигрирующего населения из среды бывших государственных и помещичьих крестьян окажется очень значительной.

По месту прежнего жительства переселенцы распределяются далеко не одинаково по различным губерниям черноземной полосы.

Взявши отношение переселенцев к коренному оставшемуся населению той местности [2]), из которой они выселились, мы найдем, что губернии черноземной полосы располагаются в следующем порядке.

Переселенцев на 1.000 душ оставшегося населения:

Пензенская	16	Самарская	1,5
Черниговская	7	Тульская	1,2
Полтавская	6	Воронежская	1,2
Курская	2	Харьковская	1
Орловская	2	Тамбовская	1
Рязанская	1,3	Симбирская	1

В других губерниях переселенцы составляют меньше $^1/_{1000}$ оставшегося населения.

Уже эти данные о переселенцах указывают на чрезвычайно своеобразное явление: крестьяне бегут из наиболее благодатного края, с тучной черноземной землей, с наименьшим количеством неудобных для сельского хозяйства земель. При этом характерно то, что из перечисленных губерний только в четырех губерниях помещичьи крестьяне, получившие «дарственный» надел, составляют значительный процент. Очевидно переселяются не только крестьяне безземельные и малоземельные.

Из зарегистрированных хозяйств по размерам надела составляют:

Без надела	16%	24,3%
С наделом до 1 дес.	8,3	
До 3 дес.	33,3	
» 5 »	20,5	42,4%
» 10 »	17,6	
Свыше 10 дес.	4,3	

Можно было бы предположить, что имея надел, переселенцы не имели необходимого инвентаря для его обработки, и это вынудило их искать счастья в Сибири [3]), но и такое предположение не

[1]) Из двух губерний: Черниговской и Полтавской.

[2]) Количество населения тех мест, откуда выселились переселенцы, взято нами по данным всероссийской переписи 1897 года.

[3]) Из следующих губерний выселилось в Сибирь более 24 тыс. крестьян: Полтавская, Черниговская, Курская, Орловская, Харьковская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Самарская. См. «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом».

оправдывается приводимыми о переселенцах данными. Из зарегистрированных хозяйств переселенцев только 29,2 не имели рабочего скота, остальные имели не менее одной лошади или пары рогатого скота. Следовательно, наличность надела и рабочего скота при существующих условиях не обеспечивает еще крестьянское хозяйство достаточным доходом для сколько-нибудь сносного существования. Действительно, несмотря на то, что переселенцы имели наделы и рабочий скот, очень немногие могли продавать хлеб, а большинство его покупало. Из 6.933 хозяйств покупали хлеб 4.126, а продавали только 1.088; кроме того, 2.044 хозяйства покупали корм для рабочего скота.

При таких-то хозяйственных условиях половина всех хозяйств переселенцев (3.343) должна была платить налогов свыше 10 рублей, и большая часть из этой группы имела обязательных платежей больше 15 рублей на хозяйство. Меньше 5 рублей обязательных платежей имели только 1.669 хозяйств. Все зарегистрированные хозяйства переселенцев в количестве 6.617 хозяйств имели платежей 86.125,12 рублей.

Весьма естественным является вопрос, откуда могли добыть такую огромную сумму хозяйства, которые должны были покупать хлеб для собственного потребления? Какое значение имело «свое» земледельческое хозяйство у крестьян, прикупавших хлеб и в большинстве случаев плативших налогов с десятины от 4 до 10 рублей [1])?

Хотя горькая шутка, что «ён достанет», применима вообще к крестьянству, которое обладает удивительною способностью, голодая, «доставать», тем не менее факт переселения из черноземного района показывает, что здесь труднее всего «достать» деньги вне своего хозяйства.

Все-таки переселенцы на старом месте своего жительства не только кормились, но и платили налоги. Большинство из них прибегало к отчуждению своего труда на сторону, так как свое хозяйство не могло прокормить. Из всех 6.898 хозяйств было только 569 самостоятельных земледельческих хозяйств и 762 самостоятельных хозяйства, занимавшихся и промыслами. Из остальных 5.567 хозяйств, отчуждавших на сторону свой труд, 683 не имели даже собственной запашки и 4.884 хозяйства имели свою запашку. Вся эта масса полупролетариев — полусамостоятельных хозяев разбивается на следующие группы:

Хозяйств, занятых	
работами на срок	1.430
поденными работами	3.318
сдельными земледельческими работами	1.318
местными промыслами	2.483
отхожими промыслами	1.701

Очевидно, большая часть переселенцев на родине занята была местными поденными и сдельными работами у помещиков. Труднее заключить, чем занимались отхожие рабочие из переселенцев. Судя по тому, что значительная часть из них была занята поденными работами, нужно предположить, что и отхожие рабочие были заняты

1) Число хозяйств, плативших с десятины до:

1 р.	2 р.	3 р.	4 р.	5 р.	10 р.	свыше 10 р.	не обозначено
233	812	953	1.394	957	1.182	913	913

земледельческими работами. Это предположение подтверждается и данными об отхожих сельскохозяйственных работах, собранными на продовольственных пунктах Херсонской и Самарской губерний: сельскохозяйственные рабочие идут из тех же местностей, откуда двигаются в Сибирь и переселенцы.

Центральная черноземная полоса, таким образом, выделяет и сельскохозяйственных рабочих и переселенцев.

Переселение требует некоторых средств, гораздо больших, чем отход на сельскохозяйственные работы. Отход даже на дальние заработки совершается почти без всяких средств. И действительно, из относительного числа переселенцев, имевших скот, видно, что переселяются еще не самые бедные крестьяне. Если последние остаются на месте, то, конечно, не потому, что им хорошо живется, а, вероятно, потому, что наиболее бедные крестьяне не имеют средств сдвинуться с места и ограничиваются уходом на заработки.

III.

Если рассматривать группы переселенцев по характеру землевладения, то прежде всего бросается в глаза следующее явление. Как известно, у нас в России преобладает общинное землевладение, а подворное занимает сравнительно незначительное место. Между тем, в числе переселенцев подворники занимают довольно видное место.

Из общего числа 6.898 дворов общинники составляют 4.078 хозяйств, подворники 2.704 хозяйства и с невыясненным землевладением 116.

С другой стороны, рассматривая ту и другую категорию крестьян по размерам надела, мы заметим, что переселенцы-подворники обладают в среднем меньшими наделами, чем общинники, и что первые, вообще, были беднее землей, инвентарем и посевами.

Такое явление можно объяснить или тем, что подворнику легче сдвинуться с места, или тем, что подворник, имея такой же надел, как общинник[1]), не чувствует необходимости переселяться. Из 1.893 хозяйств подворников, имеющих надел, 1.134 хозяйства с наделом меньше 3 дес., и 849 хозяйств—больше 3 дес., между тем как из 3.357 общинников 1.570 имеют надел меньше 3 дес., и 1.787 хозяйств—больше 3 дес. Точно также среди подворников-переселенцев больше безлошадных, чем среди общинников.

Следовательно, из подворников переселяется самая бедная часть населения[2]), между тем как из общинников, среди которых в России

[1]) Здесь, как и ниже, община рассматривается, как административно-сословная единица, а не как абстрактная форма землевладения и землепользования.

[2]) Из числа:

	Общинников	%	Подворников	%
Бесполевого надела	314	7,7	711	26,3
Не имевших никакого скота	450	11	452	23,4
Имевших рабочий скот и дойных коров	667	16,3	199	7,4
Всякий скот	1.650	40,4	700	28,5
Имевших сенокос	1.946	47,7	773	28,5
Хозяйств без посева	217	5	505	22,4

абсолютное число безлошадных, бесхозяйных, бедняков с малыми наделами значительно больше, чем среди подворников, переселяется слой крестьян, более обеспеченный и скотом и землей.

Эта возможность бедноты из подворников и затруднительность для той же категории общинников переселяться обусловливается характером ликвидации имущества и общественных отношений, оставляемых теми и другими на родине.

Из приведенных выше цифр об экономическом положении общинников и подворников априорно можно было бы, кажется, заключить, что первые при ликвидации своего хозяйства должны были бы больше выручить денег на переселение и на устройство нового хозяйства в новых местах. Фактические данные указывают на совершенно обратное явление.

Разница между теми и другими не ограничивается этим.

Между тем как из общинников переселилось с разрешения 2.928 семей, а без разрешения 1.160 семей, из подворников на 2.433 семьи, переселившихся с разрешения, приходится только 271 семья, переселившихся без разрешения.

Еще резче разница в характере ликвидации хозяйства тех и других. Как и можно было ожидать, большая часть общинников передавала землю обществу, между тем как подворники передавали свой надел однообщественникам. Эта разница в характере ликвидации земельного надела имела существенное значение. У общинников в большинстве случаев земля отбиралась или за недоимки без всяких верхов или просто и без недоимок передавалась обществу. При этом значительная часть общинников и постройки свои передавала обществу без верхов.

Переселенцы-подворники, имея в среднем меньшие наделы и, вероятно, не лучшие постройки, большею частью передавали и те и другие своим однообщественникам с верхами. Получилось следующее распределение хозяйств, ликвидировавших свое имущество на родине:

		Число семейств. Общинники	Подворники
Передававших обществу землю	за недоимку всю	500	0
	» часть	661	4
	» всю и верхи	25	1
	без недоимки, без верхов	707	12
	» с верхами	154	63
	уплат. недоимку без верхов	735	4
Передававших землю однообщественникам	за недоимку всю	29	9
	» с верхами	19	44
	без недоимки, без верхов	146	36
	» с верхами	125	1.447
	Всего без верхов в %	90%	4%

Общинники не только должны были отдавать обществу свои наделы, но и постройки без «верхов». Из числа общинников передавали обществу свои постройки на надельной усадьбе без верхов

1.818 семей, а из подворников только 15 семей. Кроме того, передали без верхов своим однообщественникам из общинников 456 семей, а из подворников 106 семей. Между тем, как передавших с верхами свои постройки общинников было 712 семей, из подворников таких семейств было 1.726.

Довольно значительное число общинников, производя ликвидацию, должны были погашать недоимку оставленным ими наделом. Таких семейств из переселенцев-общинников насчитывается 1.100, между тем, как из подворников таких семей было только 10.

Естественно, что благодаря такому различию условий ликвидации старого хозяйства, общинники, будучи все-таки более состоятельными, чем подворники, выручали меньше последних.

3.130 семейств общинников выручили от ликвидации имущества 434.636 рублей, между тем как 2.322 семейства подворников выручили 562.722 рубля. Значительная часть общинников при переселении подвергалась полному разорению, потому что выручка по 50—100 руб. на семейство едва ли достаточна даже на переезд. Семейств общинников-переселенцев, выручивших меньше 100 рублей, насчитывается 1.592 = 38,8%, а подворников — 533 семьи = 23%. Напротив, семейств, выручивших при ликвидации хозяйства болше 500 руб., среди первых насчитывается только 66, или 1,6%, а среди подворников 190 семей, или 7%.

Такая разница положения подворников и общинников может отчасти объясняться тем, что общинное землевладение обесценивает право пользования землей общинника против права собственности на землю подворника. Но чем объяснить то обстоятельство, что и постройки общинников, находящиеся в их частной собственности, часто оставляются переселенцами без верхов, главным образом, за недоимки?

Очевидно, разницу положения общинников и подворников нужно искать еще и в характере обложения налогами, так как «верхи» остаются по покрытии крестьянином недоимок и налогов. И действительно, при необычайно высоком обложении земель всех переселенцев, група общинников несет более высокие платежи за землю, чем подворники. Из числа всех хозяйств имели обязательных платежей на десятину:

	Хозяйства общинников	%	Хозяйства подворников	%
Меньше 4 рублей . . .	1.038	28	945	48
Больше 4 » . . .	2.692	72	1.028	52
Больше 10 » . .	168	4,5	25	1,2
Не выяснено	127	—	611	—

Итак, отчасти недоимками, отчасти лежащими на земле налогами, которые предстоит платить, земля обесценивается, крестьянин при ликвидации хозяйства делается полным пролетарием, лишается всего своего недвижимого имущества. Такая быстрая и решительная пролетаризация, разумеется, не улыбается никакому крестьянину, и поэтому весьма естественно, что общинники менее подвижны, чем

подворники. Наиболее бедные крестьяне прямо не могут сдвинуться с места, потому что они не выручили бы от ликвидации имущества и той ничтожной суммы, какую выручают зарегистрированные переселенцы.

Выше мы указывали на два фактора создающих переселение: высокие налоги обостряют нужду населения и заставляют его искать заработков на стороне, вне земледельческого хозяйства, а экономические условия в черноземном районе затрудняют такое искание. Благодаря этому, в центральном черноземном районе создается среди бедноты стремление уйти куда-нибудь, хоть на край света, чтобы найти заработок. С другой стороны, эти высокие налоги настолько тяжело ложатся на землю и на все хозяйство беднейшего крестьянина, что он не может сдвинуться с места, так как рискует сделаться полным пролетарием и лишиться даже того ничтожного имущества, какое у него есть. Высокое обложение гонит его с места, чтобы прокормиться, и в то же время держит его на месте, прикрепляет его к земле, потому что грозит ему полным разорением: переселение без средств или с небольшими средствами ведет к пролетаризации переселенца на месте его нового жительства.

Но на-ряду с чрезмерными налогами при ликвидации хозяйства переселенцев обнаруживается и своеобразная роль общины, как административной и хозяйственной единицы. Задумавши переселиться, общинник рискует лишиться всего своего имущества и идет искать счастья на новых землях в качестве полного пролетария, не имеющего средств чем-нибудь обзавестись на новом месте на счет ликвидированного имущества. Чтобы иметь необходимые для переселения средства, общинник должен иметь, кроме надела и построек, кое-какой инвентарь, чтобы продажей его приобрести необходимые для переселения средства. Самые бедные общинники поэтому не могут сдвинуться с места, потому что им нечего и продавать: надел и постройки отберет община, которая делается и орудием и жертвой фиска, а инвентаря у наиболее бедных крестьян, разумеется, бывает немного. Естественно, что беднейший общинник идет в наем или к соседям—помещикам, или в отход на сельскохозяйственные работы, чтобы не лишиться абсолютно всего. Поэтому, при подавляющем количественном преобладании в России общинников, из них сравнительно немногие переселяются. Подворники, составляя незначительный процент земледельческого населения, дают очень большое количество переселенцев и выделяют на новые места наиболее нуждающийся слой. Этот беднейший слой подворников-крестьян, имея возможность ликвидировать свое хозяйство, выручает некоторые средства от продажи своей земли и усадьбы и, благодаря этому, может отправиться в поиски за лучшею жизнью.

Размер выручки при ликвидации хозяйства переселенцев на родине имеет решающее значение при устройстве переселенцев на новом месте. Так, по данным, приведенным А. Кауфманом («Томские переселенцы». Сб. правов. и общ. зн., т. VII, 1897 г.) о подворном исследовании поселков томских переселенцев восьмидесятых и начала девяностых годов, было:

У переселенцев.	% дворов без посева и сеющих менее 1 дес.	% дворов, сеющих более 10 д.	Безлош. и однолош.
Пришедш. без денег	35,5	2,7	43,2
Принесших до 25 рублей	21,1	3,1	31,6
От 25 — 50 »	13,3	8,5	23,4
» 50 — 100 »	5,6	10,9	11,9
» 100 — 200 »	5,9	19,9	11,9
Более 200 рублей	2,2	38,7	7,4

Крестьянин, не выручивший при ликвидации имущества достаточной суммы, рискует на новом месте попасть в худшее положение, чем то, в каком он был на родине. Естественно, что, благодаря этому, беднейшие общинники не рискуют двигаться с места, так как даже более состоятельные из них выручают меньше, чем более бедные подворники.

Итак, чтобы устроиться на новом месте и иметь средства переселиться, масса переселенцев, в особенности, общинников, должна принадлежать к среднему слою крестьянства. И действительно, «по материальному обеспечению он (переселенец) довольно заметно выделяется над наиболее обездоленными группами сельских жителей». Последнее заключение вполне подтверждается рядом исследований о сибирских переселенцах, произведенных в конце 80-х и начале 90-х годов [1]). Это обстоятельство сознается и в среде переселенцев, так как при опросе последних получались весьма характерные ответы: «Богатым не за чем итти, беднякам не на что»; переселялись и «бедные, но только кто в силах пройти» [2]).

В данном случае община, как правовой и хозяйственный институт, лишь ухудшает положение самих же общинников. Большинство остающихся общинников, поневоле задерживая выселение отдельных беднейших своих членов, обостряет тяжелое экономическое положени, в котором находится это большинство: избыток рабочих рук застаивается в деревне и обостряет общую нужду крестьянской бедноты, понижает и заработную плату, повышает арендные цены на землю и т.д., и т. д. Право п о л ь з о в а н и я землей, которым пользуется общинник, при ликвидации хозяйства, при ликвидации этого права, теряет свою ценность, особенно благодаря высоким платежам, потому что остающиеся члены общины, оставляя землю за собой, обязаны платить налоги. Этим обесценивается не только земля, но и постройки на усадебной земле, хотя последняя и находится в частном пользовании, близком к праву собственности.

Естественно, что община берет у переселенца землю себе за те недоимки, которые он должен уплатить, и за налоги, которые падают на нее в случае ухода каждого отдельного члена общины. Создается

---

[1]) «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом». Изд. комит. министров. Спб. 1900 г. «Все вышеизложенное подтверждает правильность выводов, сделанных также во всеподданейшем отчете статс-секретаря Куломзина по поездке его в 1896 г. в Сибирь о принадлежности главной массы переселенцев к средне-состоятельным лицам».

[2]) Ibid, стр. 157.

безвыходное противоречие, в котором безуспешно бьется большинство общинников. Высокие налоги, обостряя нужду крестьян и увеличивая избыточное население, побуждают его к выселению (это мы видели выше из размеров обязательных платежей переселенцев на их родине). С другой стороны, высокие платежи обесценивают и без того обесцененную общинным строем, землю, лишают крестьянина возможности ликвидировать свое хозяйство и выручить необходимую для переселения сумму.

Регламентация переселения «бумагой» и желанием ближайшего начальства еще более затрудняло отлив избыточного населения, созданного урезкой у крестьян земли, высокими налогами и естественным приростом. «Так например, в 1896 г. некоторыми начальниками губерний был сделан опыт препятствовать переходу в Сибирь малоимущих крестьян, с вопрещением им продавать их хозяйства до предъявления удостоверения в наличности 300 руб. свободных (!) денег. Однака, эти распоряжения повели лишь к различным злоупотреблениям или к тому, что крестьяне, желавшие уйти в Сибирь, сообща собирали требуемую сумму и представляли удостоверение о наличности у них необходимых денег; по получении же разрешения на продажу имущества, собранные суммы передавались затем другим крестьянам и, таким образом, в конце концов, удавалось получить желаемое разрешение всем собиравшимся в путь».

Несмотря на то, что всякого рода правительственные комиссии объясняли упадок крестьянского хозяйства малоземельем и перенаселением, препятствия переселенческому движению не прекращались с самой эпохи отмены крепостного права [1]). Даже в последние годы значительный процент переселяющихся «без разрешения» показывает, что и в настоящее время в административных сферах нет особенного сочувствия переселенческому движению. «Главным... из препятствий были задержки в удовлетворении со стороны местной администрации представленных переселенцами ходатайств о выдаче им надлежащих разрешений:причина эта обусловила, напр., в 1896 году выход с родины до 55% всего числа самовольных переселенцев» и т. д.[2]).

Часто задержка переселенцев местной администрацией вызывалась интересами соседних землевладельцев, которые теряли в лице переселенцев дешевые рабочие руки и арендаторов по «голодным» ценам. «Бедные служат для средних и крупных хозяйств рабочею силою и арендаторами земель; богатые же служат исключительно арендаторами земли. Землевладелец и рассуждает, что выселение и беднейших и зажиточных имеет тенденцию нарушать его интересы, умалять число сельских рабочих и арендаторов, а через это повышать заработную и понижать арендную плату. Руководствуясь такими побуждениями, землевладельцы и стараются удержать крестьян от выселения. Во многих случаях местная администрация проникается

---

[1]) Вскоре после издания закона 1889 года число самовольных переселенцев начало быстро расти: в 1894 г. самовольное переселение достигало до 78% всего переселенческого движения. Ibid, стр. 162.

[2]) Журнал подготовительной при комитете Сибирской жел. дороги комиссии 1897 г. № 46. Цит. из книги «Колониз. Сибири», стр. 160.

воззрением землевладельцев и также ставит большие или меньшие препятствия» [1]).

Такое компетентное издание, как издание комитета министров («Колонизация Сибири»), утверждает, что это опасение землевладельцев лишиться дешевых рабочих рук действовало и на законодательство со времени отмены крепостного права. «На общее направление законодательства оказывало влияние и опасение, чтобы дарование освобожденным от крепостной зависимости крестьянам права переселения на казенные земли не привело бы к развитию вредной подвижности и бродяжничества в сельском населении». Та же тенденция, как увидим ниже, проявилась отчасти и со стороны земства.

«Опасение это разделялось и большинством поместных владельцев, лишенных после 1861-го года дарового труда крепостных, и поставленных в необходимость обращаться при обработке своих земель к наемному труду крестьян или сдавать свою землю в аренду последним же; при таких условиях уход крестьян на окраины представлялся землевладельцам весьма нежелательным, угрожая им возвышением цен на рабочие руки и уменьшением спроса на их земли» [2]). Но при всем несочувствии общественного мнения (?) и законодательных сфер к свободным переселениям сельских обывателей, течение народной жизни создало условия, в силу которых потребность в таких переселениях стала в пореформенную эпоху ощущаться крестьянами с постепенно возроставшею силою, и крестьяне переселялись без разрешений. «Таким образом, законодательство и администрация 60-х годов относились одинаково несочувственно к обоим фазам переселенческого движения — к оставлению крестьянами своих обществ и к водворению их на казенных землях. Если же законодательство

---

[1]) А. А. Исаев. Переселения в русском народном хозяйстве, 1891 г., стр. 39.

[2]) В 1901 году председатель псковской губернской управы г. Горбунов, находя, что переселение крестьян вредно отражается на интересах местного сельского хозяйства, предложил уездным земским собраниям вопрос о возбуждении ходатайства о том, чтобы переселение крестьян из Псковской губернии в Сибирь при содействии правительства было признано преждевременным. Псковская уездная управа в своем докладе уездному земскому собранию констатирует, что в последние годы, когда неурожаи с особенною силою заставили почувствовать тяжесть малоземелья и плохого качества надельной земли, в двух волостях действительно появилось некоторое брожение: в первой 835, а во второй — до 2.000 душ заявили желание переселиться. Но администрация не удовлетворила желания крестьян, и фактического переселения не было.

Земское собрание, тем не менее «нашло переселение крестьян нежелательным в интересах экономического благосостояния уезда и признало необходимым принятие энергических мер борьбы».

Мотивированное ходатайство означенного земства также крайне характерно для иллюстрации его отношения к интересам населения. «По убеждению земского собрания, переселение крестьян из Псковского уезда представляется совершенно не обоснованным и не вызываемым действительною потребностью». Находя, что вообще крестьяне Псковского уезда находятся в благоприятных условиях, что существование «разнообразных кустарных производств из местных лесных материалов и глины доставляет населению обильные и прибыльные заработки», что «от добра добра не ищут», земское собрание и постановило ходатайствовать о принятии экстренных мер к временному прекращению переселенческого движения из Псковского уезда в Сибирь».

и разрешало в отдельных случаях в положительном смысле вопрос о водворении переселенцев, оседавших в многоземельных губерниях вопреки разнообразным запретам и препятствиям, то подобные законы представляли собою лишь частные мероприятия, далеко не охватывавшие собою разнообразных сторон этого экономического процесса».

Противоречие между законодательством и непредолимым движением переселенцев обратило внимание правительства, «хотя принятию каких-либо решительных мер по вопросу о регулировании переселений препятствовало опасение, разделяемое лицами центрального управления, чтобы предоставление крестьянам прав на водворение на казенных землях не возбудило среди них несбыточных ожиданий общего дополнительного наделения их землею». Между тем, несмотря на эти опасения, «правительству уже в самом начале 80-х годов пришлось принять меры для обсуждения вопроса об уменьшении заметно возросших размеров самовольных переселений крестьян, направлявшихся для водворения, под видом ухода на заработки в Новороссию, в Приуральские губернии и в Западную Сибирь».

Итак, среди причин, задерживающих переселение, наибольшее значение имеют противодействия общего законодательства, местной администрации, общинного землевладения и связанных с ним порядков и высоких налогов, обесценивающих основной капитал крестьянина — землю.

Причины, побуждающие к переселению, отзываются гибелью на крестьянском хозяйстве. Неудовлетворительное положение крестьянского хозяйства и заставляет часть населения искать лучшего места для улучшения своего положения. Но раз часть населения сдвинулась со старого места и имеет достаточно средств не только на переселение, но и устройство хозяйства на новом месте, от этого улучшается положение не только переселившихся, но и тех, которые остались на месте. При удалении части населения с данной территории, оставшемуся населению остается и большая площадь земли. Так как переселяются, главным образом, крестьяне, добывающие средства существования земледельческим трудом, то сокращается конкуренция сельско-хозяйственных рабочих, арендаторов помещичьих земель и т. д. Таким образом, если местная администрация задерживает переселение часто в интересах местных землевладельцев, то задержка общиной переселенцев происходит в ущерб интересам общинников же. Чем хуже положение общинников, чем выше платежи на землю, чем меньше от нее доход, тем труднее общиннику выбраться, потому что тем меньше шансов получить какие-нибудь верхи[1]). Заставляя голодать общинников, оставшихся благодаря невозможности продать землю, остальные общинники обрекают *этим* себя также на голодовку, потому что, удерживая других, они не улучшают своего положения. Создаются своеобразное равенство и разверстка недоедания, которые являются результатом неблагоприятных социальных

---

[1]) Еще В. Григорьев заметил, «что нужда, вызывая движение, вместе с тем задерживает его».

условий, создается скрытое перенаселение, ведущее или к понижению потребностей, или мешающее их повышению. Такого рода перенаселение тем более вредно, что оно ведет к пассивности населения, к надежде каждого общинника улучшить свое положение путем увеличения семейства, увеличения надела на свою семью, следовательно, посредством размножения населения, ведущего в общем, при таких условиях, к противоположным результатам. Нет сомнения, что это должно отражаться не только на крестьянском хозяйстве, но и на положении сельско-хозяйственных рабочих.

Исследование положения переселенцев на их родине показывает, что перенаселение наиболее сильно обнаруживается в центральном земледельческом районе. Это перенаселение создается и создалось: 1) уменьшением земельного надела крестьян этого района во время отмены крепостного права, 2) высокими обязательными платежами, уменьшающими и без того недостаточные средства, получаемые крестьянами от земледелия и от продажи своего труда, 3) отсутствием промыслов и заработков в означенном районе, благодаря чему держится низкая оплата труда, вследствие чего население не может пополнить свой бюджет промысловыми доходами, 4) бедностью населения, вызванной перечисленными условиями, мешающей повышению доходности земледельческого хозяйства. Благодаря всем этим причинам, население не может при существующих условиях получать достаточный доход, и все сильнее и сильнее чувствуется *малоземелье*, как *признак* недостаточности получаемого крестьянскими хозяйствами дохода при существующем хозяйственном строе, и перенаселенность, как результат малоземелья. Эта перенаселенность обостряется теми факторами, которые создают препятствия для переселения образовавшегося избыточного населения, благодаря перечисленным социальным условиям[1]).

---

[1]) Характеристику переселенческого движения и политики правительства в XX столетии читатель найдет во II томе «Аграрного вопроса».

Глава VII.

Типы земледельческих хозяйств.

1. Продовольственная аренда.

Образование избыточного населения в центральном черноземном районе отразилось, как мы видели, на повышении арендных цен и должно было повести к преобладанию мелкой погодной аренды. Из теоретического анализа некапиталистической ренты уже видно было, что ее повышение и преобладание связаны с перенаселением и ведут к падению производительности труда. Это должно было отразиться и на характере крупного владельческого хозяйства. Прежде всего, крестьяне, принужденные арендовать на каких бы то ни было условиях, должны соглашаться обрабатывать и экономическую запашку собственным инвентарем, так как аренда земли для удовлетворения наиболее настоятельных потребностей предполагает отсутствие свободных денег для расплаты за аренду. Владельцы земли широко пользуются этим обстоятельством. В Тамбовской губернии «погодными нанимателями земли в Лебедянском уезде постоянно бывают местные крестьяне из ближайших к имениям сел, и все они работают в этих имениях. Расчеты таких нанимателей с землевладельцами редко бывают денежные. «Формально наем бывает денежный — каждой десятине назначается известная цена: на самом же деле крестьяне, не располагая деньгами, расплачиваются работами». Что в действительности означает погодная съемка земли крестьянами, заносимая условно в статистическую регистрацию, как денежная, показывают записи, из которых видно, что всю означенную в них сумму арендной платы крестьяне часто обязуются отработать на полях [1]).

В Тамбовском уезде «в наибольшей части случаев землевладельцы раздают землю подесятинно, по определенной денежной цене за десятину под озимь и под яр; но цена эта в действительности отрабатывается. Расценка работ, засчитываемых в наемную плату за землю,

[1]) Цитир. по книге Липского. «Цены на рабочие руки при заблаговременном найме на сельско-хозяйственные работы», 1902 г., стр. 105—107.

бывает большею частью предварительная, одновременная со сделкою сдачи-найма земли. Это называется осеннею или зимнею наемкою на полевые работы, вытекающею из... незаконченных расчетов крестьян с владельцем или из выпрашиваемых вперед задатков. «Особенно расчетливые относительно цен на работы хозяева гарантируют себя какими-нибудь удостоверяемыми волостными правлениями или старостами обязательствами крестьян, что они взялись выполнить те или другие работы по известной цене, обыкновенно самой умеренной» (очень «умеренное» выражение!). «...Все существующие порядки и условия подесятинной раздачи земли крестьян... обычные и в других уездах губернии [1])».

«Отрабатываемые съемочные цены почти всегда выше тех, какие назначают владельцы в редких случаях действительно денежной аренды. Примером такой двоякой оценки может служить одна из больших экономий Липецкого уезда, где по собранным земским статистическим отделением сведениям, пашня раздается за отработки с оценкой десятины в 16—18 руб.; между тем, ту же землю, при сдаче за деньги, крестьяне не соглашаются брать и по 12 рублей. В другом имении Кирсановского уезда, по свидетельству владельца, озимое раздается при условии отработков до 20 руб. за десятину, яровые до 16 руб., и та же земля «за деньги ходит по 15 руб. озимое и по 12 руб. яровое»... Но таких съемщиков, на чистые деньги, бывает немного и «не только потому, что крестьян, располагающих денежными средствами, вообще мало; но и потому, что землевладельцы обеспечивают себе обыкновенно необходимый контингент рабочих путем раздачи им земли в наем». Единственным последствием низких оценок работы, при высокой съемочной цене, является невозможность для съемщиков-рабочих вполне отработать свои обязательства по найму земли перед владельцами ко времени уборки урожая. Между тем ликвидировать обязательства необходимо, ибо иначе, по условию, урожай увезти с поля не позволят. В конце-концов, съемщикам предстоит одно из двух: или продать за бесценок урожай на арендных десятинах, или же просить владельца перенести незаконченные расчеты долгом на следующий год. Таким образом, благодаря отработочной аренде, съемные работники «никогда не выходят из долгов местному землевладельцу и, находясь постоянно в такой от него зависимости, вынуждены соглашаться на всякие работы» [1]).

«Таким образом,— заключает автор,— не подлежит сомнению, что подесятинная аренда в денежной форме является в руках владельцев орудием понижения заработной платы, притом более могучим, чем заблаговременный наем с выдачей задатков... Вряд ли может подлежать сомнению, что подесятинная съемка в Тамбовской губернии давно уже потеряла характер аренды и ныне должна быть преимущественно рассматриваема как один из наиболее тяжелых видов заблаговременного обеспечения имений дешевыми рабочими. Вместе

---

[1]) «Сб. статистич. сведений по Тамб. губ.», 1889 г., XIX т., стр. 28—31.

[1]) Липский. «Цены на рабочие руки» и т. д., стр. 107—109.

с тем, совершенно ясно обрисовывается та роль, какую играет земля, предназначаемая к подесятинной сдаче. Она является орудием, с помощью которого свободный земледелец превращается в барщинного рабочего, отдающего свой труд по ценам, регулируемым нуждою»[1]). «Преимущества» такого рода найма для землевладельца заключаются еще и в том, что обеспечивается не только наем за бесценок рабочих рук, но и крестьянского инвентаря. Расходы крупной экономии на содержание и покупку живого и мертвого инвентаря делаются излишними, и крестьяне со своим инвентарем делаются как бы частью владельческой экономии[2]). Неудивительно, что «из общего числа исследованных в конце 80-х и начале 90-х годов статистическим отделением «имений свыше 50 дес.» оказалось «без всякого живого инвентаря» в Тамбовском уезде 26%, в Лебединском 33%, в Кирсановском 30% и в Липецком уезде около 40%».

В такое положение ставит крестьян, конечно, безвыходная нужда. Г. Вихляев объясняет такое положение крестьян не больше, не меньше, как... избытком у арендаторов труда и конской силы! «Избыток труда и конской силы в пределах надельного хозяйства и недостаток продовольственных средств, доставляемых последним, заставляют русского крестьянина прибегать к аренде»[3]). Вот до чего договариваются доктринеры, желающие во что бы то ни стало доказать преимущества мелкого хозяйства. Остается еще сказать, что «избыток труда и детских сил заставляет кустарей работать по 20 часов в сутки и эксплоатировать труд детей», чтобы преимущества мелкого хозяйства распространить и на индустрию.

Для опровержения легенды об «избытке труда и конской силы», найденной г. Вихляевым, приведем свидетельство г. В. В., которого уж нельзя обвинить в ненависти к форме мелкого хозяйства. «Факт недостатка у большей или меньшей части крестьян (а принимая во внимание, что потребность в земле и кредите существует у большей половины населения центральной России,—эта часть будет достаточно велика) времени для обработки надела теми приемами, каким учит мужицкая теория земледелия — явление до того общеизвестное и подтверждаемое как специальными исследованиями крестьянского хозяйства, так и случайными корреспонденциями деревенских обитателей», что автор ограничивается немногими выписками[4]).

О каких бы то ни было «избытках» тут не может быть и речи.

---

[1]) Ibid, стр. 112—115.

[2]) Сокращение основного капитала под влиянием дешевизны рабочих рук происходит иногда не только в земледелии, но и в индустрии. До половины 80-х годов в Америке конфекционная индустрия организована была на началах крупной фабричной промышленности с механическими силами. С тех пор эта совершенная техника уступает место несовершенной технике домашнего производства без механических сил. Это явление объясняется тем, что имиграция (из России) рабочих в этой промышленности понизила заработную плату, что сделало выгодным для предпринимателей применение простого ручного труда.

[3]) Вихляев. «Очерки из русской экономической действительности», стр. 48.

[4]) В. В., «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве», стр. 24. Разрядка, везде наша.

Крестьянин часто бывает принужден бросить свою пашню, чтобы работать у помещика. Для землевладельца, благодаря безысходному положению малоземельных соседей, такая форма найма является просто наиболее выгодной. «Местные исследования показали,— говорит проф. Карышев[1]),— что между разными формами арендных плат (денежной и натуральной), с одной стороны, и уровнем благосостояния арендаторов—с другой, существует зависимость, повторяющаяся весьма последовательно и однообразно во всех изученных областях. Известному уровню обеспеченности съемщиков соответствуют и известные виды арендных отношений... Беднейшие группы съемщиков стремятся (!) получить в пользование чужую землю предпочтительнее за плату натурой, чем за деньги». Конечно, бедные съемщики не «стремятся» к невыгодной аренде, а вынуждаются к ней экономической необходимостью.

Повидимому, создается противоречие: продовольственная аренда является разультатом избыточного земледельческого населения, между тем земля плохо обрабатывается и у крестьян и у землевладельцев, при чем крестьяне часто не успевают обработать удовлетворительно свою землю.

Это противоречие создается падением производительных сил населения. Избыточное земледельческое население создает тип малопроизводительных мелких хозяйств, с плохим скотом, а то и вовсе без скота, с плохими орудиями, которыми нужно обработать и свою и владельческую землю. Между тем, например, ручная уборка хлеба так мало производительна и в то же время требует такой спешности, что часто, убирая хлеб у помещика, крестьянин вынужден оставить свой осыпаться на полосе; он не успевает убрать своевременно и тот и другой хлеб вследствие малой производительности своего труда. Это служит причиной того, что при постоянной спешности летней работы, крестьянин не может тщательно обработать ни свою, ни помещичью землю.

Низкая производительность труда на своей земле побуждает обрабатывать помещичью землю на самых невыгодных условиях. Создается безвыходное положение: низкая производительность труда не дает возможности более крупной арендой расширить свое хозяйство и заставляет ограничиваться мелкой погодной арендой, а форма мелкого хозяйства служит, в свою очередь, причиной понижения производительности труда. Такое безысходное положение крестьян и дает возможность землевладельцам пользоваться клочками земли, как оборотным капиталом, а ростовщическим кредитом зимою, как средством для понижения заработной платы. Зимняя наемка крестьян на летние работы обходится процентов на 50 дешевле летней наемки. Погодная и испольная[2]) аренда для крестьян обходится дороже аренды «на года» и т. д.

---

[1]) «Влияние урож. и хлеб. цен», т. I, статья проф. Карышева.

[2]) Определить относительную высоту денежной и испольной аренды можно из сопоставления следующих данных по Саратовской губернии; см. ст. В. Колобова об арендах в Сарат. губ. «Сарат. Зем. Нед.» № 12, 1902 г. Если разделить

В Веневском уезде, Тульской губ. «большая часть полей обрабатывается крестьянским инвентарем на денежную плату и за отработки, преимущественно за землю; но часть полей обрабатывается собственным инвентарем сроковыми и поденными рабочими; почти все работы, как сенокос и уборка, отдаются заранее, т.-е. зимою, с уплатою денег вперед; в южной части уезда работы эти оплачиваются уже на два и на три года вперед,— это бывает преимущественно в тех местах, где кустарная промышленность между крестьянами вовсе не развита». Такого рода наем оказывается «большим подспорьем (sic) в сельском хозяйстве» [1]. Принимая по собранным им данным обычную оценку при заблаговременном найме в 4 руб. 50 коп.— 5 руб. и нормальную оценку, по существующим на месте ценам на рабочие руки, в 9—10 руб., г. Липский находит, что «при заблаговременных договорах и отработочных формах аренды издельные рабочие теряют на каждой десятине от 4½ до 5½ руб. «Ввиду таких результатов,— добавляет автор,— нельзя не согласиться с каширским помещиком, утверждавшим в одной из своих корреспонденций, что заблаговременный наем является большим подспорьем в сельском хозяйстве».

В Орловской губернии в Мценском уезде «издельный труд (главным образом в форме заблаговременного найма) заменил собою в настоящее время испольную обработку полей, которая до половины 70-х годов составляла господствующую форму эксплоатации частновладельческих земель в уезде. По мере возрастания цен на сельскохозяйственные произведения с одной стороны, а с другой — благодаря усиленному спросу на землю со стороны крестьян, вызвавшему возвышение арендных цен, испольная обработка оказалась менее выгодной, так что большинство хозяйств расширили собственную экономическую запашку.

Но так как значительная часть хозяев не успели (а может быть не нашли выгодным? П. М.) завести у себя инвентарь, дочтаточный для обработки всех полей... то в настоящее время получил господствующее значение издельный труд в самом широком смысле.

уезды с более высокой арендной платой и более низкой, то получим следующие цифры стоимости испольной аренды:

УЕЗДЫ С ДЕШЕВОЙ АРЕНДОЙ	Стоимость испольн. найма 1 каз. дес.	Средняя арендная плата за деньги	Отношение испольн. платы к денежн., принятой за 100
Хвалынский	7 р. 76 к.	7 р. 60 к.	102%
Царицынский	3 „ 35 „	2 „ 98 „	117%
Саратовский	11 „ 59 „	9 „ 70 „	119%
Камышинский	8 „ 24 „	6 „ 20 „	133%
УЕЗДЫ С ДОРОГОЙ АРЕНДОЙ			
Вольский	9 р. 51 к.	7 р. 10 к.	134%
Кузнецкий	11 „ 34 „	6 „ 90 „	164%
Петровский	13 р. 12 к.—15 р. 22 к.	8 „ — „	164—190%
Сердобский	14 „ 26 „ —20 „ 31 „	11 „ 10 „	128—183%
Аткарский	14 „ 05 „ —15 „ 92 „	8 „ 30 „	169—169%
Балашовский	17 „ 09 „ —21 „ 99 „	11 „ 02 „	153—196%

[1]) Липский. «Цены на рабочие руки при заблаговременном найме». 1902 г., стр. 14 и 30.

«В Орловском и других уездах губернии займы натурою широко практикуются, при чем в таких случаях обработками уплачивается или капитальная сумма долга и проценты за ссуду, или же неустойка за несвоевременное погашение долга». В то время, как по чисто-денежным займам, в среднем, по Орловскому уезду уплачивается роста около 48% при зимних подрядах на круговые работы, крестьяне уплачивают владельцам неоплаченным трудом около 94% [1]).

В Рязанской губернии помещичьи хозяйства «ведутся почти исключительно крестьянским инвентарем, и лишь в немногих случаях часть земли обрабатывается батраками и инвентарем владельцев; обстоятельство это объясняется (!) ограниченным числом лошадей у владельцев» [2]).

Разумеется, это наивное объяснение совершенно не верно. Помещику выгоднее обрабатывать землю почти даром готовым, хотя бы и плохим, крестьянским инвентарем, чем делать затраты на его обзаведение и поддержку. «Избыток» у крестьян конской силы (почему не «избыток» своей рабочей силы?!), которым объясняет г. Вихляев распространение издельной работы и аренды за отработки, есть просто признак крайней нужды крестьян, и «падение капиталистического хозяйства, основанного на труде батраков, и переход или к обработке экономической запашки наемным инвентарем, или к подесятинной раздаче» есть признак падения производительных сил, признак того, что население постоянно на границе голодовки.

В Тамбовском уезде «подесятинная раздача пашни и сенокосов крестьянам, при постоянном, весьма многочисленном контингенте таких краткосрочных съемщиков земельных угодий в уезде, составляет обычное, широко распространенное явление в эксплоатации частных имений как самими их владельцами, так и арендаторами... При подесятинной раздаче земли в наем нужно иметь дело с большим числом мелких съемщиков, да и договорную плату получать с них, главным образом, зачетом в нее работ. Поэтому подесятинную раздачу земли крестьянам практикуют преимущественно землевладельцы, имеющие свое полеводство». После тридцатилетнего опыта ведения хозяйства вольным трудом, лишь немногие землевладельцы, и только отчасти, ведут его постоянными рабочими и своим инвентарем. Наибольшая часть владельческих запашек ведется издельным наймом местных крестьян, их скотом и орудиями. С этим постоянным из года в год, но работающим лишь временно в имениях, контингентом рабочих землевладельцы и поддерживают тесные (sic!) экономические отношения, лучшим средством к чему служит раздача крестьянам соседних деревень в наем угодий, крайне им нужных, но не представляющих особенных выгод (т. е. ненужных) для собственного хозяйства владельцев» [3]).

Естественно, что при таких условиях крестьянин-батрак, не имеющий своей запашки и своего инвентаря, не может конкурировать

---

[1]) Липский. Цены на рабочие руки... стр. 51 и 73.

[2]) С. Короленко. Сельскохоз. и стат. свед., стр. 162.

[3]) Сборн. стат. свед. по Тамбовской губ., т. XIX, стр. 28—29.

с этим постоянным контингентом почти даровых работников, а плуг, как бы он ни был дешев, — конкурировать с даровой крестьянской сохой. Так обстоит дело с арендаторами. Не лучше положение издельных рабочих. «Главную часть крестьян, запродающих свой труд землевладельцам зимою на будущее лето, составляют не те, которые договариваются лишь о найме земли на условии отработки ее цены... Зимняя наемка на летние работы... бывает непременно займом денег у нанимателя в виде получения задатков. При этом условии можно вынуждать занимающихся зимою крестьян соглашаться на всякую, самую низкую оценку разных полевых работ». А к займам побуждает необходимость «изыскивать средства на прокормление семейства и скота» [1]).

В Рязанской губ. «наем на полную обработку посева... производится почти исключительно заблаговременно с осени или зимы, а иногда даже за два-три года вперед, с выдачею, при заключении условия, обыкновенно всей заработной платы» [2]).

В Подольской губении [3]) часть крестьянства, придавленная безземельем, пытается сохранить свою номинальную самостоятельность на почве мелкой натуральной аренды Помещик редко, почти никогда, не сдает все имение враздробь мелким арендаторам: он предпочитает для этого крупного арендатора-капиталиста, эту своеобразную фигуру экономики юго-западного края. Но очень часто, ведя самолично свое хозяйство (особенно при более интенсивной свекловичной культуре), он находит весьма удобным для себя сдавать небольшую часть земли, — главным образом неудобную: овраги, суглинок, песчаную, — в аренду крестьянам за отработку. Этим он обеспечивает себе наперед значительное число рабочих рук по баснословно дешевой расценке для того или иного критического момента своего хозяйства. Такая форма аренды является всегда удобной ареной для самой широкой эксплоатации крестьянина, цепко держащегося за фикцию «самостоятельного хозяйничанья», и тем не менее помещик всегда выступает в роли отца и благодетеля, так как жаждущих получить кусок оврага за тяжелую отработку всегда больше, чем «избранных», добившихся этого куска за особые заслуги — послушание и почтительность помещику... В одном из южных уездов есть село, населенное бывшими однодворцами, освобожденными без надельной земли, где все поголовно семьи, начиная с сельского старосты и кончая пьяницей музыкантом, отрабатывали свои кусочки в самую горячую пору: за полдесятины они должны были сжать и свезти помещику двадцать копен пшеницы или накопать и отвезти к заводу (15 вер.) 600 пудов свекловицы. Облегчить эти условия крестьяне не в состоянии: конкуренция — исключительно на их стороне, а помещик является безусловным господином положения. То же явление пришлось наблюдать в Каменецком (северном) уезде, при чем на этой почве вырастают такие цветы бесчеловечной жестокости, о которых нельзя умолчать.

---

[1]) Ibid., стр. 93.

[2]) С. Короленко. Сельскохоз. и стат. свед., стр. 163.

[3]) «С.-Петерб. Вед.» № 287. 1902 г.

«Плата за труд землею почитается в Курской губ. настолько выгодным способом расчета, что в Льговском уезде, напр., землею расплачиваются даже с годовыми рабочими». «Единственный способ вести благополучно для хозяйства дело с годовыми рабочим,—пишет министерству земледелия корреспондент из этого уезда,—это раздавать в счет части жалованья землю под посев; ставим в таких случаях от 15 до 20 руб. озимую десятину». «Действительно,—добавляет г. Липский,—плата землею, под угрозою потери урожая, безусловно обеспечивает исполнение всякого договора, как бы тяжел и жесток он ни был» [1]).

Разумеется, при мелкой погодной аренде может существовать только наименее производительный труд.

Таким образом, некапиталистическая потребительская аренда тесно связана с нищетой населения и малопроизводительным трудом, не только при обработке крестьянских, но и помещичьих земель.

Имея готовый крестьянский инвентарь и орудия, землевладельцы не приобретают и улучшенных орудий. Если техника сельского хозяйства России и у частных владельцев ниже, чем в Западной Европе. то, разумеется, не потому, что улучшенные орудия и машины не увеличивают производительности труда и непригодны. Введение их невыгодно вследствие низкой заработной платы сельских рабочих, особенно изделъных рабочих, и вследствие необходимости делать на покупку этих орудий затраты, когда можно обрабатывать дешево землю крестьянским инвентарем. Эти причины и в больших имениях, располагающих достаточными средствами, мешают применению улучшенных орудий. Первобытная техника при обработке земли и уборке хлебов — соха, серп, коса и плохая борона — еще занимают видное место не только в крестьянских, но и в крупных частновладельческих хозяйствах. Эта техническая отсталость ведет к повышению стоимости производства хлеба и к падению производительности труда, к сокращению всей суммы производимых продуктов и к стремлению землевладельцев наверстать потери понижением заработной платы рабочим, а крестьян — соглашаться на самые невыгодные условия.

---

[1]) Липский. «Цены на рабочие руки...» стр. 46—47. Для характеристики формы аренды за отработки позволим себе процитировать образцы договоров, взятых автором из сборн. оцен.—эконом. данных по Фатежскому уезду. В имении М. Н. Д. «крестьяне обязуются за 1 дес. озими отработать вполне 1 дес. такого же посева, вывезти 20 возов навоза и доплатить 13 руб.». «В многочисленных и обширных экономиях кн. М., отработочная аренда развита в такой мере, что князю полевых рабочих нанимать никогда не приходится. Вот одно из условий. Сдается 149 дес. озими, 140 дес. яров. и 111 дес. сенокоса на следующих условиях: крестьяне обязываются отработать и убрать 140 дес. озим. и 140 дес. яров., вывезти 4.700 возов навоза, застлать ворки и конюшни соломою, скосить, сложить, и свезти сено с 108 дес. сенокоса, вымести рощу, выполоть рожь и озимую пшеницу, отработать 420 женских дней (в случае неисполнения уплатить за день 50 коп.); сверх того, доплатить деньгами по 4 рубля за озим. десятину и по 2 руб. за яровую, всего 843 рубля; если же экономия потребует, то крестьяне обязаны еще засеять в яровом клину известное количество десятин картофеля, при чем должны передвоить, забороновать и нарезать борозды: при неисполнении условия — неустойки 200 рублей». Так побеждается мелкой арендой крупное хозяйство!

Следовательно, техническая отсталость связана с земледельческим перенаселением; поэтому в перенаселенных районах меньше всего употребляется улучшенных орудий. Большая их часть производится на окраинах и ввозится из-за границы на окраины России.

В отдельности каждому хозяину при настоящем положении вещей иногда кажется, да и действительно бывает, выгоднее пользоваться плохими орудиями производства при обработке и уборке хлеба, чем лучшими, но более дорогими. Между тем обработка плохими орудиями отражается не только на производительности труда, но и на урожае хлебов. Таким образом, пользование худшими орудиями, требующее меньше затрат и, повидимому, более выгодное, ведет в конце концов, к понижению общего урожая и к неурожаям на плохо обработанных землях. Более высокий урожай на владельческих землях против урожая у крестьян отчасти объясняется именно лучшей обработкой лучшими орудиями. На выпаханных землях, чтобы получить более высокий урожай, нужно глубже «продрать» землю. Губернский земский агроном, производивший в Московской губернии исследование крестьянского хозяйства и познакомившийся на местах с условиями распространения улучшенных орудий, следующим образом характеризует значение плуга в крестьянском хозяйстве. «Так называемая «выпаханность» крестьянских земель должна быть понимаема весьма относительно. Выпаханность, несомненно, может относиться лишь к двухвершковому или даже полуто1равершковому пахотному слою, периодически, в продолжение длинного ряда десятилетий взрыхляемому сохой, и никак не может относиться к ниже лежащим слоям. Если предпринять осторожное и постепенное углубление пахотного слоя, то нет сомнения, что явление «выпаханности» в большинстве случаев исчезнет, ибо в распоряжение пахотного слоя поступят минеральные вещества, не бывшие дотоле в обращении. Но нельзя ни минуты сомневаться в том, что осторожное и постепенное углубление пахотного слоя немыслимо при помощи сохи и легко осуществимо при помощи плуга».

Влияние на урожай улучшенной обработки земли посредством лучших орудий настолько очевидно, что можно ограничиться вышеприведенным свидетельством агронома. Несмотря на то, что улучшенная обработка земли одинаково важна и необходима как в черноземной, так и в нечерноземной полосе, как в интенсивных, так и в экстенсивных хозяйствах, сельскохозяйственные орудия распространяются главным образом на окраинах России, в районе экстенсивного хозяйства.

Таким образом, в районах с избыточным земледельческим населением, которое образовалось благодаря неблагоприятным социальным условиям, мелкое хозяйство побеждает и ведет к господству продовольственной аренды, связанной с низким состоянием производительности труда не только в крестьянских, но и в помещичьих хозяйствах, к кабальным формам сельскохозяйственного найма, к «голодной аренде» и т. д., к падению урожайности и к применению первобытных сельскохозяйственных орудий.

При этом обладание «собственной» землей не гарантирует от крайне тяжелых условий существования. Насколько «собственная земля» делается не матерью, а мачехой, видно, например, из следующего факта. В Оренбургскую губернию на казачьи земли, без чьего бы то ни было согласия, перебралось довольно много переселенцев, которые и поселились в казачьих станицах, не имея ни клочка своей земли. При этом переселение происходило целесообразно и продуманно, так как переселенцы, прежде чем перевезти свои семьи, по нескольку лет под ряд приходили на заработки из России, главным образом, из Симбирской и смежных губерний. Они бросили свои земли, чтобы на новом месте, в качестве безземельных, лучше устроиться. Правда, и на новом месте они не сделались капиталистами, но все-таки «когда Рассею во сне увидят, так и то испугаются!»

Глава VIII.

2. Капиталистическая аренда.

Продовольственная аренда связана с теми условиями, которые характерны для земледельческого центра.

Капиталистическая рента повышается и вытесняет продовольственную при противоположных условиях, при более производительном сельскохозяйственном труде, связанном с техническим прогрессом, или при высоких ценах на хлеб.

Исход борьбы капиталистического и продовольственного хозяйства в значительной степени зависит от относительного избытка земледельческого населения: чем больше земли по отношению к земледельческому населению, тем более благоприятны условия для развития производительных сил земледельческого населения. Площадь земли по отношению к земледельческому населению больше или в реже населенных районах, или в тех районах, где значительная часть населения совершенно порвала с земледелием и занимается промыслами.

Благоприятные условия для развития производительных сил встречаются в России исключительно на окраинах, в южных новороссийских губерниях и на восточной окраине Европейской России, где население реже, и значительная его часть (на юге) живет в городах. Кроме того, в южных губерниях и цены на хлеб, вследствие близости к внешнему рынку, выше.

В этих районах, судя по ввозу сельскохозяйственных машин из за границы и по местам назначения провозимых по железным дорогам машин, производительность земледельческого труда выше, следовательно, должна быть выше и капиталистическая рента. При отсутствии же избыточного земледельческого населения [1]), капиталистическая

[1]) «Избыточное» население в виде «резервной армии» рабочих существует везде, где есть капиталистическое производство. Мы употребляем этот термин здесь и в других местах в смысле *избыточного населения, занятого в производстве* и этим понижающего производительность труда. Поэтому, при огромном избыточном населении, в употребляемом нами смысле, может совсем не быть резервной армии *безработных*. См. выше о селе в Подольской губернии, где «все поголовно семьи, начиная со старика-старосты и кончая пьяницей-музыкантом отрабатывали свои кусочки в самую горячую пору».

рента должна вытеснять продовольственную аренду и кабальные формы найма. Н. Карышев формулирует это таким образом: «Аренды возрастают и падают вместе с наделами. Нивеллирующая роль пользования чужой землей уничтожается. При прочих равных условиях, при одинаковой близости сдаваемых участков снимает больше (т.-е. большие участки. П. М.) тот, кто больше имеет, и наоборот.

Действительно, по данным подворной переписи, в уездах Таврической губернии арендовалось крестьянами надельной и вненадельной пашни:

	В Бердянском уезде	В Мелитопольск. уезде	В Днепр. уезде
	десятины		
Бедной группы (засев до 10 дес.)	8.120	12.424	7.838
Средней „ (сеющих 10—25 д.)	38.970	61.858	48.397
Богатой „ (сеющ. более 25 г.)	70.596	146.485	81.646

Прекрасной иллюстрацией влияния указанных условий на характер аренды могут служить данные о средних размерах арендных участков, вычисленные по таблицам, приведенным Н. К. Нарышевым («Итоги экономич. исслед.»). Средние размеры аренды были (приведены уезды, относительно которых имеются более точные цифры):

1) Район с высокой производ. труда	Дес. на двор	2) Район с малой производит. труда	Дес. на двор
Самарская губ.		Вятская губ.	
Самарский уезд	17,0	Малмыжский уезд	1,7
Бузулукский „	12,3	Уржумский „	0,8
Бугурусланский „	9,0	Орловский „	1,6
Бугульминский „	7,0	Вятский „	0,6
Николаевский „	13,3	Нолинский „	1,4
Таврическая губ.		Курская губ.	
Мелитопольский уезд	13,0	Курский уезд	6,5
Днепровский „	14,4	Льговский „	3,3
Феодосийский „	15,7	Дмитровский „	4,3
Симферопольский „	12	Суджанский „	2,7
Бердянский „	18	Фатежский „	3,2
Перекопский „	31	Рыльский „	3,3
Евпаторский „	20	Путивильский „	3,0
Херсонская губ.		Щигровский „	4,4
Одесский уезд	15,2	Грайворонский „	3,7
Екатеринославская губ.		Обоянский „	1,9
Ростовский уезд	16,0	Орловская губ.	
Бахмутский „	11,0	Мценский уезд	3,8
		Елецкий „	3,0
		Трубчевский „	4,2
		Кромский „	3,2
		Карачевский „	5,4

Разумеется, продовольственая аренда существует и в первом районе, понижая среднюю норму аренды, как существует во втором

районе капиталистическая аренда. Тем не менее, из сопоставления средних арендных участков резко выступает различие типа аренды в том и в другом районе. Из сопоставления с цифрами текста видно, что средние цифры значительно затушевывают это различие. Так, в Мелитопольском уезде средний арендный участок 13 дес., между тем как по группам аренда распределялась таким образом («Сборн. стат. свед. по Тавр. губ.», I т.):

	Арендовано дес.	На наличный двор
Засевают до 5 дес.	1.738,28	0,4
„ от 5—10 дес. . . .	10.479,95	1,4
„ „ 10—25 „ . . .	61.531,00	4,5
„ „ 25—50 „ . . .	78.628,00	14,2
„ более 50 „ . . .	67.428,25	43,0

В Николаевском уезде Самарской губ. средний арендный участок 13,3 десятин. Аренда земли распределялась следующим образом:

Группы	Арендовано дес.	
Без рабочего скота	347,6	11.658,0
С 1 шт. рабочего скота	2.340,3	
„ 2—3 „ „	8.971,2	
„ 4 шт. „ „	8.221,1	
От 5 до 10 шт. рабочего скота .	24.808,2	50.401,9
„ 10—20 „ „ „ .	19.245,7	
С 20 и более „ „ „ .	6.358	

При отсутствии избыточного земледельческого населения, капиталистическая рента может быть очень высокой, даже выше, чем в районах густо населенных. Разумеется при таких условиях крупная аренда будет вытеснять мелкую. В Николаевском уезде, Самарской губернии на арендующий двор приходится по 13,3 дес.

«Всматриваясь в цифры стоимости аренды, мы замечаем, что Николаевский уезд характеризуется большими арендными ценами как на земли, снятые целыми участками, так и на землю, снятую на один посев, по-десятинно. Цена участковой арендной земли в описываемом уезде на 150%, а по-десятинно снятой — на 152% выше, чем в Бузулукском уезде, где арендные цены выше, чем в других. Высота арендных цен в Николаевском у. — наибольшая среди других уездов с таким количеством надельных земель, какое находится в руках его населения, — зависит, главным образом, от того, что здесь широко распространено хозяйство помещичьих и крупных купеческих владений, а также хозяйство мелких арендаторов из купцов и мещан, которые занимаются посевами исключительно с коммерческой целью, конкурируя с крестьянами в приобретении арендных статей». Надельная земля также арендуется богатыми крестьянами, которые, «имея много наделов своих и приобретая соседние, округляют наделы до той величины, при которой «стоит пахать»[1]).

Таким образом, в многоземельных районах, где население лучше обеспечено землей, где нет земледельческого перенаселения, земледелие принимает капиталистический характер и «потребительная»

[1]) «Сб. стат. свед. по Сам. губ.», т. VI, стр. 104.

аренда исчезает. В обратном положении находятся районы с земледельческим перенаселением, малоземельные.

Относительно большая дифференциация по экономическому благосостоянию населения в менее перенаселенных районах показывает, насколько неправильны представления об экономической действительности тех, кто в обеспеченности землей земледельческого населения видит гарантию против развития капитализма и капиталистических отношений в деревне, в сельском хозяйстве. Не лучшей гарантией против капитализма служит и технический прогресс. Из приведенных ниже данных о распространении в России сельскохозяйственных орудий видно, что последние распространяются в районах капиталистической аренды, в районах, куда приходят рабочие на земледельческие заработки.

Приведенные фактические данные о характере аренды в различных районах России можно было бы объяснить и априорными соображениями, настолько элементарными, что можно только удивляться существованию легенды о «преимуществах» продовольственного хозяйства. В самом деле, что может побудить замлевладельца сдать свою землю тому или другому арендатору? Разумеется, стремление получить наибольшую арендную плату. Далее, можно представить два случая: или землевладелец сдает в аренду потому, что сдача в аренду дает больший доход, чем ведение собственного хозяйства, или потому, что он просто не желает вести собственное хозяйство.

Рассмотрим первый случай. Арендовать землю могут предприниматели, с целью получить предпринимательскую прибыль, и такие крестьяне, которые видят в аренде лишь форму заработка и арендуют вследствие недостатка средств существования.

Если землевладелец сдает землю в аренду потому, что он получит больше, чем при ведении собственного хозяйства, то арендная плата должна быть так высока, что дает ему сверх капиталистической ренты и прибыль: т.-е., *если арендатор за обработку арендованной земли получит меньше, чем получили бы сельскохозяйственные рабочие при экономической запашке*. Следовательно крестьяне-арендаторы должны так нуждаться, что будут довольствоваться меньшим заработком, чем батраки. Какие бы «теории крестьянского хозяйства» ни открывались, этот вывод слишком элементарен, чтобы его можно было оспаривать. Естественно, что при такой высокой арендной плате капиталистическая аренда будет вытесняться продовольственной, если производительность труда в капиталистическом хозяйстве не повысится до такой степени, что продовольственное хозяйство должно будет отступить.

Второй случай. Землевладелец не желает вести собственного хозяйства, но желает получить высшую ренту.

Среди арендаторов всегда найдутся желающие получить прибыль при аренде, если это возможно. Поэтому при аренде будет происходить борьба между предпринимательскими, капиталистическими хозяйствами и продовольственными рабочими. Первые могут арендовать лишь тогда, когда арендатору остается прибыль сверх стоимости

обработки земли. Если аренда поднимется выше этого, т.-е. если арендатор получает столько же или меньше, чем сельско-хозяйственные рабочие, аренда для него невыгодна, и он отступит. С другой стороны, если продовольственное хозяйство может сколько-нибудь сносно существовать, довольствуясь своим наделом, то оно не будет расширяться на счет аренды, где получит лишь заработную плату сельскохозяйственных рабочих и уступит аренду капиталисту-предпринимателю. Чем выше производительность труда в своем хозяйстве, тем меньшую склонность продовольственное хозяйство будет питать к аренде, и, обратно, чем ниже производительность труда в собственном хозяйстве, тем за меньшую долю арендатор согласится работать. Капиталист-предприниматель арендует при противоположных условиях: чем выше производительность труда в его хозяйстве, тем больший остаток получается у него сверх заработной платы, тем более высокую ренту он может уплатить землевладельцу. Напротив, при малой производительности труда ему останется меньше сверх заработной платы, и он уступит продовольственному хозяйству. Итак, чем ниже производительность земледельческого труда, чем более бедствуют крестьяне, тем это благоприятнее для победы продовольственного хозяйства над хозяйством капиталистическим, и обратно: чем выше производительность труда и чем крестьянин в продовольственном хозяйстве сытее, тем благоприятнее условия для капиталистической аренды. Увеличение земельного фонда в руках крестьян, как и увеличение производительности труда благодаря техническому прогрессу, ведет к победе капиталистической аренды. Говорить о «жизненности», устойчивости продовольственного или капиталистического хозяйства независимо от состояния производительных сил, от условий, в которых находится хозяйство,— нельзя. Продовольственное, мелкое хозяйство будет устойчиво, если крестьяне недоедают и имеют низкую заработную плату; неустойчиво, если они живут в лучших условиях.

Устойчивость крупного капиталистического хозяйства определяется противоположными условиями: производительным земледельческим трудом и высокой заработной платой. Впрочем, эти выводы разделяются и экономистами из лагеря народников, но последние закрывают глаза на те логические последствия, которые вытекают из этого. Так, из-за «направленской» полемики забывают о «мужике» те, кто постоянно говорит о нем. Например, г. Вихляев делает те же выводы, как и мы:

«При подъеме арендных цен до высоты, поглощающей доходность пашни, многолошадные арендаторы оттесняются на площадь участковой аренды, а следовательно, и возможность расширения их хозяйства находится в тесной зависимости от предложения земель к сдаче на года. Так как раздача земли подесятинно представляет большие выгоды для землевладельцев-сдатчиков, то предложение земель в аренду «на года» может последовать только после насыщения спроса на подесятинную съемку. Ввиду того, что этот спрос исходит со стороны малоземельных дворов, то... степень развития подесятинной съемки находится в зависимости от

численности малоземельных групп в составе селений, прилегающих к арендному фонду». «Подесятинная съемка пашни по ценам, превышающим (sic) доходность, представляет собой рельефно выраженную форму продовольственной аренды, предназначенной служить к удовлетворению насущных потребностей арендатора». Иными словами: своеобразная форма найма в виде аренды по более дешевым ценам, чем наем сельскохозяйственных рабочих, характерна для «продовольственного» хозяйства и связана с его существованием. «В участковой долгосрочной аренде, как приносящей доход, заложена возможность капиталистической формы земледельческого производства»[1]).

Итак, г. Вихляев утверждает, что чем бедственнее положение крестьян, тем прочнее продовольственное хозяйство; чем меньше их эксплоатация, тем больше «заложена возможность капиталистической формы земледельческого производства». Мы не знаем, чего г. Вихляев желает крестьянам, но если бы он пожелал, чтобы они меньше эксплоатировались при аренде, то он пожелал бы (о ужас!) «возможности капиталистической формы земледельческого производства»! Но это против доктрины, а доктринер никогда не выскажется до логического конца...

Итак, вера в прочность продовольственного хозяйства тесно связана с верой в прочность хозяйственного регресса, в прочность наиболее тяжелых форм эксплоатации, в прочность такого положения, что крестьянин, имея свое хозяйство, будет довольствоваться меньшим заработком, чем батрак)[2]); что производительность труда в земледелии будет не повышаться, а падать, потому что повышение производительности труда (введение машин и проч.) повышает капиталистическую ренту.

Как бы ни было тяжело положение крестьян, но такая вера не подтверждается фактами даже настоящего времени: все-таки и теперь крестьянское землевладение расширяется (у части крестьян), техника сельского хозяйства изменяется (также у зажиточной части крестьян). Да и трудно предположить, чтобы процесс разорения крестьянского хозяйства шел дальше без конца.

К сожалению, у очень многих благожелательность к крестьянам не заходит так далеко, чтобы заставить отказаться от излюбленных, хотя бы и нелепых доктрин, и мы будем снова и снова слышать восхваления продовольственного хозяйства...

---

[1]) Вихляев. «Очерки» и т. д., стр. 68. Разрядка везде наша.

[2]) Выше мы привели данные для Сарат. губ., по которым видно, что испольная аренда выше денежной в уездах с высокой денежной арендой в 1½—2 раза. Но и денежная аренда в этих районах бывает убыточна для съемщиков. Так, для Сердобского, Петровского и Балашовского уездов, за вычетом из валового дохода стоимости обработки земли и арендной платы, получается убытку для Сердобского уезда—3,4%, для Петровского — 2,5%, для Балашовского—1,3% («Сарат. Зем. Нед.», № 12, 1902 г., ст. В. Колобова). Борьба денежной и испольной аренды гонит арендные цены вверх, пока и денежная аренда не сделается убыточной.

Глава IX.

Технические условия развития капиталистического хозяйства.

Условия наиболее производительного использования рабочих сил лошади, человека и использование машин.

В каждой стадии экономического развития общества преобладает или стремится к преобладанию такое типичное хозяйство, которое является наиболее подходящим для той степени развития производительных сил общества, которая существует в данный момент.

Самопотребительное земледельческое хозяйство, до вовлечения его в товарный обмен, представляло собою определенный нормальный тип хозяйства, размеры которого определялись, с одной стороны, количеством рабочих сил, бывших в распоряжении семьи, с другой стороны — размерами земельного участка, ограниченными находящимися рядом с другими хозяйствами. Меньше определенных размеров это хозяйство не могло быть, потому что оно должно было давать все средства для существования семьи. Чтобы существовать при данной системе земледелия на меньшем участке земли, семья должна была перейти или к продаже своего труда, или к производству каких-нибудь продуктов для продажи.

Точно также в индустрии, при ручном производстве, нормальный тип предприятия (разумея под «нормальным» не желательный и даже не самый рациональный, а наиболее приспособленный к экономическим и социальным условиям данного места и времени) определялся степенью разделения труда между производителями того или иного продукта, размерами рынка и т. под. Если новое количество рабочих в предприятии не сокращает издержек производства, не увеличивает производительности труда в такой степени, чтобы конкуренцией уничтожать мелкие предприятия, то и дальнейшая концентрация производства для предпринимателей не имеет особенного значения.

В торговле купец устраивает несколько магазинов, если сокращение издержек при устройстве одного громадного магазина не настолько значительно, чтобы дешевизной продуктов привлечь покупателей из отдельных районов; он предподчет иметь несколько

магазинов, но ближе к покупателям. Размер магазинов ограничивается количеством ближайших покупателей. Но вообще в индустрии при обширном рынке концентрация капитала дает такие преимущества, что наиболее выгодным является наибольшее по размерам предприятие.

Совершенно иной характер имеет земледелие. Землевладелец, владея большим участком земли, очень часто находит более выгодным разделить его между фермерами, которые организуют на этом участке более мелкие хозяйства. С другой стороны, крестьяне могут иметь очень мелкие участки земли, но эти участки часто сосредоточиваются в руках зажиточных крестьян, имеющих более крупные хозяйства, чем те, которые могли быть организованы на отдельных участках. Определение того нормального типа хозяйств, который стремится образоваться при данных социально-экономических и технических условиях, довольно трудно, так как требуется учесть всю совокупность этих условий.

Вследствие трудности априорного определения нормального типа хозяйства, экономисты прибегают обыкновенно к помощи статистических данных и уже из сравнения размеров хозяйства в различные периоды определяют тенденции хозяйственного развития страны.

Но и пользуясь статистическими данными, не легко определить тенденции хозяйственного развития, потому что различные условия мешают организации такого типа хозяйств, которые были бы наиболее приспособленными к данной стадии экономического развития страны. Например, формы землевладения в значительной степени влияют и на характер землепользования, на организацию сельскохозяйственных предприятий. При медленном развитии индустрии должно увеличиваться количество наиболее мелких хозяйств, потому что население, не имея возможности бросить земледелие, хватается за него, чтобы обеспечить себе хотя бы полуголодное существование. Чтобы определить влияние развития производительных сил на организацию хозяйства, нужно было прежде всего определить общие тенденции развития земледелия при современных капиталистических отношениях. Эти тенденции в значительной степени определяют как формы земледельческого хозяйства, так и характер хозяйственных отношений земледельческих классов населения.

В сельском хозяйстве в различных районах страны существует различный minimum размеров хозяйства, ниже которого производительность труда в земледелии будет резко падать. Размеры этого minimum'а определяются отчасти состоянием сельскохозяйственной техники, отчасти системой хозяйства и полеводства, наиболее рациональной в данном районе.

Производительность труда увеличивается от наиболее рационального использования, во-первых, непосредственно прилагаемого человеческого труда, во-вторых, живого инвентаря, машин, почвы (удобрение, дренаж, орошение и т. п.).

Для наиболее рационального использования прилагаемого к земледелию живого труда существует minimum размеров площади земли, который должен обрабатываться каждым работником, чтобы труд был производителен. Чем лучше сельскохозяйственные орудия, тем

этот minimum выше, и обратно, так как с лучшими орудиями один работник может больше и обработать земли. С улучшением техники должна увеличиться площадь обрабатываемой земли, приходящейся на каждого производителя; сокращение площади земли поведет к падению производительности его труда. Поэтому на окраинах России, где применяются лучшие сельскохозяйственные орудия, запашки расширяются быстрее, чем растет население.

Интенсификация земледелия ведет, напротив, к сокращению minimum'а площади земли на работника, размеры которой необходимы для наиболее производительного приложения труда. Но при этом значение сельскохозяйственных орудий остается одинаковым, т.-е. чем лучше орудия, тем больше площадь земли, которую может обработать каждый работник. Следовательно, интенсификация земледелия ведет к сокращению необходимого minimum'а земли для наиболее производительного приложения труда, между тем как улучшение орудий производства увеличивает размеры необходимой для рациональной обработки земли. Какое огромное значение имеет в этом отношении технический прогресс, видно из того, что при чрезвычайно высокой интенсивности культуры земли в Англии, площадь земли по отношению к земледельческому населению больше, чем в России; каждый сельскохозяйственный рабочий там, при интесивном хозяйстве, обрабатывает большую площадь земли.

Точно также существует известный minimum для использования сил живого инвентаря. Для рационального исполнения его сил, хозяйство, на основании статистических данных, должно быть не меньше 25 десятин. Как по данным официальной, так и земской статистики, в черноземной и нечерноземной полосе, в районе конской работы и в области господства воловьей упряжки — везде наблюдается правильное понижение производительности работы рабочего скота по мере уменьшения размеров крестьянского хозяйства. «Эта правильность обнаруживалась с тем большей определенностью, чем точнее был способ группировки (подворный, поселенный или поуездный) и чем ближе выведенный коэффициент производительности стоял к действительному отношению количества рабочего скота, к площади землеобработки. Повсеместно, при меньшем наделе или при меньшем размере крестьянского хозяйства, одно и то же количество пахатных земель обрабатывается большим количеством рабочего скота».

Чтобы оценить это обстоятельство, г. Вихляев берет данные по двум уездам Воронежской губ.; здесь «при наделе до 5 дес. на одну рабочую лошадь приходится 1,39 дес., при наделе от 5 — 15 дес. — 2,54, при 15 — 25 дес. — 3,32 и, наконец, при размере землевладения, превышающем 25 дес. — 4,20 дес. Тогда как лошадь крестьянина последней группы обрабатывает 4,20 дес., лошадь крестьянина первой группы только 1,39 дес., т.-е. работа лошади наиболее наделенной группы в 3 раза производительнее наименее наделенной. Там, где крестьянин с наделом несколько выше 25 дес. содержит для обработки своей земли 3 — 4 лошади, 5 соседей его с наделом по 5 дес., для обработки того же пространства земли, содержат 9 — 12 лошадей

Корм, задаваемый крестьянской лошади, получается в большинстве случаев в том же хозяйстве и является результатом затраты некоторого постоянного количества трудовой энергии. Так, если в день задается лошади 20 ф. сена, то эти 20 ф. получены в различно наделенных группах с одинаковой затратой труда, так индивидуальные свойства работника и качество покосов уравниваются тем более, чем больше число наблюдаемых случаев. В результате труд, овеществленный в продуктах содержания рабочего скота, распределяется неравномерно и переносится на тем большее количество продуктов пашни, чем крупнее размер землевладения,—при наделе более 25 дес., содержание рабочей лошади переносится на продукты 4,20 дес., при наименьшем же наделе—на продукты 1,39 дес., т.-е. производительность труда понижается по мере сокращения надела.

Таким образом, по мере сокращения величины надела, содержание рабочей лошади поглощает все больший и больший процент валового дохода хозяйства» [1]).

Для развития производительных сил при использовании живого инвентаря имеют существенное значение размеры хозяйства, между тем как для увеличения производительности живого труда важна и площадь земли на каждого рабочего. Поэтому, если даже существует крупное кооперативное хозяйство при избытке земледельческого населения, его труд будет мало производителен. Если в крупном кооперативном хозяйстве 200 дес. обрабатывают 100 чел., когда эти 200 дес. могут обработать 50 челов., то производительность труда первых будет вдвое ниже, чем у последних, хотя хозяйство по своим размерам будет крупным; и чем лучше орудия производства, которыми располагают члены кооперации, тем больше будет избыток рабочих рук в этом земледельческом хозяйстве. Иллюстрацией этого положения может служить следующая таблица, приводимая В. Е. Постниковым о крестьянских хозяйствах Таврической губ. [2]). «Если перевести отношение рабочих сил на посевную площадь, то получим, что на 100 дес. посева приходится у различных групп:

Население с наймитами.

	Дворов	Душ	Работников	Голов рабочего скота
Сеющих до 5 дес.	28,7	136	28,5	28,2
» » 5—10 »	12,9	67	12,6	25
» » 10—25 »	6,7	41,2	9,3	20
» » 25—50 »	2,9	25,5	7	16,6
» более 50 »	1,3	18	6,8	14
Свыше . .	5,4	36,6	9	18,3

[1]) П. Вихляев. «Очерки из русской сельскохоз. действит.», стр. 42.

[2]) В. Е. Постников. «Южно-русское крестьянское хозяйство», стр. 117.

Такого же рода факты даются земской статистикой по другим губ. [1]). Приведенная таблица блестяще иллюстрирует следующие «законы» сельского хозяйства:

1) Чем малочисленнее земледельческое население, тем его труд производительнее. Это видно из первого, второго и третьего столбцов таблицы. Одно и то же количество посева может обработаться в четыре раза меньшим количеством рабочих, если земледелием занята меньшая часть населения; 6,8 работников могут произвести такое же количество хлеба, как 28,5 работников, но произведенный ими хлеб будет потребляться уже не земледельческим населением, потому что при такой производительности земледельческого труда на 100 дес. посева может быть 18 душ земледельческого населения, т.-е. увеличение производительности прилагаемого непосредственно к земледелию труда возможно при таком перераспределении производительных сил населения, при котором значительная часть последнего занята неземледельческим трудом.

2) Из этого следует, что чем крупнее земледельческое хозяйство, тем труд, прилагаемый в этом хозяйстве, производительнее. Производительность земледельческого труда, как видно из таблицы, растет прямо пропорционально размерам хозяйства.

3) По мере образования избыточного земледельческого населения производительность его труда падает, но при этом от земледелия кормится большее число душ земледельческого населения.

Между тем, как при посевах меньше 5 дес. на одно хозяйство с 100 дес. посева земледелием живет 136 душ в 28,7 дворах, при посевах более 50 дес. на хозяйства со 100 дес. живет 18 душ населения в 1,3 дворах. При этом из 28,5 работников, занятых земледелием, ту же площадь земли могли бы обработать, при другом распределении производительных сил населения, 6—8 работников. Следовательно, 21,7 работников из 28,5 затрачивают совершенно излишний труд только в видах более правильного распределения продукта, только потому, что им негде более производительно приложить свой труд.

---

[1]) Например, в Сердобском уезде по группам землевладения размеры посева изменяются так («Сб. стат. сведен. по Саратовск. губ», т. IX, стр. 259):

В группах хозяйств с колич. пашни	На 1 работника м. п.	Засеяно десятин На 1 наличную душу	На 1 рабочую лошадь
0 дес.	2,49	0,55	4,39
До 2—5 дес.	4,07	1,01	3,96
От 2—5 »	3,87	0,94	4,49
» 5—10 »	4,63	1,15	4,63
» 10—20 »	5,79	1,44	4,82
Более 20 »	6,69	1,72	5,12

То же в других уездах Саратовской губ. В Таврической губ. разница в производительности труда в различных по размерам хозяйствах значительнее, чем в Сердобском уезде, потому что там в большей мере применяются улучшенные орудия. Технический прогресс должен все более и более увеличивать разницу производительности труда различных по размерам хозяйств.

4) Стоимость содержания рабочего скота в более крупных хозяйствах вдвое меньше. Другими словами, продуктивность работы рабочего скота увеличивается с увеличением размеров хозяйства. Чтобы прокормиться от земледелия большему количеству населения, приходится кормить и больше рабочего скота совершенно непроизводительно.

5) Первый и четвертый пункты можно формулировать и таким образом: чем выше производительность труда в земледелии, тем, при данной системе полеводства, меньше рабочих сил людей и меньше рабочего скота требуется для обработки земли, тем быстрее должно сокращаться земледельческое население. В странах, где запашки не могут расширяться и где производительность труда растет, земледельческое население сокращается или быстро увеличивает сбор хлебов с той же площади земли интенсификацией хозяйства. Но последнее возможно, как мы видели из теории ренты, при относительно высоких ценах на хлеб. Увеличение производительности труда в земледелии, благодаря введению машин, при той же культуре земли, повышает размеры площади земли, необходимой для хозяйства с более производительным трудом. «В хозяйстве таврических крестьян машинная уборка повысила рабочую площадь крестьянского двора ровно вдвое, и за норму рабочей площади здесь считается теперь уже не 10 дес. посева на работника, как было прежде, а 20 дес. Рабочая площадь крестьянского двора в большинстве районов России пока определяется условиями ручной уборки хлеба, требующей в течение месяца от крестьян самого полного напряжения ручных работ. При употреблении же машин, убирающих хлеб при том же числе рабочих в 5 раз скорее, рабочая способность двора, естественно, будет больше».

«Нужно сказать однако, что одна жатвенная машина не производит полного эффекта в сокращении рабочих сил... Заведя машины, крестьяне в средней России могут вполне справляться при 3 работниках во дворе и 3 парах лошадей с... 60 десятинами в трехпольном хозяйстве при 40 дес. посева, с которыми справляются теперь в южной России тавричане и немецкие колонисты» [1]).

Выше, в первых главах, мы пришли к заключению, что развитие производительных сил страны выражается в отделении от земледелия различных отраслей промышленности и организации в них крупного производства. Из анализа же условий развития производительных сил в земледелии оказывается, что развитие производительных сил сокращает количество рабочих по отношению к площади земли и требует также организации более крупного производства. Следовательно, *чем быстрее в стране развивается индустрия, чем больше она отвлекает рабочих рук от земледелия, тем больше увеличивается площадь земли по отношению к земледельческому населению*; это, в свою очередь, *является необходимым условием развития производительных сил в земледелии*.

[1]) В. Постников. «Южно-русск. хоз.», стр. 330 — 331.

В мелких земледельческих хозяйствах, в которых производятся продукты для потребления членами этих хозяйств, в мелких ремесленных предприятиях, производящих на заказ, производителям-хозяевам нет особенно сильных побуждений увеличивать производительность своего труда, развивать производительные силы своего хозяйства. При ограниченности своих потребностей и при ограниченности или отсутствии сбыта для производимых продуктов, производство их в расширенных размерах, в большом количестве является совершенно излишним. В Сибири несколько десятилетий тому назад хлеб за ненадобностью и отсутствием сбыта гнил в кладях, и его хозяевам, конечно, не было никакого расчета увеличивать свое производство. Производство на заказ ограничено числом заказов и также не побуждает особенно сильно к развитию производительных сил в такого рода хозяйствах. Разумеется, и в том и в другом случае трудящийся человек стремится съэкономить свои силы и по возможности лучше удовлетворить свои потребности; но существование этих хозяйств, а следовательно и самих хозяев не связано тесно с необходимостью быстрого развития производительных сил.

При производстве на широкий рынок сразу этот фактор выступает, как наиболее страшное орудие борьбы между различными хозяйствами. При введении машинного производства в каждой стране десятки и сотни тысяч мелких предприятий были разрушены, и его хозяева должны были или бросать хозяйства, или умирать с голоду; эти факты настолько общеизвестны, что мы не будем на них останавливаться.

При производстве на широкий рынок для мелких хозяйств является другое препятствие росту производительности труда. Рост производительности труда предполагает увеличение продуктов, производимых каждым рабочим. Такое увеличение не только требует расширения площади земли на каждого рабочего, но и определенных минимальных размеров хозяйства, при которых возможно применение улучшенных орудий и машин. То же самое и в индустрии, с одной лишь разницей, что в индустрии вместо площади земли должно увеличиваться количество обрабатываемого каждым рабочим сырья.

В сельском хозяйстве при различных условиях различен и minimum земли, необходимой для более производительного хозяйства. Этот minimum определяется орудиями и живым инвентарем, употребляемыми при обработке земли.

Более, чем в других странах, производительность труда в земледелии, несмотря на кризис, увеличилась в Англии, благодаря абсолютному сокращению земледельческого населения, в западных штатах Северной Америки, благодаря расширению запашек, и на южных и восточных окраинах России, также благодаря расширению запашек. Хотя в Англии трудно учесть влияние такого фактора, как кризис, задерживающий развитие капиталистической аренды, но, во всяком случае, несмотря на неблагоприятные условия, там капиталистическая аренда расширилась на счет мелкой. Наибольшее приобретение сделали хозяйства от 40 до 120 гектаров (от 100 до 300 акр.), затем от 20 до 40 гект. (от 50 до 100 акр.). В западных штатах

Америки увеличилось число хозяйств от 100 до 1.000 акров. Наконец, в южной России наибольшая площадь арендованной земли попала в руки хозяев, засевающих от 25 до 50 дес. и более 50 дес.

Трудно, разумеется, учесть все хозяйственные условия, при которых орудия и средства производства, затрачиваемые в земледелие в различных странах, наиболее выгодно используются. Тем не менее, можно учесть наиболее выгодное использование улучшенных орудий, более всего влияющих на производительность труда.

По уборке хлеба конная молотилка и жнейка приобретаются хозяевами, засевающими не менее 25 десятин, так как при меньшем посеве экономия труда становится излишней, и не погашается затраченный на эти орудия капитал.

Сила лошади, как упоминалось выше, используется наиболее производительно в хозяйствах, засевающих не менее 25 десятин.

Для использования плугов минимальный посев значительно ниже. Правда, 2—3-лемешные плуги выгодны также в более крупных хозяйствах, но они не в такой степени увеличивают производительность труда, чтобы принимать их в расчет.

Для конной сеялки minimum посева так же высок, как и для жнейки. Таким образом, для увеличения производительности труда наиболее выгодны хозяйства, превышающие 25 дес. посева.

Для увеличения урожайности земли, следовательно, ее рентабельности, существует, напротив, определенный maximum размеров хозяйства, больше которого повышение урожайности (посредством навозного удобрения) невыгодно. Стоимость вывозки удобрения возрастает по мере отдаленности полей от усадьбы. Точно также возрастает стоимость провоза сжатого хлеба к усадьбе с отдаленных полей [1]). Поэтому, при прочих одинаковых условиях, в районах экстенсивного хозяйства, без удобрения и без вывозки урожая с полей, средний размер капиталистических хозяйств может быть больше.

Повидимому, в районах с растущей производительностью земледельческого труда (в Англии, зап. шт. Сев. Америки, на окраинах России) побеждают хозяйства, имеющие размеры, несколько превышающие minimum наиболее выгодного использования орудий и живого инвентаря. Так как применение улучшенных орудий ведет к развитию производительных сил и так как применение этих орудий определяет minimum размеров хозяйства, то развитие производительности труда в каждом отдельном хозяйстве

---

[1]) Преимущества мелкого продовольственного и среднего капиталистического крестьянского хозяйства перед крупным по удобрению полей в России не существует, потому что при общинном землевладении расположение крестьянских участков менее благоприятно, чем в самых крупных имениях. Размеры земельной площади селения в 8 губ. в среднем от 20,2 до 105,6 квадратных верст, в 9 губ.—от 10,1 до 18 кв. верст и т. д. (См. П. Лахтин. «К вопросу о реформе сельского быта крестьян», стр. 10). «Половина удобных земель крестьян Европейской России не может быть удобряема по отдаленности полей от скотных дворов и другая половина земли может быть удобряема лишь со значительною и совершенно бестолковою затратою времени, сил и материальных средств земледельца» (Ibid., стр. 11). Как образец земледельческого хозяйства, автор рекомендует... Китай! См. стр. 29—38 и др.

ведет к изменению его размеров и организации. Если размеры хозяйства упадут ниже определенного minimum'a, то и применение улучшенных орудий делается невыгодным. Применение улучшенных орудий и в земледелии и в индустрии тесно связано с высотой заработной платы; поэтому ухудшение положения сельскохозяйственного населения ведет к сокращению улучшенных орудий, к падению производительности труда и к преобладанию мелкого хозяйства.

Таким образом, технические условия (применение машин) приводят к тем же последствиям, к каким приводят экономические условия. Повышение производительности земледельческого труда ведет к повышению капиталистической ренты, к победе крупного хозяйства. Точно также по техническим условиям повышение производительности труда возможно в более крупных хозяйствах, а падение производительности труда ведет к победе мелкого хозяйства.

Глава X.

Дифференциация крестьянства между районами и в районах.

1. Данные военно-конских переписей о дифференциации крестьянства в различных районах.— 2. Применение улучшенных сельскохозяйственных орудий в различных районах. — 3. Расслоение крестьянства между различными районами.— 4. Расслоение крестьянства внутри районов и образование крестьянской буржуазии; покупка земли и вклады в сберегательные кассы.

1.

Данные военно-конских переписей дают возможность уловить процесс изменения в крестьянских хозяйствах при различных экономических условиях. Эти данные показывают, что в процессе хозяйственного развития происходят изменения в том же направлении, как показывают и данные о статистике крестьянского хозяйства, и именно, что более крупное капиталистическое крестьянское хозяйство развивается при развитии производительных сил в земледелии.

Но прежде, чем перейти к рассмотрению изменений в составе коневладельцев, нужно принять во внимание следующее:

1) В районах, где производительность труда увеличивается, где вводятся улучшенные орудия, благодаря их введению должно сократиться количество рабочих лошадей по отношению к запашкам у более зажиточных хозяев, покупающих лучшие земледельческие орудия. Такое сокращение должно происходить потому, что при лучших орудиях требуется меньше лошадиной силы, чем при худших орудиях для той же работы.

Сельскохозяйственные улучшенные орудия распространяются в южных и восточных губерниях: следовательно, там должно быть и большее сокращение лошадей у богатых хозяев, если их запашки не расширились.

2) Так как лошади являются наиболее необходимыми для земледельческого хозяйства, то сокращение их числа по отношению к населению должно служить одним из признаков падения производительных сил населения. Правда, отчасти, как замечено, количество

лошадей может сокращаться в богатых хозяйствах, благодаря введению улучшенных орудий, но это сокращение может итти только до известных пределов. Во всяком случае, сокращение, числа лошадей у всего земледельческого населения есть признак падения его производительных сил.

По данным конских переписей, разработанным П. Вихляевым[1]), оказывается, что, за исключением южной части России, количество лошадей в начале 90 годов у населения сократилось, и такое сокращение сопровождалось значительной нивелировкой крестьянских хозяйств. Так, в губерниях восточных (Пензенская, Симбирская, Казанская, Уфимская) в 1891 и 1893 годах рабочих лошадей было:

В хозяйствах:	Число рабочих лошадей 1891 г.	1893 г.	в $^0/_0{}^0/_0$
С 1 лошадью	417.249	434.834	+ 4,2
„ 2 лошадьми . . .	415.000	358.066	— 13,7
„ 3 „ . . .	200.784	157.256	— 21,7
„ 4 „ . . .	101.552	78.426	— 22,8
„ 5 „ . . .	53.260	41.530	— 22,0
„ 6 и более	113.919	85.846	— 24,5
	1.301.764	1.155.958	— 11,2

Та же картина наблюдается и в других районах, кроме южных и прибалтийских губерний [2]). При общем сокращении числа рабочих лошадей, наиболее теряют группы многолошадных и увеличивается группа с одной лошадью; т. е. *при падении производительных сил населения происходит нивелировка хозяйств: более крупные крестьянские хозяйства, приближающиеся к типу капиталистических, исчезают* и заменяются «продовольственными» хозяйствами.

«Изменение в распределении рабочего скота по 4 южным губерниям (Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская) получило за период 1891 — 1896 года совершенно иной характер. Названные губернии отмечены *весьма значительным приростом*

[1]) П. Вихляев, «Очерки» и т. д. стр. 103 и след. Мы с тем большим удовольствием пользуемся данными г. Вихляева, что его никто не заподозрит в намерении доказать своими данными связь «народного производства», продовольственного хозяйства с упадком народного хозяйства. Если он тенденциозен, то во всяком случае, в противоположную сторону.

[2]) По 23 губерниям западной и центральной полосы в период с 1888 по 1893—94 гг. произошло следующее изменение в количестве скота у различных групп.

В хозяйствах:	Число рабочих лошадей 1888 г	1893—4 г.	Увелич. или уменьш.	в $^0/_0{}^0/_0$
С 1 лошадью . . .	1.693.859	1.877.842	+ 183.983	+ 10,86
„ 2 лошадьми . .	1.774.738	1 565.888	— 208.850	— 11,62
„ 3 „ .	838.521	589.356	— 249.165	— 29,72
„ 4 „ . .	373.492	231.192	— 242.300	— 38,09
„ 5 „ . .	154.145	84.165	— 69.980	— 45,41
„ 6 и более	157.098	76.159	— 80.939	— 51,52
	4.991 853	4.424.602	— 567.251	— 11,40

в количестве лошадей, но приводимая далее таблица поясняет, что этот прирост выпал на долю многолошадных групп».

В хозяйствах	Число рабочих лошадей 1991 г.	1896 г.	в %%
С 1 лошадью	104.897	103.702	— 1,1
„ 2 лошадьми . . .	471.736	585.414	+ 24,1
„ 3 „ . . .	99.045	125.658	+ 26,1
„ 4 „ . . .	137.424	194.428	+ 41,5
„ 5 „ . . .	44 345	64.515	+ 44,7
„ 6 и более	81 459	109.676	+ 34,7
	938.906	1.183.393	+ 26,0

В этом районе произошло значительное увеличение числа рабочих лошадей, следовательно, производительные силы населения развивались. Вместе с тем и в распределении лошадей мы видим совершенно противоположную картину: наиболее выигрывают группы многолошадных хозяйств и проигрывают группы хозяйств однолошадных. Следовательно, с развитием производительных сил дифференциация крестьянских хозяйств усиливается. Но перераспределение лошадей в южном районе не дает еще полной картины расслоения крестьянства при развитии производительных сил.

Выше мы заметили, что введение улучшенных орудий должно, относительно сокращать число рабочих лошадей в группе богатых крестьян. В южном районе больше всего распространяются сельскохозяйственные орудия, и производительные силы населения растут благодаря распространению улучшенных орудий. Таким образом, производительные силы населения растут гораздо быстрее, чем растет количество рабочего скота, и дифференциация населения происходит резче, чем об этом можно судить по распределению скота.

Результаты военно-конских переписей так широко и так наглядно и правильно показывают законосообразность в распределении рабочего скота, связь этого распределения с состоянием и развитием производительных сил населения, что нельзя не выразить удовольствия по поводу тщательной разработки их, сделанной[1]) П. Вихляевым. Правда, г. Вихляев пытался доказать нечто противоположное тому, что доказывают разработанные им данные, но от этого их ценность, разумеется, не падает. Дальнейший анализ типа продовольственного хозяйства и условий развития производительных сил в земледелии в достаточной степени объясняет только что приведенные факты: развитие производительных сил должно вести к организации крупных хозяйств, к расслоению крестьянства, а падение производительных сил населения — к организации хозяйств продовольственного типа, к нивелировке их.

Увеличение земельного фонда у крестьян увеличивает сумму земледельческих продуктов, отчуждаемых в обмен на орудия производства,

---

[1]) В упоминавшейся выше работе Н. Черенков не менее тщательно разработал данные конской переписи по отношению к статистике крестьянского хозяйства Эти данные также подтверждают сделанную нами характеристику состояния производительных сил населения различных районов.

т.-е. увеличивает торговое земледелие, дает возможность более крупным хозяйствам развивать свои производительные силы, усиливать расслоение крестьянства [1]), расширять капиталистическую аренду, вытеснять продовольственную и проч. Этот вывод имеет значение в вопросе о национализации земли.

2.

Расслоение крестьянства на окраинах под влиянием развития производительных сил выражается не только в аренде, в размерах запашек и в количестве скота, но и в распространении улучшенных орудий, которое, в свою очередь, является средством для дальнейшего развития производительных сил и повышения капиталистической ренты.

Имея возможность расширять запашки и имея средства [2]) для покупки сельскохозяйственных орудий, хозяйства быстро развивают свои производительные силы покупкой улучшенных орудий. Последние же влияют не только непосредственно на увеличение производительности труда, но и через увеличение урожайности.

Данные статистики перевозки грузов по русским железн. дорогам подтверждают, что в густо населенном центре России наибольшая масса земледельческого населения почти не пользуется улучшенными сельскохозяйственными орудиями и что они распространяются на окраинах.

---

[1]) Влияние размеров земельного фонда на расслоение крестьян проявляется не только в различных районах России, но и в различных уездах одной губернии, если по отношению к земледельческому населению количество земли различно. В Самарской губернии «в четырех центральных уездах (плотнее населенных)--Бузулукском, Самарском, Ставропольском и Бугурусланском— большинство надельных домохозяев имеет несравненно большую возможность вести самостоятельное хозяйство, нежели в трех крайних — Николаевском, Новоузенском и Бузулукском. В первой группе уездов % самостоятельных хозяев равняется 78,8%, в последней—только 65,8%. «Сводн сборн. ст. св. по Самарской губ.», стр 35. Нужно заметить, что наделы крестьян всех категорий во второй группе уездов больше. Следовательно, при больших наделах оказалось меньше «самостоятельных» хозяев

[2]) Разница между различными районами в распределении земледельческого населения по территории и связанная с этим разница в его положении отражается не только на распространении сельскохозяйственных орудий между окраинами и земдельческим центром, но и между редко-и плотно населенными уездами одной губернии. Например, существует разница между плотно населенными северными уездами и реже населенными южными уездами Саратовской губернии по распространенности железных плугов в крестьянских хозяйствах. В южных уездах, при более экстенсивном хозяйстве и при употреблении деревянных плугов, требуется значительная единовременная затрата на вспашку полей. Замена деревянных плугов железными даже сокращает силу необходимой тяги и не требует особенного увеличения затрат на приобретение железных плугов, несмотря на их относительную дороговизну; напротив, часто дает возможность сокращать количество необходимого для вспашки скота. В северных уездах введение плугов вместо сохи при земельной тесноте менее выгодно, и там у крестьян преобладает соха. Таким образом, приобретению даже такого простого орудия, как плуг, мешают условия мелкого хозяйства, производящего хлеб в недостаточном количестве, и земля ковыряется сохой.

По словам агронома московского губернского земства В. Г. Бажаева («Очерк крестьянского хозяйства в Московской губернии 1891 года») «некоторые крестьяне, совершенно основательно, вводят в расчет стоимости и стоимость

Из пунктов назначения отправляемых сельскохозяйственных орудий наиболее выдающимися были[1]):

	Пункты назначения	Прибыло в 1899 г. тыс. пудов
Южная окраина	Ростов	321
	Харьков	140
	Армавир, Владик. ж. д.	136
	Незлобная „ „ „	69
	Екатеринодар, Владик. ж. д.	56
	Изобильная, „ „ „	50
	Киев	121
	Одесса	75
	Елисаветград	40
	Москва	146
	Варшава	125
Восточная окраина	Челябинск	93
	Оренбург	88
	Саратов	54
	Омск	45

Из общей суммы в 1.559 тыс. пуд. сельскохозяйственных орудий, прибывших на более крупные станции назначения, в центральную Россию прибыло только 271 тыс. пуд., если даже и Варшаву отнести к центру.

Итак, значительная часть России довольствуется примитивными сельскохозяйственными орудиями.

Конечно, и в центральном земледельческом районе образуются капиталистические крестьянские хозяйства, но процесс их образования идет крайне медленно, так же, как медленно распространяются и улучшенные, особенно сложные, орудия.

Из приведенных цифр о перевозках сельскохозяйственных орудий видно, что наибольшее применение сельскохозяйственные орудия получают на юге России. «В Херсонской губернии в 70-х годах считали только 134 локомобиля для сельского хозяйства. В 1884—86 гг. в трех уездах губернии из шести было найдено 435 молотилок. В настоящее время (1885) число этих машин надо считать, по крайней мере, вдвое большим. «Вестник Финансов» (97, № 21) говорит, что в Херсонской губернии паровых молотилок «насчитывается около 1.150, в Кубанской области число их колеблется около этой же

более совершенной бороны: «Ведь к плугу и борону хорошую железную нужно, а то пласта не продерешь». Вот эти-то затраты на железные орудия, при бедности населения и при малых наделах, и мешают «продрать» землю и получить больший урожай,

[1]) «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам. Земледельческие орудия и машины 1899 года». Издан. департамента железн. дел. Спб. 1907 года.

цифры и т. д... Приобретение паровых молотилок получило в последнее время промышленный характер»... [1]).

Другие исследователи рисуют такую же картину развития машинного земледельческого производства на юге России как в помещичьих, так и в крупных крестьянских хозяйствах.

А. Кауфман в своем описании Амура и Приамурья («Мир Божий», № 7, 1902 г.) дает любопытные картины состояния сельского хозяйства у крестьян на Дальнем Востоке. Например, «Толстовка — очень зажиточная, и притом равномерно [2]) зажиточная деревня: богачи сеют по 90—100 молоканских десятин (=1²/₃ казенной десятины,) самые бедные — не менее пятнадцати, двадцати десятин каждый. Распахали решительно всю надельную землю, кроме мокрых низин... По части орудий и машин Толстовка вместе с соседней Тамбовкой ничуть не уступают самым богатым частновладельческим заимкам: и в той и в другой есть хозяева, имеющие машин на четыре или пять тысяч рублей; все более состоятельные хозяева от более дешевых заводских пахотных орудий перешли к дорогим плугам с сидением... в Толстовке уже в 1900 г. работало двенадцать сноповязалок, а ныне весной еще заказали двадцать четыре; у двенадцати хозяев молотилки и т. д.».

«В Тамбовке немало хозяев, засевающих более сотни молоканских десятин, а восемь из числа тамбовских молокан владеют участками купчей земли. Но немало и бедноты, засевающей по 2—3 десятины, а то и вовсе не имеющей посева... Сноповязалок в 1900 году работало двадцать, весною 1901 года закупили еще пятьдесят; рядовые сеялки, сортировки, косилки и т. п.». К сожалению, автор не указывает, откуда берут рабочих хозяева, имеющие молотилки, жнейки и проч. и засевающие «более сотни молоканских десятин».

В Оренбургской губернии в районах, прилегающих к Сибирской дороге, вследствие расширения запашек и повышения заработной платы, стали чрезвычайно быстро распространяться улучшенные орудия. До 1901 г. распространялись жнейки-«самосброски», но в 1902 году, при повышении заработной платы, стали спешно выписываться жнейки-сноповязалки. В одной только станице одним из трех складов сельскохозяйственных орудий было продано за лето 36 жнеек, из которых 18 сноповязалок. Рабочими у более богатых посевщиков нанимаются и бедные соседи, но, главным образом, башкиры из соседних деревень и уездов.

Весьма значительным ростом обращает на себя внимание перевозка земледельческих машин и орудий, которых было перевезено по Сибирской железной дороге в 1900 году 398.888 пудов, более чем в 1899 году на 109.616 пудов и почти втрое более, чем в 1898 году,— при чем и здесь преобладающее количество приходится на ввоз.

---

[1]) Вл. Ильин. «Разв. капит. в России», стр. 158.

[2]) Повидимому, это говорит за отсутствие «расслоения» крестьян. Но нужно принять во внимание, что посевы в 100—175 дес. обрабатываться могут только при помощи наемных рабочих, которые, вероятно, приходят из других деревень. Такое «равенство» крестьян в богатых деревнях характерно для порайонного расслоения деревни.

Объяснением указанного увеличения ввоза служит то обстоятельство, что в Сибири, при относительно крупных наделах землею на душу крестьянского населения (15 десятин), с целью утилизации возможно большего количества надельных земель, сибирское население с каждым годом все более обращается к обработке земель машинным способом и вообще старается применять при этом по возможности усовершенствованные земледельческие орудия.

Прежде земледельческими орудиями служили: обыкновенная двухколесная соха, борона самого простого устройства, серп, коса и цеп. В последнее же время для поднятия нови стал употребляться малороссийский плуг, запрягаемый волами, начали входить в употребление дешевые и несложной конструкции жнеи, молотилки и веялки.

Технический прогресс на окраинах и общее развитие производительных сил не всегда сопровождается расслоением крестьянства в пределах одной общины. Благоприятные экономические условия для земледельческого хозяйства в каком-нибудь районе при неблагоприятных условиях в других районах могут повести к порайонной дифференциации крестьянства, при чем население одного района поставляет сельскохозяйственных рабочих для района с благоприятными экономическими условиями.

3.

На основании данных конских переписей в южных губерниях можно заключить, что произошло значительное развитие многолошадных хозяйств. Но на-ряду с увеличением количества у многолошадных групп увеличилось и применение улучшенных орудий. Поэтому развитие этих хозяйств шло более ускоренным темпом, чем это показывает рост числа лошадей у богатой группы крестьянства.

Из 1,5 милл. пуд. сельскохозяйственных орудий, провозившихся по железным дорогам, большая часть их ввозилась в южные губернии (и в Оренбургскую). Производились сельскохозяйственные орудия также в этих районах в большом количестве. Из общей суммы производимых в России сельскохозяйственных орудий в трех южных губерниях производилось на сумму около 6 милл. р.,— две трети всего производства России, если присоединить сюда Харьковскую губернию.

Естественно, что при таком развитии производительных сил населения производство должно было достигнуть обширных размеров. И, действительно, южные окраины являются главными поставщиками хлеба на рынок.

В четырех южных губерниях (Таврической, Херсонской, Екатеринославской и Донской области) и в Оренбургской губ., по расчетам П. Лахтина, на *крестьянских* землях добывалась $^1/_5$ доля [1]) всего хлеба, добываемого крестьянами 45 губерний, а именно:

Без семян в год:

В 45 губерниях с 1892 по 1896 г.	1,271 милл. пуд.
„ 4 губ. с област. с 1892 по 1897 г. . . .	261 „ „

[1]) По числу жителей эти пять губерний заключают в себе около $^4/_{10}$ части всего населения Европейской России; следовательно, производительность труда в этом районе вдвое выше, чем по России Но нужно заметить, что в этих губерниях (Херсонская, Таврическая, Екатеринославская и обл. В/Донского)

Такое состояние производительных сил населения сопровождалось подъемом наиболее зажиточной группы крестьянства.

Хотя при этом процент хозяйств без рабочих лошадей увеличился, но процент безлошадных даже уменьшился, и обогащение высшей группы крестьянства, очевидно, происходило не столько на счет низшей группы крестьян этого района, сколько на счет населения других районов. Развитие более крупного крестьянского хозяйства (с 4, 5, 6 и более лошадьми) происходило не столько на счет местных рабочих сил (безлошадных и однолошадных хозяйств), сколько на счет пришлых рабочих. Для крупных крестьянских хозяйств поставщиками сельскохозяйственных рабочих являются крестьянские хозяйства центрального земледельческого района.

В центральном земледельческом районе, где образовалось избыточное земледельческое население, размножение его происходило при сокращении фонда, необходимого для поддержания хозяйства. Урожайность земли не повышалась, площадь запашки по отношению к населению сокращалась, и происходило абсолютное и относительное сокращение живого инвентаря. Производительные силы населения падали, и значительная часть рабочих должна была искать заработка на стороне. Земледельческие рабочие из центра уходят на окраины, —на юг и на восток, — где запашки расширяются и где не чувствуется избыточное население. Но здесь пришлые крестьяне являются уже наемными рабочими местных крестьян и помещиков.

Местные крестьяне по отношению к пришлым крестьянам-рабочим являются другим классом, с противоположными экономическими интересами.

Мы подошли к вопросу о дифференциации крестьянства различных районов.

Различное обеспечение земельным фондом земледельческого населения различных районов ведет к дифференциации крестьянства по районам. В южных и юго-восточных губерниях большая часть крестьянского населения принадлежит к высшей, более зажиточной, группе, пользующейся наемным трудом не только местных рабочих, но и трудом пришлых рабочих из районов с избыточным земледельческим населением. Эти последние районы являются поставщиками временных и постоянных рабочих для обеспечения землей крестьян. Поэтому в многоземельных районах должны преобладать крестьяне-работодатели, в малоземельных — крестьяне-пауперы. Этим в значительной степени ослабляется картина дифференциации крестьянства: местами могут быть почти все крестьяне зажиточными, нанимающими рабочих, и между ними не будет заметно резкой дифференциации[1]); в других местах, как

значительная часть населения живет в городах (в Херсонской 29%, в Таврической 19,9% и т. д.), и производительность труда земледельческого населения несколько выше, чем при расчете на число наличных жителей.

[1]) Местами, на окраинах, такая порайонная дифференциация выражается в эксплоатации одной народности другою. Так, в южных губерниях немцы-колонисты вербуют рабочих из приходящих русских, на Урале казаки и крестьяне местами нанимают только приходящих для сельскохозяйственного найма башкир, сибиряки-старожилы — переселенцев и т. д.

село Ново-Животинное, все — пауперы, нанимающиеся в других местах, следовательно, тоже незаметно никакой дифференциации. Разумеется, порайонная дифференциация крестьянства редко проявляется в такой резкой форме. Рядом с богатеями всегда есть бедные крестьяне, живущие наемным трудом; но указанная нами порайонная дифференциация, тем не менее, имеет большое значение. В районах, где, как мы указывали, преобладает капиталистическая аренда (в южных и юговосточных губерниях), в огромном количестве нанимаются пришлые рабочие из других губерний, из районов «продовольственной» аренды. В районах, где замечается развитие производительных сил в земледелии, преобладают: 1) капиталистическая аренда, 2) более крупные крестьянские хозяйства, 3) более высокая заработная плата, и поэтому 4) сельскохозяйственный наем не только ближайших соседей-пауперов, но и пришлых рабочих.

С другой стороны, в районах с избыточным земледельческим населением создается многочисленный класс крестьян — сельскохозяйственных рабочих, обрабатывающих не только земли соседних крупных землевладельцев, но и земли помещиков и крестьян других районов. Чем теснее земледельческое население, чем экстенсивнее культура земли, тем меньше могут выделяться из среды крестьян богатые хозяева землевладельцы с более производительным трудом в своих хозяйствах. Повышение продовольственной аренды в таких районах еще более ухудшает положение, потому что в виде «продовольственной» аренды большая часть продуктов мало производительного труда отчуждается от мелких собственников. У них остается так мало, что среди крестьян уже не может происходить в значительных размерах дифференциация по экономическому благосостоянию, а могут лишь существовать наиболее дикие формы ростовщичества и кулачества, посредством которых удается кое-что «накоплять». Зимняя наемка сельскохозяйственных рабочих является одним из наиболее характерных проявлений такого рода отношений.

В этих районах, при падении производительных сил, преобладают: 1) продовольственная аренда, 2) мелкие хозяйства сельскохозяйственных рабочих, 3) низкая заработная плата и 4) уход сельскохозяйственных рабочих на сторону.

При рассмотрении условий и размеров движения сельскохозяйственных рабочих нужно принять во внимание значение районной дифференциации крестьянства и значение экономических условий в районах, поставляющих рабочих, и в районах, нанимающих пришлых рабочих.

4.

Дифференциации крестьянства внутри крестьянских общин в экономической литературе посвящалось очень много внимания. Обстоятельно освещен этот вопрос Владимиром Ильиным в книге «Развитие капитализма в России». К сожалению, экономисты, отрицающие факт существования капиталистических отношений в сельском хозяйстве, совершенно игнорируют весьма ценное освещение этого вопроса упомянутым автором.

Во введении мы указали на то, что вопрос о дифференциации обсуждается обыкновенно совершенно независимо от вопроса о развитии производительных сил. Защитники мелкого хозяйства «во что-бы то ни стало» стараются доказать, что процесса дифференциации во многих районах России не происходит, и это весьма убедительно доказывается для районов с падающей производительностью труда в земледелии. В таких районах дифференцировка хозяйств не усиливается, следовательно, нет и дифференциации крестьянства.

Отсылая читателей, интересующихся вопросом о расслоении крестьянства на два класса, к литературе, специально посвященной этому вопросу, мы лишь резюмируем те последствия, которые вытекают из связи процесса дифференциации крестьян с развитием производительных сил и с развитием потребностей.

В главе «Развитие производительных сил, как фактор хозяйственной эволюции» указывалось на связь развития производительных сил с условиями распределения этих сил между индустрией и земледелием. Между прочим, указывалось и на то, что в плотно населенных районах при развитии производительных сил неизбежен переход части населения и капитала из земледелия в индустрию, потому что при техническом прогрессе возрастающее земледельческое население не может поглощаться земледелием. Технический прогресс выбрасывает из земледелия рабочие руки и для них необходим или переход в индустрию, или конкуренция с машиной, т.-е. остановка развития производительных сил.

Из характеристики состояния производительных сил в земледелии России ясно видно, что, кроме южных и восточных окраин, производство продуктов земледелия по отношению к земледельческому населению падает. Следовательно, падают и его производительные силы.

Падение производительных сил должно выражаться, прежде всего, во-первых, в уменьшении количества получаемых продуктов земледелия по отношению к земледельческому населению. Такое падение и происходит.

Во-вторых, в уменьшении орудий и средств производства по отношению к населению. Такое уменьшение в виде сокращения количества скота замечается также во всех районах, кроме окраин.

В-третьих, в отливе накопляющихся капиталов из земледелия в индустрию вследствие относительного падения капиталистической ренты и повышения ренты некапиталистической, в расширении продовольственной аренды. Это выясняется теорией ренты.

Отлив капиталов из земледелия в индустрию может происходить в разных формах, различными путями. Землевладельцы могут сокращать или не увеличивать инвентарь в своем хозяйстве, а получаемый доход проживать, помещать в акции, облигации и т. п., не делать капитальных затрат для увеличения производительности почвы, а предоставлять ее обработку арендаторам.

Крестьянская буржуазия может помещать свои доходы в торговлю, в сберегательные кассы, в банки, употреблять на покупку земли, и, таким образом, расширять свое землевладение и увеличивать

рентные доходы [1]. Последний способ перемещения капиталов из земледелия может показаться как раз помещением капитала в земледелие, но это представление ошибочно. Покупкой у землевладельца земли крестьянин лишь перемещает ее из одних рук в другие. Факт покупки земли ничуть не повел к увеличению земледельческого капитала. Раньше имел землю помещик А, теперь имеет землю крестьянин Б — и только. В производстве же капитал не увеличился. Если бы А полученную за землю сумму затратил в земледелие в виде орудий, скота и т. п., то капитал в земледелии увеличится, но не крестьянином Б, а помещиком А.

Увеличение капитала в земледелии, точно так же как и в индустрии, может происходить лишь в виде увеличения орудий и средств производства. Такого увеличения в центральном земледельческом районе не происходит. Таким образом, в земледельческом производстве, при падении производительных сил, не будет происходить и дифференциации крестьянских земледельческих хозяйств, хотя дифференциация крестьянства может итти очень быстро.

Так как при падении производительных сил в земледелии капиталистическое земледельческое хозяйство мало выгодно, продовольственная аренда превышает капиталистическую ренту, то, при накоплении капитала в руках крестьянина-общинника, этот капитал не будет реализоваться в его земледельческом хозяйстве, а будет помещен в «промыслы». Поэтому «собирание земли в руках зажиточной части крестьянства может задерживаться и даже остановиться, хотя накопление капитала в руках этой группы и будет происходить. Перемещение капитала крестьянами из земледелия в индустрию трудно, может быть, даже невозможно учесть. Можно лишь учесть затраты крестьян на покупку земли и вклады в сберегательные кассы. За тридцатилетие с 1862 по 1892 год крестьянами, казаками и другими сельскими обывателями земли куплено на сумму около 440 миллионов рублей, а продано на сумму около 157 милл. рублей. Часть, довольно значительная, из этой суммы затрачена крестьянами, которых нельзя причислить к крестьянской буржуазии, так как большая часть (по числу покупателей, а не по сумме затрат) покупает

---

[1] В Херсонской губернии «нет ни одного такого года, когда бы дворянское сословие не теряло десятками тысяч своих земельных владений; потери эти ежегодно колеблются, то уменьшаясь, то увеличиваясь, в зависимости от урожая хлебов. Для характеристики возьмем цифры за последнее пятилетие прошлого десятилетия, начиная с 1896 г.: в 1896 г. дворяне потеряли 28.748 десятин, в 1897—51.636 десятин, в 1898—89.612 десятин, в 1899—43.642 десятин и, наконец, в 1900 году потеря дворянами земельных владений составляет 24.494 десятин В общем же за пять лет потеря выражается цифрой 238.132 десятин. Наибольшая потеря падает на дворянство Ананьевского уезда, где за пять лет перешло земель от дворян к другим сословиям 53.552 десятин. Кто же является главным приобретателем всего этого количества земли? Ответ дают те же источники. Главные приобретения падают на крестьянские и мещанские сословия, к которым за пять лет перешло 156.417 десятин. Цифра эта располагается по группам приобретателей следующим образом: 45.351 десятин составляют приобретение отдельных лиц из крестьян, 31.451 десятин — товариществ крестьян и, наконец, 80.01 5десятин составляют приобретения товариществ

земли для ведения хозяйства собственными рабочими силами. Во всяком случае, на-ряду с сокращением у всей массы крестьянства средств производства, происходит у некоторой его части накопление, при чем накопляемый капитал реализуется отчасти и в покупке земли.

Хотя в центральном черноземном районе условия для дифференциации крестьянского населения наиболее неблагоприятны, тем не менее и там, на почве покупки земли, происходит выделение части более зажиточных крестьян, которых можно причислить к крестьянской буржуазии.

В Полтавской губ., несмотря на незначительное количество купленной земли (около 24 тыс. дес.), сельские общества не могли ее удержать за собою. Недоимки вынудили банк отобрать от крестьян-собственников 16.700 дес., так что из купленной земли у сельских обществ осталось всего 7.224 дес.

Зато крестьянский банк принес пользу «хозяйственным» мужикам: поодиночке и соединяясь в товарищества, они приобрели, при его содействии, 143½ тысяч десятин, и они же скупили землю, отобранную банком у сельских обществ; таким образом, из общего количества земли, приобретенной крестьянами (167½ тыс. дес.), на долю хозяйственных мужиков приходится более 95 процентов (160 тыс. дес.). При этом, их покупки, по отношению к их хозяйству, имеют уже солидное значение: при единоличных сделках приходится на хозяйство — 8,4 дес. и при товарищеских — 5,2 дес.[1]).

В Саратовской губ.[2]) через посредство крестьянского банка было приобретено до 1902 года:

	Число домохоз.	Десятин	На одного домохоз.
Сельскими обществами . . .	35.138	288.203,5	8,2
Товариществами	14.599	172.616,6	11,8
Отдельн. домохоз.	10	238,2	23,8
Всего	49.747	461.158,3	9,2

В среднем приобретение земли на каждый двор не так значительно, чтобы можно было говорить о резком отслоении покупщиков земли

крестьян и мещан. Количество земли, перешедшей к немцам тоже составляет солидную цифру — 62.369 дес.; сельские же общества почти отсутствуют в числе приобретателей или же составляют самый ничтожный процент — явление, во всяком случае, весьма знаменательное. Таким образом, дворянские земли в Херсонщине переходят большею частью в руки отдельных лиц из крестьян под тем или иным видом приобретения, благодаря чему в селах постепенно нарождается новый буржуазный класс из крестьян землевладельцев. Вместе с ростом сельской буржуазии увеличиваются также и кадры сельского пролетариата благодаря, с одной стороны, ежегодному приросту населения, а с другой — благодаря тому, что дворянские земли не переходят в общественное владение а поступают почти исключительно в собственность вновь нарождающегося класса крестьян землевладельцев, которые большею частью предпочитают эксплоатировать землю сами, не сдавая ее в аренду» («Р. Вед.»).

[1]) Из доклада В. Фролова. «О деятельн. полтавск. отдел. крестьянск. банка» Цит. по «Пет. В.».

[2]) «Сарат. Земск. Нед.» № 12, 1902 г. Статья В. Обухова о крестьянск. банке в Сарат. губ.

от остальной массы крестьянства. Но нужно принять во внимание, что, покупая землю, крестьяне берут ее по различному числу паев на каждый покупающий двор.

В Тамбовской губернии[1]) крестьянское землевладение с 1866 по 1877 год увеличилось на 82.477 десятин. Средние участки приобретения были[2]):

Уезды	Дес.	Уезды	Дес.
Усманский	43	Лебедянский	11
Борисоглебский . . .	43	Моршанский	74
Кирсановский . . .	37	Шацкий	41
Тамбовский	45	Елатомский	24
Козловский	38	Темниковский	25
Липецкий	32	Спасский	27

Повидимому, в гораздо больших размерах происходит реализация накопляющегося капитала в промышленных предприятиях, но учесть отливы капитала из земледелия в индустрию едва ли возможно.

Наконец, крестьяне-земледельцы делают вклады и в сберегательные кассы. Несмотря на то, что процесс накопления в центральном земледельческом районе, благодаря неблагоприятным социально-экономическим условиям, задерживается, и в массе крестьянских хозяйств замечается регресс, вклады в сберегательные кассы, тем не менее, росли в этом районе в следующих размерах (К. Мацеевич. «Мелкий кредит в Саратовской губ.», «Сарат. Земск. Нед.», 1902 г., № 12):

Распределение вкладов в сберегательных кассах по занятиям вкладчиков в центральном земледельческом районе.

Годы	I Общая сумма	II Землевлад.	III Земледелие и сельские промыслы	IV Все остальные	% отношение III группы к I	Средн. разм. вкладов III группы[3])
1894	48.044.327	—	11.155 347	36.888.380	23,2	225
1895	52.962.608	—	11.500.019	41.462.589	21,7	212
1896	57.801.571	1.185.400	12.475 101	44.141.070	22,4	193
1897	64.637.100	1.328 600	13.852 400	49.456 106	21,4	191
1898	74.863.800	1.827 900	18.710 300	54.325 600	24,9	202
1899	84.678.100	1.977.700	22.568.300	60.132.100	26,6	206
1900	102.830.500	2.558.000	25.845.800	74.426.700	25,1	210

[1]) Движение земельной собственности в Тамб. губ. за 1866—86», стр. 68—73.

[2]) Мелкие участки значительно понижают среднюю величину участков, купленных в губернии, хотя и занимают, относительно, небольшую часть купленной земли Наибольшая площадь купленной земли приходится на участки от 10 до 50 десятин и от 100—500.

[3]) Высшая группа вкладчиков выпадает, потому что максимальный размер вкладов ограничен.

При падении общего уровня благосостояния земледельческого населения вклады части этого населения, хотя и медленно, растут. За семилетие группа земледелия и сельских промыслов увеличила свои вклады более чем вдвое.

Для одной Саратовской губернии рост вкладов группы земледельцев и сельских промышленников выражается в следующих цифрах:

1897 г.	2.087 300	руб.,	по 213	руб.	на	1	вкладчика.
1898 „	3.173 400	„	„ 225	„	„	1	„
1899 „	3.473.000	„	„ 220	„	„	1	„
1900 „	3.653.000	„	„ 227	„	„	1	„

Итак, при убыточности вненадельного арендного хозяйства, высшие группы крестьянства не расширяли своего земледельческого хозяйства, а, напротив, потеряли значительную часть скота. Эта потеря произошла не столько вследствие замены плохих орудий улучшенными, которые бы сократили необходимую лошадиную тягу, сколько вследствие вытеснения капиталистической аренды продовольственною. Но при общем обеднении (увеличении числа безлошадных, однолошадных и т. д.), часть крестьянства продолжает покупать земли и делать вклады в сберегательные кассы. Землевладение более зажиточной группы крестьянства довольно быстро расширяется, так как приобретением собственной земли эта группа уже резко выдвигается из среды рядового крестьянства, работающего не столько для себя, сколько для других.

Глава XI.

Продовольственное хозяйство.

1. Влияние состояния производительных сил на организацию хозяйства.— 2. Соответствие размеров семьи размерам хозяйства при низком состоянии производительных сил.

1.

Победа мелкого продовольственного хозяйства при падении производительных сил населения, выражающаяся в повышении продовольственной аренды и в относительном падении капиталистической аренды, ведет к своеобразному явлению в крестьянском хозяйстве, констатированному вторичными оценочными исследованиями. Крестьянское хозяйство на известных границах останавливается в своем развитии, количество скота увеличивается по мере увеличения рабочих сил в хозяйстве до известных пределов, и дальнейшего расширения крестьянского хозяйства не происходит. Такое явление некоторые иследователи объясняют «благотворным» влиянием общины, якобы задерживающей дифференциацию крестьянства, другие объясняют особыми свойствами крестьянского продовольственного хозяйства, которое обладает особыми преимуществами перед капиталистическим хозяйством.

И то и другое объяснение, однако, опровергается фактами из русской же действительности. На окраинах, где происходит развитие производительных сил в земледелии, капиталистическая аренда побеждает, и особые свойства крестьянского хозяйства исчезают: хозяйство делается капиталистическим, выбрасывающим огромное количество хлеба на рынок.

Точно также «благотворное» влияние общины, выражающееся в нивелировке крестьянских хозяйств, не могло бы влиять на размеры аренды, если бы последняя была выгодна, а не являлась своеобразной формой рабочего найма. В Самарской и в Таврической губерниях более высокая производительность земледельческого труда, делая выгодной капиталистическую аренду, создает из среды крестьян довольно многочисленную группу земледельцев, ведущих капиталистическое хозяйство, и община может тормозить развитие таких

хозяйств, но не может их остановить. Ее влияние может отразиться на образовании избыточного земледельческого населения, которое повышает продовольственную аренду и ведет к падению производительных сил, но не может остановить эволюцию хозяйства.

Для объяснения прочности продовольственного хозяйства нужно обратиться к анализу состояния производительных сил в этом типе земледельческого хозяйства.

В главе о влиянии роста народонаселения на развитие народного хозяйства упоминалось о том, что стремление к размножению населения и стремление растущего населения поддержать свое существование являются наиболее сильными факторами хозяйственной эволюции общества. Население может сокращать свои потребности, чтобы только дать место нарождающемуся поколению. Последнее заставляет очистить себе хотя бы небольшое место за скудным столом земледельческого населения. Когда по каким-либо условиям развитие производительных сил задерживается или производительные силы падают, крестьянское хозяйство приспособляется к росту населения, принимая соответствующую форму для того, чтобы как-нибудь обеспечить существование нарождающихся поколений. Формы хозяйства, являющиеся результатом приспособления к условиям размножения, настолько сильно влияют на весь строй сельскохозяйственных отношений, что на них следует несколько остановиться.

Развитие производительных сил населения тесно связано с накоплением средств производства в предприятиях. Падение производительных сил является результатом сокращения средств производства. Поэтому, при падении производительных сил населения, в хозяйствах все большую и большую роль играет участие живого труда в производстве, количеством которого только и определяется сумма получаемых продуктов, и обратно: с развитием производительных сил все большее и большее значение приобретают средства производства для получения определенного количества продуктов. Например, при жнитве серпом количество сжатого хлеба в день, в неделю будет определяться числом жнецов. При появлении жнеек в хозяйствах с жнейками может быть сжато с меньшим числом работников больше хлеба, чем в хозяйствах с большим числом работников, но без жнейки. Разумеется, и в тех и в других хозяйствах труд играет роль единственного фактора, создающего ценности, но роль его в производстве к о л и ч е с т в а продуктов различная. При бедности населения, при отсутствии лучших орудий производства или при ничтожном количестве средств производства количество производимых продуктов пропорционально количеству рабочих рук. Если, например, все продукты, кроме необходимых средств для существования, экспроприируются в той или другой форме, «доход» каждого хозяйства определяется количеством рабочих рук. При таких условиях «самостоятельное» крестьянское хозяйство характером своего «дохода» близко подходит к «хозяйству» рабочего-пролетария, «доход» которого заключается в заработной плате. Существенная разница между положением того и другого заключается во-первых, в том, что первый получает средства для своего существования в своем хозяйстве,

а рабочий — в чужом; во-вторых, развитие производительных сил в крестьянском хозяйстве и связанное с этим увеличение «дохода» превратит его в более крупное хозяйство, а развитие производительных сил для рабочего непосредственного значения не имеет: возрастет «доход» не рабочего, а предпринимателя.

Итак, чем более падает производительность труда, тем большее значение в крестьянском хохяйстве имеет количество рабочих рук, которые увеличивают «доход» хозяйства или работой в самом хозяйстве или уходом на сторону: при малой производительности труда размеры хозяйства и количество получаемых продуктов соответствуют количеству рабочих рук. Идеальным условием такого «трудового начала» является полное отсутствие улучшенных орудий производства и минимальное количество средств производства в мелких хозяйствах: отсутствие лошадей, железных орудий и проч.[1]). При таких условиях, при ручной обработке земли и проч., количество продуктов, производимых в хозяйствах, точно соответствовало бы количеству рабочих. Этот вывод одинаково относится как к земледельческим хозяйствам, так и к хозяйствам в индустрии. Кустари, при малой производительности труда во всех предприятиях данной отрасли промышленности производят продукты пропорционально рабочим силам семьи.

Но этим еще не ограничивается влияние падения производительности труда на результаты хозяйственной деятельности. Из теории некапиталистической земельной ренты мы знаем, что продовольственное хозяйство, при падении производительности труда, ведет к победе над капиталистическим хозяйством при аренде земли. Эта новая победа выражается в том, что земля, сдаваемая в аренду, распределяется пропорционально рабочим силам арендующих семей, так как она является результатом избыточного земледельческого населения. Т.-е. при продовольственной аренде земли побеждает уравнительное пользование арендованной землей. Таким образом, уравнительное землепользование не является результатом только общинного землевладения. Мы знаем при общинном землевладении различные формы землепользования и при различных формах землевладения одинаковое землепользование. Уравнительное землепользование и арендной и общинной землей обусловливается состоянием производительных сил земледельческого населения. Если бы исключительно только форма

---

[1]) Один из нововременских фельетонистов, по словам г. Пешехонова, доказывает, что больше всего виновато в неурожаях крестьянское многоземелье, и что мужику нужно столько земли, сколько он без содействия скотины может удобрить и обработать. Это было бы наиболее действительным средством для сохранения «продовольственного» хозяйства и повело бы к полному соответствию размеров семьи с размерами хозяйства. При своих симпатиях к продовольственному хозяйству и антипатии к «расслоению» крестьянства, г. Пешехонов напрасно так нападает на юродствующего публициста: этот, по крайней мере, последователен...

Кстати, нельзя не подивиться тому упорству, с которым экономисты из того лагеря, к которому принадлежит г. Пешехонов, закрывают глаза, конечно, из благородных побуждений, на связь прочности крестьянского продовольственного хозяйства с его нищетой.

землевладения определила формы землепользования, то, во-первых, не могло бы быть различного землепользования, при одной форме землевладения; во-вторых, при различных формах землевладения не было бы одинакового землепользования.

Чем ниже производительность труда, тем более продовольственное хозяйство находится в зависимости от условий размножения населения. Эта тесная связь размеров землепользования и размеров хозяйства с количеством рабочих сил в семье, с ее размерами тем прочнее и правильнее, чем более беднеет крестьянское хозяйство, чем меньшую роль в производстве играют средства производства.

Связь размеров семьи с размерами хозяйства установлена статистическими данными для всех районов земледельческой России; но если взять те районы, где производительные силы населения выше, то в первых районах мы найдем более тесную связь между размерами семьи и размерами хозяйства. Если взять приведенную уже нами выше таблицу (стр.148) и разделить на районы, пользующиеся улучшенными сельскохозяйственными орудиями (по размерам производства их в районе и перевозок по железным дорогам), и на районы, пользующиеся примитивными орудиями, то получим следующие результаты:

Район с применением улучш. орудий	Высшая группа				Низшая группа			
	% двор.	% насел.	% посев.	% скота	% двор.	% насел.	% посев.	% скота
Таврическая губ.	20	27	49	44,6	50	41,6	21,6	26
Самарская	20	29	56	52	50	36,6	14,8	15,3
Камыш. уезд Сарат. губ. . .	20	30,3	50,5	53,2	50	36,6	18,6	14,3

Район с избыточн. земледел. нас. без улучш. орудий	Высшая группа				Низшая группа			
	% двор.	% насел.	% посев.	% скота	% двор.	% насел.	% посев.	% скота
Сарат. губ. (северные уезды)	—	—	—	—	50	37,7	21	19,7
Орловская	20	27,4	—	37,8	50	30,4	—	23
Воронежская	20	28,1	—	37,2	50	37,2	31 (Зад. у.)	23,4
Нижегородская	20	27,8	38,2	40,3	50	40,6	28,6	24,8

Из таблицы видно, что в обоих районах размеры семьи связаны с размерами хозяйства. В высшей, более зажиточной группе % населения гораздо выше, чем процент дворов. Низшая, беднейшая группа, напротив, заключает меньший процент населения, чем процент числа дворов. В районе с мало производительным трудом в высшей и в низшей группе % посева и скота почти соответствует количеству душ в этих группах; чем плотнее *земледельческое* население, тем больше соответствие. В Воронежской и Орловской губ. отклонение % посева и количества скота к наличному населению соответствующей группы равняется 10—15%. Только это отклонение и можно отнести на счет капитализации средств производства. В районах, в которых применяются улучшенные орудие, эта разница значительно резче. Высшая группа сосредоточивает в своих руках больше половины всего посева, а низшая группа имеет, относительно, гораздо

меньшую долю и скота и посева, чем в первом районе. В связи с дифференциацией хозяйств размеры наемного труда в высших группах этих двух районов должны быть также различны.

При группировке по размерам семьи соотношение размеров семьи и хозяйства еще правильнее. В Воронежской губ. получаются следующие взаимоотношения между среднею семьею и средним обеспечением ее землею и скотом:

По хозяйствам:	На одну семью приходится: душ обоего пола	десятин земли	голов скота в хозяйстве	на работника
Без работника	3,40	6,26	2,77	—
С 1 работником	5,52	9,96	4,10	4,10
С 2 работниками . . .	8,01	14,72	6,56	3,28
С 3 и более работн. . .	12,28	23,19	10,86	3,62

Между первым рядом (размер семьи) и последним рядом (голов скота, благосостояние хозяйства) мы видим полное соответствие. Каковы бы ни были размеры семьи, скота одинаково мало по отношению к наличному населению. См. «Сводн. сборн. по Воронежской губ.», стр. 372.

В Таврической губ. по Мелитопольскому уезду соотношение семьи и размеров посева выразится в таких цифрах («Сб. статист. свед. по Тавр. губ.». Прилож. к I т. 1885 г.):

	Число душ в семье	Число наличн. работн.	домохоз. в %	число семей с 1 раб.
Не сеющ.	4,1	0,9	7,5	1.727
Засев. до 5 дес.	4,6	1	11,5	3.233
„ от 5 до 10 дес. .	5,3	1,2	21,0	5 597
„ „ 10 „ 25 „ .	6,7	1,5	39,0	7.977
„ „ 25 „ 50 „ .	8,6	1,9	16,6	2.253
„ бол. 50 дес.	10,8	2,3	4,4	386

Из этой таблицы видно, что рост хозяйства далеко опережает рост семьи и работников в семье: во второй группе (сеющ. до 5 дес.) приходится на одного работника менее 5 дес., между тем как в последней группе на работника приходится в среднем более 20 дес. Очевидно, высшие группы хозяйств не только пользуются улучшенными орудиями, но и нанимают батраков.

Увеличение средств производства в высшей группе дает возможность расширить запашку гораздо шире, чем позволяют наличные рабочие силы семьи.

Размеры накопления и увеличения средств производства находятся в тесной связи со степенью эксплоатации земледельческого населения при аренде земли с количеством платежей и проч. Поэтому уравнительное землепользование и арендной и надельной землей идет тем дальше, чем меньше остается крестьянину от его труда. Экономика «продовольственного» хозяйства благодаря этому не только упрощается, но и придает последнему чрезвычайно «устойчивый» характер: какое хозяйсто может быть устойчивее хозяйства, которое

никогда не может приобрести «избытков», которое постоянно находится на границе вымирания!? Меньше оно не может получать, потому что совсем исчезнет с лица земли, «обомрет» и, значит, не нарушит «статистической устойчивости». Больше приобрести доходов оно также не может, потому что избыток, по тем или другим условиям, не может остаться в хозяйстве.

Эту прочную связь между размерами «дохода» семьи и ее численностью можно найти и в рабочих хозяйствах в индустрии, если заработная плата держится около minimum'а средств, необходимых для существования. Причины этой связи такие же, как и в продовольственном земледельческом хозяйстве. В большой рабочей семье минимум дохода должен повыситься, потому что в противном случае самая семья, как большая семья, не может существовать: об этом позаботятся всевозможные болезни... Происходит своего рода естественный отбор: семья, которая не может увеличить своего хозяйства, не может и существовать, как большая семья, потому что семья из 4 человек может существовать, когда 4 человека могут как-нибудь питаться, семья из 5 человек — когда есть средства для существования 5 человек, и т. д. Так как потребности крестьянских хозяйств опускаются до minimum'а, то соответствие размеров хозяйства с размерами семьи обусловливается не только условиями производства (недостатком средств производства), но и условиями потребления (недостатком продуктов для потребления).

К сожалению, трудно статистически учесть зависимость размеров хозяйства от размеров семьи, так как на-ряду с продовольственными хозяйствами существуют хозяйста накопляющие, имеющие батраков и, большею частью, многосемейные. Хотя в районах с низкой производительностью труда такого рода хозяйства составляют меньший процент, тем не менее, выделить это хозяйство нет никакй возможности. Можно лишь предположить, что, даже при малой производительности труда, накопляющие капиталистические хозяйства увеличиваются на счет продовольственных хозяйств. За такое предположение говорят, по крайней мере, покупки земель крестьянами, и вклады в сберегательные кассы.

Тесная связь размеров хозяйства с размерами семьи установлена статистиками, но при этом или неправильно освещена, или совсем не объясняется.

Например, А. Пешехонов в статье. «Из теории и практики крестьянского хозяйства» [1]) говорит следующее: «Если бы в каком-либо дворе при малой семье оказалось большое и сложное хозяйство, то или последнее было бы уменьшено, или упрощено (почему? П. М.), или семья, пользуясь приносимым им достатком, быстро разрастется до соответствующих размеров. И, наоборот, если бы при малом и несложном хозяйстве оказалась большая семья, то она или расширит

---

[1]) «Русск. Бог.» № 9, 1902 г. Очень тщательно анализирует «молекулярные» движения в крестьянском хозяйстве Н. Черенков в статьях, печатавшихся в «Саратовской Земской Неделе». Но и в них автор свой статистический анализ не дополняет анализом экономических условий (состояния производ. сил), которые в конечном счете влияют на организацию и форму хозяйств.

и усложнит это хозяйство, или сама, захваченная вымиранием, опустится до соответствующего ему уровня». Эти выводы совершенно правильны для хозяйств с наиболее низкой производительностью земледельческого труда, при котором большая семья, разделившись, снова начинает Сизифову работу постепенного расширения хозяйства по мере роста семьи, чтобы потом, поднявшись, снова упасть в категорию однолошадных и безлошадных хозяйств. Но этот вывод совершенно не относится к земледельческим хозяйствам с более производительным трудом, к хозяйствам, накопляющим средства производства в большей прогрессии, чем растет семья.

По мере увеличения значения средств и орудий производства, связь размеров семьи с размерами хозяйства принимает совершенно другой характер. Большое и сложное хозяйство при малой семье не «уменьшается» и не «упрощается», а растет гораздо быстрее, чем семья, потому что малая семья и потребляет меньше, а недостаток семейного труда пополняется наемным трудом и потому, что, по нашему предположению, труд производителен при достаточном обеспечении орудиями производства.

Таким образом, при организации крестьянского хозяйства первостепенное значение имеет состояние производительных сил[1]). Чем ниже стоят производительные силы населения, тем более форма хозяйства определяется размерами семьи, тем более хозяйство по своей организации подходит к чистому типу продовольственного хозяйства. С развитием производительных сил форма и организация хозяйства изменяются, так как размеры производства в хозяйствах начинают определяться не столько количеством рабочих рук в семье, сколько средствами производства. По своей организации хозяйство с производительным трудом, с достаточными средствами производства превращается в капиталистическое хозяйство с наемным трудом, в хозяйство накопляющее. По своей форме такое хозяйство делается более крупным крестьянским хозяйством, производящим продукты в значительной части для продажи.

2.

Вопрос о дифференциации, «расслоении» крестьянства привлекал больше всего внимание исследователей крестьянского хозяйства, очень горячо обсуждался и поэтому чрезвычайно трудно выяснить его значение.

---

[1]) Г. Пешехонов, говоря «о теории крестьянского хозяйства» («Р. Б.» № 10, 1902 г.), в примечании упоминает, что «при нормальном течении жизни потребности семьи, в силу присущих им законов развития, должны расти и усложняться и в то же время производительные силы населения, благодаря успехам техники, должны увеличиваться. Таким образом, при одних и тех же размерах семьи, по мере поступательного хода жизни, хозяйство должно становиться крупнее и сложнее, и общий уровень благосостояния увеличиваться... Благодаря осложняющим моментам, которые вносят в эту эволюцию форм внешние условия, изучить ее в чистом виде не представляется возможным. Во всяком случае, мы сочли за лучшее не осложнять своего изложения этим вопросом». Центральный вопрос о влиянии состояния и развития производительных сил и формы хозяйства обходится в исследовании этих форм! Это — обычный прием «исследования крестьянского хозяйства»!

Дело в том, что в таких вопросах, которые являются в некоторой степени программными, или вопросами, стоящими в основании тех или иных воззрений на экономическую действительность и отчасти на ее будущность, создаются определенные предвзятые мнение, с которыми очень трудно бороться. Ведь признаться в ошибочном решении такого вопроса — значит признать полную несостоятельность своих воззрений на экономическую действительность и даже на будущее хозяйственного развития страны. Такие предвзятые взгляды настолько прочно сидят в голове большинства, что, при своих исследованиях экономической действительности, многие экономисты исходят из такого рода предвзятых взглядов, как общепризнанной посылки.

В вопросе о расслоении крестьянства доктринерство и предвзятые взгляды, повидимому, наиболее прочно утвердились. Принято думать, что крестьянское хозяйство обладает какими-то свойствами, благодаря которым оно оказывает препятствие расслоению, несмотря на тяжелое экономическое положение крестьянства, несмотря на недостаток земли, тяжелое обложение налогами и т. д., и т. д. И такого рода утверждения «несмотря» употребляются исследователями крестьянского хозяйства друг за другом из года в год, «несмотря» на полную нелепость подобных утверждений.

Ведь легко сообразить и без теоретического анализа условий развития производительных сил, что когда нечего делить, то никто ничего и не получит, что расслоение крестьянства предполагает процесс накопления у части крестьянского населения, что, когда оно поголовно голодает, так о накоплении не может быть и речи: накопляться могут лишь крохи. Тем не менее, почти все экономисты, которые признают особые, предохраняющие от расслоения свойства крестьянских хозяйств, и многие из тех экономистов, которые не признают таких свойств, смотрят на обнищание населения, как на благоприятные условие для «расслоения» крестьянства.

Правда, разорение части самостоятельных крестьянских хозяйств является неизбежным результатом расслоения, но вовсе не массовое обнищание при сохранении почти всех мелких хозяйств.

Из теоретического анализа условий развития производительных сил (влияние их на земельную ренту) и из анализа экономической действительности видно, что расслоение крестьянства или, что одно и то же, образование более крупных крестьянских хозяйств, происходит при развитии производительных сил, и обратно: при падении производительных сил населения образование таких хозяйств почти невозможно; даже помещичьи хозяйства при этом распадаются, замещаясь мелкой арендой. То же самое происходит и в индустрии: организация крупных предприятий возможна лишь при развитии производительности труда и происходит только в тех отраслях промышленности, где производительность труда возрастает.

Эта связь развития производительных сил в современном хозяйстве с капиталистическим хозяйством смутно сознается, вероятно, всеми. По крайней мере, часто для доказательства жизненности того или иного кустарного промысла можно встретить аргумент такого рода: в данном-де промысле капиталистическое производство неопасно

для кустарей, потому что нет машин, т.-е. невозможно увеличение производительности труда. Иными словами — предполагается, что увеличение производительности труда поведет к организации капиталистического производства. Тем не менее, эта точка зрения не применяется при анализе крестьянского хозяйства не только теми, кто держится девиза «fiat продовольственное хозяйство, pereat mundum», но и теми, кто признает огромное значение развития производительных сил, как фактора экономической эволюции.

Неопровержимые факты показывают, что там, где есть земельный простор и крестьянину живется легче, где происходит развитие производительных сил в земледелии — это развитие происходит в виде подъема экономически сильных хозяйств. Если в Оренбургской губернии жнейки-сноповязалки и жнейки-самосброски распространяются десятками в каждом селе, ускоряя уборку в 5—10 раз, если на Амуре русский мужик превращается в предприимчивого американца с чисто-капиталистическим хозяйством, если на юге России крестьянские хозяйства превратились в маленькие пшеничные фабрики с улучшенными[1]) орудиями,— такое явление не только признак развития производительных сил в земледелии, но и признак расслоения крестьянства. Очевидно, что не малоземелье создает это расслоение, а многоземелье; очевидно также, что расслоение будет сглаживаться, если не будет у богатых крестьян средств или выгоды приобретать улучшенные орудия, арендовать земли и расширять запашки. Малоземелье при падении производительности труда, конечно, мешает образованию капиталистических хозяйств, потому что падение производительности труда более благоприятно для существования мелких хозяйств.

Вполне симпатичная антипатия к капиталистическому крестьянскому хозяйству мешает в большинстве случаев оценить надлежащим образом эти факты, и мы снова и снова встречаем избитые и совершенно безосновательные положения о прочности того или другого типа хозяйства без анализа экономических условий, при которых оно существует, об общности экономических интересов крестьянства вследствие отсутствия среди него расслоение по экономическому положению и т. д.

Упорное отстаивание такой точки зрения вызывается в одной группе экономистов доброжелательностью по отношению к крестьянству, в другой группе публицистов — злопыхательством. Благожелательные экономисты за общностью сословных интересов крестьянства, которые являются для него, действительно, общими, не замечают классового расслоения крестьянства, потому что сословные интересы являются слишком наболевшими, животрепещущими и

---

[1]) В. Постников в упомянутой уже нами книге приводит данные о хозяйственной обстановке таврических крестьян. Из этих данных видно, что в зажиточных крестьянских хозяйствах мертвый инвентарь представляет значительную ценность; у русских крестьян ценность его достигает в отдельных хозяйствах более тысячи рублей (имеется надел и арендованная земля), у немцев-колонистов до 1.700 рублей; ценность всей хозяйственной обстановки у первых 5.800 руб., у вторых более 6.000 руб.

насущными, покрывая различие классовых интересов. Связь сословного характера общества с недостаточной резкостью классового разделения делается незаметной, и благожелатели крестьянства готовы идеализировать докапиталистические отношение, так как создают иллюзию отсутствия расслоения и прочности крестьянского хозяйства.

Злопыхательные публицисты так же склонны смотреть на крестьянство, как на цельную серую массу одного сословия, которому противопоставляются интересы другого сословия — дворянства.

Крупный землевладелец из крестьян, «чумазый», шокирует, впрочем, не только защитников «дворянской идеи», но и либеральных публицистов, которые никак не могут освоиться с мыслью, что «неумытое рыло», поместившись на месте «умытого», разрушает грань между «умытыми и неумытыми рылами»...

Из произведенного нами анализа хозяйственных, более или менее общественных явлений, естественно вытекают следующие выводы:

1) Чисто сословная точка зрения на современные экономические отношения в настоящее время является устарелой и не всегда приложимой. Потому что, если для центрального чернозема еще приложимо противопоставление крестьянства, представляющего в подавляющем числе пауперов, другому сословию, то в районах промышленном и окраинном это противопоставление не имеет такого значения, которое охватывало бы всю совокупность хозяйственных отношений: там, в среде самого крестьянства, мы натолкнемся на противоположность интересов различных групп: на окраине — на почве земледельческой отрасли промышленности, в промышленном районе — на почве промыслов.

2) Приведенными данными подтверждается основная точка зрения, приводимая Марксом, что развитие производительных сил сопровождается при современных хозяйственных условиях дифференциацией хозяйства, распадением однородных хозяйств на более доходные крупные и пролетаризирующиеся. Приведенные факты доказывают это положение и прямо и от обратного: уменьшение производительности труда, падение производительных сил в мелких хозяйствах приводит их к одному знаменателю, хотя, благодаря этому, доходность крупных хозяйств может увеличиваться. Где производительные силы в мелких хозяйствах увеличиваются, там и среди них развивается дифференциация, расслоение.

И, наконец, отсутствие дифференциации в том или ином районе России вовсе не указывает на жизненность мелкого хозяйства, на его способность противостоять эксплоатации; она, напротив, есть результат чрезмерной эксплоатации и низкой производительности труда, признак не самостоятельности крестьянского хозяйства, а приближения его в огромном большинстве к пауперизму, признак дальнейшего падения его производительных сил.

Развитие производительных сил в земледелии на окраинах России совсем другого рода, чем развитие производительных сил змледельческого населения Англии или Германии. В Англии и Германии

производительность труда земледельческого населения увеличивается не только от перехода земледельческого населения в индустрию и увеличения, благодаря этому, площади земли по отношению к земледельческому населению, но и от возрастания при этом урожайности земли.

На окраинах России увеличение производительности сил происходит исключительно лишь, благодаря увеличению площади запашек по отношению к населению, т.-е. благодаря, главным образом, естественным условиям. Такому увеличению содействовал, разумеется, технический прогресс, так как, благодаря машинам, производительность труда могла возрастать и запашки расширяться. Но такое расширение запашек не может быть безграничным. Поэтому, если возрастающее население не будет отливать из земледелия в индустрию, то и на окраинах в скором времени производительные силы будут падать. Угрожающие симптомы такого падения уже есть. Частые неурожаи на окраинах вследствие истощения земли показывают, что и окраинам грозит тяжелое будущее.

В статье «Из деревенской глуши»[1]), например, констатируется изменение к худшему обработки земли у крестьянской бедноты под влиянием неурожаев на юге России.

«Громадное количество деревенского пролетариата принуждено, конечно, или бросать свою надельную землю и искать средств к пропитанию на стороне в отхожих промыслах, или, перебиваясь кое-как у себя дома, прибегать к таким способам землепользования, которые возможно только при недостатке и полном отсутствии рабочего скота. Закон приспособляемости принуждает крестьян прибегать к способам землепользования, которые обнаруживают полный регресс сельского хозяйства и которые вряд ли найдешь в настоящее время где-нибудь в другом месте, кроме России. Сначала, когда процент безлошадности был очень мал, безлошадный хозяин имел все-таки возможность так или иначе вспахать и засеять свое поле, занимая рабочий скот или за деньги, или за отработки у более зажиточных крестьян, имевших достаточное количество скота. Слабосильные хозяева, имевшие по одной лошаденке или по паре волов, соединялись в компании, чтобы соединенными силами обработать свои наделы. Производилась хоть кое-какая вспашка. По мере увеличения безлошадных хозяйств, прибегать к этому становилось все труднее и труднеее, и вот за последнее время все больше и больше на моих глазах стал развиваться на юге России так называемый посев «наволоком».

Заключается он в следующем. Не имея возможности, за отсутствием надлежащего скота, вспахать землю под будущий посев, крестьянин осенью или весною сеет по жнивью, т.-е. по снятому хлебу, без всякой вспашки и только кое-как заборанивает легкой бороной. Для бороньбы достать лошаденку на полдня или даже на целый день значительно легче. За неимением лошадей или волов впрягают для бороньбы даже коров. На очень мягких, легких почвах, хорошо вспаханных под предыдущий посев, при особенно благоприятных условиях погоды, получаются посредственные, а иногда даже и порядочные

---

[1]) «С.-Петерб. Вед.», 4 ноября 1902 г.

урожаи, в большинстве же случаев крестьянин не собирает даже и семян. Тем не менее, посев этот на нашем юге, сравнительно менее оскудевшем, чем центр, увеличивается все более и более и может служить яркой иллюстрацией оскудения и уменьшения на нем количества рабочего скота, особенно, в последние два года, благодаря бескормице и неурожаю; параллельно с этим растет посев наволоком. Безлошадные хозяева зачастую меняют достающуюся по разделу на их долю хорошую толочную (по которой ходил скот) землю на более плохую, с которой только что снят хлеб, чтобы иметь возможность посева хоть наволоком. Увеличение посева наволоком, естественно, влечет за собой уменьшение количества производимого хлеба и кормов, а это влечет за собой еще большее уменьшение количества скота и т. д. Создается, таким образом, своего рода circulus vitiosus, все более и более расширяющийся».

В степном генерал-губернаторстве, по словам В. Остафьева [1]), «российские люди свели рощи,— ключи иссякли, птицы улетели и развелись мириады насекомых, пожирающих хлеб». «Перевалив через Сырт, мы увидели ужасающую картину. На новой линии большая зажиточность. Земли тут—сколько хочешь, ковыльные степи, их поковыряют два—три года в одном месте — и бросят. Но увы, и новая линия на пороге к недовольству и бедности. И тут становится «тесно», и тут не могут поделить безграничной степи. Переселенцы правдой и неправдой занимают киргизские земли и первые годы процветают, распахивая нетронутые степи. В третьем году был урожай в 300 пудов пшеницы: сами ели, скотину кормили и, наконец, хлеб на водку меняли по 15 коп. и неистово пьянствовали, а запасов не делали. Прошлый год был малоурожайный, казна выдала на обсеменение. В нынешнем ничего не соберут, и уже в июле голодает до 5.000 душ. Опять бросают землю, дома, опять налаживают кибитки, и опять ищут Новый Куст или Китайский Клин, чтобы снова снять сливки».

«В течение каких-нибудь 50-ти лет наш колонизатор-крестьянин Саратовской, Полтавской, Харьковской губерний, придя в богатейший Кокчетавский уезд, успел превратить цветущую и богатейшую страну в очень бедную и скудную. Горы местами совершенно оголены и, постоянно разрушаясь от атмосферных осадков, не имеют никакой растительности. Когда-то богатые растительностью ущелья тоже выжжены «палами», лесными пожарами. Долины, некогда покрытые пышной флорой, распаханы, брошены и заросли целым лесом бурьяна. Только изредка, оазисами, можно встретить прежние роскошные места. Население,— бывший переселенец, а теперь сибирский казак,— расхитив все, что можно было, жалуется на неурожай и бежит из этих мест, отыскивая новые места. Громадный процент кокчетавских казаков ушел за последние годы в Семиреченскую область. Обидно и стыдно сознаться, что эта чудная природа, этот райский уголок, где буквально были молочные реки и кисельные берега, попав в руки нашего переселенца-казака, превратился в пустыню».

---

[1]) Землевладение и земледелие сибирского казачьего войска». Докл., чит. в эк. обществе в 1897 г., стр. 37.

«Разграбив Кокчетавский уезд, они так же спокойно идут дальше продолжать свои подвиги, и теперь уже слышатся жалобы на кокчетавских казаков, пришедших в Семиреченскую область. По отзывам видевших тамошние казачьи поселки, казаки ведут там ту же хищническую, экстенсивную зерновую культуру, но при еще худших условиях, так как семиреченское земледелие требует большего труда, большей культурности и интенсивности».

Если в богатых крестьянских хозяйствах и происходит улучшение обработки земли на-ряду с ухудшением ее у бедных, то этот прогресс происходит ощупью, чрезвычайно медленно. Иллюстрацией такого прогресса «в потемках» может служить следующий случай, который пришлось наблюдать в восточном Приуральи. С неурожая 1901—1902 года у крестьян и у казаков стали распространяться улучшенные семена пщеницы и овса, между тем как до «голодного года» сеялся мелкий легковесный овес и плохая пшеница. Причиной такого «улучшения», повысившего урожаи, оказался голодный год! Во время голодного года в Приуральи, из которого раньше вывозился хлеб, было привезено через Самару много хлеба, купленного, вероятно, в разных местах, и Приуральи обогатилось семенами различных русских, американских и чуть ли не австралийских сортов пшеницы и овса. Этот хлеб население принуждено было посеять, а некоторые сорта привились под огульным название «самарского» овса, «голоколоски», «черноколоски», и др. Правда, в результате — «прогресс», но прогрес купленный слишком дорогой ценой.

Вызываемое экономической необходимостью стремление населения получить наибольшее количество продуктов с данной территории, притом продуктов дешевых, ведет к интенсивному использованию земли при экстенсивной культуре хозяйства, к падению урожайности земли. Отдаленность рынка позволяет производить хлеб лишь при дешевых ценах, следовательно — при экстенсивном хозяйстве, а сокращение территории по отношению к земледельческому населению побуждает расширять посевы в ущерб урожайности, интенсивно эксплоатировать. Чем плотнее земледельческое население, чем меньше среди него промышленное население, тем раньше наступает падение производительности труда земледельческого населения, не только от избытка земледельческого населения, но и,— при отсутствии вблизи промышленного населения (рынка),— от падения урожайности.

В Северо-Американских Соединенных Штатах, по мере уплотнения населения, большая и большая часть населения старых штатов переходила в индустрию. Поэтому производительность труда повышалась и в старых и в новых штатах с расширяющимися запашками. При этом в старых штатах развитие производительных сил в земледелии происходило от относительного сокращения земледельческого населения и увеличения урожайности, между тем как в новых штатах, менее населенных, от расширения запашки в больших размерах, чем растет население.

В земледельческом районе России уплотнение населения без развития индустрии ведет к падению урожайности во всех районах, как в земледельческом центре, так и на окраине. По показаниям

сельскохозяйственных рабочих из Самарской, Саратовской и Пензенской губерний, значительная часть их пошла на заработки вследствие неурожая. Неурожайные годы, все чаще и чаще повторяющиеся в России, служат симптомом не истощения земли, а истощения производительных сил населения, потому что, в конце концов, урожайность земли создается не столько производительной силой земли, сколько производительной силой труда: последняя же зависит не от погоды, а от благоприятных социальных условий.

Глава XII.

Община и артель.

1. Связь формы общинного землепользования с ростом земледельческого населения и системой полеводства.—Уравнительное землепользование.—Арендная община.—2. Значение расширения крестьянского землепользования.—Значение артелей.

1.

Выше нам приходилось отметить влияние общины на условие размножения земледельческого населения России и на образование земледельческого перенаселения. Здесь мы остановимся на влиянии организации и культуры хозяйства на землепользование общинников.

Из общего количества крестьянских земель около 80% находится в общинном владении крестьян. При таком распространении общинного землевладения в России, конечно, весьма важно было бы определить его значение для общего хозяйственного развития страны. Неудивительно, что вопрос об общинном землевладении вызвал обширную литературу за и против общины, при чем, в большинстве случаев, вопрос об общине рассматривался независимо от того, в какой стадии хозяйственного развития общинное землевладение является выгодным, ведущим к развитию производительных сил в хозяйстве общинников, в какой — убыточным, задерживающим это развитие. Защитники общины категорически защищали ее независимо от хозяйственных условий, противники так же категорически находили общину вредной. Одни исследователи хоронили ее, как отживающую форму землевладения, другие — снова воскрешали и находили, что община развивается и процветает.

Мы думаем, что категорическое решение вопроса и в ту и в другую сторону совершенно неправильно, что при одних хозяйственных условиях община является наиболее благоприятной для хозяйственного развития формой землевладения, при других — является тормозом.

Точно также защитники общины рассматривают ее только как форму хозяйственных соседских отношений, независимо от того, что она связана с общиной, как административной единицей. Противники общины, напротив, часто смешивают и не различают этих

двух сторон общинного быта, правда, тесно связанных при настоящих условиях, но не неразрывных.

Наконец, в последнее время появились такие противники общины, которые связали с ней решение всего аграрного вопроса: община явилась козлом отпущения за все отрицательные стороны хозяйственного быта крестьян.

При изучении истории образования общинного землевладения легко заметить тесную зависимость общинного землевладения от роста народонаселения и от изменения системы хозяйства.

Общинное землевладение не является какой-то постоянной формой, в которую вливаются хозяйственные отношения крестьян при каких угодно условиях. Оно зарождается при определенных условиях и изменяется с изменением этих условий. Форма землепользования и землевладения находится в тесной связи с характером земледельческого хозяйства, которое изменяется в зависимости от общих хозяйственных условий и, главным образом, от роста народонаселения. При общинном землевладении может быть различное землепользование, и община не имеет решающего влияние на форму хозяйства, хотя и может тормозить его развитие.

Дикое пастбищное хозяйство некультурных народностей тесно связано с безраздельным родовым пользованием пастбищ.

Для пастьбы скота требуется обширная площадь полей, при чем разграничение этих полей на небольшие участки повело бы к уничтожению скотоводства в широких размерах. Общее пользование полями для пастбища является наиболее удобной формой для наиболее интенсивного использования этих полей при диком скотоводческом хозяйстве, так как на нераздельных диких полях может пастись больше скота, потому что minimum площади, необходимый для пастбища, очень велик.

Переход к более интенсивному хозяйству ведет к захвату земель. Посев, сделанный в степях или на месте выжженного леса, требует и исключения пашни из общего пользования для пастьбы скота. Земля под пашней по необходимости переходит в пользование того, кто ее распахал.

Таким образом, переход от скотоводства к земледелию ведет к выделу пахотной земли из общего пользования общины в частное пользование отдельных семей. Но значение остальных земель, служащих для пастьбы скота, остается таким же, как и при отсутствии пашни: для наиболее выгодного использования выгонов лучшей формой является общинное безраздельное ими пользование. Захватное пользование пахотной землей, по мере увеличения населения, обыкновенно переходит во временное пользование отдельных общинников с переделами и обязательным севооборотом. И в данном случае характер пользования пахотной землей находится в тесной зависимости от условий наиболее интенсивного использования земли для пастьбы скота. Обязательность севооборота обусловливается стремлением расширить площадь выгона, стесненную пашнями при увеличении населения.

При переходе от захватного пользования землей к уравнительному пользованию имеют огромное значение налоги на землю и

круговая порука, дающие одинаковое право на пользование землей. Что в данном случае не имеет никакого значения «право на труд», доказывается тем, что те общинники, которые платят налоги, но наделы сдают в аренду, так же получают наделы, как и те, кто сам прилагает свой труд. Некоторые члены общины при переделе прямо берут надел для другого, для арендатора, который покупает право на надел. Разумеется, «право на труд» купить нельзя... Право на получение надела мотивируется тем, что налоги одинаково платятся как тем, кто сам обрабатывает землю, так и тем, кто ее сдает в аренду.

Переход к уравнительному пользованию землей вызывается ростом населения, которое принуждено добывать средства для существования с той же площади земли. Очевидно, что чем плотнее земледельческое население, тем необходимее или переход к другой, более интенсивной культуре хозяйства и полеводства, или более уравнительное разделение земли, с которой будет получаться то же количество продуктов на большее число едоков.

Во всяком случае, переход к переделам от захватного пользования землей вызывается изменением хозяйственных условий, необходимостью более интенсивного использования земли при экстенсивном (большею частью трехпольном) хозяйстве. При расширении запашек и при сокращении выгона в трехпольном хозяйстве наиболее интенсивное использование поверхности земли для пастьбы скота возможно лишь при обязательном севообороте. Поэтому общинное землевладение является наиболее выгодной формой землевладения при трехпольном хозяйстве для мелких хозяев, и переход к обязательному севообороту диктуется экономической необходимостью. Форма, в какой совершается переход захватного переложного хозяйства к трехполью, бывает различна. Например, в Камышинском уезде сельским обществом приходится вести упорную борьбу с привычками населения к «вольному» беспорядочному хозяйству. Одним из примеров этого может служить постановление схода колонии Розенберг о назначении штрафа за нарушение установленного здесь с 1887 года трехполья. Точно также в приговоре 1874 г. по колонии Эрленбах той же волости мы читаем: «Постановляем всем в известность, что если кто вздумает, по примеру прежних лет, самовольно вспахать лишнюю против дележа землю или оставить свой загон и запашет в другом неуказанном месте, то с каждого такого поселянина взыскать штраф 1 руб. сер., а землю отобрать и продать с публичного торга в пользу мирской кассы. Те же домохозяева, которые оставили в прошлом году загоны невспаханными, при нынешнем разделе должны без жеребья взять их в пользование свое беспрекословно»[1]). Мы нарочно иллюстрировали переход к трехполью в немецких колониях, чтобы показать, что в данном случае не имеет значения «общинный дух» великорусского племени, а определенный экономический, строй и, главным образом, система полеводства и хозяйства. Переход к трехполью или к другой системе полеводства, близкой к трехполью,

---

[1]) «Сборн. статист. свед. по Сарат. губ.», т. XI, стр. 198.

вызывается ростом населения, точно так же, как и переход к уравнительному землепользованию. Чем плотнее земледельческое население и чем при этом экстенсивнее земледельческое хозяйство, тем сильнее должно проявляться стремление к уравнительному землепользованию.

Такой переход обусловливается также тем, что при уравнительном землепользовании пропорционально количеству работников или едоков в семье более зажиточным семьям достается больше земли, потому что зажиточные семьи являются и большесемейными.

Переход к уравнительному землепользованию с обязательным севооборотом увеличивает емкость территории без развития производительных сил, и даже задерживая это развитие.

В главе о росте народонаселения мы упомянули о том, что в первоначальную эпоху развития народного хозяйства размножающееся население, обыкновенно некультурное, ищет выхода не в изменении организации своего хозяйства, а в наиболее экономном использовании земли при старой организации хозяйства. Переходу к земледелию у пастушеских племен часто предшествует вымирание. Не менее труден для населения такой переход к другой организации и культуре хозяйства на других стадиях развития сельского хозяйства. Если население не имеет возможности развить свои производительные силы, то чем меньше земельный фонд, чем меньше производительность труда, тем крепче население держится за землю, тем интенсивнее стремление к уравнительному землепользованию[1]) у совместных владельцев, какими являются общинники.

Но это стремление не мешает, конечно, экономической борьбе общинников между собою, как только создаются условия, благоприятные для развития производительности труда в земледелии. Община существует и в центральных губерниях на окраинах, но организация земледельческого хозяйства крестьян различная: при одинаковой форме землевладения форма и организация хозяйства может быть различной, в зависимости от состояния производительных сил. Повышение капиталистической ренты, развитие производительных сил превращает хозяйство богатого общинника в хозяйство с наемным трудом, пользующееся улучшенными орудиями, в хозяйство мелко-капиталистическое. Повышение некапиталистической ренты, напротив, уравнивает землепользование не только общинными землями, но и арендными и даже купчими.

Существование общинного землевладения в России, при различном характере землепользования, при различных типах земледельческого хозяйства, показывает, что эта форма землевладения нисколько не подвигает население к решению аграрного вопроса.

Из этого следует, что самая постановка «быть или не быть» общине связана с вопросом о состоянии производительных сил.

---

[1]) Выше мы пришли к выводу, что независимо от формы землевладения даже в аренде, при падении производительности труда, происходит нивелировка крестьян, «распыление» арендных участков и победа продовольственного хозяйства.

Развитие производительных сил земледельческого населения вкладывает совершенно другое содержание в общину, чем падение производительных сил. В первом случае развивается капиталистическое крестьянское хозяйство на почве расширения капиталистической аренды и «собирания» земли у зажиточных хозяев, во втором случае развивается продовольственное хозяйство с уравнительным землепользованием и арендой и наделами. Во всяком случае, община, как административно-сословная единица, является одним из наиболее сильных тормозов развития производительных сил, поскольку она задерживает избыточное земледельческое население в деревне.

Для некоторых авторов козлом отпущения сделалась община. Так, например, в книжке «Земельная община и труд», г. Никольский все отрицательные стороны жизни крестьянского земледельческого населения сваливает на общину, забывая, что и при подворном землевладении крестьянское хозяйство и культура не особенно процветают.

Г. Никольский считает общинное землевладение причиной чересполосности крестьянских владений; отсутствия земельного кредита; ограничения личных, семейных и имущественных прав крестьянского населения; отсутствия права личной собственности у членов крестьянской семьи; ограничения права на заработок; отсутствия законности и правомерности в гражданских отношениях; отсутствия кредитоспособности; моральной приниженности крестьян; отсутствия чувства законности; причиной стадности, квиетизма и пассивности крестьян и т. д., и т. д.

Такие приемы «исследования» условий крестьянской жизни должны заставить даже и противников общины выступить в ее защиту постольку, поскольку это необходимо для выяснения ее истинного значения.

Правда, все стороны крестьянской жизни находятся во взаимной связи и зависимости, и правовые отношения крестьян к другим сословиям и друг к другу тесно связаны с хозяйственными отношениями. Изменение административно-правовых норм по отношению к крестьянам должно отразиться и на отношениях общинников; при другом правопорядке, если бы община и сохранилась, то была бы уже другой; тем не менее, из этого еще не следует, что самое уничтожение общины уничтожит коренным образом все перечисленные отрицательные стороны крестьянского быта.

В такой постановке вопроса, как, например, у г. Никольского, лишь затушевываются эти отрицательные стороны.

Весьма вероятно, что община оставлена после реформы 1861 года ввиду того, что при ее сохранении гораздо меньше ломался оставшийся от крепостной эпохи уклад деревенской жизни, что и для фиска и в административных целях было гораздо удобнее сохранение общинного быта. Ю. Ф. Самарин, не без основания заметил, что вопрос об общине, «может быть, единственный вопрос, в котором интересы казны и помещиков совпадают с народным обычаем». «Надел каждого крестьянина землею в личную собственность с отводом и отмежеванием каждой делянки земли представлял в то время такую огромную работу межевую и административную, что высшие правительственные органы решительно пугались этой работы. Дело

в высшей степени упрощалось отводом земли целым крестьянским обществам... Для помещиков, по тем же соображениям, было гораздо приятнее при отбывании повинностей иметь дело с крестьянским обществом, отвечавшим за своих членов, нежели с отдельными крестьянами. Когда был решен вопрос о выкупе наделов при посредстве правительства,то казна считала важнейшим условием исправного взноса выкупных платежей круговую поруку». Тем не менее, нельзя не различать административно-правовых отношений сословия крестьян от соседских хозяйственных отношений общинников, как мелких собственников. При одном и том же правовом порядке существуют крайне разнообразные формы общинных отношений, и это разнообразие уже говорит за то, что община, как форма хозяйственных отношений крестьян между собою, есть нечто гораздо более и живое, и жизненное, чем административно-правовые нормы, в которые поставлено крестьянское сословие. Конечно, совершенно неправилен, по нашему мнению, общепринятый прием защищать общину как абстрактную форму, вне ее конкретного содержания, которое в настоящее время не говорит в ее пользу; тем не менее, и полное смешение всех сторон крестьянского быта—прием не более правильный.

Можно наблюдать чрезвычайно своеобразные формы общинных отношений, которые показывают, что если современная община и имеет огромные недостатки, если она и служит одной из причин экономической отсталости и рутины, то все-таки общинное землевладение, как форма владения и пользования, является гибкой и способной для приспособления к другим хозяйственным отношениям.

В некоторых общинах оренбургского казачьего войска, в Троицком уезде, существует следующий порядок пользования общинной землей: усадебная земля находится, как и обычно в общинах, в постоянном пользовании каждого общинника; леса и выгоны — в общем пользовании, а луга переделяются ежегодно. Пахотная земля арендуется общинниками у своего общества по потребности каждого. Общество назначает арендную цену на землю, и каждый делает взнос в общественную кассу пропорционально размерам арендованной земли.

Кажется, во всех такого рода общинах нет еще классификации земель по их качеству, и арендная цена одинакова; но корректив к различным по качеству участкам земли в виде различной арендной платы, вероятно, явится в ближайшем будущем и, во всяком случае, возможен.

Насколько мне известно, в арендных общинах нет максимальной нормы, определяющей размер арендных участков, так как земли достаточно для всех, желающих делать посев сообразно своим силам; да такая нормировка не имела бы и значения, потому что даже при переделах в общинах обычного типа зажиточные хозяева арендуют у соседей. Арендная плата приблизительно такая же (несколько ниже), как и в других общинах с разделенной землей. Сроки аренды непродолжительны, так как ограничиваются общим положением в оренбургском казачьем войске.

Таким образом, фактическим землевладельцем является юридическое лицо, община, а члены общины — арендаторами и участниками дохода общины. Право владения общинников, отдельное от права пользования землей, нисколько не сокращает последнего, так как арендовать имеет право каждый общинник. Благодаря таким условиям вносятся существенные изменения в технику и порядок общинного хозяйства:

1) Ими устраняется сдача в аренду своих участков соседям отдельными членами общины.

2) Устраняется несоответствие рабочих и хозяйственных сил размерам надела, так как каждый арендует сообразно своим экономическим силам, а не по ревизским или наличным душам.

3) Уничтожается чересполосица, так как при таких условиях нет надобности каждому брать участки земли в различных местах. Коректива, в виде приплат за лучшие земли, кажется, нет, но во всяком случае он возможен. По крайней мере, в некоторых общинах луга делятся не чересполосно, а к различным по качеству участкам делается поправка посредством аукционного торга, при котором луг достается тому, кто довольствуется наименьшей площадью этого луга за определенный эквивалент.

4) Устранение чересполосицы дает возможность каждому хозяину вести какой угодно севооборот.

5) Личность общинника не связана с землей, так как налоги падают непосредственно на землю, а плательщиком является тот, кто желает арендовать. Кабальные отношения, которыми часто связывается личность с общиной через землю, при таком порядке могут легче исчезнуть и, во всяком случае, с менее разрушительными последствиями для существования общины.

6) Община не делается вполне замкнутым миром, обособленным от других общин. При таких условиях возможна мобилизация населения, хотя и в ограниченных пределах. Получить надел может только крестьянин, приписанный к общине, между тем как право аренды не ограничено. Насколько легко порвать с землей, отказавшись от аренды, настолько же легко возобновить ее. Последнее возможно даже и не для общинника.

7) Уничтожаются переделы, заменяемые арендной платой; хотя классификации земель не существует, но, очевидно, лишь потому, что пока в ней не ощущается надобности.

Правом аренды общинной земли пользуется всякий общинник, и аренда возмещает те налоги, платежи и общинные расходы, которые в другого рода общинах уплачивает каждый за себя и за свою землю.

Образование такого рода общины находится, несомненно, в связи с развитием денежного хозяйства среди земледельческого населения, но почему создалась именно такая форма общинных отношений, я не пытался выяснить.

Доход, получаемый от сдачи земли общинникам, употребляется и на общественные нужды, но, вследствие низкой арендной платы, последние едва ли покрываются целиком.

Таким образом, описанная мною община ближе подходит к современному городскому общественному хозяйству, чем к хозяйству обычного типа общин. Тем не менее, в настоящем своем виде арендная община имеет ту же основную отрицательную сторону, которая делает современную русскую крестьянскую общину вообще одним из главных устоев, на которые опираются остатки дореформенных отношений: она является китайской стеной, отделяющей сословие крестьян от других сословий. Право выхода из общины крестьян и право вступления в общину членов других сословий, вероятно, и арендной общине придало бы совершенно иной характер. Теперь, разумеется, трудно даже определить, что получилось бы из общины, если бы был уничтожен сословный характер общины. Возможно, что она совсем разрушилась бы, но, во всяком случае, арендная община была бы при таких условиях более устойчивой, чем община обычного типа, так как в своих пределах, при современных экономических отношениях, как и городская община, она допускает в гораздо больших размерах мобилизацию земли [1]) и населения; а последняя при современном хозяйственном укладе является так же необходимой для населения, как необходим воздух.

Противники общины и абсолютные защитники общины слишком много придают значения вопросу об общине при решении крестьянского вопроса, при чем одни склонны видеть в ней чуть ли не якорь спасения от капитализма, а другие склонны считать ее единственной причиной всех бед крестьянства. Если неверно представление об общине последних, то не более основательны и ожидания первых. Разумеется, и арендная община не спасает население от образования пролетариата, как не спасает его и община с переделами, местами превратившаяся в общину пауперов.

2.

Обыкновенно на-ряду с сохранением общинного землевладения предлагается национализация земли, как корректив к общинному землевладению, и земледельческие артели, как средство для развития производительных сил.

Экспроприация земли у земледельческого населения обостряет перенаселение, следовательно, обостряет и те последствия, которые вытекают из образования перенаселения в деревне: укрепляет продовольственное хозяйство, кабальные формы хозяйственных отношений, вызывает сокращение потребностей и внутреннего рынка, переселение и передвижение сельскохозяйственных рабочих. Очевидно, расширение крестьянского землепользования должно привести к обратным последствиям: к развитию крестьянского капиталистического хозяйства, к развитию капиталистических отношений, к расширению внутреннего рынка, к сокращению переселений. Нетрудно, однако, заметить, что

---

[1]) Разумея мобилизацию земли в смысле перемещения ее из одних рук в другие для пользования, а не в смысле купли-продажи в собственность

крестьянское многоземельное хозяйство в центральном черноземном районе, при расширении землепользования, но без развития индустрии было бы все-таки в худшем положении, чем крестьянское хозяйство в многоземельных районах, потому что весь земельный фонд в центральном районе меньше. В южных и восточных губерниях технический прогресс, приобретение машин происходит на счет отчуждения хлеба на сторону. Таким губерниям, как Самарская и Уфимская, угрожает малоземелье не вследствие недостатка земли, а вследствие отсутствия индустрии, отвлекающей растущее земледельческое население.

Интенсивная культура земли невыгодна при отдаленности рынка, а непроизводительное потребление значительной части производимых продуктов еще более ускоряет насыщение территории населением и угрожает развитию производства. Развитие производительных сил растущего населения возможно лишь при переходе значительной его части в индустрию [1]) — это видно из всего предыдущего анализа развития сельского хозяйства. Расширение крестьянского землевладения, благоприятное для развития капиталистического хозяйства, поведет к безостановочному развитию производительных сил лишь в том случае, если увеличение производства продуктов поведет к производительному потреблению, в виде роста орудий и средств производства и в земледелии и в обработке продуктов земледелия, т.-е. к развитию индустрии и к сокращению земледельческого населения. Как окраинам без развития индустрии грозит будущность земледельческого центра, так и земледельческому центру при расширении крестьянского землевладения грозила бы будущность его настоящего положения, если бы сохранилось продовольственное хозяйство и не развилось «производительное» потребление. Но таких последствий трудно ожидать, так как увеличение дохода крестьянского хозяйства, благодаря расширению землепользования, дало бы чрезвычайно сильный толчок к развитию производительных сил и к образованию рационального капиталистического крестьянского хозяйства, вызвало бы повышение заработной платы и все последствия, связанные с развитием производительных сил.

Вопрос о том, осуществимо ли значительное расширение крестьянского землепользования при наиболее благоприятных условиях, уже определяется соотношением общественных сил. Но во всяком случае взгляд на расширение крестьянского землевладения, как на средство к сохранению *продовольственного* хозяйства, совершенно неправилен, а стремление к сохранению последнего — реакционная и вредная утопия [2]).

Как средство к развитию производительных сил, и в западной Европе, и у нас, в России, рекомендуются производительные

---

[1]) О том, в какой форме может происходить развитие индустрии, какое значение имеет кустарное производство, см. ниже, гл. «Земледелие и индустрия».

[2]) В большинстве случаев это—вредная, но благожелательная утопия. Развитие производительных сил — единственный выход, создается всей совокупностью условий, о которых выше шла речь.

кооперативы, артели. Эта форма хозяйства, имея все преимущества крупного капиталистического производства, не имеет его отрицательных сторон и кажется наиболее целесообразным выходом из кризиса мелкого хозяйства.

Указывая все преимущества коопераций, их защитники упускают одно чрезвычайно важное обстоятельство.

Современное перенаселение земледельческого центра, как мы старались выяснить, служит одной из главных причин падения производительности земледельческого труда. Производится мало хлеба не от недостатка, а от избытка работников. Очевидно, что, напр., Иван и Петр, имея по одной десятине, и порознь и вместе произведут немного хлеба. Приобретать машины им нет расчета, так как и вместе и порознь они успеют обмолотить и сжать хлеб руками, вспахать с одной лошадью обе десятины и т. д. При соединении многих крестьян в кооператив, в артель, и при применении улучшенных орудий большая часть рабочих рук в таком кооперативе будет излишней [1]). (Напомним об утверждении Герца, что при машинах в мелком хозяйстве, оказалось, некуда девать лишнее время). Т.-е. при кооперативном земледельческом хозяйстве, как и при капиталистическом хозяйстве, с техническим прогрессом окажется больше избыточных рук в земледелии, которые должны или перейти в индустрию, или, оставшись в земледельческом хозяйстве, упразднить машины, остановить технический прогресс, или заняться обработкой производимых в земледелии продуктов. Но последнее предполагает уже соединение земледелия с индустрией, соединение в виде крупного хозяйства. Уже в главе об условиях развития производительных сил (Гл. III), мы указывали на эту форму хозяйства в виде земледельческих заводов, как на форму будущего, которая, допуская огромное развитие производительных сил, увеличивает емкость территории до безграничных размеров. Размножение населения и технический прогресс намечают эту форму хозяйства, как единственную, примиряющую две противоположные тенденции развития сельского хозяйства. Но... артельная организация такой формы хозяйства для настоящего времени — утопия.

Этот способ организации, — даже при предположении склонности крестьян к ней, — самый трудный, потому что, пока положение сельского рабочего так плохо, как в настоящее время, крупное капиталистическое хозяйство будет иметь преимущества дешевизны рабочей силы и повышенной ренты на счет пониженной заработной платы; этот способ организации — самый последний, во-первых, потому, что капиталистическое хозяйство может оказаться несостоятельным перед

---

[1]) Выше приведен пример хозяйства г. Ярошко, в котором 30 человек летних рабочих, — из них 6 — 8 человек взрослых, а остальные полурабочие, вспахивают и перепахивают 200 дес., убирают сено с 300 дес., убирают хлеб, молотят и проч. с 500 дес. и делают озимый посев. Чтобы достигнуть такой производительности труда, крестьяне должны или иметь более чем в четыре раза земли, чем имеют теперь, или 3/4 из них и летом должны заняться обработкой продуктов, перейти к индустрии.

кооперативным лишь тогда, когда оно не может получать добавочной ренты, благодаря пониженной заработной плате и конкуренции мелких собственников, и, во-вторых, потому, что в земледелии сохранилось еще много пережитков феодального строя, при существовании которых кооперация неосуществима. Между тем при современных условиях устранение чрезвычайно повышенный ренты на счет мелких арендаторов и сельских рабочих, а также увеличение количества занятых рабочих на единицу площади земли, не задерживая развития производительных сил, возможно при следующих условиях:

1) При уничтожении насильственной связи с землей, удерживающей в деревне избыточное население искусственно. У нас, в России, как известно, препятствия передвижению населения двоякого рода: а) препятствия общего характера к передвижению и переселению и б) община, как административно-сословная единица, с которой не может порвать связи крестьянское население, даже постоянно живущее в городе.

2) При сокращении обложения мелких собственников и рабочих.

3) При общем сокращении непроизводительных затрат национального дохода. Это поведет к развитию индустрии.

4) При уничтожении ренты, как особого вида дохода, потребляемого непроизводительно. Резкое проявление этого мы видим в Ирландии.

5) При повышении заработной платы сельских рабочих, которое повело бы сначала к стремлению сдавать в аренду крупные имения, а потом, при понижении, благодаря этому, арендной платы — к ведению более рационального и технически развитого капиталистического хозяйства.

6) При законодательном запрещении или сокращении женского и детского труда в крупных экономиях.

7) При ограничении рабочего времени.

Развитие обрабатывающей промышленности ведет к повышению в ней заработной платы, отражающейся на заработке сельских рабочих, и является поэтому одним из условий, облегчающих положение населения.

Точно также развитие обработки продуктов в самих земледельческих хозяйствах требует массы рабочих рук и дает возможность повышать заработную плату.

При этих условиях «емкость» территории увеличивается, и поглощается избыточное население.

С нашей точки зрения, кооперации не могут иметь сколько-нибудь значения не только при крепостном праве, но и при других условиях неполной свободы личности, при возможности увеличить ренту или налоги с повышением доходности, хозяйства (что возможно, напр., в России, в Ирландии) и т. п. Поэтому аграрный вопрос в отсталых странах имеет совершенно другое значение, чем в странах передовых и там и здесь он связан с развитием

промышленности, но в отсталой стране он может ставиться лишь в связи с общими правовыми вопросами, одинаково важными и для земледельческого и для промышленного населения, так или иначе, вполне или отчасти уже решенными в передовых странах. Поэтому, с практической точки зрения[1]), совершенно бесплодно и бесполезно спорить о преимуществах кооперации также, как с голодным черноземным мужиком бесполезно спорить о том, что вкуснее — устрицы или страсбургский пирог?

---

[1]) В спорах по вопросу о земледельческих кооперациях, как вопросу будущего, в русской журналистике будет, разумеется, поломано еще немало копий.

Глава XIII.

Индустрия и земледелие.

1. Кустарные промыслы и крестьянское хозяйство.

1. Условия развития производительности труда в индустрии.— 2. Кустарное производство и земледельческое хозяйство.— 3. Значение рынка для кустарных промыслов.— 4. Условия сбыта кустарных изделий.— 5. Закупка сырья.— Выводы.

1.

Недостаточность продуктов, получаемых в земледельческом крестьянском хозяйстве при малоземельи или при низкой урожайности земли, побуждает заняться обработкой продуктов или для обмена их на продукты земледелия, или для продажи, чтобы уплатить подати, удовлетворить растущие потребности и проч. Переход к обрабатывающей промышленности увеличивает емкость территории, потому что избыточное земледельческое население находит в обрабатывающей промышленности заработок.

Переход к индустрии земледельческого населения начинается в виде кустарных промыслов. Но и здесь развитие производительных сил может итти различным темпом. Уже самый переход части населения к обработке продуктов ведет к развитию производительных сил, хотя производительность труда в кустарных промыслах чрезвычайно низкая. Но у промышленного населения дальнейшее развитие производительных сил возможно уже только посредством технического прогресса, увеличивающего производительность труда. Поэтому на кустарных промыслах, как на переходной стадии, увеличивающей производительные силы населения, еще не оторванного от земледелия, мы и остановимся.

В экономической жизни России для огромной массы населения кустарные промыслы играют большую роль. Даже в черноземных земледельческих губерниях кустарное производство начинает приобретать большое значение. Тем не менее, несмотря на огромное значение кустарного производства в экономической жизни России, несмотря на большое внимание, которое ему уделяется учеными экономистами и общественными учреждениями, до сих пор

недостаточно твердо установлено отношение к этому явлению в нашей экономической жизни, недостаточно выяснено значение кустарных промыслов в хозяйственной эволюции страны.

Отсутствие такого ясного взгляда экономистов на кустарные промыслы объясняется, как мне кажется, отчасти еще существованием доктринерского взгляда на значение мелкой промышленности в хозяйственной эволюции современной России, отчасти игнорированием значения производительных сил для хозяйственного прогресса страны вообще и для крестьянского населения в частности. Иллюстрацией такого игнорирования значения совершающегося процесса хозяйственного развития страны может служить мотивировка необходимости экономических мероприятий, сделанная комиссией по экономическим мероприятиям в московском земстве, в деятельности которого занимает видное место помощь кустарям. В эту комиссию, между прочим, входили такия «сведущие» лица, как проф. Чупров, проф. Н. Карышев, Н. Каблуков, В. Григорьев и др. Мотивируя необходимость подъема и кустарных промыслов и земледелия, комиссия констатирует связь кустарей с земледелием. Из этого комиссия заключает, что необходимо поддержать, сохранить эту связь, чтобы «отвлечь хотя часть населения от отхожих промыслов и фабрик, пагубно влияющих на экономические условия губернии». А г. Карышев в своем докладе ставит задачей земства подъем сельского хозяйства, «возвышение экономической состоятельности населения, а следовательно и его платежной способности и отвлечение последнего от деморализующего влияния отхожих, городских промыслов».

Итак, лица, призванные руководить экономическими мероприятиями земства, ученые экономисты подходят к этому с задачей удержать население в деревне около земледелия и бороться с «деморализующим» влиянием города,— с воззрением, что не пагубные экономические условия губернии влекут население в отхожие промыслы и на фабрики, а отхожие промыслы и фабрики пагубно влияют на экономические условия губернии.

Как увидим далее из деятельности московского же земства, задача, поставленная гг. профессорами, не только не осуществлялась, а напротив, там, где земство содействовало развитию кустарных промыслов, оно не могло ставить других задач, кроме задачи связать кустаря с рынком, поставить его в тесную связь и зависимость от рынка и увеличить то влияние города, которое казалось нежелательным. Взгляд на значение соединения промысла с земледелием, как средства против разлагающего влияния капитализма, является наиболее распространенным.

Как ни очевиден факт, что развитие производительных сил в обрабатывающей промышленности произошло благодаря развитию менового хозяйства и отделению его от земледелия, тем не менее задачи, выставленные экономическим советом московского земства, указывают на то, что значение этого факта для многих недостаточно ясно. Поэтому остановимся прежде всего на значении этого явления — роста городов и отделения обрабатывающей промышленности от земледелия.

Увеличение производительности труда в индустрии достигается применением улучшенных, более дорогих орудий производства; в свою очередь, применение этих орудий возможно и выгодно только при массовом производстве на обширный рынок, создаваемый широким обменом. Техника производства находится в такой тесной связи с размерами спроса на продукты этого производства, что обыкновенно его расширение сопровождается и прогрессом техники, развитием производительных сил. И это вполне понятно. Развитие производительных сил, прогресс техники и заключается в том, что при той же затрате труда производится больше продуктов, т.-е. требуется больше обрабатываемого сырья и большие размеры предприятия, чтобы массой производимых продуктов покрыть большие первоначальные затраты на машины, материал и проч. Это, в свою очередь, ведет к тому, что прогрессирующая отрасль промышленности должна отделиться от земледелия. Невозможно вести рядом с предприятием, требующим все больших и больших затрат, мелкое земледельческое хозяйство. Совместное ведение и земледельческого и промышленного предприятия, особенно при ограниченности средств, не может сопровождаться техническим прогрессом в промышленности. И действительно, мы видим, что те отрасли промышленности, которые прогрессируют, отделяются от земледелия и специализируются. Напротив, остаются связанными с земледелием те отрасли производства, которые или находятся в такой тесной с ними связи, что не могут отделиться (обработка на месте продуктов земледелия), или те, в которых существует еще примитивная техника и недостаточно широкий рынок.

Общественное разделение труда проникает все дальше и дальше в хозяйственную жизнь общества, и, по мере выделения из земледелия отраслей промышленности с развитой техникой в виде капиталистических предприятий, создаются новые промыслы, которые, в начале их развития, часто появляются в виде мелкого домашнего производства, в виде кустарных промыслов. Другие отрасли промышленности, вследствие отсталости техники, вследствие дороговизны перевозки продуктов, ограниченные местным рынком, держатся долго на первичной стадии кустарного производства, долгое время давая заработок огромному числу деревенского населения. Наконец, *одной из главных причин существования технической отсталости некоторых отраслей промышленности и господства кустарного производства является* низкий заработок, которым довольствуется кустарь. К таким отраслям промышленности относится, например, ткачество[1]), занимающее между прочим, большое число рабочих рук в России. Техника тканья различных материй может в настоящее время достигнуть высокой степени

[1]) В секции по ткачеству на съезде деятелей по кустарной промышленности С. И. Лисенко сообщает, что, по словам ткачих, «для постоянной продажи пряжи и холста никто не стал бы работать, так как не окупится труд; это явление продажи холста по существующим ценам возможно только при той колоссально низкой оплате труда, при которой рабочий день пряхи оплачивается иногда в 5 коп.».

совершенства, производительность труда в этой отрасли производства может быть огромной. Если, тем не менее, значительная часть населения занята тканьем материй на дому, если она не вытесняется окончательно фабрикой, то только потому, что необычайная дешевизна рабочих рук делает маловыгодным машинное производство: предприниматель, без значительных затрат на машины, скупкой изделий у кустарей, получает продукт почти так же дешево, как обошлось бы производство на фабрике. Повышение заработка кустарей и повышение цен на продукты их производства могут повести к организации крупного производства, к их уничтожению. Это обстоятельство особенно нужно иметь в виду, чтобы не иметь утопических надежд на коренное улучшение положения и на сохранение всех кустарей, как кустарей. Техник-агент московского земства в своем докладе («Доклад техника-агента по игрушечному промыслу») приходит к следующему выводу:

«Рассматривая кустарные промыслы с технической точки зрения, можно разбить их на две группы. К первой относятся такие, которые, по своим техническим особенностям, могут существовать в кустарной форме[1]), другие же с течением времени при введении технических условий превращается в фабричное производство.

К промыслам, которые утратили свою кустарную форму, я отнесу, например, производство фаянсовой посуды. Гончарное производство вообще с улучшением техники превращается в крупное заводское производство и становится выгодным только в больших размерах. Существующие кустари выполняют только одну из деталей сложного производства посуды, а именно ее раскрашивание, тогда как гончаров этого рода в строгом смысле слова нет. Другой пример представляют кустари, выделывающие пуговицы. Этот промысел, разбросанный по Звенигородскому и чаще по Подольскому уезду, в настоящее время вымирает. Костяная кустарная пуговица вытесняется фабричной кокосовой.

Несмотря на ежегодное возрастание количества фабрик кокосовых пуговиц, кустари-пуговичники все еще находят возможным сбывать с трудом свои пуговицы и пока могут конкурировать с машинными произведениями. Очевидно, всякое содействие такому промыслу в техническом отношении сведется к введению машин, и в данном случае для своего существования пуговичный промысел должен будет обратиться в фабричное производство».

Хотя прогресс техники, специализация рабочих и повышение заработка и ведет к организации крупного производства, но это сопровождается образованием новых отраслей промышленности, новых кустарных промыслов, которые часто развиваются сначала среди земледельческого населения, доставляющего наиболее дешевый труд.

[1]) Нечего и говорить, как ошибочна эта ссылка на «технические особенности». Сегодня невозможное улучшение техники,— завтра делается возможным, и трудно сказать категорически, какая отрасль производства может всегда отличать «техническими особенностями».

Развитие кустарных промыслов, точно так же, как и развитие промышленности, является с увеличением товарного обмена, с расширением рынка и главным образом внутреннего[1]).

Те экономисты, которые находят необходимым содействовать сохранению натурального крестьянского хозяйства, следовательно, препятствовать развитию внутреннего рынка, практически должны постоянно впадать в противоречие, потому что для кустаря прежде всего нужен рынок.

Тот же экономический совет московского земства, который постановил задачу предохранять деревенское население от «деморализующего» влияния города, на основании докладов земских техников по кустарным промыслам, утверждает, что «улучшения приемов производства товаров кустарями могут наступать лишь после того, как последние более или менее обеспечиваются в сбыте своих изделий», что «техническая работа шла вслед за результатами, которых достигли хлопоты чисто торгового характера». (Доклад московского губернского экономического совета, № 7, 1890 г., стр. 10).

Многие кустарные промыслы обязаны своим существованием развитию фабрично-заводской промышленности. Так, по мнению Туган-Барановского, из 141 т. крестьян, занятых в мелком товарном неземледельческом производстве Московской губернии, не менее 82 тыс. (т.-е. около 59% работающих) занятых в промыслах, непосредственно созданных фабрикой или крупной мастерской (сюда относятся бумажное, шерстяное и шелковое ткачество, ткачество позумента, бахромы, размотка бумаги, шелка и шерсти, патронный промысел, игрушечный, шитье перчаток, щеточный промысел, производство пуховых шляп, канительный, золото-кружевный и другие более мелкие промыслы)[2]).

«Домашнее ткачество (бумажное) в Богородском уезде, Московской губерний, группируется здесь, как и в других местностях, вблизи крупных бумаготкацких фабрик. Вообще большое развитие фабричного ткачества в данной местности всегда сопровождается подобным же развитием в том же районе и домашнего ткачества. Вместо антагонизма, как казалось бы, неизбежного, между двумя формами одного и того же производства, замечается обратное...

Вообще в Московской и Владимирской губ. часто встречаются случаи, когда бумаготкацкие фабрики расширяют производство не увеличением числа своих фабричных рабочих, а путем раздачи основы для тканья в крестьянские избы и светелки; иными словами, в подобных случаях практикуется так называемая домашняя система крупного фабричного производства. Таким образом, при упомянутой системе производства, фабриканты могут успешно

---

[1]) Нам кажется чрезвычайно ошибочным еще довольно распространенное мнение, что таможенное покровительство промышленности вызвало появление фабрик и задержало развитие кустарных промыслов, особенно, ткачества Если бы таможенное покровительство не мешало ввозу дешевых заграничных материй, кустарное ткачество еще более пострадало бы от конкуренции дешевых фабричных тканей, кустари сразу были бы выброшены из своих изб на фабрики.

[2]) «Фабрика», стр. 242.

приспособляться к требованиям рынка, не затрачивая единовременно значительной суммы на устройство фабричных зданий, выписку машин и т. п.»[1]).

Препятствовать движению населения в города, отделению части его от земледелия, и в то же время стремиться расширить рынок— это две противоположные, одна другую исключающие задачи, потому что развитие производительных сил и расширение рынка возможно только при росте городского и деревенского покупающего населения, при общественном разделении труда.

Какую же при этом роль играет земледельческое хозяйство?

2.

Развитие производительных сил выражается в отделении от земледелия тех отраслей промышленности, в которых производительность труда увеличивалась, в которых техническое развитие возможно благодаря концентрации производства или благодаря большой затрате постоянного капитала в предприятии. Обыкновенно технический прогресс, кроме того, ведет к разделению труда и, в свою очередь, вызывается последним, а общественное разделение труда, ведет к реорганизации тех мелких хозяйств, которые сталкиваются с этим процессом. Когда обрабатывающая промышленность отделяется от земледелия, то земледельческие хозяйства обыкновенно поставляют рабочих в эту промышленность, потому что внеземледельческие заработки являются необходимыми для поддержки хозяйства. Таким образом, земледельческие хозяйства, поставляющие рабочих в индустрию, находятся в тесной связи с нею и в определенной зависимости от нее. Эта зависимость положения мелких земледельческих хозяйств от развития индустрии, от заработной платы на фабриках, сохраняется до тех пор, пока рабочие совсем не порвут с земледелием. Но связь земледелия с индустрией не ограничивается только этим. Между ними устанавливается еще связь посредством обмена.

Развитие менового хозяйства выражается в том, что все большее и большее количество потребностей удовлетворяется их куплей. В настоящее время только полный пролетарий удовлетворяет все свои потребности, покупая продукты на рынке. Значительная часть рабочих еще не может содержать своим заработком свое семейство, и часть пищи добывается в собственном земледельческом хозяйстве. Земледельческое население с увеличением своих потребностей не может удовлетворять все свои потребности производством продуктов в общественном хозяйстве и принуждено их покупать, продавая или свой хлеб или свой труд. Это, в особенности, можно сказать об отхожих рабочих, которые в известное время года уходят на заработки и доходом от них могут покрывать значительную часть своих расходов.

Разумеется, чем выше потребности крестьянского населения, занимающегося промыслами, чем меньше добывается земледельческих

---

[1]) «Краткий обзор кустарных промыслов». Цитировано по ст. Курчинского, «Жизнь», январь 1901 г.

продуктов, тем меньшую роль играет и земледельческое хозяйство, потому что благодаря этому промыслам посвящается больше времени.

Если мелкое земледельческое хозяйство не эволюционирует, не увеличиваст своей доходности, а индустрия развивается, то и значение последней, относительно, увеличивается.

Для части земледельческого населеня, которая принуждена все больше и больше употреблять свои производительные силы на промыслы, земледелие приобретает такое же значение, как постройка собственной избы, приготовленной дома одежды и т. п. Удовлетворять другие потребности, кроме потребности в пище, оно не может. Даже потребность в пище не может удовлетворяться целиком продуктами собственного хозяйства, потому что, при росте населения без соответствующего прогресса земледелия в мелких хозяйствах, последнее все меньше и меньше может доставлять продуктов на каждого потребителя.

Рассматривая с этой точки зрения крестьянское хозяйство различных областей России, мы найдем, прежде всего, что везде для некоторой части крестьянства, главным образом для малоземельных крестьян и для группы крестьян, занимающихся промыслами, земледельческое хозяйство имеет указанное нами значение.

Уже в конце эпохи крепостного права значительная часть крестьян не могла существовать только земледелием. «Большею частью крестьяне занимаются в одно время земледелием, в другое промыслами, и притом одни посвящают более времени на земледелие, другие на промыслы. В самых земледельческих губерниях можно найти местности, в которых все способные к труду уходят на заработки в известное время. Так, в южной части Воронежской губернии почти все способные рабочие уходят с мая до начала июля на сенокос в землю Войска Донского. В Пензенской губернии большая часть рабочих уходит с марта месяца до конца июня на бурлацкие работы, но кто же решится признать эти местности промышленными? Чтобы судить о степени развития промысловой деятельности в селениях, мало знать число занимающихся промыслами: необходимы еще сведения, сколько времени в году посвящают они промыслам» [1]).

Но в некоторых районах эта группа крестьян незначительна, так как большинство земледельческих хозяйств удовлетворяет свои потребности потреблением и продажей продуктов своего земледельческого хозяйства. В других районах, даже для удовлетворения потребностей в хлебе самих крестьян, недостаточно тех продуктов земледелия, которые добываются во всем районе. Разумеется, другие потребности уже не могут удовлетворяться продажей хлеба на рынке. Если при этом принять во внимание, что во всех районах есть крестьянские и помещичьи хозяйства, которые производят избыток продуктов, то обнаруживается еще рельефнее различие значения земледельческого хозяйства в районах, ввозящих хлеб, и в районах с избытком хлеба.

---

[1]) Материалы для статистики России, собираемые по ведомству министерства госуд. имущ., 1858—61.

Уже в 70-х годах в отношении производительности все губернии Европейской России делились на три главные группы: 1-я группа — губернии, производящие хлеб в количестве, недостаточном для местного потребления; сюда относятся три северных губернии: Архангельская, Олонецкая и Вологодская, 6 губерний северо-западных: Петербургская, Новгородская, Псковская, Витебская, Могилевская, Смоленская и 6 центральных: Тверская, Московская, Владимирская, Калужская, Ярославская, Костромская; 2-ю группу с производством хлеба в размере, достаточном лишь для местного потребления, составляют две губернии восточные: Вятская и Пермская, 3 прибалтийские и 4 западные: Ковенская, Виленская, Гродненская и Минская.

В губерниях, производящих недостаточно хлеба для местного потребления, есть помещичьи хозяйства, производящие избыток хлеба против потребности в нем и доставляющие его на рынок. Это обстоятельство еще более подтверждает тот вывод, что у огромной части крестьянского населения в этой полосе и у значительной его части в черноземной полосе России земледельческое хозяйство может удовлетворить только часть потребности крестьян в хлебе; для удовлетворения же других потребностей и отчасти даже потребности в продуктах питания они должны добывать деньги заработками на стороне, или кустарными промыслами.

Такое происхождение мелких крестьянских промыслов указывает на противоречие, в которое впадает крестьянское хозяйство. Если земледелие дает достаточный доход не только для удовлетворения потребностей хозяйства в продуктах питания, но и для продажи, для удовлетворения других потребностей, то для земледельца нет достаточных оснований заниматься отхожими или кустарными промыслами. С другой стороны, значительный доход от промыслов побуждает промышленника обратить внимание и производительные силы на этот промысел, а не на земледелие, которое начинает играть тем меньшую роль в его бюджете, чем больший заработок получается от промыслов. Это противоречие указывается всем хозяйственным строем современной России.

Большое распространение кустарных промыслов в нечерноземном районе указывает на то, что они развиваются там, где земледелие не дает достаточно дохода. Больший доход от промыслов в группе крестьян бесхозяйственных также указывает на несовместимость р а з в и т и я, т.-е. технического прогресса, земледелия и промыслов в одних и тех же хозяйствах, хотя для единичных хозяйств это и доступно.

Наконец, все более и более заметное отделение обрабатывающей промышленности от земледелия, именно в тех ее отраслях, которые прогрессируют в технике, указывает на то, что развитие производительных сил в промышленности возможно только при специализации хозяйства. Всякое улучшение техники даже в мелком хозяйстве, но требующее значительных затрат на это, всякое совершенствование в приемах работы, требующее значительного увеличения затрат на сырой материал, ведет уже к ущербу сельскохозяйственной стороны того же предприятия; и обратно: чем бо̀льшая часть населения оставит

земледелие ради промыслов, тем в лучшем положении будет сельское хозяйство тех крестьянских хозяйств, которые занимаются земледелием, уже только потому, что на каждого человека и земледельцев достанется бо̀льшая площадь земли.

Обращение к промыслам вызывается отчасти ростом населения, отчасти тем, что производительные силы не могут быть использованы в земледелии. Поэтому отлив их в города, к промыслам и переселение являются неизбежным, неустранимым и необходимым следствием роста народонаселения.

Бороться против ухода с земли, против стремления населения искать в другом месте лучших заработков — значит ухудшать положение не только тех, которые могли бы уйти, но, в особенности, тех, которые остались бы: небольшой кусок хлеба, получаемый от земледелия, заставить делить между бо̀льшим количеством ртов, на добывание этого куска затратить бо̀льшее количество рабочих рук. Если один человек может обработать 4 десятины и если этот клочок будут обрабатывать 2—3 человека, то от этого производительность их труда упадет: они вдвоем, втроем произведут немногим больше, а быть может столько же, сколько произведет один человек, если один, два затратят свои силы на производство других продуктов.

Следовательно, если часть населения может обработать всю находящуюся в его распоряжении землю, если занимающееся промыслами население не может значительно увеличить общее количество продуктов земледелия, то уход этой части населения в города или специализация его в кустарном производстве ведет к развитию производительных сил. Излишние рабочие силы отрываются от земледелия и увеличивают общую сумму производимых продуктов. Конечно, значительная, даже огромная часть производимых промышленниками продуктов отчуждается, но это ничуть не изменяет нашего вывода, так как и в земледелии произошло бы то же самое, при чем отчуждались бы продукты их меньшей произведенной населением суммы, из такой суммы, которой и без того нехватило бы для прокормления населения.

Специализация рабочих и развитие производительных сил ведет к отрыванию рабочих от земледелия. Данные исследований положения рабочих на фабриках показывают, что специализированные рабочие, получающие и больший заработок, отрываются от земледелия, очевидно, вследствие объективной необходимости, а не для прекрасных глаз промышленности и фабрики. То же можно сказать и о мелком производстве, требующем более или менее квалифицированного, производительного труда. Между тем без развития производительных сил невозможно улучшение положения мелких производителей — кустарей и рабочих. Правда, даже при наиболее производительном труде доля кустаря и рабочего в производимых ими продуктах может быть ничтожной, так как львиная доля обыкновенно достается от кустаря — скупщику, от рабочего — предпринимателю. Но для того, чтобы увеличить эту долю, чтобы было возможно улучшить положение производителя, необходимо, чтобы сумма производимых им продуктов была настолько значительной, настолько увеличилась, что было бы всегда

возможно увеличение абсолютной величины заработка кустаря или рабочего.

Есть в России такие малоземельные деревни, с таким малопроизводительным трудом, что, пожалуй, даже кулаку-скупщику нечего взять. Остановка в развитии производительных сил при росте населения может повести именно к таким последствиям. Таким образом, если необходим и неизбежен процесс развития производительных сил, то неизбежно при настоящих меновых отношениях и отделение промышленности от земледелия рабочих сил в мелкое и крупное производство.

3.

В Московской губернии, где промыслы играют большую роль, земледелие дает крестьянскому населению только 45% его годового бюджета. Следовательно, даже допуская, что все крестьяне занимаются земледелием и все занимаются в то же время промыслами, земледелие играет чисто-потребительное значение: продукты, даваемые земледелием, едва ли достаточны для непосредственного потребления. Если принять во внимание, что и в Московской губ. есть более зажиточные земледельцы, то роль земледелия для массы деревенского населения еще более отодвигается на второй план. Если продукты земледелия потребляются в хозяйстве, то источником прибавочной ценности и прибыли для более зажиточных крестьян, скупщиков, торговцев и предпринимателей является не земледельческий труд, а труд промышленный. Продукты земледелия, составляя 45% в крестьянском бюджете, целиком и потребляются в хозяйстве. Остальные 55% получаются от промыслов, но эти 55% не составляют всей суммы ценности, производимой промышленным трудом крестьян. Это лишь сумма ценности продуктов промышленности, потребляемая так или иначе крестьянским хозяйством. Прибавочный продукт, получаемый сверх этих 55%, не потребляется в крестьянском хозяйстве, а уходит в другие руки. Если заработок кустарей в Московской губ. составляет 7½ мил. руб. или 18% крестьянского бюджета, если другие промыслы составляют 6%, отхожие промыслы 19% и заработки на фабрике 12%[1]), то этот заработок составляет лишь часть всей ценности произведенных крестьянами продуктов в промыслах. Дифференциация крестьянства может происходить уже на почве обрабатывающей промышленности. Продуктов земледелия производится так мало, что они не могут отчуждаться в большом количестве; эти продукты или деньги, вырученные от их продажи, не могут быть объектом накопления и обогащения ни массы земледельцев, ни отдельных предпринимателей.

В таких промышленных районах происходит отчуждение продуктов обрабатывающей промышленности, и обыкновенно из среды тех же кустарей или со стороны выдвигаются более состоятельные предприниматели, которые организуют скупку изделий для доставки их на рынок и продажу сырого материала, необходимого кустарям для его обработки.

---

[1]) «Историч. очерк экономич. мероприятий московск. земства 1895 г.»

Подавляющее большинство кустарей или покупает материал и сбывает свои продукты скупщикам или даже обрабатывает раздаваемый кустарям фабрикантами готовый материал. Следовательно, кустарное производство или является домашней формой крупного производства, организованного предпринимателями, или в лучшем случае кустари покупают у капиталистов сырье и сбывают капиталисту готовый материал. И в том и в другом случае на долю кустаря достается обыкновенно минимальный заработок при удлиненном рабочем дне и работе в самой антигигиенической и тяжелой обстановке.

Во всяком случае, кустарное производство так же, как и крупное производство, служит объектом операций торгового и промышленного капитала, дающего обыкновенно чрезвычайно высокую прибыль.

При отсутствии технического прогресса отчуждение прибавочного продукта, получение прибыли возможно только при скупке изделий и продаже материала кустарям, так как организация крупного производства не дает таких преимуществ над мелким производством, чтобы оправдать затраты. Но и при возможности технического прогресса часто не организуется крупное машинное производство по указанным выше причинам, именно потому, что дешевизна труда земледельцев-кустарей делает более выгодной скупку изделий, чем крупное производство. Для техники отсталых отраслей производства, находящегося в руках кустарей, таким образом, играет главную роль та связь с рынком, в которую они поставлены. Капиталист-скупщик и берет эту связь в свои руки, доставляя продукты от кустарей на рынок и доставляя кустарю необходимый для обработки материал.

Как бы кустарь ни казался независимым,— связь с рынком и зависимость от последнего тем прочнее, чем более широкий рынок открывается для сбыта его изделий. А так как рынок создается специализацией хозяйств, развитием между ними обмена, то самая специализация хозяйств, и в том числе занимающихся кустарными промыслами, является необходимым условием для их развития. Чтобы иметь возможность п р о д а в а т ь, кустарь должен иметь возможность п о к у п а т ь. Следовательно, отделение мелкой промышленности от земледелия является не только условием технического прогресса кустарного производства, но и условием для развития рынка, т.-е. самого существования промыслов.

Зависимость от рынка является первым условием производства на неопределенного потребителя. Эта зависимость выражается не только в том, что производитель должен считаться с требованиями рынка, но и в том, что за производство не следует непосредственно потребление, что кустарь должен продать свой продукт не потребителю, а торговцу, скупщику. Таким образом, на самых первых шагах своей производительной деятельности, при самой примитивной технике, кустарь уже сталкивается с представителем капитала. Но и этим еще не ограничивается его зависимость. Кустарь, для продолжения производства, должен купить сырой материал для его обработки, т.-е. встретиться снова с торговцем. Естественно, что чем производительнее труд кустаря, чем более обрабатывает он сырого материала, тем большее значение для него имеет покупка сырого

материала, тем большую роль играет скупщик и продавец сырья Практика московского земства показала то огромное значение, которое имеет для кустаря продажа и покупка сырья. Содействие кустарной промышленности выразилось в продаже материалов кустарям и покупке их произведений или в доставлении кустарям заказов через музей с выдачею вперед задатков [1]).

Экономическое бюро земства убедилось, что «действительное влияние на кустарный труд техники, нанятые земством, могут оказывать лишь в том случае, если они являются в то же время и заказчиками, покупателями его изделий. При таких условиях кустари охотно подчиняются указаниям специалистов, охотно исполняют товар требуемого качества. Ввиду этого возможно большее привлечение заказов и увеличение размеров сбыта кустарных изделий, путем расширения розничной продажи, было поставлено мастерскими на первый план. Техническая работа шла вслед за результатами, которых достигли хлопоты чисто торгового характера». «Таким образом, главная задача кустарной организации московского земства, — улучшение техники производства, — легшая в основу деятельности мастерских, при разрешении своем выдвинула на первый план и вопрос о доставлении кустарям заказов и снабжении их материалом». К тому, что вытекает при теоретическом анализе товарного производства, московская управа пришла практически. Она должна была взять на себя функцию капиталиста, скупщика, чтобы уменьшить его влияние на кустарей, т.-е. устранить капиталиста она могла, принявши на себя его функции, но уже не для собственной выгоды, а в интересах кустарей. Как увидим, при уклонении земства от этой функции, ее берут на себя зажиточные кустари уже в своих интересах. Практика, вопреки предвзятому мнению, показала земству, что развитие кустарного производства находится часто в тесной связи с развитием фабрично-заводской промышленности. Так, устроивши щеточную мастерскую, земство должно было принимать главным образом заказы от разных фабрик для изготовления щеток для машин [2]). Наиболее крупные заказы были от фабрик. Таким образом, расширение промысла и его улучшение оказалось в связи и зависимости от потребностей крупного производства, и земство содействовало этой зависимости. «Только система постоянного руководства на месте, снабжения материалом и выкупа произведений доставила возможность кустарю экономически сделать переход от производства старых изделий к изделиям нового типа, заставила его рискнуть (!) вступить на новый путь и, в конце концов, прочно убедила его в выгодности выделки этих новых и рациональных изделий; переход совершился на счет земства, а не

---

[1]) «Истор. очерк экономич. мероприятий моск. зем. 1895 г.»

[2]) «Главную цель (земской) мастерской составляло введение среди кустарей новых образцов щеток, преимущественно употребляемых на фабриках для различных специальных целей, для чего мастерская старалась получать соответствующие заказы от различных фабрик, заводов, учреждений, а также торговых фирм, занимающихся продажей специальных щеток». (Доклад моск. губ. упр. о содействии куст. промышл. 1898 г.)

кустаря». Очевидно, что, не сделай этого «риска» земство, его сделал бы скупщик, так как производство для него было бы выгодно. Сами же кустари не могли самостоятельно ничего сделать, потому что, по словам докладчика, «наш кустарь почти нищ, живя изо дня в день своим трудом, не имеет запасных средств на рискованный переход в производстве к новому».

Кустарный музей в Москве, устроенный земством для образцов кустарных изделий, постепенно превращался в товарный склад, торговые операции которого были постольку полезны кустарям, поскольку музей заменял скупщиков, скупал изделия кустарей. «Кустари неохотно отдавали в музей свои продукты на комиссию; содействие кустарной промышленности, будучи направлено на беднейших производителей сельского населения, не может быть организовано на почве комиссионных операций, вследствие недостатка оборотных средств у кустаря и невозможности поэтому выждать продолжительного срока продажи товара. Кустарь предпочитает, как показал опыт музея, лучше продать свой товар за бесценок, нежели ставить его на комиссию, даже с получением аванса». Итак, опыт заставил организаторов музея заняться торговыми операциями. Тот же опыт привел к расширению «операции снабжения кустарей сырыми материалами и оборотными денежными средствами... устройством и расширением деятельности своих мастерских и исполнением заказов». Пока музей не принял на себя целиком функций скупщиков, он служил складом товаров тех же скупщиков. «Когда весною 1890 года музей поступил в ведение экономического бюро... то... увидели, что большая часть изделий доставлена в музей скупщиками и только весьма незначительная доля получена от кустарей». Земство не только должно было принять на себя все функции торговца, т.-е. давать сырой материал и покупать изделия кустарей, но и устраивать свои мастерские. «Для успешного выполнения заказов (щеток) необходимо было щеточному мастеру поселиться в деревне в районе щеточного производства и организовать временную щеточную мастерскую» [1]). Также и в других промыслах. Эта организация собственных мастерских является неизбежной при техническом прогрессе какой-либо отрасли кустарного производства, потому что остальные функции, принятые земством (продажа материала и покупка продуктов), не могут уже помочь кустарям, когда рядом появятся предприятия с лучшей техникой. Земству или приходится заводить свои мастерские с техническими усовершенствованиями или оставить кустарей на произвол судьбы, оставить гибнуть в бесплодной конкуренции с технически развитыми предприятиями. Таким образом, в тех отраслях промышленности, в которых возможен технический прогресс (а таких большинство), переход к мануфактуре или фабрике становится неизбежным. Земство, считаясь с техническим прогрессом, должно было бы завести свои мастерские и фабрики, уничтоживши этим кустарей, как таковых. Но даже не принимая на себя задачи развития производительности труда кустаря, земство не могло не встать в положение

[1]) Доклад о содействии развитию кустарной промышл. 1893 г.

предпринимателя. Из отзывов кустарей, работавших на земские мастерские, видно, что цены на товары определялись скупщиками, и земство не могло сколько-нибудь заметно их повысить. В то же время оно не могло помочь кустарям даже в таких скромных размерах, как взявши на себя функции скупщиков, не вводя технического прогресса. Этому мешала ограниченность средств. «Помощь кустарям со стороны московского земства выразилась пока в довольно скромных размерах, чему препятствовал недостаток средств» [1]), резюмирует Н. В. Пономарев свой обзор деятельности московского земства. [Обзор деятельности земств по кустарной промышл. (1865—1897 гг.), изд. мин. земл. и гос. им. Спб., 1897 г. стр. 42].

Деятельность других земств, стремившихся оказать содействие кустарному производству, точно так же, как и деятельность московского земства, направлялась, часто помимо воли, или к развитию капиталистических отношений, или, во всяком случае, не к слиянию земледелия с кустарной промышленностью. В этом отношении попытка пермского земства, организовавшего кустарный банк, не менее характерна, чем деятельность московского земства. Хотя банк ставил задачей содействие наиболее бедным, но в действительности помощь банка привела к тому, что заемщики банка нанимали рабочих и расширяли свои предприятия [2]). Таким образом, если земство не берет на себя функций капиталиста, то из самих кустарей постепенно, с помощью того же земства, выдвигаются предприниматели, стремящиеся к организации более крупных предприятий.

На кустарном съезде был прочитан доклад К. Долгорукова «о земской фабрике».

Суджанское земство горьким опытом было приведено к убеждению, что, только взявши организацию производства в свои руки, оно могло увеличить производительность труда кустарей и вырвать его из рук скупщиков. В своем докладе уездному собранию управа писала: «В *организации кустарных мастерских волей-неволей придется все ближе и ближе приближаться к фабричному устройству*, т.-е. к совместной работе с полным разделением труда. *При этом главное отличие от частного предприятия должно состоять* в принципе участия (?) рабочих в прибылях (!) операции *в форме добровольного со стороны земства увеличения заработной платы*». Только на этой почве оказалось возможным улучшение техники, введение некоторых машин и увеличение производительности труда.

По нашему мнению, благодаря ясной постановке, «суджанская земская фабрика» имеет успех и становится прочнее многих артельных начинаний других земств,— начинаний, в большинстве случаев потерпевших крушение.

Земство ясно поняло, что отдельный кустарь, артель кустарей и даже само земство должны приспособиться к тем общим хозяйственным

---

[1]) «Переход от семейного производства к производству с наемными рабочими есть первый и наибольший результат деятельности банка». «О Пермском куст. банке». «Хуторянин». № 40, 1891 г.

[2]) Ibid.

условиям, которые определяют формы организации предприятия и сущность хозяйственных отношений.

Как видно из деятельности московского и пермского земств, результаты их деятельности совершенно не соответствовали тем задачам, которые они ставили. Пермское земство, организуя банк для противодействия процессу капитализации промыслов, оказало этому процессу существенную помощь, а московское земство теснее связало кустарей с рынком. И в том и в другом случае земство ускоряло тот процесс хозяйственного развития, который совершается в обрабатывающей промышленности России.

Разумеется, ни земский кредит, ни сбыт при посредстве земства изделий и покупка материала не могли устранить торгового капитала. Но введение в конкуренцию земского торгового и кредитного капитала повело к тем последствиям, которые являются результатом капиталистического развития страны: оно увеличивает конкуренцию и понижает прибыль скупщиков и ростовщиков.

Кустарь обычно теряет более половины своего заработка, благодаря чрезмерной эксплоатации торгового и ростовщического капитала. Внесение новых капиталов без эксплоататорских целей, конечно, не может вытеснить старые, но ведет или к понижению их прибыли, или заставляет капиталиста бороться за увеличение прибыли улучшенной техникой.

Итак, не беря на себя практической задачи искать или рекомендовать панацеи для помощи кустарю, из теоретического анализа значения кустарных промыслов и условий их развития и из анализа практики земств мы пока можем прийти к следующим выводам общего характера: связь кустарных промыслов и земледелия является временной и основанной на малой доходности как земледелия, так и кустарных промыслов. Повышение доходности промыслов и развитие в них техники ведет к отделению от земледелия части населения, что выгодно и отделившимся (если это отделение происходит от повышения заработка) и оставшимся земледельцам. Помощь земства кустарю могла выразиться не в удержании его на месте и не в изоляции его от влияния рынка и промышленности вообще, а в замене деятельности капиталиста деятельностью земства. Технический прогресс возможен при организации более крупных предприятий промышленного типа, если не предпринимателями, то земством или другим общественным учреждением, и, наконец, даже уменьшение эксплоатации кустаря скупщиками возможно при замене функции скупщика общественной организацией крупного производства.

Насколько такая организация (напр., земство) сумеет войти в интересы кустаря, превратившегося в рабочего, — зависит уже от характера общественных групп, представителем которых является земство...

4.

В изучении промыслов обыкновенно недостает анализа общих экономических условий, которые определяют организацию того или иного промысла. А между тем такой анализ необходим для того,

чтобы определить причины той или иной организации промысла. Например, организация скупщичества совершенно не ставится в связь с организацией промысла, с условиями производства и сбыта изделий; эволюция того или иного промысла, в связи с его расширением, нисколько не предрешается, хотя это возможно из сравнения развития промыслов в различных губерниях и т. д. и т. д.

Наиболее важное значение для положения промысла, его организации и развития имеют: 1) условия рынка для сбыта кустарных изделий; 2) условия закупки сырья и, главным образом, его ценность; в связи с этим имеет значение время обращения капитала кустаря, так как этим определяется сумма средств, необходимых кустарю для производства; 3) ценность орудий производства в связи с техническими условиями производства, так как ценность орудий в значительной степени влияет и на уровень техники; 4) условия, при которых возможно развитие производительности труда в данном промысле, и 5) значение для кустаря условий производства (продолжительность рабочего времени, заработная плата, гигиеническая обстановка и т. п.).

В развитии каждого промысла имеют огромное значение рыночные условия и условия сбыта продуктов.

Кустарное производство возникает, обыкновенно, вследствие потребности населения ближайших районов в продуктах этого производства. Расширение рынка является первым условием для дальнейшего развития каждого промысла.

Ремесленник, производящий изделия непосредственно потребителю на заказ из готового материала, доставленного потребителем же, делается кустарем, когда начинает свои изделия доставлять на рынок, сначала продавая продукты также непосредственно потребителю. Но при дальнейшем расширении рынка, когда много кустарей в небольшом районе начинают производить свои изделия в большом количестве, продажа кустарями своих изделий непосредственно потребителям уже затрудняется, так как потребитель часто находится слишком далеко от производителя. Является скупщик, который скупает изделия кустарей и доставляет их на рынок. Поэтому продажа кустарных изделий непосредственно потребителю существует, обыкновенно, в первоначальный период развития промысла, пока производством в данном районе занято небольшое количество кустарей, удовлетворяющих местным потребностям.

В Саратовской губернии[1]) из исследованных промыслов в очень немногих, наименее развитых, существует сбыт кустарных изделий непосредственно потребителям. К таким промыслам принадлежит: 1) Производство корыт в с. Наскафтыме Кузнецкого уезда, где занято этим производством 7 хозяйств, сбывающих свои изделия на ближайшем базаре. 2) Валянье обуви, которым занято в исследованных местностях настолько незначительное количество кустарей, с такой примитивной техникой, что ими удовлетворяются только потребности местного населения. 3) Рукавичное производство,

[1]) Мы иллюстрируем наши выводы характеристикой кустарей Саратовской губ. потому, что у нас в руках имелся сырой материал о кустарных промыслах.

которым занято небольшое число кустарей, из которых некоторые продают свои изделия на базарах непосредственно потребителям. Наконец, кустари других производств, если они разбросаны в небольшом числе и удовлетворяют потребностям местного населения, продают также свои изделия непосредственно потребителям. Но в тех же производствах, которые выше перечислены, может существовать домашняя система крупного производства, если промысел расширяется. Так, валянье обуви в Кинешемском уезде Костромской губернии приняло капиталистическую форму с машинами для трепания и чесания шерсти, увеличивающими в огромных размерах производительность труда. Точно также рукавичное производство в с. Богородском Нижегородской губернии приняло домашнюю систему крупного производства.

Из других производств непосредственно на потребителя 4) гонкой дегтя занято незначительное количество кустарей и 5) в бондарном производстве занято также небольшое число кустарей, разбросанных по различным селам и сбывающих свои изделия крестьянам.

Таким образом, непосредственно потребителю сбываются изделия, необходимые для крестьянского обихода, и только в таких отраслях производства, в которых занято незначительное количество кустарей, производящих на продажу окрестным жителям без посредничества скупщика.

Расширение рынка и увеличение количества кустарных изделий, требующее сбыта их на отдельных рынках, ставит кустарей в необходимость или обращаться к посредничеству скупщиков, или разъезжать со своим товаром по базарам и ярмаркам, посвящая этому много времени и средств. Обыкновенно кустари, разъезжающие со своим товаром, являются в то же время и скупщиками.

В Саратовской губернии к промыслам, в которых кустари работают на обширный рынок и продажа товаров непосредственно потребителям затруднительна, принадлежат: 1) Бердовое производство, в котором «из всех домохозяев лишь девять сбывают берда по предварительному заказу (потребителей?), все же остальные отдают скупщикам. Сдача берд бывает всегда по субботам». «В настоящее время из 142 хозяйств постоянных бердовщиков лишь одно хозяйство производит продажу своих изделий независимо от скупщика, а из временно работающих вне такой зависимости стоят 8 хозяйств. Все же остальные 251 хозяйство еженедельно сбывают берда скупщикам, по примеру фабричных рабочих получают расчет, подвергаясь при выдаче его всевозможным законным и незаконным притеснениям». Берда сбываются скупщиками в Киеве, Одессе, Персии, Иркутске, Благовещенске.

2) Производство топорищ. Все без исключения кустари с. Колмантай, Хвалынского уезда, «продают свои изделия на месте скупщикам соседних сел — Шалкина и Илюшкина, которые отправляют топорища целыми обозами в степь. Местной продажи топорищ не производят и скупщики».

3) Производство телег и саней. В селе Шаховском, Хвалынского уезда, в 5 селах Кузнецкого уезда и в 2 селах Вольского уезда «готовые изделия продаются или скупщикам, или непосредственно

потребителю (на ярмарках). На месте покупают приезжающие из-за Волги прасолы, при чем каждый берет до 100 «ходов» телег и до 10 саней. Есть и среди кустарей скупщики, имеющие достаточно лошадей для того, чтобы развозить взятые ими изделия по ярмаркам».

4) Производство обыкновенных и плетеных стульев. Обыкновенные стулья «на кузнецких базарах берут и потребители, но больше скупщики. Предварительного заказа на стулья скупщики не делают, находя более выгодным право установления цен на каждом базаре отдельно. Профессиональных скупщиков небольшой кружок, тесно сплоченный между собою, и вследствие этого им нередко удается быть хозяевами базарных цен на стулья». Гнутые изделия продаются на базарах непосредственно потребителю или скупщикам. Когда ярмарочное время проходит, скупщики сильно понижают цены, и кустари принуждены мириться с пониженными ценами.

5) Производители осей продают свои изделия преимущественно скупщикам во время ярмарки. Потребители не покупают потому, что окрестные крестьяне сами для себя делают оси.

6) Оглобли кустари продают прасолам в Банновке. На ярмарках покупают и потребители.

7) Шорные изделия в с. Камешкире «продают по ярмаркам и потребителю, но главным образом скупщикам: только $^1/_{100}$ часть товара попадает непосредственно потребителям, да и то только в тех случаях, когда скупщики почему-либо замялись». В других селениях Саратовской губ., в которых шорников немного, их изделия продаются непосредственно потребителю.

8) Сапожное производство. Изделия берут главным образом скупщики. В с. Шемышейке, Кузнецкого уезда, где занято небольшое число кустарей-сапожников, изделия продаются непосредственно потребителю.

9) В овчинном производстве мелкие кустари выделывают овчины на потребителя, а крупные овчинники продают скупщикам. Таким образом, здесь происходит своеобразное разделение рынка: мелкие кустари производят на местный рынок, а крупные — на более отдаленный. Очевидно, производство на сторону выгоднее, чем производство на местный рынок, потому что богатые кустари могли бы продавать свои изделия и на месте и конкурировать с мелкими кустарями, если бы это было выгодно.

10) Производители салазок в с. Созюме преимущественно продают свои изделия скупщикам и очень мало продают непосредственно потребителям.

11) Углежоги и смолокуры продают смолу и уголь татарам-торговцам, которые и развозят эти продукты по селам, уезжая иногда верст за 300 от места производства.

12) Корзины из с. Богородского, Хвалынского уезда, продаются скупщикам из Балашова и Николаева. На месте корзины не продаются.

13) Гончарные изделия покупают преимущественно скупщики или повозно (приезжие скупщики), или горнами. Оборотный капитал

местных скупщиков не превышает 50—60 руб. Некоторые кустари зимой развозят свои изделия по селам, распродавая то, что заготовлено за неделю. Розничная продажа иногда производится путем обмена глиняных изделий на хлеб (за 10 кринок — лукошко хлеба).

14) Масло и колоб, продукты маслобойного производства в с. Никольском, Кузнецкого уезда, продаются на базаре в Кузнецке скупщикам-торговцам.

15) Молотильные камни сбываются кустарями на месте скупщикам, которые отправляют камни на сторону, по Волге.

16) В сарпиночном производстве ткачи являются лишь сдельными работниками на владельцев сдаточных контор, и продажа производится самими фабрикантами в своих магазинах и через своих комиссионеров в наиболее крупных городах России.

17) В карандашном производстве более зажиточные кустари скупают карандаши и развозят их по всей России, даже за границей.

Наконец, 18) производители веялок сбывают свои изделия в Саратовскую уездную управу, хотя работают и по частным заказам.

В перечисленных производствах рыночные условия лишь отчасти определяют условия сбыта изделий, а именно: при ограниченном рынке и при небольшом числе кустарей, изделия сбываются потребителю, при широком и отдалённом рынке, при большом числе кустарей, изделия сбываются главным образом скупщикам.

Тем не менее, в различных промыслах, при сбыте изделий скупщикам, условия продажи не одинаковы и определяются не только размерами рынка и количеством кустарей, но и условиями закупки материала и техникой производства. Так, в сарпиночном производстве, рассчитанном на обширный рынок, производство организовано в виде домашней системы крупного производства, и кустари превратились в рабочих по сдельному найму, между тем как в карандашном производстве, рассчитанном на столь же обширный рынок, кустари не столько эксплоатируются скупщиками, сколько продавцами сырого материала.

В производствах шорном, маслобойном, кожевенном, овчинном, в производстве веялок сами кустари эксплоатируют других беднейших кустарей, отчасти вследствие недостатка средств у последних на организацию самого производства, на орудия производства, отчасти вследствие недостатка средств на покупку сырья.

Во всяком случае, условия продажи кустарных изделий имеют большое влияние на положение промысла и кустарей.

Производство на далекий рынок дает возможность кустарям заниматься промыслом круглый год, если оно обеспечивает достаточный заработок и требует некоторой специализации от мастера. Впрочем, на продолжительность периода промысла в течение года влияют и технические условия производства.

Производство на продажу изделий непосредственно потребителю, тотчас по изготовлении, не требует значительных оборотных средств, потому что кустарь, на вырученные от продажи средства, может купить себе все необходимое и снова продолжать производство.

Различие между кустарем, работающим на потребителя, и ремесленником заключается лишь в том, что последний работает по заказу потребителя, а первый продает свои изделия, не получая от него заказа.

Расширение производства и рынка прежде всего затрудняет сбыт готовых изделий непосредственно потребителю. Потребление изделий ближайшим населением начинает играть ничтожную роль; поэтому кустарь и начинает или развозить свои изделия или сбывать их скупщикам. Выжидать, пока явится спрос на изделия, кустарь не может, так как ему необходимо продать, чтобы иметь средства для продолжения производства и для собственного существования.

Вынужденный во что бы то ни стало продать, кустарь попадает в экономическую зависимость от скупщика, который дает средства для продолжения производства и, таким образом, является заказчиком кустаря. Кустарь начинает производить на заказ из готового материала, точно так же, как и ремесленник, но не для непосредственного потребителя, а для скупщика.

Некоторые исследователи кустарных промыслов определяют ремесло, как производство на заказ. Очевидно, что по такой классификации ремесло, как производство по заказу потребителя, и кустарное производство — по заказу скупщиков, как домашняя система крупного производства, войдут в одну категорию, и кустари, как промежуточная форма, постепенно исчезнут. И действительно, исследователи, напр., Полтавской губернии нашли всего 6.853 хозяйства, занятых кустарным промыслом, и 78.507 — занятых ремеслом [1]). Такое ничтожное количество кустарей сравнительно с числом ремесленников получилось у исследователей промыслов Полтавской губернии потому, что к ремесленникам причислены кустари, работающие по заказу скупщиков. Между тем, развитие промысла, расширение производства и производство на отдаленный рынок обыкновенно ведет к посредничеству скупщиков. Так, в Саратовской губернии, где в одной Сосновской волости производством сарпинки занято более пяти тысяч человек, сарпиночный промысел организован в виде домашней системы крупного производства, и все кустари работают на конторы скупщиков из готового материала, т.-е. на заказ. Вообще промыслы, охватывающие в данном районе большое количество кустарей, принимают постепенно форму домашнего производства на крупного предпринимателя и едва ли, поэтому только, должны быть причислены к ремесленникам. Так, в скорняжном промысле в Арзамасском уезде, Нижегородской губернии, из 360 домов работают на предпринимателей $91 \frac{3}{5}$% [2]).

В рукавичном промысле в с. Богородском и его окрестностях, Нижегородской губернии, из 1.500 человек работают на предпринимателей 80%

В шорном, там же, из 368 человек 72%

В сапожном промысле в Выездной слободе, Нижегородской губернии, из 600 дворов . . . . $87 \frac{1}{2}$%

---

1) «Кустари и ремесленники Полтавской губернии по сведениям, собранным в 1898 г.». Полтава, 1901 г.

2) «Вестник Финансов», 42, 1901.

В ювелирном промысле в Красном селе, Костромской губернии, из 3.500 человек 91½%

В гвоздарном промысле Семеновского уезда из 2.184 чел. 91%

В цепном промысле Нижегородской губернии 100%

и т. д., и т. д.

Так как размеры производства зависят от размеров рынка и, обратно, размер рынка в значительной степени зависит от размеров производства, потому что, с расширением производства, изделия распространяются все дальше и дальше, то развитие промысла изменяет и условия сбыта, а последние, в свою очередь, влияют на организацию производства. Между тем, обыкновенно упускают из виду те последствия, к которым ведет это развитие, а именно, изменение организации самого промысла при изменении условий сбыта и превращение его, при благоприятных технических условиях, в крупное производство.

Таким образом, условия сбыта изделий имеют большое влияние на организацию промысла и на его развитие. Даже техника производства в значительной степени зависит от условий сбыта.

5.

Закупка сырья имеет также огромное значение для развития и организации промысла.

В большинстве отраслей кустарной промышленности затраты на закупку сырья для обработки представляют наибольшую сумму из всех затрат, необходимых для организации производства. Отсутствие необходимых средств для закупки сырья часто ставит кустарей в зависимость от скупщиков, продающих в кредит сырые материалы. Так, в бердовом производстве «почти все (кустари) кредитуются у скупщиков, но непременно под работу берд. Правда, они не платят за это никакого денежного процента, но зато, при установке цен на сдаваемые ими изделия, они попадают в полную зависимость от своих кредиторов, понижающих цену против нормальной от 5 до 20 и даже 30 коп. на десяток... Каждый из скупщиков, смотря по величине его капитала, доверяет денег под работу от 3 до 38 руб. Впрочем, последнюю сумму дают лишь лицам, работающим на скупщика целый ряд лет». Таким образом, бердовое производство принимает форму домашнего производства на крупного предпринимателя, при чем связь кустаря с предпринимателем становится настолько тесной, что некоторые бердовщики работают на одного скупщика по нескольку лет.

В сарпиночном производстве зависимость кустаря от скупщика идет еще дальше. Предпринимательские конторы прямо раздают кустарям готовый материал как рабочим, а не как только кредитующимся производителям.

В производстве телег и саней, «хотя ценность материала, необходимого для производства, незначительна, тем не менее, кустари часто принуждены кредитоваться. Кредитуются и лесом и деньгами у местны лесоторговцев». «Значительная доля дохода от промысла достается лесоторговцам, с одной стороны, и скупщикам изделий, с другой».

Овчинники, более бедные, зависят от овчинников-заводчиков, которые дают первым сырые кожи и принимают выделанные. Значительная ценность сырья и необходимость запаса его на значительную сумму, чтобы не останавливать производства, ведет к тому, что из кустарей самостоятельно ведут производство только наиболее зажиточные заводчики, на которых работают и мелкие кустари. Крупные овчинники покупают овчины партиями, по 2.000—4.000 штук овчин. Отчасти вследствие высокой ценности сырья, отчасти вследствие технических условий, овчинное производство имеет тенденцию из формы семейного производства превратиться в более крупное.

В еще большей степени заметна эта тенденция в кожевенном производстве, где и сырье и орудия производства представляют большую ценность, чем в овчинном производстве.

Шорники покупают кожи в большинстве случаев у скупщиков, переплачивая за кожу 1 рубль, а покупают по мелочам. Так как для продажи на сторону необходимо приготовлять изделий на большую сумму, то самостоятельные кустари покупают кожи на значительную сумму сразу.

Сапожники покупают кожу за наличные деньги на базаре, продавая тут же на базаре и свои изделия. Так как для производства требуется запасаться материалом только на одну неделю (изделия продаются еженедельно на базаре), то закупка сырья требует незначительных средств, которые получаются при продаже изделий. Таким образом, в этом промысле гораздо затруднительнее сбыт изделий, чем приобретение необходимого материала.

Оглобленное производство находится «в руках местных лесопромышленников, продающих материал для производства оглобель. При производстве осей покупают лес у арендаторов казенного леса «по мелочи». Покупать у казны целые делянки леса кустари не в состоянии и принуждены, разумеется, переплачивать за материал скупщикам-лесоторговцам».

Бондари сел. Новый Кряжим покупают лес за наличные деньги. По условиям производства и закупки сырья этот промысел является типичным семейным производством, не прибегающим к кредиту и к найму рабочих. Средства для покупки материала требуются ничтожные.

Корзиноплетение в с. Богородском, Хвалынского уезда, требует также незначительных средств на покупку материала, и кустари покупают тальник на наличные средства.

Салазочники села Сюзюм, Кузнецкого уезда, покупают лес у скупщиков-арендаторов казенного леса на небольшую сумму.

Углежоги и смолокуры также покупают корье и сучья у лесопромышленников, хотя в этом промысле требуются более значительные средства на покупку сырого материала.

Для плетения стульев тальниковый хворост покупается на базаре по 10—15 коп. за сотню прутьев или за наличные деньги, или в кредит. Другой материал покупается в лавках обыкновенно на незначительную сумму.

Санники и тележки покупают лес в кредит или на деньги у лесоторговцев. Как и другие кустари, производящие изделия из

леса, они не в состоянии покупать лес в значительных количествах непосредственно из лесов.

Кожевники покупают шкуры на значительную сумму, до 10.000 р., у скупщиков. Условия производства требуют заготовки материала на значительную сумму.

В маслобойном производстве обрабатывается семя, получаемое в своем хозяйстве и скупаемое у соседей. Так как сырья перерабатывается на значительную сумму, то для его покупки требуются значительные средства.

Кустари, занимающиеся производством топорищ, и производители корыт также покупают лес у лесопромышленников.

В карандашном производстве кустари покупают материал у местных лавочников по мелочам, переплачивая значительный процент.

В производстве ниченок кустари также берут материал у лавочников. Впрочем, в этом производстве ценность материала сравнительно ничтожна.

Производители веялок покупают различный необходимый материал у торговцев, пользуясь кредитом. В этом производстве ценность материала довольно значительна, и самостоятельно промыслом занимаются только наиболее зажиточные кустари; более бедные кустари работают или сдельно из готового материала или в наймах.

В ковровом производстве материал покупается у лавочников на довольно значительную сумму или в кредит, или на деньги.

Наконец, кустари, занимающиеся производством из глины и камня — гончарное производство, выделка жерновов и молотильных камней — отыскивают необходимый сырой материал на собственных надельных землях, уплачивая арендную плату своему сельскому обществу.

В значительной части кустарных промыслов материал, необходимый для производства, можно покупать на незначительную сумму, по мелочам, и в этих промыслах преобладает мелкое семейное производство без наемного труда. Правда, кустари переплачивают за сырой материал, покупая по мелочам, но все-таки могут вести самостоятельное производство, теряя и при покупке материала и при продаже готовых изделий скупщикам. В тех же промыслах, где требуются значительные средства на покупку сырого материала, чтобы начать производство, преобладают или предприятия с наемным и издельным трудом или домашняя система крупной промышленности, производство на скупщика. К таким промыслам принадлежат: сарпиночное, кожевенное, шорное, овчинное, маслобойное, ковровое, производство веялок, жерновов и молотильных камней. Последние два промысла разделяют кустарей на две группы,— отыскивающих камни и обделывающих их,— не вследствие высокой ценности материала (камня), а вследствие технических условий, о которых мы упомянем ниже.

Таким образом, на-ряду с условиями рынка и сбыта изделий имеет большое значение для организации промысла ценность и количество сырого материала, необходимого для производства.

В перечисленных промыслах условия закупки сырья для обработки имеют тем большее значение, чем более развит промысел и чем больше он имеет значения для кустарей. Если кустарь больше времени посвящает промыслу, то больше сырья он может переработать, тем большими средствами он должен располагать для самостоятельного производства и для того, чтобы избавиться от экономической зависимости от продавцов сырья. Всякое техническое усовершенствование, увеличивая количество обрабатываемого сырья, увеличивает и сумму необходимых средств для ведения самостоятельного производства. Таким образом, технический прогресс требует не столько увеличения средств на приобретение улучшенных орудий производства, расширения рынка для сбыта изделий в большем количестве, но и значительного увеличения средств на закупку обрабатываемого сырья. Большинство кустарей не имеет средств не только на технические усовершенствования, но и на приобретение сырья при примитивной технике. Поэтому техника производства в большинстве кустарных промыслов крайне несовершенна, и кустари до последней возможности удлиняют рабочий день, чтобы заработать сравнительно ничтожные средства. Продолжительность рабочего дня достигает в некоторых производствах до 20 часов при ничтожном заработке.

Ценность орудий производства и материала имеет огромное влияние на организацию промысла. Покупка сырого материала ставит кустарей в зависимость от скупщиков, а сколько-нибудь значительная ценность орудий и средств производства ведет к организации более крупных капиталистических предприятий, потому что большинство кустарей не в состоянии приобрести более ценные орудия. Так, в кожевенном производстве, где кожевня и чаны представляют значительную ценность и еще большую ценность представляет сырой материал — кожи, производство организуется уже в более крупные предприятия с значительным оборотным капиталом и с наемными рабочими.

В тех же промыслах, где преобладает семейное производство, хотя бы и на крупного предпринимателя, ценность орудий производства чрезвычайно ничтожна. В бердовом производстве стоимость всех необходимых инструментов не превышает $5^1/_2$ руб., при чем некоторые из этих инструментов (топор, нож, пила) вообще необходимы в крестьянском хозяйстве. Некоторые орудия изготовляются самими кустарями.

В корытном производстве стоимость орудий также не превышает 5 рублей.

При плетении корзин употребляются орудия ценностью в 20—25 коп.

В производстве плетеных стульев орудия представляют ценность не более 2 руб. При производстве обыкновенных стульев нужен плотничный инструмент ценностью в 6—7 руб.

В производстве оглобель инструмента требуется на 3—4 руб.; в производстве осей — на такую же сумму; в бондарном производстве—на сумму не более 4—5 р.; в производстве топорищ требуется пила и топор.

В сапожном производстве ценность орудий также не превышает суммы 3—4 рублей.

В производстве кошем и валяной обуви[1]) в с. Безобразовке обыкновенно покупается только струна за 40—60 к. и заказывается плотнику лучек за 30 коп.

В производстве жерновов орудия представляют ценность в 5—6 р.

В производстве телег, саней и салазок употребляется обыкновенный плотничий инструмент на сумму 6—10 р. Только два двора имеют сообща устроенную парню для распаривания полозьев. Устройство парни стоит 150 рублей.

В гончарном производстве стоимость орудий не превышает 3—5 руб.

В провиоздстве веялок требуется обыкновенный столярный инструмент; но работа производится обыкновенно в особо устроенных мастерских, которые представляют значительную ценность.

В маслобойном производстве значительную ценность представляет самый маслобойный завод с печами, жомом и проч. орудиями. Поэтому маслобойные заводы устраиваются зажиточными крестьянами.

В шорном проивзодстве значительную ценность представляет кожевня и чан. Вследствие значительной ценности устройства кожевни (50 руб.) и покупаемого сырья, в шорном производстве выдвигаются более зажиточные предприниматели, эксплоатирующие наемный и сдельный труд других кустарей.

Точно также в овчинном производстве значительная ценность «овчинной» и чанов, а также сырья дает вомзожность зажиточным овчинникам эксплоатировать более бедных.

В кожевенном производстве также требуется устройство кожевни с чанами, а на сырой материал требуются еще большие средства, чем в овчинном и шорном производствах.

В углежжении и смолокурении устройство ям не требует почти никаких денежных средств и при той примитивной технике, которая существует в этом промысле в Саратовской губ., производство доступно и беднейшим кустарям. Более рациональная постановка промысла, разумеется, потребовала бы и больше средств.

Почти во всех перечисленных промыслах техника производства чрезвычайно примитивна. Отсталость техники в значительной степени обусловливается не только недостатком средств на покупку сырья, но и необходимых орудий проивзодства. Улучшение орудий производства повело бы не только к увеличению затрат на эти орудия, но и на покупку сырья, которое стало бы обрабатываться в большем количестве при увеличении производительности труда. В некоторых случаях технический прогресс требовал бы прямо организации крупного машинного производства или организации заводов и мастерских. Некоторые промыслы уже и переходят к производству с наемным трудом или к найму сдельных рабочих-кустарей.

Техническая отсталость заставляет кустарей удлинять до последней возможности свой рабочий день, работать при невозможных

[1]) Применение чесальных машин в этом промысле требует уже организации крупного капиталистического предприятия.

гигиенических условиях, чтобы получить обыкновенно ничтожный заработок. Труд кустарей требует почти во всех промыслах довольно большого напряжения и тем не менее продолжительность рабочего дня доходит до 14—16 и более часов в сутки. Например, в бондарном производстве осенью, когда бондарные изделия более всего покупаются, бондари спят по 3 часа в сутки. «Всю ночь огонь не тушим,— на праздники только и надеемся, тогда и выспимся; а за неделю ветром качает»,—говорят бондари об осеннем сезоне.

Сапожники в г. Кузнецке работают круглый год с 6 час. утра до 12 час. ночи, т.-е. 18 часов, с перерывом в $1^1/_2$ часа на обед и 1 час в сумерки. Перед базарным днем работают целые сутки без сна; «отсыпаются» в четверг после базара.

При производстве салазок работают зимой 15 часов в сутки; при производстве осей и оглобель продолжительность дня такая же.

В овчинном производстве в осенние и зимние дни на работу встают с 1 часа ночи и работают до 5 час. веч., когда начинается уборка и топка овчинной. Спят и отдыхают овчинники только с 7—8 час. вечера до 12 и 1 часу ночи, т.-е. 4—6 часов в сутки. Нужно при этом заметить, что работа происходит при крайне антигигиенических условиях, в сыром и жарко натопленном помещении, где парятся и сушатся овчины.

В производстве плетеных стульев зимний рабочий день продолжается 14—16 час., а летний—15—17 часов.

У гончаров рабочий день продолжается 18 час. без отдыха: «горшечникам спать некогда»,—говорят кустари.

Производители веялок работают 15—18 часов в день зимой и летом.

В производстве сарпинки ткачи работают зимой и летом 15—17 час. в день. Подростки (шпульники) работают несколько меньше.

В маслобойном производстве зимой и осенью рабочий день настолько продолжителен, что кустари спят 3—5 час. в сутки. Осенью встают в 11—12 час. ночи (вечера), завтракают и обедают тут же и работают до 5—6 час. вечера. Зимой встают в 10 час. вечера и работают до 4—5 час. вечера следующего дня. Лошади работают в две смены.

В шорном производстве перед ярмарками работают и по ночам. В среднем кустари работают в течение рабочего сезона не менее 15 часов в сутки.

В бердовом производстве рабочий день, в среднем, продолжается 15—16 час., но в некоторые периоды и в конце каждой недели работают значительно дольше, часов до 20 и более. Зимой встают на работу в 2—3 часа утра и работают до 10—11 час. вечера. И т. д..

При такой продолжительности рабочего дня почти во всех кустарных промыслах гигиеничная обстановка работы крайне непривлекательна. За исключением тех промыслов, в которых работа производится на дворе (главным образом, обработка дерева), в остальных промыслах работа производится в крестьянских избах, где, вследствие этого, создается невозможная атмосфера, в которой живет вся семья

кустаря. В промыслах по обработке шкур (овчинном, кожевенном и шорном) часть работы производится в кожевнях и овчинных, при чрезвычайно антигигиенической обстановке, вследствие высокой температуры воздуха, насыщенного парами воды, испарениями от шкур, которые тут же сушатся, и проч. О качестве воздуха в этих заведениях можно судить по тому, что, напр., овчинные, построенные из дерева, сгнивают в течение 10 лет от сырости...

При таких условиях работы, при такой продолжительности рабочего дня, пользуясь трудом женщин, детей и подростков, кустари в большинстве случаев получают ничтожный заработок, который для большинства из них не может их обеспечивать и служит лишь подспорьем для их земледельческого хозяйства. В большей части промыслов кустари ведут земледельческое хозяйство, хотя почти во всех промыслах некоторая часть кустарей уже живет исключительно заработками в промысле: в наиболее развитых промыслах эта часть больше, в менее развитых—меньше. Точно также в зависимости от развития промысла, от техники производства и от ценности сырого материала создается или экономическая зависимость более бедных кустарей от более богатых, или зависимость кустарей от скупщиков кустарных изделий и от продавцов материала для кустарного производства.

Продолжительность рабочего периода у кустарей зависит в значительной степени от развития промысла и от значения его в общем бюджете их хозяйства.

Те данные[1]), которые имеются о хозяйстве кустарей, приводят к следующему выводу: в мало развитых промыслах, в которых кустари заняты в течение сезона, свободного от сельских работ, более зажиточные кустари имеют и лучшее земледельческое хозяйство и расширяют посев, покупают землю и т. д.

В промыслах более развитых, дающих богатому кустарю значительный доход, эти кустари уже сосредоточивают свое внимание не на сельском хозяйстве, а на своем промысле.

Беднейшие кустари почти во всех промыслах, не имея средств вести свое хозяйство, часто круглый год находят заработок в своем промысле.

Переходя к тем выводам, которые вытекают из приведенной нами краткой характеристики кустарных промыслов и из деятельности московского и других земств, можно резюмировать их в следующем.

[1]) Научное значение характеристики промыслов по их экономическим условиям не менее важно, потому что только такой анализ может дать правильное представление о направлении развития каждого промысла и даже, отчасти, о его будущности.

Значительная часть довольно обширного материала о кустарных промыслах не может быть с достаточным успехом использована, вследствие полного отсутствия системы при их исследованиях и группировках, и потому целые томы исследований пропадают без практической пользы и без возможности использовать их при теоретических исследованиях.

Во всех перечисленных отраслях кустарной промышленности средства, необходимые для производства, в значительной степени определяются техникой производства. Чем выше техника, тем большую ценность представляют и орудия производства; чем выше производительность труда, тем больше обрабатывается сырья, тем больше средств необходимо для его закупки; наконец, чем больше производится продуктов, тем затруднительнее их сбыт, тем более широкий рынок требуется для кустарных изделий.

Таким образом, увеличение производительности труда в производстве затрудняет для большего и большего числа кустарей возможность вести самостоятельное производство, так как требует для этого и больше средств. Между тем, увеличение производительности труда является не только необходимым, но и неизбежным условием развития каждой отрасли промышленности. Хозяйство не может не ставить задачи увеличения производительности труда, потому что деятельность в противоположном направлении поведет не к развитию промысла, а к его уничтожению. Между тем, если при настоящем состоянии каждого кустарного промысла, при примитивной технике, у очень многих кустарей нет достаточных средств для ведения самостоятельного производства, то еще труднее вести самостоятельное производство при больших на него затратах.

В некоторых отраслях промышленности увеличение производительности труда возможно только при разделении труда, при совместном труде нескольких лиц, что также недоступно для каждого кустаря. Следовательно, даже содействие развитию кустарной промышленности часто несовместимо с поддержанием мелкого семейного производства самостоятельных кустарей.

Практика московского и других земств показала, что даже при существующих технических условиях неизбежна организация кустарей в форме капиталистической организации. Земство, напр., берет заказы, как и скупщик, и сдает эти заказы по определенной цене. Отличие деятельности земства от деятельности скупщика заключается лишь в том, что скупщик данную им организацию производства употребляет для получения себе барышей, а земство—для того, чтобы улучшить положение кустарей. Насколько оно успевает в этом — вопрос другой.

Если, несмотря на дешевизну кустарных изделий, капиталист находит более выгодным вести крупное машинное или мануфактурное производство, то лишь потому, что эти фабричные изделия ему обходятся дешевле, чем при покупке изделий у кустарей. Очевидно также, что даже земство не может покупать от кустарей изделия дороже, чем продает предприниматель—капиталист. Кустарное производство часто и держится только потому, что труд кустарей оплачивается слишком низко, что изделия дешевы и заводить крупное предприятие нет особенной выгоды. Чтобы удешевить производство и увеличить производительность труда, земство может сделать только то же, что делает и капиталист,—завести фабрику, мануфактуру или мастерскую.

Обыкновенно земства, чтобы устранить посредничество скупщиков, ставят задачу сблизить потребителя с производителем. Однако, сближение фактически сводится к тому, что земство берет на себя экономическую функцию скупщика и только этим устраняет последнего.

Московское земство, принимая заказы от различных учреждений на кустарные изделия, могло исполнить заказ, поставивши дело на чисто коммерческую ногу: назначивши цену за изделия кустарям, оно должно было организовать тщательный надзор за правильностью исполнения заказов. Оказалось необходимым, напр., для лучшего исполнения заказа адмиралтейства организовать «домашнюю систему крупного производства», раздачу материала на дом с тщательным надзором за исполнением. Таким обравом, данные экономические и технические условия производства определяют и форму организации промысла, к которой приспособляются и предприниматель и земство. Какая же форма производства является технически и экономически наиболее национальной?

Мы уже упоминали, что увеличение производительности труда является первым и необходимым условием развития каждого промысла. Исследование кустарных промыслов доказывает, что в более крупных кустарных предприятиях, помимо других преимуществ, производительность труда значительно выше. «Данные в Московской губ. о сумме производства, приходящейся в каждом разряде предприятий на одного рабочего, показывают, что с увеличением размеров заведений повышается производительность труда. Это наблюдается в большинстве промыслов и во всех без исключения категориях промыслов; на долю высшего разряда приходится большая доля всей суммы производства, чем его доля в общем числе рабочих... Сумма производства, приходящаяся на одного рабочего в заведениях высших разрядов оказывается на 20—40% выше такой же суммы в заведениях низшего разряда»... «Крупные мастерские всегда бывают лучше обставлены в техническом отношении, снабжены лучшими орудиями, машинами»[1]) и проч. В тех промыслах Саратовской губернии, где существуют крупные предприятия, с большими затратами на средства производства, производительность труда также значительно выше. Так, устройство парни в производстве саней дает возможность распаривать до 20 пар полозьев, между тем как кустари, распаривающие полозья в печах в избе, могут приготовить не более 2 пар. Во многих промыслах не существует разделения труда только потому, что производство носит еще характер семейного производства, хотя разделение труда и повело бы к увеличению производительности труда.

Наконец, несомненно, что в тех отраслях промышленности, которым предстоит организация в более производительные, более крупные предприятия, для большинства кустарей наиболее важны отношения между этими кустарями и более зажиточными предпринимателями.

Воздействие развития производительных сил кустарей, вольно или невольно, сводилось и может свестись к организации более крупных

---

[1]) В. Ильин. «Развитие капитализма в России», стр. 266.

или земских или частных предприятий. Первые создаются непосредственно земством, а последние—земским кредитом (кустарный банк), содействующим организации предприятий с наемным трудом.

Домашнее производство является технически наименее рациональной формой производства, и стоит только предпринимателю организовать крупное предприятие, как кустари этого производства вместе с деятельностью земства будут упразднены или поставлены в такие невозможные условия, что никакая помощь земства не сможет их поддержать. Правда, в некоторых отраслях промышленности в ближайшем будущем нельзя ожидать организации крупного производства, но технические улучшения в каждой отрасли производства возможны, и без них не может происходить развитие производительных сил.

Таким образом, развитие производительных сил в кустарных промыслах ведет к организации крупного капиталистического производства, к расслоению промышленников на два противоположных класса, и *отрывает их от земледелия*.

Повторное исследование Павловского района в Нижегородской губ. («Павловский стале-слесарный район Горбатовского у., Нижегор. губ.», вып. 1) дало интересные данные, показывающие результаты развития кустарного промысла за 12 лет, с 1889 по 1901 г.:

«Сущность изменений, происшедших за 12-летний период в районе, сводится к следующему: значение промыслов увеличивается, земледелие падает. Число промысловых дворов увеличивается на 971, или на 16%. Но особенно значительно увеличилось число занимающихся промыслами: мужчин-работников на 17%, мужчин нерабочего возраста на 51,4% и женщин на 195,3%.

По данным 1901 г., Павловский район является в высшей степени промысловым. Свыше $^2/_3$ крестьянского населения принадлежит к группе работников, разорвавших всякую связь с земледелием. Группа, занятая исключительно земледелием, насчитывает едва $^1/_{15}$ крестьян-работников. Кустари, занимающиеся промыслами, как подспорьем к земледелию, составляют $^1/_5$ всех работников. В 1889 году промысловый характер района хотя и был выражен довольно ясно, но такой резкой оторванности промыслов от земледелия не наблюдалось. Группа работников, занятых исключительно промыслами, увеличилась на 21,5%; это увеличение произошло почти исключительно на счет группы, совмещавшей промыслы с земледелием и сократившейся на 18,8%. Группа работников, занимавшихся исключительно земледелием, сократилась только на 2,9%. *Из всего этого видно, что в районе наблюдается процесс постепенной оторванности между промыслами и земледелием*. Значение промыслов в жизни населения увеличивается. Для исключительного занятия промыслами население постепенно покидает земледельческие занятия».

Что земледелие, действительно, теряет свое значение для населения, видно из следующих данных. За рассматриваемый период значительно увеличилось количество беспосевных: с 1.510 на 2.164. На 100 наличных приписных дворов приходилось дворов, исключительно занимающихся земледелием: в 1889 году — 15,5, а в 1901 году — 5,3. Но падение земледелия особенно ясно из цифр численности крупного

скота. В 1889 году в районе числилось лошадей 3.812, в 1901 году — уже 3.642; коров и быков сократилось за этот период с 5.136 на 4.725. Дворов без всякого скота стало в 1901 году, вместо зарегистрированных в 1889 году 3.176 — уже 3.760. (См. «Кур.» апрель 1902 г.).

Превращение кустарного предприятия в капиталистическое отрывает последнее от земледельческого хозяйства, хотя фабрикант может, конечно, быть и землевладельцем. Но та связь кустарного промысла с земледелием, которая вызывалась, главным образом, малой доходностью и земледельческого, и кустарного промыслов, взятых в отдельности, — порывается. Богатый кустарь ведет земледельческое хозяйство не вследствие уже экономической необходимости, а потому, что он накопляет и в земледельческом промысле, и в индустрии.

Так как крупное производство образуется из мелкого кустарного производства при условии развития в нем производительных сил и главным образом посредством технического прогресса, введения машин, лучших способов производства, — то экспроприация средств у кустаря в той или иной форме и непроизводительное их потребление не только задерживает развитие индустрии, но задерживает организацию крупного производства. Непроизводительное потребление и в земледелии, и в индустрии задерживает развитие капитализма.

Кустарные промыслы при малой производительности труда являются переходной формой к организации крупного производства. Чем выше заработная плата рабочих, чем быстрее накопление капитала, тем скорее происходит организация промышленных предприятий в более производительные. Вместе с тем, *при этих условиях не только индустрия совершенно отрывается от земледелия, но и рабочие в индустрии скорее порывают с земледелием. Чем ниже заработная плата и чем ниже техника промышленности, тем более рабочий связан с земледелием.* Это видно из следующей главы.

Глава XIV.

2. Фабрики и крестьянское хозяйство.

Из анализа условий развития производительных сил в земледелии мы пришли к заключению, что производительность труда в земледелии увеличивается при уменьшении земледельческого населения по отношению к площади территории, т.-е. тогда, когда часть населения бросает земледелие и меньшее количество рабочих рук обрабатывает ту же или большую площадь земли.

Связь кустарных промыслов с земледелием как раз задерживает массу и лишних рабочих сил в земледелии.

Земледельческое мелкое хозяйство, будучи мало производительным, тем не менее, отчасти пополняет бюджет кустаря, и, обратно—мало производительный труд кустаря все-таки дает ему некоторый заработок и пополняет доходы его, как земледельца. Чем менее развита обрабатывающая промышленность, чем менее она требует рабочих рук и чем ниже заработная плата, тем менее производительным трудом довольствуется кустарь, тем крепче он держится за земледельческое хозяйство.

Распыление земли среди многочисленного кустарно-промышленного населения, задерживая развитие производительных сил в земледелии, в то же время увеличивает в огромной степени емкость территории: кустарь и отхожий рабочий могут довольствоваться все меньшим и меньшим клочком земли, увеличивая свой заработок от промыслов удлинением промышленного рабочего периода. Дифференциация крестьянских хозяйств при этом условии происходит не на почве земледельческого хозяйства, которое не развивается, а на почве расслоения в промыслах. Создаются промышленные хозяйства скупщиков, богатых кустарей, мелких фабрикантов и т. д., и т. д.

Низкий заработок и в земледелии, и в индустрии, явившись результатом такой связи земледелия с промыслом, в то же время является цементом, связывающим эти две отрасли промышленности в крестьянском хозяйстве. Следовательно, связь кустарного производства с земледельческим хозяйством, сохраняющаяся у большинства кустарей, задерживает развитие производительных сил и в земледелии, и в индустрии.

Медленное поглощение рабочих капиталистической индустрией и медленное ее развитие упрочивают эту связь низкой заработной платой.

Данные о характеристике связи с земледельческим хозяйством петербургских рабочих и данные о рабочих на фабриках московского района дают почти одинаковые результаты.

Е. Дементьев нашел, что «специализация, если она к тому же оплачивается сравнительно лучше других занятий, всегда понижает число рабочих, сохранивших свою связь с землей. Резкий пример этого мы видим на группах рабочих в прядильных и в приготовительных отделениях бумаго-прядильных фабрик (4,6% в первых и 4,8% уходящих рабочих во вторых) и на граверах ситценабивных фабрик, вовсе не покидающих фабрик».

Среди рабочих, обрабатывающих неволокнистые вещества, распределение рабочих на уходящих и неуходящих следующее:

	От 14 лет и стар. в %	От 18 лет и стар. в %
Раб. в красильнях при конторах для раздачи основ . .	68,7	69,1
Раб. ручных красилен при ручных ткацк. и ситценабивн. фабр.	34,5	36,3
Раб. в механ. красильно-отбельных и в сукновальнопромывных	6,5	8

Рабочие в ручных красильнях дают почти 70% уходящих, красильщики при ручных ткацких и ручных ситценабивных фабриках дают процент уже наполовину меньший—36,3%. Наконец, на механических фабриках процент уходящих оказывается наименьший. «Таким образом,—заключает автор анализа отхода рабочих различных отраслей промышленности, — разбор данных указывает нам, во-первых, что с фабриками, работающими механическою силою, неразрывно связано отчуждение рабочих от земли; во-вторых, что на тех же работающих механическою силою фабриках это отчуждение тем значительнее, чем большую специализацию представляет то или другое занятие». «Механическое фабричное производство имеет явную тенденцию отрывать крестьянское население от земледелия» [1]).

Характер связи петербургских фабричных рабочих с земледельческим хозяйством автору удалось отчасти выяснить в сотрудничестве с некоторыми счетчиками во время однодневной переписи С.-Петербурга в 1900 году. Хотя приведенные ниже данные касаются только 2.600 рабочих, о которых имелся более полный материал, но общие данные, полученные нами, вполне совпадают с данными Е. Дементьева и других исследователей быта фабричных рабочих.

При сопоставлении групп рабочих различных предприятий по их связи с деревней, бросается в глаза, прежде всего, некоторый параллелизм между культурным уровнем рабочих и их связью с деревней:

---

[1]) Е. Дементьев. «Фабрика, что она дает населению и что у него берет».

чем ниже культурный уровень рабочих предприятия, тем прочнее их связь с деревней. Расположенные в убывающем порядке по культурному уровню рабочих, различные отрасли промышленности дают следующий процент рабочих, имеющих связь с деревней:

	Уезжают летом в деревню	Посылают деньги в деревню	Живут в Петербурге менее 3-х лет	От 3-х лет до 10 лет	Более 10 л.	Имеют наделы
Женщины	5,5	16	33,1	20,8	46	—
Костеобжигател. зав.	34	59,8	57,7	20	22,3	77,8
Резиновая мануфакт.	17,5	43,4	23,2	30,6	46,2	62,7
Калинкинский и Путил. зав. .	15,4	57,6	35,5	39,3	25,2	62
Все мужч., раб. вместе с чернорабоч. и ремесл.	18	52	—	—	—	69,4

Связь с деревней и с деревенским хозяйством определяется вопросом, ездит ли рабочий на летние работы в деревню. Наибольшая связь с деревней, как и следовало ожидать, оказывается у рабочих костеобжигательных заводов [1]), где ездящие летом в деревню составляют 34% всех рабочих. В половину ниже % ездящих в деревню из рабочих резиновой мануфактуры (17,5%) и еще меньше ездят в деревню на работу рабочие Калинкинского и Путиловского заводов [2]) (15,4%).

Из всех рабочих мужчин ездят в деревню 18%, при чем в это число вошли отчасти те рабочие, которые ездят в деревню или на праздники, или просто «на побывку».

Тот факт, что подавляющее большинство рабочих порвало с земледельческим хозяйством, констатирован еще г. Дементьевым в его работе «Фабрика, что она берет у населения и что ему дает». Полученные нами данные лишь подтверждают вывод, который сделан г. Дементьевым. Даже наши цифры относительного числа лиц, связанных с земледельческим хозяйством, довольно близки к цифрам, полученным г. Дементьевым.

Из приведенных цифр видно, что связь с деревней у рабочих различных предприятий не одинакова, при чем наблюдается, что чем более требуется в предприятии сложного, требующего обучения труда, тем меньший % рабочих ездит в деревню.

Итак, более чем 4/5 всего рабочего населения на петербургских фабриках непосредственно порвали связь с земледельческим хозяйством, хотя не порвали связи с деревней. Большинство из них имеет, как увидим, в деревне надел, но непосредственно прилагать свой труд в земледелии оно не может.

Более или менее прочную связь с земледельческим хозяйством можно еще допустить у тех 18% рабочих, которые ездят в деревню. Но и эту цифру нужно считать несколько преувеличенной, так как многие ездят в деревню на короткое время, «на побывку». Так, одна

---

[1]) Неквалифицированный труд.
[2]) Механическое производство.

счетчица при более подробном допросе выяснила, что из 111 человек только трое ездят в деревню на все летние работы, а из остальных некоторые ездят в деревню «на побывку». Другой счетчик при таком же опросе более 200 человек не нашел среди опрошенных ни одного, ездящего в деревню на более или менее продолжительный срок.

Между тем, при незначительном проценте рабочих, ездящих в деревню, связь рабочих с деревней чрезвычайно сильна. Большинство рабочих посылают деньги в деревню и имеют там земельный надел. Так, из рабочих костеобжигательного завода посылают деньги в деревню 59,8%, а имеют надел—77,8%; из рабочих резиновой мануфактуры—43,4% посылают деньги и 62,7% имеют надел. Соответствующие цифры из числа рабочих Калинкинского и Путиловского заводов—57,6% и 62,%, а из всех рабочих—52% и 69%. Такого рода связь с деревней, повидимому чрезвычайно загадочна. Рабочие, порвавши с земледельческим хозяйством, не заглядывая в деревню, посылают туда из года в год деньги и имеют надельную землю, которую сами не могут обрабатывать.

Из всех переписанных рабочих почти треть (32,2%) живет в Петербурге уже от 3 до 10 лет и другая треть (32,8%) живет больше 10 лет. Какой смысл людям, живущим безвыездно в Петербурге, посылать деньги в деревню? Почему при таком преобладании среди рабочих «землевладельцев-собственников», имеющих надел, большинство посылают деньги в деревню, а не обратно—не получают денег от своей «собственности»?

Можно было бы предположить, что деньги посылаются рабочими в деревню исключительно для поддержания своей семьи, живущей в деревне, но и такое объяснение, справедливое для части рабочих, тем не менее не может объяснить всех случаев посылки денег в деревню. Если даже допустить, что все рабочие, не имеющие семьи в Петербурге, имеют таковую в деревне, то и тогда в некоторых группах рабочих число лиц, посылающих деньги, больше числа лиц, не живущих с семьей в Петербурге. Так, из одной группы рабочих резиновой мануфактуры в 150 человек живут с семьей в Петербурге 115 человек, и не имеют семьи в Петербурге 35 человек, между тем из этой группы посылают деньги в деревню 77 человек, а не посылают только 73 человека. Итак, если допустить, что деньги посылают в деревню для поддержания семьи, то зачем туда посылают деньги те 42 человека из 77, которые живут в семье? Да и трудно допустить, что все, не живущие с семьей в Петербурге, имеют семью в деревне. Но даже и при таком допущении будет непонятной посылка денег в деревню очень большой группой рабочих. Точно так же из группы неграмотных рабочих костеобжигательного завода посылают деньги 56 человек, а живут без семьи 53 человека рабочих.

Очевидно, часть рабочих посылает деньги в деревню, будучи связана с нею лишь юридически; очевидно, для многих рабочих обладание в деревне «недвижимой собственностью» ведет не к получению с нее, а к уплате за нее «ренты».

Некоторые экономисты склонны видеть в такой неестественной связи с деревней и с землей, так сказать, страхование на случай безработицы. Рабочий, дескать, имея землю и уплачивая за нее налоги, привязанный к своей деревне, выигрывает во время безработицы, когда может заняться земледелием.

Может быть, такого рода «страхование» и имеет значение для некоторой части рабочих; но как дорого обходится эта страховка для людей, порвавших с земледелием, страховка, понижающая удовлетворение и уровень потребностей большей половины рабочего класса и дающая проблематическую возможность нескольким семействам когда-нибудь заняться сельским хозяйством! Например, рабочий в течение 35 лет высылает деньги в деревню ежегодно по 23 руб., чтобы сохранить право на надел! Разумеется, клочок земли, ради которого рабочий отказывает себе в удовлетворении многих потребностей и, прежде всего, культурных потребностей, как менее настоятельных,— этот клочок земли не стоит и десятой доли того, что за нее уплачено, уплачено такой дорогой ценой. А такая уплата за «страхование» понижает культурый уровень и уровень потребностей всего рабочего класса. Высланных денег упомянутым сейчас рабочим вполне достаточно для того, чтобы получилась рента, обеспечивающая его на старость.

Еще пример. Две сестры, девушки, зарабатывая каждая по 13 рублей в месяц, посылают в деревню 200 рублей в год, по 100 рублей каждая. Посылая половину своей заработной платы в деревню, они принуждены спать на одной постели, питаться черным хлебом с селедкой, уплачивая рыботорговцу за право мокать хлеб в селедочный рассол, чтобы дать какой-нибудь привкус сухому хлебу. В этом случае понижение уровня потребностей обусловливается уже не насильственной связью с деревней, а недостаточной доходностью земледельческого хозяйства. Во всяком случае, чрезвычайно нелепо следующее фактическое положение дела: $^2/_3$ рабочих живут в Петербурге более трех лет и не заглядывают в деревню; более $^2/_3$ рабочих имеют надел, числятся землевладельцами и *считаются* обеспеченными землей, за каковое удовольствие большая половина рабочих посылают в деревню деньги. Можно было бы найти более целесообразную форму страхования от безработицы!

Женщины, юридически не связанные, или, по крайней мере, менее связанные с деревней, легче порывают с нею. Из них только 5,5% ездят в деревню и 16% посылают деньги.

Вообще, по словам рабочих, деньги посылаются в деревню с различными целями. Больше все посылают, разумеется, те, кто имеет в деревне семью. Обыкновенно такие рабочие посылают в деревню 60—80 рублей и до 200 рублей в год. Некоторые посылают деньги только в уплату налогов, хотя земля у них запущена. Мальчики, зарабатывающие в день по 40—50 копеек, посылают в год рублей 10—15, «чтобы отец не вытребовал в деревню».

Из этих данных о посылке денег в деревню получается чрезвычайно разнообразная картина обращения части национального капитала. Значительная часть дохода из земледелия у крестьян отвлекается

в город в виде прибыли и ренты землевладельцев, в виде налогов и проч. Эта часть дохода более чем удваивается городскими рабочими, при чем некоторую часть они получают в виде заработной платы и из нее огромную часть отсылают в деревню. Отсюда доход извлекается снова в город и т. д. При таком круговращении капитала, конечно, очень немного остается для непосредственного потребления непосредственными производителями, и обращение капитала происходит, так сказать, в пустую.

Чрезвычайно быстрый рост городов, и в особенности Петербурга, указывает на то, что промышленное развитие отвлекает все новые и новые рабочие силы из деревни в город. Процесс образования из земледельческого деревенского населения класса рабочих, специально занятых фабричной работой, виден из относительного количества лиц, имеющих родителей не рабочих.

Из 708 человек рабочих, о которых удалось сгруппировать данные по вопросу о том, рабочие ли у них родители, только 18% показали, что имеют родителей рабочих же. Следовательно, подавляющее большинство, более $^4/_5$, рабочих рекрутируется еще из земледельческого населения, и только $^1/_5$ представляет рабочих во втором, третьем и т. д. поколений.

В Московской губернии, где промышленность развилась гораздо раньше, чем в Петербурге, относительное число рабочих в первом поколении значительно меньше. По данным г. Дементьева о рабочих Московской губевнии, 55% рабочих имеют родителями рабочих же.

На фабрике Цинделя, основанной в Москве в 1825 году, также 55,5% рабочих имеют родителями рабочих же. Таким образом, рабочие Петербурга в гораздо большем числе рекрутируются из земледельческого населения, чем рабочие одной из старых фабрик города Москвы и чем на фабриках Московской губернии.

Несмотря на это, связь с земледельческим хозяйством у петербургских рабочих так же порвана, как и у рабочих Московской губернии, потому что процент рабочих, уезжающих на летние работы, одинаков и на петербургских и на московских фабриках.

Оторванный от деревни фактически и привязанный к ней юридически рабочий немного получает от города и чрезвычайно много отдает городу и деревне. В городе, на фабрике, он расстраивает свое здоровье, а отсылка денег в деревню еще более ухудшает его положение.

При незначительном процессе ездящих в деревню, неблагоприятные условия жизни в Петербурге на фабрике губительно действуют на здоровье, в особенности молодого поколения.

Работающие по несколько лет на бумагопрядильнях говорят, что если бы не ездить в деревню, то недолго можно было бы прожить при такой работе. По отзывам всех счетчиков, рабочие 18—19-ти лет выглядят 13-летними детьми, худыми и бледными. Нужно, впрочем, заметить, что часть детей в обход фабричного закона увеличивает свой возраст на несколько лет,— что всегда возможно, если несколькими гривенниками приобрести благосклонность волостного писаря, выдающего паспорт.

Во всяком случае, при настоящих условиях, деревня, вытягивая из рабочего населения значительную часть заработка, для большинства вовсе не служит местом отдохновения на лоне природы от душного города и от надрывающей силы работы. Понижая уровень потребностей рабочих, не имеющих в деревне хозяйства и посылающих туда деньги, она взамен ничего не дает, кроме... паспорта!

Глава XV.

Заработная плата и земельная рента.

1. Цены населенных и ненаселенных земель во время крепостного права.— 2. Связь цен с доходностью хозяйства.— 3. Заработная плата и земельная рента в различных районах России.— 4. Изменение заработной платы по районам.— 5. Влияние на заработную плату земледельческого перенаселения в мелких хозяйствах.

1.

Сельскохозяйственных рабочих в имения крупных землевладельцев и в хозяйства богатых крестьян поставляют те же крестьянские хозяйства, положение которых охарактеризовано выше. Районы с избыточным земледельческим населением поставляют и больше сельскохозяйственных рабочих; напротив, районы без избыточного или с меньшим избыточным населением поглощают (обыкновенно не все) рабочие силы, выбрасываемые другими районами.

Естественно, что положение сельскохозяйственных рабочих тесно связано с положением мелких крестьянских хозяйств, не получающих из своего хозяйства достаточного количества продуктов для существования. Поэтому и рассматривать положение сельскохозяйственных рабочих можно только в связи с положением мелкого хозяйства. Но нужно заметить, что экономическая наука мало обращает внимания на изучение положения сельскохозяйственных рабочих,— это ее пасынки, которыми мало интересуются.

Зато они пользуются большим вниманием аграриев. Мы постоянно слышим, как настойчиво раздавались и раздаются громкие вопли аграриев разных европейских стран на недостаток и дороговизну рабочих рук, чем якобы и обусловливается убыточность сельского хозяйства.

В русской экономической литературе эти жалобы также подтверждаются, хотя и косвенно, экономистами, которые очень далеки от того, чтобы защищать интересы аграриев, и которые, наоборот, желают защищать мелкое хозяйство.

Так, например, г. Каблуков в книжке: «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России» очень много места посвящает

доказательствам того, что сельское хозяйство невыгодно крупным предпринимателям. Г. Сам. Зак на страницах «Русского Богатства» (декабрь, 1898 г.) старается доказать, что крупное земледельческое хозяйство является убыточным.

Так как крупное землевладение и крупное земледельческое хозяйство существует, так как они — факт, который не исчезнет оттого, что тот или иной экономист считает такое хозяйство убыточным, то, вполне естественно, является вопрос: настолько ли безнадежно положение сельскохозяйственных рабочих, что только дальнейшее понижение заработной платы, удлинение рабочего дня и т. п. меры, увеличивающие прибавочную ценность, от недостатка которой якобы страдают землевладельцы-предприниматели, могут поддержать сельское хозяйство? Такое решение вопроса, какое дается вышеупомянутыми экономистами, а именно, что в крупном земледельческом хозяйстве прибавочная ценность незначительна, представляется решением, исключающим возможность улучшения положения сельскохозяйственного наемного рабочего, так как земледельческое хозяйство, пользующееся наемным трудом, не может ни повысить заработной платы, ни сократить рабочего времени: и то и другое приведет к разорению, и экономистам остается только, подобно г. Каблукову, размышлять «о выгодах мелкого землевладения».

Но страшен сон, да милостив бог. Аргументы, приводимые, например, г. Заком, выдвигаются предпринимателями, обыкновенно, во всех случаях, когда является законодательное или незаконодательное требование нормировки и сокращения рабочего дня или повышения заработной платы. Тогда раздаются уверения и жалобы, что прибыль настолько незначительна, что сокращение рабочего дня или повышение заработной платы будет убыточно и остановит производство. Предсказания предпринимателей всегда оказываются ложными. Настолько же неверны и выводы тех экономистов, которые говорят о низкой норме прибавочной ценности в земледелии.

Положение, что норма прибавочной ценности в земледелии громадна, настолько очевидно, что не требует особенных доказательств. При крепостном праве, при малой производительности рабского труда, норма этого дохода, которая при свободном труде превратилась в норму прибавочной ценности, была обыкновенно выше 100%, так как закон стремился органичить работу на помещика тремя днями в неделю.

При свободном, более производительном труде, норма прибавочной ценности значительно повысилась. Это видно хотя бы из того, что испольная аренда дает землевладельцу больше 100% прибавочной ценности без всякой затраты капитала. Получаемая от наемных рабочих норма прибавочной ценности не ниже 100%.

Если же сельское хозяйство не является настолько убыточным для предпринимателей, как это многие представляют, если прибавочная ценность, получаемая в земледелии от наемных рабочих, не незначительна, а, наоборот, очень велика, то мы должны будем признать, что жалобы аграриев на «дороговизну» рабочих, даже с точки

зрения предпринимателей, совершенно неосновательны; что улучшение положения сельскохозяйственных рабочих вовсе не поведет к приостановке производства хлеба; что если и происходит в некоторых местах сокращение запашек, запущение пашен под луга и т. п., то не под влиянием дороговизны рабочих рук, не от малой нормы прибавочной ценности, а от каких-нибудь других причин...

Развитие товарного производства является фактором, обусловливающим образование земельной ренты, ее роста, а следовательно, и роста цен на землю.

Развитие товарно-барщинного хозяйства в России в первой половине текущего столетия должно было поэтому вызвать повышение цен на землю в тех местностях, в которых развилось сильнее товарное хлебное производство. Действительно, судя по ценам на незаселенные и заселенные крепостными крестьянами земли за 1854—59 г.г., в местах с преобладанием барщинного хозяйства, разница в ценах населенных и ненаселенных имений была значительно меньше, чем в районах с преобладанием оброчного хозяйства[1]). Исключение составляли лишь окраинные губернии с редким населением. В центральной черноземной полосе к концу крепостного права цены населенных земель повысились на очень незначительную сумму, а именно:

В губерниях земледельческих	%	Промышленных	%
Орловской на	12	Ярославской на	48
Тульской на	11	Костромской на	52
Рязанской на	12	Нижегородской на	35
Тамбовской на	20	Владимирской на	43
Воронежской на	6	Московской на	29
Курской на	5	Смоленской на	28
Тверской на	29		

В среднем, заселенные земли в центральной земледельческой полосе продавались по 30,7 рублей за десятину, а в промышленных губерниях по 22 рубля, при чем крестьянские «души» увеличивали цену населенных земель против ненаселенных в промышленных губерниях на 5,8 рублей, а в земледельческих на 3 рубля. Но и ту незначительную разницу в ценах на заселенные и незаселенные земли, которая нами приведена, для черноземной полосы нужно еще уменьшить, так как в этом районе приходилось меньшее количество

---

[1]) Данные относительно цен на населенные и ненаселенные земли заимствованы из таблиц, приведенных в докладе Д. И. Рихтера «О статистике продажных цен на землю» («Труды Вольн. Экон. Общества» 1894 г. № 4), составленных г. Рихтером из данных, находящихся в изданных земским отделом министерства внутренних дел в 1859 году трех выпусков под заглавием «Сведения о продажных ценах на землю».

Сведения по некоторым губерниям, а именно: Таврической, Астраханской, Пермской, Вятской и области Войска Донского пришлось опустить, вследствие малого количества продаж, а следовательно, и недостаточной точности данных, относящихся к этим губерниям. Для Таврической губернии данные опущены потому, что продажи совершались или во время Крымской войны, или вскоре после нее.

десятин на крепостную душу, а поэтому и цена крепостных крестьян должна была оказывать большее влияние на продажную цену населенных имений, чем в нечерноземном промышленном районе. Из разницы населенных и ненаселенных имений цена крепостной души определяется для промышленных губерний в 50,4 рубля, а для центральных черноземных губерний только в 20,4 рубля.

Вместе с относительным падением цены крепостной души, в черноземном районе цена земли поднялась, относительно, очень высоко. Является вопрос, почему крепостной крестьянин так низко ценился в черноземной полосе, а в промышленных губерниях ценился гораздо выше, хотя эксплоатация крестьян центральных черноземных губерниях была не менее интенсивной, чем в нечерноземных. Относительно более высокую цену земли в черноземных губерниях можно было бы объяснить большей урожайностью на ней хлебов, но уж никак нельзя объяснить этим дешевизну крепостного крестьянина, продаваемого с этой землей. Притом, как увидим ниже, цена земли вовсе не соответствовала урожайности ее.

Крепостной крестьянин эксплоатировался сильнее и, во всяком случае, не слабее в черноземной полосе, чем в промышленном районе, так как помещик получал прибавочного продукта от эксплоатации черноземного крестьянина не меньше, а по всей вероятности, больше, чем от эксплоатации крестьянина в нечерноземной полосе,— это видно из того, что цены населенных и ненаселенных имений земледельческого района были выше. Следовательно, относительно большую дешевизну населенных имений против ненаселенных в районе преобладания барщинного хозяйства можно объяснить лишь тем, что прибавочный продукт, доход, получаемый помещиком, уже в крепостную эпоху частью стал превращаться в земельную ренту[1]) и, таким образом, при продаже, выступать в виде цены земли, независимо от ее населенности крепостными крестьянами. Те доходы, которые помещик получал от своего имения, стали считаться и представляться земельной рентой, и ненаселенная земля стала цениться почти одинаково с землей населенной.

Эта фиксация, эта высокая оценка земли, как источника дохода и падение цены раба, как создателя ценностей, выразилась, после отмены крепостного права в том, что фиксированная в виде ренты доходность помещичьего имения поглощала прибыль; поэтому, несмотря на то, что земельные цены, а следовательно, и доходы землевладельца быстро возрастали, землевладельцы постоянно плакались на убыточность хозяйства, на дороговизну рабочих рук и проч.

---

[1]) Та часть прибыли, которая фиксируется в виде дохода, влияющего на продажную цену земли, не будет тем, что принято называть рентой, как доходом, обусловливающимся различием производительности труда на участках различного плодородия; но сходство первого рода дохода с рентой заключается в том, что он связывается с владением землей и выражается в цене земли, а различие — в том, что он не влияет на цены продукта и образуется из прибыли. Благодаря указанному сходству, мы называем этот доход рентой.

Определить отношение дохода, получаемого помещиком от крепостного крестьянина,— дохода, который мы будем называть прибылью,— к земельной ренте, которая представляется помещику доходом от земли, можно следующим образом. Продажная цена земли представляет собою капитализированный доход землевладельца, доход, источником которого представляется земля. Продажная цена крепостного крестьянина является капитализированной прибылью, получаемой помещиком от крестьянина, как от рабочего. Таким образом и капитализированная рента и капитализированная прибыль определяются в продажной цене населенных и ненаселенных имений, при чем цена земли населенной представляла капитализированную ренту, а цена земли ненаселенной представляла капитализированную ренту плюс капитализированную прибыль землевладельца.

Из выше приведенной таблицы видно, что в чисто-земледельческих губерниях капитализированная прибыль (в условном смысле) была сравнительно ничтожной. Хотя в центральном земледельческом районе цены населенных имений были значительно выше, чем в промышленных губерниях, и хотя труд крестьянина земледельца там был производительнее (это видно опять-таки из того, что цена населенных имений была выше), тем не менее, цена крепостных крестьян оказывается значительно ниже цены их в промышленных губерниях, а следовательно, ниже и прибыль землевладельца. Земельная рента, выражающаяся в цене незаселенной земли, поглощает почти всю прибыль.

Если в губерниях черноземных, сравнительно с губерниями промышленными, значительная часть прибыли поглощалась рентой, то из этого, разумеется, не следует, что поглощалась только эта часть. В промышленных губерниях тоже, вероятно, часть предпринимательской прибыли превращалась в земельную ренту, но мы можем только на сравнении отношения ренты и прибыли в земледельческом и промышленном районах определить часть прибыли, превратившейся в ренту, в одном из этих районов.

Если отнести в одну группу губернии с повышенной земельной рентой, в которых цена крепостных крестьян составляла меньше 20% общей цены населенных земель, а в другую группу—губернии, в которых цена крестьян составляла больше 20% цены земли, то получим такую картину: от Волги до Польши проходит полоса, занятая первою группою, ограниченная с севера промышленными губерниями, а с юга—южными и юго-восточными черноземными губерниями. Эта полоса как раз совпадает с полосой повышенной земельной ренты и низкой заработной платы, образовавшейся после отмены крепостного права [1]).

Итак, в густо населенной полосе преобладания барщинного хозяйства цена крепостного крестьянина упала. Но что же это значит? Это значит, что земля сама по себе, без крестьян, начинает цениться выше, что она начинает представлять из себя, с точки зрения помещика, капитал гораздо более ценный, чем крепостные крестьяне,

---

[1]) См. в конце статьи табл. I и II.

поселенные на этой земле. Поэтому развитие товарно-барщинного и вообще товарного хозяйства, требовавшего расширения запашки, а вследствие этого создавшего, с точки зрения помещика, перенаселенность и, как результат этого, повышение цен на незаселенные земли, является последним этапом развития крепостного хозяйства [1]). Если помещик начинает получать доход не пропорционально количеству крестьян, живущих в его поместьях, а пропорционально размерам самого поместья, если начинает выше цениться самая земля, а не крепостные крестьяне, то крепостное право также начинает терять для землевладельца свое значение, так как увеличение размеров землевладения в большей степени увеличивает ценность его земли, чем увеличение числа крестьян, ему принадлежащих.

Представим себе конкретное положение дел в конце крепостной эпохи. Допустим, что половина земли населенного имения занята крестьянскими запашками, необходимыми для существования крестьян, а другая половина занята помещичьей запашкой. Как мы видели, доход от земли в виде земельной ренты был значительно более высоким, чем доход в виде прибыли от права собственности на крестьян. Но доход землевладелец получал только от той части земли, которая была занята помещичьей запашкой, а не крестьянской, предназначенной для удовлетворения потребностей крестьян. С точки зрения помещика, ценность крестьян представлялась значительно ниже ценности земли, ими занятой. Следовательно, тот доход, который получался им как доход от права собственности на крестьян, был значительно ниже дохода, который должен был бы получаться от занятой ими земли. Таким образом, с точки зрения помещика, его право собственности на крестьян к концу крепостного права, особенно в центральных черноземных губерниях, не представляло значительной ценности. Гораздо большую ценность представляла земля, находившаяся в пользовании крестьян. Но отрезать даже часть занятой крестьянами земли при существовании крепостного права было в большинстве случаев невыгодно, так как тогда помещику пришлось бы кормить лишенных земли крестьян. Поэтому отмена крепостного права, дававшая помещику возможность взамен находившейся в пользовании крестьян земли, не дававшей ему дохода, получить выкуп, вовсе не была убыточной, а, напротив, очень выгодный, по крайней мере, для средних и крупных помещиков [2]).

Приведенный факт превращения во время крепостного права прибыли (в условном смысле) в земельную ренту может показаться

---

[1]) Что создалась относительная перенаселенность—это видно из того, что в редко населенных окраинах при барщине крестьяне ценились высоко.

[2]) Едва ли можно предполагать, что помещики представляли себе ту комбинацию общественных отношений, которая, удовлетворяя их интересы, была единственно возможной. Помещику хотя и выгодно было изъять земли из владения крестьян, но в то же время казалось выгодным сохранить и крепостное право. Вероятно, очень немногими сознавалось полное противоречие таких стремлений; поэтому большинство помещиков считало реформу мерой, приносящей ущерб их материальным интересам. Для мелкопоместных дворян она, повидимому, и была такой. См. выше, на стр. 160, в прим., таблицу из статьи Норбекова об отрезке земли во время реформы 1861 г.

неубедительным потому, что доход помещика от эксплоатации крестьян не был капиталистическою прибылью. Но данные, относящиеся к позднейшему периоду, подтверждают вышеизложенное объяснение, рисуя ту же картину превращения предпринимательской прибыли в земельную ренту, в таких же отношениях по различным районам, как и в предшествующую эпоху.

2.

Несмотря на то, что значительная часть дохода, получаемого помещиком в крепостную эпоху от хозяйственной эксплоатации крестьян, превратилась в земельную ренту, после отмены крепостного права земельная рента, как известно, вовсе не падала, а, напротив, быстро повышалась.

Вышеприведенные данные относятся к 50-м годам. Следующие данные о ценах на землю и о заработной плате относятся к началу семидесятых годов и к концу восьмидесятых, т.-е. разделены периодом около пятнадцати лет.

Данные о величине заработной платы сельскохозяйственных рабочих по всей России получаются, обыкновенно, на основании показания землевладельцев, которые не отличаются полной объективностью в своих ответах. Для 70-х годов, кроме показаний землевладельцев, имеются, впрочем, данные о заработной плате, извлеченные из описания имений, по данным общества взаимного поземельного кредита, в «Трудах высочайше утвержденной комиссии для исследования сельского хозяйства». В таблице III приведены извлеченные из «описания имения» данные о заработной плате в 70-х годах, а также данные, основанные на показаниях землевладельцев для того же периода. Из сравнения этих данных можно проверить, насколько правильны показания землевладельцев относительно заработной платы в 70-х годах, и посредством такого сравнения определить, насколько вообще заслуживают доверия показания землевладельцев, данные и в другие периоды, например, те цифры, которые приведены в книге Короленко о высоте заработной платы в 80-х годах.

Общая картина средней величины заработной платы годовых рабочих по различным губерниям оказывается почти тождественной. И по отчетам банка, и по показаниям землевладельцев в 70-х годах, и по показаниям корреспондентов в 80-х годах, относительная высота заработной платы по различным районам более и менее одинакова; но, при сравнении абсолютной высоты заработной платы по отчетам банка и по показаниям землевладельцев в 70-х годах, оказывается, что землевладельцы показывают заработную плату несколько выше, в среднем, на 5—6 рублей на каждого рабочего. Таким образом, если в 70-х годах землевладельцы преувеличивали несколько заработную плату, то такого же преувеличения можно ожидать и для 80-х годов. Для нашего исследования в данном случае не так важна абсолютная величина заработной платы, сколько относительная ее величина по различным губерниям, которая, как мы заметили по всем данным, совпадает.

Если сравнивать величину заработной платы и цену на землю в восьмидесятых годах в различных губерниях и районах, то оказывается, что в районах с высокой заработной платой цены на землю значительно ниже, чем в районах с низкой заработной платой. Разделивши Европейскую Россию по высоте заработной платы на два района, мы получим следующие цифры для районов с высокой и низкой заработной платой (см. табл. II в приложении). В губерниях, в которых заработная плата выше 55 руб., в среднем 73 рубля, средняя цена земли[1]) определяется в 30 руб., при урожайности, за период с 1883 по 1888 г., 35,95 пуд. с десятины[2]).

Для района с заработной платой ниже 56 руб. средняя заработная плата равняется 47,40 руб., цена земли—76,70 р., при урожайности пяти хлебов в 34,05 пуда с десятины.

Таким образом, при высокой заработной плате,—в среднем 73 р. годового жалованья,—и при большем среднем урожае—35,95 пуд. против 34,05—цена земли, в районе с высокой заработной платой, ниже на 20,5 рублей. Заключение, что цена земли, а следовательно, и земельная рента повышается в районе низкой заработной платы, именно благодаря дешевизне рабочих рук, можно проверить таким образом: в районах, где урожайность выше, где более интенсивная культура, должна быть и большая затрата труда на единицу площади земли. Так как рабочая сила человека при интенсивной культуре используется на меньшую площадь земли, в виде заработной платы, должна отражаться чувствительнее на ценах земель с большой урожайностью, если только высота заработной платы влияет на земельную ренту. Если в районе экстенсивной культуры рабочий может обработать 4 десятины и если обработанная земля занимает 40% всей поверхности земли; если предприниматель-землевладелец, благодаря понижению заработной платы, получает с рабочего добавочной прибыли 20 рублей, то эта добавочная прибыль разлагается на десять десятин, или с каждой десятины землевладелец получит сверх обычной прибыли 2 рубля. Если же эта добавочная прибыль получается в районе интенсивной культуры, где рабочий обрабатывает только 2 десятины, а площадь обработанной земли занимает 50% общей площади, то добавочной прибыли от понижения заработной платы с десятины предприниматель-землевладелец получит по 5 рублей, т.-е. в $2^1/_2$ раза больше. Следовательно, в местах с более интенсивной культурой разница в ценах на землю, под влиянием разницы в величине заработной платы, должна быть резче. Чтобы проверить факт, что повышение земельной ренты обусловливается низкой заработной платой, нужно сравнивать цены на землю в местах с более интенсивной культурой, так как на них сильнее должно отразиться влияние высоты заработной платы на земельную ренту.

---

[1]) «Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», вып. IV, 1881 г. Изд. департамента земледелия.

[2]) Принят чистый средний сбор 5 главных хлебов по таблицам, приведенным в книге Короленко—«Вольнонаемный труд» и т. д.

Если мы возьмем губернии с урожайностью выше средней и разделим на районы по высоте заработной платы, то получится такая группировка:

Группа губерний:

С жалованьем 75 рублей и выше	Урожай	Плата годовым рабочим	Цена земли в рублях
С.-Петербургская	40,5	87	37
Ярославская	42,5	75	33
Бессарабская	41,6	85	105
Курляндская	57,4	90	81
Лифляндская	56,5	80	95
Эстляндская	56,5	75	77
	49,2	82	71,3
С жалованьем 56—75 р			
Симбирская	40,3	56	76
Саратовская	36,4	66	59
Воронежская	37,3	57	93
Полтавская	35,2	60	106
	37,3	60	83,5
С жалованьем ниже 66 р.			
Пензенская	38,7	52	77
Тамбовская	45,5	54	93
Рязанская	40,3	51	100
Тульская	36,3	51	95
Курская	40,8	55	124
Киевская	48,2	51	154
Орловская	37,8	40	91
Подольская	38,1	44	125
Ковенская	38,1	40	65
	40	50	102,7

Из приведенной таблицы видно, что в губерниях с заработной платой в 75 руб. и выше цена земли значительно ниже, чем цены на землю в группах с более низкой заработной платой, хотя урожайность в первом районе значительно выше: в районе с годовой платой, в среднем, в 82 рубля, заработная плата выше на 32 рубля против заработной платы в последнем районе, а цена земли почти на 32 рубля (31,4 руб.) ниже[1]).

[1]) Такое совпадение цифр, а именно, где заработная плата выше на 32 руб., а цены на землю ниже на ту же сумму, тоже на 32 руб., разумеется, чисто случайно. Чтобы представить конкретнее влияние высоты заработной платы на земельную ренту, пришлось бы делать такого рода исчисление. Если рабочая сила одного человека, при современной технике, используется на 4 десятинах обработанной земли, если в среднем обрабатывается 40% поверхности земли, то капитализированный доход землевладельца, выражающийся в цене земли, раскладывается на 10 десятин. Используя на каждые 10 десятин поверхности земли труд одного рабочего, предприниматель-землевладелец получает и земельную ренту, и предпринимательскую прибыль. Допустим, что цена земли определяется капитализацией земельной ренты из 5%. Тогда земельная рента в районе с заработной платой выше 75 руб. будет 3 руб. 56 к. с десятины, а в районе с заработной платой ниже 56 рублей — 5 руб. 13 коп.; с 10 десятин в первом случае 35 руб. 60 к., а во втором—51 р. 30 к. Кроме того, в районе

Факторами, влияющими на относительную высоту земельной ренты, считаются или относительно большая урожайность земли, или более высокая цена хлеба. По приведенной таблице видно, что урожайность не так сильно влияет на высоту земельной ренты, как заработная плата. Если же сравнить цены на хлеб в районах с низкой и высокой заработной платой, то влияние и этого фактора на земельную ренту оказывается слабее, так как в районе с высокой заработной платой и низкими ценами на землю хлеб не дешевле, чем в районе низкой рабочей платы и высоких цен на землю.

Земельная рента возвышается, как известно, при увеличении населения, и поэтому можно предположить, что цен на землю повышены в районе с более густым населением, и благодаря именно густой населенности. Увеличение населения несомненно повышает земельную ренту, но повышает именно вследствие того, что увеличивает спрос на продукты сельского хозяйства, повышает цены на хлеб и заставляет прибегать к более интенсивной культуре, затрате нового количества труда и капитала на ту же площадь земли, и, таким образом, увеличивает дифференциальную ренту. Влияние интенсивной культуры мы уже рассмотрели, а хлебные цены в районе низких цен на землю и высокой заработной платы не ниже, чем в районе высоких цен на землю, а скорее наоборот. Таким образом, мы можем констатировать повышение земельной ренты под влиянием понижения заработной платы.

Чем же обусловливается такое явление и к каким последствиям оно ведет?

Непосредственно затрачиваемый живой труд в земледелии имеет гораздо большее значение, чем в обрабатывающей промышленности в том отношении, что на него из общей суммы издержек производства предприниматель в земледелии затрачивает гораздо большую долю, чем в других отраслях промышленности. Поэтому, несмотря на то, что труд земледельческих рабочих оплачивается гораздо ниже, чем где бы то ни было, землевладельцы постоянно жалуются на дороговизну «рабочих рук». Это же обстоятельство, т.-е. относительно

с низкой заработной платой урожай выше, и землевладелец с каждой десятины получает на 9,2 пуд. больше, а с 4 десятин—на 36,8 пуд. больше, чем в районе с низкой заработной платой. Следовательно, землевладелец, получая при высокой заработной плате 35 р. 60 к. земельной ренты, в том числе получает и ренту за эти 36,8 пуд. Чтобы определить, сколько получает землевладелец в районе высокой заработной платы с земель одинакового плодородия с землями района низкой заработной платы, нужно вычесть ценность прибавочного продукта в 36,8 пуд. из общей суммы ренты 36 р. 60 к., получаемой землевладельцем с 10 десятин. Если цена 36,8 пуд. равняется 18 р., то рента с земель одинакового плодородия в районе с низкой заработной платой должна получаться в размере 51 р. 30 к., а в районе с высокой заработной платой—17 р. 60 к. Следовательно, с 10 десятин поверхности земли, на которые раскладывается получаемая землевладельцем прибавочная ценность и на которых используется рабочая сила, землевладелец в районе с низкой заработной платой получает ренты больше на 33 р. 70 к., чем при высокой заработной плате, нанимая рабочего на 32 рубля дешевле. Такой сложный прием исчисления требует, кроме того, многочисленных поправок и поэтому имеет лишь значение, как иллюстрация той формы, в которой происходит процесс превращения прибыли в земельную ренту.

большее участие непосредственно затрачиваемого живого труда в земледелии, дало основание Родбертусу притти к выводу, что земельная рента образуется вследствие низшего строения земледельческого капитала, что, благодаря большой затрате переменного капитала относительно постоянного, получается больше прибавочной ценности на авансированный капитал; эта относительно большая часть прибавочного продукта и отчисляется в виде ренты.

Оставляя в стороне вопрос о правильности теоретического обоснования теории земельной ренты, данного Родбертусом, во всяком случае, нельзя не признать, что избыток прибыли, получаемой благодаря каким-нибудь особенностям того или иного земледельческого хозяйства или группы хозяйств, должен повышать земельную ренту. Такое влияние должна оказывать и величина заработной платы земледельческих рабочих, обусловливающих различие формы прибыли в различных районах.

Превращение добавочной прибыли, получаемой благодаря понижению заработной платы, в земельную ренту констатировано Марксом в III т. «Капитала», хотя и не приведено ни доказательств этого, ни объяснения, почему происходит такое превращение. Маркс лишь указывает на факт существования такого явления. «Более общим и более существенным фактом,— говорит Маркс,— было понижение рабочей платы собственно земледельческих рабочих ниже ее среднего уровня, так что часть сбавленной заработной платы образовала составную часть арендных денег; таким образом, под видом земельной ренты она, вместо того, чтобы отдаться рабочим, отдавалась землевладельцам. Это, например, происходило повсюду в Англии и Шотландии, за исключением некоторых, наиболее благоприятно расположенных графств»... Труды парламентских комитетов для исследования высоты рабочей платы... доказывают до очевидности..., «что высокая норма ренты и соответствующее ей повышение цен на землю в продолжение противоякобинской войны была обязана отчасти простой сбавке с рабочей платы и понижению ее даже ниже наименьшего физического уровня, т.-е. отдаче нормальной рабочей платы землевладельцам... Даже одним из главнейших аргументов в пользу введения хлебных пошлин как со стороны арендаторов, так и землевладельцев, был тот, что не было физической возможности еще более понизить заработную плату земледельческих батраков» (т. III, стр. 516—518).

Из вышеизложенного следует, что относительное понижение заработной платы может повести не к увеличению предпринимательской прибыли сельского хозяина, но к повышению земельной ренты, что предприниматель, как таковой, не всегда выигрывает от понижения заработной платы, а выигрывает землевладелец, который может и не быть предпринимателем. Такое странное явление, противоречащее, повидимому, законам политической экономии, объясняется особенным положением сельского хозяйства. Понижение заработной платы во всех отраслях промышленности увеличивает норму прибыли, получаемой предпринимателем. При этом условии на капитал, затрачиваемый в производстве в виде заработной платы рабочим, получается

больше прибавочного продукта, а следовательно, получается и большая прибыль по отношению ко всему авансированному в предприятии капиталу. В земледелии повышения прибыли предпринимателя, благодаря понижению заработной платы, может и не быть, если добавочная прибыль превратится в земельную ренту и выразится в повышении цены земли.

Эта фиксация дохода, превращение прибыли в земельную ренту, требует наличности арендаторов, которые могли бы или были принуждены уплачивать повышенную ренту в виде арендной цены. А так как нужда заставляет почти всегда соглашаться на невыгодные условия, то чем хуже положение арендаторов, тем легче превращение прибыли в земельную ренту, тем легче мелкий арендатор «побьет» крупного предпринимателя. В самом деле, допустим, что, благодаря пониженной заработной плате, прибыль землевладельца, как предпринимателя, повышается. Прямой его выгодой является расширение запашки и сокращение сдачи земли в аренду. Капиталист-арендатор, напр., в Англии, может повысить арендную плату лишь до такой нормы, чтобы ему, как предпринимателю, доставалась обычная норма прибыли. Дальнейшего повышения арендной платы он не допустит. Следовательно, при таких условиях в земельную ренту может превратиться только добавочная прибыль. Мелкий собственник, не капиталист, наоборот, принужден давать арендную цену, повышенную настолько, чтобы сам землевладелец или капиталист-арендатор считали невыгодным вести капиталистическое хозяйство; мелкий собственник вынужден в виде арендной платы выплачивать землевладельцу и предпринимательскую прибыль, которую последний мог бы получить, если бы сделал собственную запашку; арендатор оказывается вынужденным оценивать свой труд ниже труда наемного рабочего.

Таким образом, несмотря на то, что прибыль землевладельца должна бы увеличиться, вследствие понижения заработной платы, он может продолжать сдачу земель в аренду, повысивши арендные цены даже не пропорционально повышению прибыли, а значительно больше.

Мелкий собственник «побьет» крупного предпринимателя тем, что будет работать на него и отдавать прибыль землевладельцу в виде повышенной арендной платы. Землевладелец будет получать, так называемую, «ренту» и на своей запашке будет считать эту ренту необходимым доходом, даваемым самой землей. Но так как в эту ренту входит и прибыль, то может оказаться, что собственное хозяйство, несмотря на хлопоты, дает очень мало прибыли, и даже иногда является убыточным.

Следовательно, когда повышенная, благодаря низкой заработной плате, прибыль, таким образом, фиксируется в виде ренты, в повышении цены земли, землевладелец считает, так сказать, объективным свойством его земли давать повышенную ренту и считает невыгодным, убыточным ведение хозяйства, не дающего, сверх повышенной ренты, обычной нормы прибыли. Происходит на первый взгляд «незаконное», с точки зрения политико-эконома, явление: заработная плата понижается до наивозможного минимума, сельский рабочий,

чтобы существовать, принужден искать заработка в городе, а прибыль сельского хозяина падает, на-ряду с повышенной земельной рентой и высокими ценами на землю. Сельские хозяева жалуются на убыточность хозяйства и дороговизну рабочих рук, на то, что сельские рабочие избалованы, благодаря чему часто нарушают условия с хозяевами,— условия, при которых не могут сколько-нибудь удовлетвориться даже наиболее настоятельные потребности. Землевладельцы начинают прибегать к кулацко-ростовщическим приемам зимней наемки рабочих и, таким образом, понижать заработную плату; но и это в конце-концов ведет не к повышению нормы прибыли, а к дальнейшему повышению земельной ренты и цен на землю, и к новым жалобам на дороговизну сельских рабочих. Как образец создавшихся при этом отношений нанимателей и наемников, приведем показание гродненского землевладельца перед Валуевской комиссией, характерное по своему цинизму и наивной откровенности. Годовые рабочие, по его словам, обходятся помещику от 20 до 35 рублей, а женщины — от 6 рублей. «Условия соблюдаются рабочими очень плохо... Для найма рабочих мы непременно должны во время святок перед Новым годом сами ездить по деревням и уговаривать крестьян, при чем непременно нужно, чтобы жид принес водки для угощения крестьян, идущих на наем; при уговаривании крестьяне обыкновенно ломаются. (Еще бы—закабалиться за 20 рублей в год! *П. М.*). Затем, получив согласие наемника, даешь ему рубль в задаток с тем, чтобы он пришел к 1 января в имение, а на следующий день явился в волостное правление для заключения условия; но обыкновенно на другой день он туда не является, потому что ему дали больше задатка или лучше опаивали водкою и уговаривали, и он ушел в другое место. Однако, в конце-концов, случается так, что он не идет в другое место и просит первого нанимателя, чтобы он его принял к себе».

Повышенную такими приемами прибыль землевладельца мелкие арендаторы принуждены выплачивать, чтобы последний нашел возможным и выгодным сдавать им в аренду свою землю. Повышенная рента понижает, в свою очередь, прибыль и т. д. Кулацкие приемы на найме рабочих влияют на аренду и наоборот. Сама по себе сдача земель в аренду мелкими участками мелким земледельцам-арендаторам создает уже возможность превратить прибыль этих арендаторов в арендную плату и, таким образом, повысить и цены на землю.

«Это происходит, например, в Ирландии. В среднем, здесь арендатор представляет мелкого крестьянина. То, что он платит землевладельцу в виде аренды, не только зачастую поглощает часть его прибыли, т.-е. часть его собственного прибавочного труда, на которую он имеет право, как владелец собственных орудий труда, но также часть нормальной рабочей платы, которую бы он получил при иных условиях за такое же количество труда. Кроме того, землевладелец, который здесь ровно ничего не делает для улучшения почвы, экспроприирует его маленький капитал, который он влагает в землю большею частью своим собственным трудом» («Капитал», т. III, стр. 516).

При таких условиях, при превращении прибыли в арендную плату, несмотря на понижение заработной платы, мелкий собственник, как предприниматель, может «побить» крупного сельского хозяина тем, что будет работать на последнего и отдавать ему прибыль в виде повышенный арендной платы.

Этим превращением прибыли в земельную ренту отчасти объясняется более медленный прогресс, а в некоторых случаях и регресс сельского хозяйства в капиталистических странах. В самом деле, всякое повышение прибыли, благодаря ли повышению цен на хлеб или положению заработной платы сельских рабочих, тотчас фиксируется в виде земельной ренты, и предпринимательская прибыль сельского хозяина-землевладельца снова понижается, хотя и рента и цены на землю повышаются. Благодаря существованию мелких арендаторов, которых нужда заставляет арендовать землю при самых убыточных для них условиях, повышенная арендная плата легко фиксируется: мелкие собственники исполняют роль наемных рабочих, но, понижая конкуренцией заработную плату последних, не улучшают, а ухудшают и свое положение повышением земельной ренты до такой высоты, что ею поглощается и прибыль и часть их заработной платы. Положение «самостоятельного» мелкого собственника, благодаря этому, оказывается таким же, как и положение сельскохозяйственного рабочего, заработок которого понижен до minimum'а. Поэтому основанные на факте существования мелкой аренды выводы некоторых экономистов, что мелкое хозяйство побеждает крупное, можно признать лишь злой иронией над мелким хозяйством. Победа мелких арендаторов—такая же победа, как победа должника, повесившегося на воротах своего кредитора: гибельным для себя повышением арендной платы и понижением заработной платы арендатор, действительно, понижает предпринимательскую прибыль крупного сельского хозяина-землевладельца именно потому, что последний с лихвой вознаграждает себя за пониженную прибыль повышенной рентой. Когда добавочная прибыль, получаемая от понижения заработной платы, превращается в земельную ренту, тогда землевладельцу нет особенного расчета вести свою собственную запашку, так как есть арендаторы, которые готовы выплачивать ему в виде арендной платы ту прибыль, которую он мог получить благодаря дешевому наемному труду. Землевладелец начинает получать в виде ренты доход даже с таких земель, которые почти не обрабатываются, напр., с лугов, пользуясь тем, что повышенную ренту потребитель должен выплачивать в тех продуктах, цена которых, вследствие дороговизны их доставки, не может быть понижена конкуренцией с земель с низкой земельной рентой.

3.

Приведенные в начале этой главы статистические данные говорят об относительной высоте заработной платы по различным районам. Если же сравнить высоту заработной платы в два различных периода, то мы можем отметить ее движение по различным районам.

Данные о величине заработной платы по всей Европейской России, имеющиеся у нас, как упомянуто выше, относятся к началу 70-х годов и к концу 80-х, т.-е. разделены пятнадцатилетним периодом. Для определения заработной платы 70-х годов взяты средние цифры из данных общества взаимного поземельного кредита и показаний землевладельцев. Величина заработной платы для 80-х годов (80—89 г.г.) определена исключительно на основании показаний землевладельцев-корреспондентов, следовательно, она показана несколько выше действительной, так как, если в 70-х годах землевладельцы преувеличивали в своих показаниях заработную плату, то нет основания думать, что они этого не делали и в 80-х годах.

Из сравнения величины заработной платы в 70-х и 80-х годах оказывается, что заработная плата, выраженная в деньгах, повысилась по всей Европейской России, за исключением трех юго-западных губерний—Киевской, Подольской и Волынской—и одной восточной — Самарской. Однако, такое повышение заработной платы для значительного числа губерний является фиктивным, так как реальная заработная плата, выраженная в хлебе, почти в половине Европейской России не повысилась, а понизилась [1]). (См. табл. III в приложении).

Повышение заработной платы произошло в промышленных, северо-западных, прибалтийских, в западных и в трех южных губерниях, во всех остальных губерниях произошло понижение заработной платы. Следовательно, из района низкой заработной платы только в западных губерниях произошло незначительное повышение рабочей платы, хотя она все-таки осталась наиболее низкой. В других частях района низкой заработной платы она с 70-х до конца 80-х годов понижалась. Точно также в южных и восточных губерниях, которые привлекали и привлекают рабочих из густо населенного центра, заработная плата понижается, хотя еще в конце 80-х годов остается сравнительно высокой; только в промышленном и северо-западном районе происходило ее повсеместное повышение.

Если сравнить приведенные в приложении таблицы, то в них можно заметить много общего. Район, захватывающий полосу центральной России от Волги до Польши и ограниченный с севера промышленными и северо-западными губерниями, а с юга южными черноземными, в крепостную эпоху характеризуется относительно высокой ценой земли и низкой ценой крепостных крестьян, а в пореформенную эпоху—также высокой ценой земли и низкой заработной платой. Этот же район, за исключением некоторых западных губерний, но с присоединением окраин, а именно: восточных и южных

---

[1]) Цены на хлеб в местах производства для 70-х годов вычислены по хозяйственно-статистическим данным по всем имениям, заложенным в обществе взаимного поземельного кредита. См. «Доклад высоч. утв. ком. для исследов. сельского хоз. в России». Приложения. Т. VII. Для 80 годов данные взяты из изд. минист. земледел. и госуд. имущ. «Сельскохозяйств. и стат. свед. по материалам, полученным от хозяев», вып. VI. За десятилетие с 1881 г. Для 50-х годов (1854—58 гг.) данные взяты из «Материалов для статистики России, собираемых по ведомству минист. госуд. имуществ» 1858—61 гг., и из «Хозяйственно-статистических материалов» 1857 г.

губерний, характеризуется понижением заработной платы в период с 70-х до конца 80-х годов [1]).

Район промышленных и северо-западных губерний характеризуется тем, что в крепостную эпоху цены на землю были относительно низки, а цены крестьян высоки. В пореформенный период также цены на землю относительно низки, а заработная плата высока. Наконец, за период с семидесятых до конца восьмидесятых годов заработная плата повышалась.

Район окраинных черноземных губерний в крепостную эпоху имел относительно низкие цены на землю и высокие цены на крепостных крестьян; после реформы—также относительно низкие цены на землю и высокую заработную плату. Но в период с семидесятых до восьмидесятых годов заработная плата не повышалась, а в некоторых губерниях значительно упала.

Несомненно, такое различие трех перечисленных районов обусловливается различием в них условий, при которых развивалось товарное производство, как в дореформенную, так и в пореформенную эпоху. Благодаря этому различию, на почве товарного производства создались следующие хозяйственные и социальные отношения.

Одностороннее развитие товарно-барщинного производства хлеба в крепостную эпоху в центральных земледельческих губерниях и отсутствие других отраслей промышленности привело к тому, что в этом районе, с точки зрения помещика-землевладельца, создалась перенаселенность. Цена крестьянина, сравнительно с ценою земли, пала. В интересах помещика было — стеснить крестьянское землепользование, переселить крестьян на другие земли и т. п. Отсутствие всяких промыслов лишало возможности крестьян густо населенной центральной черноземной полосы прилагать труд в других отраслях промышленности, кроме земледелия. Благодаря такому одностороннему развитию товарного производства, цена крестьян пала, и создалась перенаселенность, так как требовалось расширение помещичьей запашки. Следовательно, развитие товарного производства хлеба

---

[1]) В Саратовской губ., для которой имеются данные за весь период с 60-х годов до настоящего времени, заработная плата непрерывно и неуклонно падала. Это видно из следующих цифр:

За двадцатилетие с 1861 года увеличение стоимости продуктов и рабочих рук выражалось («Промыслы крестьян Сарат. и Цариц. у.», стр. 71):

Возраст. цены	В процентах Сар. у.	Цар. у.	Возраст. цены.	В процентах Сар. у	Цар. у.
Годового раб. . .	122	266	Четверти ржи . .	312	322
Летнего » . .	142	164	» пшеницы	233	252

Поэтому автор сборника о промыслах в Сарат. и Цариц. уездах справедливо замечает, что «жалобы на излишнюю дороговизну рабочих рук основаны на недоразумении; что величина рабочей платы вытекает в виде следствия из общей и постоянной причины — вздорожания главных предметов потребления». С начала 80-х годов до настоящего времени заработная плата упала не только относительно, но и абсолютно, в денежной форме. См. «Сарат. Земск. Нед.», кн. 12 ст. «О сельско-хоз. рабочих в Сарат. губ.». Наибольшее падение заработной платы с 80-х годов обнаруживается во время уборки хлеба, когда происходит наибольшее движение с.-х. рабочих.

уменьшило емкость территории, на которой развивалось одностороннее земледельческое хозяйство. Наоборот, в промышленных губерниях развитие товарного производства в обрабатывающей промышленности увеличило емкость территории. Это увеличение в крепостную эпоху выразилось в относительно более высокой цене крестьян, а в пореформенную эпоху—в более высокой заработной плате, точно так же, как в центральном земледельческом районе относительная перенаселенность после отмены крепостного права выразилась в низкой заработной плате.

Более высокая заработная плата определилась, как мы видели, в редко населенных окраинах и в промышленном районе. Хотя на окраинах заработная плата выше, чем в других районах, однако нельзя сказать, что высокая оплата труда на окраинах указывает на увеличение емкости территории, благодаря развитию товарного производства в земледелии. Движение заработной платы указывает, напротив, на то, что, благодаря развитию товарного производства, в земледелии создается капиталистическая перенаселенность. Пока на окраинах население было редко, заработная плата, действительно, поднялась очень высоко. Но, благодаря отчасти увеличению населения, отчасти благодаря введению сельскохозяйственных машин, вызванному относительной дороговизной рабочих рук, емкость территории стала уменьшаться, а заработная плата (по крайней мере, реальная заработная плата) стала падать.

Совершенно другой процесс происходит в промышленных губерниях. Благодаря развитию товарного производства в обрабатывающей промышленности емкость территории относительно других районов все более и более увеличивалась: заработная плата в земледелии не падала, а повышалась. По движению заработной платы нужно заключить, что до 80-х годов юг повышал общую норму заработной платы в России, но постепенно такая роль окраин исчезает благодаря тому, что одностороннее развитие товарного хлебного производства уменьшает емкость территории, а развитие капиталистической обрабатывающей промышленности увеличивает ее; повышение заработной платы переходит в промышленный район, а на окраинах она начинает падать.

Отсюда следует заключить, что при густом населении обрабатывающая промышленность повышает заработную плату сельских рабочих. Это повышение происходит, конечно, не вследствие большей гуманности фабрикантов сравнительно с землевладельцами, а вследствие социальной необходимости, заставляющей предпринимателей с сокрушенным сердцем повышать заработную плату фабричных рабочих и таким образом влиять на заработную плату сельских рабочих. Поэтому аграрии и их идеологи очень недружелюбно относятся к обрабатывающей промышленности вообще, так как ее развитие ведет к повышению заработной платы и отвлекает население в города. Фабрика-де «развращает народ[1]), увеличивает пьянство» и т. д., а сельский хозяин—самый строгий блюститель трезвости, так как потребление водки увеличивает общее потребление производитель-

[1]) См. выше, мнение проф. Н. Карышева, в гл. XIII.

ных классов. Обрабатывающая промышленность своим развитием не дает возможности понизить и заработную плату сельских рабочих.

Вследствие понижения заработной платы в земледелии до minimum'а дальнейшее понижение ее становится невозможным, хотя бы цены на хлеб, благодаря конкуренции других стран, и упали. Вместе с тем, даже и при высоких ценах на хлеб, несмотря на пониженную заработную плату, прибыль сельского хозяина не может оставаться выше нормальной прибыли, вследствие превращения ее в земельную ренту. Следовательно, и при самых благоприятных обстоятельствах землевладелец выигрывает не как предприниматель, а как собственник земли, и при первом понижении цен на хлеб, он, в качестве предпринимателя, находится в затруднительном положении: заработную плату нельзя понизить, потому что она понижена; прибыль, которая была незначительной и при высоких ценах на хлеб,— так как значительная ее часть превратилась в ренту,— при понижении этих цен сводится к нулю. Может даже случиться, что землевладелец с собственной запашки не получит всю ту часть земельной ренты, которая создалась, благодаря пониженной заработной плате. Если, притом, еще земля была заложена при искусственно-повышенной земельной ренте и цене земли, то весь доход от своего хозяйства землевладелец оказывается вынужденным отдавать в банк в виде процентов на занятый капитал. Таким образом, землевладелец, получая громадную норму прибавочной ценности, при всех преимуществах своего положения, дающих ему возможность получать от рабочего наибольшее количество прибавочного продукта, оказывается в критическом положении: его преимущества обращаются против него самого, и, сделавшись данником кредитного учреждения, он должен отдавать все доходы от земледелия денежному капиталисту.

Но представляет ли такое положение действительно кризис крупного сельскохозяйственного производства? Действительно ли крупное земледельческое хозяйство убыточно? С точки зрения сельского хозяина, оно несомненно убыточно, так как он получает доход, главным образом не в качестве предпринимателя, а в качестве землевладельца-рантье. Но доход его, как рантье, обусловливается в значительной степени превращением предпринимательской прибыли в земельную ренту. Убыточность хозяйства является фиктивной, благодаря фикции, созданной современными хозяйственными отношениями, и благодаря тому, что прибыль, которая превратилась в ренту, землевладелец *может* получить сдачей земли в аренду, эксплоатацией мелкого собственника. Повышенная, как в центре земледельческой России, рента может понижаться не только под влиянием падения хлебных цен, но вследствие кризиса мелкого хозяйства,— кризиса, вызванного развитием товарного хозяйства вообще, повышенной арендой и большими платежами — в частности.

Из факта превращения прибыли в ренту следует, что Родбертус в своей теории о происхождении ренты прав только формально, а не по существу. Часть земельной ренты образуется, действительно, вследствие большей нормы прибыли и выделяется из общей прибыли, получаемой сельским хозяином-землевладельцем. Но, во-первых, эта

земельная рента образуется вследствие большей нормы прибыли против других земледельческих хозяйств другого района с меньшей нормой прибыли; во-вторых, эта добавочная прибыль получается не благодаря низшему строению капитала в обрабатывающей промышленности, а благодаря понижению заработной платы. Наконец, возможность превратить такую большую часть прибыли в земельную ренту, как это замечается в центральном земледельческом районе, обусловливается существованием там мелких арендаторов-крестьян, вынужденных своим экономическим положением выплачивать в виде аренды ту часть прибыли землевладельца, которую он получил бы при ведении собственного хозяйства дешевыми рабочими руками.

Если значительная часть земельной ренты образуется не благодаря различию производительности труда на различных участках земли и при различной затрате капитала, а благодаря низкой норме заработной платы в районе, к которому принадлежит участок, то нужно допустить, что часть земельной ренты вообще в России образуется вследствие пониженной заработной платы, если у нас она ниже, чем в других странах. Такого рода рента должна образоваться потому, что на нее влияет теперь уже и мировой рынок, а влияние урожайности на земельную ренту в России должно быть наименьшее, так как урожайность в русском хозяйстве и цены на хлеб самые низкие.

По таблице, составленной в 1892 году секретарем министерства земледелия Соединенных Штатов, годовая заработная плата сельских рабочих в различных государствах была следующей:

Великобритания	775	франков
Соединенные Штаты	1.250	»
Франция	625	»
Голландия	500	»
Германия	450	»
Италия	250	»
Индия	150	»

В России же средняя заработная плата сельских рабочих, по показаниям землевладельцев, считая на франки, равняется 153.

По словам г. Каблукова, «выгоды мелкого землевладения заключаются, между прочим, в том, что оно предполагает распределение земли между большим количеством лиц, давая последним возможность непосредственного приложения труда» [1]), а «характер сельскохозяйственных предприятий (в России), ведомых хотя бы и на частновладельческих землях и за счет частных владельцев, определяется по преимуществу строем, уровнем и условиями крестьянского хозяйства» [2]).

Мы видели выше, почему, благодаря указанным г. Каблуковым «преимуществам» русского сельского хозяйства и благодаря «преимуществу», на которое в свое время указывали гг. В. В. и Н—он,—

---

[1]) «Об условиях развития крест. хоз. в России», стр. 76.
[2]) Ibid., стр. 212.

экономической отсталости России,—заработная плата сельскохозяйственного рабочего, пользующегося «выгодами мелкого землевладения», при сравнительно редком населении, оказывается такой же, как заработная плата индийского рабочего. Да и это равенство только номинальное, так как существует громадное различие жизненных потребностей рабочих той и другой страны, потребностей, обусловливаемых различием климата, жизненных и социальных условий.

Правда, по данным того же американского автора, заработная плата сельского рабочего в России равняется 300 фр., но данные относительно России взяты им из «Сборника для колумбийской выставки», предназначенного для иностранцев. Вышеприведенные данные более близки к действительности и дают более правильное о ней представление. Они красноречиво говорят о положении дел в сельском хозяйстве и указывают на значение всех жалоб аграриев на дороговизну рабочих рук.

При низкой заработной плате землевладелец сначала выигрывает в качестве предпринимателя, а потом в качестве рантье. Как предприниматель он выигрывает, благодаря большей дешевизне труда в перенаселенном районе. Этот выигрыш, сделавшись постоянным, благодаря тому, что в этом районе уровень заработной платы постоянно ниже, чем на окраинах, превращается в земельную ренту, представляется землевладельцу (как предпринимателю) исчезнувшим и вызывает новые жалобы на дороговизну и недостаток рабочих рук.

Сокращение издержек производства при благоприятных естественных и географических условиях (плодородие земли и близость к рынку) для землевладельца ничем не отличается от сокращения издержек производства благодаря постоянной дешевизне труда. Поэтому, несмотря на общие тенденции перераспределения производительных сил на окраины, обнаруживающиеся вместе с развитием товарного обмена и путей сообщения, земельная рента в перенаселенных районах растет до тех пор, пока возможно сокращение заработной платы и превращение получаемой от этого сокращения предпринимательской прибыли в земельную ренту. Рента, получаемая благодаря близости земли к рынку, ничем не отличается от ренты, получаемой благодаря понижению заработной платы—они обе ничем не пахнут, или, правильнее они обе пахнут потом, и понижение так называемой «естественной» ренты может компенсироваться повышением специфически «хозяйственной» ренты. Если невозможно изменить географические условия, то вполне возможно понизить заработную плату, к чему и стремятся землевладельцы. Поэтому, несмотря на постоянные жалобы землевладельцев, земельная рента растет гораздо быстрее, чем денежная заработная плата. Сравнивая рост земельной ренты, — которую мы можем определить по ценам на земли,— с движением заработной платы, мы находим, что в период 70-х до конца 80-х годов земельная рента в черноземных губерниях возрастала (принимая первую цифру за 100): в 70-х гг.—100,

в 83 г.—153; в 89 г.—157 [1]), между тем как заработная плата повысилась до 114, а реальная заработная плата даже упала. В нечерноземных губерниях соответствующие цифры для цен на землю были — 100, 146, 152, а для заработной платы—100, 121. Следовательно, земельная рента возрастала более заработной платы в отношении 157 к 114 в черноземных и 152 к 121 в нечерноземных губерниях.

Если принять во внимание, что за этот период косвенные налоги на предметы необходимости возросли в очень значительных размерах, что ценность рубля упала, то нужно признать, что рента возросла при повсеместном падении реальной заработной платы.

Пользуясь частью понижением заработной платы, частью повышением цены таких продуктов, провоз которых затруднителен (сено, солома, быстро портящиеся продукты и проч.), а частью увеличением разницы в стоимости провоза продуктов, доставляемых теперь с более отдаленных рынков, землевладелец не проигрывает даже при *усиленной* экстенсификации хозяйства, которая выбрасывает массу рабочих рук и при которой рабочий всегда проигрывает.

Таким образом, образование избыточного населения в мелких земледельческих хозяйствах, давая возможность понизить заработную плату, обостряет те стороны капиталистических отношений, которые ведут к ухудшению положения пролетария.

4.

Современный капиталистический строй характеризуется преобладанием индустрии над земледелием. Анализ капиталистических отношений исходит обыкновенно из анализа отношений в индустрии; поэтому экономистами обращалось больше внимания на положение промышленных рабочих, поэтому, вероятно, и составилось мнение, что, благодаря введению машин в индустрии, создается рабочая резервная армия. Но если сопоставить развитие обрабатывающей промышленности и земледелия, то приходится признать, что индустрия, в процессе экономического развития, поглощает рабочее население, и лишь в периоды кризисов и перераспределения производительных сил между отдельными отраслями производств рабочие выбрасываются и создается острая безработица. Количество безработных в индустрии должно было бы сокращаться, если бы оно не увеличивалось хронической перенаселенностью земледельческого населения. Земледелие, *постоянно* выбрасывая рабочие руки, постоянно стремясь к экстенсификации, создает *постоянную* резервную рабочую армию, пауперов, которые понижают заработную плату не только в земледелии, но и в индустрии.

Точно также обыкновенно принято объяснять падение земледелия эмиграцией и уходом рабочих в города, а не наоборот—эмиграцию и уход рабочих объяснять экстенсификацией, рассеянием земле-

---

[1]) Цифры для 1889 года вычислены по изданиям мин. земл. «1887 — 1889 г. в сельскохоз. отношении»; цены на землю за предыдущие годы — по «Сельскохозяйств. и статист. свед., получ. от хозяев», изд. деп. землед. 91 г.; а на рабочие руки—по книге Короленко «Вольнонаемный труд» и по «Трудам Валуевской комиссии».

делия, выбрасывающим избыточное земледельческое население. Г. Каблуков, например, как и многие другие, объясняет относительное сокращение (по отношению к населению) земледелия в Англии уходом рабочих в города и дороговизной рабочих рук. Такое ошибочное представление о причинах передвижения населения весьма выгодно для землевладельцев, которые жалуются на недостаток рабочих рук, но совершенно неверно. Напротив, население выбрасывается из земледелия и идет в город не потому, что в городе заработная плата высока, а потому, что в земледелии она низка. По той же причине это население и эмигрирует. Существование в городах класса Lumpenproletariat'а доказывает, что не на сладкое житье бежит туда крестьянин. Жалобы землевладельцев на то, что фабрика отвлекает и развращает население, что для земледелия чувствуется недостаток рабочих рук, есть только сваливание с больной головы на здоровую: земледелие выбрасывает избыточное население, и оно, под угрозой голода, бежит в города, на окраины, «куда глаза глядят», и создает промышленную резервную армию.

Это выбрасывание земледельческого населения происходит посредством понижения заработной платы.

Пока понижение заработной платы возможно, земельная рента может держаться на прежнем уровне и даже повыситься.

Поэтому ростовщические приемы зимнего найма в густонаселенных районах являются способом поддержать более высокий доход с единицы площади земли, вопреки общей тенденции мирового хозяйства уравнять несколько земельную ренту.

Одним из наиболее действительных способов понизить оплату земледельческого труда является ограничение передвижения населения, препятствия тому стихийному перераспределению населения, которое вызывается перераспределением производительных сил, иллюстрированным выше. Тобольский губернатор Богданович указал, между прочим, что «главное соображение, выдвигаемое против переселений, это то, что последние лишают губернии Европейской России рабочих рук, нужных для земледелия и промышленности». Эти стремления задержать эмиграцию населения бессознательно поддерживали те народники, которые настаивали на неотчуждаемости земли [1]).

Во всяком случае, приведенные Богдановичем соображения вполне основательны с точки зрения землевладельцев, так как перенаселенность ведет к понижению издержек производства хлеба до минимума. Ошибка их заключается в том, что такое понижение имеет предел, до которого уже дошли земледельческие губернии. Дальнейшее понижение повело бы к вымиранию, т.-е. тоже к переселению туда, где не требуется никакого минимума. Поэтому в тех районах, где заработная плата достигла минимальной нормы, тенденции мирового хозяйства ведут к понижению земельной ренты, искусственно вздутой, благодаря низкой заработной плате.

---

[1]) Отчуждаемость земли может существовать даже при общинном землевладении, если отчуждается не право владения, а право пользования на более продолжительный период.

Компенсироваться понижением издержек производства, в виде дальнейшего понижения заработной платы, земельная рента уже не может, так как переселение и вымирание разредят население. Некоторые губернии России уже достигли, повидимому, этого предела.

Возрастание цены на землю, следовательно, и ренты, продолжавшееся до половины 80-х годов в этих губерниях, приостановилось и даже началось ее понижение. Цена земли стала сильнее падать именно в районах с наиболее низкой заработной платой, между тем как в других местах она продолжала возрастать.

В тех губерниях, в которых в 80-х годах цены на землю падали, средняя годовая заработная плата была 54 рубля, между тем как в районе повышающихся цен на землю заработная плата была значительно выше, а именно в среднем 64 рубля.

Очевидно, в тех районах, где заработная плата опустилась до минимума, повышение земельной ренты на счет сокращения заработной платы оказалось невозможным, и рента прежде всего стала падать.

Процесс вымирания, как известно, ведет не только неприятные последствия для тех, кто подлежит его действию, но известные последствия в хозяйственной жизни страны. Так, напр., качество работников ухудшается — ухудшается — аргумент довольно веский для самого заскорузлого хозяина. В наиболее резкой форме этот процесс можно наблюдать на башкирах Оренбургской губернии.

Башкиры бывают сыты только во время косовицы и жнитва, когда они поголовно отправляются в крестьянские и казачьи села для найма. Но так как заработок их незначителен, то зимой начинается страшная смертность. По статистическим данным в летние месяцы рождаемость превышает смертность, зато зимой она увеличивается в такой степени, что башкирское население абсолютно уменьшается, а остающиеся в живых—хилы, слабы и болезненны.

Этот процесс вымирания и переселение мешают дальнейшему понижению Existenzminimum'а, несмотря на зимнюю наемку, которая, повидимому, дает возможность произвольного ее понижения. На этой почве происходит своеобразная борьба за существование. Так как крестьянин должен кредитоваться, чтобы просуществовать до весны, то как бы ни была невыгодна сделка, он должен соглашаться на нее,—к этому его вынуждает чувство самосохранения и необходимость уплаты недоимок. Какие бы кары в будущем ему не грозили, он примет на себя даже неисполнимые обязательства, лишь бы просуществовать. С другой стороны, для нанимателя такой момент наиболее удобен, чтобы дешевле нанять, так как его не интересует вопрос, обеспечивается ли заработной платой существование нанимающегося. Таким образом, масса крестьянства делается объектом ростовщических операций. Нарушение договора найма, не обеспечивающего существования, является неизбежным следствием таких отношений.

Указанные выше препятствия к понижению минимума потребностей крестьянина приводят к тому, что, по словам некоторых землевладельцев, зимняя наемка, будучи формально в 2 — 3 раза дешевле летней, в сущности обходится не дешевле, вследствие частого

нарушения договоров. Сила вещей, стремление к самосохранению, оказываются сильнее договора. Таковы отношения найма в местах, где создалась перенаселенность, благодаря рассеянию земледелия.

В южных и юго-восточных губерниях, где земледелие расширяется, и рабочих рук недостаточно, создаются отношения, довольно близкие к отношениям в индустрии, где также расширяется потребность в рабочих руках. Туда, так же как и в город, идут рабочие, выброшенные земледелием центральных губерний. Несмотря на то, что центральные черноземные губернии выбрасывают на внешний для них рынок массу рабочих рук, наемные цены подвергались очень сильным колебаниям исключительно под влиянием спроса и предложения труда.

Заработная плата, опускаясь местами до минимума во время неурожая, довольно высоко поднималась тогда, когда ощущался недостаток в рабочих руках. Благодаря этим колебаниям заработной платы, договоры о найме часто нарушались или рабочими, или хозяевами, смотря по тому, которым из них это было выгодно. Если хозяин нанимал рабочих дороже установившейся впоследствии рыночной цены на рабочие руки, то он принимал все возможные меры, чтобы заставить рабочих нарушить контракт, для чего у него, как у хозяина, разумеется, есть много средств. Наиболее действительными для этого средствами являются: недоброкачественность пищи, придирки различного рода и штрафы, которыми рабочие и вынуждаются покинуть экономию. При условиях же найма ниже рыночных цен, рабочие сами уходят, соблазняясь более высокими ценами в других экономиях. Но эти более или менее равные отношения договаривающихся сторон (поскольку могут быть равны отношения труда и капитала) в последнее десятилетие изменились в пользу хозяев, благодаря быстрому распространению сельскохозяйственных машин, выбрасывающих из сельского хозяйства массу рабочих рук и заменяющих мужской труд детским и женским.

«Теперь,— говорит г. Ярошко в своем докладе московскому обществу сельских хозяев,— ежели нас посетит даже самый колоссальный урожай, подобная история (недостаток рабочих рук) уже не повторится. И главною причиною этого является небывалое распространение жатвенных и косильных машин, послуживших рычагом не только урегулирования платы за труд (понижения), которая почти не сходит теперь с установившейся нормы, но и согнавших почти совершенно в какие-нибудь пять лет громадные прежде артели поденщиков с полей Тавриды. Отдельные небольшие партии их еще находят работу в пригорной полосе Крыма, где волнообразная, каменистая местность не позволяет правильно работать машинами. Но это жалкие остатки того, что было»... Процент полурабочих девушек и детей теперь достигает 50 и даже 75 и более из общего числа поденщиков. К этому еще присоединяется конкуренция зажиточных крестьян, имеющих машины и сбивающих цены на косьбу, жнитво и проч.

Итак, в районах, где земледелие развивается, где земледельческие рабочие находились в положении, более или менее сходном с положением рабочих в индустрии, где спрос на рабочих расширялся, теперь, благодаря введению машин, он сокращается. Поэтому положение

сельскохозяйственных рабочих, даже в районах с расширяющимся земледелием, гораздо хуже, чем в индустрии, и обнаруживается сильная тенденция к ухудшению этого положения, потому что в земледелии спрос на рабочих сокращается, между тем как в обрабатывающей промышленности он увеличивается.

Помимо общих тенденций современного русского сельского хозяйства, ведущих к ухудшению положения нанимающихся, самые условия производства в сельском хозяйстве ставят последних в более зависимое положение, чем в индустрии. Главное условие такой зависимости, на которое указывает, между прочим, Каутский, заключается в том, что сельский рабочий тесно связан с домохозяйством земледельческого предприятия. Земледельческий рабочий не может иметь *своего* стола, *своей* квартиры, вообще своего домохозяйства во время сельских работ. Имея же свое хозяйство, он так крепко привязан к нему,— ведь домохозяйство нельзя перенести в другое место,— что для него оказывается крайне ограниченным район, в котором он мог бы наняться; а при этом условии создаются те формы зимней наемки, о которых мы говорили выше.

В современной индустрии, наоборот, домашнее хозяйство и производство разделены. Здесь рабочий,— говорит Каутский,— получил возможность иметь собственное домашнее хозяйство, не становясь самостоятельным работником, и мы знаем, что он широко пользуется такой возможностью, хотя и тут остается еще широкое поле для всяких злоупотреблений. Но в отношении между работодателем и рабочим в индустрии вмешивается законодательство, имеющее целью устранить по крайней мере такие злоупотребления, которые наносят ущерб общественному здравию или государственным интересам. В земледелии и такого рода защита рабочих существует только в немногих странах.

5.

Земледельческое перенаселение, вызванное отсутствием обрабатывающей промышленности, и падение производительных сил неизбежно несут самые тяжелые последствия для массы земледельческого населения. Эти последствия еще более обостряются беспомощностью и некультурностью, которые получили в наследство от истории эти слои населения. Тем не менее, развитие сельского хозяйства, несомненно, дает выход из тупого угла, в котором находится современное сельское хозяйство, если «непроизводительное» потребление относительно сократится.

Экономическое развитие, развитие производительных сил, ведет к дальнейшему разделению труда, к большей и большей специализации отдельных отраслей народного хозяйства, так как такого рода специализация уменьшает издержки производства и, таким образом, в период разложения старых типов хозяйства, является наиболее выгодной. Рассеяние земледелия заставляет хозяйства различных районов доставлять на рынок продукты, производство которых наиболее выгодно для каждого района. Происходит такой же процесс разделения национального труда, какой наблюдается при разложении

ремесла, когда крупная отрасль ремесленного производства распадается на особые, более специальные ремесла, когда это ведет к такой специализации, что ремесло попадает в зависимость от обширного рынка, и когда специализация приводит к возможности и необходимости введения машин.

Пока мелкий собственник-земледелец производит продукты для собственного потребления и *может* ограничиваться такого рода производством, до тех пор он недоступен никаким внешним влияниям, которые могли бы заставить его изменить организацию хозяйства, создать новый хозяйственный тип. Мелкий собственник довольствуется все менее и менее производительным трудом.

Развитие производительных сил создает новые типы предприятий, более приспособленных к современным хозяйственным отношениям. Создание этого типа, разумеется, легче на новых землях, где организуются *новые* предприятия, чем на старых, переполненных хозяйствами старого типа. Реорганизация производства на густо населенных землях требует разрушения старого типа продовольственных хозяйств и некоторого перемещения населения из земледелия в индустрию. А мелкое хозяйство, производящее значительную долю продуктов для собственного потребления, благодаря этому обладает наибольшей степенью и возможностью сопротивления требованиям рынка. Имея такое средство сопротивления реорганизации хозяйственного типа, как возможность значительную долю потребностей удовлетворить продуктами собственного производства, мелкое крестьянское хозяйство служит самой благоприятной почвой для сохранения самых отсталых форм хозяйственных отношений. Исторические традиции и пережитки здесь должны иметь наиболее благоприятную почву для своего процветания, потому что мелкое и крупное хозяйства заинтересованы в сохранении старых хозяйственных форм. Новые формы должны прежде всего разредить *земледельческое* население, а это разрежение, при медленном развитии индустрии, выражается в голодовке. Но мелкое хозяйство предохраняет от *абсолютной* голодовки и дает возможность хотя и несытого существования при пополнении хозяйственного бюджета незначительными заработками. При этом оказывается, что часто мало производительный, но крайне дешевый труд является выгоднее и для крупного хозяйства, которое стремится поддержать и даже создать мелкое. Потому что мелкий собственник часть предметов своего существования получает натурой с своего или с арендуемого участка. Хотя его труд мало производителен, но зато, будучи привязан к своему маленькому хозяйству, он может довольствоваться ничтожной прибавкой к доходу от своего хозяйства, чтобы существовать и закабалиться навсегда. С другой стороны, такая комбинация в известном смысле выгодна и мелкому собственнику, так как мало производительный дешевый труд требует большее количество рук на единицу площади владельческой земли и поэтому, как это ни кажется странным, дает большему количеству населения возможность полуголодного существования земледелием. Получается присущее современным хозяйственным отношениям противоречие: малая производительность труда увеличивает емкость территории.

Товарное производство хлеба создало относительную перенаселенность, уменьшило емкость территории, а существование мелкого хозяйства, на-ряду с крупным землевладением, создало такие экономические условия, при которых заработная плата стремится опуститься ниже уровня, необходимого для поддержания существования.

Увеличение интенсивности культуры, которая могла бы увеличить емкость территории, для более слабых хозяйств невозможно, да и не может настолько увеличить ее, чтобы устранить капиталистическое перенаселение. Насильственное удержание рабочих сил какими бы то ни было мерами около мелкого хозяйства, не пополняющего целиком доходы крестьянского бюджета и заставляющего хозяина искать заработок на стороне, обостряет лишь охарактеризованные нами хозяйственные отношения.

Существование и сохранение в с е х крестьянских мелких хозяйств при товарном производстве и невозможно и не устранит отрицательных сторон современных хозяйственных отношений. Но следут ли из этого, что нужно содействовать обезземелению крестьян? Разумеется, не следует. Уж не говоря о том, что вся совокупность общественно-экономических и социальных отношений, помимо желания кого бы то ни было в отдельности, даже слишком быстро выталкивает мелких собственников из их хозяйства на рабочий рынок,— это быстрое выталкивание и является фактором, создающим резервную армию рабочих, понижающую заработную плату не только в сельском хозяйстве, но и в обрабатывающей промышленности. А задерживать крестьянина в деревне — значит, не устраняя явлений, созданных современными хозяйственными отношениями, создавать резервную армию рабочих на месте. Эта армия, ухудшая положение других мелких собственников и понижая заработную плату, благодаря своему социальному положению, не может улучшить своего положения и создать своего Арча.

В настоящее время, по крайней мере, у половины деревенского населения значительная часть бюджета пополняется продажей труда в той или иной форме. Поэтому, как продавцы своей рабочей силы, эти крестьяне н е п о с р е д с т в е н н о нисколько не заинтересованы в техническом прогрессе мелких хозяйств. Для них, как для продавцов своей рабочей силы, это не представляет непосредственной выгоды, а как для хозяев — недоступно, потому что отсутствие капитала и побуждает их продавать свою рабочую силу. При улучшении же положения наемных рабочих, при увеличении заработной платы, регулировании рабочего дня и т. п., мелкий собственник непосредственно выигрывает и как продавец своей рабочей силы, и как арендатор. Таким образом, и н т е р е с ы м а с с ы м е л к и х с о б с т в е н н и к о в с о в п а д а ю т с и н т е р е с а м и п р о л е т а р и е в, п о с к о л ь к у п е р в ы е я в л я ю т с я п р о д а в ц а м и с в о е й р а б о ч е й с и л ы; у л у ч ш е н и е п о л о ж е н и я б о л ь ш е й ч а с т и м е л к и х с о б с т в е н н и к о в п р и с о в р е м е н н ы х к а п и т а л и с т и ч е с к и х о т н о ш е н и я х в о з м о ж н о л и ш ь п р и у л у ч ш е н и и п о л о ж е н и я с е л ь с к о х о з я й с т в е н н ы х и п р о м ы ш л е н н ы х н а е м н ы х р а б о ч и х.

Для части крестьян имеет непосредственное значение развитие производительных сил в земледелии, как средство поднять и расширить свое хозяйство.

Но для другой, беднейшей части крестьян и для сельскохозяйственных рабочих развитие производительных сил в земледелии и в индустрии имеет уже несколько другое значение: непосредственно от этого они не выигрывают, но улучшение их положения возможно при развитии производительных сил.

По отношению к характеру потребления «национального дохода» (производительному или непроизводительному) интересы всего крестьянского населения одинаковы: «производительное» потребление в интересах и самостоятельного крестьянства и несамостоятельных крестьян. Если у первых выиграет от этого хозяйство, то последние выиграют в личном потреблении — это видно было из анализа условий потребления национального дохода.

ГЛАВА XVI.

Сельскохозяйственные рабочие в земледельческом хозяйстве.

1. Размеры движения сельскохозяйственных рабочих.— Направление движения.— Условия передвижения.— 2. Условия найма.— Условия труда в экономиях.— Машины и травматические повреждения рабочих.

1.

Образование избыточного земледельческого населения в центральном черноземном районе побуждает это население искать заработка на стороне. Создается в огромных размерах передвижение населения на земледельческие заработки из центра на окраины. Несмотря на то, что малопроизводительный труд земледельческого населения в центральном земледельческом районе поглощает в два, в три раза больше рабочих рук, чем это необходимо при современном состоянии сельскохозяйственной техники, тем не менее, остается еще огромный избыток их. По расчетам С. Короленко, если считать на каждого рабочего по $2^1/_2$ дес. посева, то лишних работников в 21 губ. окажется около 5 миллионов человек, из которых около $2^1/_2$ миллионов могут найти себе занятие только в качестве отхожих сельскохозяйственных рабочих. Кн. Н. Шаховской [1]) приводит данные о выданных паспортах в 1891 году, по которым число выданных паспортов в центральном районе превышает 2.000.000; из них более половины нужно отнести к сельскохозяйственным рабочим. В 1901 году уже считалось около 2.800.000 рабочих; но все эти цифры гадательны. Во всяком случае, только в три южные губернии и две области (Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губ., область Войска Донского и Кубанская область) и в две восточные губернии с областью (Самарская, Оренбургская губ. и Уральская область) уходит на сельскохозяйственные работы около миллиона рабочих. В некоторые губернии рабочие приходят в огромном количестве. Так, в Кубанскую область приход определяется более чем в 300 тысяч человек; в Самарскую губернию около 250 тыс. рабочих; в Херсонскую более 125 тыс. и т. д.

[1]) «Сельскохозяйственные отхожие промыслы», 1896 г., стр. 23—24.

Но, кроме отхода из одного района в другой, рабочие уходят на сельскохозяйственные работы из одного уезда в другой, в пределах одной губернии. Так, в Саратовской губ. из северных уездов рабочие приходят на заработки в южные уезды. Наконец, на место уходящих из одного района или губернии приходят другие рабочие из других губерний и районов и т. д.

Мы уже достаточно останавливались на причинах, побуждающих крестьян отправляться на заработки.

Любопытно объяснение ими самими причин, побуждающих их отправиться на сельскохозяйственные заработки.

Из опроса рабочих на санитарно-продовольственных пунктах Самарской губернии в 1899 году о причинах, побудивших искать заработка, получены следующие ответы:

Причины, побуждающие итти на заработки:

	Недостаток заработка на месте	Беззмелье	Малоземелье	Избыток в семье рабочих рук	Обременение недоимками и долгами	Плохой урожай
Самарская	3.068	235	1.289	181	3.247	**3.511**
Пензенская	661	231	**6.541**	192	2.432	2.678
Саратовская	3.211	882	2.411	289	633	**3.378**
Симбирская	659	242	1.232	43	556	606
Нижегородская	261	33	405	4	162	175

В этой таблице характерно чрезвычайно незначительное число рабочих, уходящих вследствие «избытка в семье рабочих рук»; между тем на эту причину отхода часто указывают, как на доказательство того, что отхожие рабочие отпускаются зажиточными семьями. По мнению самих рабочих, «избытка» рабочих сил в семье не оказывается...

Характерно также и то, что из реже населенных губерний (и уездов) рабочие уходят главным образом вследствие неурожая. Положение беднейших крестьян оказывается плохо во всех случаях: земля есть — хлеб не родится, хлеб родится — земли мало. Наконец, одно из первых мест в числе причин отхода занимает обременение населения недоимками и долгами.

Таким образом, из ответов сельских рабочих ясно видна связь состояния их хозяйства с положением, как рабочих.

Вытолкнутые, вследствие тех или других причин, из своего хозяйства, рабочие отправляются в поиски за работой регулярно из года в год.

Направление движения сельскохозяйственных рабочих более или менее правильно располагается по радиусам из земледельческого центра на окраины. В Новороссию отправляются, главным образом, из Полтавской, Киевской, Черниговской, Орловской, Харьковской и Курской губ. В Бессарабию — из Подольской и Волынской. В Донскую область и на Кубань — из восточных из перечисленных губерний: из Воронежской, Тамбовской и из приволжских губерний западного берега.

За Волгу, в Самарскую губернию и в Уральскую область приходят из Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Нижегородской и Казанской губ.

Чтобы отправиться в такой далекий путь на заработки, нужны прежде всего деньги.

«Что касается до средств на дорогу, то обходятся без них две категории рабочих: с одной стороны, те, которые находятся в самых благоприятных условиях выхода, а с другой — те, коих хозяйственное положение самое плачевное. Первые совершают свой путь на счет присланных им заблаговременно нанявшими их хозяевами задатков, а последние, как нищие, с протянутой рукой, Христовым именем, пробираются до места найма.

Для остальных сельских отхожих рабочих размер средств, которые они берут на дорогу, зависит — не говоря уже о степени состоятельности данных лиц и возможности добыть деньги — от самого способа передвижения их, а также от расстояния конечного пункта намеченного ими пути от места выхода. Вообще денежные запасы рабочих на дорогу колеблются от 20 — 30 коп. до 20 и более рублей. Путем произведенного в 1891 г. опроса 910 рабочих, шедших из Харькова в Таганрог, получились следующие данные о размерах сумм денег, взятых каждым из рабочих. С 5 руб. и меньше двинулось в путь 260 человек; выше 5 и до 7 руб. имели 230 человек; выше 7 до 10 имели 300 человек; до 15 руб.— 90 человек; до 20 руб.— 20 человек; выше 20 руб.— 10 человек».

Добывают себе крестьяне деньги на дорогу следующими способами:

«1) Продажа своего имущества: продают телушку или пару овец, последний хлеб и даже почти последние пожитки. 2) Залог своей надельной земли. 3) Залог вещей. Крестьяне собирают шубы, зипуны, холсты и отправляются к ростовщику из богатых односельчан, имеющих много посева, которому закладывают за необходимую для них сумму это имущество. Ростовщик берет рост, смотря по тому доверию, какое он может иметь к закладывающему; например, давая шесть рублей, он обусловливает, что, при возвращении, выкупающий свое имущество должен будет уплатить уже не 6, а 8 и 9 рублей. Другие благодетели процентов не берут, но обязывают семейство должника в назначенное время в указанном месте скосить и связать соответствующую сумме долга площадь озимого или ярового посева. Если рабочий возвратится домой с пустыми руками, то для уплаты долга вынужден бывает продать корову или несколько последних овец, иначе семейству придется на зиму остаться без теплой одежды. 4) Последним способом добывания денег является заем у священников, помещиков и местных кулаков. С помещиком договариваются на уборку и посев озимого или на уборку одного ярового — за цену от десятины 2 — 5 руб., за уборку и посев со взметом и двойной—5 руб.,— взметать с Николина дня» [1]).

---

[1]) Ibid., стр. 53 — 55.

По данным самарского санитарного бюро в 1889 году имели:

Запас провизии	8.261	человек
Пользовались горячей пищей	216	„
Имели деньги	2.185	„
Деньги и запас провизии	8 449	„
Запас провизии и горячую пищу	1.332	„
Питались подаянием	589	„

Таким образом, часть рабочих не только не имела на дорогу денег, но и запаса пищи и кормилась подаянием.

Разумеется, не имея средств для пропитания в пути, значительная часть сельскохозяйственных рабочих не имеет средств и уплатить за проезд по железной дороге или на пароходе. «Из всей массы рабочих,— говорит врач Н. Тезяков,— 70% прибывают в Херсонскую губернию пешком; из них только 25,3% для перевозки вещей нанимают подводы. Железными дорогами ехало всего 7,6%, пароходами 4,8% и на дубах 9,2%. Несмотря на то, что массовое движение рабочих из Полтавской, Черниговской, Киевской и др. губ. в Херсонскую совершается вдоль линии железных дорог и судоходных рек, передвижение пешком огромно, что, конечно, говорит прежде всего о страшной бедности тех десятков тысяч рабочих мужчин и женщин, которые стремятся для найма на рабочие рынки в Херсонскую губернию. Огромная масса этого рабочего люда, несущего свои мускульные силы на рынки спроса на них, отмеривает сотни верст вдоль полотна железных дорог, доступных только немногим счастливцам из них, и берегов судоходных рек, чтобы попасть вовремя на рынки» [1]).

Из рабочих, зарегистрированных в 1898 и 1899 годах в Самарской губернии:

	В 1899 году		В 1898 году в %
Пришли пешком	8.145	человек	34,7
На подводах	7.193	„	33,9
По жел. дорогам	428	„	33,9
На пароходе	3.489	„	6
На парох. и подвод.	925	„	—
Пешком и на пароходе	1.691	„	16

Рабочие, отправляющиеся на юг в Херсонскую губ., в среднем затрачивают около 10 дней.

«Главнейший способ передвижения рабочих, коим следует огромное большинство, это — переход пешком до места назначения. Это служит прежде всего подтверждением бедности идущего люда, ибо пешее движение совершается в тех местностях, где проложены железные пути, параллельно полотну железной дороги.

Пешеходы отправляются в путь или в одиночку, или партиями от 2 — 30 человек и более. Самые бедные, не имеющие средств нанять

---

[1]) «Сельскохозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора в Херсонской губернии».

подводу, идут (напр., из Курской, Тамбовской и Полтавской губерний), в большинстве случаев, группами в несколько (3—4, 10—15) чел., питаясь размоченными в воде сухарями, а то Христовым именем. Все такие рабочие должны тащить все свои вещи и припасы на своих плечах. Совершая утомительный и зачастую длинный путь, питаясь до-нельзя скудно, они еще терпят дорогой от властей: их отовсюду гонят — с площадей, с улиц, гонят деревенские власти, гонит полиция.

Несколько лучше положение рабочих, сравнительно более обеспеченных средствами, которые собираются в партии или артели по 10—15, 25—30 человек, нанимают сообща подводу или покупают собственную, на которую складывают провизию, белье, косы. Идущие при подводе обязательно совершают весь путь пешком, так как владелец воза и лошади, и без того везущей пудов 20 — 30 клади, безусловно, не позволяет никому садиться, разве разрешит это на короткое время какой-нибудь девушке, которая до того «подобьется», что итти ей положительно невмоготу. Что представляют собой ноги этих пешеходов, когда они добираются до ярмарки — можно себе представить легко. Когда сухо и пыльно, босиком итти еще ничего,— говорят рабочие; но если грязь захватит, а бывает это нередко, то совсем беда, особенно девушкам: от обуви ноги пухнут, покрываясь ссадинами, мозолями. Каждый шаг доставляет невыразимые мучения, а итти надо,— не оставаться же на дороге одной. Партия не ждет: она спешит поспеть к ярмарке во-время, чтобы не пропустить наемку, и в силу обстоятельств не может заботиться об уставших или заболевших членах артели. И вот девушка сбрасывает обувь и шагает босиком по холодной весенней грязи, подергивающейся еще по утрам ледяной корой. Отсюда та масса больных ревматизмами женщин, которых приходится встречать в малорусских деревнях» [1]).

Из рабочих, прибывших в Березовку (Херсонской губ.), находилось в пути:

427 чел.	14.490 дней	или в среднем по	34 дня на каждого.
441 „	7.027 „	„ „ „ „	16 „ „
3.570 „	29.850 „	„ „ „ „	8 „ „

Если принять во внимание, что в Херсонскую губ. для найма приходит не менее 125 тыс. чел., которыми, следовательно, тратится на переход около 12.500.000 дней, то, в переводе на деньги, при минимальной стоимости рабочего дня в 25 к., это выразится суммою в слишком 4 милл. рублей. В действительности эти непроизводительные траты нужно удвоить или утроить (Тезяков, стр. 36, 37).

Из рабочих, приходивших в Самарскую губ., употребили на дорогу:

От 1 до 2 дней	824 чел.
„ 3 „ 4 „	186 „
„ 4 „ 7 „	301 „
„ 8 „ 14 „	676 „
„ 15 „ 30 „	194 „
более 1 месяца	46 „
„ 3 месяцев (!)	11 „

[1]) Н. Шаховской. «С.-х. отх. пром.», стр. 59 — 60.

Последняя категория, повидимому, уходит на заработки с весны и, «побираясь в долгом, длинном пути заработком и подаянием, лишь ко времени летних полевых работ попадает на пункты найма» [1]).

По возрасту, приходящие зарегистрированные рабочие в Самарской губернии составляли следующие группы [2]).

	В 1898 году		В 1899 году
Взрослые (свыше 15 лет)	26.122 (90,8%)	челов.	24.262 чел.
Дети-подростки (7—15 лет)	1.410 (4,8%)	„	1.131 „
Дети (до 7 лет)	1.210 (4,2%)	„	725 „

В отчете по Херсону за 1896 год читаем: «Из с. Лесок Черкасского уезда прибыло 15 артелей в 185 человек; обращает на себя внимание то обстоятельство, что очень многие подводы были нагружены (sic!) мальчиками лет 10—15 и девочками тех же лет. Оказывается, что многие семьи высылают из дому всех своих членов, которые могут уже зарабатывать. При этом поручается подводчику и сдать в наем малолетних на ярмарке. Если же подводчику не удалось бы устроить их где-нибудь, ему предоставляется право распоряжаться с ними по своему усмотрению» [3]).

2.

Явившись на рынок, рабочие представляют собою уже «товар» и, в качестве такового, ждут покупателей своей рабочей силы. Разница от обыкновенного товара заключается в том, что последний в местах склада предохраняется от порчи всевозможными мерами, а сельскохозяйственные рабочие не имеют возможности сделать этого по отношению к себе. В отчете за 1898 год положение рабочих в Николаеве описывается таким образом: «В дождь вся площадь покрывается грязью, и в ней лежат, промокнув до костей, рабочие, сбившись нередко в значительные кучи во избежание теплопотери... После дождей расходы на лекарства против инфлуэнции, лихорадки, ревматизма и проч. обыкновенно резко повышались» [4]). В таком же состоянии находятся другие рынки найма в Херсонской и Самарской губ.

Голодая дорогой, голодая на месте найма, рабочие, конечно, стремятся наняться по возможности скорее, но в то же время боятся продешевить при найме. Нанимаются рабочие обыкновенно артелями. Часто при найме являются особого рода посредники, которые законтрактовывают рабочих от себя и потом с барышом передают их сельским хозяевам.

Новоузенский корреспондент «Сар. Лист.» обращает внимание на появление новых элементов в сельском хозяйстве: подрядчиков на сельские работы.

---

[1]) «Сел.-хоз. раб., хутора и эконом. Самарск. губ. в санит. отн.». 1899 г., стр. 36.

[2]) Ibid., стр. 40. Данные для 1899 г. взяты нами из сводных таблиц, любезно предоставленных нам заведующим санит. бюро М. М. Граном.

[3]) В. В. Хижняков. «Пришлые с.-х. рабочие в Херсонск. губ.», 1899 г. стр. 44.

[4]) Ibid., стр. 37.

«Они предлагают за крайне умеренную плату подготовить под посев какое угодно поле (большое или маленькое), выкосить травы, произвести жатву и молотьбу. Мало того, некоторые из них обязываются письменно выделять к известному времени столько-то и такого-то в чистом виде зерна с каждой десятины, принимая, в случае гибели хлеба от перемен погоды, убытки на себя. Интересно познакомиться с подрядчиком, как с личностью, совершенно новой в сельском хозяйстве. Прежде всего, он — из крестьян довольно зажиточных и сам непременно хозяйчик. Видя невозможность продолжать дело завещанным прадедом и дедом способом, он изыскивает средства заменить его новым, машинным. Постепенно в голове его слагается такой план: имея машины и постоянных рабочих, можно вместе со своими полями обрабатывать и чужие; это немного сократит срок возврата затраченного капитала. Дело старательно «обмозговывается» и начинает приводиться в исполнение. Предприятие организуется не спеша, со всеми предосторожностями: покупаются по самым сходным ценам лучшие орудия и машины, рабочий скот, отыскиваются еще зимою по самой дешевой цене самые ловкие рабочие и закрепляются посредством письменного договора и задатков на все время сельскохозяйственных работ. Весною предприниматель берет подряды — и дело пошло. Количество заказов быстро увеличивается, увеличивается и самое предприятие, а вместе с тем подрядные цены уменьшаются. Конкуренция с крупными хлебопашцами для хозяйчиков становится возможной».

Далеко не все рабочие находят заработок в экономиях и у крестьян. Многие рабочие уходят с рынков найма ни с чем, истративши и то, что имели. По показаниям волостных правлений, в Саратовской губ., из 189 волостей, из которых рабочие уходят на заработки, в 118 волостях показаны случаи возвращения рабочих до срока по недостатку работы.

Но и найдя работу, сельскохозяйственные рабочие попадают не в блестящие условия. Заведывавший продовольственным пунктом в Голте в своем отчете сообщает, что «на пункт являлось более 10 партий, ушедших с работы, но не получивших ни платы, ни паспортов; некоторые из них не получали даже своих котомок. Все они выставляли причиной ухода дурную пищу и систематические прижимки и даже побои, направленные к тому, чтобы рабочих заставить уйти, а следовательно, потерять право на заработную плату. Одного из побитых, седого старика, заведующий осматривал лично... Не говоря о том, что подобные отношения разоряют и озлобляют рабочих, «обычай» задерживать паспорта порождает сотни так называемых «беспаспортных», рискующих попасть за это в острог и на все лето потерять возможность наняться на срок»[1]).

То же говорит В. В. Хижняков[2]) «о многочисленных злоупотреблениях, применяемых некоторыми экономиями, колонистами и крестьянами-нанимателями: худая пища, штрафы, непосильная работа и

---

[1]) Тезяков, стр. 66.

[2]) «Пришлые с.-х. рабочие в Херсонской губ.», стр. 45.

даже побои постоянно отмечаются заведующими пунктами, как причина очень частых возвращений целых партий вновь на пункт, без заработанных денег, без паспортов, в жалком виде, иногда с ясными знаками побоев. Как часто это бывает, можно судить по тому, что за июнь только месяц заведующий одним вознесенским пунктом (1898 г.) наблюдал 29 случаев ухода с работ; всех рабочих насчитывалось за это время 230 челов., а потеряли они в сложности 2.030 дней; только в двух случаях рабочие получили часть заработных денег, в остальных же не получили ничего. Объяснять все эти факты одной недобросовестностью рабочих невозможно. В особенности это невозможно для лиц, непосредственно наблюдавших эти явления: заведующим сплошь и рядом приходится слышать имена одних и тех же нанимателей и выслушивать от работавших у них вполне совпадающие рассказы. Есть землевладельцы, как бы промышляющие даровым трудом, с прочно установившейся среди рабочих репутацией; но всегда находятся рабочие, которым бывают неизвестны имена таких господ».

Поступивши на работу, сельскохозяйственный рабочий попадает в такое положение, что, по отзывам сельских хозяев, он предпочитает тюрьму «свободной» жизни. Такое мнение высказывалось многими членами губернских совещаний 1896 года.

«На Орловском съезде сельских хозяев, в докладе г. Бара, проводится параллель между отношением к рабочему в хозяйствах Западного края и внутренних губерний к невыгоде последних. Он указывал на много отрицательных сторон: «Скверные помещения, невозможные санитарные условия, качество харчей, которые нередко бывают такие, что трудно определить, какому виду домашних животных они более пригодны». Докладчик, между прочим, считает, что «арест для рабочих не страшен; в арестном доме и тюрьме харчи бесплатны и несравненно лучше, чем у хозяина». Такое же мнение высказывал земский начальник Ставропольского у.; он находит, что рабочему отбыть возложенное на него наказание никакого лишения не представляет, и рабочий считает для себя арест приятным и здоровым даже; по поводу ареста существует даже в народе поговорка: «Кому острог, а мне горница». Эти настойчивые указания, что в тюрьме сельскому рабочему лучше, чем у работодателей, очень знаменательны» [1]).

Помещения для временных рабочих в большинстве экономий отсутствуют, а там, где они есть, — то едва ли не хуже, чем помещения для скота. В пропитанной «всевозможными миазмами атмосфере, на грязных нарах, на грязной соломенной подстилке, прикрываясь также грязным, а иногда и сырым кожухом, вплотную располагаются на ночлеге рабочие, измученные дневной работой, нередко мужчины и женщины рядом». (Тезяков, стр. 90). Во многих экономиях совсем нет помещений для временных рабочих.

Таковы условия жизни в экономиях. Условия труда еще хуже. Труд сельскохозяйственных рабочих, особенно при машинах, чрезвычайно напряженный, а продолжительность рабочего дня достигает

[1]) Доклад В. В. Хижнякова. «Положение рабочих в сельск. хоз. в санитарн. отнош.», стр. 19, 37—39.

чудовищных размеров. Часто в экономиях работают (молотят) и ночью с факелами и электрическими фонарями. Рабочий день достигает 16—17 часов в сутки вместе с обедом.

«Нередко приходится слышать о случаях насилия и побоев, применяемых с целью понуждения к работе. На лечебно-продовольственные пункты много раз являлись избитые рабочие. Чаще всего от рабочих слышатся жалобы на побои, полученные от хозяев-немцев, но далеко нередко бывают указания на подобные же расправы в экономиях, где в этом отношении более всего отличаются разные мелкие служащие» [1].

«Вообще, мнение древних, говоривших, что труд земледельца — «самое приятное и полезное занятие», в настоящее время, когда капиталистический дух царит в области сельского хозяйства, мало вероятно. С введением в сельскохозяйственную деятельность машинной обработки, санитарные условия земледельческого труда не улучшились, но изменились к худшему. Машинная обработка внесла в область сельского хозяйства, до того мало знакомую здесь, специализацию труда, что сказалось развитием в среде сельского населения профессиональных болезней и массою серьезных травматических повреждений» (Тезяков, стр. 94).

«Летом, во время разгара полевых работ, наблюдались, по выражению д-ра Войцеховского, эпидемии машинного травматизма. Жертвы его переполняли земские больницы и приемные покои. Июль и и особенно август — время наибольшего напряжения работ в сельском хозяйстве, являются временем и наибольшего скопления раненых. Земские покои в это время напоминают, по выражению того же автора, перевязочные пункты на поле битвы» [2]).

«Причин слишком частых несчастий от сельскохозяйственных машин можно назвать немало. И главными из них будут: отсутствие закона об ответственности владельцев машин за несчастия с рабочими, вследствие чего они не принимают предупредительных мер; отсутствие специального надзора за сельскохозяйственным производством, некультурность рабочих и незнакомство их с машинами, чрезмерно длинный рабочий день, доводящий рабочих до переутомле-

---

[1]) О постановке дела продовольствия рабочих в экономиях Самарской губернии имеется довольно много сведений, благодаря уже осуществленному там постоянному санитарному надзору. Приведем один из встретившихся при осмотрах безобразных случаев. «В Николаевском у., летом 1897 г., в одной крупной экономии, где число рабочих во время уборки хлеба достигает 1.000 чел., в погребе найдено совершенно разложившееся мясо, тухло гнилого запаха, еле-еле не расползающееся в руках. Такое же мясо найдено было вареным в котле в печке». На сделанные по этому поводу замечания, исследовавший экономии получил от приказчика, между прочим, такой ответ: «Да они, ваше в—ие, ко всему привычны». Относительно другой экономии тот же исследователь сообщает, что она кормит рабочих не только горьким, но и гнилым хлебом; один раз в этой экономии был найден совсем недопеченый хлеб, в другой — 18 караваев совершенно гнилых: «Когда начнешь резать, из-под ножа летит целое облако зеленой пыли» и т. д. и т. д. Такие факты постоянно повторяются, и можно привести их сколько угодно из отчетов врачей.

[2]) «О травматических повреждениях рабочих при работах на сельскохозяйственных машинах». Доклад земского врача Ончукова.

ния, работа при машинах малолетних. В качестве рабочих нередко можно встретить 9—10-летних детей[1]).

Херсонский земский врач Ончуков приводит следующие данные о травматических повреждениях по возрасту пострадавших:

Детей до 15 лет	169—36,8%
Взрослых 16—60 лет	282—61,5%
Стариков свыше 60 лет	8— 1,7%
Возраст не показан	2—

Дети в группе крестьян-собственников составляют 46,5 %, среди же наемных рабочих —18,2 %. Интересно распределение по возрастным группам детей в той и другой группе пострадавших, т.-е. крестьян-собственников и наемных рабочих:

В первой.		Во второй	
Детей до 5 лет	29	Детей до 5 лет	2
от 6 „ 10 „	41	от 6 „ 10 „	4
„ 11 „ 15 „	35	„ 11 „ 15 „	23

Таким образом, в крестьянских хозяйствах maximum повреждений падает на группу раннего детского возраста до 10 лет (там же, стр. 7).

Сельский машинный травматизм несравненно тяжелее машинного травматизма в обрабатывающей промышленности.

Врач Онуков приводит следующие данные о пострадавших от машин в индустрии и в земледелии (стр. 9).

	В земледелии	В индустрии
Смертных исходов	3,7%	2,5%
Полной потери трудоспособности	5,5%	1,5%
Частичной „ „	2,2%	8%
Временной „ „	68%	87%

Появление сельскохозяйственной машины внесло новые формы организации труда в сельском хозяйстве и поставило сельскохозяйственного рабочего в положение, сходное с положением в индустрии. Вместе с машиной капиталистические отношения заменяют старые «патриархальные» отношения, господствующие еще в центральном черноземном районе в виде различных форм продовольственной аренды, зимнего найма и проч. Эти капиталистические отношения уже нельзя игнорировать, и все чаще и чаще ставится вопрос (главным образом, врачами) об ответственности предпринимателей, о сельскохозяйственной инспекции, о санитарной организации и т. п. Дальнейшее развитие производительных сил в земледелии поставит на очередь и ряд других вопросов.

---

[1]) «Сев. Кур.» № 25, ст. В. Х—ва.

ГЛАВА XVII.

Регулирование сельскохозяйственного найма.

1. Временные правила 1893 года.—Валуевская комиссия.— 2. Всероссийский съез сельских хозяев в 1895 году.—3. Правила 12-го июня 1886 года и отзывы губернских совещаний в 1896 году.

1.

Законодательство, регулируя отношения найма, вмешиваясь в договорные отношения нанимателя и рабочего, должно ставить своей задачей не только защиту общественного здравия и государственных интересов, поскольку они нарушаются одной из сторон, но и защиту наиболее слабой стороны от злоупотреблений сильнейшей.

Такие задачи принципиально ставит фабричное законодательство, взявши на себя защиту детей, ограничивая рабочий день и т. д.

Если предположить, что законодательство о сельскохозяйственном найме исходило из того же принципа, то оно считает слабейшей стороной сельских хозяев, которых и старалось защитить от «злоупотреблений» нанимающихся.

До реформы 61-го года не было надобности, с этой точки зрения, в законодательстве о сельскохозяйственном найме, во-первых, потому, что наем рабочих практиковался только в степях южной и юго-восточной России для посева и уборки пшеницы и для сенокошения, при чем в широких размерах практиковалось пристанодержательство беглых; во-вторых, потому, что всем строем правовых отношений сельский хозяин достаточно ограждался от всяких «злоупотреблений» в виде нежелания работать на условиях, желательных для землевладельца. По словам члена Вольного экономического общества, Скарятина — докладчика комиссии В. эк. общ. для пояснения и возможного пополнения временных правил 63 г. — «патриархальная власть поддерживала дисциплину нашей деревни и предохраняла нас от беспорядка». Весьма естественно, что после реформы 61-го года сельские хозяева желали такого законодательного регулирования найма, который бы обеспечил понимаемую ими дисциплину и порядок деревни.

Временные правила о найме на сельскохозяйственные работы, изданные в 1863 году, в некоторой степени ставили своей задачей притти на помощь помещику-нанимателю, который всем строем пореформенной жизни должен был встать в совершенно другие гражданские отношения со своими бывшими крепостными. Напр., по 16 ст. правил, за самовольную отлучку от работ, за леность, пьянство и нерадение виновные рабочие-служители подвергаются денежному взысканию в пользу нанимателя, в тех размерах, которые определены в договоре. Если же в договоре не поставлено по этому предмету условий, то за каждый прогульный по вышеозначенным причинам день взыскивается с виновного работника в пользу нанимателя штраф, равный двойной поденной плате... Означенный штраф налагается по решению мирового судьи. Таким образом, временными правилами предоставлялось нанимателю взыскивать в свою пользу штраф за проступки, крайне трудно поддающиеся объективному определению, хотя бы это и не было оговорено в условии. Законные основания для нарушения договора были для той и другой стороны не одинаковы. По жалобе нанимателя грубость и дерзкие поступки нанимающегося, как по отношению к нанимателю, так и по отношению к его семейству, приказчику, управляющему, служат достаточным основанием для нарушения договора. По жалобе рабочего нарушение договора допускается, когда ему нанесены побои, тяжкие оскорбления и вообще дурное обращение и в случае нарушения условий договора по выдаче платы и снабжению рабочих и служителей достаточною и здоровою пищею. Правила не предусматривали снабжения нездоровою пищею при отсутствии каких-либо условий по этому поводу между договаривающимися сторонами.Вообще, взыскания предусматриваются временными правилами только в пользу нанимателей.

Эти временные правила были введены вскоре после отмены крепостного права, когда еще помещик не освоился с новыми гражданскими отношениями. Можно было бы ожидать, что эти гражданские отношения постепенно проникнут в жизнь и сознание договаривающихся сторон. По крайней мере, можно было бы ожидать, что напр., Вольное эк. общ. взглянет на временные правила, как на временные в смысле переходной ступени от крепостных отношений к новым отношениям. Между тем, избранная в 1864 году I отделением В. Э. О. комиссия «для выяснения и возможного пополнения рабочей книжки и правил о найме» выработала поправки к правилам 63-го года в виде значительного расширения прав нанимателей и ограничения прав нанимающихся. Вообще, после издания временных правил 63-го года, жалобы землевладельцев на недостаточную урегулированность взаимоотношений нанимателей и рабочих продолжались, хотя крепостная эпоха отодвигалась все дальше и дальше в глубь прошлого, и казалось бы, сословные отношения должны были сглаживаться, а выступать на сцену чисто гражданские отношения юридически равноправных договаривающихся сторон. Один корреспондент «Трудов В. Э. Общ.», жалуясь на распущенность рабочих при зимней наемке, между прочим, замечает: «Впрочем, об урегулировании взаимных отношений нанимателей и нанимающихся высказываются уже многие

сельские хозяева через департамент земледелия и сельской промышленности. Вопрос, следовательно, зреет, и, быть может, не далеко то время, когда на этот вопрос будет обращено серьезное внимание правительства».

Высочайше утвержденная под председательством гр. Валуева комиссия для исследования положения сельского хозяйства, в своем докладе, формулирует следующим образом жалобы землевладельцев[1]). «Главные жалобы землевладельцев касаются недостатка и дороговизны рабочих. Недостаток рабочих рук ставит сельское хозяйство в положение шаткое, неопределенное: рабочих нет, а те, которые есть — ненадежны; чувствуется также недостаток прислуги» (т. 2 положения), при чем предлагаются следующие меры для устранения недостатка в рабочих руках:

1) Ограничение семейных разделов (так сказать, ведение артельного земледельческого хозяйства, так как большая семья, хозяйствуя на крошечных участках, может больше освободить для сельского хозяина рабочих рук).

2) Окончание раньше летнего лагерного сбора и отпуск солдат на вольнонаемные работы.

3) Похвальные листы рабочим.

4) Ограничение прогульных дней.

5) Нанятые еще в зимнее время рабочие никогда не являются к сроку, поэтому требуется введение рабочего устава.

По разбирательству дел о найме предлагаются следующие меры:

1) Чтобы волостные правления и полиция, по предъявлении им условий письменных, немедленно, *без разбирательства дела* и не принимая никаких возражений, возвращали рабочих, самовольно оставивших своего хозяина; дальнейший разбор подлежал бы ведению мировых судей.

2) Чтобы рабочий подлежал разбирательству того мирового судьи, где временно он находится.

3) По предложению одного сельскохозяйственного общества, при бедности рабочего, в случае его несостоятельности, обращать взыскание на сельское общество.

4) Определение административных прав землевладельца в кругу его экономической деятельности.

5) Признание законом уголовного характера за нарушение условий найма.

6) Арест в особых домах.

7) Телесные наказания.

8) Для увеличения производительности труда — ограничение прогульных дней, возможное сокращение праздничных дней, для чего *требовать* от священников, чтобы они внушали народу праздновать только воскресные дни и важнейшие праздники; запрещение стеснять крестьян в производстве спешных работ после богослужения.

9) Образование эмеритальной кассы для рабочих посредством вычетов из получаемого ими жалованья.

---

[1]) «Труды высоч. утв. ком. исслед. сельск. хоз. в России».

2.

Помимо тех мнений, которые высказывались землевладельцами в правительственных комиссиях, назначаемых для исследования нужд сельских хозяев, нужно признать наиболее полным выразителем их всероссийский съезд сельских хозяев, бывший в Москве в 1895 г. Здесь[1]) большинство сельских хозяев высказалось за усиление репрессий по отношению к нанимающимся, хотя некоторые члены съезда довольно решительно указывали на нерациональность репрессивных мер. Из прений на съезде по этому вопросу, точно так же, как впоследствии, в 1898 году, из отзывов губернских совещаний по тому же вопросу, выясняется,—чего, впрочем, авторы отзывов не замечали,—что положение крестьян уже не так хорошо, чтобы можно было считать справедливыми жалобы на их притеснения. Например, член Д. А. Кулешов замечает, что привлечение к уголовной ответственности за неисполнение договора является совершенно справедливым возмездием, но и оно сопряжено со многими неудобствами, при малом количестве полиции и при нередком взгляде крестьян на тюрьму, как на удобную зимнюю квартиру, где тепло и сытно. Эта фраза довольно часто повторяется в устах сельских хозяев, при чем не поясняется, почему крестьяне питают такую любовь к тюремному теплу и сытости. Другой член съезда сообщил, что, принимаясь хозяйничать, он намерен был относиться к рабочим хорошо, думал даже чаем их поить, но теперь, после долголетней практики, ему жаль их и хлебом досыта кормить... На ушедшего рабочего теперь подается жалоба земскому начальнику, который разбирает дело через месяц, тогда как рабочий нужен немедленно, но что сам оратор теперь не прибегает к этой мере, а пишет записку местному старшине, который, «из боязни к нему или уважения», требует к себе неисправного рабочего, которому предлагает или садиться в холодную, или возвратиться к хозяину. Мера эта действует, и до настоящего времени все рабочие возвращались к нему.

В виду изложенных соображений, некоторые члены съезда предлагали такого рода меры: привод полицией ушедшего рабочего к хозяину; учреждение в министерстве земледелия особого стола, через который можно было бы производить наем рабочих; принять самые строгие меры против нищенства, путем постановки на обязательные работы в экономиях годных к труду нищенствующих; предоставить областным и губернским сельскохозяйственным съездам вырабатывать таксы вознаграждения хозяев за порчу, потерю, небрежное обращение с орудиями, и этими таксами снабжать рабочих; ходатайствовать перед кем следует, чтобы духовенство наше, по примеру немецких пасторов, в своих поучениях не упускало из виду напоминать народу о святости и точном исполнении договоров. Хотя большинство ограничилось такого рода предложениями, в которые, впрочем, вошли и интересы просвещения народа (таксы) и насаждение нравственности, тем не менее, некоторые члены съезда высказывались в совершенно

[1]) «Труды всерос. съезда сельских хозяев». Москва, 1896 г.

противоположном смысле. Так, один член съезда находит, что сельский хозяин, вследствие своего привилегированного положения, не исполняет своих обязательств, а именно: «за поденную работу, вместо денег, дает ярлык, уплату по которому производит не тогда, когда требует рабочий, а тогда, когда он хочет, а желание это у хозяина иногда наступает через несколько месяцев, а то и через год после произведенной работы. Второе—что хозяин, имеющий сроковых рабочих, уплачивает им жалованье не тогда, когда в нем нуждается рабочий, а тогда, когда у хозяина есть деньги, а деньги эти у хозяина бывают редко. Третье—сельский хозяин из кожи лезет, чтобы содержание рабочего стоило дешевле, и потому кормит его дурно, а требует, чтобы рабочий давал наибольшую сумму работы». Другой оратор заметил, что недоразумения у нас возникают из-за займа во время уплаты податей, когда деньги нужны и крестьянин уговаривается за ничтожную плату, лишь бы получить задаток. Но из всех членов съезда только один кн. Н. С. Волконский дал надлежащее, обстоятельное освещение тех желаний, которые были высказаны большинством. Мы позволим себе полнее процитировать мнение кн. Волконского, потому что он слишком резко противоречит общему тону речей всероссийского съезда сельских хозяев. Возражая на проекты сельских хозяев — подвергать ответственности тех хозяев, которые нанимают ушедших от других рабочих и привлекают к ответственности сельское общество, к которому принадлежит ушедший рабочий,—Волконский говорит, что договор, по которому ответственность лежит не на самом договорившемся, «вовсе не договор о найме (предполагающий свободное участие обеих сторон), а признание известной кабальной зависимости нуждающихся в работе от нанимателей. В смысле установления такой зависимости упомянутые меры могут иметь серьезное практическое значение, вследствие чего они и встречают сторонников обыкновенно в среде, так называемых, людей практики, точно так же, как они имеют за себя и богатое историческое прошлое (в XVI и XVII веках, когда существовал обычай отдавать людей в кабалу за долги, и кончая многим еще памятным крепостным правом). Не потому ли мы так часто возвращаемся к этой мере? Не сказывается ли в этом известное явление переживания прошлого? Для свободно заключенных договоров о найме такие меры не нужны и не для того они предлагаются. При найме рабочих *с оплатою по исполнении работ как в тех случаях, когда наем делается на более или менее продолжительный срок, так и при найме поденно, то обстоятельство, что плата еще не выплачена, служит обыкновенно вполне достаточной гарантией нанимателю, что работа будет выполнена*». Это простое и даже слишком элементарное соображение, доступное всякому предпринимателю, как-то удивительным образом исчезло из головы обсуждавших этот вопрос. «Желание заручиться более дешевым трудом,—говорит далее кн. Волконский,— заставляет хозяев прибегать к найму с уплатою денег вперед. Вот для таких-то наймов существующий закон (правила 63 года) является особенно мало обеспечивающим выполнение договоров, тем менее

обеспечивающим, чем беднее становится крестьянское население каждой местности. Удержать платы тут нельзя, ибо она выдана вперед. Кабала книжек является при таких условиях как будто и целесообразною, но она является тут в то же время и в своем истинном, освященном историей значении, ибо очевидно, что все эти наймы заключают в себе, в скрытом виде, выданные ссуды. Кабальная зависимость нужна не для обеспечения выполнения условий найма, а для обеспечения уплаты ссуды, выданной человеку, с которого взять нечего». В заключение кн. Волконский совершенно справедливо указывает на то, что и правительство с финансовыми интересами нисколько не заинтересовано во введении кабальных отношений.

Во всяком случае, приведенное нами мнение одного из членов съезда не служило выразителем общего настроения сельских хозяев. Напротив, вполне последовательная, с точки зрения предпринимателя, речь эта звучит резким диссонансом в общем хоре голосов всероссийского съезда.

Таковы были голоса сельских хозяев до выхода закона 12 июня 1886 г.

3.

Ход законодательных работ по урегулированию сельско-хозяйственного найма после временных правил 63-го года был следующий. В 1867 году высочайшей резолюцией министру внутренних дел повелевалось составить проект закона об отношениях хозяев, рабочих и и прислуги. В 1870 году под председательством графа Игнатьева была учреждена комиссия для рассмотрения вопросов о найме, но проект, выработанный этой комиссией, не был одобрен. Учрежденная в 1872 г. комиссия под председательством графа Валуева выработала новый проект рабочего устава с обязательными рабочими книжками, но государственный совет нашел неудовлетворительным и этот проект. Наконец, выработанные в 1886 году министром внутренних дел правила о найме получили законодательную силу.

Правила 12 июня 1886 года внесли очень существенные поправки к временным правилам 1863 года, в интересах нанимателей. Между тем как, согласно правилам 63 года, рабочий мог нарушить договор, если ему нанесены побои, тяжкие оскорбления, по правилам 86 года тяжкие и нетяжкие оскорбления и дурное обращение нанимателя уже не могут быть законной причиной ухода рабочего, хотя «грубость против нанимателя и членов его семьи», «леность», «нерадение», пьянство, буйство, дерзкие поступки, неосторожное обращение с огнем, неспособность исполнять работу и т. д.—могут быть законными причинами, чтобы отказать рабочему. Но самое существенное изменение, внесенное в правила о найме 86 года, заключается в введении договорных и расчетных книжек, дающих нанимателям, при сделках в такой форме, значительные преимущества: право, предоставленное нанимателю собственною властью штрафовать рабочего, между тем как временными правилами 63 года штрафы могли быть налагаемы по решению мирового судьи и, наконец, уголовная ответственность

нанимающихся за нарушение договоров и неисправное их исполнение. «Полиция, получив от нанимателя заявление о неявке или самовольном уходе рабочего, принимает немедленно меры к разысканию его и затем обязывает рабочего вернуться к нанимателю, при чем назначает для сего кратчайший, по местным обстоятельствам, срок и разъясняет рабочему его обязанности и последствия неисполнения предъявленного ему требования». В случае неисполнения им этого требования, рабочий подвергается уголовному преследованию.

Несмотря на то, что правила 86 года гораздо решительнее, чем временные правила 63 года, защищают интересы землевладельцев, жалобы последних и требования «упорядочить» отношения найма продолжались. В виду этого министерство внутренних дел обратилось с рядом вопросов к губернским совещаниям[1]), чтобы на месте были выяснены вопросы, относящиеся к пересмотру положения 12 июня. Самая редакция вопросов указывает на то, что имелось в виду выяснить желание землевладельцев. Так, вопрос о нарушении договоров следующий: «Наблюдается ли, как общее явление, уклонение рабочих от исполнения заключенных с ними договоров найма? Замечается ли такое уклонение, главным образом, со стороны пришлых рабочих, или же оно является обычным и в среде рабочих из местных обывателей?» и т. д. Или (вопр. седьмой): «В достаточной ли мере обеспечивается ныне ответственность сельско-хозяйственных рабочих, виновных в нарушении договоров найма, предоставлением нанимателю права или преследовать нарушителей договора уголовным порядком, или искать с них вознаграждения за убытки?» Вопрос восьмой: «Оказывается ли целесообразным сохранение установленного положением 12 июня 1886 г. порядка привода рабочего к нанимателю в случае самовольного его ухода?»

Отзывы губернских совещаний в большинстве случаев, разумеется, предполагают виновными в нарушениях договоров нанимающихся, хотя *фактические* данные, приведенные в «Сборнике заключений губернских совещаний», обнаруживают, что *процент нарушений договоров «от неизвестных причин» гораздо больший со стороны землевладельцев, чем нарушений по тем же причинам со стороны рабочих.*

Большинство отзывов губернских совещаний прямо и косвенно признает причиной нарушения договора со стороны крестьян зимнюю наемку, когда крестьяне «соглашаются на всякие условия, предлагаемые им нанимателями», напр., сжать десятину хлеба за 1 руб. 50 коп., когда, при летней наемке, эта работа стоит 4 — 6 руб. (уфимск. губ. совещ.). «Наниматели, хотя отлично сознают весь риск этого способа найма рабочих, тем не менее придерживаются его, прельщаясь более всего возможностью, при таком способе, воспользоваться бедственным положением рабочего во время зимы и подрядить его на работу за возможно низкую плату». Кроме того, «неисполнение со стороны нанимателей их обязанностей», недоброкачественность пищи

---

[1]) «Сборн. заключ. по вопр., относящимся к пересм. полож. 12 июня 1886 г.» Спб. 1898 г.

и задержки в выдаче жалованья служат также причинами нарушений договоров со стороны рабочих. Со стороны нанимателей нарушения договоров найма бывают тогда, «когда сроковая плата высока, а урожай хлебов и трав очень плох; в таких случаях наниматели, желая избавиться от дорогих рабочих, начинают кормить их дурной пищей и тем заставляют последних нарушать условия найма». Далее, неотвод для рабочих удобных, соответственно времени помещений, лишение рабочего свободы пользоваться в нерабочие, воскресные и праздничные дни правом отлучки к своей семье, в церковь и т. д.

Большинство губернских совещаний, как и большинство всероссийского съезда сельских хозяев, высказывается за усиление репрессивных мер против рабочих, хотя губернские совещания обсуждали закон 12 июня 1886 года, дающий место уголовному преследованию нарушившего договор рабочего. Напр., владимирское губернское совещание находит, что «наказание рабочего арестом не свыше 1 месяца за неявку на работу или самовольный уход с нее (ст. 51 [2]), или за получение одновременно от нескольких нанимателей задатков за работы, которые он заведомо не может исполнить (ст. 51 [3]), за грубость против нанимателя и за открытое, соединенное с дерзостью неповиновение (ст. 13 [1]) — никоим образом не может почитаться достаточным». Или (из Тамбова) «признают целесообразным установленную относительно неисправных рабочих меру наказания заменить заключением в тюрьму не свыше одного месяца или телесным наказанием не более 20 ударов для лиц, не изъятых от такового и могущих без вреда для здоровья его выдержать», так как оставлять нанимателя «равносильно неподаче и неоказанию помощи ближним в больших опасностях». Некоторые губернские совещания проектируют обязать сельские власти — местных сотских, сельских старост, волостных старшин — чинов общей полиции приводить на работы самовольно ушедших рабочих. «Всякие подобные требования первых нанимателей подлежат со стороны поименованных должностных лиц безотлагательному исполнению под опасением ответственности за бездействие власти».

В высшей степени характерным является то обстоятельство, что в отзывах губернских совещаний мнения административных лиц—губернаторов и особенно управляющих казенными палатами — являются более объективными и беспристрастными, чем отзывы предводителей дворянства, председателей управ и частных землевладельцев. Наиболее резко это разногласие выразилось в отзывах екатеринославского губернского совещания. Здесь меньшинство (губернский предводитель дворянства А. П. Струков и председатель губернской земской управы И. В. Бурхановский) находит даже неудобным вообще прибегать к вольнонаемному труду: «Необходимость прибегать к вольнонаемному труду для ведения сельского хозяйства, по мнению этих лиц, ставит хозяйство в тяжелую зависимость от сельских рабочих, а эта зависимость, несомненно, подвигает частновладельческое хозяйство к разрушению». Не высказываясь определенно, каким образом упразднить вольнонаемный труд и тем спасти частновладельческое хозяйство от

гибели, это меньшинство лишь указывает на необходимость поднятия значения хозяина перед рабочими и «облечения его известною властью». Напротив, большинство, состоящее из губернатора, управляющего казенною палатою, прокурора и членов губернского присутствия, представило вполне объективную критику положения 12 июня. По мнению этого большинства, в положении о найме слишком резко бросается в глаза несоблюдение равноправности договаривающихся сторон и предпочтительная заботливость об интересах нанимателей перед интересами нанимаемых. Напр., за все проступки рабочего по отношению к нанимателю, указанные в положении, ему грозит ответственность, нанимателю же грозит денежная ответственность только за расплату вместо денег хлебом и разными товарами. Для добросовестного исполнения хозяевами своих обязанностей по отношению к рабочим нет никакой гарантии. Губернское совещание указывает на то, что дурная или недоброкачественная пища, даваемая рабочим, и полное отсутствие для них каких-либо помещений и даже крыши, а также употребление сельскохозяйственных машин без предохранительных приспособлений — явление самое обычное; что рабочий лишен возможности обращаться в суд, так как по положению, если жалоба рабочего не будет признана уважительной, то употребленное им на ведение дела время признается прогулом, за который, кроме вычета платы, хозяин может штрафовать. «Прекращение действия договора о найме облегчено гораздо более для хозяина, нежели для рабочего, а именно: на основании п. 1 ст. 58 положения 12 июня наниматель может отказать рабочему до срока за леность, нерадение и неисправность. Отказ этот совершается без труда, и рабочий имеет право жаловаться на нанимателя уже после отказа, а следовательно, рабочий должен доказать на суде отсутствие своей лености или неисправности, т.-е. факт отрицательный. Независимо от сего, неспособность к работе, за которую, по силе п. 10 ст. 58 положения, рабочий может быть уволен,—понятие крайне неопределенное и относительное: каждого рабочего можно признать неспособным к известной работе». Указавши далее, что личность рабочего недостаточно гарантируется его правом оставить нанимателя только в случае обиды его действием, губернское совещание находит, что право нанимателя подвергать рабочего вычетам и штрафам слишком растяжимо. Вычеты за грубость, неповиновение, небрежную работу «идут в пользу хозяина, и хозяин делается судьей в собственном деле, при чем ему выгодно быть строгим». Обязанность нанимателя оказывать рабочему, в случае его болезни, содействие не поддержана в законе никаким взысканием и т. д.

Такого рода отзывы составляли, впрочем, ничтожное меньшинство и представляли почти исключительно особые мнения, главным образом, управляющих казенными палатами. Но даже и в этих отзывах совершенно не упоминается о необходимости законодательной защиты детского и женского труда, об ответственности предпринимателей за увечья рабочих, благодаря работе при машинах вечером и ночью, благодаря отсутствию надлежащего ограждения сельскохозяйственных машин и т. д., хотя многие сельские хозяева настаивают на

ответственности рабочих за увечья лошадей, за поломку машин и т. п. Между тем, в последние десятилетия, как известно, быстро распространяется введение сельскохозяйственных машин, а вследствие этого усилился спрос на женский и детский труд, сократился спрос на «полных работников» и увеличилось число травматических повреждений от недостаточного ограждения сельскохозяйственных машин. За поломку машин, по улож. о наказ., налагаемых мировыми судьями, рабочий подлежит аресту до 3-х месяцев. Некоторые губернские совещания предлагают применить наказание и за увечье лошадей. Но, ни одним совещанием не предусмотрено увечье людей и необходимость сельскохозяйственной инспекции для наблюдения за жилищами, за достаточным ограждением машин, за применением женского и детского труда и т. д.

В 1902 году уездные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности также затрагивали вопрос о сельскохозяйственных рабочих, но отнеслись к этому вопросу более корректно, не принимали никаких категорических решений и не рекомендовали репрессивных мер.

При обсуждении вопроса о регулировании сельскохозяйственного найма ясно выступают не только классовые, но и сословные претензии землевладельцев. В правилах 1863 года и в правилах 12 июня 1886 г. о сельскохозяйственном найме предполагается принадлежность нанимателей, с одной стороны, и нанимающихся — с другой, к различным сословиям, из которых одно является более привилегированным. Правилами 1863 года, как упомянуто, в некоторой степени ставилась задача притти на помощь помещику-нанимателю при переходе к новым отношениям.

Это противопоставление мужика, как нанимающегося, с одной стороны, и помещика, как нанимателя — с другой, проглядывает и при обсуждении вопроса о сельскохозяйственном найме в различных сельскохозяйственных обществах и комитетах. О том же твердят и экономисты-народники, хотя вовсе не в целях внести сословные отношения в отношения найма.

Между тем, нанимателями, на-ряду с помещиками, являются и крестьяне. Например, в Камышинском уезде, Саратовской губернии, из 12 тыс. рабочих, отпускаемых крестьянскими хозяйствами, более 3 тыс. годовых рабочих нанимаются крестьянами же. В таких губерниях, как Таврическая, Херсонская и Оренбургская, где крупные крестьянские хозяйства развиваются, наем крестьянами, колонистами и т. п. практикуется в обширных размерах. Являясь нанимателями, они пользуются всеми преимуществами по отношению к своим нанимаемым соседям, каких добиваются сельские хозяева. Экономические отношения выходят из сословных рамок, и всякая попытка «поднятия значения хозяина перед рабочими и облечения его известною властью» явится в то же время попыткой «облечения известной властью» и крестьянина-нанимателя.

Развитие производительных сил, перетасовывая сословные отношения с классовыми, совершенно исключает сословную точку зрения на отношения найма, как и при найме на фабрики и заводы.

Вопрос о сельскохозяйственной инспекции, о всероссийской санитарной организации и об ответственности предпринимателей за увечья сельскохозяйственных рабочих уже в истекшем столетии ставился врачами, даже некоторыми земствами, потому что он резко поставлен хозяйственной эволюцией страны. История показала, что эти вопросы могут решиться только тогда, когда их поставят решительно и категорически сами заинтересованные классы.

Глава XVIII.

Моим критикам.

1.

После выхода первого издания книги «Аграрный вопрос в России» появился ряд брошюр и статей, посвященных или целиком или частью ее критике. Одни статьи и брошюры касаются теоретических вопросов, другие — программных вопросов, затронутых в книге.

Некоторые из возражений заслуживают внимания, так как, нужно полагать, что они разделяются не только их авторами. Из многих возражений ясно, что некоторые вопросы требуют разъяснения, что многие ошибочные взгляды прочно утвердились и требуют опровержения и т. д. Поэтому будет не бесполезно рассмотреть критические замечания и возражения, чтобы сделать по поводу их разъяснения.

Передо мной в настоящее время находятся следующие критические статьи и брошюры:

1) Статья В. Громана в «Сарат. Земской Нед.» № 2, 1905 г.
2) Статья А. Коллонтай в «Правде» № 5, 1903 г.
3) Статья А. Пешехонова, в «Русс. Бог.», № 7, 1907 г.
4) Статья Н. Огановского, в «Трудов. Пути», № 3, 1907 г.
5) Статья М. Оленова, «Образование», Янв. 1907 г.
6) Статья Л. Клейнборта, «Образование», № 11, 1903 г.
7) Брошюра А. Рудина, «На ту же тему», 1906 г.
8) Брошюра Н. Огановского, «Земельный переворот в России».
9) Ф. Сибирский, «Очередной вопрос», 1906 г.
10) Якобий, «К аграрному вопросу», 1906 г.
11) Вадимов, «Аграрная программа р. с.-демократии», 1906 г.
12) Несколько мелких рецензий в журналах.

К сожалению, некоторые брошюры 1906 — 7 года совершенно не заслуживают внимания, так как принадлежат к числу той легковесной литературы, которая в большом количестве появилась в 1906 — 7 годах. К такого рода «литературе» приходится отнести из перечисленных брошюры гг. А. Рудина, Якобия, Сибирского, М. Оленова. Не будем останавливаться и на чрезвычайно интересных статьях А. М. Коллонтай и Л. Клейнборта, потому что авторы, разделяя изложенные в книге взгляды, посвящают статьи защите этих взглядов и критике ревизионизма и народничества.

Из статей противников изложенных в книге взглядов наиболее интересной является статья Огановского «Значение муниципализации земли с народно-хозяйственной точки зрения». В его брошюре повторяются те же возражения.

Критик прежде всего старается доказать, на основании данных о покупках крестьянами земли, что, так называемое, «капиталистическое развитие» аграрных отношений в момент освобождения и до начала революции обозначает в действительности полное торжество *трудового* земледельческого класса над нетрудовым, крупно-владельческим. «Русской революции *предстоит только оформить* эту почти закончившуюся эволюцию».

Выше, в главе о мобилизации земельной собственности, мы привели новейшие данные о характере этой мобилизации. Из этих данных видно, что землю покупали те крестьяне, которые больше ее имели. Если русской революции предстоит только «оформить» этот процесс, если это обозначает «полное торжество» «трудового» класса, то спор идет только о словах: мы называем этот класс крестьянской буржуазией, выделяющейся из общего уровня разоренного крестьянского населения.

Приведем еще некоторые данные, которые иллюстрируют характер земельной мобилизации.

К началу текущего столетия (к 1900 г.) в руки частных покупщиков крестьян от дворянства и др. классов перешло огромное количество в 19.803,4 тыс. десятин земли, при чем в 1877 г. ее было у крестьян в личной собственности только 8.574,5 тыс. дес. Следовательно, за 23 года крестьянское единоличное владение увеличилось почти на 11 мил. дес. Но если рассмотреть покупки крестьян по размерам владения, то мы увидим, что из 100 дес. земли, купленной крестьянами единолично, приходится на покупки:

Мелкие (1 — 5 дес.)	Средние (5 — 25 дес.)	Крупные (25—100дес.)	Самая крупная (100 и более дес.)
2,7	14,8	22,6	59,9
17,5		82,5	

Г. Огановскому угодно это называть «победой *трудового* крестьянства» и он, конечно, в праве называть крестьян, покупавших более 25 и более 100 дес. даже пролетариями, но нужно точнее определить, сколько нужно иметь земли, чтобы попасть из «трудовых» крестьян в разряд «буржуа»...

Далее, критик говорит: у г. Маслова мы встречаем оригинальное мнение, что... «в центральной земледельческой России крестьянство так разорено, так нуждается в земле, что приближается к уравнительному землепользованию...» Таким образом г. Маслов убежден, что уравнительность благосостояния (?! обнищания! *П. М.*) крестьянских масс произошла «только в центре России, а на окраинах продолжается дифференциация — расслоение».

Прежде чем приводить дальнейшую аргументацию автора, сделаем поправки в его изложении моих взглядов. Во всей книге проводится мысль, что расслоение крестьянства происходит при развитии его

производительных сил, что там, где оно разоряется, происходит нивелировка, что там, где оно обогащается, происходит расслоение на буржуазию и пролетариат. «С фактами в руках» следовало бы опровергать только что изложенное положение. Г. Огановский приводит следующую таблицу, чтобы опровергнуть эти выводы.

Отношение числа хозяев в 1899 — 1901 гг. к числу хозяев в 1888 г., принятому за 100, на основании данных военно-конских переписей:

	Безлошадн.	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош.	С 4 лош.	С 5 лош.	С 6 лош. и бол.
Приозерный	136	114	89	65	61	70	92
Моск. пром.	122	110	79	77	58	50	56
Белорусс.	139	138	106	75	59	43	32
Литовск.	122	121	86	63	53	55	63
Прибалт.	180	105	107	91	81	73	70
Центр. черн.	139	127	81	52	43	32	34
Ср. волжск.	143	109	64	39	38	27	52
Малоросс.	97	124	112	85	80	62	58
Юго-зап.	127	149	118	75	59	39	29
Всего по 31 губ.	125	122	96	65	77	45	41

Из этого автор делает вывод в посрамление мне, что «у крестьян уравнивается число лошадей в хозяйствах, что уравнивается и землепользование и благосостояние (!?) крестьянских масс». Вывод правильный, если только заменить слово «благосостояние» словом «разорение». Но какой же вывод еще дает эта таблица, вывод, о котором умолчал критик? Вывод может быть только один: что разорение населения, падение производительных сил (сокращение числа лошадей) ведет к нивелировке крестьян, к их экономическому равенству, к уравнительному землепользованию. Т.-е. автор привел данные, подтверждающие мой вывод! К сожалению, автор не привел данных о южных окраинах, где констатировался мною подъем экономического уровня крестьян в 90-х годах и где вследствие этого происходило и расслоение крестьян по экономическому благосостоянию.

Но если бы и там произошло сокращение количества скота, разорение населения и благодаря этому его нивелировка, то этот факт только бы доказал правильность сделанного мною вывода.

Вывод г. Огановского, что «крестьяне за последнее время равняются, превращаясь в однородную массу», правилен; следует только добавить, что это происходит благодаря разорению, обеднению крестьян, что, напротив, при подъеме экономического благосостояния расслоение крестьян усиливается. Этого добавления автор не делает, потому что им опрокидывается вся народническая теория. Ибо если не умалчивать о том, что экономическое равенство, отсутствие расслоения происходит на почве разорения, то придется признать, что для излюбленного уравнительного

землепользования необходимым условием является крестьянская нищета...

Из других статей по поводу моей книги заслуживает внимания статья г. Пешехонова «Последний (?) ученый труд ортодоксального марксизма» («Русск. Бог.», VII, 1903 г.). Его статья — одно сплошное недоразумение.

Г. Пешехонов критикует всесторонне: критике подверглась и внешность книги, при чем она сравнивается с изданием министерства финансов «Производительные силы России», хотя, по словам критика, «направление, к которому принадлежит г. Маслов, не имеет с направлением упомянутой книги «ничего общего». Критике подверглись и корректурные ошибки и даже одна цитата.

Мы не будем останавливаться на мелочах[1]) и рассмотрим возражения «по существу».

Прежде всего, г. Пешехонова приводит в смущение повторенное в книге несколько раз замечание, что вопрос о развитии производительных сил при современных экономических отношениях не программный вопрос, что на почве развития производительных сил лишь происходит борьба различных общественных групп, которые руководятся той или иной программой. Т.-е. развитие производительных сил — основной фон хозяйственной жизни, на котором создаются различные противоположные программы «планомерной общественной деятельности».

Наиболее производительным при современной организации общественного хозяйства является крупное капиталистическое хозяйство, применяющее в производстве всевозможные машины. Естественно, что вносить в какую бы то ни было программу организацию капиталистического хозяйства с л у ч ш и м и о р у д и я м и нелепо, так как применение орудий, увеличивающих производительность труда, обусловливается экономическими объективными условиями. Для того лагеря, к которому принадлежит г. Пешехонов, такая постановка вопросов совершенно непонятна. «Это фатализм!» — вопиют экономисты из лагеря «Рус. Богатства», обуреваемые жаждой экономического строительства на почве капиталистических отношений. «Это преклонение перед кумиром» — капитализмом, — повторяет г. Пешехонов, забывая, что читатель за десять лет успел уже узнать и оценить достоинство и правильность таких обвинений. «Г. Маслов своею книгою приглашает нас преклониться (!) перед двумя кумирами: перед индустрией и самым (!) обыкновенным капитализмом (разве есть еще какой-нибудь необыкновенный капитализм?)... пора бы усомниться

---

[1]) «Близость к рынку, т.-е. к району, куда требуется ввоз хлеба, определяется ценами на хлеб». На эту фразу г. Пешехонов делает возражение, заимствованное у г-жи Простаковой: «Не лучше ли спросить об этом у извозчиков»? Очевидно, критик не догадался о том, что «близость к рынку» может быть не только географической (расстояние в верстах, милях и т. д.), но и экономической. Поясню примером: Новороссийск по расстоянию находится дальше от рынка (Англии), чем центральные черноземные губернии, но в то же время ближе к рынку вследствие дешевизны провоза: разница близости к рынку того и другого пункта выразится в ценах на хлеб. Полемика по поводу таких критических замечаний не имеет смысла, и я их оставлю без ответа.

в божественных достоинствах самых фетишей» (капитализма). Конечно, «приглашение преклониться перед капитализмом», каким бы то ни было,— просто выдумка г. Пешехонова.

Менее всего можно было бы ожидать такого обвинения автору книги, которая посвящена изложению противоречий капитализма в сельском хозяйстве[1]), но если такое обвинение есть, то нужно выяснить, чем оно вызвано.

Общественные науки, как и другие, напр., естественные науки, стремятся найти причинную связь между изучаемыми явлениями. Наблюдение и опыт дают нам возможность делать выводы, что та или иная причина непременно вызывает те или иные определенные следствия. Знание наше причинной связи явлений в каждый момент нашей жизни помогает нам наиболее целесообразно воздействовать на внешнюю среду. Ребенок, ударившись о пол, будет бить по полу кулачками, чтобы наказать его за причиненную ему боль. Напрасна была бы попытка убеждать его, что, упавши на пол, «фатально» получишь шишку на лбу: ребенок еще не научился разбираться в причинной связи явлений. Г. Пешехонов, как и всякий взрослый человек, вероятно, получал в свое время шишки на лбу и теперь не будет бить кулаками по полу. Но при анализе общественных явлений причинную связь между ними не так легко найти. Такая «фатальная» связь явлений, как боль и появление на лбу шишки тогда, когда ударишься о пол, каждым узнается на собственном опыте, а связь общественных явлений открывает наука. Младенческое представление об общественных явлениях имеют те, кто мало выяснил себе их причинную связь. Когда экономисты утверждают, что при общественных условиях, благоприятных для развития капитализма, развивается из мелкого некапиталистического хозяйства — капиталистическое, то многие, в том числе и г. Пешехонов, обвиняют экономистов в фатализме и стучат кулачками...

В чем же обнаруживается тот «фатализм», который так не нравится г. Пешехонову и другим экономистам его лагеря?

Та идея, которую г. Пешехонов толкует, как преклонение перед капитализмом, и называет фатализмом, заключается в следующем: развитие производительных сил является необходимым условием для существования размножающегося населения с развивающимися потребностями. С развитием производительных сил типы хозяйства изменяются[2]), так как технические условия требуют соответственной

[1]) «Интересы предпринимателей (капиталистов) вовсе не тождественны с экономическим прогрессом, а часто ему противоречат гораздо больше, чем обыкновенно думают», стр. 17. «Если развитие земледелия неизбежно приводило к организации крупного производства, то это не может вести к защите капитализма» и т. д., стр., 16.

[2]) Г. Пешехонов, цитируя из книги эту мысль, делает передержку, и читатель может составить совершенно ложное представление о том, что говорится в книге. Там цитируется известный отрывок из предисловия К. Маркса к «Крит. Пол. Экон.» о связи «надстроек», т.-е. правовых и политических отношений, с состоянием производительных сил; противоречие между первыми и последними разрешается кризисом. «Мы же в данном случае указываем на другую, не менее важную связь состояния производительных сил с формой и с типом хозяйства», связь, ведущую к постепенной смене одних

организации хозяйства. Напр., сельскохозяйственные машины не применимы в очень мелких хозяйствах. Наиболее производительный труд возможен в крупном хозяйстве. Современные общественные условия наиболее благоприятны для организации крупного капиталистического хозяйства. Хотя мыслима и возможна организация крупных кооперативных предприятий, но для этого необходимы некоторые общественные условия, из которых главное — сознательное отношение людей к экономическим отношениям и правильное их понимание. Так как это приобретается не скоро, а производительные силы развиваются, то и организуются только крупные капиталистические хозяйства.

Если даже г. Пешехонов плохо разбирается в экономических явлениях, и вместо объективного анализа капитализма отрицает его значение потому, что он ему не нравится (нам он «нравится» не больше, чем г. Пешехонову), то где у общества сознание для организации другого типа хозяйства, которое теперь же могло бы конкурировать с крупным капиталистическим? Мелкое хозяйство не может конкурировать с крупным при развитии производительных сил, а для крупного кооперативного неблагоприятны общественные условия. Вот вывод, сделанный в книге.

Г. Пешехонову капиталистическое хозяйство не нравится. Поэтому он меня называет фаталистом, приглашающим преклоняться перед капитализмом и индустрией, и стучит кулачками. Повторяю в сотый раз то, что писалось уже и мною и другими. Организация крупного капиталистического производства является неизбежной потому, что его развитию благоприятствуют общественные условия, общественные отношения; но, добавлю я, крупное капиталистическое хозяйство развивается из мелкого при условии развития производительных сил, а при падении их развивается мелкое хозяйство на счет крупного [1]).

Итак, вопрос решается мною условно: при падении производительных сил населения, ведущем к вырождению и к вымиранию, будет побеждать мелкое продовольственное хозяйство. В обществе же, имеющем жизненные силы, имеющем данные для развития, будет побеждать крупное капиталистическое хозяйство, так как развитие производительных сил населения ведет к организации этого типа

другими типами хозяйства. Для всякого не предубежденного читателя ясно, что приведенными словами не указывается на какое-то открытие, которым «исправляется» положение К. Маркса, а указывается на то, что идет речь о других явлениях. Французская революция являлась кризисом для старых правовых отношений, а формы хозяйства изменялись постепенно. Во всей книге идет речь о смене типов хозяйства в капиталистическом обществе. Г. Пешехонов, на основании цитированного, сообщает читателю, что, «как думает он (Маслов) не в пример Марксу (!), произойдет не революционная, а постепенная смена типов и форм хозяйства». Так «излагает» г. Пешехонов книгу.

[1]) Каутский в своей книге «Аграр. вопрос» доказывал, что в земледелии происходит процесс капитализации и концентрации производства, и приводил данные, подтверждающие этот вывод. Герц в книге «Аграрные вопросы» доказывал противоположное этому и приводил данные, подтверждающие его выводы. В русской литературе те же выводы доказывали фактами действительности, с одной стороны Вл. Ильин, а с другой — П. Вихляев. Я указываю, что ни Герц,

хозяйства. Где же тут фатализм и преклонение перед капитализмом? Приведенные выводы вытекают из анализа капиталистического, а также продовольственного типа хозяйства, типа, которым восхищается г. Пешехонов и другие экономисты из лагеря «Рус. Богатства». Критик ни словом не обмолвился в защиту излюбленного им хозяйства, а преподнес читателю вздорные обвинения в фатализме, в преклонении перед капитализмом и т. д.[1]).

В книге указывается, что производительные силы населения могут падать при непроизводительном потреблении слишком большой доли национального дохода на войско и т. п. расходы. Этому вопросу посвящена целая глава. Г. Пешехонов цитирует: «На стр. 241 мы читаем: в очерке условий производительных сил мы пришли к заключению, что непроизводительное потребление продуктов земледелия является одной из главных причин, задерживающих развитие производительных сил». «Однако, — замечает критик, — если мы обратимся к очерку развития производительных сил (глава 3), то не найдем там ни слова (разбивка критика) о непроизводительном потреблении. Ничего нет о нем в следующей главе... Между тем, если бы автор своевременно» и т. д.

Критик пишет по поводу книги реферат в 30 страниц и не потрудился заглянуть во 2-ю главу, содержание которой по оглавлению следующее: «Соотношение условий производства и потребления. Влияние условий потребления продуктов на развитие производительных сил. Различные схемы условий развития производительных сил под влиянием условий потребления». Ну, а г. Пешехонов искал, искал и не нашел.

Нашел я для г. Пешехонова вопрос о влиянии условий потребления на развитие производительных сил для того, чтобы разъяснить различие программных вопросов от непрограммных, различие, в котором критик никак не может разобраться. В программу умещается вопрос о сокращении непроизводительного потребления, т.-е. вопрос об устранении неблагоприятных условий для развития производительных сил, но самое развитие производительных сил при современных хозяйственных условиях происходит в предприятиях без всякой

ни Вихляев не опровергают того вывода, который делает Каутский и другие ортодоксы, так как процесс развития крупного хозяйства связан с развитием производительных сил, а там, где все население разоряется, не происходит и капитализации. Г. Пешехонов находит, что я «возвожу напраслину на своих друзей», и заступается за своих противников. Это великодушно, но совершенно напрасно. Раньше действительно в спорах об аграрном вопросе упускалось из виду, что может происходить обратный процесс образования мелких хозяйств из крупных при падении производительных сил. Если бы не было такого упущения, то ни Герц, ни Вихляев не трудились бы напрасно и не писали бы книжек, доказывающих лишь мысль противников.

[1]) Г. Пешехонов может обвинять в фатализме не одного меня. «Капитал является той стихийной и объективной силой, которая властвует над всеми, принося одним гибель, другим жизнь, сама же не подчиняется никому. Это слепой безличный рок современного общества»... и т. д. Это напечатано в той же книге «Р. Б.», где статья строгого критика. О ужас! Ортодоксальный марксизм внес заразу и на страницы почтенного журнала!

программы, под влиянием условий рынка, в зависимости от процесса накопления и т. д.[1]).

Благодаря тем или иным неблагоприятным условиям, развитие производительных сил может остановиться, и происходит обратный процесс — падения производительных сил населения, ведущий к его вырождению и к победе мелкого продовольственного хозяйства. Развитие производительных сил ведет к организации капиталистического земледелия и к расслоению крестьянства. Эта связь между развитием производительных сил и организаций типов хозяйств иллюстрируется мною и статистическими и не статистическими данными, и между прочим, данными военно-конских переписей, разработанными Вихляевым. Вот эти данные:

В хозяйствах.	На сколько % число лошадей увел. (+), умен. (—) В 4 вост. губ.	В 23 цент. и зап.	В 4 южных.
С 1 лошадью	+ 4,2	+ 10,9	— 1,1
« 2 «	— 13,7	— 11,6	+ 24,1
« 3 «	— 21,7	— 29,7	+ 26,1
« 4 «	— 22,8	— 38,1	+ 41,5
« 5 «	— 22,0	— 45,4	+ 44,7
« 6 и более	— 24,5	— 51,5	+ 34,7
Вообще. . .	— 11,0	— 11,4	+ 26,0

Всякий статистик и не статистик из этих цифр увидит, что в I и II столбцах, где число лошадей вообще сократилось, следовательно, производительные силы населения упали, больше всего потеряли зажиточные группы крестьян. В III столбце в 4 южных губерниях, обратно — при общем увеличении лошадей более выиграли зажиточные группы. Но г. Пешехонов, которому этот вывод не нравится и который «знаком с особенными свойствами статистических материалов», делает вывод, что и в последнем столбце чем богаче группа, тем меньше она приобрела лошадей. Поверивши собственным глазам, я повторяю вслед за г. Вихляевым вывод, который следует из этих цифр, а именно, что «прирост лошадей в южных губерниях выпал на долю многолошадных групп» и... оказался уличенным в незнании «свойства» статистических материалов. Оказывается, что и в 4 южных губерниях «группы многолошадных хозяйств выигрывают не больше, а меньше малолошадных»!

---

[1])«Не до конца, однако, г. Маслов остается фаталистом, он лишь противополагает «непрограммным вопросам производства какие-то другие программные вопросы»... Так как г. Пешехонов не представляет себе разницы между различными вопросами в такой общей формулировке, то приведу конкретный пример. В Германии увеличивается расход на морские вооружения, и этот факт вызывает то или иное отношение в различных программах. В то же время в хозяйственных предприятиях электрическая тяга начинает заменять лошадиную и паровые машины, потому что она увеличивает производительность труда. Первый вопрос о непроизводительной затрате капитала — вопрос программный, вопрос об электричестве не входит ни в какую политическую программу.

Можно было бы вину в незнании свойства статистических материалов свалить на г. Вихляева, за которым я повторил вывод, но примем вину на себя.

Поразительно то совершенно своеобразное «знакомство со свойствами статистического материала», которое обнаружил здесь г. Пешехонов, ухитрившись получить желательный для него вывод из фактов, доказывающих противоположное. Мой критик воспользовался «особенными» свойствами материалов в защиту излюбленной идеи, и можно простить его увлечение; но нельзя не рекомендовать некоторой осторожности даже переполненному хорошими намерениями статистику, чтобы так не компрометировать свойств статистических материалов [1]).

Если бы г. Пешехонов ограничился тем, что показал свое искусство справляться со статистическим материалом, то беда бы еще не большая. Но он не ограничился «критикой» статистических выводов.

Из приведенной выше таблицы о количестве лошадей в 4-х южных губерниях видно, что зажиточные группы крестьян за пятилетие выиграли в числе лошадей. Но, добавляю я, выигрыш этот в действительности еще больше, чем показывают цифры, так как в этом районе наиболее зажиточными крестьянами приобретались улучшенные орудия, сокращающие лошадиную тягу и дающие возможность при том же числе лошадей увеличить запашку.

«Позвольте, однако, какие же это улучшенные орудия заменяют хозяйствам лошадь? Паровые плуги, разве?.. Или г. Маслов имеет в виду «электрические машины для доения коров»?..— иронизирует почтенный экономист из «Русск. Бог.». Я не знаю, видал ли г. Пешехонов сельскохозяйственные работы, но что он не имеет о них никакого понятия — это очевидно из сделанного замечания.

Начнем с обработки полей. Раньше поля обрабатывались на юге деревянными плугами, а старые земли — сохой. Введение железного

---

[1]) «Фокус» г. Пешехонова мало остроумен, но может ввести в заблуждение неопытного читателя, и мы изложим его «идею». Допустим, что имеются по 100 домохозяев в группах однолошадных, 2-лошадных, 3, 4, 5, 6 и более лошадных. Если все хозяева приобрели по одной лошади, т.-е. поровну, то увеличение лошадей в %% у первой группы равно 100%, так как они имели по одной лошади и приобрели еще по одной. У двухлошадных увеличение лошадей — 50%, у трехлошадных — 33%, у 4-лошадных — 25% и т. д.

Г. Пешехонов несколько осложнил вопрос еще расчетом, из какой группы и в какую переместились хозяева, но основная идея фокуса проста: более зажиточные хозяева в процентах к наличному числу лошадей всегда меньше выиграют, чем малолошадные и особенно безлошадные: последние, приобретя одну лошадь на 1000 хозяйств, получат прирост в бесконечное число раз больший, чем многолошадные, которые приобрели 1000 лошадей. Да, опытный статистик г. Пешехонов.

Так как хозяйства группируются по числу лошадей, то, приобретя лошадь, хозяйство перемещается в таблицах в высшую группу. Г. Пешехонов поучает: «Передвинулись хозяйства из группы в группу, а не лошади из одних хозяйств в другие». Какая бездна чисто статистического глубокомыслия! Как при группировке хозяйств по числу лошадей могут передвигаться в таблицах хозяйства без лошадей или лошади без хозяйств? Ярому статистику представляется, что лошади самостоятельно «передвигаются» не только по земле, но и по статистическим таблицам...

Критик довольно нескромно подчеркивает свое знание «свойств статистических материалов». Из текста видно, что скромность была бы уместнее.

однолемешного плуга сокращает лошадиную тягу. Двух-трехлемешный плуг еще более ее сокращает.

Дальше. Вспаханная земля боронится. Пять деревянных борон, направленных одна за другой, следовательно, требующих пять лошадей, не взрыхлят так почву, как одна хорошая железная борона. Дальше. Уборка хлеба. Хлеб молотился, да и теперь молотится на окраинах таким образом: или запрягают лошадей в телеги и гоняют их по снопам, или просто несколько лошадей (5—6), привязанных одна к другой, гоняют по снопам, которые и обмолачиваются ногами этих лошадей. Цепами молотят только более бедные хозяева. Иногда употреблялись каменные и деревянные «била», в которые также запрягают лошадей. Приобретение молотилки в значительной степени увеличивает производительность работы лошади. Все эти усовершенствования дают возможность расширить запашку при том же количестве лошадей. И констатирование этого факта кажется г. Пешехонову, постоянно пишущему о крестьянском хозяйстве, смешным?! Неужели трудно ознакомиться со значением улучшенных сельско-хозяйственных орудий?

В книге, которую критикует г. Пешехонов, приведены даже данные о производительности работы лошади в различных хозяйствах. Отчего бы не ознакомиться с этим хотя бы из критикуемой книги прежде, чем писать такие курьезы?

Полному использованию лошадиной тяги содействуют не только те орудия, которые увеличивают производительность работы лошади, но и машины, сокращающие затрату человеческого труда. Иронические замечания по этому поводу г. Пешехонова лишь воочию показали, что он забыл о том отделе агрономической науки, который посвящается организации труда в хозяйстве.

Вся «суть» этой организации труда заключается в следующем. Каждая часть сельскохозяйственной работы в течение годовой операции должна быть совершена своевременно. На южных и восточных окраинах Европейской России наибольшее затруднение до введения жнеек представляла уборка хлеба — жнитво. Поэтому крестьянин, имея 10 лошадей и имея возможность вспахать ими, напр., 40 десятин, вспахивал только 20 дес., потому что при ручной уборке, с помощью 2—3 временных рабочих, он не мог сжать больше. Зерно выкрошится или останется совсем на корню, если крестьянин будет при посеве сообразоваться не с собственными рабочими силами, а с силами своих лошадей. Введение жнеек ускоряет операцию уборки хлеба и в несколько раз увеличивает производительность труда. Это дает возможность *использовать* все рабочие силы лошадей без риска оставить хлеб своевременно не убранным. Поэтому с покупкой жнейки хозяева, имеющие 5—10 и больше лошадей, в некоторых районах расширяли посев, не увеличивая числа лошадей[1]).

---

[1]) «Заведя машины (жнейки), крестьяне в средней России могут вполне справляться при 3-х работниках во дворе и 3-х *парах лошадей* с... 60 десятинами в трехпольном хозяйстве при 40 дес. посева». В. Постников, «Южнорусск. хоз.», стр. 330.

Г. Пешехонов авторитетно заявляет, что жнеи, сноповязалки и молотилки вытесняют ручную работу, а не конную и не могут содействовать увеличению посева при том же числе лошадей. Все приведенные заявления критика были бы комичны и не заслуживали бы возражений, если бы критик упражнялся не в толстом журнале, а в своей тетрадке. Между тем мало знакомый с вопросом русский читатель учится по таким произведениям, и таким образом составляется общественное мнение «по аграрному вопросу».

2.

Мы рассматривали возражения на статистические выводы о значении развития сельскохозяйственной техники. Теперь рассмотрим критику теории развития сельского хозяйства, остановившись на ней несколько дольше, так как в теоретических вопросах сельского хозяйства существует путаница не у одного г. Пешехонова.

В книге настойчиво указывается на различие между техникой хозяйства и культурой земли, так как обыкновенно они смешиваются. Между тем составить ясное представление о том и другом чрезвычайно важно, чтобы разобраться в аграрном вопросе. Поэтому в книге дается точное определение и техники и культуры. Одинаковая культура земли может быть сделана с помощью различной техники, и обратно — при одинаковой технике может быть различная культура. Например, можно одинаковое число раз вспахать и железным и деревянным плугом. Культура будет одинакова, но техника различная, так как при вспашке железным плугом труд производительнее. Можно одинаково хорошо измолотить хлеб и цепом и молотилкой, но техника будет различная. Сжать и жнейкой и серпом и т. д..

Культура может быть различной при одинаковой технике. Например, одна полоса вспахивается два раза, а другая полоса таким же или тем же плугом вспахивается три раза.

В некоторых странах существует высокая культура земли и низкая техника, напр., в Китае. В других странах существует высокая техника и низкая культура, нап., в Западных Штатах Северной Америки, в некоторых колониях европейцев. Наконец, есть страны с высокой техникой и с высокой культурой земли, напр., Англия. Россия принадлежит к странам с низкой культурой и техникой. Агрономия, ставя выше всего практические задачи, плохо разбирается в различии этих двух понятий, а экономисты слишком мало занимались аграрными отношениями, чтобы точно выяснить различие культуры и техники, различие, имеющее первостепенное значение для понимания условий развития сельского хозяйства. Поэтому нет ничего удивительного, что критик делает возражения, указывающие на полное отсутствие понятия о технике и культуре земли. «Труд, вооруженный совершенной техникой интенсивного хозяйства,—возражает г. Пешехонов,—на много превзойдет своею продуктивностью технически несовершенный труд хозяйства хищнического», т.-е. экстенсивного. В этом возражении высокая техника отождествляется с интенсивной (высокой) культурой, а низкая техника с экстенсивной

(хищнической) культурой. Да простит мне строгий критик, но ведь это теоретическая безграмотность! В Западных Штатах С.-Америки применяются паровые плуги, паровые молотилки, сортировки и веялки жнейки, сноповязалки и проч. Техника, кажется, довольно высокая, а культура земли экстенсивная. В Китае, наоборот, очень высокая культура, хозяйство интенсивное, но значит ли это, что оно «технически-совершенное»?

В развитии хозяйства я указываю две противоположных тенденции, которые не замечались вследствие смешения техники и культуры хозяйства. Одна тенденция развития хозяйства — увеличение производительности земледельческого труда благодаря техническому прогрессу. Благодаря ему человек может производить в единицу времени все большее и большее количество продукта. Вторая тенденция — падение производительности труда человека благодаря сокращению площади земли по отношению к населению — и необходимость благодаря этому увеличивать интенсивность культуры земли, для получения более высоких урожаев. Если при земельном просторе не вводится интенсивная культура, то только потому, что дальнейшие затраты на ту же площадь земли менее производительны.

Г. Пешехонов с этим не согласен, но, вместо опровержения, приводит анекдот об Ахиллесе и черепахе. Было бы гораздо убедительнее, если бы критик, прежде чем острить, постарался доказать фактами, что при обилии земли, при земельном просторе интенсивная культура хлебов или трав выгоднее и где-нибудь существует; что малоземелье выгоднее, чем многоземелье, так как при малоземельи при необходимости вводится интенсивная культура[1]), при которой по мнению г. Пешехонова, труд производительнее.

При увеличении населения и при сокращении площади земли по отношению к населению, последнее для получения необходимых продуктов земледелия вынуждено прибегать к интенсификации хозяйства[2]). Это ведет к падению производительности труда. Но человечество может пользоваться техническим прогрессом для увеличения производительности труда. Благодаря этому в тех странах, где население

---

[1]) «Когда скот пасется на нетронутых плугом землях, то труд, затрачиваемый на получение корма для скота, равняется нулю. Сделать труд производительнее этого довольно трудно». На это критик возражает, что аргумент так же убедителен, «как известный арифметический расчет об Ахиллесе и черепахе». Остается только рекомендовать г. Пешехонову заняться пропагандой травосеяния среди жителей Аргентины, Зап. Штат. Сев. Америки и наших зауральских степей. До статьи г. Пешехонова земледельцы и не знали, что сеять траву гораздо производительнее, чем просто пасти скот в поле!

[2]) Для культуры различных растений необходим различный minimum первоначальных затрат, после которого дальнейшая интенсификация является менее производительной. Для травы и леса этот minimum равен нулю, для злаков разрыхление почвы и т. д. Уже в своей книге я указывал, что г. Пешехонов сходится с нововременским фельетонистом, рекомендующим сокращение крестьянских наделов для интенсификации хозяйства. Чем меньше в руках крестьян клочки земли, тем больше (по отношению к площади) будет затрачиваться на них труда. А интенсификация хозяйства, по мнению г. Пешехонова, тождественна с ростом производительных сил, с техническим прогрессом: зачем же почтенный экономист упоминает иногда о малоземельи? Да потому, очевидно, что не разобрался в причинной связи явлений, о которой мы выше упоминали.

увеличивается, но в то же время прогрессирует и техника, производительность земледельческого труда не только не падает, но повышается. В России в некоторых районах (в центральном черноземном) техника не прогрессирует и, при росте населения, производительность труда падает.

В опровержение изложенных выше двух тенденций развития сельского хозяйства г. Пешехонов возражает так: «Ну, а как же быть с таким техническим улучшением, которым (?) интенсивное хозяйство отличается от экстенсивного? Возьмем самое простое их таких технических улучшений: трехкратную пахоту в одном хозяйстве и двухкратную в другом?» Этим убийственным вопросом критик показал, что даже не потрудился запомнить из книги определения технического прогресса и культуры земли. Интенсивное хозяйство отличается от экстенсивного не техникой труда, а количеством его, затраченным на данную площадь земли для увеличения количества получаемого с нее продукта. Если обрабатывается $^1/_5$ часть земли, а остальные $^4/_5$ последовательно поступают в обработку, пока предыдущая «отдыхает» под выгоном, то при одинаковой технике (напр., при вспашке,— железным плугом, при жнитве,— машиной, при молотьбе,— молотилкой и т. д.) труд в таком хозяйстве будет *производительнее*, чем при запашке всей земли, т.-е. каждый работник обработает большую площадь и произведет больше хлеба в первом случае, хотя при высоких ценах на хлеб последнее хозяйство будет выгоднее. Объяснение этому можно найти в теории земельной ренты.

Несмотря на более низкие урожаи, в странах реже населенных существует экстенсивное, как более производительное, хозяйство, хотя никто бы не помешал там интенсивному хозяйству: травосеянию, удобрению и проч., если бы оно было более производительно. В книге несколько раз настойчиво повторяется, что нельзя смешивать производительность (урожайность) *земли* с производительностью *труда*; первая повышается от увеличения затрат труда на землю, а производительность труда повышается от сокращения его затрат на добывание единицы продукта благодаря техническому прогрессу.

Мы остановились так долго на определении технического прогресса и культуры земли потому, что, во 1-х, только указавши их различие, возможно выяснить ошибку мальтузианцев, которые принимают во внимание один фактор развития — интенсификацию хозяйства. Во 2-х, можно объяснить, почему сельское хозяйство экстенсивных стран побеждает в конкуренции страны с интенсивным хозяйством, пользующиеся самой высокой техникой; почему американский хлеб вытесняет английский даже в самой Англии. Наконец, при *капиталистическом* строе две противоположные тенденции сельскохозяйственного развития ведут к следующим последствиям. Капиталистическое хозяйство, стремясь к увеличению производительности труда ради повышения прибыли, пользуется техническим прогрессом, сокращая затраты труда на единицу площади земли. Благодаря этому создается избыточное население в земледелии. Мелкое продовольственное хозяйство, вынужденное конкурировать с крупным, пользуясь менее производительным трудом, разоряется. Таким

образом капитализм несет с собою свойственные ему противоречия, которые тем бедственнее отражаются на населении, чем меньше индустрия отвлекает избыточное население из земледелия. Так как развитие производительных сил — необходимое условие хозяйственного развития, то, при существовании капиталистических отношений крупное капиталистическое хозяйство побеждает продовольственное. Только при падении производительных сил последнее побеждает; но эта победа сопровождается остановкой хозяйственного развития и даже регрессом. Из этого не следует, разумеется, что капиталистические отношения вечны.

На такой объективный анализ условий развития сельского хозяйства критик чисто по-детски возражает: «а все-таки без капитализма лучше», «а все-таки продовольственное хозяйство лучше капиталистического, потому что оно хоть впроголодь, да кормит, а ваш капитализм последний кусок отнимает»[1]). Здесь г. Пешехонов последователен, и эта последовательность — характерная черта отживающего уже мировоззрения: капитализм несет с собой массу отрицательных сторон и бедствий, следовательно, он не существует, а если существует, то по недоразумению, и его побьет милое сердцу мелкое хозяйство. Если вы доказываете, что он имеет в общественных условиях данные для своего развития, значит вы поклонник капитализма, значит вы преклоняетесь перед ним, и вам возражают: «капитализм бяка» и вы сам «бяка»!

Это может быть мило звучит в устах ребенка, но не в серьезной статье экономиста...

3.

Обсуждая далее условия, при которых возможно дальнейшее развитие сельского хозяйства в России, г. Пешехонов дает читателю вместо ясного изложения этих условий какую-то мешанину, в которой не только читатель, но и сам критик едва ли разберется. Поэтому я изложу вкратце свою основную мысль.

Состояние мирового сельского хозяйства показывает, что страны с интенсивным хозяйством ввозят хлеб из стран с экстенсивным хозяйством. В первых хлеб обходится дороже. Интенсификация хозяйства выгодна лишь при расширении внутреннего рынка, при росте городского населения, при развитии индустрии. Увеличение производительности земледельческого труда возможно при относительном сокращении земледельческого населения, так как избыточное население понижает производительность земледельческого труда, вытесняет машины и служит материалом для хищнической и наиболее жестокой

---

[1]) «Мелкое хозяйство предохраняет от абсолютной голодовки и дает возможность хотя и несытого существования», — цитирует критик и добавляет, — «и за то спасибо ему — это все-таки лучше, чем прямо умирать с голоду». Еще говорят, что народничество разбито! Между тем какие истины еще оно оказалось способным открыть! Только... разве кто спорит против того, что лучше жить впроголодь, чем умереть с голоду?

Или еще: «Если бы при данных условиях мне предложили выбор между продовольственным хозяйством и капиталистическим, я предпочел бы первое». У критика, несомненно, добрые чувства.

эксплоатации. Благоприятные условия для развития земледелия могут существовать только при развитии в стране индустрии, потому что развитие индустрии и внутреннего рынка делает выгодной интенсификацию хозяйства и улучшение техники земледелия. По мере развития народного хозяйства растет потребность в продуктах обрабатывающей промышленности. Вывоз хлеба в обмен на продукты индустрии должен сокращаться с увеличением населения и с увеличением интенсификации хозяйства: при интенсивном хозяйстве хлеб стоит дороже и, как выше замечено, не вывозится из страны, так как не может конкурировать с хлебом из экстенсивных хозяйств. Между тем увеличение населения и развитие его производительных сил требуют все больше и больше продуктов обрабатывающей промышленности. Чтобы получать эти продукты из-за границы, требовалось бы вывозить все большее и большее количество дешевого хлеба. А получить больше хлеба возможно лишь интенсификацией хозяйства. Интенсификация хозяйства затрудняет конкуренцию с экстенсивным хозяйством колоний. Поэтому старые страны все более и более сокращают вывоз хлеба, поэтому в них все бо̀льшая и бо́льшая часть населения переходит в обрабатывающую промышленность. Чем большая площадь земли приходится на душу земледельческого населения, тем производительнее может быть труд этого населения. Развитие индустрии сокращает земледельческое население, отвлекая его от земледелия промыслами. Чем большая часть населения занята индустрией, тем большая площадь земли приходится на душу земледельческого населения, тем больший внутренний рынок открывается для продуктов земледелия, тем больше продуктов обрабатывающей промышленности производится для земледельческого населения. Таким образом развитие производительных сил населения возможно при перераспределении их между индустрией и земледелием.

К этому теоретическому анализу распределения производительных сил я присоединяю анализ потребления продуктов, производимых страной.

Чем большая часть продуктов страны потребляется непроизводительно, напр., на милитаризм, тем больше задерживается развитие производительных сил.

Покровительство обрабатывающей промышленности в виде таможенной защиты не ведет к развитию производительных сил и к развитию индустрии, а содействует лишь обогащению отдельных групп предпринимателей на счет разорения других. Этот вывод многим покажется парадоксом, потому что предприниматели и их идеологи всегда отождествляют «интересы промышленности» с своими собственными групповыми интересами. Между тем производительные силы развиваются не от того, что карманы массы потребителей опустошаются в пользу одного-двух предпринимателей, а от увеличения суммы производимых продуктов. Г. Пешехонов легкомысленно поверил буржуазной идеологии и восклицает: «Ради развития производительных сил нами принесены уже обильные жертвы!» Принесены обильные жертвы не ради развития производительных сил, а ради их остановки, ради наполнения карманов монопольных предпринимателей

и на непроизводительное потребление. Пора бы об этом знать почтенному экономисту и не поддерживать тех предрассудков, которые с таким усердием пропагандируют различные промышленные съезды. Развитие производительных сил и неизбежно и необходимо, а опустошение карманов потребителей не неизбежно и не необходимо.

Характер критики заставил меня остановиться на элементарных положениях, которые необходимо усвоить, чтобы разобраться в программных вопросах. Критик, выхвативши некоторые мысли из «тысячи думушек», которые он нашел в книге, не мог разобрать «что к чему». В короткой статье мы можем только бегло наметить связь между изложенными положениями и практическими задачами, которые могут ставиться обществом.

Существование двух противоположных тенденций развития сельского хозяйства, при размножении населения и при увеличении производства на рынок, приводит к следующим противоречиям. Предприниматель — сельский хозяин стремится увеличить производительность труда, чтобы получить больше прибыли посредством производства с наименьшими затратами. Технический прогресс является наиболее сильным орудием для удешевления производства хлеба и для победы крупного хозяйства в борьбе с мелким. Но землевладелец получает ренту не как предприниматель, а как собственник земли, ведет ли он хозяйство лично сам, или сдает землю в аренду. Поэтому землевладелец, как таковой, не заинтересован в техническом прогрессе, а заинтересован в повышении ренты. Он может, сдавая в аренду свою землю, при благоприятных условиях повысить арендную плату, не прибегая к техническим улучшениям. Наиболее благоприятные условия для сохранения примитивной техники существуют в таких районах и странах, где при мало развитой индустрии население держится за землю, имея недостаточно ее для ведения в ней хозяйства, где население вынуждено арендовать землю для поддержания своего существования. Поэтому падение или уничтожение земельной ренты, как особаго вида дохода землевладельца, могло бы послужить сильным толчком для технического прогресса, хотя бы и повело к развитию капиталистических крестьянских хозяйств. При земельном просторе у земледельческого населения легче, при современных условиях, развиваются производительные силы, но вместе с тем облегчаются условия для развития капитализма в земледелии.

Некоторые из возражений г. Пешехонова приводит и В. Г. Громан в своей статье в «Сар. Земск. Неделе».

Прежде всего Громан осуждает меня за то, что я не пользуюсь методом К. Маркса при анализе экономических отношений. Это обнаруживается в том, что мною устанавливаются два основных фактора хозяйственной эволюции общества: 1) развитие производительных сил и 2) размножение населения.

Я с удовольствием принял бы вину в отклонении от метода знаменитого экономиста на себя, но эти «постоянно действующие» факторы открыты не мной. К. Маркс еще в предисловии к «Критике политической экономии» писал: «В отправлении своей общественной жизни люди вступают в определенные, неизбежные, от их воли

независящие — производственные отношение, которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил... На известной ступени своего развития материальные производительные силы впадают в противоречие с существующими производственными отношениями» и ведут к тем или другим изменениям их.

Но может быть второй фактор введен мною вопреки рекомендуемому методу? И здесь «отступником» раньше меня оказался... Энгельс, который указывал на «производство людей» как на постоянно действующий фактор хозяйственной эволюции. Этот вопрос, мимоходом, затронут и Н. И. Иорданским в его рецензии в «Мире Божием» («М. Б.», IX, 1903 г.), и мы на нем остановимся.

При анализе развития индустрии вопрос представляется гораздо проще, чем при анализе развития земледелия. В индустрии мы видим тесную связь технического прогресса с состоянием обрабатывающей промышленности и с формами промышленных предприятий. Технический прогресс исключительно определяет то и другое. В земледелии мы видим нечто иное. Технический прогресс, правда, имеет также решающее значение в организации типа хозяйства, но культура хозяйства определяется не только техникой, но и количеством населения на данной площади земли.

Мы находим при одинаковых технических условиях совершенно различную культуру земли в зависимости от роста населения. На далеких окраинах существует дикое скотоводческое хозяйство как у номадов, так и у цивилизованных наций, потому что там наименьшая плотность населения. В более населенных районах мы видим экстенсивное хозяйство с различной техникой. Наконец, в наиболее плотно населенных районах мы видим интенсивное хозяйство как в странах с развитой техникой, напр., в Англии, так и в странах отсталых (Китай).

В настоящее время развитие капитализма, огромный технический прогресс и связанное с этим необычайное развитие путей сообщения ослабили еще влияние роста населения на культуру земли, так как хлеб может перевозиться на далекие расстояния из реже населенных районов в более населенные. Тем не менее и при таких условиях ясно видно влияние роста населения на культуру хозяйства.

Не задаваясь вопросом о том, который их двух факторов «важнее», мы во всяком случае можем констатировать влияние двух факторов на развитие земледельческого хозяйства, технического прогресса и роста народонаселения. Только принимая во внимание оба эти фактора, возможно выяснить условия развития сельского хозяйства. Но Громану указание на эти два фактора кажется еретическим; да и Иорданский не одобряет, что мною принимается во внимание рост населения. Правда, до сих пор экономистами не анализировались отдельно культура земли и техника земледелия, а, следовательно, и их значение, но из этого еще не следует, что этого не нужно было и делать. Если культура земли может быть различной при одинаковой технике и одинаковая культура земли — при различной технике, то необходимо анализировать

условия развития культуры земли и технического прогресса. Оказывается, что при развитии земледелия на культуру земли имел огромное влияние рост населения. Этот факт нисколько не умаляет значения технического прогресса, так как без него рост населения возможен только до известных пределов. (Следовательно, рост населения второстепенный фактор, если говорит о их важности). Критики находят признание двух факторов хозяйственного развития (развитие производительных сил и рост населения) не ортодоксальным, но не сделали никакой попытки опровергнуть изложенную точку зрения. Ортодоксально или неортодоксально констатирование влияния роста населения на культуру земли — вопрос не важный, а важно точно выяснить значение того и другого фактора. Я думаю, что изложенное в книге решение вопроса «ортодоксально потому, что правильно»...

Далее Громан уличает меня в непростительном противоречии. С одной стороны, я утверждаю, что «падающая производительность новых затрат труда ведет к образованию избыточного населения», с другой стороны, и «развитие производительных сил в земледелии предполагает сокращение занятых в земледелии рабочих». Две противоположные тенденции при современных условиях создают избыточное население! Действительно, нужно сознаться, что тут есть противоречие..., присущее капиталистическому строю, а вовсе не мне.

Громан находит и другие, такого же рода противоречия, например, «развитие производительных сил предполагает сокращение занятых в земледелии рук. Это сокращение ведет к образованию избыточного населения». «Но это не мешало ему (мне. *П. М.*) написать: «очевидно, что успешнее должны выдержать борьбу те хозяева, которые при данных условиях могут легче воспользоваться развитием производительных сил и которые могут увеличивать количество занятых в земледелии рук». Я не так виноват в этом противоречии, потому что в это «противоречие» впал гораздо раньше экономист, на которого даже сам критик ссылается как на авторитет. Этот экономист утверждал то же самое по отношению к индустрии, а именно, что машины создают избыточное население в стране и что успешно выдерживают борьбу те предприятия, которые увеличивают производство и увеличивают количество рабочих,— чем и создается концентрация производства. «Все эти противоречия,—замечает критик, — обесценивающие книгу Маслова и неустранимые из его системы, плод охарактеризованного выше метода автора». Я очень удручен тем, что общественные противоречия обесценивают мою книгу, потому что не могу уничтожить этих противоречий... Для полноты картины еще приведу одно убийственное противоречие, в котором Громан уличает меня: «С одной стороны, мы слышим, что «размножение возможно только при развитии производительных сил», а с другой: «по мере образования избыточного населения производительность его труда падает, но при этом от земледелия (разрядка моя) кормится большее число душ земледельческого населения»... «при этом Маслов... ссылается на историю Ирландии и русского крестьянства». Громан думает, что «размножение» и «образование избыточного населения» одно и то же, что население может кормиться только от земледелия,

и поражен общественным противоречием, которое приписывает мне. Но чем же я виноват, что в Ирландии образовалось избыточное население при абсолютном его сокращении, что благодаря падению производительных сил индустрия не поглощает это избыточное население, что оно вымирает или выселяется? Далее Громан говорит: «Нам известно, что улучшение техники чаще выражается в увеличении затрат на единицу площади, но увеличении, сопровождающимся более быстрым ростом продукции. Технический прогресс, как раз и выражается в увеличении суммы этих затрат, следовательно является, по сравнению с примитивной техникой не чем иным, как последовательной затратой, но затратой уже более, а не менее производительной». Я позволяю себе не согласиться с критиком.

Начнем с посева хлеба. Хлеб сеют руками и конной сеялкой, при чем последняя увеличивает производительность труда, приблизительно в 6—7 раз, т.-е., если при ручном посеве требуется затрата на посев десятины одного рабочего дня, то при сеялке—$^{1}/_{7}$ рабочего дня. Следовательно, сравнительно «с примитивной техникой» затрата труда на единицу площади земли сокращается. «Примитивная техника» уборки хлеба заключается в жнитве серпом, а более совершенная—жнейкой. Допустим, что жнейка убирает в день до 6 десятин при 6 рабочих. Серпом 4 человека не уберут более десятины. Следовательно, сокращается затрата живого труда в 4 раза, но увеличивается затрата на орудие производства. Во всяком случае и здесь более совершенная техника не увеличивает затрат на единицу площади земли, а сокращает. Молотилка, веялка играют такую же роль.— Это очевидно. Но Громану «известны» случаи, когда при улучшении техники урожайность земли повышается, напр., при обработке плугом вместо сохи. В этом случае «последовательные затраты» делаются более производительными потому, что на-ряду с повышением культуры происходит и технический прогресс. Более тщательная обработка земли дает больший урожай, произведена ли эта обработка лопатой или плугом. Если мелко взрыхлить землю лопатой, а плугом более тщательно, то обработка плугом даст больший урожай. Если же обратно, тщательно обработать землю лопатой, то обработка лопатой даст больший урожай. Но независимо от характера обработки земли, которая может быть прекрасно сделана и лопатой, введение плуга увеличивает производительность труда и сокращает издержки на единицу площади земли при том же характере ее культуры.

Защитники мелкого хозяйства, доказывая его прочность, обыкновенно ссылаются на различие типов продовольственного и капиталистического хозяйств. Это различие, якобы, мешает сталкиваться крупному хозяйству с мелким. На это различие ссылается, между прочим, и Громан в своей статье. Его смущает то обстоятельство, что в некоторых районах России капиталистическая аренда совсем вытеснена продовольственной арендой, и это кажется доказательством того, что капиталистическая рента не влияет на высоту продовольственной ренты. Между тем этот факт ничего не доказывает. В некоторых районах могут быть благоприятные условия для роста

капиталистической ренты и капиталистическая аренда может вытеснять продовольственную, в других районах благоприятные условия для роста продовольственной ренты поведут к вытеснению капиталистической аренды. Но из этого нельзя еще заключить, что при понижении продовольственной ренты тотчас не явится капиталистическая аренда. Капитал не затрачивается в земледельческие предприятия, пока эта затрата невыгодна. Поэтому, напр., в Таврической губ. может преобладать капиталистическое хозяйство, а где-нибудь в Вятской губернии продовольственное хозяйство только потому, что в Таврической губ. выше капиталистическая рента, а в Вятской — продовольственная. Если есть рынок, где капиталистическое хозяйство может сбывать свои продукты, оно является конкурентом продовольственного хозяйства на почве повышения земельной ренты, и последнее волей-неволей должно становиться на чуждую себе почву: покупать право аренды, производя продукты вовсе не с целью продажи, но вынужденное, в большинстве случаев, продавать их, чтобы иметь возможность купить. Далее Громан возражает: «Маслов так истолковывает свою формулу: очевидно, говорит он, чем меньше своей земли, тем выше арендная плата при продовольственной аренде. Маслов не принял в расчет различия производительных сил разно обеспеченных своей землею арендаторов, и в этом его коренная ошибка». Т.-е. мною не принято во внимание, что в хозяйстве могут отсутствовать лошади или орудия производства. Увы, я такую же «коренную ошибку» делаю и при анализе капиталистической ренты, не принимая в расчет, что арендатор может оказаться несостоятельным, банкротом и даже пьяницей. Это внесение посторонних элементов в теоретический анализ совершенно излишне. Разумеется, нужно предположить, что продовольственное (как и капиталистическое) хозяйство, арендуя землю, имеет необходимые средства для ее обработки,— Громан прав, напоминая, что не имея лошади, трудно на ней вспахать землю...

Несколько дельных замечаний (с народнической точки зрения) делает г. В. Вадимов «Аграрная программа российской социал-демократии». Приведя мои доводы об отрицательных сторонах капиталистического хозяйства, о стремлении его выталкивать, делать излишним земледельческое население, автор заключает:

«Казалось бы те доводы, которые приводит г. Маслов в пользу неизбежности развития производительных сил, и видимая несостоятельность капиталистического хозяйства должны были бы навести его на мысль о кооперативном крупном производстве, но от него г. Маслов отделывается таким аргументом: «для этого необходимы некоторые общественные условия, из которых главное — сознательное отношение к экономическим отношениям и правильное их понимание».

«Если бы г. Маслов понимал причины, приводящие к образованию крупного кооперативного производства в земледелии, он вряд ли стал бы настаивать на таком полном противоположении стихийного процесса капитализации целесознательной некапиталистической эволюции. Завоевание выгодных рыночных условий, дешевый кредит-мелиорации, повышение производительности труда возможно для трудовых хозяйств только путем объединения в товарищества. Этот

процесс в такой же или почти такой же мере вызывается естественной экономической необходимостью, как и процесс накопления капитала на почве конкуренции в предпринимательских хозяйствах. Образование крестьянских товариществ диктуется непосредственной экономической выгодой, отнюдь не какими-либо идеологическими побуждениями и постепенное развитие коопераций в высшие формы почти в такой же малой степени предвидится трудовыми производителями в начале процесса, как мало крупные предприниматели думают о создании экономических и психологических предпосылок для социализма, расширяя свое производство. Противополагать эти два процесса, один как естественный, другой как искусственный, не менее неуместно, чем делать такое же противоположение между фактами борьбы и взаимной помощи, одинаково имеющими место в процессе выживания наиболее приспособленных организмов. А если это так, то нет никаких оснований думать, что развитие производительных сил и обобществление производства в сельском хозяйстве может происходить только в форме капиталистического развития, как это думает г. Маслов. Напротив: так как капиталистическая концентрация не приводит в земледелии к росту производительных сил, и так как этот рост все же неизбежен, то крупное кооперативное производство и является наиболее приспособленным к современным сельскохозяйственным условиям социальным организмом, наиболее совершенной формой земледельческого производства в современном хозяйственном строе. Во всяком случае огромное социальное значение земледельческих коопераций может считаться твердо установленным».

Я менее, чем кто бы то ни было склонен восхищаться теми последствиями, к которым ведет развитие капиталистического хозяйства, тем не менее не считаю нужным закрывать глаза на эти последствия. Капиталистическое хозяйство потому, в конце концов, и побеждает мелкое, что оно ведет к техническому прогрессу, к развитию производительных сил страны, хотя и влечет за собой тяжелые последствия для населения. Выбрасывание земледельческого населения потому и происходит, что в капиталистическом холяйстве то же количество продукта, благодаря техническим преимуществам, производится меньшим количеством рабочих рук. А ведь в этом и заключается технический прогресс. Если в мелком хозяйстве один человек обработает две десятины и получится 200 пуд. хлеба, а в крупном, при помощи машин, он обработает 4 дес. и получится 400 пуд., то, благодаря техническому прогрессу, на данной площади земли количество необходимых рабочих сократится вдвое. Это и служит причиной выбрасывания излишних рабочих рук из земледелия, так как площадь земли остается неизменной, а количество рабочих, необходимых для ее обработки, сокращается. Между тем в индустрии количество рабочих в каждом предприятии может увеличиваться, так как оно ограничивается только размером капитала и размерами рынка. Поэтому в народном хозяйстве резервная рабочая армия и в городе и в деревне создается их земледельческого населения даже при постоянном увеличении количества рабочих, занятых в индустрии.

Но такие последствия технического прогресса в земледелии одинаково явятся и тогда, когда будут организованы кооперативные земледельческие предприятия. В главе «Община и артель» я уже указывал на то, что если в кооперативе будут введены машины, то и там окажутся излишние рабочие руки. Допустим, что вводятся, как и в капиталистическом предприятии, те же машины. Если раньше один работник обрабатывал 2 дес., то теперь он обрабатывает 4 дес. так же, как и в капиталистическом предприятии. При данном числе работников площадь посева данного кооператива или должна увеличиться вдвое или никакого развития производительных сил не произойдет, так как без расширения посева, при том же числе работников, останутся те же размеры посева, как и до введения машин. Понятно, что при таком условии и машины окажутся не нужны.

Критик совершенно справедливо говорит, что процесс образования кооперативных предприятий вызывается экономической необходимостью, но мы и видим, что в образовании крупных кооперативных земледельческих предприятий такого процесса нет. Он происходит только в головах соц.-революционеров. Ведь дешевый кредит, мелиорации, общий сбыт не представляют собою организации кооперативного производства, ведущего к развитию производительных сил. Такого рода кооперативное движение происходит и среди рабочих (потребительные лавки, сюда же можно отнести и взаимопомощь), но смешно было бы видеть в такого рода кооперативах конкурентов капиталистическому производству. Я старался доказать, что технический прогресс, развитие производительных сил, необходимые и неизбежные при развитии хозяйства, при капиталистическом строе достигаются в капиталистических предприятиях, что кооперативное производство нигде не могло конкурировать с капиталистическим и вытеснить последнее. Мы не беремся пророчествовать и делаем выводы на основании того опыта, который дает хозяйственная жизнь всех стран. А критик возражает, что возможно организовать дешевый кредит и мелиорации. Да ведь это не организация земледельческого производства! Обработка продуктов земледелия (маслодельни, сыроварни, мельницы и т. д.) возможна при кооперативных союзах, потому что она не сокращает количества рабочих рук, занятых в земледелии.

Говоря о будущей форме земледельческих предприятий, я указал на то, что соединение обработки сырья с добыванием его является технически наиболее рациональной формой хозяйства, которая может быть и капиталистической и кооперативной. Но при капитализме еще очень немного отраслей земледелия, в которых происходит такое соединение. Когда это будет происходить, излишние рабочие руки при обработке земли могу поглощаться обработкой продуктов. Но «пока солнце взойдет, роса очи выест». Пока произойдет такое соединение, организация более производительного труда в земледелии является монополией капитала... В ответ на это нам говорят: дешевый кредит, общий сбыт осуществимы и осуществляются!

Глава XIX.

Аграрный вопрос в СССР[1]).

I.

Процесс дифференциации крестьянских хозяйств после революции.

В первой части «Аграрного вопроса» я старался показать, что процесс дифференциации крестьянского хозяйства происходит в условиях развития его производительных сил. Напротив, при падении производительных сил происходит процесс нивеллировки в сторону увеличения маломощных и «середняцких» хозяйств за счет хозяйств зажиточных. Имеющиеся данные о пореволюционном крестьянском хозяйстве подтверждают этот вывод.

В весьма интересных статьях А. Хрящевой, к сожалению, сделавшей некоторые, слишком поспешные, выводы, имеются данные о дифференциации крестьянства в пореволюционные годы: (см. табл. на стр. 392).

Из этой таблицы мы видим, что в период с 1917 г. до 1922 г., когда происходил процесс падения производительных сил в сельском хозяйстве (и в промышленности), группа средне-зажиточных (от 6 до 16 дес. на хозяйство) сокращается, а группа богатых крестьян (свыше 16 дес.) выпадает. Этот процесс нивеллировки продолжается до 1922 года, когда начинается процесс восстановления хозяйства.

С началом восстановления хозяйства увеличивается количество зажиточных середняков-крестьян и снова появляются богатые. Но, несомненно, на процесс дифференциации оказывает значительное влияние экономическая политика Советской власти. На-ряду с увеличением группы зажиточных середняков сокращаются группы беспосевных и малопольных хозяйств. Если бы экономическая политика не ставила своей задачей поддержку деревенской бедноты, поддержания хозяйства экономически слабейших групп, то процесс дифференциации крестьянства происходил бы в более острых формах на обоих полюсах крестьянских хозяйств в процессе восстановления производительных сил сельского хозяйства.

---

[1]) Теоретическое обоснование процесса накопления дано автором в его книге—«Основы экономической политики».

Название районов	Год исследования	Процент хозяйств							
		Без посева	с посевом						
			До 2-х дес.	2,1—4	4,1—6	6,1—10	10,1—16	16,1—25	Свыше 25
Северный	1917	8,9	47,2	35,3	6,6	1,8	0,1	—	—
	1919	4,8	63,5	27,5	3,4	0,8	0,0	—	—
Приозерный	1917	15,5	44,3	28,9	7,9	2,9	0,4	0,1	—
	1919	12,0	69,3	16,1	2,1	0,5	0,0	—	—
Центрально-промышл.	1917	13,8	39,2	32,6	10,0	3,8	0,5	0,1	—
	1919	7,6	64,4	24,1	3,2	0,6	0,0	—	—
Северо-западный	1917	8,3	18,4	36,5	21,1	12,6	2,6	0,0	—
	1919	4,3	51,2	33,0	8,7	2,5	0,3	—	—
Центр.-земледельческий	1917	8,0	29,3	27,4	15,9	13,3	4,7	1,2	0,3
	1919	2,7	33,[illegible]	35,4	18,6	9,4	0,9	0,0	—
Приуральский	1917	8,0	15,0	26,1	21,5	20,9	7,1	1,2	0,2
	1919	6,0	22,8	32,9	20,7	14,2	3,0	0,4	0,1
Средне-Волжский	1917	9,8	23,7	28,7	17,6	14,4	4,6	1,0	0,2
	1919	3,8	28,9	36,7	18,9	10,4	2,3	—	—
Нижне-Волжский	1917	19,3	12,8	16,1	14,3	18,9	12,2	4,8	1,7
	1919	14,8	15,0	23,8	18,8	19,8	6,6	1,1	0,1
ИТОГО	1917	11,5	28,7	28,9	14,7	11,2	3,8	1,0	0,3
	1919	6,6	42,9	29,3	12,4	7,3	1,4	0,2	—
Непострадавший район	1922	3,8	49,9	31,0	10,4	4,5	0,4	—	—
	1923	3,2	46,0	32,0	12,4	5,8	0,6	—	—
	1924	3,0	42,8	33,7	13,6	6,1	0,7	0,1	—
Пострадавший район	1922	7,9	44,0	29,8	11,3	5,8	1,1	0,1	—
	1923	6,3	30,1	29,7	18,3	11,6	3,2	0,7	0,1
	1924	4,3	23,5	27,8	21,3	16,9	4,6	1,3	0,3

I часть (1917—1919 г.г.): «Экономич. расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г.». Изд. ЦСУ. М. 1922 г., стр. 21.

II часть (1922—1924 г.г.): «Сельское хозяйство на путях восстановления». М. 1925 г. Изд. Комм. СНК по изуч. соврем. деревни, стр. 309.

В период падения производительных сил процесс сглаживания крайних групп выражался в таких процентах:

Районы.	Сглаживание крайних групп: % хозяйств с семьей 1—3 чел. и посев 6 дес. и больше.		% хозяйств с семьей 7 и более чел. и без посева.	
	1917 г.	1919 г.	1917 г.	1919 г.
Центр. земледельческий . . .	0,7	0,1	1,8	0,5
Восточный	1,3	0,3	1,1	0,3
Белорусский	0,3	0,1	1,2	0,4
Центр. промышленный	0,1	—	2,4	0,7
Приозерный	0,1	—	2,3	1,4
Северный	0,1	—	1,0	0,2

На-ряду с процессами дифференциации и сглаживания различий между экономическими группами, происходило в процессе падения и развития производительных сил и изменение культур в сельском хозяйстве.

В процессе падения производительных сил, при сокращении продукции, все большее и большее место в продукции занимает производство предметов непосредственного потребления. Это мы видели уже из теоретического анализа процесса сокращения воспроизводства. При расширенном воспроизводстве отношение $\frac{C}{p}$ увеличивается вследствие относительного увеличения производства средств производства. Такими средствами производства в крестьянском хозяйстве являются: ячмень, овес, лен, травы и те из хлебов, которые производятся в большей части для рынка, т.-е. для обмена хотя бы частью на средства производства.

Напротив, при падении производительных сил, p — производство предметов личного потребления — относительно увеличивается за счет средств производства. Этот процесс и наблюдается в период 1917—1919 г.г. (см. табл. на стр. 394).

Закономерность перераспределения производительных сил в сторону относительного увеличения предметов личного потребления в процессе падения производительных сил при их развитии сменяется обратным процессом—относительным увеличением производства средств производства, расширением технических и рыночных культур, увеличением количества скота и мертвого инвентаря. Этот процесс начался в самые последние годы и будет продолжаться при дальнейшем развитии продукции сельского хозяйства.

Как мы видели, в этом процессе, кроме роста крепких трудовых хозяйств, происходит не только увеличение группы зажиточных крестьян-кулаков и полярно-противоположной пролетаризирующейся массы крестьянства, но есть и опасность ее эксплоатации экономически сильными хозяйствами. Эту опасность возможно устранить лишь соответствующей экономической политикой и развитием кооперации.

Сокращение посевов технических культур и рыночных хлебов:

Из 100 дес. посева приходится на:

	Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Картофель	Просо	Гречиха	Лен	Конопля	Травы Однол.	Травы Многол.
Рязанская	1917	49,7	0,3	0,2	31,6	6,8	6,1	1,8	1,0	0,3	0,2	0,2
	1919	51,4	0,1	—	27,5	7,2	9,1	1,6	0,9	0,1	0,2	0,1
Пензенская	1917	46,8	0,3	0,1	29,1	4,3	10,8	1,0	0,1	3,5	0,2	0,2
	1919	49,6	0,2	—	25,6	5,0	13,6	0,1	0,3	2,9	0,1	0,1
Вятская	1917	47,0	1,5	5,7	36,6	2,1	—	1,3	3,5	0,3	—	0,6
	1919	49,1	0,9	4,4	38,1	1,9	—	0,8	3,4	0,2	—	0,2
Казанская	1917	49,6	5,0	1,4	29,8	1,5	1,3	4,1	0,9	0,4	0,1	0,1
	1919	51,4	4,1	0,7	26,4	1,9	2,0	5,4	1,5	0,6	0 0	0,0
Смоленская	1917	39,0	0,6	5,7	21,3	5,2	—	1,9	15,3	—	0,5	10,1
	1919	46,8	0,8	4,6	18,7	6,6	—	1,7	10,9	—	—	9,4
Витебская	1917	38,5	0,6	11,9	25,0	6,8	—	0,1	6,4	0,3	1,2	7,0
	1919	44,2	1,0	11,2	24,2	6,4	—	0,3	4,5	0,5	0,7	3,1
Московская	1917	40,1	0,1	0,8	24,7	12,3	—	1,1	4,8	—	0,8	14,9
	1919	52,0	0,2	1,5	11,7	11,5	0,7	3,4	3,7	—	—	11,9
Владимирская	1917	43,3	1,4	1,0	25,4	8,7	0,1	4,8	5,4	—	0,9	0,8
	1919	56,1	0,5	0,4	23,6	8,6	0,8	4,2	3,7	—	1,0	0,5
Тверская	1917	37,7	0,1	6,8	22,8	5,1	—	0,2	17,1	0,1	0,2	10,0
	1919	49,2	0,1	7,2	20,5	5,0	—	0,1	11,1	—	—	6,8
Новгородская	1917	40,9	0,2	4,0	36,4	5,4	—	0,6	6,3	0,1	—	5,5
	1919	61,6	0,5	3,2	15,0	5,9	—	0,7	6,1	0,1	—	6,3
Вологодская	1917	40,1	1,6	10,2	38,1	2,9	—	—	4,9	—	—	0,7
	1919	40,2	1,6	10,6	38,9	4,1	—	—	3,2	—	—	0,3
Ярославская	1917	35,6	1,9	3,1	24,1	12,1	—	—	14,2	—	0,6	6,9
	1919	43,6	1,5	3,1	23,5	9,3	—	—	8,5	—	0,1	8,7

В первой таблице мы уже видели, что в 1923—1924 годах, несмотря на увеличение сельскохозяйственной продукции, количество беспосевных сокращалось, и это сокращение нужно отнести за счет соответствующей экономической политики.

Было бы безнадежной утопией даже в условиях Советской России в настоящее время остановить процесс пролетаризации части крестьянства, в особенности в районах «избыточного» населения центральной черноземной полосы. Если все мелкие хозяйства будут держаться за свои клочки земли, за свое земледельческое хозяйство, то это поведет лишь к дальнейшему падению экономического уровня этой части крестьянского населения. Часть его неизбежно должна перейти в индустрию. Но этот переход будет тем легче, чем ближе будет находиться переработка сельскохозяйственных продуктов к районам их производства. Переход облегчается прежде всего тем, что переработка продуктов более интенсивного хозяйства на местах поведет

к увеличению емкости территории для сельскохозяйственного населения и увеличению добывания обрабатываемых продуктов. Постройка свекловичного завода, крахмально-паточного, первичной обработки льна, шерсти и т. д. не только дает работу пролетаризирующейся части сельского населения, но и в огромной степени вызывает потребность в увеличении продукции сырья, т.-е. увеличивает емкость территории по отношению к сельскохозяйственному населению.

Выше, при теоретическом анализе условий расширенного воспроизводства в мелком хозяйстве, мы уже указали, что для уменьшения избыточного населения в плотнонаселенных земледельческих районах, создающих резервную армию безработных, поглощение части этого избыточного населения возможно только путем интенсификации хозяйства и перехода его к переработке сельскохозяйственного сырья.

II.

Общие принципы сельскохозяйственной политики.

В аграрной политике, как и вообще в политике, сталкиваются противоположные интересы различных общественных групп, материально и непосредственно заинтересованных в том или другом ее направлении.

Трудно придумать какую-нибудь меру в области земельных отношений, от которой не выиграла бы одна какая-нибудь общественная группа и в то же время не проиграла другая. Поэтому, несмотря на то, что обычно при научном анализе аграрной политики исследователи стараются встать на объективную точку зрения, исходя из интересов всего общества, тем не менее, при ближайшем рассмотрении, часто за этим объективизмом скрывается защита каких-либо групповых интересов. Это происходит всегда не потому, что исследователь хочет непременно защищать материальные интересы одной только общественной группы, а потому, что при желании найти направление аграрной политики, соответствующей интересам всех общественных групп, приходится отождествлять интересы одной с интересами всех.

Ввиду противоречия интересов различных общественных групп, чрезвычайно трудно найти такой общий критерий, который можно было бы применить в аграрной политике для определения ее целесообразности. Это тем более трудно, что интересы одной отрасли промышленности часто сталкиваются с интересами другой, и развитие одной может происходить в ущерб другой. Например, покровительственные пошлины земледельческому хозяйству могут увеличить продукцию сельского хозяйства, но это может повести к такому их вздорожанию, к таким бедствиям городского и отчасти сельского населения, покупающего эти продукты, что увеличение сельскохозяйственной продукции может сопровождаться замедлением общего хозяйственного развития страны и обратно. Покровительство внутреннему производству сельскохозяйственных орудий путем таможенных

пошлин может дать ему толчок на повышение цен на сельскохозяйственные орудия, но в гораздо большей степени задерживает развитие производительных сил страны, вследствие плохого оборудования сельскохозяйственного производства.

Чаще всего при обсуждении аграрной политики капиталистических стран исследователи исходят из интересов сельского хозяйства, не считаясь с интересами других отраслей промышленности и отождествляя интересы сельского хозяйства с интересами какой-нибудь одной группы сельскохозяйственного населения. Например, Фон-дер Гольц, говоря об отливе сельскохозяйственного населения в города и мерах, необходимых для ослабления этого отлива, исходит из интересов сельских хозяев, а не из интересов развития всего народного хозяйства или даже не из интересов сельскохозяйственных рабочих.

Как и агрономия, сельскохозяйственная политика часто исходит из положений, что увеличение доходности единицы площади земли является единственной целью сельскохозяйственного производства; поэтому все меры, ведущие к повышению доходности земли, кажутся полезными и для развития всего народного хозяйства [1]). Именно так мотивируют в большинстве случаев свою защиту таможенного покровительства аграрии в Германии и во Франции.

Повышение хлебных цен благодаря таможенным пошлинам действительно дает возможность увеличить интенсивность хозяйства, урожайность земли и ее доходность, но это повышение урожайности происходит в данном случае именно благодаря повышенным ценам, благодаря таким малопроизводительным затратам, которые выгодны только при повышенных хлебных ценах. С точки зрения интересов развития национального хозяйства, такие дополнительные затраты труда являются вредными, так как искусственно отвлекают производительные силы общества на менее производительные затраты труда, хотя эти затраты при повышенных ценах выгодны для землевладельцев. Общая продукция страны, благодаря пошлинам, даже может и не повыситься, и тем не менее доходность земли может увеличиться благодаря одному повышению хлебных цен, а с ними и земельной ренты. Доход землевладельцев при таможенном покровительстве во всяком случае повысится, но это еще не значит, что страна будет богаче. Напротив, увеличение рентных доходов может и обычно ведет к сокращению «производительности» капитала и уменьшению дохода других классов, принимающих участие в производстве.

Уже из приведенных нами соображений видно, что главные принципы аграрной политики, не имеющей в виду защиту интересов исключительно класса землевладельцев, а защищающей интересы наиболее широких слоев населения, должны заключаться в следующем:

1) Аграрная политика должна содействовать общему развитию производительных сил страны и ни в каком случае не должна его тормозить.

---

[1]) Наши агрономы, находящиеся под сильным влиянием западно-европейских экономистов-агрономов, часто также становятся на эту точку зрения.

2) Вместе с тем она должна содействовать благосостоянию наиболее широких слоев населения страны.

Прилагая этот критерий к аграрной политике в различные периоды в различных странах, мы в большинстве случаев найдем в ней противоречия одному какому-нибудь из вышеприведенных, т.-е. найдем, что аграрная политика или тормозит экономическое развитие страны, или не соответствует интересам наиболее широких слоев населения.

Например, правительственная аграрная политика в дореволюционной России ставила своей задачей развитие сельского хозяйства, увеличение сельскохозяйственной продукции путем «ставки на сильных», облегчения более зажиточным крестьянам организовать свое хозяйство и путем ускорения перехода надельных земель от более слабых к более сильным.

Если даже допустить, что при всех системах хозяйства, существующих в различных районах России, эта политика поведет к ожидаемым последствиям, т.-е. к увеличению сельскохозяйственной продукции, то и в таком случае правительственная аграрная политика не соответствует тому критерию, который мы выдвинули. Ибо та форма, в которой проводилось разрушение общины, не ослабляет бедствия и нищету массы населения, а, напротив, усиливала их. Процесс быстрого обезземеления части деревенского населения создавал колоссальную армию безземельных и безработных, которые, находясь в бедственном положении, конкуренцией ухудшали, в свою очередь, положение наемных рабочих, занятых в земледелии и в индустрии. Может быть никогда огромная масса сельскохозяйственного населения не была в таком безвыходном положении, как тогда, когда она лишалась своей надельной земли и не имела достаточных заработков, чтобы жить наемным трудом. По крайней мере, никогда, вероятно, не было такой массы переселенцев в Сибирь и обратных переселенцев, как в начале текущего столетия после проведения в жизнь закона о выделах из общины. Никогда не было так много бездомных «шатунов», блуждавших по стране в поисках заработка.

Очевидно, аграрная политика помещичьей России если и преследовала цель увеличения сельскохозяйственной продукции, то, во всяком случае, не удовлетворяла второму требованию, которое можно предъявлять к аграрной политике: повышения экономического уровня широких народных масс. Если она и укрепляла хозяйство некоторых крестьян, повышала их благосостояние, то как раз в ущерб народным массам.

Кроме того, не при всяких условиях насильственное разрушение общины полезно для развития производительных сил в сельском хозяйстве. В СССР имеются обширные районы, где при данной плотности населения и при существующих ценах на сельскохозяйственные продукты целесообразнее общинное землепользование. Так, в среднеазиатских степях, где ведется дикое скотоводческое хозяйство, скот по временам года должен перегоняться за тысячи верст от одного района в другой. Если бы степи разделить и этим лишить возможности скотоводов пасти зимой скот на юге, а летом—на севере,

значит часть скота погибла бы и использование степей для скотоводства не везде было бы возможно.

Точно также горные пастбища на Кавказе и на Урале могут быть использованы только при общинном землепользовании. Даже в Швейцарии, при вековом частном землевладении, у подножий гор, на верхних альпийских пастбищах, где возможна только экстенсивная эксплоатация земли, сохранилось общинное землепользование.

При преобладающем скотоводческо-земледельческом хозяйстве в Сибири и Приуральи наиболее производительным является хозяйство с выгоном на общинных землях.

Таким образом, хуторское хозяйство даже с точки зрения сельскохозяйственной продукции не везде целесообразно. Аграрная политика, не считающаяся с местными особенностями и с различием земледельческой культуры в различных районах, если и может дать толчок развитию производительных сил страны, то, во всяком случае, не ведет к повышению благосостояния широких слоев населения.

С другой стороны, народничество, выступая в защиту общинного землевладения, как наиболее «справедливой» формы пользования землей, исходило из второй предпосылки, из стремления сохранить возможность землепользования для всего земледельческого населения, т.-е. исходило из интересов широких народных масс.

Ошибка тех экономистов, которые стояли за сохранение общины, исходя из народнического мировоззрения, заключалась в том, что они игнорировали первое необходимое условие целесообразной аграрной политики—необходимость развития производительных сил страны. Ибо несомненно, что интенсификация земледельческого хозяйства сопровождалась разрушением общины. Между тем, в большей части Европейской России уже давно земледельческое население настолько уплотнилось, что увеличение сельскохозяйственной продукции, развитие производительных сил в земледелии возможно лишь путем перехода к более интенсивным системам хозяйства. Интенсификация же хозяйства, как выше замечено, сопровождалась почти всегда разрушением общины. Насильственное ее сохранение в условиях самодержавной России задерживало и развитие хозяйства, а это, в свою очередь, вело к разрушению и к обнищанию мелкого хозяйства, т.-е. в конце концов противоречило той задаче, которая ставилась насильственным сохранением общины; как бы справедливо земля ни распределялась, но если производительность земледельческого хозяйства при увеличении населения падает, население будет бедствовать и голодать, несмотря на существование «справедливых» переделов земли.

Последний приведенный нами пример показывает, что защита интересов широких слоев населения возможна только при условии, если аграрная политика ведет к дальнейшему развитию производительных сил страны, потому что благосостояние широких народных масс возможно только при экономическом развитии. Но мы не можем сделать обратного вывода. Мы не можем утверждать, что экономическое развитие всегда сопровождается улучшением положения народных масс. Развитие страны может сопровождаться и обыкновенно

сопровождается при капитализме разорением массы мелких земельных собственников. Этот процесс разорения части земледельческого населения, выбрасыванием его из земледелия в индустрию в качестве индустриальных рабочих, наблюдается во всех странах и неустраним при существовании капитализма.

Как бы ни была аграрная политика демократична, она не может при существовании капитализма уничтожить последствий его развития: процесса разорения мелкого землевладельческого хозяйства и процесса выбрасывания части земледельческого населения в индустрию. Даже в Германии, где развитие хозяйства происходило наиболее быстро, огромное количество земледельческого населения принуждено было искать заработка в индустрии и создавало армии безработных.

Даже в Англии, где земледельческое население сократилось до минимума, весь прирост деревенского населения уходит в города и создает здесь армию безработных. Наконец, в Соединенных Штатах, где имеется огромный запас неиспользованных земель, часть земледельческого населения принуждена искать заработка в индустрии, продавать свои рабочие руки. Таким образом, при капиталистических отношениях в стране невозможна такая аграрная политика, которая совершенно уничтожала бы процесс пролетаризации части земледельческого населения, превышающей потребность индустрии в рабочих. Процесс передвижения земледельческого населения в индустрию при развитии народного хозяйства неизбежен и при уничтожении капитализма. Но интенсивность этого процесса в значительной мере зависит от аграрной политики.

Если до революции в России аграрная политика и вела к разорению массы земледельцев, блуждавших по России, в Сибирь и обратно, если огромное количество крестьян и продавало свои земли и превращалось в пролетариев, не имея заработка, то это явление в таких размерах вовсе не являлось неизбежным результатом развития народного хозяйства. Напротив, разорение огромного количества хозяев являлось сильнейшим тормозом развития как земледельческого хозяйства, так, в особенности, развития индустрии, для которой необходим широкий, обладающий покупательными силами, рынок.

Аграрная политика в такой же степени может ослаблять, как и усиливать гибельные для массы населения последствия перераспределения производительных сил между земледелием и индустрией, которым сопровождается развитие народного хозяйства.

Наиболее трудно определить правильное направление экономической политики по отношению к сельскому хозяйству не только потому, что условия сельскохозяйственной деятельности в различных местах не одинаковы, но и потому, что экономика сельского хозяйства теоретически менее всего разработана.

Если по отношению к индустрии является общепризнанным положение, что увеличение производительности труда является одним из важнейших условий развития производительных сил страны и главнейшим средством увеличения доходности предприятий, то по отношению к земледелию это положение далеко нельзя признать общепризнанным.

Благодаря тому, что агрономия, как наука, возникла и развилась в плотно населенных странах, где увеличение урожайности или производительности земли отождествлялось с производительностью труда, среди агрономов составилось представление, что увеличение урожайности земли всегда выгодно и вся задача агрономии и экономической политики сводится к интенсификации хозяйства. Эти предрассудки настолько прочно установились, что с точки зрения агрономов и некоторых экономистов-сельскохозяйственников почти огородное, мало производительное, но дающее максимальную урожайность китайское сельское хозяйство ставится выше, считается «производительнее» сев.-американского сельского хозяйства, потому что в Китае урожайность с единицы площади земли гораздо выше, чем в Сев. Америке, хотя в последней производительность труда в 20—30 раз выше.

Эта экономическая безграмотность является самой распространенной среди агрономов и сельскохозяйственных экономистов, а поэтому экономическая политика в области сельского хозяйства наталкивается часто на внутренние противоречия и на сопротивление крестьян, объясняемое обычно их невежеством, хотя часто оно обусловливается их здравым смыслом.

Выше мы указывали, что продуктивность труда зависит от техники, интенсивности и рациональности его затрат. Увеличение продуктивности труда может быть в результате каждого из этих условий, но во всех случаях продуктивность труда увеличивается при рационализации хозяйства, когда каждая единица труда используется более рационально.

Интенсификация хозяйства увеличивает продуктивность труда, главным образом, в плотно населенных районах, где избыток сельскохозяйственной рабочей силы делает выгодным приложения этого избытка на ту же площадь земли. Наконец, технический прогресс, обычно сокращающий затраты труда на единицу площади земли, наиболее выгоден в реже населенных сельскохозяйственных районах, где возможно расширение запашек.

Разумная комбинация этих трех факторов и увеличивает продукцию каждого района, при чем различие местных условий требует и различных комбинаций.

Развитие крестьянского хозяйства в условиях капиталистического строя идет двояким путем: или крестьянское хозяйство, накопляя капитал, переходит к эксплоатации других, более слабых, крестьянских хозяйств ростовщичеством и торговлей, или, расширяясь, стремится вытеснить другие крестьянские хозяйства, которые, разоряясь, вынуждены продавать свою рабочую силу в сельском хозяйстве и в промышленности. Разорение одних крестьянских хозяйств и слабое развитие других обусловливаются следующими обстоятельствами.

При распределении валового дохода мелкого хозяйства между «постоянным капиталом» c, который в мелком хозяйстве заменяется просто средствами производства, и между предметами непосредственного потребления членов хозяйства, заменяющими переменный капитал v (заработную плату), чем меньше валовой доход хозяйства,

тем большую долю валового дохода составляют предметы непосредственного потребления и тем меньшую долю составляют средства производства. Эта закономерность соотношения долей, на которые разделяется валовой доход мелкого хозяйства, вытекает из того, что для сохранения своего существования члены мелкого хозяйства должны потреблять известный минимум предметов, необходимых для существования. Поэтому, чем больше приближается валовой доход хозяйства к минимуму необходимых средств существования, тем меньше остается и средств производства.

Естественно, что в более слабых хозяйствах, благодаря ли неурожаю, или благодаря недостатку средств производства, часто происходит процесс проедания средств производства, превращения их в предметы непосредственного потребления путем продажи.

Предоставленная «свободной конкуренции» значительная часть хозяйств разрушается, еще большая часть влачит жалкое существование, не имея возможности увеличить средства производства для увеличения продукции.

В дореволюционный период значительная часть валового дохода крестьянских хозяйств отчуждалась в пользу землевладельцев и государства и затрачивалась непроизводительно вне предметов мелкого хозяйства.

Как мы видели, для увеличения продукции не только крупного хозяйства, но и мелкого крестьянского, необходимо увеличение доли средств производства за счет доли непроизводительного или личного потребления. Это возможно следующими двумя путями. Мелкие хозяйства, которые получают достаточный доход, из которого может отделяться все большая и большая часть на средства производства, нуждаются лишь в облегчении и помощи в приобретении необходимых средств производства: инвентаря, улучшенных семян и т. д.

В хозяйствах, получающих недостаточный валовой доход для увеличения средств производства, подвергающихся опасности затратить весь доход на личное потребление, это накопление может происходить лишь при энергичном содействии или со стороны государства или кооперации.

Воздействие экономической политики на процесс накопления в хозяйствах, имеющих достаточный доход, для того, чтобы возможно было увеличивать в них долю средств производства, выражается прежде всего в таможенной политике.

Когда крестьянское хозяйство имеет избыток сельскохозяйственных продуктов, которые необходимо продать на рынке, а вырученные деньги реализовать в какие-нибудь товары, облегчение закупки средств производства дает возможность крестьянам большую долю дохода затрачивать на них, а не на предметы личного потребления.

В период военного коммунизма, когда крестьяне продавали, часто «нелегально», сел.-хозяйственные продукты, они обменивали их на наименее нужные им товары,— на трюмо, рояли, сюртуки, ковры и т. д., хотя не имели самых необходимых сельскохозяйственных орудий.

В 1916 году благодаря необычайно высокому урожаю в Новониколаевске крестьяне скупили в парфюмерных магазинах духи, мыла серьги, кольца и т. п., так как средств сельскохозяйственного производства среди товаров в городе было недостаточно. Таким образом в обмен за продукты с.-х. производства возможно облегчить доставку и сбыт или предметов непосредственного, даже непроизводительного потребления (духи, водку, драгоценные металлы и т. д.), или предметов производительного потребления,— лучшие семена, дешевые удобрения, орудия производства и т. д.

Благодаря экономическому закону увеличения сбыта и потребления товаров при их удешевлении и сокращения сбыта и потребления при их удорожании, путем политики, влияющей на цены предметов непосредственного потребления и средств производства, можно увеличить потребление или тех или других.

Определенный минимум предметов непосредственного необходимого потребления, разумеется, должен быть обеспечен для всех хозяйств, но повышение этого минимума будет происходить за счет средств производства. Необходим довольно сложный расчет, чтобы рост личного потребления происходил в определенной пропорции по отношению к росту средств производства. Это воздействие государства на характер потребления крестьянского хозяйства может иметь даже принудительный характер. Государство путем прямых и косвенных налогов может сокращать долю непосредственного личного потребления дохода крестьянского хозяйства, и в свою очередь государственный доход, получаемый от крестьянского хозяйства, затрачивать на средства производства для тех же или для других маломощных хозяйств, снабжая улучшенными семенами, улучшенными породами скота и т. д.

Разумеется, это перераспределение и изменение характера потребления возможно лишь по отношению к крестьянским хозяйствам, получающим валовой доход, превышающий сумму необходимых средств существования. Хозяйства же, получающие слишком низкий доход, не могут сократить свое личное потребление: государственная власть может увеличить средства производства таких хозяйств лишь из доходов, получаемых из других хозяйств. Тем не менее во всех случаях задача экономической политики сводится к увеличению хозяйственного потребления мелких земледельческих хозяйств. К этому, как увидим, сводятся и задачи сельскохозяйственной кооперации. Конкретные формы увеличения сельскохозяйственной продукции крайне разнообразны и определяются условиями места и времени: в одних случаях, в одних районах при избытке рабочих рук в сельском хозяйстве требуется интенсификация хозяйства и его индустриализация, т.-е. содействие переработке сельскохозяйственных продуктов, в других случаях (в многоземельных районах) требуется улучшение техники сельского хозяйства применением сельскохозяйственных машин; во всех случаях и во всех районах выгодна рационализация хозяйства, т.-е. применение наиболее целесообразных методов работы, наиболее выгодных культур и т. д. и т. д.

III.

Землепользование.

1.

Изложенные нами общие принципы аграрной политики дают достаточно руководящих нитей для того, чтобы разобраться в отдельных вопросах. Одним из самых трудных вопросов земельной политики является вопрос о землевладении и землепользовании.

При наличности противоположных взглядов на значение различных форм землепользования высказываются весьма убедительные доводы в пользу самых различных мнений.

Сторонники мелкого землевладения, исходя из того, что оно обеспечивает существование массы крестьянства, дает ему возможность получать необходимые средства со своей земли, находят эту форму наиболее целесообразной. К изложенному соображению присоединяется еще то обстоятельство, что при наличности права собственности на земельный участок крестьянин менее связан, он охотнее делает затраты труда и необходимых средств на повышение урожайности земли и на повышение продуктивности хозяйства.

Эти последние преимущества мелкого землевладения выдвигаются не только против крупной собственности, но и против национализации. Защитники о б щ и н н о г о крестьянского землевладения приводят довольно веские соображения со своей стороны. Частная мелкая земельная собственность,— рассуждают они,— приводит к обезземелению массы крестьянства и к неравномерному распределению земли между крестьянами. Право каждого общинника на землю, гарантируемое ему общинным землевладением, обеспечивает каждому крестьянину возможность ведения своего собственного хозяйства. Сегодня наемный рабочий—завтра может сделаться самостоятельным хозяином, так как необходимый земельный участок у него имеется в общине. Таким образом, общинное землевладение является некоторой гарантией против обезземеления и пролетаризации крестьянства.

Сторонники крупного землевладения исходят из того положения, что мелкое землевладение является сильным, а иногда и непреодолимым препятствием для технического прогресса в сельском хозяйстве. Только в крупном хозяйстве, только при значительном размере землевладения возможно применение улучшенных орудий, в значительной степени увеличивающих производительность труда. Для каждого усовершенствованного орудия нужен известный минимум площади земли, на которой может быть использовано это орудие с наибольшей экономией. Рядовые сеялки, жнейки, молотилки и особенно орудия, приводимые в движение механической силой, могут быть использованы производительно только на большой площади земли. Даже использование силы лошади более производительно на большей площади земли. Распыление земли на мелкие участки не только мешает использованию лучших орудий производства, но может препятствовать и повышению культуры земли. Ибо и для ведения рационального культурного хозяйства необходим известный минимум

размеров хозяйства. Поэтому для успеха техники сельского хозяйства, для его дальнейшего развития необходимо крупное землевладение, которое обеспечивает дальнейший прогресс сельского хозяйства.

2.

Если к изложенным нами вкратце и далеко не исчерпанным аргументам приложить тот критерий аграрной политики, на который мы указали вначале, то нетрудно заметить, что сторонники каждого из изложенных выше взглядов отчасти правы, но еще в большей степенине правы. Что, взявши только одно из двух условий, указанных нами для определения целесообразности аграрной политики, сторонники той и другой формы землевладения игнорируют другое условие, или обратно, взявши другое условие, игнорируют первое. Или, принимая во внимание интересы рабочих и крестьянских масс, не принимают во внимание интересов общего экономического развития страны, или, считаясь с последним, игнорируют интересы широких народных масс. Между тем, как мы заметили, благосостояние народных масс не может быть обеспечено без экономического развития страны и, с другой стороны, экономическое развитие страны может задерживаться низким уровнем благосостояния народных масс.

В самом деле, рассмотрим соображения, которые приводятся в пользу той или другой формы землевладения.

В известной степени справедливо, что мелкая земельная собственность дает возможность многочисленному крестьянскому населению вести самостоятельное хозяйство и обеспечивает ему насущный кусок хлеба, но это возможно и при обобществлении земли.

Справедливо также, что владение землей побуждает мелкого собственника затрачивать больше труда на улучшение качества земли, на повышение ее плодородия и т. д. Повидимому, эта форма землевладения удовлетворяет обоим требованиям целесообразной аграрной политики и соответствует интересам широких народных масс и увеличению народнохозяйственной продукции. Но такое заключение было бы несправедливо.

Мелкое землевладение не всегда обеспечивает крестьянское население землею. Мелкая земельная собственность отчасти распадается на еще более мелкие земельные участки, главным образом путем раздела между наследниками. Эти участки бывают настолько малы, что не дают достаточно заработка их владельцам, ни возможности вести рационального хозяйства и даже держать скот.

Отчасти мелкая земельная собственность сосредоточивается в руках скупщиков и ростовщиков, ведет к обезземелению части населения и к выбрасыванию его из земледелия. Таким образом, мелкая земельная собственность не гарантирует население от безземелья и пролетаризации.

С другой стороны, для увеличения сельскохозяйственной продукции мелкое землевладение может явиться значительным тормозом и будет задерживать общее развитие народного хозяйства. Правда, при уплотнении населения и при необходимости перехода к более интенсивным системам хозяйства, переход от общинного экстенсивного

землевладения к частному землевладению может служить очень сильным толчком для увеличения сельскохозяйственной продукции. Уничтожение обязательного севооборота, возможность затрачивать больше труда на свой участок земли, без опасения потерять плоды этого труда при переделах, дает возможность получать с той же площади земли и при том же количестве населения большее количество продуктов, но эти положительные стороны, с развитием хозяйства, могут сделаться отрицательными, ибо для каждой системы хозяйства и для каждого уровня техники существует определенный тип хозяйства, наиболее благоприятный для развития производительных сил.

Поясню эту мысль.

Выше уже упоминалось, что, например, при диком скотоводческом хозяйстве требуется большая площадь земли для пастьбы скота на подножном корму. Точно также значительная площадь земли требуется для трехпольного зернового и плодосменного хозяйства, чтобы не только использовать рабочие силы лошади, но использовать и сельскохозяйственные орудия. Маленькие участки земли могут давать очень высокие урожаи хлеба, и тем не менее производительность труда на них будет ничтожна. Возможна, например, чисто огородная культура земли под зерновым хлебом, которая дает с данного клочка земли колоссальный урожай, и, тем не менее, этого урожая будет недостаточно для пропитания семьи и даже одного работника. Напротив, культура винограда, садовых деревьев, огородных растений не требует большой площади земли, и увеличение ее не имеет существенного значения для повышения производительности труда.

Изменение техники хозяйства так же, как изменение системы хозяйства, требует изменения и его размеров. Пока в сельском хозяйстве существовали примитивные орудия производства: соха, серп, цеп и пр., употребление этих орудий не требовало изменения формы хозяйства для их применения. Производительность труда не изменялась от того, распахивается ли сохой участок в одну десятину или в сто десятин. В последнем случае увеличивается число сох и рабочих рук. То же можно сказать о серпе, цепе и пр. Но положение существенно изменяется при возможности введения улучшенных орудий производства. Трехлемешный плуг нецелесообразно применять в хозяйстве с одной десятиной посева. Еще менее применимы в таком хозяйстве жнейки, молотилки, веялки, целый ряд других сельскохозяйственных орудий и приемов сельскохозяйственного производства, или увеличивающих производительность труда или повышающих урожайность земли путем рационализации ее эксплоатации и обработки.

Между тем, мелкая земельная собственность является сильнейшим препятствием для приспособления формы хозяйства к изменению системы хозяйства и техники. Мелкая земельная собственность фиксирует границы хозяйства и крайне затрудняет его расширение. Поэтому, например, в Бельгии количество отдельных земельных участков значительно превышает число их собственников: участки сосредоточиваются в руках одного лица, но не могут быть собраны в одно

хозяйство, так как чересполосно разделены другими участками, принадлежащими другим лицам. Правда, процесс приспособления хозяйств к данным техническим условиям и к системе хозяйства в некоторой степени происходит и при существовании мелкой земельной собственности, но со значительными препятствиями и чрезвычайно медленно.

Если мы рассмотрим статистические данные об изменении размеров хозяйства в различных районах и странах, то мы заметим некоторые изменения размеров мелких хозяйств в зависимости от изменения социально-экономических и технических условий. Но эти изменения делаются легче в направлении распадения крупных земельных участков, между тем как изменения в сторону их округления происходят очень редко. И это понятно. Распадение крупного земельного участка на несколько мелких не встречает никаких препятствий: один участок делится между несколькими хозяйствами и только. Напротив, округление, увеличение земельного участка встречает сопротивление всех других собственников, так как каждый из них стремится к тому же. Нужно стечение многих благоприятных обстоятельств для того, чтобы мелкий земельный участок увеличился в своих размерах; поэтому, несмотря на то, что для данной системы хозяйства, при данных технических условиях, существует определенный тип наиболее рационального, наиболее производительного земледельческого предприятия, может существовать большинство мелких хозяйств, совершенно не соответствующих размерам и типу такого предприятия. В этом отношении, для развития хозяйства, крупное землевладение является наиболее благоприятным, так как на крупных земельных участках могут легче организоваться хозяйства, соответствующие по своим размерам и организации требованиям наиболее выгодной системы, культуры и техники.

Но крупное частное землевладение обладает другими отрицательными сторонами, которые перевешивают его положительные стороны. На этом мы остановимся дальше.

Мелкое землевладение, стремясь к распылению, ведет к организации и сохранению таких мелких хозяйств, которые, делая в них труд наименее производительным, создают многочисленный класс полукрестьян-полурабочих, с наиболее низкими потребностями, с наиболее низким культурным уровнем и, вместе с тем, крепко привязанных к своему хозяйству. Поэтому защитники интересов крупного помещичьего хозяйства являются вместе с тем и защитниками такого мелкого хозяйства. «Существование малых и совершенно мелких владений, например, в 2 гектара и ниже на юге и западе и в 5—10 гектаров и ниже в средней и северной Германии желательно по трем основаниям. С политической точки зрения—потому, что широкая сельская оседлость обусловливает существование многочисленного класса граждан, преданных существующему государственному и общественному строю. С экономической точки зрения—потому, что мелкое землевладение, в случае чего, обеспечивает драгоценную хозяйственную сторону многим людям в их зависимом и не вполне обеспеченном промысле, напр.: поденщикам, мелким ремесленникам и т. п. С социальной точки зрения — потому, что этим предотвращаются

классовые противоречия»[1]). А так как значительное число мелких хозяйств обречено в течение известной части года на невольную бездеятельность (автор не решается употребить «грубое» слово—«голодание»), то мелкие собственники и являются поставщиками наиболее дешевых рук в крупные хозяйства.

Приводя мнение «авторитетного ученого» в области аграрной политики на значение мелкого землевладения, мы, кстати, укажем читателю на те основные предпосылки, из которых он исходит при оценке значения тех или иных форм землевладения. Этих оснований, приводимых Бухенбергером, три: мелкое хозяйство сохраняет «преданность существующему государственному строю», дает оседлость рабочим и устраняет классовые противоречия. Мы видим, что основная исходная точка зрения в аграрной политике почтенного ученого не имеет ничего общего с изложенной нами. Это еще ничуть не значит, что та или другая точка зрения имеет больше или меньше «научных оснований». В аграрной политике, как мы заметили, неизбежно защищаются интересы той или другой группы населения, и различие указанных точек зрения вытекает из различия и противоположности интересов тех групп населения, которые имеются в виду: мы взяли исходным пунктом развитие производительных сил страны и интересы широкой массы населения, а Бухенбергер имеет в виду интересы малочисленной группы землевладельцев и консерваторов.

Исходя из этих различных основных точек зрения, мы придем к различному отношению к мелкой земельной собственности. Бухенбергер, признавая полезность мелкой собственности, в сущности, потому, что она дает рабочих крупному помещичьему хозяйству, находит вредным расширение мелкого хозяйства и коренное улучшение положения мелких хозяев. Из защитника мелких хозяйств он превращается в ярого их противника. «При исключительном преобладании мелких хозяйств в государстве легко возникает расстройство народного благосостояния или даже труда»,— сообщает почтенный ученый и бывший баденский министр. Из наших предпосылок следует совершенно иной вывод. Если мелкое хозяйство существует, то в интересах развития народного хозяйства и в интересах массы сельскохозяйственного населения нужно, чтобы производительность труда в мелком хозяйстве повысилась. А одним из наиболее действительных средств для повышения производительности труда мелкого хозяйства является расширение его землепользования. Здесь мы рассматриваем только значение землевладения и поэтому не будем останавливаться на других сторонах аграрной политики, ведущих к увеличению сельскохозяйственной продукции.

Низкая производительность мелкого хозяйства обусловливается не только тем, что в нем невозможно применение улучшенных сельскохозяйственных орудий, повышающих производительность труда, но и тем, что, обыкновенно, мелкое хозяйство располагает большим количеством рабочих рук, чем необходимо и выгодно (при данных

---

[1]) А. Бухенбергер—«Основные вопросы сельскохозяйственной экономической политики» (стр. 23).

ценах на продукты) приложить их на имеющийся участок земли. Дополнительные затраты труда так мало производительны, что, обычно, мелкие хозяева предпочитают продавать часть своей рабочей силы, чем прилагать ее дополнительно на своем небольшом участке. Очевидно, для увеличения продукции мелкого хозяйства и для повышения благосостояния массы крестьян необходимо расширение их землепользования, приложение их труда на большую площадь земли. Это расширение площади крестьянского хозяйства в большинстве случаев возможно только за счет расселения и переселения.

Крупный земельный участок может быть разбит на ряд мелких, если при данных экономических и социальных условиях мелкое хозяйство является наиболее удобным, и обратно, если ведение крупного хозяйства дает значительные преимущества, на крупном участке земли возможно и ведение крупного хозяйства. Этим преимуществом, этой гибкостью и приспособляемостью никогда не может обладать мелкая земельная собственность. Английское фермерское хозяйство, например, показывает довольно точно, каких размеров и какого типа хозяйство наиболее рационально при данных хозяйственных условиях Англии. Ибо фермерские хозяйства, расположенные на крупных землевладельческих участках, могут легко расширяться или сокращаться в пределах крупного земельного участка путем расширения и сокращения аренды. Но эти преимущества крупного частного землевладения совершенно бледнеют перед его отрицательными сторонами, которые являются результатом крупной *частной* земельной собственности.

3.

Землевладелец вовсе не ставит своей задачей защиту интересов массы населения и развитие народного хозяйства. Единственная цель, которую он преследует — это увеличение доходности земли, увеличение получаемой им земельной ренты. А это увеличение всегда стоит в противоречии с интересами широких народных масс и часто находится в противоречии с интересами развития народного хозяйства.

Достаточно известно, как ирландские землевладельцы, выжимая последние соки из арендаторов, не только разорили страну, но и разогнали население. Разумеется, они стремились увеличить доходы со своей земли и увеличивали их в ущерб всему остальному населению и хозяйственному развитию страны. Русские крупные землевладельцы, сдававшие крестьянам в аренду землю по повышенным ценам, разоряли крестьян и вместе с тем истощали свои земли, благодаря плохой обработке. Таким образом крупное частное землевладение в руках частного собственника, преследующего единственную цель — наживу, теряет то главное преимущество, которое делает крупные земельные участки самыми удобными для организации на них наиболее рациональных при данных условиях хозяйств.

Стремясь увеличить свой доход, крупный землевладелец пользуется всеми мерами для повышения земельной ренты. Одной из побудительных причин, заставляющих арендаторов-крестьян повышать

арендную плату, является «земельный голод», необходимость арендной запашки и недостаток средств, получаемых со своего хозяйства. Отдавая в виде арендной платы значительную часть своих продуктов, получаемых с арендуемой земли, арендатор, разумеется, не может заниматься улучшением хозяйства, затрачивать средства на улучшение хозяйственной продукции, потому что этими средствами он принужден оплачивать землевладельцу аренду земли. Округление путем аренды мелких земледельческих хозяйств ведет не к повышению благосостояния мелких земледельческих хозяйств, не к улучшению техники и культуры земли, а к мало производительным затратам живого труда без достаточных средств производства, без использования технического прогресса и культуры.

Наилучшим путем использования преимуществ крупного землевладения является путь его обобществления, перехода в распоряжение общества. Только общественная власть может не преследовать исключительно целей наживы, а иметь в виду интересы хозяйственного развития всего общества и повышение благосостояния широких народных масс; только при таких условиях могут создаваться на крупных земельных участках хозяйства, соответствующие условиям развития техники и культуры. До тех же пор, пока крупное землевладение являлось частной собственностью, пока возможно значительное расширение общественной земельной собственности, переход крупного землевладения в руки мелких собственников являлся более выгодным в интересах повышения благосостояния крестьянского населения, с которым тесно связано и развитие внутреннего рынка, развитие индустрии и т. д.

Правда, впоследствии, распыление землепользования явится тормозом для дальнейшего развития народного хозяйства, для организации более рационального земледельческого хозяйства, но ради будущего нельзя жертвовать интересами настоящего, насущными интересами широких народных масс. В известной мере всегда возможно некоторое расширение общественного землепользования (кооперирование), и аграрная политика, преследующая общественные интересы, может при всяких условиях тем или иным путем добиваться этой цели.

Расширение мелкого землепользования путем покупки земли, фиксируя мелкие участки земли, ее распыление, имеет еще одну сторону, крайне вредно отражающуюся на развитии хозяйства. Обыкновенно крестьяне, покупая землю, кредитуются и на много лет делаются данниками своих кредиторов. В таких случаях значительная часть дохода от мелкого хозяйства делается доходом ссудного капитала, и мелкий землевладелец часто находится в худшем положении, чем арендатор. Поэтому, если аграрная политика, содействуя расширению мелкого землевладения не только не уменьшает, а увеличивает потери за купленную землю, то ее последствия могут быть не менее вредны, чем тогда, когда она прямо борется против мелкого хозяйства. Наделение крестьян землею в 1861 году стоило так дорого крестьянам, что в последующий период крестьяне «землевладельцы» не только не могли повысить уровня своего благосостояния, но все более разорялись. Точно также продажа помещичьих

земель через крестьянский банк по вздутым ценам часто вела не к повышению благосостояния крестьян, а к окончательному их разорению.

Истинной подкладкой такой аграрной политики, направленной якобы к расширению мелкого землевладения, а в действительности к отягощению его долгами, являлось желание повысить цены на землю крупных землевладельцев и таким путем повысить их доход. За «содействием» мелкому хозяйству скрывалось стремление сохранить и крупное землевладение и облегчить продажу по повышенной цене тех имений, которые ликвидируются вследствие разорения их владельцев.

Даже мотивировка аграрной политики, направленной к сохранению крупного землевладения и имеющей якобы в виду интересы всего общества, в сущности, обнаруживает защиту узких групповых интересов.

Так, цитированный уже нами проф. Бухенбергер находит необходимым сохранение крупного землевладения, во-первых, потому, что крупные землевладельцы обладают достаточными материальными средствами и образованием, во-вторых, потому, что они, вследствие своей экономической независимости, «особенно способны и призваны к почетной службе в поместной жизни — в общинах и в более крупных административных единицах. Особенный вред получился бы для спокойного развития государственной жизни, если бы не было верхней палаты, где крупное землевладение имеет задачею представлять консервативный элемент государственной жизни».

Не трудно видеть, что если действительно исходить из интересов развития общества, то нужно притти к противоположным выводам, а именно: чтобы добиться первого результата — технического прогресса и образования сельских хозяев, нужно уничтожить эксплоатацию земледельцев крупными собственниками, дать первым возможность получить сельскохозяйственное образование и возможность улучшить технику. Это наиболее действительный путь для применения науки к сельскому хозяйству. Напротив, крупные землевладельцы не могут лично ничего дать для развития земледелия, так как чем богаче и крупнее землевладелец, тем он невежественнее в сельском хозяйстве, тем меньше им занят и тем больше занят исключительно проживанием своих доходов.

Точно также «преимущество» экономической независимости крупного землевладельца перед мелкими собственниками очень легко сделать общим достоянием последних, если они сделаются экономически независимыми, если крупная земельная собственность перестанет быть орудием их закабаления. Что касается склонности крупных землевладельцев к почетным должностям, то не меньшую склонность к этому имеют и другие граждане, проявляя при этом большую культурность. Наконец, стремление к застою и к реакции («консервативный элемент») крупного землевладения едва ли так необходимо для развития общества...

4.

Форма общинного землевладения, обладая теми преимуществами, которые дает крупное землевладение, вместе с тем имеет и положительные стороны, которые имеются у мелкого частного землевладения.

И те, и другие преимущества заключаются вовсе не в том, в чем видят их сторонники общины.

Сторонники общинного землевладения видят его преимущества в том, что оно вносит «справедливое» равенство в пользование землей и, как результат этого, создает некоторое экономическое равенство. Поэтому, сторонники общины видят особенную ее прелесть в уравнительных переделах.

Мы уже упоминали, что само по себе экономическое равенство без развития производительных сил приводит к равенству нищеты. Ибо чем более развивается в стране товарный обмен, чем больше имеют значения в организации хозяйства средства производства, затраты на улучшение средств и качества земли и орудий производства, тем больше будет разница между сильными и слабыми хозяйствами. При развитии производительных сил при капитализме не только неизбежно выпадение более слабых хозяйств, но увеличивается и различие между более сильными и более слабыми хозяйствами. Естественно, что при таких условиях переделы без вознаграждений сделанных усовершенствований на отдельных участках земли, точно так же, как и лишение отдельных хозяев возможности вести свое хозяйство не по обязательному севообороту, без возможности выделиться из общины на отрубной участок, являются сильнейшим препятствием к хозяйственному прогрессу. Устранение отрицательных сторон существующего общинного землевладения является одной из труднейших задач аграрной политики.

Мы указывали на то, что при различных системах хозяйства требуются и различные формы землепользования. Общественное землевладение имеет те преимущества, что при нем возможны самые различные формы: могут быть различные периоды пользования, могут быть различные размеры пользования, начиная от нескольких квадратных саженей и кончая сотнями десятин на хозяйство. Задача аграрной политики и заключается в том, чтобы сделать общественное землевладение наиболее гибким, наиболее доступным для всяких форм, пригодных в том или другом месте, при тех или других хозяйственных условиях. Русская земельная община *могла бы* быть одной из наиболее гибких форм землевладения, но, в большинстве случаев, за немногими исключениями, она не была таковой. Аграрная же политика в царской России не только никогда не стремилась облегчить приспособление формы землевладения к различным формам хозяйства, но излишней, чисто бюрократической регламентацией придавала землевладению наиболее окостенелые формы. Прежде «покровительство» общинному землевладению делало «землевладельцами» даже тех крестьян, которые должны были приплачивать за то, чтобы иметь возможность бросить земледелие и передать наделы другим.

Мы рассмотрели различные формы землевладения и на основании изложенного можем притти к некоторым выводам.

Развитие капитализма во всех странах несет неисчислимые бедствия для земледельческого населения. Неизбежный, но излишний

переход значительной его части в индустрию, в область обмена товаров и т. п. вызывается обыкновенно процессом быстрого разорения тех хозяйств, которые поставляют рабочих в город. Но аграрная политика Советской России в значительной мере может ослабить тяжелые последствия перехода к индустрии, ослабить процесс разорения и обнищания значительной части хозяйств, содействуя вместе с тем развитию производительных сил.

Гораздо проще вопрос о размерах землепользования: чем большею площадью земли обладает хозяйство, тем производительнее в нем труд. И увеличение производительности труда, и повышение благосостояния массы населения тесно связаны с расширением площади его землепользования. Поэтому, расширение крестьянского землепользования на наиболее выгодных условиях для земледельцев является более благоприятным и для массы населения, и для развития его производительных сил.

В связи с вопросом о землепользовании является вопрос о переселении и колонизации, имеющий очень большое значение в аграрной политике.

IV.

Задачи и общие условия с.-х. расселения СССР.

1.

При переселении и расселении обычно ставится задача использовать для хозяйственных целей наибольшую площадь территории. Население, переходя с одного места на другое, неся ради этого много материальных и моральных жертв и теряя массу энергии, рассчитывает путем расселения прежде всего увеличить свою продукцию использованием не эксплоатируемой или мало эксплоатируемой земли.

Очевидно также, что и государственная власть, затрачивая иногда значительные средства на подготовку земель для переселения, на передвижение населения, на пути сообщения, наконец, на помощь переселенцам, делает эти затраты потому, что переселения и расселения дают общее повышение продукции страны, увеличение производительности труда и повышение благосостояния как переселившегося, так и оставшегося населения, так как расселение населения, экстенсификация хозяйства или расширение эксплоатируемой площади земли увеличивают производительность труда сельскохозяйственного населения. Формулируя это положение в экономических терминах, мы можем сказать, что уменьшение затрат труда на единицу всей площади эксплоатируемой земли ведет к увеличению производительности труда и обратно, — увеличение затрат труда на единицу территории ведет к падению производительности труда. Поэтому сельскохозяйственное население всегда стремилось и стремится к расширению площади эксплоатируемой земли, чтобы увеличить продукцию, поэтому захват земель крупным землевладением служил средством эксплоатации сельскохозяйственного населения, так как он сокращал площадь, находившуюся в руках земледельцев.

Но сам по себе факт увеличения производительности труда от расселения еще не дает критерия, при каких условиях и всегда ли

расселение увеличивает продуктивность труда, и если увеличивает, то насколько?

Мы знаем, что для частного хозяйства даже увеличение продуктивности труда не всегда является выгодным, если это увеличение совопровождается уменьшением денежного дохода хозяйства при более низких ценах производимых продуктов на новом месте. Так, малопродуктивное, малоземельное подгородное хозяйство может быть выгоднее, чем более продуктивное многоземельное хозяйство, находящееся вдали от рынка. Поэтому, при переселении увеличение продукции должно сопровождаться увеличением доходности хозяйства, чтобы земледелец нашел выгодным переселяться. Кроме того, увеличение продукции от переселения может быть настолько незначительным, что не покроет тех материальных жертв, которые связаны с переселением. Предварительное решение всех этих вопросов является необходимым при практическом решении каждого колонизационного вопроса, так как нельзя прибегать к мероприятиям, результаты которых неизвестны.

Факт увеличения производительности труда от переселения на редко населенные земли и увеличения от этого доходности хозяйств, даже при более низких ценах на сельскохозяйственные продукты, т.-е. увеличения производительности труда при экстенсификации хозяйства, настолько твердо практически установлен и общеизвестен, что, например, в Соединенных Штатах Северной Америки проводились железные дороги в пустынных, незанятых земледельческим населением местах, с твердым расчетом, что эти земли будут заняты и населены в ближайшее время земледельческим населением, как только, благодаря железной дороге, они будут доступны для хозяйственной эксплоатации. Этот расчет вполне оправдывался, и земли вдоль железной дороги занимались не только эмигрантами из плотно населенных европейских стран, но и переселенцами из других плотнее населенных штатов Северной Америки. Но как практика Соед. Штатов Сев. Америки, так и практика других государств и в том числе России не основывалась на точном учете различия производительности труда в различных районах, а опиралась лишь на простой эмпирический вывод, что население стремится передвинуться из плотно населенных сельскохозяйственных районов в реже населенные.

Многие теоретики-экономисты, зная общеизвестный факт стремления земледельцев к расширению землепользования и увеличению этим путем производительности труда, в то же время отрицают этот факт, если он формулирован в экономических терминах, как увеличение производительности от уменьшения затрат труда на единицу площади земли. Точно также практическая переселенческая политика и политика железнодорожного строительства не учитывает степени изменения производительности труда от расселения, а просто исходит из вывода, что население стремится к расселению и займет земли, которые не эксплоатируются.

Между тем, и для переселенческой политики и, в частности, для строительства путей сообщения необходимо знать предварительно, насколько увеличивается производительность труда при расселении,

при какой плотности населения в том или другом районе получается максимальная продукция страны.

Различие производительности труда в зависимости от плотности населения значительно больше, чем различие производительности труда в плотно населенных районах в зависимости от естественных условий, но не во всех районах. В приведенных выше данных о различии производительности труда в плотно населенных районах продукция в черноземных безлесных районах на сто рабочих достигает 5.869,5 пуда, а в нечерноземных лесных—3.630,4 пуд. Если же мы сравним производительность труда в безлесных черноземных районах с различной плотностью населения, то найдем, что в наиболее редко населенных районах производительность труда 100 работников достигает 15.020,8 пуд. Принимая производительность труда в черноземных безлесных районах с количеством удобной земли до 200 десятин на 100 работников за сто, мы получаем следующую таблицу:

До 200 дес.	100 пуд.	От 500 до 700 дес.	250 дес.
От 200 до 300 дес.	120 „	„ 700 „ 1000 „	283 „
„ 300 „ 500 „	145 „	Свыше 1000 дес.	303 „

Из приведенных цифр видно, что в черноземных безлесных районах производительность труда при добывании хлеба падает по мере уплотнения населения и повышается по мере его разрежения. При этом наибольший скачок в росте производительности труда замечается в группе, в которой площадь земли на 100 работников повышается до 500—700 дес. Этот факт дает основание сделать вывод, что оптимальная плотность земледельческого населения для наилучшего использования территории и рабочих сил страны для получения зерна будет 5—7 дес. на одного сельскохозяйственного рабочего (считая мужчин и женщин).

Таким образом, для черноземных районов приведенные данные в вопросе о колонизации и переселении дают объективный критерий плотности населения, которая является наиболее рациональной при нарезке земли переселенцам и при их расселении.

Приблизительно те же выводы получаются и при анализе производительности труда в безлесных нечерноземных районах и лесных черноземных, но здесь оптимальный размер площади земли на работника несколько повышается.

Совершенно иначе влияет на хлебную продукцию разрежение населения в нечерноземных лесных районах.

Сравнивая производительность труда при производстве хлебов в различных по плотности населения уездах нечерноземных лесных районов, мы видим, что плотность населения почти не влияет на производительность труда, и только в самых редко населенных районах хлебная продукция значительно повышается. Если принять во внимание, что и в плотно и редко населенных районах нечерноземной лесной полосы хлебная продукция, относительно, очень низка, то ясно что, колонизация и расселение в этих районах не могут служить средством для увеличения *хлебной* продукции, и что здесь

расселение населения может увеличить продукцию в других областях народного хозяйства.

Переходя к другой, наиболее важной после хлебов, стороне сельскохозяйственной продукции—к животноводству, мы находим почти аналогичное влияние на животноводство плотности сельскохозяйственного населения и естественных условий.

Принимая продукцию при наиболее плотном населении за 100, ее размеры при наиболее благоприятных естественных условиях в черноземных безлесных районах и в наименее благоприятных условиях в нечерноземных лесных районах выражаются следующими цифрами:

Количество рогатого скота на 100 работников будет:

Удобной земли.	Черноземн. безлесн.	Нечерноз. лесной
До 200 десятин	100	—
От 200 до 300 десятин	111	100
„ 300 „ 500 „	143	106
„ 500 „ 700 „	243	123
„ 700 „ 1000 „	310	130
Свыше 1000 десятин	488	233

Продукция в животноводстве, по мере разрежения населения, растет в огромной степени в черноземных районах. Но и в лесных нечерноземных уездах количество рогатого скота увеличивается по мере разрежения населения.

Таким образом, если в производстве хлебов переселение и колонизация в нечерноземные лесные районы почти не увеличивают продукции населения, то в добывании продуктов животноводства замечается некоторый прирост, дающий возможность увеличивать общую продукцию народного хозяйства. Увеличение количества рогатого скота имеет значение для увеличения производства молочных продуктов, выдерживающих, благодаря своей высокой ценности, перевозку на далекое расстояние, на мировой рынок. Поэтому расселение по редко населенным районам может не уменьшить товарности производства переселяющихся хозяйств, поскольку они увеличивают количество рогатого скота.

Слабое увеличение продукции хлеба в лесных нечерноземных районах ставит проблему расселения и колонизации в таких районах в связь с возможностью увеличить продукцию в других областях народного хозяйства, ибо слабое увеличение количества рогатого скота при переселении не настолько увеличивает доходность земледельческого хозяйства, чтобы оно могло компенсировать большие затраты труда и капитала на расчистку и использование лесных, редко населенных районов. Поэтому в лесных как в плотно населенных, так и в редко населенных районах, значительным подспорьем к сельскому хозяйству являются промыслы или переработка сельскохозяйственных продуктов.

В плотно населенных лесных районах, кроме промыслов по эксплоатации и переработке леса, имеет большое значение переработка

сельскохозяйственных продуктов, картофеля и в особенности волокнистых растений—льна и конопли. Переработка сельскохозяйственных продуктов, увеличивая трудоемкость эксплоатируемой под пашни земли, дает возможность получить большую сумму дохода с единицы площади земли и таким путем компенсировать меньшую производительность зернового хозяйства. Но производство картофеля и его переработка требуют накопления капитала для крахмального завода или близости потребляющего рынка.

В редко населенных районах, при отдаленности их от рынка, при слабо развитых путях сообщения, переход очень труден, и потому здесь редкое население прибегает обычно к использованию естественных богатств, не требующих затраты капитала. Здесь охота занимает обычно самое крупное место среди промыслов населения.

Но ясно, что переселение в такие районы и относительное уплотнение населения не только не поведет к увеличению продуктивности этого промысла, но, напротив, поведет к его сокращению. Этот источник доходов для переселенцев в лесные нечерноземные районы не может не приниматься во внимание. Таким образом, переселение в лесные нечерноземные районы в сколько-нибудь значительных размерах может происходить лишь с увеличением эксплоатации лесов и земельных недр. Эксплоатация горных богатств зависит от их расположения и возможна лишь в определенных пунктах. Остается только эксплоатация лесов, как главный источник промыслового заработка.

Но эксплоатация лесов, если не допускать хищнического их истребления за бесценок, требует затрат капитала на проведение путей сообщения и на оборудование предприятий для механической и химической обработки дерева. Таким образом, процесс колонизации лесных районов для повышения продукции страны и колонизуемого населения требует затраты значительных капиталов не только на устройство путей сообщения, на расчистку земель для хозяйства колонизующегося района населения, но и на эксплоатацию лесов, которая должна быть одним из главных источников промыслового заработка для поселенцев. Для увеличения производительности каждой единицы затрачиваемого труда как в индустрии, так и в сельском хозяйстве имеет главное значение затрата капитала, прилагаемого в производстве на единицу живого труда. Чем больше в стране накопленного капитала, тем выше (при прочих равных условиях) производительность труда и в индустрии, и в земледелии.

Если в стране накопление капитала (орудий и средств производства) на каждого работника составляет 20 тыс. руб., то производительность труда при одинаковых естественных условиях будет приблизительно вдвое выше, чем в стране, имеющей накопленного капитала в 10 тыс. руб. на работника. Это различие в накопленном капитале выражается в техническом прогрессе.

Производительность труда в богатой стране потому и выше, что в ней имеется больше накопленного капитала в виде технического оборудования предприятий, а более бедная страна этого не имеет. Поэтому приходится рассчитывать, при каких условиях при наименьших

затратах возможно получить максимальный результат, максимальную продукцию. Этот расчет имеет первостепенное значение и при колонизации, так как здесь, как и в любом предприятии, требуется расчет, при каких условиях определенные жертвы со стороны государства и переселенцев дадут максимальные результаты.

При том состоянии производительных сил и степени накопления капитала, которое было в России, мы видели, что производительность труда в безлесных районах очень сильно увеличивается при разрежении населения. Чтобы выяснить, какое влияние на производительность труда при различной плотности населения имеет степень накопления капитала в стране, я сравнил продукцию богатых Соедин. Штатов Северной Америки и гораздо более бедной России в районах с одинаковой плотностью населения. Сравнение дает следующую картину:

Принимая продукцию в России при 300—500 дес. на работника за 100, мы находим:

	На сто работников земли:			
	В России.		В Соед. Штатах.	
	Хлебов.	Крупн. рог. скота.	Хлебов.	Крупн. рог. скота.
1) 300—500 десятин	100%	100%	106%	111%
2) 500—700 „	172	170	286	289
3) свыше 700 десятин	210	339	964	752

Сравнивая производительность труда в России и Соединенных Штатах Сев. Америки, мы находим, что, несмотря на богатство Соед. Штатов, продукция хлебов и рогатого скота в плотно населенных районах почти такая же, как в России. В этих плотно населенных районах американские сельские хозяева больше производят продуктов садоводства и огородничества, требующих ручного труда. Но, по мере разрежения населения, производительность труда американцев при производстве хлебов и корма для скота в колоссальной степени растет и в несколько раз превышает продукцию сельского населения России в таких же редко населенных районах.

Следовательно, чем богаче страна, тем больше разница в производительности труда плотно и редко населенных районов, тем больше увеличивается продукция страны от переселения населения в редко населенные районы.

Главнейшие затраты капитала более богатых стран и, в частности, Соединенных Штатов Сев. Америки, дающие увеличение продукции сельского хозяйства, заключаются в проведении железных дорог и вообще в улучшении путей сообщения для облегчения сбыта сельскохозяйственных продуктов на рынок.

Уже в результате этого сбыта и расширения запашек и подъема экономического уровня населения является возможность для земледельческого населения покупать улучшенные орудия производства, которые, в свою очередь, дают возможность дальнейшего расширения запашек и посева и дальнейшего увеличения продукции.

Сравнение размеров продукции в России и Соедин. Штатах Сев. Америки (см. последнюю таблицу),—и относительных и абсолютных,— показывает следующее: при более редком населении производительность труда даже в более бедной России настолько повышается, что в редко населенных черноземных районах России и продукция хлебов, и продукция добычи корма для скота больше, чем в плотно населенных районах богатых Соединенных Штатов.

Между тем, как в редко населенных районах России 100 работников производят хлебов 15.010 пудов и корма для 271,3 голов рогатого скота, в плотно населенных Штатах Северной Америки 100 работников производят 7.551,8 пудов хлебов и корма для 89,1 голов рогатого скота. Этот факт имеет огромное значение для оценки влияния колонизации и расселения на производство зерновых и животных продуктов в такой экономически отсталой стране, как Россия.

Не имея достаточно накопленного капитала, который мог бы увеличивать производительность каждой единицы затрачиваемого труда в сельском хозяйстве, народное хозяйство может увеличивать свою продукцию путем использования реже населенных районов, где, несмотря на недостаточность накопленного капитала, производительность труда выше, чем в плотно населенных районах богатых стран. А увеличение продукции страны и является средством накопления как сельскохозяйственного, так и индустриального капитала.

Резюмируя те выводы, которые вытекают из анализа влияния плотности населения и естественных условий на производительность труда, мы находим, что в зависимости от естественных условий значение расселения и переселения не одинаково. На плодородных землях с незначительной площадью лесов (до 15% общей площади удобной земли) производительность труда повышается при разрежении населения настолько значительно, что имеет большее значение, чем накопление капитала. Это увеличение, однако, происходит неодинаково, и в среднем оптимальный размер площади земли на одного работника равняется 5—7 дес. удобной земли.

Такое же значение имеет расселение населения по черноземным лесным и нечерноземным безлесным районам, хотя здесь продукция сельскохозяйственного населения, по мере его расселения, растет слабее.

Наконец, в лесных нечерноземных районах увеличение продукции при их колонизации может расти за счет роста скотоводства и, главным образом, за счет эксплоатации лесов лесными промыслами. Но эксплоатация лесов требует наличности путей сообщения—водных и железнодорожных, приближающих редко населенные районы к рынку—и затраты значительных капиталов на самую эксплоатацию лесов, особенно в рациональных ее формах.

Ввиду того, что леса и продукты их эксплоатации должны приобретать на мировом рынке все большую и большую ценность, вследствие общего сокращения мирового лесного фонда, эта отрасль промышленности имеет огромное будущее, а, следовательно, и связанная

с нею колонизация. Но в настоящее время колонизация лесных районов возможна только вблизи имеющихся или строящихся путей сообщения.

Разумеется, и в черноземных и нечерноземных степных районах для колонизации необходимы пути сообщения для сбыта продуктов сельского хозяйства на рынок, но последние выдерживают более далекий гужевой путь до железных дорог и водных путей; поэтому емкость территории этих районов значительно больше.

Разумеется, эти общие выводы об условиях колонизации при конкретном их применении требуют дополнительной работы в каждом конкретном случае по отношению к каждому району, так как емкость территории и производительность труда в каждом районе зависят от местных естественных и социальных условий, свойственных данному району. Выше мы наметили лишь общие теоретические предпосылки, определяющие в общих чертах условия колонизации и расселения и принципы колонизационной политики.

2.

Для народного хозяйства, где нет привилегированных эксплоатирующих классов, товарообмен с экономически более отсталыми странами необходим, но вовсе не необходимо их политическое подчинение и экономическая эксплоатация.

Благодаря разнообразию естественных и социальных условий (плотность населения) и степени накопления капитала в отдельных странах, производительность труда в различных отраслях производства в разных странах не одинакова. Различие климатов и почвы создает различие производительности труда при производстве сельскохозяйственных продуктов, которые в одном климате могут произрастать, в другом климате не могут. В редко населенных районах производительность труда при производстве зерновых продуктов, при одинаковых технических условиях выше, чем в плотно населенных районах. Наконец, накопление капитала увеличивает производительность во всех отраслях хозяйства. Все эти условия, влияющие на производительность труда в производстве того или другого продукта в разных районах и странах, делают необходимым товарообмен между ними,— международное и междурайонное разделение труда. «Колониальные» страны должны и будут обмениваться с экономически более развитыми странами и при крушении капиталистического строя, но эксплоатация первых последними не вытекает непосредственно из товарообмена. Задача экономической политики по отношению к отсталым странам или районам заключается не в том, чтобы уничтожить с ними товарообмен и экономические отношения, а в том, чтобы эти экономические отношения установились на почве равенства экономического и политического.

В противовес хищнической и несправедливой экономической политике самодержавной России, после революции местами был резкий уклон в противоположную сторону; например, в противоположность колонизационной политике в среднеазиатских областях, где русский национализм, не считаясь с интересами кочевников, колонизовал

земли выходцами из Европейской России, создался местный национализм, уничтоживший русские поселки и стремившийся поставить население в бесправное положение. Разумеется, такие уклоны также вредны, как и уклоны исключительного покровительства «господствующей нации».

Кочевникам, обладающим свыше сотни десятин на хозяйство, разумеется, хочется сохранить за собою обширные территории, как их собственный фонд, и не пускать земледельцев, которые бежали от малоземелья, и хочется сохранить привычные формы хозяйства даже на землях, пригодных для более интенсивной культуры. Прежде, не считаясь с интересами местного населения, не оказывая содействия переходу их к более интенсивной культуре, у них отбирали землю, предоставляя кочевникам разоряться и вымирать. Задача политики рационального расселения сельскохозяйственного населения заключается в том, чтобы, рационализируя хозяйства местных жителей, повышая их экономический уровень, увеличить емкость редко населенных районов, чтобы при переселении туда земледельцев из плотно населенных районов не ухудшать этим положения местных жителей, а улучшить его.

V.

Условия развития с.-х. кооперации.

1.

Перед народным хозяйством Советской России в настоящее время стоит трудная задача восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства, расшатанного в годы империалистической и гражданской войны. Трудность задачи заключается не только в том, что в экономически отсталой, разоренной войнами стране трудно наладить и восстановить хозяйство, но и в том, что задача восстановления и развития хозяйства Советской России должна быть решена при условии сохранения экономической и политической независимости от окружающих более богатых империалистических стран, стремящихся более отсталые страны превратить в свои колонии и подчинить их себе экономически и политически. Кроме того, для восстановления и развития хозяйства необходимо накопление капитала в виде орудий и средств производства. Это накопление во всех капиталистических странах происходит путем обогащения частных предпринимателей, которые, по мере развития хозяйства, сосредоточивали в своих руках все большую и большую часть народнохозяйственного дохода и средств производства. Развитие хозяйства использовалось все более и более узким кругом капиталистов и землевладельцев за счет всей массы трудящегося населения: обогащение одних сопровождалось и сопровождается в капиталистических странах разорением и пролетаризацией остального населения.

Напрасно защитники капиталистического строя пытались доказывать, что развитие капиталистического хозяйства не ведет к процессу концентрации капитала в руках немногих, как утверждали марксисты. Экономическая действительность во всех капиталистических странах показывает, что чем «богаче» страна, тем больше

сосредоточиваются богатства в руках магнатов капитала, приобретающих все большую и большую не только экономическую, но и политическую силу.

С другой стороны, защитники мелкого хозяйства старались доказать, что, по крайней мере, в сельском хозяйстве, при его развитии, не происходит процесса концентрации и капитализации сельскохозяйственного промысла; что «трудовое хозяйство» имеет такие преимущества перед капиталистическим, что даже в условиях капиталистического строя оно с успехом борется с капитализмом и может сохраниться; что с помощью кооперации мелкое хозяйство не только будет успешно бороться за свое существование, но в экономической борьбе с капитализмом может его победить и путем мирной экономической борьбы ввести общество в царство социализма.

Отвергая все утопические надежды на мирное врастание социализма в условиях капиталистического строя, считая неизбежным при этих условиях процессы дальнейшего классового расслоения общества, при развитии его производительных сил, марксизм в Советской России, где господство крупного капитала и крупного землевладения сломлено, ставит необычайно трудную, но вполне осуществимую задачу — развития народного хозяйства, развития в нем производительных сил, путем не частнохозяйственного, а общественно-хозяйственного накопления, путем замены расширения частных капиталистических предприятий расширением общественных предприятий, общественного капитала.

Эта задача является особенно трудной в условиях сельскохозяйственного производства, где почти исключительно господствует мелкое крестьянское хозяйство со всеми свойственными ему отрицательными сторонами и со свойственным ему внутренним противоречием. Ибо частное мелкое хозяйство, поскольку оно накопляет, поскольку его производственные силы растут, имеет тенденцию превратиться в капиталистическое хозяйство с наемным трудом, стремится к эксплоатации своих, менее мощных, соседей. Между тем, развитие производственных сил страны, для увеличения ее продукции требует увеличения экономической мощи мелких хозяйств, обладающих вышеуказанной тенденцией. Это внутреннее противоречие, неразрешимое в условиях господства крупного частного капитала в условиях Советской России, разрешимо с помощью кооперации.

Чтобы выяснить пути, которыми возможно изменить тенденции развития мелкого хозяйства в процессе развития производительных сил, мы должны предварительно остановиться на анализе процесса его развития в условиях капиталистического строя, в условиях господства буржуазии.

2.

Мы уже указывали выше, что тенденции развития крестьянского мелкого хозяйства несколько различны в условиях плотно и редко населенных районов.

В плотно населенных земледельческих районах, где расширение запашек невозможно даже и для более мощных мелких хозяйств,

вследствие того, что и слабые крестьянские хозяйства крепко держатся за землю, не имея других источников существования, здесь зажиточные хозяйства при дальнейшем процессе накопления увеличивают затраты не столько в свое собственное земледельческое хозяйство, сколько на эксплоатацию своих соседей путем ростовщичества, скупки сырья и торговли предметами потребления деревенского населения. Иными словами, при невозможности расширения земледельческого хозяйства, более зажиточные хозяйства переводят накопляющийся капитал в кредитный или торговый; в земледелие же капитал вкладывается постольку, поскольку соседние хозяйства уходят от земли и их земли сосредоточиваются в руках более мощных хозяев.

Во всяком случае, при возможности эксплоатации соседей ростовщичеством, скупкой сырья и торговлей, процесс дифференциации крестьянских хозяйств в большей мере идет по этому пути, по пути накопления торгового капитала, потому что здесь накопляющийся капитал дает большую прибыль, чем при затрате его в собственное земледельческое хозяйство. Поэтому накопляющийся в отдельных хозяйствах капитал, направляясь на эксплоатацию земледельческих хозяйств и крестьянских промыслов, в сущности отрывается от сельского хозяйства и выступает как кредитный, торговый, а потом промышленный капитал. Известно, что крупные капиталисты мануфактурной промышленности, Морозовы, Коншины и т. д., выросли из крестьян-кустарей, скупавших изделия своих соседей и перекачивавших таким образом накопляющийся капитал из сельского хозяйства в торговлю, а потом и в промышленность. Это превращение бывших земледельцев в ростовщиков, торговцев и скупщиков затушевывал процесс дифференциации деревни, так как при земледельческом хозяйстве, в особенности при общинном быте, оставались рядовые земледельцы, у которых не происходило процесса накопления: все, что накоплялось, уходило от земледелия.

Это, с одной стороны, создавало народнические иллюзии устойчивости мелкого крестьянского хозяйства, с другой стороны, служило причиной застоя сельского крестьянского хозяйства.

Ведь для того, чтобы сельское хозяйство развивалось, необходимо увеличение орудий и средств производства, затрачиваемых в *сельское хозяйство*. Между тем, поскольку происходил процесс накопления, он отливал в торговлю, наемный труд в сельском хозяйстве, для его расширения, применялся меньше, чем в многоземельных районах, где возможность расширения запашек делала более выгодным применение наемного труда.

В реже населенных многоземельных сельскохозяйственных районах процесс накопления и развития производительных сил и дифференциации мелких хозяйств происходит в иных формах.

Накопление в отдельных мелких хозяйствах сопровождалось расширением запашек и посевов, количество скота увеличивалось и разбогатевший крестьянин увеличивал сельскохозяйственный инвентарь, все больше и больше использовывая наемный труд. Земледельческое хозяйство принимало капиталистический характер. Если в многоземельном районе накопление происходило во всех или в большинстве

земледельческих хозяйств, то нанимались рабочие из других малоземельных районов. Так, земледельцы Кубанской области в огромных размерах пользовались трудом наемных рабочих, приходивших из центральных земледельческих губерний. Таким образом, и здесь также создавалась фикция отсутствия расслоения и дифференциации крестьянства, что очень радовало народников, ибо расслоение происходило между районами. В Благовещенском уезде, Амурской области, в некоторых волостях средний посев достигал 50 десятин, а в некоторых деревнях до ста десятин на двор. Повидимому, это является признаком отсутствия расслоения крестьянства. Но эти огромные посевы происходили при эксплоатации пришлых наемных рабочих и вовсе не служат признаком победы мелкого хозяйства над крупным.

Таким образом, при частнокапиталистическом хозяйстве процесс накопления капитала и развития производительных сил в мелком крестьянском хозяйстве вел к капитализации одних предприятий и пролетаризации других.

При таких условиях рассчитывать на то, что кооперация может остановить этот процесс и победить капиталистические тенденции развития хозяйства, было безнадежной утопией. Марксисты, поэтому, относились скептически к кооперативному строительству в условиях капиталистического строя, хотя и признавали его пользу и значение.

3.

Совершенно иные отношения складываются в России при современных условиях, при отсутствии господства крупного частного капитала и крупного землевладения.

Экономические законы, разумеется, не исчезают от того, что исчезла старая власть землевладельцев и капиталистов. Но под влиянием тех же экономических законов, на которые мы указывали, хозяйственные процессы и, в частности, процессы распределения народнохозяйственного дохода могут принять другое направление.

Процесс накопления, являющийся необходимым условием для развития производительных сил, может происходить не только в виде частнохозяйственного, но и в виде общественного накопления. Задача экономической политики советской общественности заключается в том, чтобы содействовать направлению процесса накопления в значительной его части в русло общественного накопления.

Разумеется, для того, чтобы производительные силы в сельском хозяйстве развивались, необходимо накопление орудий и средств производства в мелких крестьянских хозяйствах. Но, как мы заметили, накопляющийся капитал может пойти или на увеличение производительности труда членов трудового земледельческого хозяйства, или на эксплоатацию соседних хозяйств и наемного труда.

В плотно населенных земледельческих районах при капитализме накопляющийся капитал идет не столько в сельское хозяйство, сколько в торговую эксплоатацию других земледельческих хозяйств.

Поэтому при медленном развитии сельского хозяйства, вследствие ничтожного увеличения затрат в сельское хозяйство, происходит развитие торгово-кулацких предприятий и рост торгового капитала.

Экономическая политика Советской власти может изменить направление накопляющегося капитала по такому пути: содействие потребительской и сельскохозяйственной кооперации сделает невыгодным направление мелкого частного капитала в сторону торговли и скупки сырья, а кредитная кооперация может с успехом бороться с ростовщичеством, которое в экономической политике также не найдет поддержки. Поскольку кооперативная форма общественного капитала будет с успехом заменять частный торговый капитал, поскольку кооперация будет с успехом накоплять общественный капитал и, таким образом, усиливаться, постольку частный капитал, накопляющийся в руках мелких предпринимателей, встречая на своем пути поставленную в более благоприятные условия кооперацию, вынужден будет затрачиваться на увеличение производительности своего собственного земледельческого хозяйства, а не на эксплоатацию соседних мелких хозяйств. При этих условиях накопление, служившее средством эксплотации мелких хозяйств и, таким образом, понижавшее их производительность, сделается орудием экономического прогресса тех хозяйств, которые накопляют у себя орудия и средства производства. Конечно, было бы очень вредно стремиться экономически уравнять все земледельческие хозяйства, препятствуя накоплению средств производства в отдельных хозяйствах и повышению в них производительности труда: это повело бы к равенству нищеты. Задача экономической политики заключается в том, чтобы повысить производительность мелких хозяйств, а это повышение происходит в отдельных хозяйствах.

Поскольку экономическая политика содействует повышению производительности труда в трудовых хозяйствах и поскольку она мешает процессу накопления за счет разорения других хозяйств, постольку она и содействует развитию их производительных сил.

Вытеснение кооперацией торгового и ростовщического капитала из деревни и является средством устранения дифференциации крестьянства на почве эксплоатации одних хозяйств другими, более мощными.

Это возможно только при значительных размерах кооперативного капитала и при интенсивном его накоплении.

Пока кооперация потребительная, сельскохозяйственная и кредитная располагают средствами, достаточными только для того, чтобы удовлетворить 50% потребности деревни в товарах, в кредите и в сбыте, постольку, очевидно, остальные 50% ее потребностей будут обслуживаться частным капиталом: процесс накопления в частных хозяйствах будет в известной части итти по пути эксплоатации других мелких хозяйств. Пока процесс накопления частных хозяйств будет происходить интенсивнее, чем накопление в кооперации, ее задача освобождения мелких хозяйств от эксплоатации торгового и ростовщического капитала не будет разрешена.

В редко населенных районах, при тех затруднениях, которые встречает наемный сельскохозяйственный труд, расширение запашек возможно, главным образом, путем применения сельскохозяйственных орудий и машин. В этих районах расширение запашек возможно

в значительных размерах и очень выгодно. При сокращении наемного труда затраты накопляющегося капитала на орудия и средства производства дадут сильный толчок развитию производительных сил в сельском хозяйстве без усиления эксплоатации одних хозяйств другими. Поэтому и в этих районах при современных условиях возможно развитие сельского хозяйства без усиления дифференциации крестьянства, если кооперации удастся взять в свои руки товарообмен между городом и деревней.

4.

Но задачи кооперации сводятся не только к вытеснению частнохозяйственного капитала из области обмена и кредита.

Мы видим, что это вытеснение косвенным образом ведет к развитию производительных сил сельского хозяйства, поскольку оно сопровождается накоплением в мелких сельскохозяйственных предприятиях средств и орудий производства. Но кооперация еще должна ставить задачи непосредственного воздействия на сельскохозяйственную продукцию путем рационализации и интенсификации сельского хозяйства.

Дополнительные затраты труда и средств производства могут быть выгодны только при наиболее рациональном их использовании.

Недостаточно того, чтобы мелкое сельскохозяйственное предприятие накопляло. Оно может накоплять лишь при условии, что мелкий собственник имеет *возможность* и сумеет рационально использовать сделанные им затраты. Эти возможности и знания и может дать сельскохозяйственная кооперация.

Для того, чтобы улучшить породу скота, крестьянину нужны не только некоторые дополнительные средства на это, но необходимо иметь возможность получить производителя, нужно знать, как обходиться с другой породой скота и т. д.

Чтобы изменить систему полеводства и улучшить его, нужно иметь возможность получить семена и т. д. и т. д. Только при этих условиях накопляющиеся в мелких хозяйствах средства получат выгодное для них производительное назначение и не будут стремиться уйти из сельского хозяйства в торговлю, или затрачиваться непроизводительно на личные потребности в виде водки и пр.

Таким образом, задачей кооперации является не только содействие накоплению средств производства в мелких хозяйствах, не только накопление кооперативного капитала для дальнейшего своего развития и устранения эксплоатации мелкого хозяйства частным капиталом, но и содействие рационализации крестьянского хозяйства. Все эти три задачи находятся в тесной связи друг с другом, потому что развитие кооперации происходит на фоне развития крестьянского хозяйства, увеличения товарности его производства и увеличения его доходности.

В свою очередь, увеличение товарности мелких хозяйств и их продуктивности возможно лишь при рационализации и повышении доходности тех затрат, которые делаются в этих хозяйствах для увеличения и улучшения их продукции. Иногда только отсутствие

сбыта или неналаженность его так понижает доходность той или другой отрасли хозяйства, что производство данного продукта сокращается, хотя при нормальных условиях оно могло быть очень выгодно. Резкий упадок цен на свинину истекшей зимой, не оправдывающий прокорма свиней, при наличности огромного заграничного рынка, резкий упадок цен на кукурузу в юго-восточном районе в предшествовавшем сезоне являются достаточно яркими примерами того, что тенденции к увеличению производства того или другого продукта, по существу очень выгодного и ведущего к рационализации хозяйства, могут парализоваться неналаженностью торгового аппарата или недостаточностью средств, необходимых для рациональной организации сбыта.

5.

Из организационных задач перед потребительской и сельскохозяйственной кооперацией на первой очереди стоят три довольно крупных задачи:

1) Найти наилучшие пути движения товаров.

2) Найти наилучшие формы и размеры кооперативных организаций.

3) Найти правильное назначение имеющихся и накопляющихся кооперативных капиталов в обращении и развитии движения различных товаров.

Решение каждой из этих задач является трудным, но необходимым и осуществимым. Мы лишь вкратце их формулируем.

Одним из главных накладных расходов, тяжело падающих на рыночную стоимость продуктов, в особенности сельскохозяйственных, является стоимость перевозки и перегрузки товаров. Для кооперации, в ее стремлении вытеснить частную торговлю и дать по возможности большие цены товаропроизводителям, необходимо провозить товары из одного района в другой и за границу наиболее дешевыми и кратчайшими путями с наименьшей перегрузкой. Нерациональное движение товаров, продвижение их не в надлежащем направлении с излишними перегрузками является непроизводительным расходом, который устраним при изучении оптимальных путей их движения.

Наилучшие формы и размеры кооперативных организаций являются необходимыми для более успешного развития кооперации. В мелких кредитных и сельскохозяйственных организациях расходы этих организаций так тяжело ложатся на их незначительные обороты, что вместо развития такие организации начинают хиреть и гибнуть.

Очевидно, уплотнение сети первичных кооперативов может происходить лишь при соответственном росте хозяйственных оборотов данной формы кооперативного движения: слишком густая кооперативная сеть делается убыточной, а слишком редкая—может задерживать дальнейшее развитие кооперативного движения. Погоня за учредительством мелких кооперативных организаций, так же, как и застой в развитии организаций одинаково могут задерживать дальнейшее развитие кооперативного движения.

Наконец, правильное распределение имеющихся и накопляющихся капиталов имеет важное значение и для кооперации и для мелкого крестьянского хозяйства.

Мы уже приводили пример обесценения свинины и кукурузы вследствие отсутствия организации сбыта этих продуктов за границу. Кооперация, как и частный капитал часто затрачивает свои средства, руководствуясь не только конъюнктурой рынка, но и большей или меньшей легкостью или простотой производимых хозяйственных операций. Наладить сбыт мяса за границу довольно трудное дело, и тем не менее, считаясь с потребностью крестьянского хозяйства в сбыте мясных продуктов и с необходимостью более интенсивного развития скотоводства, необходимо известную долю кооперативных средств затратить на удовлетворение этой не только частнохозяйственной, но и народнохозяйственной потребности. Только при этом условии может происходить развитие и рационализация сельского хозяйства и связанной с ним кооперации. Все затраты на развитие той или другой отрасли с.-хозяйственной промышленности не достигнут цели, если одновременно с этим не будет налажен и сбыт ее продуктов.

Мы привели ряд иллюстраций, показывая различные потребности сельского хозяйства, которые должна удовлетворить кооперация. Все стороны экономической жизни страны и самой кооперации упираются в одно, в необходимость накопления кооперативного капитала, которое и даст возможность расширения деятельности кооперации и замены ею частного капитала.

Чем с большим фондом начинает она развивать свою деятельность, тем большего размаха может достигнуть ее деятельность, тем интенсивнее может происходить процесс накопления.

Данные последнего времени говорят за то, что со стороны государственной власти кооперации будет в ближайшее время оказано финансовое содействие. Задачей кооперации является использование этих средств с максимальными для ее развития результатами.

ПРИЛОЖЕНИЕ
(к главе XV).

Таблица I.

Губернии с ценой крестьян выше 20% цены земли.	Засел. земли.	Незасел. земли.	Разница в руб-лях.	Разница в %.
Тверская	19,41	15,05	4,4	29
Ярославская	22,38	15,05	7,3	48
Костромская	13,20	8,66	4,5	52
Нижегородская	27	20,01	7,0	35
Владимирская	19,76	13,86	5,9	43
Московская	33,21	25,77	7,4	29
Смоленская	15,66	12,12	3,4	28
Калужская	24,56	17,77	6,8	38
С.-Петербургская	20,30	14,71	5,59	27
Псковская	13,14	9,46	3,68	28
Витебская	14,50	11,35	3,15	22
Харьковская	25,95	16,59	9,36	32
Киевская	37,69	24,49	13,20	35
Волынская	23,20	13,57	9,63	41
Екатеринославская	17,96	13,70	4,26	24
Казанская	19,41	15,33	4,08	21
Самарская	15,58	8,96	6,62	42
Оренбургская	9,08	5,56	3,52	38

Губернии с ценой крестьян 20% и ниже цены земли.	Засел. земли.	Незасел. земли.	Разница в руб-лях.	Разница в %.
Новгородская	8,26	7,16	1,10	13
Ковенская	28,6	22,95	5,11	18
Виленская	16,57	13,50	3,07	18
Гродненская	21,12	20,83	0,29	1
Минская	12,59	11,50	1,09	8
Могилевская	10,99	9,55	1,44	13
Черниговская	18,52	17,91	0,61	3
Полтавская	25,34	20,94	4,40	14
Подольская	35,92	34,69	1,23	3
Херсонская	17,91	14,69	3,22	18
Симбирская	25,36	21,52	3,84	15

Пензенская	27,67	23,27	4,40	16
Саратовская	19,71	15,86	3,85	19
Орловская	31,64	28,19	3,5	12
Тульская	35,34	31,70	3,6	11
Рязанская	32,18	28,78	3,4	12
Тамбовская	28,03	23,44	4,6	20
Воронежская	27,82	26,29	1,5	6
Курская	29,27	27,73	1,5	5

Таблица II.

Губернии с заработной платой от 56 руб. и выше.	Заработн. плата.	Урожай.	Цены на землю в 1889 г.
С.-Петербургская	87	40,5	37
Новгородская	75	34,6	26
Тверская	61	32,7	44
Псковская	58	33,6	70
Калужская	57	25,7	49
Московская	75	30,5	41
Владимирская	75	29,3	59
Ярославская	75	42,5	33
Костромская	75	30,9	30
Нижегородская	57	34,9	63
Симбирская	56	40,3	76
Самарская	65	33,7	32
Саратовская	66	36,4	59
Воронежская	57	37,3	93
Харьковская	63	33,4	104
Полтавская	60	35,2	106
Область Войска Донского	90	25	55
Екатеринославская	84	24,8	86
Таврическая	104	24,9	76
Херсонская	80	24,7	94
Бессарабская	85	41,6	105
Курляндская	90	51,4	81
Лифляндская	80	56,5	95
Эстляндская	75	56,5	77
	73 р.	35,95	66,30

Губернии с заработной платой ниже 56 рублей.	Заработн. плата.	Урожай.	Цены на землю в 1889 г.
Смоленская	46	32	39
Вятская	50	29,4	—
Казанская	48	33,2	72
Уфимская	50	34,3	36
Оренбургская	54	35,9	—
Черниговская	50	27,9	87
Пензенская	52	38,7	77
Тамбовская	54	45,5	93

Рязанская	51	40,3	100
Тульская	51	36,3	95
Орловская	49	37,8	91
Курская	55	40,8	124
Подольская	44	38,1	125
Киевская	51	48,2	154
Волынская	36	37,1	80
Гродненская	37	26,2	58
Минская	45	22,9	38
Могилевская	47	26,7	28
Витебская	50	28,2	47
Виленская	45	22,8	50
Ковенская	50	38,1	65
	47,40	34,05	76,70

Таблица III.

	Заработн. плата в конце 50-х гг.	Зараб. плата в 70-х гг.		Заработн. плата в 80-х годах.	Повыш. зар. платы.		Повыш. хлебных цен в %.	Повыш. реальной зар. платы в %.
		По отчетам банка.	По показан. землевлад.		В рублях.	В процентах.		
1) Северо-Западные:								
С.-Петербургская	—	62	—	87	25	40	5	35
Новгородская	32	48	56	75	21	36	7	29
Псковская	—	36	40	58	20	50	—15	65
Эстляндская	—	—	43	75	30	60	3	+59
Лифляндская	—	—	50	80	32	74	1	71
Курляндская	—	—	52	90	48	92	—5	67
2) Промышленные:								
Московская	45	60½	67	75	14	20	13	7
Тверская	40	42½	58	61	11	19	9	10
Владимирская	38	60	64	75	13	20	15	5
Ярославская	36	45	65	75	20	30	9	21
Смоленская	—	41	41	46	5	12	—	12
Калужская	—	35½	42	57	18	43	7	36
Нижегородская	—	36	54	57	13	29	19	10
Костромская	—	55	58	75	18	31	17½	13½
3) Восточные:								
Казанская	—	42	—	48	6	14	15	— 1
Уфимская	—	33	—	50	17	51	38	14
Самарская	20	59	75	65	— 2	— 3	47	—50
Оренбургская	—	45	—	54	9	20	—	—
Астраханская	—	65	—	87	22	33½	—	—

4) Восточные и центральные черноземные:								
Симбирская	—	40	41	56	15	36	15	21
Пензенская	—	46	45	52	6	15	19	— 4
Саратовская	—	52½	55	66	12	22	42	—21
Рязанская	—	42	48	51	6	12½	39	—26½
Тамбовская	—	47½	50	54	5	10	28	—18
Тульская	—	42,6	50	51	4	8	11	— 3
Орловская	—	43	45	49	5	11	19	— 8
Курская	—	40	49	55	10	20	23	— 3
Воронежская	—	43,5	60	57	5	8	23	—15
5) Юго-Западные:								
Киевская	—	53	—	51	— 2	— 3	43	—46
Черниговская	—	34,6	45	50	10	22	17	5
Подольская	—	52	—	44	— 8	—15	37	—52
Волынская	—	44	—	36	—14	—31½	35	—66½
Полтавская	—	43,5	51	60	12	23½	12½	11
Харьковская	—	51,5	55	63	9	16	31	—15
6) Южные:								
Херсонская	—	46	60	80	27	45	53	— 8
Таврическая	—	75	81	104	26	32	28	4
Екатеринославская	—	63	73	84	16	21½	22	—½
Область Войска Донского	—	63	—	90	27	43	12	31
Бессарабская	—	42	65	85	31	58½	30	28½
7) Западные:								
Ковенская	—	35	40	40	2	5	— 6	11
Виленская	—	32,5	35	45	11	31	11	20
Гродненская	—	28	30	37	8	28	31	— 4
Витебская	—	37,5	45	50	8	17½	—8	25½
Минская	—	30	35	45	12	34	22	12
Могилевская	—	30	26	47	19	73	—3	76

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Крестьянское хозяйство и сельскохозяйственные рабочие в России.